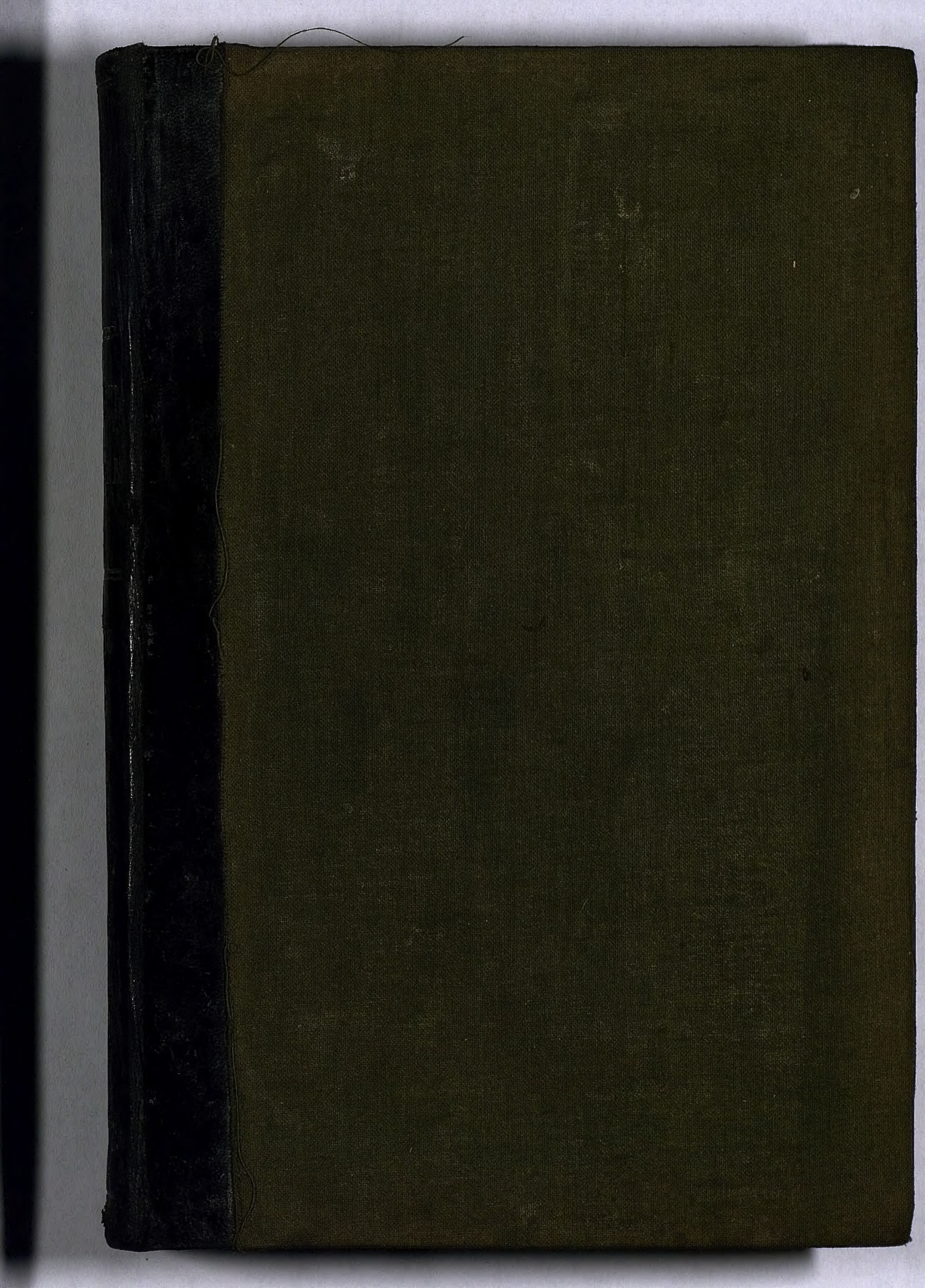

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1913 г.

(Сорокъ-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА** и **Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО**,

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА - КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи, если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній, уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ".

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.—СЕНТЯБРЬ.

СТРАН.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: К. К. Арсеньева — по субботамъ отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

НАТАЛЬЯ АЛЕКСѢЕВНА.

I.

— Вы куда, Дмитрій Петровичъ? Къ намъ?

Глаза Опалова заискрились радостнымъ оживленіемъ, въ лицѣ появилась какая-то особенная, восторженная готовность на все... Такъ бывало съ нимъ каждый разъ, когда случалось неожиданно встрѣтить Ходынцеву.

— Наталья Алексѣевна!?

Онъ стоялъ передъ нею, пріятно ошеломленный. Со стороны можно было подумать, что Опаловъ столкнулся внезапно съ близкимъ человѣкомъ послѣ долгой разлуки, а между тѣмъ онъ только три дня назадъ видѣлся съ Ходынцевой.

— Да, я подумывалъ... Мнѣ хотѣлось показать вамъ... Васъ интересовало собраніе гравюръ?.. Вотъ я, наконецъ, раздобылъ...

Онъ протянулъ ей большую папку, бережно обернутую въ газеты. Его круглое, моложавое лицо, маленькая каштановая бородка, ясные, серьезные глаза, подернутые мечтательной задумчивостью, вся его стройная, какъ у юноши, фигура, выражали нѣжную почтительность и какую-то напряженную участливость...

— Большое вамъ спасибо. Только мнѣ некогда сейчасъ: въ больницу спѣшу.

— Какъ «въ больницу»? Зачѣмъ?

— Ахъ, вѣдь вы еще не знаете... Я Васю отвезла.. Представьте: мнѣ все кажется, что это Богъ вѣсть, какъ давно случилось, что ужъ всѣ слышали объ этомъ; а вѣдь я только третьяго дня... Откуда жъ вамъ въ самомъ дѣлѣ знать?

И она все повторяла съ разсѣянной озабоченностью, какъ будто именно въ этомъ заключалась главная сторона дѣла:

— Конечно, никто еще не знаетъ... И почему мнѣ пришло въ голову, что вамъ ужъ извѣстно?.. Въ гимназію я не давала еще знать... Вѣдь позавчера только...

— Да что такое? Василій Николаевичъ — въ больницѣ? Такъ скоро? Я еще въ четвергъ видѣлъ его мелькомъ въ учительской. Онъ жаловался на боль въ животѣ, но въ общемъ... Кто бы могъ подумать?.. Что, именно, съ нимъ?

Ходынцева собралась отвѣчать, но подъѣхалъ трамвай, и она вскочила, даже не выждавъ остановки.

— И я съ вами! сказалъ Опаловъ, машинально вскакивая за нею. Наталья Алексѣевна поспѣшила занять единственное свободное мѣсто въ вагонѣ, а Опаловъ остался на площадкѣ. Его удивляло: какъ она не подойдетъ къ нему, не объяснитъ, что такое произошло? Раза два она оглянулась на него, и взглядъ показался ему странно отчужденнымъ, почти непріязненнымъ.—«Можетъ быть, она недовольна, что я ѣду съ ней?»

Мысль, что они съ мужемъ — свои люди, а онъ среди нихъ—посторонній, больно оцарапала его.—«Пока у нихъ въ семьѣ было благополучно, я занималъ ее, какъ интересный собесѣдникъ, а заболѣлъ мужъ,—и вотъ ей ни до чего на свѣтѣ»...

Впрочемъ, Опаловъ тутъ же вспомнилъ о своей несчастной способности видѣть то, чего нѣтъ, и не замѣчать того, что есть.

— «Глупѣйшая манера—находить во всякой мелочи что-то фатальное!»

Онъ смотрѣлъ на ея профиль, казавшійся суровымъ, и думалъ, что Наталья Алексѣевна никогда не любила выставлять напоказъ своихъ огорченій.—«Недотрога! Никого не пускаетъ въ душу... Оба съ мужемъ привыкли держать себя въ рукахъ... даже слишкомъ»...

Они проѣхали заставу и вышли.

Послѣдніе дни валилъ снѣгъ,—всюду лежали сугробы, о которыхъ забываешь въ городѣ.

— Боже мой, а вы въ мелкихъ калошахъ!

— Ничего. Тутъ есть тропинка.

Наталья Алексѣевна взглянула инстинктивно себѣ на ноги: не черезъ-чуръ-ли высоко подобрала платье?—и почти побѣжала маленькими шажками по узкой тропѣ, которую успѣли съ утра протоптать немногочисленные пѣшеходы. Дорожка вела къ больницѣ, виднѣвшейся по ту сторону обширнаго поля. Опа-

ловъ мысленно сравнилъ эту тропку съ огромнымъ желтоватымъ червякомъ, ползущимъ въ больничныя ворота...

— «Какое холодное, неуютное слово: «боль-ни-ца»! — думалъ онъ, съ трудомъ поспѣвая въ своихъ высокихъ ботикахъ за Ходынцевой.

Дмитрій Петровичъ уже раскаивался, что поѣхалъ: только что настроился на хорошій разговоръ о живописи—и вдругъ... Во времена студенчества онъ единственный разъ въ жизни навѣстилъ въ больницѣ товарища и вынесъ отвратительное впечатлѣніе: запахъ лѣкарствъ, особенно — іодоформа... халаты... койки... инструменты... «Брр!».

Но тутъ онъ вспомнилъ, что Василій Николаевичъ — его товарищъ: ужъ одно это обязываетъ... Да и Наталья Алексѣевна...

Въ ея тонкой, какъ у подростка, спинѣ, за которой онъ покорно слѣдовалъ, въ небрежномъ жгутѣ русыхъ волосъ, выбившемся изъ-подъ старенькой мѣховой шапки, въ легкомысленной кофтѣ, которую надѣла Ходынцева, несмотря на пронизывающую сырость, Опалову чудилось что-то не шуточное, и онъ все твердилъ про себя безсознательно:—«Ну, конечно, теперь не до того... Только бы она не простудилась»...

— Барышня, взяли бы извощика!

— Поѣдемте, въ самомъ дѣлѣ, Наталья Алексѣевна, а то вы ноги промочите.

Ходынцева, точно не слыша, все ускоряла шагъ.

— «Барышня»! Ее до сихъ поръ зовутъ «барышней»,— думалъ Опаловъ съ чувствомъ, похожимъ на умиленіе.—Да вѣдь и вправду: въ ней нѣтъ ничего такого... положительнаго, какъ у настоящихъ дамъ, ничего увѣсистаго, отстоявшагося. Она—вся еще въ будущемъ, точно какая-нибудь новоиспеченная курсистка; все въ ней — стремленіе, порывъ, движеніе... Замужемъ, имѣетъ ребенка, а нисколько не опустилась. Та же свѣжесть мысли, чувства... Какъ будто только что начинаетъ сознательную жизнь... И замѣчательно: на нее, какъ на ребенка, что ни надѣнь, все выходитъ какъ-то мило. Да, да, все та же: прежняя»...

Съ поразительной живостью вставало недавнее прошлое, когда эту «барышню» обожало втайнѣ столько хорошей, чистой молодежи, для которой Наталья Алексѣевна была постояннымъ центромъ притяженія. Въ то время Опалову довольно было услышать слова: «Наталья Алексѣевна», какъ все сладко вздрагивало въ немъ отъ мысли, что существуетъ не въ воображеніи,

а въ дѣйствительности, тутъ, недалеко отъ него, такое необыкновенное, идеальное существо...

— У Васи что-то опасное. Съ четверга чувствовалъ недомоганіе, а ночью вдругъ проснулся отъ страшныхъ болей... Доктора сказали: необходимо операцію и какъ можно скорѣй...

Произнесла это рѣзко, нетерпѣливо, словно упрекая Опалова, а онъ, завороженный воспоминаніями, позабывавшій обо всемъ на свѣтѣ, безсознательно повторялъ за нею:— «Опасное?.. Боли?.. Операція?».

Потомъ вдругъ ахнулъ:

— Что вы дѣлаете! Стоите по колѣни въ снѣгу.

Взялъ ее подъ руку и повелъ по извилистой тропкѣ, самъ увязая въ сугробѣ. Шелъ и вспоминалъ про себя, какъ прогуливались они когда-то съ Натальей Алексѣевной по этому же полю.

Девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а было, точно вчера. На дворѣ стоялъ теплый, душистый май, солнце грѣло по лѣтнему, заливались жаворонки, и такъ восхитительно свѣтло, радостно смотрѣли они оба на природу, на жизнь. Она—курсистка, онъ—только что кончившій студентъ. Что можетъ быть милѣе, поэтичнѣе этихъ загородныхъ прогулокъ вдвоемъ, когда обоихъ переполняетъ жизнь, страстная любовь къ ней, страстный интересъ къ природѣ, искусству, наукѣ, когда разговоръ бурлитъ и пѣнится, какъ весенній ручей, а душу непомѣрно волнуютъ чудесныя мечты, надежды, мучительно-сладкіе порывы? Какую близость ощущали они тогда другъ къ другу и ко всему живому! Какъ многозначительно и волнующе-интересно было для него все, касавшееся Натальи Алексѣевны, а для нея—все, касавшееся Дмитрія Петровича! Послѣ каждой такой прогулки онъ долго-долго обдумывалъ всякое ея слово, жестъ, улыбку... Зачѣмъ такъ скоро миновалъ этотъ праздникъ жизни?—«Теперь вотъ—сугробы, мозглая сырость, уныніе, больница. И во мнѣ самомъ поблекла радость жизни: вмѣсто нея, какая-то вѣчная тревога, ноющее неудовлетвореніе.. Самъ не знаю, чего жду, чего хочу. Вообще, скверно».

И онъ задавалъ себѣ вопросъ, который такъ часто щипалъ его за сердце:—«хорошо ли я сдѣлалъ, что отказался отъ счастья съ нею»? Вѣдь ему казалось тогда, что всякій бракъ ведетъ неминуемо къ пошлости, мѣщанству: оба растолстѣютъ, загрубѣютъ, и благоуханный цвѣтъ жизни превратится въ плодъ,—быть можетъ, полезный, питательный, но непремѣнно прозаическій; хотѣлось жить красивыми мыслями, чувствами, грезами,

прекрасными возможностями, рисовавшимися воображенію... И онъ, засматривая сбоку на лицо спутницы, такое нѣжное, тонкое, одухотворенное, овалъ котораго и теперь оставался все такимъ же дѣвически-изящнымъ, вздыхалъ, грустя объ утраченномъ..

— Вотъ и больница! сказала Наталья Алексѣевна измѣнившимся голосомъ..

II.

Ихъ сразу обдало тѣмъ специфическимъ запахомъ лѣчебницы, что врѣзывается въ память на всю жизнь: какъ будто насквозь пропиталъ тебя. Отъ него въ душѣ Опалова мгновенно замутилось, точно онъ хлебнулъ сильно дѣйствующаго дурмана. Почувствовалъ себя, какъ безоружный въ непріятельскомъ лагерѣ, и ждалъ, что будетъ дѣлать Ходынцева.

Наталья Алексѣевна, казалось, не замѣчала ни запаха, ни посѣтителей, топтавшихся съ тревожными лицами въ прихожей, ни висящихъ на вѣшалкѣ бѣлыхъ халатовъ, которые представлялись Опалову саванами. Отдавъ сторожу кофту и спѣшно надѣвъ халатъ, она пошла по безконечному звонкому коридору, мимо громадныхъ оконъ и бѣлыхъ раскрытыхъ дверей.

Опаловъ послѣдовалъ за нею, сознавая, что сейчасъ способенъ только рабски подражать каждому ея движенію. Шелъ и заглядывалъ нерѣшительно въ растворенныя настежь двери палатъ, ожидая увидѣть тамъ изможденное лицо Ходынцева и боясь этого.

На изломѣ коридора, возлѣ двери, гдѣ значилось на дощечкѣ: *кабинетъ врача*, стояла группа людей, окруживъ высокаго, понураго господина въ парусинномъ халатѣ и бѣломъ фартукѣ.

— Это главный врачъ. Надо спросить у него.

Опаловъ замѣтилъ, какъ поблѣднѣла Наталья Алексѣевна, говоря это, и почувствовалъ, по особому ощущенію, какъ бы стягивающему кожу, что онъ тоже блѣднѣетъ..

Главный врачъ, съ ненормально длинной, опущенной головой и нижней губой, чрезвычайно толстой и отвислой, былъ въ такомъ видѣ очень похожъ на старую-престарую, бѣлую лошадь, усталую и смирную; но Опалову онъ показался умышленно-неприступнымъ и надменнымъ.

— Только вчера сдѣлали операцію.. Кажется, въ общемъ благополучно,—говорилъ врачъ соннымъ голосомъ.

— Ну, какъ же онъ теперь? Въ какомъ положеніи?. Что вы нашли у мужа?

— Да аппендицитъ, какъ и предполагали.. Констатированъ гнойный процессъ.. Вы у Егора Егоровича спросите: вѣдь онъ производилъ операцію.

— А гдѣ сейчасъ Егоръ Егоровичъ?

— Долженъ быть наверху..

Наталья Алексѣевна бросилась наверхъ. Опаловъ, путаясь въ халатѣ, слишкомъ длинномъ и просторномъ для него, бѣжалъ за ней съ сильно бьющимся сердцемъ..

Снова гулкій, вылощенный коридоръ и бѣлыя раскрытыя двери палатъ, гдѣ виднѣлись на койкахъ и около коекъ тихія фигуры въ желтыхъ халатахъ. Вотъ *операціонная* съ какимъ-то диковиннымъ кресломъ по срединѣ, зловѣщимъ и таинственнымъ, какъ незнакомое орудіе пытки; вотъ *перевязочная*, откуда глянули на Опалова колоссальныя бутылки съ жидкостями, также не предвѣщавшими ничего добраго. Тамъ и сямъ, въ закоулкахъ коридора и возлѣ стѣнъ, виднѣлись носилки, постели-кресла на колесахъ и еще какія-то загадочныя вещи. Изъ неплотно прикрытыхъ стѣнныхъ шкапчиковъ выглядывали кой-гдѣ инструменты и стклянки.

— Скажите, пожалуйста, сестра: гдѣ я могу найти Руброва?

Передъ Ходынцевой стояла миловидная блондинка, съ пріятной улыбкой на румяныхъ губахъ. На свѣжихъ, пухлыхъ щекахъ и подбородкѣ, кругленькомъ, гладкомъ, играли уютныя ямочки. Голубые блестящіе глаза и все лицо, озаренное непонятнымъ оживленіемъ, какъ бы говорили:—«Ничего, ничего. Все идетъ, какъ нельзя лучше».

Опаловъ съ недоумѣніемъ разглядывалъ ее:—«Почему ей такъ весело? И можетъ ли быть здѣсь кому-нибудь весело»?.

— Егоръ Егорычъ сейчасъ—въ 29-ой.. у вашего супруга. Да вонъ онъ выходитъ.

Къ Натальѣ Алексѣевнѣ приближался развалистой походкой, въ халатѣ и фартукѣ, коренастый господинъ средняго роста. Еще издали крикнулъ басомъ, раскатившимся по коридору:

— Рѣзали, рѣзали! Откромсали тлетворный аппендиксъ! Можете полюбоваться, ежели хотите: тамъ, въ банкѣ, сохраняется.

Опалова коробили этотъ басъ, размашистыя движенія, фамильярный тонъ. Онъ поспѣшилъ отойти къ подоконнику, возлѣ котораго сестра разговаривала съ блѣднымъ мальчикомъ, похожимъ на прекрасно сдѣланную восковую фигуру. Мальчикъ, приставивъ къ стѣнѣ свои костыли и усѣвшись на широкій подоконникъ, слюнявилъ аляповато раскрашенныя картинки, приклеивалъ къ стекламъ и, видимо, любовался..

— Это у насъ Мишутка, — пояснила словоохотливая сестра. — Родныхъ нѣтъ, некуда дѣваться,—вотъ и проживаетъ здѣсь. У него туберкулезъ въ ногахъ.

— Такъ онъ и будетъ жить въ больницѣ?

— Да много ли ему осталось? Вѣкъ его—коротенькій..

У Мишутки была такая тоненькая шея, что, казалось, голова едва-едва держится на ней, готовая оторваться при первомъ неосторожномъ движеніи. Эта шея больше всего растрогала Опалова.

— Который тебѣ годъ, Миша?

— Семой.

— Ну, какъ ты здѣсь? Какъ поживаешь?

— Слава Богу.

— Не скучно въ больницѣ?

— У меня картинки... Вона какія! И лошадка есть. Я катаю ее... И пузырьки есть: тетя дала... Штуковъ пять пузырьковъ-то, а то и болѣ..,

Бесѣдуя то съ мальчикомъ, то съ сестрой, Опаловъ ловилъ на лету октаву доктора:

— Положеніе довольно серьезное... Все дѣло—въ самомъ организмѣ... Кишка у вашего благовѣрнаго слаба... Перистальтики нѣтъ... Прогнозъ?.. Ну, это, сударыня моя... Аллахъ вѣдаетъ...

— Марья Асафовна, проведите посѣтителей къ больному! громогласно сказалъ Рубровъ и, взявъ Наталью Алексѣевну за локоть, подвелъ къ сестрѣ. — Только, чуръ, не давайте ему очень-то растабарывать. Да чтобы пластомъ лежалъ, не дергался... Слышите?

Сестра, заглянувъ предварительно въ палату, ввела туда посѣтителей съ видомъ радушной хозяйки, которая, убѣдившись, что все готово, торопится предложить гостямъ угощеніе...

Въ небольшой палатѣ, на одной изъ четырехъ коекъ, прямо противъ двери, лежалъ Василій Николаевичъ. Лежалъ на спинѣ, глядя въ потолокъ, и тихо, жалобно стоналъ. Опалова поразилъ

прежде всего его страшно вздутый животъ, уродливо возвышавшійся надъ срединой койки...

— Только что перевязку дѣлали, — пояснила сестра: наложили пузырь со льдомъ.

Наталья Алексѣевна, присѣвъ на низенькій табуретъ, держала костлявую руку мужа и тихонько поглаживала... Замѣтивъ товарища, больной вынулъ изъ-подъ одѣяла другую руку и протянулъ. Опаловъ подержалъ въ своей, боясь пожать, и осторожно выпустилъ. Дрожь пробѣжала у него по тѣлу отъ прикосновенія этой безжизненной руки, безсильно упавшей затѣмъ на койку...

Съ лица Василій Николаевичъ мало измѣнился: оно вѣдь и всегда было у него худое, хмурое, землистаго цвѣта и въ преждевременныхъ морщинахъ; и всегда въ этомъ умномъ, пронизанномъ напряженной мыслью лицѣ виднѣлось что-то страдальческое. Болѣзнь только наложила на него какой-то новый, неуловимый штрихъ, дѣлавшій его до жути чуждымъ всему и всѣмъ...

При видѣ своихъ, Ходынцевъ не выразилъ ни радости, ни оживленія и продолжалъ лежать недвижно, какъ трупъ. Опаловъ, никогда не имѣвшій дѣла съ тяжко больными, былъ изумленъ до ужаса...

— Перевязки теперь очень мучительны, — опять пояснила сестра. — Василій Николаевичъ чувствуетъ себя усталымъ.

Больной произнесъ что-то глухо и невнятно; Опалову показалось, что онъ, просто, стонетъ. Наталья Алексѣевна склонилась низко надъ мужемъ:

— Ты что сказалъ, Вася?

Лицо Василія Николаевича искривилось болѣзненнымъ раздраженіемъ. Морщась отъ досады и нетерпѣнія, онъ произнесъ громче:

— Вы разсказывайте, а я буду молчать...

Опаловъ взялъ другую табуретку, подсѣлъ къ постели.

— Не толкайте, не толкайте! простоналъ больной, содрогаясь отъ испуга подъ одѣяломъ, а Марья Асафовна поспѣшила ласково разъяснить:

— Для Василія Николаевича опасно всякое сотрясеніе. Малѣйшій толчекъ отзывается...

Теперь все вниманіе Дмитрія Петровича стянулось къ тому, чтобы какъ-нибудь не задѣть койку, не зацѣпить за столикъ у изголовья. Мысли слиплись въ тяжеловѣсный комъ и не могли тронуться съ мѣста. Онъ сидѣлъ, весь подобравшись, словно

окоченѣлый, и съ убитымъ видомъ прислушивался, какъ Наталья Алексѣевна занимаетъ больного:

— Нюточка все спрашиваетъ; «Какіе дяди приходили тогда ночью?» Значитъ, она слышала сквозь сонъ, какъ тебя выносили на носилкахъ: до нея донесся какой-то шумъ, голоса...—«Зачѣмъ дяди взяли папу?» Я говорю:—«Папа поѣхалъ къ доктору...» Съ докторами она, къ сожалѣнію, хорошо знакома, такъ что не увидала въ этомъ ничего необыкновеннаго...

Лицо больного оставалось безучастнымъ, и Наталья Алексѣевна, не зная, что еще сказать, взглядами просила помощи у Опалова. Дмитрій Петровичъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе и застѣнчиво откашлявшись, сталъ передавать Ходынцеву гимназическія новости, такъ дико звучавшія здѣсь, въ больничной палатѣ. На лицѣ Василія Николаевича было все то же застывшее равнодушіе. Онъ даже закрылъ глаза, какъ будто задремалъ, только по впалымъ щекамъ пробѣгали порой легкія судороги: очевидно, онъ мучился отъ болей и перемогался...

Опаловъ умолкъ и безпомощно смотрѣлъ на Наталью Алексѣевну.

Та снова взяла руку мужа и, грѣя ее въ своихъ, заговорила опять о дочери:

— Нюточка все утро сегодня готовила какія-то лѣкарства... Выбрала для нихъ свои самыя любимыя коробочки... Все приставала:—«Дай это папѣ... Дядя докторъ велѣлъ». Просила подсыпать сахару, чтобы не было горько...

— Спина устала...—вымолвилъ больной, приподнимая безкровныя вѣки.

— Потерпи, Вася. Что дѣлать?

Онъ промычалъ со стономъ:

— Когда мнѣ позволятъ повернуться на бокъ?

— Уснулъ ли ты ночью?

Ходынцевъ отрицательно замоталъ головой:

— Боли... рвота... Невыносимо... Ужасная ночь...

Онъ обвелъ тусклымъ взглядомъ палату.

— Гдѣ же сестра? Позовите сестру.

Опаловъ, обрадованный, что можетъ хоть чѣмъ-нибудь услужить, бросился за сестрой, которая ласково щебетала въ сосѣдней палатѣ...

Черезъ минуту она уже говорила Василію Николаевичу воркующимъ голосомъ:

— Что, что, родной мой? Больно? Лежать неловко?.. Ну, ничего, дорогой: вотъ мы сейчасъ..

— Охъ... повыше лечь...

Марья Асафовна наклонилась къ нему: онъ обвилъ ея шею исхудалыми, точно обглоданными руками и чуть-чуть приподнялся на подушкахъ.

— Теперь хорошо. Лежите спокойно, милый.

Сестра вышла, а больной въ самомъ дѣлѣ какъ будто успокоился, спросилъ жену о погодѣ, о дачѣ... Они давно уже собирались съѣздить по публикаціи, осмотрѣть дачу, да все некогда было: то ему, то ей...

Но не прошло и пяти минутъ, какъ онъ опять стоналъ и морщился, просилъ то затворить, то открыть дверь и снова звалъ сестру. Она входила, полная торопливой заботы:—Что, мой родной? Что, мой дорогой?—и помогала приподняться или опуститься. Иногда ее звали сразу изъ нѣсколькихъ мѣстъ, и она, заспѣшивъ, дѣлала Ходынцеву больно, но онъ довѣрялъ только ей одной и упорно отвергалъ услуги жены и Опалова. Оба они стремительно хватались за стаканъ съ водой, когда больной просилъ пить, а тотъ, омочивъ губы, звалъ сестру и спрашивалъ, какъ запуганный ребенокъ:

— Можно выпить глотокъ?

— Можно, родной, можно. Кушайте на здоровье.

Наталья Алексѣевна, съ инстинктомъ любящей женщины, находила хоть и съ трудомъ, что дѣлать, о чемъ говорить: поправитъ одѣяло или волосы на головѣ мужа, приведетъ въ порядокъ пузырьки на столикѣ, сообщитъ больному какую-нибудь маленькую домашнюю новость... Опаловъ же рѣшительно не зналъ, чѣмъ заполнить время и какъ себя держать. О чемъ говорить, если больного интересуютъ только собственныя ощущенія? Какъ помочь дѣломъ, разъ здѣсь всякая помощь безсильна?.. Онъ сидѣлъ въ крайне неудобномъ положеніи, боясь двинуться, встать, пройтись; да и сосѣди-больные смущали... Начинала сковывать цѣпенящая дремота: ее нагоняли однообразныя, голыя стѣны палаты, опасливая тишина больницы, тиканіе карманныхъ часовъ Ходынцева, затерявшихся на столикѣ гдѣ-то среди батареи лѣкарственныхъ пузырьковъ, и какіе-то придушенные звуки, долетавшіе съ разныхъ сторонъ. Мозгъ тупѣлъ, тѣло казалось совершенно разслабленнымъ; такъ бы самъ и легъ на койку и замеръ!..

Вотъ мимо растворенной двери прокатила медленно, почти беззвучно на автоматической коляскѣ тощая, блѣдная фигура въ халатѣ; вотъ другая прошлепала еще медленнѣе въ больничныхъ туфляхъ... Миша подошелъ на костыляхъ къ двери, по-

стоялъ, посмотрѣлъ и застукалъ дальше. Порой долеталъ едва слышный звонокъ трамвая, свистокъ локомотива, и Опаловъ съ недоумѣніемъ вспоминалъ, что тамъ далеко, за стѣнами больницы, есть жизнь, не похожая на эту: улицы, люди, звуки, движеніе...

— Умеръ—и въ печку! раздался хриплый голосъ Ходынцева.

Наталья Алексѣевна, заговорившая что-то объ экзаменахъ, остановилась, глядя съ испугомъ на мужа; а тотъ, морщась и хмурясь, продолжалъ сквозь зубы съ больнымъ ожесточеніемъ:

— Балдахины... гробы... все это нытье... Только душу выматываютъ... Ерунда, чушь!.. Бросить эти нелѣпости... Сжечь— и забыть!.. Такъ-то чище, проще...

А самъ переводилъ съ жены на товарища мутный взглядъ, въ глубинѣ котораго брезжило что-то трепетно выжидающее, вопрошающее съ мольбой...

III.

— Больница... да вѣдь это — совершенно особый міръ! Тамъ свои специфическія радости и бѣды, тріумфы и пораженія. Мы съ вами говоримъ:—«Нѣтъ смысла, нѣтъ идеи...», а тамъ:—«Нѣтъ перистальтики». У насъ: «красиво, умно, художественно...», а у нихъ: «интересный случай заболѣванія...» «ярко выраженный гнойный процессъ...» Желудокъ, сердце, кишки... Вѣдь это же ужасно! Тѣло, одно тѣло да еще больное, испорченное! Его рѣжутъ, кромсаютъ, штопаютъ, какъ чулки... Самъ начинаешь чувствовать, что ты—не болѣе, какъ говядина. Увѣряю васъ: это – препротивное ощущеніе. Воспалилось что-нибудь внутри,—и конецъ твоей духовной дѣятельности. Вѣдь вонъ Василій Николаевичъ ужъ на что былъ стойкій... можно сказать, задорный! «Трезвая, безстрашная мысль» и все такое, презиралъ человѣческія слабости—и вдругъ самъ такъ ослабъ... Вотъ и будьте послѣ этого оптимистомъ! Помните, какъ онъ называлъ меня «жалкимъ нытикомъ», издѣвался надъ моимъ «непринятіемъ міра?» А кто оказался правъ? Согласенъ ли онъ теперь принять міръ, со всѣми его болями, гнойниками, больничными палатами?

— Ахъ, во сто разъ легче самой лежать и мучиться, чѣмъ такъ сидѣть передъ его постелью! уныло отозвалась Ходынцева.

— Безсиліе, полнѣйшее безсиліе передъ всѣмъ, что поваж-

нѣе, пострашнѣе! Давать уроки, писать учебники—это въ нашей власти; а передъ вопросами жизни и смерти мы немощнѣе малыхъ ребятъ. Хорошо быть оптимистомъ, когда все идетъ, какъ по маслу; нѣтъ, ты попробуй сохранить свой оптимизмъ, лежа на койкѣ, когда даже повернуться нельзя...

Онъ поймалъ себя на невольномъ злорадствѣ и поспѣшилъ придать голосу побольше дружескаго участія:

— Жаль мнѣ милаго Василія Николаевича: приковать такую дѣятельную натуру къ постели—какая жестокая иронія! Вѣдь для него «жить» значитъ: вѣчно рваться, карабкаться куда-то, бороться, достигать, изъ каждой минуты выжимать какой-нибудь смыслъ... А онъ принужденъ безпрерывно чувствовать себя жертвой какой-то злой безсмыслицы. Нельзя ни протестовать, ни бороться... Такой смѣлый, рѣшительный, а теперь спрашиваетъ, можно ли ему выпить глотокъ, и дрожитъ, какъ бы къ нему не прикоснулись... Нѣтъ, жизнь—большая шутница!..

Тяжелыми, мокрыми хлопьями падалъ снѣгъ, медленный и скучный. Наталья Алексѣевна плелась съ изнуреннымъ видомъ по холодному мѣсиву и молчала; Опалову, напротивъ, послѣ стѣснительнаго сидѣнія у койки, хотѣлось говорить, говорить...

— Да помилуйте! вѣдь стоитъ только дохнуть больничной атмосферой, и ужъ кажется, будто всѣ живутъ для того лишь, чтобы хворать и наполнять больницы. Наше высшее «я» безцеремонно выкидывается за бортъ... Понимаете? Нужны однѣ хорошо оборудованныя лѣчебницы, хирургическіе инструменты, умѣлые доктора и сестры, а все прочее—идеи, моральныя исканія, произведенія искусства... вотъ эти гравюры...—ничто иное, какъ дѣтскія погремушки. Если вы еще сомнѣваетесь въ этомъ, такъ посмотрите хорошенько на скуластую физіономію господина Руброва...

— Марья Асафовна умѣетъ съ больными, а я вотъ — нѣтъ—молвила Ходынцева, отвѣчая на свои мысли.

— Полноте! Просто, мы съ вами не вѣримъ, чтобы больному стало легче, если онъ передвинется на одинъ сентиметръ, а сестра вѣритъ или притворяется искуснѣе насъ. Вотъ и все.

Онъ вспомнилъ вдругъ, какъ мучилъ его запахъ, исходившій отъ больного, и какъ онъ, Опаловъ, все время посматривалъ украдкой на часы, мечтая вырваться поскорѣй на воздухъ...

— Нда! прибавилъ онъ въ раздумьи.—Мы съ вами во всякомъ случаѣ виноваты передъ Василіемъ Николаевичемъ: просто, потому, что посидѣли да ушли, а онъ остался тамъ на съѣденіе...

И тотчасъ же, по привычкѣ сводить всякій разговоръ на

собственныя переживанія, началъ объяснять, почему его такъ угнетаетъ одинъ видъ больницы:

— На меня, знаете, наводитъ оторопь все, отъ чего слишкомъ крѣпко отдаетъ реальщиной. Будь это казарма, острогъ, присутственное мѣсто, аптека... даже церковь, гдѣ крестятъ, хоронятъ, вѣнчаютъ,—все одинаково уничтожаетъ меня. Должно быть, я черезъ-чуръ привыкъ жить въ мірѣ, созданномъ моей собственной мыслью, воображеніемъ: только въ немъ я чувствую себя взрослымъ, самостоятельнымъ... А дѣйствительность слишкомъ шероховата для меня: я теряюсь въ ней, моментально впадаю въ какое-то нравственное изнеможеніе. Или начинаю не къ мѣсту мудрить, нагромождать вопросы, сомнѣнія...

Всю дорогу Опаловъ говорилъ о своихъ особенностяхъ и только, прощаясь съ Ходынцевой, вспомнилъ при видѣ ея омраченнаго лица:

— Вы все о Василіи Николаевичѣ тревожитесь? Полноте! Въ немъ столько жизни, энергіи... И Рубровъ—такой опытный врачъ... Да я знаю примѣры такихъ поразительныхъ выздоровленій... А тутъ ничего не упущено: операція произведена во-время, прошла благополучно... Всѣ шансы—на счастливый исходъ... Это онъ, просто, усталъ отъ перевязки, а отдохнетъ и будетъ молодцомъ... Словомъ, вы можете быть совершенно спокойны...

IV.

Съ натугой влѣзла Наталья Алексѣевна къ себѣ на четвертый этажъ. Впервые ощущала въ ногахъ какую то странную, не то тянущую, не то сводящую боль.

— Вотъ такъ, должно быть, и начинается старость,— вздохнула она.

Четвертый этажъ, дороговизна, хроническая усталость, уроки, высасывающіе изъ обоихъ съ мужемъ столько нервной силы, куча мелкихъ затрудненій, разочарованій, непріятныхъ сюрпризовъ—пронеслись передъ нею угрюмой толпой. Тяжесть жизни, утомленіе отъ нея какъ будто пригибали Наталью Алексѣевну къ землѣ. Чувствовала себя такой отяжелѣвшей, безпомощной. Никогда еще съ ней такъ не бывало...

Но едва въ переднюю выбѣжало съ оглушительнымъ визгомъ: «мама!» крошечное, худенькое существо и, вцѣпившись въ нее рученками, принялось цѣловать ея руки, платье, мокрую кофту, къ ней разомъ вернулась ея привычная, всегда немножко

насильственная бодрость. Она расцѣловала Нату, разспросила, что та дѣлала безъ нея...

— О-о, какіе у тебя коготки!

Посадила къ себѣ на колѣни, бережно остригла ногти. Ната сейчасъ же собрала ихъ въ коробочку.

— Зачѣмъ это тебѣ?

— Няня говоритъ, что всегда надо собирать, а то на томъ свѣтѣ...

И дѣвочка подробно разсказала, что будетъ на томъ свѣтѣ; затѣмъ, безъ всякаго перерыва, тѣмъ же тономъ спросила:

— Мама, тебѣ было прежде, когда ты была маленькой, четыре года?

— Было. А что?

— А потомъ сдѣлалось пять?

— Конечно.

— А потомъ сдѣлался шестой?

— Да.

— Вотъ и мнѣ тоже...

— Ахъ, вѣдь сегодня твое рожденіе? Прости, Наточка,— я и забыла!

Опять въ нее впивалась грусть. Ровно годъ назадъ сидѣли онѣ съ Натой вотъ на этой же кушеткѣ, когда отецъ явился изъ гимназіи съ своимъ неизмѣннымъ портфелемъ, набитымъ ученическими тетрадями. Наточка бросилась къ нему, ожидая подарка; онъ проворчалъ: — «А денегъ ты мнѣ дала на подарки?»—и прошелъ въ кабинетъ. Наточка, опѣшенная, какъ будто виноватая, стояла среди комнаты съ раскрытымъ ртомъ, и вдругъ изъ кабинета прямо на нее побѣжала заводная собачка... Ната обмерла отъ изумленія и восторга, а отецъ кричалъ съ порога, заливаясь смѣхомъ:

— Берегись, берегись! Задавитъ!

И всегда онъ умѣлъ придумать для дѣтей что-нибудь особенное, какой-нибудь эффектный сюрпризъ, и всегда смѣялся при этомъ такъ ласково, хорошо. Рѣдко можно было видѣть смѣхъ на его вѣчно озабоченномъ лицѣ, но зато, когда онъ появлялся, въ немъ отражалась вся его добрая, горячая, довѣрчивая душа, которую такъ чувствовали и любили дѣти...

— «Да что жъ это я? Думаю о немъ, какъ о мертвомъ... Нѣтъ, не надо поддаваться гнилымъ настроеніямъ. Вася говорилъ правду: только дай имъ волю,—и...»

— Ну, дѣтка, пора обѣдать, — прервала она щебетаніе Наты.—Ты, вѣроятно, давно проголодалась?

— Нельзя: папы еще дома нѣтъ.

— Онъ сегодня не будетъ обѣдать.

— Головка болитъ?

— Нѣтъ, дѣточка...

— Животикъ?

— Да... Пойдемъ кушать.

За обѣдомъ Наталья Алексѣевна взглядывала на конецъ стола, гдѣ всегда сидѣлъ мужъ, и все, что она глотала насильно, казалось ей сухимъ и горьковатымъ; да и няня, стоя за стуломъ дѣвочки, имѣла, въ своемъ черномъ платкѣ, такой скорбный, траурный видъ... Опять скреблась тоска.

— Ну, Наточка, я съѣзжу сейчасъ за подаркомъ, а то, пожалуй, лавки запрутъ.

Ната изумилась:

— Развѣ ты не хочешь блинчиковъ? Вѣдь съ вареньемъ!

— Нѣтъ. Кушай одна... Я скоро вернусь.

Вечеромъ зашла въ дѣтскую, чтобы, какъ всегда, расчесать головку Натѣ...

— Няня, почему у васъ горитъ лампадка? Какой завтра праздникъ...

— Да нѣтъ, я—не для праздника...

— Зачѣмъ же зажгли?

Няня замялась:

— Да такъ ужъ... Все ровно посвѣтлѣе съ лампадкой-то. А то скучно какъ-то...

У Натальи Алексѣевны защемило на сердцѣ. Она поспѣшила уйти къ себѣ въ комнату. Чтобы отвлечься, начала готовиться къ завтрашнему уроку... Неслышно, какъ тѣнь, вошла няня и остановилась выжидательно на порогѣ.

— Что вамъ, няня?

— Какъ Василій Николаевичъ?

— Ничего, все благополучно...

Она повторила ободрительныя слова Опалова и вдругъ почувствовала, что сама не вѣритъ имъ; да и тяжкіе вздохи няни наводили на мысль о чемъ-то фатальномъ...

— Ну, нянечка, у меня сейчасъ спѣшная работа.

Няня вышла, а Ходынцева долго сидѣла, стиснувъ голову руками, глядя съ тупымъ недоумѣніемъ въ тетрадь, куда вносила все нужное для урока. Передъ ней неотвязно вставала сцена, разыгравшаяся на дняхъ...

Василію Николаевичу уже нездоровилось, и онъ прилегъ, жалуясь на безпричинную слабость и хандру. Она отправилась на публичную лекцію, встрѣтила тамъ интересныхъ знакомыхъ, зашла къ нимъ и вернулась домой только къ ночи. Вася обрушился на нее рѣзкими укоризнами:

— Для тебя хоть всѣ перемри, лишь бы не пропустить лекціи.

Саркастически высмѣивалъ ея суетность, жажду впечатлѣній, ея отзывчивость безъ разбора на нужное и ненужное, погоню за «интересными знакомствами», всю эту «пустую трату времени и силъ». Называлъ легкомысленной, поверхностной, даже праздношатающейся, говорилъ, что нѣтъ въ ней настоящей любви, настоящей заботы о семьѣ...

Оскорбленная несправедливыми упреками, она обвиняла его въ эгоизмѣ и грубой нетерпимости: она вѣдь тоже хочетъ жить, а онъ мѣшаетъ ей, потому что ему ни до кого нѣтъ дѣла, потому что онъ чувствуетъ только себя, себя одного!

— Чѣмъ жить такъ—лучше разъѣхаться...

Наговоривъ пропасть горькаго и обиднаго, она ушла въ свою комнату и легла тамъ, даже не спросивъ, какъ онъ себя чувствуетъ. А ночью ее разбудили стоны и крики мужа, корчившагося отъ болей.

— Господи, до чего это съ моей стороны жестоко! Вѣдь онъ ужъ тогда былъ серьезно боленъ... Но кто же зналъ это, кто могъ подозрѣвать?..

Старалась отбиться отъ жалящихъ воспоминаній, но они лѣзли насильно... Да, отношенія за послѣднее время испортились. Вася становился все угрюмѣе, придирчивѣе, все чаще упрекалъ ее въ безсердечіи, а она давала все болѣе рѣзкій отпоръ, все рѣшительнѣе настаивала на своихъ правахъ. Онъ запирался въ кабинетѣ, она — въ своей комнатѣ; по цѣлымъ вечерамъ иногда не видались, а сойдясь, разговаривали тѣмъ настороженнымъ тономъ, за которымъ прячутся раздраженіе и желчь, всегда готовыя прорваться. Оба чувствовали себя несправедливо обиженными, обреченными на одиночество, не понятыми. Онъ искалъ утѣшенія въ упорной, непосильной работѣ, она — въ бесѣдахъ съ Опаловымъ, въ красивыхъ впечатлѣніяхъ искусства, во всемъ, что не напоминаетъ семейнаго тупика...

— Никто не виноватъ, что у насъ съ нимъ такія разныя натуры. Кромѣ того, оба переутомлены, у обоихъ нервы издерганы...

Но изъ темныхъ глубинъ души слышался иной голосъ, котораго ничто не въ силахъ было заглушить:

«Однако ты-то вотъ сидишь въ своей красиво обставленной комнатѣ, а онъ...»

И голосъ этотъ казался убѣдительнѣе всѣхъ доводовъ разсудка.

V.

Кромѣ дней, когда уроки не позволяли Натальѣ Алексѣевнѣ отлучаться, она аккуратно навѣщала мужа. Въ верхнемъ коридорѣ ее встрѣчала съ неизмѣнной улыбкой Марья Асафовна, по лицу которой можно было подумать, что все идетъ какъ нельзя лучше. Но хорошаго пока не было: болѣзнь какъ будто остановилась на мертвой точкѣ... Рубровъ нетерпѣливо пожималъ плечами:

— Не могу же я вставить вашему благовѣрному новую кишку! Организмъ истощенъ, вяло реагируетъ. Подождемъ, увидимъ...

Потомъ онъ, не стѣсняясь, сталъ убѣгать отъ докучливой посѣтительницы:

— Некогда, мадамъ, некогда! Пока ничего новаго...

Наталья Алексѣевна принимала спокойный, обнадеживающій видъ, какой полагается имѣть при больномъ, бодро входила въ палату. Но тутъ-то и начиналась выматывающая душу истома, послѣ которой долго все дрожитъ внутри...

— Болитъ спина... Ни днемъ, ни ночью покою... Когда же, наконецъ, разрѣшатъ мнѣ повернуться?

Наталья Алексѣевна утѣшала, какъ могла,—Ходынцевъ раздражительно морщился. Она переставала говорить,—онъ сердился. Ей приходилось напрягать всю изобрѣтательность, чтобы не сидѣть передъ больнымъ молча и праздно, иначе онъ приметъ это за безучастіе. Но о чемъ бы она ни заговаривала, на лицѣ мужа виднѣлось досадливо-тоскливое:

«И зачѣмъ она объ этомъ? Кого обманываетъ?»

А когда лицо больного казалось внимательнымъ, Наталья Алексѣевна видѣла, что онъ прислушивается не къ ея рѣчамъ, а къ чему-то своему, внутреннему...

Она страшно радовалась, когда онъ самъ заговаривалъ, но голосъ его былъ такъ беззвученъ, что приходилось переспраши-

вать, а это каждый разъ вызывало въ Ходынцевѣ припадокъ больного раздраженія...

— Я тебѣ русскимъ языкомъ говорю,—хрипѣлъ онъ:— опять вчера не соблаговолила?.. Только понапрасну прождалъ тебя...

— Невозможно вырваться, Вася: весь день забитъ уроками. Ты же знаешь: по вторникамъ и пятницамъ у меня...

Но онъ не хотѣлъ знать ни вторниковъ, ни пятницъ, ни уроковъ. Волновался и сердился, какъ здоровый, и его упреки казались отъ этого обидными, злыми. Кончалось тѣмъ, что онъ принимался стонать отъ болей и звать сестру.

Та входила, ласковая, бодрая, уговаривала больного пожалѣть себя, обнадеживала, помогала улечься поудобнѣе. Ходынцевъ послушно затихалъ, голосъ дѣлался примиреннымъ... Но едва Наталья Алексѣевна привставала, чтобы поправить подушку, какъ онъ вскрикивалъ, разсерженный:

— Тише, тише! Не толкай же! Лучше не суйся!

Возвращаясь домой, Наталья Алексѣевна уносила въ сердцѣ что то недоброе, мутное. Силилась думать, что вѣдь «Вася— больной,—можно ли на него обижаться?» — но въ ушахъ звучали его грубые окрики, и грызла нестерпимо обидная мысль:

«Я столько лѣтъ ухаживала за нимъ, столько силъ вложила, а онъ готовъ промѣнять меня на совершенно чужую женщину, и все потому только, что она такъ мило улыбается...»

То была даже не мысль, а темное, разлитое чувство, и чѣмъ темнѣе, безсмысленнѣе, тѣмъ неодолимѣе...

Но вотъ однажды Рубровъ самъ поймалъ въ коридорѣ Наталью Алексѣевну.

— Здравствуйте, мадамъ! Налаживается понемножку... хозяинъ-то вашъ. Перистальтика появилась. Кишки, стало быть, образумились. И число лейкоцитовъ увеличилось: эти самые, значитъ, резервы двинулись на помощь...

Подошла Марья Асафовна, вся растворившаяся въ привѣтливой улыбкѣ. Ямочки такъ и прыгали... Рубровъ взялъ ее подъ руку:—Съ такими сестрами, мадамъ, у насъ живутъ, а не умираютъ.. Ну, поспѣшайте въ объятія супруга, а я бѣгу рѣзать...

— Василій Николаевичъ нынче съ аппетитомъ кушалъ,— говорила сестра, сопровождая Наталью Алексѣевну въ палату.— Ночью поспалъ немножко, да и перевязки теперь стали легче..

— Ну, какъ я рада, Вася, что тебѣ наконецъ...

И вдругъ осѣклась, наткнувшись на тяжелый изподлобья взглядъ мужа.

— Какъ ты чувствуешь себя, Вася?

— Тише, тише! Не толкай.

— Я даже не притрогиваюсь... Говорятъ, ты спалъ ночью?

— Не правда ли, Марья Асафовна: пріятно вѣдь повидать изрѣдка свою законную супругу? А?

— Я только два дня не была, Вася. У насъ въ гимназіи...

— «Только два дня!». Гм!.

— Давайте, родной мой, ляжемъ повыше... А подушку надо вотъ какъ...

Полныя, бѣлыя руки сестры, засученныя по локоть, быстро и ловко сдѣлали, что нужно. Больной все время слѣдилъ за ней благодарнымъ взглядомъ. Лицо стало добрѣе, усы шевельнулись отъ какого-то подобія улыбки...

— Только она одна знаетъ, чего мнѣ нужно и какъ все сдѣлать,—сказалъ онъ по уходѣ сестры.—Она одна чувствуетъ меня...

Наталью Алексѣевну рѣзнуло по сердцу, но она сдержалась, подсѣла къ мужу...

— Наточка продолжаетъ видѣть во снѣ красненькое. Не можетъ разсказать, что видѣла, а только говоритъ: «красненькое».. А сегодня утромъ все закидывала въ столовой удочку:— «Наловлю для папы рыбы»..

— Погоди, издохну: тогда не будешь терять на меня драгоцѣннаго времени.

Въ горлѣ больного заклокотало: онъ началъ задыхаться... Что-то темное, безобразное надвинулось на душу Натальи Алексѣевны, придавило, скомкало... Она поблѣднѣла, но опять пересилила себя.

— Дмитрій Петровичъ пріѣхалъ навѣстить. Можно ему?

— Зачѣмъ притащился? Вѣдь ненавидитъ больныхъ...

— Полно! Онъ—твой товарищъ.

— *Товарищъ?* Ну, это—*товаръ* не особенно дорогой! возразилъ Ходынцевъ, играя по привычкѣ словами.

Эта попытка къ острословію напомнила Ходынцевой насмѣшки здороваго Василія Николаевича, и она повторила почти сердито:

— Можно ему войти? Онъ—тамъ, внизу...

— Вмѣстѣ пріѣхали?

— Да...

— Вмѣстѣ-то веселѣе...

И больной отвернулся къ стѣнѣ.

. . . .

— Простите, дорогой Василій Николаевичъ! Все время порывался къ вамъ, да самому нездоровилось.

Ходынцевъ презрительно усмѣхнулся.

— «Нездоровилось»? Это похвально, что вы такъ бережете себя.

— Товарищи просятъ передать вамъ: если бы не обязательныя занятія, они сочли бы пріятнымъ долгомъ навѣстить...

— Не нужно! Никого не нужно!.. Не надо лжи!.. Вы-то сами зачѣмъ утруждаете себя?

— Успокойтесь ради Бога, Василій Николаевичъ...

— Вѣдь я знаю,—вамъ только снимать со всего сливки: съ науки, искусства, дружбы, любви... Вѣдь вы, Дмитрій Петровичъ,—лакомка!..

Голосъ дышалъ открытой враждой и не казался больнымъ. Получалось впечатлѣніе, что Ходынцевъ, здоровый, разсудительный, распекаетъ товарища. Наталью Алексѣевну мучительно коробило отъ этой безтактности, а Опаловъ, красный, сконфуженный, растерянно моргалъ.

Долгое молчаніе, послѣдовавшее за вспышкой, легло камнемъ даже на сосѣдей-больныхъ: они, одинъ за другимъ, покинули койки, на которыхъ сидѣли, и вышли изъ палаты; только старикъ съ сѣдыми, взъерошенными волосами оставался неподвижно вытянутымъ на своей койкѣ... Ходынцевъ проводилъ больныхъ мрачнымъ взглядомъ.

— Вотъ эти выздоравливаютъ: встаютъ, ходятъ. По ночамъ храпятъ. Съ нихъ все, какъ съ гуся вода, а мнѣ околѣвать приходится...

— Ну что ты говоришь, Вася! Вѣдь тебѣ же стало лучше?

— «Лучше»!.. Ха!

Лицо Василія Наколаевича побурѣло отъ безсильнаго гнѣва..

— Что? или опять боли?

— Да, боли, отвратительныя, невыносимыя! Ночью вертишься, какъ окаянный,—къ утру вся душа вымотана... Да что тебѣ до моихъ болей? Цѣлые годы надрывался у тебя на глазахъ... Есть люди, которымъ надо, чтобы ихъ близкаго свезли въ больницу, распотрошили всего: тогда только они повѣрятъ...

— Болѣзнь говоритъ,—молвилъ какъ бы про себя старикъ съ койки и бурно вздохнулъ. Ходынцевъ, не обращая ни на что вниманія, продолжалъ съ истерической запальчивостью:

— Для тебя какая-нибудь лекція, піеса, журъ-фиксъ всегда

были важнѣе, интереснѣе, чѣмъ я, со всѣми моими муками... да, да! Ты вотъ навѣщаешь, потому что «надо же», «нельзя же не навѣстить», а я знаю, какъ тебѣ противно, скучно... И всегда было такъ, всегда!.. Гнусная комедія!.. Вернуться домой, опять видѣть ложь, притворство? опять разыгрывать? Нѣтъ, легче окочуриться!

Вошла торопливой походочкой Марья Асафовна, привлеченная больными выкрикиваніями.

— Что это вы, родной мой, волнуетесь? Такъ нельзя, милый. Надо беречь себя... Егору Егоровичу пожалуюсь... Вотъ выпейте, голубчикъ, морсу, а вечеромъ будемъ съ вами бульонъ кушать...

— Только вы одна и любите меня и жалѣете! — вдругъ всхлипнулъ Ходынцевъ.—Только вы не гнушаетесь...

— Что вы, что вы, дорогой! Успокойтесь...

— Какъ болѣзнь-то ломаетъ человѣка! снова послышался старческій, шамкающій голосъ...

VI.

— Нѣтъ, Наталья Алексѣевна, я больше не пойду къ нему. Мое присутствіе волнуетъ его, раздражаетъ. И прежде всегда было въ тягость: я каждый разъ чувствовалъ это... У него давно ужъ скопилось противъ меня и теперь вырвалось наружу. Это не болѣзнь говоритъ... нѣтъ,—повѣрьте! Сейчасъ онъ здоровъ... по крайней мѣрѣ, психически. Онъ сознательно оскорбляетъ и меня, и васъ...

Глаза у Натальи Алексѣевны потемнѣли, углубились; изъ сердцевины ихъ выглядывало что-то упрямое, жесткое.

Ему бы надо такую уютную жену, какъ Марья Асафовна,—процѣдила она съ ноткой ожесточенія, изумившей Дмитрія Петровича.—Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ разыгрывать комедію? Пока жизнь шла обычнымъ порядкомъ, мы оба не замѣчали... Вѣчная спѣшка, вѣчная усталость... Некогда оглянуться, осмыслить отношенія... Обоимъ—не до того... Такъ можно прожить годы, не замѣчая...

— Чего?

— Ну... что любовь давно выдохлась. Никто не виноватъ въ этомъ, конечно...

— Простите,—разъ пошло на откровенность: тяжелый характеръ у него, Наталья Алексѣевна!

— Скажите лучше: «несчастный» характеръ, мучительный. Разъ задался какой-нибудь цѣлью, онъ ужъ не жалѣетъ ни себя, ни другихъ. За послѣдніе годы имъ овладѣла навязчивая мысль: добиться, во что бы то ни стало, независимаго положенія, получить возможность «ни передъ кѣмъ не гнуть шеи», «не плыть по теченію», «не выть съ волками»... Я вполнѣ понимаю это и сочувствую, но нельзя дѣлать изъ своей и изъ моей жизни какую-то сплошную каторгу. Вѣдь онъ, ради своей идеи, не давалъ вздохнуть ни себѣ, ни мнѣ, отбился отъ людей, нигдѣ не бывалъ, никого не принималъ, на все, кромѣ своей идеи, смотрѣлъ, какъ на баловство, прихоть, блажь. Все для него свелось къ одной точкѣ: и на себя, и на меня привыкъ смотрѣть, только какъ на рабочую силу. Самъ заморилъ себя на работѣ, разстроилъ нервы, ожесточилъ. Я не виню его, но не могу такъ жить: сама начинаю ожесточаться... Эта его фанатическая прямолинейность отравила насъ обоихъ, засушила чувство, превратила жизнь въ лямку; а я физически не выношу лямки, я ненавижу ее!.. Вѣдь надо же на чемъ-нибудь отдохнуть сердцемъ?

— Вотъ вамъ и независимость!. Вотъ и добился, наконецъ!.

Опаловъ вдругъ умолкъ, самъ пораженный звуками своего голоса, такого радостнаго, оживленнаго. Поспѣшилъ придать ему вдумчивую, участливую интонацію:

— Эхъ, что такое человѣческое счастье? Вонъ Василій Николаевичъ мечталъ сначала о каѳедрѣ: безъ того для него не было счастья... Помните?. Потомъ рѣшилъ, что можно быть счастливымъ и безъ профессорскаго званія, лишь бы издать этотъ свой учебникъ, сложить съ себя часть уроковъ... А теперь все его счастіе—въ одномъ: только бы повернуться на бокъ! Такъ и всѣ мы...

Яркими, живописными красками изобразилъ Опаловъ грустную участь человѣка, вѣчно тоскующаго, вѣчно неудовлетвореннаго, гоняющагося за миражами; но оживленное лицо и блестящіе глаза противорѣчили грустному смыслу рѣчей. Наталья Алексѣевна всегда охотно слушала его красивыя импровизаціи, окрашенные пессимистическимъ колоритомъ: онѣ звучали какъ поэтическія элегіи; а теперь мрачныя тирады получали для нея какой-то особенный, значительный, трагическій смыслъ...

Дошли до угла, гдѣ дороги расходились.

— Знаете, что? сказалъ Опаловъ, задерживая ея руку.— Поѣдемте лучше ко мнѣ. Я васъ накормлю, чаемъ напою... Побесѣдуемъ... Онъ какъ будто угадалъ ея мысли: ей только

что рисовалась пустая квартира, унылая няня, разспросы Наточки и затѣмъ—одинокій вечеръ въ своей комнатѣ...

— Къ вамъ? Да, да... пожалуй, это лучше.

Она рѣдко заходила къ Опалову, да и то наскоро, по дѣлу, или вдвоемъ съ мужемъ: у нея было мало досуга, чтобы ходить по гостямъ, и много житейскихъ заботъ, не интересныхъ для Дмитрія Петровича. Теперь привычныя заботы закрылись какою-то новой мыслью или заботой, еще очень смутной, едва различимой, и такъ хотѣлось поговорить объ этомъ новомъ...

Небольшая квартирка Опалова показалась ей послѣ больницы необыкновенно удобной и уютной. Ничто не говорило здѣсь о злобахъ дня и больныхъ вопросахъ... Квартира напоминала только что купленную, неразрѣзанную еще книгу: до такой степени все было въ ней чисто и неприкосновенно. Можно было подумать что тутъ жили не люди, а идеи; даже тишина была какая-то «идейная»... Поэты и мыслители, всѣ давно умершіе, смотрѣли со стѣнъ спокойно, задумчиво и важно.

— У васъ хорошо сидѣть и, не спѣша, думать о чемъ-нибудь философскомъ.

— Зато въ вашей квартирѣ больше жизни.

— Было когда-то...

Голосъ дрогнулъ, Наталья Алексѣевна торопливо отвернулась.

— Вы погодите разстраиваться. Мы вотъ сейчасъ...

Бѣлая клеенчатая скатерть, миніатюрный мельхіоровый самоварчикъ, чайная посуда—все блестѣло новизной, хотя давнымъ-давно было знакомо Натальѣ Алексѣевнѣ. И пиджачная пара на хозяинѣ, сшитая годъ назадъ, казалась съ иголочки, и самъ онъ, далекій всю жизнь отъ излишествъ и страстей, сохранилъ въ себѣ что-то на рѣдкость свѣжее, нетронутое: время едва-едва скользнуло по немъ... Кожа на лицѣ была точно разглажена утюгомъ, глаза—ясные, ясные, въ мѣру серьезные, въ мѣру живые. Раздумье ложилось на его «шиллеровскій» лобъ, какъ быстро набѣгающее облако, за которымъ уже виднѣется лазурь... Солнце, выйдя изъ-за угла противоположнаго дома, бросило ослѣпительный лучъ на бѣлую клеенку. Онъ весело заигралъ на самоварѣ, на блѣдной щекѣ гостьи, на пряди волосъ, какъ будто загорѣвшихся внезапно... Опаловъ глядѣлъ на эту горящую прядь, и она казалась ему такой милой, задушевной, небывало трогательной.

— Если и есть что хорошаго въ жизни, такъ вотъ этотъ лучъ! воскликнулъ онъ съ элегической восторженностью.

Оба молча любовались игрой весенняго ликующаго луча...

— «А видитъ ли его Вася?» пришло ей въ голову, и тутъ же представилась койка, рука мужа, безсильно свѣсившаяся съ нея, его уродливый животъ, измученные глаза... Она нервно хрустнула пальцами, выбѣжала въ кабинетъ и принялась рыться въ книгахъ, аккуратно размѣщенныхъ въ шкапу, на полкахъ, на письменномъ столѣ. Всю жизнь ждала она отъ книгъ какихъ-то разгадокъ и теперь, по старой привычкѣ, безсознательно искала въ нихъ прибѣжища. И онѣ, дѣйствительно, какъ будто успокоили ее. Она взяла со стола книгу и, усѣвшись съ ногами на кожаный диванъ, перелистывала ее.

— У васъ, Дмитрій Петровичъ, теперь, кажется, полоса нирваны?

Онъ заботливо подложилъ ей за спину вышитую подушку, самъ сѣлъ у ногъ ея на низенькомъ креслѣ.

— Да, у меня вѣдь все—полосами... Вы съ Василіемъ Николаевичемъ не мало подшучивали надъ моей нирваной, а я все больше прихожу къ мысли, что это—единственное спасеніе отъ тревогъ и ужасовъ бытія. Съ каждымъ годомъ жизнь становится больнѣе, безобразнѣе, а мы—все болѣе усталыми, издерганными... Наступитъ время, и оно уже наступаетъ, когда мы не въ силахъ будемъ выносить жизни...

— Да, для меня, кажется, наступаетъ...—прошептала Наталья Алексѣевна.

— Наши нервы и мозгъ отказываются переваривать этотъ чудовищный хаосъ, называемый дѣйствительностью,—все равно, какъ наши желудки не въ состояніи переваривать пищи нашихъ прародителей... Мы развили въ себѣ способность воспринимать остро-болѣзненно каждую мелочь, каждый штрихъ реальной жизни: душа наша исколота, пробуравлена. И въ то же время, не успѣли выработать для себя никакого противовѣса, никакого противоядія всѣмъ этимъ отравамъ. Если бы мы, напримѣръ, имѣли кожу носорога, непроницаемую ни для какихъ уколовъ... Но это для насъ недоступно,—а чѣмъ замѣнить толстокожесть? Мы терпимъ теперь жизнь, скрѣпя сердце, только потому, что отгораживаемся отъ нея искусствомъ, мечтой, иллюзіями—всей этой условной атмосферой, играющей для насъ роль буфера. Но иллюзіи начинаютъ измѣнять, атмосфера рѣдѣетъ... Вы представляете себѣ ужасъ, когда мы вдругъ очутимся лицомъ къ лицу съ жизнью, безъ всякаго средостѣнія?

— Господи, до чего я устала! вырвалось у Ходынцевой съ болью.

— Ну, конечно, эта болѣзнь... вся эта больничная обстановка... неизвѣстность, тревога...

Онъ говорилъ скучающимъ тономъ: одушевленіе его пропало...

— Да нѣтъ, не теперь только... Не отъ одного этого я устала... Давно ужъ... Не знаю, сумѣю ли я объяснить? Сердце изнуряется больше всего отъ постоянныхъ противорѣчій, которые рвутъ его въ разныя стороны... Когда все время точно ходишь по лезвею ножа, когда сама не разберешь: любишь или ненавидишь? потому что любовь похожа иногда на вражду, и наоборотъ... Когда до такой степени заблудилась душой, что перестаешь сознавать, что чувствуешь, дѣлаешь, куда тебя тянетъ?... Прежде я какъ-то всегда знала, чего мнѣ нужно, что я особенно цѣню въ жизни, въ людяхъ; а теперь такая муть, такъ все загадочно!. Нависло что-то надъ головой и давитъ. И не представляешь, куда бѣжать отъ этого гнета? Можетъ быть, я ношу его въ себѣ самой? Можетъ быть, я давно забрела въ топь и вязну? Главное,—я ничего не знаю, ни въ чемъ не увѣрена!

Широко раскрытые, изумленные и встревоженные глаза смотрѣли въ пространство, какъ будто силясь разглядѣть что-то роковое, неясное. Чистые и глубокіе, они отражали въ себѣ всю тонкую, вѣчно волнующуюся душу, безпомощную передъ стихійнымъ скрежетомъ жизни... Опаловъ слушалъ ее съ задумчивой улыбкой, ласковой и немножко грустной; такая же улыбка появлялась у него, когда онъ любовался пейзажами Левитана...

— Мы съ вами, Наталья Алексѣевна, жаждемъ красоты, поэзіи; мы созданы «для звуковъ сладкихъ и молитвъ»,—а намъ приходится выдерживать натискъ грубой, неприкрашенной, безпощадной дѣйствительности. Я всегда чувствовалъ это, бывая у васъ, въ вашей дѣловой, нервно-торопливой атмосферѣ, какую создаетъ вокругъ себя Василій Николаевичъ. Ему это—по натурѣ, а вамъ... Ученицы, уроки, вопросы здоровья, воспитанія, борьба за кусокъ хлѣба, текущія дѣла въ разныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществахъ—развѣ это можетъ удовлетворять васъ? Вы всегда становились въ этой суматохѣ чужой не только для меня, но и для себя самой... да, да! А вотъ теперь я чувствую, что вы—моя, моего прихода. Наши завѣтныя мысли, настроенія соприкоснулись, душа ваша обращена теперь въ мою сторону...

Онъ сѣлъ на коверъ у самыхъ ея ногъ, тихонько взялъ худенькую руку и нѣжно, бережно прижался къ ней губами. Она бросила на него смущенный, пытливый взглядъ, хотѣла

отнять руку, но онъ снова заговорилъ—такъ искренне-дружески, такъ серьезно, что она осталась неподвижной. Онъ съ неподдѣльной горечью жаловался на свою жуткую растерянность среди «пугалъ жизни», на свое безысходное одиночество. Рѣчь дышала тѣмъ сдержаннымъ, какъ бы устремленнымъ внутрь себя энтузіазмомъ, какой свойственъ замкнутымъ натурамъ, обреченнымъ на внутреннее перегораніе. Наталья Алексѣевна съ удивленіемъ сознавала, что этотъ мрачный, элегическій потокъ какимъ-то непонятнымъ образомъ утѣшаетъ ее, успокаиваетъ...

Какимъ близкимъ, родственнымъ казалось ей все, что Опаловъ переживаетъ! И самъ онъ никогда еще не былъ для нея такъ близокъ...—«Вотъ тутъ можетъ быть полное сочувствіе, полное пониманіе. Вотъ, съ кѣмъ можетъ быть одна общая душа!..» Вдругъ, какъ отъ внезапной боли, вскочила, заметалась по комнатѣ...

— Наталья Алексѣевна, что съ вами? Куда вы?

Она уже одѣвалась съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ въ тѣсной передней...

— Мнѣ надо, надо!.. Я забыла... Какъ бы не опоздать?..

— Да что такое? Въ чемъ дѣло?

Но Ходынцева была уже за дверью.

VII.

Сбѣжала съ лѣстницы, наняла извозчика и всю дорогу твердила:

— Скорѣй! Ради Бога, скорѣй!

Изъ головы не выходила Наточка: представлялась такой заброшенной, сиротливой.—«Вѣдь я ее такъ мало видѣла эти дни!» Навѣрно, поджидала маму, не хотѣла укладываться... можетъ быть, капризничала, плакала? И отецъ, и мать—оба какъ будто сбѣжали отъ нея: какія мысли, какіе вопросы бродятъ въ ея головкѣ?.. Ахъ, только бы застать ее не спящей, прижать къ сердцу, самой уложить въ постель!

— Скорѣй, извозчикъ, скорѣй!

— «Нѣтъ, не поспѣю... Няня успѣла уложить ее... Но, можетъ быть, она еще не спитъ? Дѣвочка иногда долго не засыпаетъ»...

— Какъ Ната? Заснула?

— Вотъ только-только... Насилу угомонила... А что Василій Николаевичъ?

Глаза у няни были заплаканы... Наталья Алексѣевна, не отвѣчая, пробѣжала въ дѣтскую.

Тускло, словно прищурившись, свѣтила миніатюрная, какъ будто игрушечная лампадка. Ната спала, разметавшись поперекъ кроватки, сбивъ въ комокъ одѣяло. Едва прикасаясь губами, мать покрывала поцѣлуями дѣтское тѣльце, начинавшее зябнуть, потомъ съ нѣжной осторожностью натянула на нее одѣяльце и долго стояла, прислушиваясь къ чуть замѣтному дыханію дѣвочки. Мысль, что Наточка не подозрѣваетъ, какъ отравлено тѣло отца и душа матери, растравляла Наталью Алексѣевну, сжимала горло, гнала къ глазамъ жгучія слезы. Это безпомощное существо, такое трогательно крошечное, ожидаютъ ужасы жизни, которая смелетъ ее своими жерновами... Быть можетъ, она видитъ сейчасъ во снѣ что-нибудь веселое, «красненькое»? Она вѣдь такъ безконечно далека отъ мрачныхъ чудовищъ, подстерегающихъ человѣка, отъ жуткихъ тѣней, замутившихъ сердце ея мамы...

Передъ этимъ дѣтскимъ, невинно спящимъ личикомъ, Наталья Алексѣевна чувствовала себя такой исковерканной, испорченной, недоброй и некрасивой. Такъ темно и безпорядочно внутри, такая зловѣщая разноголосица... Кого-то жалко до муки, кого-то или что-то оплакиваешь, и ропщешь горько, и раскаиваешься...

— «Господи Боже, что же это со мной!?.»

Поспѣшила выдти изъ дѣтской, но, не дойдя до своей комнаты, неожиданно рухнула на стулъ въ темной столовой и зарыдала...

А Дмитрій Петровичъ сидѣлъ въ это время за письменнымъ столомъ и, при яркомъ свѣтѣ большой спиртовой лампы, записывалъ въ красиво переплетенную тетрадь:

— «Сегодня я лишній разъ убѣдился, какое громадное значеніе можетъ имѣть въ моей жизни умная, тонкая, глубоко чувствующая женщина. Глаза Натальи Алексѣевны—что-то чудесное... сказалъ бы даже божественное. Въ нихъ, какъ въ спектроскопѣ, отражаются всѣ цвѣта и оттѣнки мысли, настроенія. Я видѣлъ воочію, какъ она страстно поглощаетъ идею, какъ глубоко складываетъ въ сердцѣ. Мало того: не только воспринимаетъ, но и перерабатываетъ тотчасъ же по своему. Я чувствовалъ, какъ мои мысли, пройдя сквозь ея духовную призму, одѣваются въ

плоть и кровь, становятся для меня осязательными, точно живыя существа. Даже до такой степени, что у моей нирваны появилось какъ будто лицо, глаза: они смотрятъ на меня, глубокіе, величавые, проникнутые безпредѣльной жалостью ко всему живому...

Прежде я страстно мечталъ о любви Н. А., но мало зналъ ее и мало любилъ. То было скорѣй поэтическое настроеніе, постоянно подогрѣваемое, чѣмъ серьезное чувство... А вотъ теперь, кажется, люблю по настоящему: люблю ея душу, всю ея личность, ея моральную и умственную красоту. Она для меня — то же, что сегодняшній прелестный лучъ, разомъ все оживившій, позолотившій.

Да, — но она жена В. Н!

Такъ чтожъ изъ этого? Разъ между ними нѣтъ настоящей, живой любви, душевной близости?.. Помню, какъ послѣ разныхъ семейныхъ недоразумѣній и дрязгъ, оживлялась она при мнѣ, какъ жаждала уйти мыслью, въ бесѣдѣ со мной, подальше отъ этой несносной обыденщины, въ міръ идей и грезъ. Ей нужна не будничная семейная лямка, а красивая любовь, освѣщенная отблескомъ высшаго. И это — ея законнѣйшее право... Надо же ей «отдохнуть сердцемъ»!

Жизнь такъ груба, такъ нищенски-бѣдна, несправедлива и несчастна, что мы должны хвататься жадно за каждый свѣтлый, поэтическій лучъ, иначе злая дѣйствительность скомкаетъ, принизитъ твою душу. Кому открылась вся бездна страданій и ужасовъ, называемыхъ человѣческой жизнью, того не могутъ отпугнуть жалкія условности, изобрѣтенныя плоскими умами. До нихъ ли человѣку, постигшему ничтожество всего сущаго? Пусть живутъ ими люди, смакующіе такъ называемую реальность, а для меня всѣ вопросы сводятся къ одному: найти фатаморгану, чтобы, любуясь ею, забыть объ окружающей унылой и безплодной пустынѣ. Пусть волшебная завѣса прикроетъ отъ меня жизнь, со всѣми ея язвами и уродствами!..

И все-таки мысль о В. Н. пригнетаетъ меня. Долженъ признаться: всегда я ощущалъ къ нему глухую вражду, какъ къ счастливому сопернику. Вѣдь это же дико: не онъ отнялъ у меня Н. А., а я самъ отошелъ отъ нея, не желая помириться на маленькомъ, какъ мнѣ казалось, счастіи. А теперь я понялъ истину: кромѣ этого «маленькаго счастія» нѣтъ ничего въ нищенской сумѣ жизни, и потому безумно — отказываться отъ него..

Зачѣмъ я ѣздилъ въ больницу, зачѣмъ видѣлъ В. Н? Вѣдь я не чувствовалъ ничего, кромѣ брезгливости къ нездоровому,

некрасивому тѣлу. И В. Н. понялъ это, и даже больше этого. Должно быть, на больничной койкѣ наживаешь какую-то особенную чуткость: мнѣ все кажется, что В. Н., какъ медіумъ, читаетъ въ нашихъ сердцахъ,—оттого-то онъ такъ и желченъ. Но пускай, пускай! Вопросъ слишкомъ трагиченъ для меня и Н. А., чтобы останавливаться передъ...

Разъ я впервые увидалъ единственный лучъ возможнаго для меня счастья, иллюзію хотя бы временнаго успокоенія отъ каторжной маеты? Да, я не только предощущалъ это «единственно возможное», но уже жилъ имъ нѣсколько мгновеній. А вѣдь въ этомъ для меня все, тогда какъ для В. Н... Вотъ онъ издастъ свой учебникъ и будетъ доволенъ, а тамъ примется за новые планы.

Сидѣть съ ней рядомъ, повѣрять самыя задушевныя мысли, которыхъ никто, кромѣ нея, не пойметъ, не оцѣнитъ, видѣть, какъ онѣ, словно искры, загораются въ ея душѣ,—кажется, я, мертвый для всего другого, имѣю право на крошечную частицу жизни?.. Чувствую, какъ, въ отвѣтъ на это, каменная дѣйствительность заноситъ надо мной безсмысленный, чудовищный кулакъ, готовый сокрушить все мало-мальски тонкое, глубокое. И опять нирвана вперяетъ въ меня свои страшныя, загадочныя очи»...

VIII.

— Смотрите, Наталья Алексѣевна, какъ все за какія-нибудь три недѣли измѣнилось! Природа долго стояла на распутьи, и вдругъ ее охватила нервная торопливость. Замѣчаете, съ какой побѣдоносной стремительностью дѣлаетъ свое дѣло весна? Сугробы исчезли, какъ по волшебству: испугались горячаго солнца и, чтобы удрать поскорѣй, обратились въ стремглавъ бѣгущіе ручьи. Да, природа переставляетъ свои декораціи съ молніеносной скоростью.

И Опаловъ продекламировалъ съ холодноватымъ паѳосомъ:

«Снова геній жизни вѣетъ,
Возвратилася весна:
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ,
Ледъ разрушила волна».

Они шли подъ руку, направляясь къ больницѣ. Въ своихъ весеннихъ костюмахъ, оба казались помолодѣвшими. Свѣжая со-

ломенная шляпа дѣлала Наталью Алексѣевну больше, чѣмъ когда-либо, похожей на барышню... Въ глазахъ, полныхъ какой-то восторженной задумчивости, было столько молодой жажды жизни...

Въ свободные отъ уроковъ дни Опаловъ провожалъ Ходынцеву или встрѣчалъ, когда она возвращалась изъ больницы. Самъ онъ уже не навѣщалъ Василія Николаевича: тотъ настолько поправился, что на него можно было смотрѣть, какъ на здороваго...

Доѣхавъ на трамваѣ до заставы, они шли обыкновенно не прямо къ больницѣ, а дѣлали большой кругъ мимо дальней рощи, проходили по берегу рѣки и добирались до больницы съ тыла. Недавно еще по канавамъ шумѣли полноводные ручьи, всюду виднѣлись сверкающія лужи, итти можно было по узенькимъ, полупросохшимъ тропкамъ; а теперь тепло и сухо, какъ лѣтомъ, по бортамъ канавы и по всему полю зазеленѣла новорожденная травка; на большакѣ, ведущемъ къ больницѣ, поднимается временами первая пыль. Въ перелѣскѣ, который они только что прошли, уже набухали нѣжныя почки на вербахъ...

— Дышите, Наталья Алексѣевна, дышите! Воздухъ-то какой!.. Вѣдь мы съ вами никогда не видимъ весны. Развѣ пришло бы намъ въ голову дѣлать загородныя прогулки? Мы продолжали бы чахнуть вплоть до каникулъ за учебниками и тетрадками, даже не вспомнили бы, что бокъ о бокъ съ нами есть такія чудеса красоты. Мнѣ сейчасъ хочется, какъ мальчишкѣ, бѣгать, прыгать, дурачиться, точно мнѣ не 36 лѣтъ, а 16-ть... честное слово! Вѣдь не часто приходится переживать такое упоеніе жизнью, такъ непосредственно наслаждаться привольемъ.

Они подвигались впередъ не спѣша, какъ бы прогуливаясь для собственнаго удовольствія, вдыхая полной грудью живительный, насквозь прогрѣтый воздухъ. Мелькнуло вдали зловѣщее больничное зданіе, казавшееся прежде Натальѣ Алексѣевнѣ колоссальной гробницей. Теперь оно какъ будто стушевывалось среди этого радостнаго простора, среди океана ликующей весенней жизни. Казалось, сама каменная громада жадно впитываетъ въ себя животворные лучи, и окна ея блестятъ, какъ глаза воспрянувшаго духомъ человѣка...

Наталья Алексѣевна пріостановилась, жмурясь отъ ослѣпительнаго каскада лучей, ощущая во всемъ организмѣ какую-то дремотную нѣгу и лѣнь. Длинный заборъ, огораживающій пустошь, еще мокрый послѣ недавняго ливня, какъ-то празднично сверкалъ на солнцѣ, словно и онъ, всегда такой угрюмо-скучный, вдругъ чему-то обрадовался...

— Помните, Дмитрій Петровичъ: давно ли у этого забора бурѣла гигантская глыба снѣга? Представлялась такой закаменѣлой, неподатливой, точно рѣшила вѣка простоять тутъ... А теперь вонъ и слѣда не осталось. Даже лужа успѣла высохнуть...

Она обвела еще разъ взглядомъ всю широкую панораму полей и перелѣсковъ и вздохнула глубоко, облегченно:

— Хорошо!.. Такъ бы и простояла до вечера! Только тутъ и чувствуешь себя живой... А то я ужъ совсѣмъ отвыкла отъ этого ощущенія: точно не мужъ, а я сама проживаю въ больницѣ... мѣсяцы, годы!.. Только теперь начинаю сознавать, какой усталой, надломленной жизнью жила: такъ все сумрачно, нудно, безкрасочно!.. Поживешь такимъ образомъ пять-шесть лѣтъ—и невольно утратишь всякое представленіе о здоровой, живой жизни... Ну, я должна въ больницу; а вы подождете меня?

— Да, да! Вонъ у той будки... какъ всегда. Мы съ вами еще прогуляемся: пересѣчемъ рощу и вернемся по желѣзной дорогѣ. Это будетъ славная экскурсія...

Вступая на больничный дворъ, Наталья Алексѣевна уже не ощущала прежней тревоги. Опасность давно миновала, Василій Николаевичъ ѣстъ твердую пищу, можетъ сидѣть, читать; онъ даже вставалъ, подходилъ къ окну, хотя это ему еще не разрѣшено. Температура, выставляемая ежедневно на черной дощечкѣ у койки,—почти нормальная, пульсъ—тоже ничего... А главное: разговариваетъ совершенно по здоровому,—просто, забываешь, что онъ не дома... Да и посѣщенія больницы успѣли стать привычнымъ, повседневнымъ занятіемъ, притупляющимъ чувства: когда въ ворота въѣзжала карета скорой медицинской помощи или траурная колесница, Наталья Алексѣевна не вздрагивала, какъ раньше, а провожала ихъ скучающимъ взглядомъ... Единственно, что мучило ее теперь, это—брезгливость. Деревца за оградой и клумбы на скверѣ казались гніющими, обреченными на тлѣніе, а вся атмосфера—насыщенной зловредными испареніями... Брезгливо смотрѣла она на носилки съ больнымъ, котораго несли въ операціонную, на выздоравливающихъ, что вышли въ своихъ безобразныхъ халатахъ погрѣться на солнышкѣ. Такъ противно было уходить изъ свѣтлаго простора въ каменныя нѣдра больницы, видѣть надъ собой, вмѣсто залитаго весенними лучами неба, потолокъ палаты, мертвый, однообразный, слышать, вмѣсто трелей жаворонка, покряхтыванія и стоны больныхъ.—«Должно быть, душа до того устала, что не въ состояніи больше вмѣ-

щать ничего больного?». Брезгливо морщась, надѣвала халатъ и шла по коридору, чувствуя, что ее мутитъ отъ больничныхъ запаховъ. Пока достигнетъ палаты № 29-й, ее уже успѣетъ охватить, вопреки здравому смыслу и волѣ, что-то слѣпо-враждебное, стихійно протестующее. И это чувство какъ будто мгновенно передается Ходынцеву: онъ насмѣшливо привѣтствуетъ жену, нарочно язвитъ Опалова, издѣвается надъ его «словесностью и элоквенціей»... Наталья Алексѣевна чувствуетъ, что мужъ понялъ ея новое настроеніе, и это непріятно сковываетъ ее, дѣлаетъ тонъ неестественнымъ, точно притворнымъ. Спроситъ:—«Когда же тебя выпустятъ отсюда, Вася?»—и видитъ по усмѣшкѣ мужа, что онъ плохо вѣритъ въ ея искренность. Тогда въ ней самой шевелится вопросъ: «Да радуетъ ли меня въ самомъ дѣлѣ, что онъ скоро вернется домой»?. И съ каждой минутой становится тяжелѣе, невыносимѣе. Невольныя непріязненныя ощущенія пробѣгаютъ внутри, какъ зыбь по водѣ:

— «Что за желчное у него лицо!.. Какой тяжелый взглядъ!.. И до чего безобразятъ его этотъ халатъ, туфли!.. Вотъ онъ ноетъ, а самъ неравнодушенъ къ Марьѣ Асафовнѣ... Ямочки, что ли, его прельщаютъ?». Эти мимолетныя мысли-ощущенія мелькнули въ мозгу и провалились въ тьму душевнаго подполья, но все же успѣли замутить душу...

Пытка кончилась. Наталья Алексѣевна выходитъ на воздухъ. Восхитительное чувство свободы сладко волнуетъ, пьянитъ. Все здоровое, сильное, красивое кажется особенно прекраснымъ. Воздушная даль манитъ непреодолимо. Какъ-то по новому, особенно свѣжо и остро, воспринимаешь и этотъ мокрый заборъ, и ручеекъ на днѣ канавы, ставшій жиденькой струйкой, и чуть видные телеграфные столбы вдоль полотна желѣзной дороги... Манитъ въ далекое, невѣдомое приволье.

Опаловъ уже завидѣлъ ее, идетъ навстрѣчу.

— Ну, что? Какъ онъ?

Наталья Алексѣевна пожимаетъ плечами:

— Все то же... Та же желчь.

Опаловъ беретъ ее подъ руку:

— Дышите, дышите хорошенько! Вамъ надо отдышаться... Когда онъ возвращается домой?

Въ голосѣ слышна ревнивая нотка. Наталья Алексѣевна улавливаетъ ее, вздыхаетъ, глубоко задумывается.—«Опять потянется старое... эта вѣчная опека... всѣ эти стѣсненія... и несносная, лихорадочная гонка... Не буду принадлежать себѣ... Конецъ моей свободѣ»... Квартира, въ которой вновь водво-

рится Василій Николаевичъ съ своей несокрушимой волей и безпощадной дѣятельностью, заранѣе давитъ ее... Она и такъ устала, а ей будутъ указывать на крутую гору, подталкивать:— «Лѣзь же, лѣзь, карабкайся»!

— Видите, какъ обмелѣли ручьи въ канавахъ?—сказала она однажды Опалову.—Вотъ такъ же, должно быть, мелѣетъ и чувство...

— Правда, правда... Сначала—водополье, разливъ, а потомъ начинается мелководье: гдѣ когда-то были глубины, тамъ теперь видишь дно...

IX.

Василій Николаевичъ стоялъ у окна, притиснувъ лобъ къ стеклу. Ноги отъ слабости подкашивались, около сердца что-то дрожало и какъ будто перекатывалось, а пониже, гдѣ-то глубоко, ныла тупая боль. Корчась и прижимая рукой больное мѣсто, Ходынцевъ продолжалъ смотрѣть въ окошко застывшими въ испугѣ глазами...

— Что вы дѣлаете?! Вамъ даже сидѣть запрещено... Вѣдь опять боли!

Василій Николаевичъ поднялъ съ трудомъ руку, молча указалъ Марьѣ Асафовнѣ на окно. Та взглянула и увидѣла Наталью Алексѣевну: она подходила къ воротамъ больницы подъ руку съ Опаловымъ.

— Ну, что жъ тутъ такого? Я не понимаю... Ваша супруга...

— Да вы взгляните, какъ они идутъ, какъ разговариваютъ!.. Нѣтъ, вы, здоровая, не понимаете, не чувствуете, а я давно все понялъ... Видите, какъ они прощаются?

Опаловъ у самыхъ воротъ остановился и долго держалъ руку Натальи Алексѣевны, не переставая разговаривать...

— «И башмаковъ еще не износила»...—сказалъ Василій Николаевичъ, повертывая къ сестрѣ потемнѣвшее лицо.

— Башмаки? Какіе башмаки? О чемъ вы?.. Лягте, лягте!

Марья Асафовна, видимо, приняла его слова за бредъ. Блуждающій, растерянный взглядъ Ходынцева еще больше убѣждалъ ее въ этомъ.—«Надо Егоръ Егорычу сказать»...

— Лягте, сейчасъ же лягте!

— «Проклятъ человѣкъ, надѣющійся на человѣка»...— молвилъ со стономъ больной и, какъ мѣшокъ, опустился на

койку.—Не пускайте ее сюда, ради Бога... Не хочу, не могу!.. Скажите ей, что я сплю. Ну, что-нибудь скажите...

Марья Асафовна постояла въ недоумѣніи и вышла, а Ходынцевъ продолжалъ бормотать стонотно:—«Не хочу, не хочу... Не нужно... Проклятъ человѣкъ»... Старикъ, сосѣдъ по койкѣ, лежалъ, запрокинувъ голову, и тихонько скулилъ: утромъ ему что-то вырѣзали, и онъ все время жаловался на жгучую боль въ ранѣ, подвывая порой, какъ прибитая собака. У Ходынцева тоже нестерпимо ныло въ глубинѣ живота, но душевная мука пересиливала.—«Наташа—не моя и никогда не была моей, неразрывной... Ей нужно ласковыхъ телятъ... въ родѣ Опалова... Обожаетъ красоту... даже не красоту, а красивость... чтобы все было корректно, деликатно. Все отдастъ за изящную форму... Маленькая, суетная, поверхностная. Чувства нѣтъ,—одна чувствительность»... Старался разжечь въ себѣ ожесточеніе, но оно тотчасъ остывало отъ мысли, залегшей на днѣ души холоднымъ ужасомъ:—«Нѣтъ любви, нѣтъ Наташи,—что же у меня останется? Какой смыслъ всѣхъ моихъ усилій, трудовъ, надрыванiй и достиженій? Здоровье, надежды, всѣ силы поставлены на карту, а она этого не понимаетъ, не хочетъ понимать: вотъ, гдѣ злая, непереносная обида»!

— Сказала, что вы уснули. Наталья Алексѣевна ушла... А вы засните, и вправду: вѣдь всю ночь, говорятъ, не спали?

— Да, опять мучила боль... Посидите со мной: тоска...

Марья Асафовна присѣла на койку съ видомъ человѣка, ежеминутно готоваго сорваться съ мѣста. Какъ бы боясь этого, Василій Николаевичъ сжалъ ея руку въ своихъ ослабѣвшихъ рукахъ и началъ торопливымъ полушепотомъ жаловаться на жену и свою семейную жизнь:

— Знаете, какъ бываетъ? Со стороны все какъ будто благополучно, даже превосходно, а на самомъ дѣлѣ... Я всѣ эти годы чувствовалъ себя одинокимъ: я зналъ, что она, самый мой близкій человѣкъ, единственный близкій, не раздѣляетъ моего завѣтнаго, не живетъ имъ. Это меня мучило, ожесточало, потому что... какая неправда можетъ быть хуже этой? Вотъ вы, почти чужая мнѣ, сочувствуете, жалѣете, понимаете, а она... Вѣдь это не любовь, а заноза: ее ощущаешь безпрерывно, ежеминутно... Боль и раздраженіе...

Онъ остановился, догадавшись по тупому выраженію глазъ сестры, что она не понимаетъ, хоть и старается понять.—«Но она все-таки пойметъ... сердцемъ почувствуетъ»!

— Она вотъ какая: отдай ей всю душу, разорвись для

нея пополамъ, но если сгоряча скажешь ей рѣзкое слово, она позабудетъ всю твою любовь, запомнитъ только это одно неосторожное словцо. Вотъ, что несправедливо, оскорбительно!.. Это значитъ: нѣтъ настоящаго довѣрія, нѣтъ дѣла до твоей души... Она и образованная, и умная, и все такое,—а души не чувствуетъ. Бываютъ же у другихъ жены: можетъ быть, и не такія тонкія, сложныя, да сердечныя: ужъ онѣ не покинутъ мужа въ бѣдѣ...

Онъ долго говорилъ, ропща съ горечью, растравляя въ себѣ болячку обиды, для которой не находилъ достаточно словъ: все чудилось, что отъ него самого ускользаетъ жало, причиняющее тоску и боль... Смущало и то, что онъ никакъ не можетъ попасть въ фокусъ зрѣнія этихъ красивыхъ, ласковыхъ глазъ: они смотрѣли на него, но какъ будто не видѣли...

— Усните лучше...—прервала на полфразѣ сестра.—Что, взаправду, разстраиваться?

Онъ взглянулъ попристальнѣй въ ея лицо, подернутое неизмѣнной участливостью, всегда готовой и всегда холодной, и понялъ, что она жалѣетъ не человѣка, а больного, паціента такой-то палаты, жалѣетъ страдающее тѣло—и забываетъ о душѣ, съ которой ей нечего дѣлать...

Марья Асафовна уже склонилась надъ стонущимъ старикомъ:

— Что, мой родной? Что, мой дорогой?

Ходынцевъ вспомнилъ, что ужъ давно не слыхалъ отъ сестры ласкательныхъ словъ: съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ стонать и на черной дощечкѣ появились утѣшительныя обозначенія. По мѣрѣ того, какъ онъ выздоравливалъ, сестра дѣлалась съ нимъ все суше, отдавая участливыя заботы и ласку другимъ, стонущимъ и жалобно причитающимъ. Краска стыда вдругъ выступила на его безкровныхъ, втянутыхъ щекахъ: какъ могъ онъ, Ходынцевъ, всегда ревниво оберегавшій свою интимную жизнь, повѣрять ни съ того, ни съ сего семейныя тайны этой носительницѣ профессіональнаго милосердія, разоблачать передъ ней свою Наташу, о которой прежде никто не слышалъ отъ него ни одного двусмысленнаго слова?

— «Это—какое-то самоотравленіе... Должно быть, я помутился въ проклятой больницѣ, на этой постылой койкѣ»?.

Съ отвращеніемъ повернулся къ стѣнѣ, силясь не думать, не помнить, забыться. Старикъ поскулилъ еще немного и затихъ. Сестра опять подошла къ Василію Николаевичу, спросила

о чемъ то, повторила вопросъ... Ходынцевъ притворился спящимъ.

Очнулся, заслышавъ тихіе голоса Марьи Асафовны и Руброва:

— Съ утра жалуется на боли... И ночь не спалъ...

— Боли? Гдѣ? Въ какомъ мѣстѣ?

— Говоритъ: вотъ тутъ...

— Не иначе, какъ новый гнойникъ... Пожалуй, опять рѣзать придется... А зачѣмъ позволяете вставать?.. Ни подъ какимъ видомъ!.. Спитъ теперь?.. Когда проснется, пришлите за мной...

X.

Сумерки. Въ палатѣ зажгли висячую лампу. Василій Николаевичъ лежитъ не шевелясь, лицомъ къ стѣнѣ, съ закрытыми отъ изнеможенія глазами. Назойливыя, колючія мысли неотступно, не давая передышки, буравятъ мозгъ. Минутами Ходынцеву кажется, что онъ летитъ стремглавъ съ головокружительной высоты: такъ дрожитъ и замираетъ сердце; потомъ оно какъ будто ростетъ, мучительно распирая грудь, переливается тамъ, какъ жидкость... А мысль, несмотря ни на что, продолжаетъ свою ноющую пѣсню.

Василій Николаевичъ думаетъ о Наташѣ, перебираетъ въ умѣ годы совмѣстной жизни. Какъ хорошо было начато—и какой мрачный конецъ! Кипучая энергія у обоихъ, вѣра въ себя, въ свое будущее. Глубоко глядѣли другъ другу въ душу, глубоко вѣрили... Потомъ—лихорадочная погоня за знаніями, средствами, за прочнымъ, независимымъ положеніемъ. Все внутри загромождено грызущими заботами, нѣтъ ни времени, ни силъ пожить общей духовной жизнью. Въ каторжной маетѣ не замѣтили, какъ отбѣжали одинъ отъ другого, какъ образовалась между ними сѣть перегородокъ и канавъ. Раздѣленные, отчужденные, уже не узнавали порой другъ друга, разучились понимать... А вѣдь оставалось только перешагнуть послѣднюю грань, чтобы ощутить ту безграничную взаимную близость, при которой становятся невозможны никакія сомнѣнія, никакія подозрѣнія...

И вдругъ вздрагиваетъ весь отъ укушенія ядовитой мысли:

— «Она мучится за меня... можетъ быть, вся растерялась,—а я ворчу, придираюсь, оскорбляю грубымъ недовѣріемъ...

спѣшу впустить въ истерзанное сердце каплю злой отравы. И что за безуміе овладѣло мной? Неужели я по натурѣ такой мерзкій, бездушный эгоистъ? Нѣтъ, нѣтъ, это болѣзнь дѣлаетъ человѣка злымъ, мелочнымъ, ничтожнымъ!.. Гной излился не въ брюшную полость, а въ душу»...

— «Ну, а раньше... до больницы? Щадилъ ли я ее, берегъ ли? Положимъ, я и себя не щадилъ... Безуміе, безуміе! Гнался за пустякомъ, за тѣнью, пробѣгалъ мимо самаго важнаго... «Прочность положенія»?—Ну, развѣ это не тѣнь, не призракъ? И вѣдь я самъ все время ощущалъ непрочность этого, точно вотъ хожу по канату надъ пропастью... Теперь канатъ лопнулъ»...

Мысли кружатся бѣшенымъ вихремъ, переплетаясь и скручиваясь въ самые фантастическіе узлы.

Мерещется какая-то неизмѣримо-громадная черная пасть: разверзлась и готова все поглотить... даже то, что казалось доселѣ такимъ значительнымъ, неприступнымъ. Вотъ она уже втягиваетъ тебя со всѣмъ, что есть спереди и сзади и вокругъ. Все колеблется, рушится, и не за что уцѣпиться... Внутренній взоръ шаритъ по землѣ и по небу: кого звать? кого просить о спасеніи?... И нѣтъ ничего, кромѣ черной, разинутой пасти... Вверху, внизу, со всѣхъ сторонъ—бездны. Все глухо и нѣмо...

Въ палатѣ тишина. Чуть-чуть потрескиваетъ керосинъ въ лампѣ, да старикъ тяжко дышитъ во снѣ... Василія Николаевича не перестаютъ тревожить какіе-то неопредѣленные, однообразные звуки, не то страшно близкіе, не то страшно далекіе. Безпокоитъ мысль, что это—нѣчто особенное, неестественное, никогда не испытанное. Не дождь ли стучитъ по крышѣ? Не падаютъ ли капли изъ крана рукомойника? Или сверчокъ верещитъ въ коридорѣ?.. Но—нѣтъ, нѣтъ! Все это—не то... Вотъ теперь—словно віолончель, то такъ заглушенно, неуловимо, точно изъ-подъ земли... или точно внутри тебя? Удивительно странные звуки: онъ никогда не слыхалъ, даже представить не могъ такой всепримиряющей печали, такой лучезарной грусти...—«А, понимаю, у віолончели есть своя душа, и душа эта плачетъ... Только почему это выходитъ у нея такъ пріятно, успокоительно?.. Да нѣтъ, это, просто, у меня въ ушахъ звенитъ»...

Василій Николаевичъ выходитъ изъ забытья, слышитъ посапываніе старика, чьи-то шаги по коридору... И снова работаетъ буравъ:

— Она полюбила другого, нашла свое счастье, говоритъ мнѣ объ этомъ безъ страха, безъ недовѣрія. Мнѣ больно, сердце

кровоточитъ, но я люблю, жалѣю Наташу, радуюсь за нее: наконецъ-то ей будетъ спокойно, хорошо!.. Да, вотъ это была бы любовь: Наташа во мнѣ, и я—въ ней, одна душа, одно сердце! И вѣдь могла бы, могла бы быть такая великая близость и любовь. И было бы не страшно, не тяжко, а легко. И прочно... да. А теперь... Гнусное зрѣлище! Гнусно и смрадно... Закроешь ставни—и не видишь солнца, а вѣдь оно есть... тамъ, вверху... Копошишься въ темнотѣ, а умрешь,—еще темнѣе... Самолюбіе... дороговизна... квартира... Хотѣли чистой, свѣтлой жизни... Расчистить путь... Потускнѣла, зачерствѣла душа... Сказать объ этомъ Наташѣ...»—Обезсиленная мысль застилается туманомъ, но внутри продолжаетъ дрожать безсознательная тревога, какъ замолкшая, но все еще вибрирующая струна... Что-то непремѣнно надо сдѣлать, о чемъ-то поскорѣй позаботиться,—но о чемъ?—«Кажется, лампа плохо горитъ?.. Ну, пусть ее. Все равно»...

Опрокинутый разсудокъ все хочетъ собраться съ силами, приподняться...

— «Если бъ сказать ей, что́ я узналъ теперь, еще можно было бы поправить... Но, Господи, отчего вдругъ такъ тягостно, жутко?.. Взять ея руку, держать... чтобы она была вотъ здѣсь, близко»...

— Наташа!

И сейчасъ же еще больше испугался:

— «Неужели это мой голосъ?».

Потомъ сизая мгла заполнила палату. Потолокъ, стѣны, койка колебались и двигались, какъ въ сильную качку. Предметы, лица, звуки—все смѣшалось, кошмарно перепуталось...

— «Надо проснуться поскорѣй... Нѣтъ,—лучше уснуть!»..

Съ удесятеренной силой кружится рой темныхъ, безформенныхъ воспоминаній.

Кто-то жалобно мычитъ...—«Старикъ—или я самъ?».

Кто-то низко склонился надъ изголовьемъ.—«Это Наташа... Она—здѣсь... Она вѣдь всегда со мной»... Василій Николаевичъ даже чувствуетъ прикосновеніе гладкой, нѣжной, прохладной кожи ея щеки, хочетъ погладить, но рука онѣмѣла... Вдругъ обжигаетъ молнія чужого взгляда: онъ видитъ такъ близко-близко отъ себя маленькіе сѣрые глаза, выглядывающіе изъ глубокихъ впадинъ, какъ изъ потайныхъ норъ, и слышитъ глухой, неестественный, какъ въ телефонѣ, голосъ:

— Ослабло сердце... Отравленіе токсинами... Впрыскиваніе...

— «Это Рубровъ, но какой-то другой: тихій и трогатель-

ный... И Марья Асафовна тутъ... И еще кто-то... Кто же это? Ну, да все равно... Всѣ—какіе-то испуганные, притихшіе... и всѣ добрые».

— Уснуть бы немножко! лепечетъ Василій Николаевичъ.

— Сейчасъ, сейчасъ уснете. Вотъ мы сдѣлаемъ уколъ, вспрыснемъ. Онъ чувствуетъ, его колютъ въ разныя мѣста, но боли не ощущаетъ, а какъ будто тихо и плавно погружается въ бездонный, прохладный колодецъ... «Такъ-то вотъ лучше, спокойнѣе. Сейчасъ засну, отдохну»...

Кто-то взялъ за руку...—«А, это пульсъ щупаютъ. Ну что жъ? Пускай!.. Мнѣ же лучше... Вотъ только шумятъ, мѣшаютъ... И что это за странный гулъ? Неужели трамвай?».

Голова свисла съ подушки и судорожно дергалась на исхудалой, жилистой шеѣ. Губы все время шевелились, силясь выговорить:—«На...та...ша»...

XI.

— Вы сегодня какая-то... Что съ вами, Наталья Алексѣевна?

— Ничего... Этотъ вѣтеръ... Когда вотъ такъ шумитъ, воетъ, я дѣлаюсь сама не своя.

Неистовые порывы вѣтра, налетающіе бѣшено на окна, каждый разъ заставляли Ходынцеву нервно вздрагивать и пугливо озираться. Она подходила къ окну, смотрѣла, какъ мечется отъ вихря огонекъ въ фонарѣ противъ дома, садилась на кушетку, опять вскакивала... Опаловъ, размѣстившись поудобнѣе въ мягкомъ креслѣ, слѣдилъ за ея безпокойными движеніями и досадовалъ на вѣтеръ, мѣшающій вдумчивой, мирной бесѣдѣ. У него уже вошло въ привычку—проводить вечера у Натальи Алексѣевны: поиграетъ съ Наточкой, займетъ ее картинками, разскажетъ про карликовъ и эльфовъ, а когда она уляжется, читаетъ или бесѣдуетъ съ Натальей Алексѣевной въ ея комнатѣ... Но сегодня хозяйка имѣетъ такой озабоченный видъ; такъ нервозна...— «Впрочемъ, и это выходитъ у нея какъ-то красиво»...

— Я вотъ смотрю на васъ, Наталья Алексѣевна, и невольно вспоминаю... Помните, какъ я хаживалъ къ вамъ въ былое время... когда вы еще снимали «комнату отъ хозяевъ»? Славная была пора,—не правда ли? Мнѣ всегда представлялось, что отъ вашего внутренняго «я» исходитъ какой-то прелестный, тонкій ароматъ: онъ заглушалъ для меня несносный запахъ дѣйствительности...

Вы, какъ сказочная фея, о которой я разсказывалъ сегодня Наточкѣ, умѣли, даже не стараясь особенно, все украсить, опоэтизировать... Удивительно, сколько въ васъ было этой творческой, радостной силы!

Наталья Алексѣевна краснѣла и застѣнчиво хмурилась, какъ бывало всегда, когда ее хвалили въ глаза; но, задѣтая послѣдней фразой, прикусила губу...

— Было?.. А теперь?

— И теперь въ васъ есть залежи этой силы, этой красивой жизни; но вы слишкомъ привыкли чувствовать себя усталой, озабоченной... Вы какъ будто разочарованы или напуганы... Я бы, Богъ знаетъ, что далъ, лишь бы выпрямить чудный цвѣтокъ, помятый бурей...

Наталья Алексѣевна вся вспыхнула отъ этой цвѣтистой фразы, сказанной черезъ-чуръ серьезно, и окончательно насупилась. А Опаловъ продолжалъ, любуясь ея замѣшательствомъ:

— Кому бы ни принадлежалъ этотъ цвѣтокъ, но пусть онъ по прежнему цвѣтетъ и благоухаетъ. Я готовъ полжизни отдать, чтобы къ вамъ вернулась прежняя молодая бодрость, жизнерадостность, это дивное цвѣтеніе души. Что передъ нимъ какія бы то ни было обязательства, разныя «полезности», вся дѣловая шумиха, всѣ понятія о долгѣ, принципѣ и всевозможныхъ «устояхъ»? Да я цѣлый возъ дровъ или валежника отдамъ за одинъ благоуханный ландышъ, потому что красота...

Звонокъ въ передней. Послышался голосъ швейцара:

— Барыню къ телефону...

Ходынцева сорвалась съ мѣста, выбѣжала... Дмитрій Петровичъ, недовольный помѣхой, потоптался по комнатѣ, осмотрѣлъ въ сотый разъ картины на стѣнахъ, остановился противъ маленькаго письменнаго стола, всегда аккуратно прибраннаго, и сталъ разглядывать небольшой портретъ Василія Николаевича...

— «Вотъ онъ вернется,—какъ же тогда?.. И вообще, что предпринять?»—заворочался тяжелый, какъ камень, вопросъ.

Чувствовалъ, какъ съ каждой минутой ростетъ въ немъ непріязнь къ Ходынцеву, почти ненависть, и подъ аккомпаниментъ ея сами собой проносились въ головѣ полусознательныя мысли.

— «Вѣдь какъ бы хорошо могло устроиться: она—моя жена, потому что мы созданы другъ для друга... Сидимъ здѣсь вдвоемъ въ длинные зимніе вечера, обмѣниваемся мыслями, впечатлѣніями, анализируемъ совмѣстно вопросы... Оба любимъ красоту, чувствуемъ ее. И Ната—такой славный ребенокъ, такъ

привязалась ко мнѣ... Тутъ какая-то гармонія, что рѣдко бываетъ... И все вышло бы само собой: такъ натурально, незамѣтно... Но я какъ будто желаю его смерти?.. Вовсе нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Пусть выздоравливаетъ, а только»...

Послышались быстрые шаги. Въ нихъ было что-то неуловимо тревожное, заставившее сердце Опалова екнуть. Потомъ онъ увидалъ покраснѣвшіе и какъ будто потухшіе глаза Натальи Алексѣевны...

— Что такое? Что случилось?

— Ослабленіе сердечной дѣятельности... Пульсъ... Зовутъ въ больницу... Я сейчасъ ѣду...

Опаловъ тутъ только замѣтилъ, что она—уже въ пальто и шляпѣ. Бросился въ переднюю одѣваться... Няня проводила ихъ съ убитымъ видомъ...

— Я ужъ предчувствовала это, когда его выносили на носилкахъ. Какое-то особенное выраженіе лица или... Я ужъ не знаю... Онъ въ ту ночь сразу пересталъ быть собой... Не то, что по наружности измѣнился, а... Какъ вамъ объяснить?... Ну, вотъ, если бы у васъ былъ двойникъ: совсѣмъ—какъ вы, а между тѣмъ громадная разница... Понимаете? И голосъ не тотъ, и въ глазахъ что-то чужое... А когда его проносили мимо швейцара, у того былъ такой взглядъ... Я никогда не забуду... Такъ не смотрятъ на живыхъ...

Сама, кажется, не замѣчала, какія слова срываются съ губъ. Отъ спѣшной ходьбы или отъ волненія, она поминутно задыхалась и вся нервно подергивалась...

— Ну, послушайте... Вѣдь это же, въ концѣ концовъ,— только суевѣріе... Развѣ можно придавать значеніе?..

Опаловъ говорилъ что-то успокоительное, но чувствовалъ, что и на него налетѣла тревога, какъ внезапный пароксизмъ лихорадки: самъ уже начиналъ задыхаться, самъ уже слышалъ въ своемъ голосѣ испугъ...

Въ трамваѣ Наталья Алексѣевна не сразу поняла, чего отъ нея хочетъ кондукторъ, потомъ долго рылась дрожащими пальцами въ портмонэ, силясь сообразить; взяла билетъ и видимо не знала, что съ нимъ дѣлать? Не слыша вопросовъ Опалова, молча смотрѣла въ окно вагона. Лицо казалось безжизненнымъ. Дмитрій Петровичъ подумалъ, что она боится расплакаться при публикѣ,—потому и не разговариваетъ...

Такъ проѣхали рядомъ весь длинный путь. Молчаніе это, похожее на задушенный крикъ, напрягло до послѣдней степени нервы Опалова, и онъ вышелъ изъ вагона, разбитый, осунув-

шійся... Бушующій вѣтеръ подхватилъ обоихъ въ полѣ, срывая шляпы, затрудняя ходъ. Наталья Алексѣевна тотчасъ заговорила, какъ въ бреду, о томъ, чѣмъ всю дорогу молча терзалась:

— И я считала его здоровымъ!.. Просто, какое-то ослѣпленіе, навожденіе... Онъ медленно умиралъ, а мы... За все время ни разу не спросилъ о Наточкѣ: развѣ это естественно?.. Онъ бы давно стосковался о ней, если бы... И какъ мнѣ въ голову не пришло?

...Да наконецъ, вѣдь самъ же онъ твердилъ, что ему нехорошо. У него не было никакой радости выздоровленія. Этого одного достаточно... Онъ зналъ лучше насъ всѣхъ, лучше докторовъ, а мы не вѣрили, не думали объ этомъ... Господи!

Она прошла въ хирургическій корпусъ, а Дмитрій Петровичъ остался ждать на дворѣ. Вѣтеръ крутилъ и свистѣлъ, поднимая невидимую въ темнотѣ пыль. У крыльца, освѣщеннаго фонаремъ, вздрагивалъ тѣсный кругъ свѣта, да изъ оконъ больницы падали тусклые лучи на жиденькія деревца, ростущія подъ ними. Все остальное кругомъ было погружено въ безпросвѣтную тьму, гдѣ, казалось, царилъ одинъ полновластный властелинъ: вѣтеръ...

Опаловъ усталъ ходить вдоль освѣщеннаго круга, присѣлъ было на ступень крыльца, но вспомнилъ, что на камняхъ опасно сидѣть, и пошелъ отыскивать ощупью скамейку въ небольшемъ больничномъ скверѣ, запримѣченную раньше. Чиркнулъ спичкой, взглянулъ на часы:—«Скоро будетъ часъ, какъ она ушла»...

Сидѣлъ на скамьѣ, не спуская глазъ съ освѣщеннаго круга. Никто не выходилъ изъ крыльца, ничего не было слышно, кромѣ завыванія вѣтра. Прошло еще десять минутъ, полчаса, часъ,— Наталья Алексѣевна не возвращалась...

Сначала Дмитрій Петровичъ думалъ о себѣ, о своемъ будущемъ, о Ходынцевой. «Бѣдненькая, какъ она растерялась!», перебиралъ въ памяти слова, сказанныя ею по дорогѣ, мысленно возражалъ ей: вѣдь суевѣріе, Наталья Алексѣевна, незамѣтно прокрадывается въ душу, ведя за собой сонмъ призраковъ; тутъ, просто, атавизмъ, пережитки древности. Нѣтъ, ужъ если мириться съ суевѣріями, такъ надо выбирать какія-нибудь пріятныя, утѣшительныя, въ родѣ райскаго житія за гробомъ. А всѣ эти траурныя тѣни, мистическія тревоги»...

И вдругъ, подъ почвой своихъ сознательныхъ мыслей, ощутилъ темную, какъ это непроглядное небо, жуткую разруши-

тельную работу. Она происходитъ какъ будто не въ томъ Опаловѣ, который сидѣлъ недавно у Натальи Алексѣевны и теперь поджидаетъ ее, томимый неизвѣстностью, а въ какомъ-то другомъ, вѣчно сопутствующемъ первому и вѣчно неуловимомъ. Никогда еще не чувствовалъ онъ такъ осязательно своего внутренняго раскола: одинъ Опаловъ сидитъ на скамейкѣ, стараясь приспособить привычный строй мыслей къ новому положенію, другой прислушивается оторопѣло къ чему-то невнятному внутри себя, несоизмѣримому съ правильно выровненными рядами обычныхъ мыслей. Это—словно глухіе подземные удары: едва слышные, они глушатъ всѣ обыденные звуки, какъ стихійный порывъ вѣтра поглощаетъ человѣческіе голоса...

Одинъ Опаловъ не спускаетъ глазъ съ крыльца, поджидая съ нетерпѣніемъ Наталью Алексѣевну, другой—весь охваченъ напряженнымъ ожиданіемъ чего-то неяснаго, непредвидѣннаго, но смутно предощущаемаго: «оно» точно просвѣчиваетъ сквозь ночную тьму и вотъ-вотъ надвинется, все перевернетъ, опрокинетъ, все вдругъ явитъ предъ тобой въ новомъ, неожиданномъ свѣтѣ. Откуда оно придетъ: изъ этой мрачной больницы — или изъ тайниковъ собственной души?..

Опаловъ чувствуетъ только, что армія его мыслей, такая испытанная, благоустроенная, вдругъ заколебалась: она еще не видитъ грозящей опасности, но уже остановилась въ инстинктивномъ замѣшательствѣ и боязливо осматривается. Все, что такъ старательно разсчитано, взвѣшено, предусмотрѣно, кажется обманчивымъ и призрачнымъ...—«А что, если я иду не къ выходу, а въ глубь лабиринта? Что, если истина скрыта гдѣ-то совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, и я всю жизнь прохожу мимо нея?».

— «Быть можетъ, я жилъ и продолжаю жить, какъ во снѣ, а теперь вдругъ проснусь, увижу себя лицомъ къ лицу съ настоящей, невыдуманной тайной жизни, и все для меня внезапно измѣнится до неузнаваемости?».

Какъ подземные ключи подмываютъ незримо корни растеній, такъ скученный рой вопросовъ, движимыхъ не зрячей, но властной мыслью, рылся въ темныхъ душевныхъ шахтахъ, подготовляя обвалъ. И какъ во снѣ смотришь на себя со стороны и дивишься и не узнаешь, такъ Опаловъ изумлялся своему странному двойнику, захваченному сѣтью необычныхъ ощущеній:— «Ужъ не вѣтеръ ли нагналъ на меня такія мысли? Не темнота ли пугаетъ своими призраками? Или эта томительная неизвѣстность?». Онъ косился на освѣщенное окно: второе отъ угла, въ 3-мъ этажѣ,—и почему-то боялся думать о Василіи Николае-

вичѣ... Завывающая черная ночь, какія-то мрачныя громады, нависшія надъ душой, и это таинственное окошко, грозное въ своемъ безмолвіи...

Прошелъ еще безконечный, мучительный часъ, и когда на востокѣ забрезжило, онъ увидалъ выбѣжавшую изъ крыльца женскую фигуру.

— Наталья Алексѣевна! На...

Голосъ прозвучалъ такъ немощно и оборвался, точно кричащаго схватили за горло... Опаловъ повторилъ окликъ, зная, что его не разслышатъ, и пустился за Ходынцевой. Нагналъ, взялъ подъ руку, чтобы поскорѣй ощутить возлѣ себя живое существо...

— Что? Какъ Василій Ник...?

Голосъ, не похожій на голосъ Натальи Алексѣевны, не далъ договорить:

— Василія Николаевича... больше нѣтъ.

Что-то чудовищное, нечеловѣческое дунуло въ душу Опалова и мгновенно все застудило въ ней. Пульсъ жизни какъ будто пересталъ биться, а вслѣдъ за этимъ холодная дрожь захватила все существо. Уже каждый нервъ трепеталъ отъ паническаго страха. Опаловъ впервые ощутилъ на себѣ вѣяніе смерти,—она прошла такъ близко отъ него, почти коснулась...

— Поберегите себя, Наталья Алексѣевна... Не поддавайтесь отчаянію...

Его поразило: зачѣмъ онъ говоритъ шопотомъ?—и вновь ощущеніе чего-то сверхъестественнаго пробѣжало жуткой струйкой по спинѣ, шеѣ, волосамъ...

— Слишкомъ рано: трамвай еще не ходитъ,—произнесъ онъ намѣренно громко.

Молча сдѣлали они полдороги пѣшкомъ, молча сѣли въ догнавшій ихъ трамвай, молча простились у подъѣзда...

XII.

Наточка только что встала и, полуголая, вытираясь полотенцемъ выбѣжала въ переднюю. Хотѣла кинуться къ матери, но, взглянувъ въ ея одичалое лицо, мигомъ притихла... Наталья Алексѣевна, не поздоровавшись, прошла къ себѣ въ комнату и заперлась: прежде, чѣмъ жить, надо отдать себѣ отчетъ, сообразить

что-то.—«Не въ томъ дѣло... Не въ этомъ главное»...—говорила она вполголоса, не замѣчая, что разговариваетъ вслухъ. Все силилась довести мысли до сознанія, а онѣ застревали на полпути, обрывались, и ее безпокоило больше всего, что онѣ стали такія коротенькія...

Выйдя изъ палаты, она вдругъ увидала, что коридоръ, окна, сидѣлки, прихожая — все мертво. Умеръ дворъ, умеръ Опаловъ, и дорога къ заставѣ, и пустынныя еще улицы, съ непроснувшимися домами, вывѣсками, погашенными фонарями; умеръ трамвай, куда она сѣла, и немногочисленные ранніе пассажиры съ сонными лицами... И голоса, и звонокъ трамвая, и стукъ пролетокъ—все неживое: точно искусно сдѣланныя игрушки, что такъ мастерски подражаютъ разнымъ звукамъ жизни. И Ната—превосходно сфабрикованная кукла, совсѣмъ какъ настоящая живая дѣвочка: открываетъ и закрываетъ глаза, бѣгаетъ, говоритъ: «мама»...

— «Не схожу ли я съ ума? Или, можетъ быть, я сама умерла, только сама не замѣчаю?.. Нѣтъ, это надо разобрать»...

Подходитъ къ окну. Красное солнце медленно приподнимается надъ желѣзной крышей длиннаго двухъэтажнаго дома, но лучи его — холодные, мертвенные... Возлѣ дома раскачиваются за высокимъ заборомъ безлиственные деревья: они кажутся нарисованными, а вѣтеръ—беззвучнымъ, воображаемымъ. Точь въ точь какъ въ кинематографѣ: ѣдутъ экипажи, бѣгутъ собаки, трепещутъ деревья сада, люди машутъ руками, волнуются, кричатъ... и ни единаго звука въ этомъ царствѣ тѣней!

— «Да, все умерло»...

Почти физическое ощущеніе этого не позволяетъ ничего чувствовать, убиваетъ въ зародышѣ всякое желаніе... Какъ-то механически выскакиваетъ на поверхность окоченѣлая мысль:

— «Да вѣдь и всегда такъ было, только я не замѣчала. Представляется, что все спѣшитъ куда-то, мелькаетъ, а вѣдь, въ сущности, нѣтъ никакого движенія»...

Вдругъ, вспомнивъ, заторопилась, выбѣжала на площадку лѣстницы, сорвала съ двери визитную карточку: «Василій Николаевичъ Ходынцевъ», заперла въ ящикъ письменнаго стола и остановилась такъ, съ ключемъ въ рукѣ, ошеломленная мыслью, что Василій Николаевичъ никогда уже не увидитъ этихъ комнатъ, книгъ, съ которыми такъ сроднился...—«Ни-ко-гда»...—повторила она нѣсколько разъ вслухъ какъ можно раздѣльнѣе и была безсильна понять...—«Не въ томъ дѣло... Теперь—не объ этомъ надо»... Казалось, она произноситъ послушно слова,

подсказываемыя кѣмъ-то. Снова и снова силилась внѣдрить въ глубину мозга это «никогда», но мозгъ какъ будто омертвѣлъ...

Наталья Алексѣевна не чувствовала горя: оно тонуло въ бездонномъ недоумѣніи. Все съ начала до конца было непонятно и не нужно, а всего непонятнѣй было то, что она еще продолжала жить... или это только кажется? — «Надо спросить у Васи: онъ какъ-то умѣетъ»...

Ознобъ въ спинѣ. — «Это бываетъ послѣ безсонной ночи... Чаю развѣ выпить»?...

XIII.

На похоронахъ не проронила ни слезы. Терпѣливо выслушивала соболѣзнованія, совѣты, покорно исполняла все, что требуется въ подобныхъ случаяхъ. Вела себя съ ледянымъ спокойствіемъ, точно не придавала значенія тому, что совершается: — «Крестъ поставить? Да, да»... —«Вѣнокъ, вы говорите?.. Хорошо»... Одно странное чувство заполонило ее: все мерещилось, что у нея летаргія. — «Когда же это кончится?» Какъ спящій напрягаетъ волю, чтобы стряхнуть съ себя кошмаръ, такъ Наталья Алексѣевна судорожно рвалась изъ оковъ оцѣпенѣнія...

Она опять ходила аккуратно на уроки, дома возилась съ Натой, читала книги, поправляла изложенія ученицъ, даже побывала кой у кого изъ знакомыхъ. Про нее говорили: «Ну и молодецъ же Ходынцева: какъ держитъ себя въ рукахъ!» Гарусовъ, ея сослуживецъ, здоровенный, краснощекій старикъ, привезъ ей уставъ новаго общества: «Оздоровленія молодежи».

— Мы разсчитываемъ на васъ, Наталья Алексѣевна, какъ на носительницу здороваго, бодраго духа. Вы поможете намъ воспитать поколѣніе сильныхъ, стойкихъ борцовъ за общественные интересы. Надо жить, надо бороться, не покладая рукъ. Жатва готова, а рабочихъ силъ мало...

Наталья Алексѣевна внимательно выслушала длинную рѣчь, но ничего не поняла: душа какъ будто была вынута, осталась одна барабанная перепонка... Гарусовъ уѣхалъ, довольный ею, а больше всего—самимъ собой, и заявилъ въ учительской, что Ходынцева — «одна прелесть».

Послѣ этого осмѣлился заѣхать и Опаловъ, долго не рѣшавшійся безпокоить Наталью Алексѣевну. Въ сущности, онъ боялся растревожить себя самого: то страшное, что онъ ощутилъ въ больничномъ скверѣ, нѣсколько дней преслѣдовало его, грозя въ ко-

нецъ затемнить его душу; потомъ мало по малу затянулось предохранительной пленкой, за прочность которой онъ, впрочемъ, опасался...

Пошутивъ не безъ горькаго остроумія надъ «периферическимъ оптимизмомъ» Гарусова и его маніей общественной пользы, онъ, какъ всегда, искусно свелъ разговоръ на себя и свои новыя переживанія:

— До сихъ поръ я высоко цѣнилъ человѣческій разумъ, а теперь... Нѣтъ рѣшительно: человѣкъ — не царь природы, а пасынокъ ея. И его считаютъ отвѣтственнымъ, подлежащимъ карѣ! Какая несправедливость! Если онъ внесъ въ міръ больше, чѣмъ кто-либо, зла и порчи, такъ онъ давно искупилъ это безконечнымъ рядомъ невообразимыхъ страданій. Съ животныхъ не взыскиваютъ, а между тѣмъ они несравненно счастливѣе человѣка: они могутъ ощущать физическую боль, но ихъ не отравляетъ убійственная мысль о разрушеніи, разложеніи, вѣчной разлукѣ. У нихъ нѣтъ предсмертной тоски и траурнаго настроенія: самыя ужасныя муки миновали ихъ...

Наталья Алексѣевна покорно слушала, не поднимая на Опалова ввалившихся глазъ, а онъ съ наслажденіемъ погружался въ море пессимизма, любуясь въ то же время траурной красотой Ходынцевой: — «Воплощенная элегія или дума... Дивное олицетвореніе грусти!».

— «Нѣтъ, я не завидую животнымъ!—писалъ онъ вечеромъ въ дневникѣ.—Только въ человѣкѣ можетъ быть такая красота, которая глубоко тронула меня сегодня въ Н. А. Она упорно молчала, вся занятая своей внутренней трагедіей, а я чувствовалъ ее, какъ никогда. И какъ-то по новому... Нѣтъ того эгоизма, что примѣшивался еще такъ недавно къ моему обожанію: я ничего не хочу отъ нея, кромѣ одного: предохранить ее отъ душевнаго надлома. Вѣдь цѣлый смерчъ внезапно обрушился на голову бѣдняжки... Но что я могу сдѣлать, если не въ состояніи заполнить пустоты, отъ которой она ни на минуту не можетъ оторвать своего ужаснувшагося взора?

Пустота зіяетъ во всей ея квартирѣ. Не странно ли? Сколько разъ я бывалъ тамъ, пока В. Н. лежалъ въ больницѣ, и ни разу не чувствовалъ этого унылаго запустѣнія, а теперь вотъ точно изъ квартиры ушла жизнь, какъ выходитъ изъ аэростата воздухъ. И Наточка показалась мнѣ такой покинутой, хотя сама она вовсе не чувствуетъ этого. Она мнѣ такъ обрадовалась,

такъ тащила меня въ дѣтскую... Положительно, растрогала меня. Въ этихъ маленькихъ тоже какая-то удивительная красота. Надо принести ей книжекъ съ картинками...

Этимъ мнѣ какъ будто хочется искупить свою вину передъ В. Н. Не могу отдѣлаться отъ мысли, что я ему повредилъ чѣмъ-то. Чѣмъ, чѣмъ? Вѣдь это смѣшно, наконецъ. Развѣ я причинилъ ему какой-нибудь реальный ущербъ? Шевелились порой не совсѣмъ добрыя чувства, да онъ не подозрѣвалъ... А если зналъ? Если это угнетало его?.. Вѣдь онъ ужъ выздоравливалъ — и вдругъ... Эта неожиданная смерть вышибла меня изъ всѣхъ моихъ позицій. Полнѣйшая душевная прострація! Дрожу при мысли: что́, если это летальное настроеніе начнетъ кристаллизоваться во мнѣ? Отвѣтственность—вздоръ, а все-таки...

Да, я принесу ей книжекъ съ картинками. Куплю сказку про Ивана-царевича и сѣраго волка...

Сравниваю прежнюю Н. А., молодую, свѣжую, искрящуюся жизнью, съ теперешней, затихшей и поблекшей, и съ удивленіемъ чувствую, что *эта* Н. А. еще ближе моему сердцу, чѣмъ *та*. Сколько тонкаго благородства въ ея горѣ, что за углубленная мысль въ лицѣ!.. Какая-то тяжкая, недоумѣлая дума залегла въ морщинкѣ между прелестными бровями, и такъ хочется разгадать эту думу, такъ тянетъ къ грустнымъ берегамъ ея души!..

Нашъ идеалъ, нашъ образъ милый
Не юной прелестью цвѣтетъ:
Слезами, думою унылой
Онъ насъ волнуетъ и влечетъ.
Мечта къ страданію несется:
Сомнѣній муки испытать,
Узнать, какъ грустью сердце рвется,
Весь жизни ядъ въ себя впитать,
Искать въ рыданьяхъ утѣшенья,
Въ огнѣ тоскливомъ истлѣвать,
Испить всю сладость униженья,
Всю глубь отчаянья познать!..

Опаловъ сидѣлъ до поздней ночи, нанизывая строку за строкой, выправляя, перечеркивая. По губамъ блуждала удовлетворенная улыбка...

Наконецъ, кончилъ, старательно переписалъ стихи въ другую тетрадь, тоже въ изящномъ переплетѣ, легъ и тотчасъ же заснулъ здоровымъ, крѣпкимъ сномъ.

XIV.

Ната только что улеглась, и Наталья Алексѣевна, простившись съ ней, ходила по комнатамъ, уже погружавшимся въ мглу сумерекъ. Надо что-то вспомнить: тогда все прояснится...

Раздумье, упорно сосредоточенное на чемъ-то неопредѣленномъ, и разсѣянная озабоченность стали ея хроническимъ состояніемъ. Сидя въ трамваѣ, она пытливо всматривалась въ пассажировъ, смущая ихъ подчасъ неделикатной пристальностью взгляда; ее занималъ вопросъ: какъ это люди живутъ, разговариваютъ, интересуются чѣмъ-то? Въ чемъ тутъ секретъ? Что за странныя, непонятныя существа, такъ мало похожія на нее?.. Или, слыша въ учительской дѣловые разговоры, удивлялась про себя:—«Они говорятъ такъ, точно поняли самое главное, а то развѣ стали бы горячиться изъ-за пустяковъ?».—«Но—нѣтъ! они тоже не поняли, какъ и я, тоже не знаютъ,—какъ же они могутъ?». Въ безсонныя ночи кружилась мыслью все около одного вопроса и утромъ вставала, вся понурая, съ затуманенной, какъ будто не своей головой. Забывала дома тетрадки, оставляла въ трамваяхъ книги, платки... Въ разсѣянности, поминутно смотрѣла на часы или принималась машинально заводить ихъ.

У нея образовалась привычка: расхаживая по комнатамъ, останавливаться и пересматривать съ тупымъ вниманіемъ давно знакомыя вещи. Подойдетъ къ столу, возьметъ пепельницу-раковину и долго-долго вертитъ въ рукахъ, какъ бы отыскивая въ ней нѣчто многозначительное, скрытое... Или откроетъ піанино, нажметъ клавишу и нѣсколько минутъ вслушивается въ замирающій звукъ: онъ ужъ растаялъ въ воздухѣ, а она все стоитъ, насторожившись...

Вотъ и теперь Наталья Алексѣевна, побродивъ по комнатамъ, остановилась противъ книжныхъ полокъ, прочла шопотомъ нѣсколько заглавій на корешкахъ книгъ, хотѣла что-то вспомнить, но, не вспомнивъ, вздохнула и прошла въ спальню. На дворѣ, подъ окнами спальни, играла шарманка. Такъ же точно играла она и прошлой весной... Опять дрогнуло слабо какое-то воспоминаніе, и опять все застилается туманомъ, и нѣтъ уже внутри ничего, кромѣ безпросвѣтнаго недоумѣнія и оторопи.— «Должна жить для Наты, а во мнѣ одно желаніе: исчезнуть, отдѣлаться разомъ отъ этой муки... Да я и не знаю, какъ жить,

что такое значитъ: «жить»?.. Перестала быть живой, а все живу... Странно, непонятно, безсмысленно!».

Вспоминается вдругъ ощущеніе во время свадебной поѣздки. Чистое, лазурное море. Вкругъ парохода то и дѣло взлетаютъ надъ волнами рѣзвые дельфины. Съ берега смотрятъ зеленыя горы, залитыя ликующими лучами южнаго солнца. Далекія паруса представляются розовыми облачками, упавшими съ неба. Вверху царитъ надъ всѣмъ свѣтозарное свѣтило... Радость жизни, красота... веселая, оживленная публика на палубѣ... сіяющее счастіемъ лицо Василія Николаевича... Смутно сознаетъ Наталья Алексѣевна всю прелесть картины, силится прочувствовать ее, но все дрожитъ внутри отъ мертвой зыби, и тошнотворное, жуткое ощущеніе отравляетъ для нея природу, море, людей: хочется не видѣть, не ощущать, уничтожиться...

— «Да, — уничтожиться, замереть!.. Если бы горячка, чтобы быть безъ сознанія!.. Или сойти съ ума, ничего не помнить, не знать. Или вдругъ разрывъ сердца... Какое блаженство—не видѣть больше этого двора, улицъ, домовъ, не слышать грохота жизни, не надрываться безъ цѣли и смысла!.. — Но какъ же Наточка?.. Нѣтъ, нѣтъ, я не имѣю права... не могу!.. Что за проклятіе!».

Дѣтскій голосъ, неестественно гнусавя, пѣлъ подъ шарманку:

Ахъ, зачѣмъ эта ночь
Такъ была хороша!
Не болѣла бы грудь,
Не страдала душа!..

Наталья Алексѣевна повертѣла въ рукахъ подсвѣчникъ, связку ключей, пузырьки на висячей полочкѣ, потомъ безсознательно сняла съ гардеробнаго шкапа футляръ, вынула оттуда скрипку, смычекъ, тихонько провела имъ по струнамъ. Жалобно, робко задрожала плачущая нота, и вдругъ что-то горячее, какъ кипятокъ, хлынуло въ сердце, и заныли, затрепетали внутри отвѣтныя струны...

Поспѣшно бросила на постель скрипку и тутъ же, рядомъ съ ней, рухнула, вся трясясь и корчась отъ рыданій. Въ этотъ мигъ она вспомнила, поняла... Теперь она уже знала, какъ знаютъ всѣ ея знакомые, что Василій Николаевичъ въ самомъ дѣлѣ умеръ, что рука его никогда не прикоснется къ этой скрипкѣ. Струны по прежнему будутъ звучать, но никогда уже не отразятъ *его* тревоги и грусти...

Плачущая нота продолжала звенѣть въ душѣ Натальи Алексѣевны, и она такъ ясно, живо слышала въ ней голосъ Василія Николаевича: не тотъ, что рѣзко укорялъ ее, а тотъ, въ которомъ воплощалась вся его горячая, нѣжная, безпокойная душа...

Въ спальнѣ было уже совершенно темно, а она все рыдала, зарывшись съ головой въ подушки, упиваясь слезами, какъ бы желая утонуть въ нихъ. Переставала плакать, какъ будто успокаивалась,—и вдругъ новая волна слезъ, и снова вся сотрясалась отъ неудержимыхъ рыданій... Наконецъ, изнемогла, начала впадать въ забытье...

Раздался нетерпѣливый звонокъ, знакомые, шаги... Василій Николаевичъ вошелъ, усталый, но оживленный, слегка сутулясь по всегдашней привычкѣ...

— Эхъ, скрипка валяется! Терпѣть не могу безпорядка...

Бережно уложилъ въ футляръ, сунулъ на шкапъ. Когда повернулся, лицо было ласковое, стремительно участливое.

— А ты что тутъ, Наташа? Опять переутомилась?.. Это оттого, что все торопишься, взвинчиваешься... Пластики побольше, голубчикъ, пластики!.. Темпъ у тебя ненормальный... Суетлива, какъ секундная стрѣлка...

Присѣлъ на постель, погладилъ по рукѣ, по волосамъ...

— Плачешь? О чемъ, о чемъ, дружочекъ?

Она хочетъ отвѣтить, но спазмы сжимаютъ глотку. А вѣдь она давно собиралась поговорить съ нимъ, потому что только онъ можетъ понять... Силится растолковать ему, что тутъ не усталость, а что-то ужасное, непоправимое; но голоса нѣтъ, и Василій Николаевичъ начинаетъ серьезно безпокоиться:

— Ты больна, Наташа! ты простудилась!.. У тебя горло захватило... На дворѣ морозъ, а ты лежишь съ открытымъ окномъ. Вѣдь это—сумасшествіе!.. Чортъ знаетъ, что такое! Обѣ рамы выставлены... Безобразіе!

Бѣжитъ въ переднюю, приноситъ шубу, накидываетъ на жену, потомъ, ворча, принимается прилаживать рамы. Натальѣ Алексѣевнѣ дѣлается теплѣе, но мучитъ мысль, что Вася тоже усталъ и не обѣдалъ еще, а вотъ ему приходится возиться... Она дѣлаетъ усиліе, чтобы повернуться на бокъ, и слышитъ строгій голосъ:

— «На спинѣ надо лежать, на спинѣ!» Это пугаетъ ее еще больше:

Теперь она увѣрена, что съ Васей что-то неладно: недаромъ онъ такъ тяжело дышитъ... Напрягаетъ всѣ силы, повертывается и видитъ мужа. Въ комнатѣ свѣтло, но уголъ, гдѣ

онъ стоитъ, окутанъ потемками; особенно зловѣщимъ казалось то, что Василій Николаевичъ—весь какой-то прямой, неподвижный, безучастный...—«Вася, что ты?—вскрикиваетъ она и просыпается, слыша за дверью оробѣвшій голосокъ Наты:—«Мама, мама!.. Что ты такъ долго?».

Вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ отъ холода. Подушка мокра, глаза рѣжетъ отъ жгучей боли, руки, ноги — какъ мертвыя. Преодолѣваетъ изнеможеніе, откликается:—«Сейчасъ, сейчасъ!»— смотритъ на часы: половины 9-го...—«Проспала!»

Впрочемъ, ѣхать въ гимназію, все равно, не пришлось: Наталью Алексѣевну била лихорадка, на ходу пошатывало... Наступилъ глубокій упадокъ силъ, какого никогда еще не испытывала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она чувствовала, что внутри что-то перемѣстилось, произошелъ какой-то сдвигъ. Летаргія уступала мѣсто непрерывной истерической тоскѣ. Казалось, оглушительный ударъ добрался наконецъ до сердцевины души, и она въ ужасѣ заметалась... «*Никогда*», точно начертанное огненными буквами, неотступно стояло передъ ней; какъ живое росло, дышало тоской, трепетало въ судорогахъ отчаянія, кричало жалобно и грозно...

Теперь Наталью Алексѣевну сводило съ ума то, что она поминутно ощущаетъ присутствіе мужа—такъ близко, ясно, почти до галлюцинаціи. Приляжетъ, изнуренная, на постель, и вдругъ почудится, что *онъ*—гдѣ-то тутъ, около: если не самъ, то его душа или какой-то живой слѣдъ ея. Вскакиваетъ, обходитъ комнаты, вглядывается въ пустые углы, вслушивается въ тишину: иногда, сама не замѣчая, окликаетъ, заговариваетъ... Всѣ мысли, настроенія окрашены *его* личностью..

Однажды, разыскивая Наточкино лѣтнее пальто, увидала въ шкапу старыя брюки Василія Николаевича, порыжѣлыя, лоснящіяся. Онъ переодѣвался въ нихъ, возвращаясь изъ гимназіи, потому что задался цѣлью, какъ можно дольше проносить новую пару; онъ, вообще, тратилъ на себя до смѣшного мало. Никто изъ преподавателей не одѣвался хуже его, никто не былъ такъ скрупулезно бережливъ. Наталья Алексѣевна морщилась, бывало, отъ его мелочности, порой даже стыдилась за мужа («весь какой-то поношенный!»); но теперь видъ этихъ жалкихъ брюкъ больно рванулъ за сердце. Душа Василія Николаевича предстала въ новомъ свѣтѣ:—«Кто, какъ не онъ, покупалъ на свои деньги учебники для бѣдныхъ учениковъ? Кто первый жертвовалъ на безработныхъ и ссыльныхъ?.. Вотъ, для чего онъ ходилъ такимъ затрапезнымъ!». Его постоянной страстной

мечтой было сколотить сумму, чтобы Наташа могла цѣлый годъ отдыхать отъ уроковъ: — «А то вѣдь ты у меня, того гляди, ноги протянешь»,—отчетливо слышится ей фраза, которую онъ много разъ повторялъ. Мгновенно воскресли въ памяти безчисленныя мелочи, въ которыхъ сквозила его предусмотрительная заботливость: онъ все помнилъ, все успѣвалъ обдумать и выполнить...

Эта комната и вся квартира и все, что въ ней, казались полными слѣдовъ его всепроникающей мысли, неусыпной и изобрѣтательной. Да, никогда онъ не жалѣлъ себя, не берегъ силъ, всегда готовъ былъ ухлопать послѣднія...

— «Уснуть бы!» стонетъ измученный голосъ, и передъ Натальей Алексѣевной вырисовывается койка, къ которой прикованъ онъ, такой безпокойный, неудержимо дѣятельный. День и ночь лежитъ на больной спинѣ, отданный во власть мрачныхъ мыслей и рѣжущихъ болей; передъ глазами ненавистный потолокъ, въ ушахъ—стоны и жалобы больныхъ... Перевязки, уколы, нестерпимая больничная истома.

Острая жалость пронизываетъ все существо Натальи Алексѣевны. Стоитъ передъ открытымъ шкапомъ и плачетъ ядовитыми, растравляющими слезами. «Какъ я могла тогда не видѣть, не цѣнить всего этого? Какъ у меня не разорвалось сердце отъ его смертной тоски?» Онъ такъ и умеръ, не узнавъ, какъ больно она любитъ его, потому что и сама не знала... А теперь не поправишь, не вернешь... И сердце истекаетъ кровью отъ страшнаго слова: «никогда», котораго она не рѣшается произнести... Конвульсивно бьется мысль, запутавшаяся въ тенетахъ, мечется, какъ въ горячечномъ бреду, встревоженная совѣсть...

Обезсиленная отъ слезъ, охваченная страннымъ ознобомъ, ложится на постель, укутывается съ головой въ одѣяло, какъ будто дремлетъ... Чудится, что на дворѣ зима, и рамы выбиты чьей-то безпощадной рукой, не допускающей сопротивленія; въ квартиру, такую теплую, уютную, нагло ворвалась лютая стужа вмѣстѣ съ безцеремоннымъ уличнымъ разноголосымъ гуломъ...

Господи, какъ захолонуло все внутри! «Коченѣю!... Кровь застыла и душа вмѣстѣ съ нею»... Ежится, силясь согрѣться, зоветъ Нату, укладываетъ съ собой, прижимаетъ крѣпко къ груди.

Ната не была на похоронахъ, но уже знаетъ отъ няни, что папа умеръ и никогда не вернется; и это удивительно

мало безпокоитъ ее: слова «умеръ» и «никогда» ничего не говорятъ ей. Она слишкомъ привыкла къ мысли, что папа все умѣетъ устроить по хорошему: сломаешь, разобьешь,—онъ все приклеитъ, починитъ; словомъ, непремѣнно придумаетъ, какъ помочь бѣдѣ. Когда у нея красный шаръ вдругъ сдѣлался изъ большого совсѣмъ маленькимъ, папа надулъ его, и онъ опять полетѣлъ. Даже пружинку въ заводномъ паровикѣ поправилъ, а ужъ это—самое трудное... «Умеръ» это значитъ,—придумалъ что-нибудь особенное, чего даже няня не понимаетъ: взялъ и полетѣлъ на небо, а потомъ опять... Значитъ, такъ нужно.

— Вотъ хорошо, мамочка, что у меня осталась память о папѣ: собачка, которая бѣгаетъ. А когда ты умрешь, у меня тоже останется память: кукла твоя...

Наталья Алексѣевна рада, что душа ребенка не омрачена трауромъ; но это же самое дѣлаетъ ее совсѣмъ, совсѣмъ чужой: вѣдь она не чувствуетъ и тѣни того, что убиваетъ ея маму! Теперь онѣ надолго отгорожены другъ отъ друга непроницаемой стѣной.

— «Она не подозрѣваетъ, что ужъ никогда, никогда не поговоритъ съ папой, не поиграетъ... что у нея никогда не будетъ отца!».

— Мама, не плачь. Хочешь, я подарю тебѣ очень хорошую пуговицу? Она такая блестящая... А то лучше возьми мою коробку отъ конфетъ: ты можешь прятать туда иголки, булавки. Или, если хочешь, мыльце: оно хорошо пахнетъ...

XV.

— Наточка знаетъ, что кто-то непремѣнно позаботится о ней, устроитъ все, какъ нельзя лучше. И каждый ребенокъ убѣжденъ въ этомъ... Возьмите, напримѣръ, этого больничнаго Мишутку. На зарѣ жизни, не видавъ ни одной радости, онъ уже приговоренъ судьбой къ разрушенію... Философъ изощряетъ свой разумъ, чтобы найти смыслъ и цѣну жизни; религіозный человѣкъ аппеллируетъ къ Богу, ждетъ утѣшенія въ вѣчности, въ безсмертіи. И обоимъ нужно неослабное напряженіе, если хотятъ удержаться на высотѣ... А этотъ Мишутка, лишенный всего, одинокій, чахлый, вѣритъ въ жизнь, не думая о ней, наслаждается по своему: онъ слѣпо увѣренъ, что и всегда такъ будетъ. А мы вотъ знаемъ, что никто о насъ

не заботится, и чувствуемъ себя въ мірѣ круглыми сиротами: отсюда уныніе, и страхъ, и холодъ тлѣнія... Мнѣ начинаетъ казаться: не болѣзнь ли, не искаженіе ли человѣческаго духа— всѣ эти наши исканія, порывы, углубленія? Вѣдь, все равно, ничего не узнаешь достовѣрно, а лишь подточишь въ себѣ непосредственную вѣру въ жизнь, радость бытія; а если и додумаешься до чего-нибудь, такъ не будетъ ли это дальше отъ истины, чѣмъ полное незнаніе, полная бездумность? Я, по крайней мѣрѣ, склоненъ считать эту младенческую, беззаботную дремоту мысли высшей мудростью, которой нарочно прихожу поучаться у вашей Наточки. Она не вспоминаетъ отца— и хорошо дѣлаетъ: вѣдь его нѣтъ,—какъ же его любить?..

Наталья Алексѣевна отвѣтила какъ будто не Опалову, а кому-то другому:

— Знаете, чѣмъ страшна жизнь? Съ ней еще можно бы было примириться, еслибъ не замѣшалось одно слово: «никогда». Этого слова не въ силахъ вмѣстить живая душа: оно рветъ ее въ клочья...

— Да, просто, не думать, а жить изо дня въ день. Грѣться у костра, пока онъ не погаснетъ; а погасъ,—скорѣй разжигать другой... Жизнь слишкомъ коротка, чтобы тратить время на оплакиваніе невозвратнаго...

Онъ высказывалъ всѣ утѣшительныя соображенія, которыя приводятся въ такихъ случаяхъ, горячо желая пробудить въ Натальѣ Алексѣевнѣ угасшую жизнь. Она морщилась съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ, какъ морщился Василій Николаевичъ, выслушивая въ больницѣ ея разсказы о томъ, о семъ. Утѣшенія Опалова казались ей неумѣстной болтовней легкомысленнаго говоруна...

— Помните, когда мы съ вами были вмѣстѣ въ больницѣ? Я ужъ тогда знала, что онъ умретъ, но не понимала этого...

— Какъ же такъ: «знали»—и «не понимали»?

— Что-то во мнѣ знало, угадывало... Помните, какъ у него тогда свисли волосы, и пальцы были мертвые, хоть и двигались?... Онъ былъ ужъ не Василій Николаевичъ... Темная, злая сила уже накинула тогда на него арканъ...

Опаловъ взглянулъ на нее пугливо, и то, чего не могли растолковать ея слова, передалось ему отъ ея опустошенныхъ глазъ, въ глубинѣ которыхъ сквозилъ душевный провалъ...

— Не думайте, не думайте! Не вспоминайте...—бормоталъ онъ въ испугѣ.

Но ее неудержимо тянуло въ омутъ воспоминаній. Она

не разсказывала, а какъ будто вновь переживала болѣзнь и кончину мужа, жадно глотая разрушительную отраву ужаса и отчаянія...

— Да, на арканѣ!... Бездушная, безжалостная... Схватила, поволокла!...

Дмитрій Петровичъ былъ несказанно радъ, когда вбѣжала Ната и утащила его въ дѣтскую.

Она такъ любитъ слушать его сказки, всегда живыя, красивыя, смотрѣть вмѣстѣ съ нимъ картинки въ книжкахъ, которыя онъ каждый разъ приноситъ ей. Она какъ будто совсѣмъ позабыла объ отцѣ, зато поминутно вспоминаетъ «дядю Митю», то и дѣло твердитъ про него. Ее не оторвешь отъ Опалова...

И Дмитрій Петровичъ привязался къ ней: все чего то недостаетъ безъ Наты. И дома не сидится, и итти никуда не хочется. Пойдетъ къ коллегѣ, но съ полдороги свернетъ и очутится у Наточки. Его подкупаетъ полнота жизни, что такъ и брызжетъ изъ дѣвочки. Если онъ и не поучается у нея «мудрости», все же звонкій, какъ колокольчикъ, голосокъ нерѣдко прогоняетъ меланхолическія думы...

Отъ Натальи Алексѣевны онъ инстинктивно отдалялся, испытывая въ ея присутствіи чувство въ родѣ того, какое угнетало возлѣ койки Ходынцева. Хоть онъ и утверждалъ, что всякій мыслящій человѣкъ обязанъ быть пессимистомъ, но пессимизмъ не погружалъ его въ бездну мрака; скорѣй, онъ былъ похожъ на пловца, который, играя, ныряетъ въ глубь для того, чтобы тотчасъ же выскочить на свѣтъ. Поэтому отъ самыхъ его безотрадныхъ тирадъ вѣяло не могилой, а эстетикой, и Наталья Алексѣевна, прежде такая жадная до всего эстетическаго, выслушивала теперь Опалова съ пренебрежительной усмѣшкой...

Кончалось тѣмъ, что онъ проходилъ прямо въ дѣтскую и занимался съ Наточкой, пока ее не уложатъ спать, а затѣмъ уѣзжалъ домой. Когда не заставалъ Ходынцевой, то съ удовольствіемъ гонялся за дѣвочкой по всѣмъ комнатамъ и чувствовалъ себя прекрасно. Такъ пріятно было оживить эту омраченную трауромъ квартиру и видѣть необузданную радость ребенка! «Я нуженъ Натѣ, — думалъ онъ съ улыбкой удовлетворенія: — безъ меня она захирѣла бы»... Впервые былъ счастливъ и гордъ сознаніемъ, что есть на свѣтѣ существо, требующее его заботъ.—«Пора подумать о дачѣ: вѣдь не можетъ же Наточка прожить лѣто въ городѣ; а Наталья Алексѣевна, кажется, на все махнула рукой»... До сихъ поръ

Опаловъ проводилъ лѣто, гостя поперемѣнно въ знакомыхъ семьяхъ, въ томъ числѣ—и у Ходынцевыхъ. Теперь надо было иначе устроить...

— Наточка, помнишь, какъ ты жила на дачѣ, собирала въ лѣсу землянику?.. А рѣчку помнишь?.. Хочешь опять на дачу?

Наточка путала рѣчку съ прудомъ, лѣсъ—съ паркомъ, но зато отлично помнила ничтожныя мелочи, давно исчезнувшія изъ памяти Дмитрія Петровича: какъ Султанка цѣлый день пропадалъ, а потомъ опять вернулся, какъ въ кустахъ вывелись птенчики, какъ какая-то Агаша все ходила босикомъ, и прочее. Дѣвочкѣ очень хотѣлось опять на дачу, и притомъ — сегодня же, сейчасъ же: — «Сядемъ на машину и у-у-у». Она представила, какъ кричитъ машина, какъ звонитъ станціонный звонокъ: — «Динь-динь! Пріѣхали»... Султанка бѣжитъ навстрѣчу («шибко бѣжитъ»), вездѣ цвѣты, красненькіе, синенькіе, «а папа надѣлъ рубашку, потому что очень жарко»...

Съ этого дня Наточка только и разговаривала, что о дачѣ. Опаловъ долженъ былъ приносить ей картинки непремѣнно съ деревьями, рѣчкой, цвѣтами, ягодами, и разсказывать исключительно о дачѣ, о машинѣ, о Султанкѣ... Няня выбилась изъ силъ, уговаривая Наточку спать: лежа въ кроваткѣ, та все держала дядю Митю за руку и требовала новыхъ и новыхъ разсказовъ о томъ, какой большой бываетъ лѣсъ, и кто живетъ въ немъ... даже ночью.

XVI.

Наталья Алексѣевна возвращалась изъ гимназіи совершенно разбитая. Въ классѣ имѣла на диво спокойный видъ, но каждый разъ, выходя послѣ уроковъ на воздухъ, боялась упасть и только неимовѣрными усиліями воли держалась на ногахъ. Едва захлопывалась за ней дверь, какъ она мгновенно попадала въ цѣпкую власть ощущенія, мучившаго ее съ утра до вечера: неопредѣленнаго, несознаннаго ужаса передъ улицей, толпой, передъ жизнью. Понятіе «никогда» вошло въ нее, какъ тяжелый недугъ, подтачивающій внутри все живое. Даже не думая, не вспоминая, продолжала ощущать въ себѣ страшное «никогда». Невыносимо быть съ этимъ призракомъ съ глазу на глазъ, смотрѣть безпрерывно въ одну мертвую точку: окаменѣешь или помѣшаешься. Наталья Алексѣевна пробовала отвернуться отъ нея, думать о чемъ-нибудь другомъ, но, сдѣлавъ

мысленный кругъ, снова и снова возвращалась къ тому же: это засасывало, какъ трясина...

Вотъ она приходитъ домой... Василій Николаевичъ уже вернулся и, въ ожиданіи жены, приклеиваетъ голову къ Наточкиной куклѣ... Наталья Алексѣевна машинально ускоряетъ шаги: какъ будто мужъ въ самомъ дѣлѣ поджидаетъ ее...— «Скорѣй прійти, распросить его обо всемъ, разсѣять недоразумѣнія... чтобы никогда не было этихъ недобрыхъ чувствъ. Приду и скажу:—«Ну, Вася, поговоримъ не спѣша, спокойно обо всемъ»... И вдругъ вспоминаетъ, что его вѣдь нѣтъ больше и никогда не будетъ... Никогда! И снова какъ будто хоронитъ мужа, только что воскресшаго.—«А вѣдь такъ просто было бы снять эту злую накипь, сдѣлать отношенія свѣтлыми, дружескими... Но теперь это навсегда ушло».. Душу охватываетъ злая спазма, слезы жгутъ, какъ горячіе уголья, и не приносятъ облегченія...

— «Зачѣмъ?.. За что?.. Кому это понадобилось? скрежещетъ внутри. Сто разъ на дню онъ оживаетъ, сто разъ заставляетъ хоронить себя.—«Господи, когда же прекратится эта пытка!.. Какъ мнѣ быть съ собой?.. Куда броситься?.. Если бъ хоть на минуту увидѣть Васю, онъ бы надоумилъ... Ужъ онъ бы нашелъ какой-нибудь выходъ»...

Не замѣчая ни дороги, ни людей, ни экипажей, она шла, какъ лунатичка, разговаривая въ воображеніи съ мужемъ. Въ раздуміи, точно опускалась на большую глубину, куда не доходятъ никакіе звуки...

Вдругъ толчекъ опрокинулъ ее. Въ тотъ же мигъ увидѣла передъ собой, въ клубѣ дыма и пыли, круто заворачивающій автомобиль, и поняла, что только что находилась на волосокъ отъ смерти или увѣчья. — «Однако, какъ все это изумительно просто»...—мелькнуло молніей въ головѣ. Таинственный призракъ смерти повернулся къ ней новой стороной: какою то банальной, почти пошлой...

Кто-то изъ публики помогъ ей встать. Она отряхнулась и пошла, прихрамывая, спѣша отдать себѣ отчетъ въ этомъ неожиданномъ новомъ. Сердце колотилось, и было такое чувство, будто оно трепещетъ не только въ лѣвой сторонѣ груди, но и въ рукахъ, ногахъ, во всемъ тѣлѣ...—«Да, удивительно просто... Каждый виситъ на гнилой ниточкѣ, и первая ничтожная случайность оборветъ ее... Значитъ, ничтожна и вся эта жизнь, со всѣми ея волненіями и трагедіями»..

Свернула въ переулокъ и проходила мимо воротъ, гдѣ

возлѣ калитки сидѣлъ старичокъ, похожій на богомольца. Когда Ходынцева поровнялась съ нимъ, онъ остановилъ на ея лицѣ испуганно-недоумѣлый взглядъ, перекрестился и произнесъ съ чувствомъ:—Спаси тебя, Господи!..

Это почему-то крайне взволновало Наталью Алексѣевну.— «Что такое онъ увидалъ во мнѣ?». — Дома она прежде всего взглянула въ зеркало, къ которому давно не подходила. Въ первый разъ послѣ смерти мужа посмотрѣла на себя — и ахнула: до того безжизненнымъ показалось лицо, особенно глаза, гдѣ ей почудился какой то отблескъ смерти.—«Я все время смотрѣла въ упоръ на нее: это не проходитъ даромъ»... Мысль, что вотъ-вотъ она умретъ, что Наточка можетъ лишиться и матери, вдругъ встала передъ ней во всемъ своемъ обнаженномъ ужасѣ. «Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя... Бѣдная Наточка!» Бросилась въ дѣтскую, схватила дочь на руки и долго съ тревогой вглядывалась въ личико ребенка. Оно всегда было худенькое и блѣдноватое, и мать отчасти привыкла къ этому, но теперь вдругъ смертельно перепугалась за Нату:—«Скорѣй, какъ можно скорѣй въ деревню!»

Вечеромъ явился, по обыкновенію, Опаловъ, и она первая заговорила съ нимъ о дачѣ, что страшно обрадовало Дмитрія Петровича: — «Она возвращается къ реальной жизни!» думалъ съ восторгомъ этотъ ненавистникъ «реальщины».

Онъ признался, что, снявъ для себя дачу, присмотрѣлъ по сосѣдству другую для Натальи Алексѣевны и даже далъ задатокъ.—Если вы не имѣете ничего противъ моей особы...

— Конечно, конечно... Спасибо вамъ... Наточка такъ любитъ васъ...

Въ этотъ вечеръ Наталью Алексѣевну обуяла говорливость, ставившая Опалова въ пріятный тупикъ. Какъ бы желая одурманить себя потокомъ словъ, она торопилась болтать обо всемъ, что придетъ въ голову, кромѣ собственнаго настроенія: о гимназіи, трамваяхъ, о пыли на улицѣ, о кинематографѣ, въ которомъ была какъ-то зимой съ Дмитріемъ Петровичемъ...

. . . .

Вечеромъ Опаловъ записалъ въ дневникѣ:

«Слава Богу: кризисъ благополучно разрѣшился. Н. А. теперь спасена... А я, признаться, серьезно побаивался за ея душевное здоровье... Теперь, когда я воочію видѣлъ, какъ она умѣетъ любить и страдать, эта тонко организованная женская натура кажется мнѣ чѣмъ то великимъ. Глубокая, исключительная душа,—пойдетъ ли она ко мнѣ когда-нибудь навстрѣчу, откры-

тая, довѣрчивая? Загорится ли еще разъ тѣмъ исключительнымъ, всепоглощающимъ чувствомъ, какое питала къ В. Н? Лично я считаю себя недостойнымъ этого, но вѣдь и В. Н. тоже не былъ какимъ-нибудь героемъ: она сама создала внутри себя его образъ, и сама преклонилась передъ своимъ созданіемъ. Всегда въ ней была это способность: расцвѣтить обыденное, принарядить до неузнаваемости, покрыть позолотой... А можетъ быть, она полюбила его за тѣ страданія, которыя они причиняли другъ другу?

Что-то говоритъ мнѣ, что между нами есть созвучіе, что мы съ ней будемъ очень близки. Чувствую, какъ при этой мысли мною овладѣваетъ почти религіозный экстазъ... Моя бѣдная, дорогая, моя желанная!..

Есть въ жизни дивныя мгновенья,
    Но дара нѣтъ ихъ описать:
Волнуетъ душу умиленье,
    И льется въ сердце благодать...
О, слабость силъ и бѣдность слова!
    Вамъ не дается жизни шумъ,—
Но для блаженства неземного
    Еще безсильнѣй звукъ и умъ...

Опять долго сидѣлъ надъ стихами, выправлялъ, переписывалъ. Легъ около двухъ часовъ, очень довольный собой и всѣмъ на свѣтѣ. Одно немножко удивляло и какъ будто конфузило:

— «Неужели я превращаюсь въ пошлаго оптимиста?»

XVII.

Ровно въ половинѣ 9-го утра Опаловъ, выпивъ два стакана жиденькаго чая, уходилъ на службу, и Наталья Алексѣевна провожала его пасмурнымъ взглядомъ: все еще не могла примириться съ мыслью, что онъ промѣнялъ педагогическую дѣятельность на контору. А главное: «Зачѣмъ я вышла за него, и какъ все это случилось? Одиночество... тоска... отчаяніе... необходимость жить? Да, да, хотѣлось за что-нибудь уцѣпиться, повѣрить въ будущее... И все-таки не понимаю»...

До сихъ поръ казалось невѣроятнымъ, что она — не Ходынцева, а Опалова. Что-то страшное въ этомъ, не поддающееся сознанію. Право, можно подумать, что мы живемъ, не зная, чего, собственно, хотимъ, что любимъ, чѣмъ дышимъ? Бредемъ всю жизнь наугадъ и умираемъ, не подозрѣвая, что такое жизнь и смерть...

Чувствуя, что мысль начинаетъ безнадежно вязнуть, Наталья Алексѣевна встряхивала головой, говорила себѣ со вздохомъ:—«А все-таки надо жить!»—и, отославъ Наточку съ няней въ гимназію, отправлялась въ дѣтскій садъ, помѣщавшійся въ нижнемъ этажѣ.

Вотъ уже второй годъ, какъ она вся отдалась этой идеѣ. Сама устроила дѣтскій садъ, сама занимается въ немъ. Дать дѣтямъ такой запасъ бодраго, радостнаго духа, интересовъ ко всему живому, такъ пропитать ихъ души теплыми, свѣтлыми лучами, чтобы этихъ живительныхъ зародышей хватило имъ на всю жизнь: такова ея задача. Пусть въ минуты душевнаго недомоганія, которыя каждаго ждутъ въ будущемъ, поддержатъ ихъ и обогрѣютъ свѣтлыя искры, запавшія въ нихъ съ дѣтства: вѣдь солнечный лучъ тянется чрезъ безпредѣльныя пространства, озаряя на пути своемъ все, что способно воспринять свѣтъ, и время безсильно надъ нимъ.

Довольно Натальѣ Алексѣевнѣ спуститься съ лѣстницы и попасть въ этотъ непрерывно жужжащій, веселый улей, какъ всѣ вопросы и сомнѣнія мигомъ отлетаютъ отъ нея. Не думая, не разсуждая, она уже ощущаетъ внутри готовый отвѣтъ: его нельзя формулировать и передать словами, но съ нимъ можно жить и работать по-живому. Дѣти, среди которыхъ есть совсѣмъ крошечныя, смѣются, плачутъ, пищатъ, суетливо щебечутъ, а для Натальи Алексѣевны пестрые звуки этого хора сливаются въ одну пѣснь:—«Мы живемъ, мы хотимъ жить, и какъ можно веселѣе, а до прочаго намъ дѣла нѣтъ». И она мысленно отвѣчаетъ имъ:—«А я хочу, чтобы вы всегда были живыми, всегда чувствовали силу, вѣру, смыслъ жизни, радость»... Стоя среди десятковъ маленькихъ людей, такихъ подвижныхъ, она иногда воображаетъ, что окружена бурливымъ морскимъ прибоемъ: теплыя, шаловливыя волны набѣгаютъ со всѣхъ сторонъ, ласкаютъ, играютъ, разсыпаются рѣзвой пѣной... И съ каждой минутой растетъ въ ней спокойная сила, увѣренность... Въ комъ или въ чемъ? Да какъ будто—во всемъ...

Плетутъ, вырѣзываютъ, лѣпятъ изъ глины, поютъ пѣсенки, играютъ во всевозможныя игры — и въ комнатахъ, и въ просторномъ палисадникѣ; точно что-то многогранное живое вертится, не пріостанавливаясь на на секунду и наполняя весь домъ кипучимъ оживленіемъ. Натальѣ Алексѣевнѣ некогда думать о жизни, но она все время чувствуетъ ее, какъ бы видитъ передъ собой ея необозримую картину. Жизнь это — движеніе всюду, неустанное, непрекращаемое: все волнуется, стре-

мится, мчится куда-то неудержимымъ вихремъ. Мертваго, неподвижнаго нѣтъ: есть только незримое, неслышимое, но всегда полное движенія и жизни. Тишина это—ускользающіе отъ насъ звуки, потемки—неразличимый для насъ свѣтъ... Да, все переполнено жизнью, и нѣтъ и не можетъ быть ничего, кромѣ нея. Угасаніе, разрушеніе, смерть... да гдѣ они? Надо жить—вотъ и все!..

Наталья Алексѣевна ощущаетъ это каждымъ нервомъ, каждой каплей крови, и всѣ горькія истины, такъ часто отравляющія ея душевный покой, кажутся теперь, просто, больными выдумками...

Но едва схлынетъ необузданная дѣтвора, какъ «больныя выдумки» скопомъ набрасываются на Наталью Алексѣевну, словно онѣ стояли за дверью и подстерегали... При Василіи Николаевичѣ она спѣшила изъ гимназіи, зная, что и дома ждетъ ее жизнь, иногда слишкомъ шероховатая для усталаго человѣка, даже тяжелая, но все-таки жизнь. А теперь...

Вяло поднимается къ себѣ во второй этажъ, и томительная апатія растетъ съ каждымъ шагомъ, замедляетъ движенія, разливается по жиламъ. — «Не надо поддаваться меланхоліи: вѣдь у меня еще есть моя Наточка»...

Спѣшитъ къ дочери, только что вернувшейся изъ гимназіи, распрашиваетъ подробно о всѣхъ волненіяхъ дня, которыхъ всегда через - чуръ много у болѣзненно впечатлительной дѣвочки. Чуткимъ внутреннимъ слухомъ мать улавливаетъ затаенныя муки воспаленнаго самолюбія, разочарованія, смущенной совѣсти... Наточка живетъ не по лѣтамъ сложной, замкнутой душевной жизнью: порывы ея, не находя выхода, осѣдаютъ на днѣ, бродятъ, перегораютъ внутри... О, какъ все это знакомо Натальѣ Алексѣевнѣ! Вѣдь и она точно такъ же пожирала себя, вѣчно разрываемая безпокойными противорѣчивыми чувствами, о которыхъ знала только она сама. И у нея, какъ у Наточки, всегда было слишкомъ мало тѣла, холодныя руки и такіе же вотъ ободки подъ глазами. Чувствительность, привязчивость, дикое недотрожество...—«да вѣдь это я, я сама!». Какъ ясновидящая, она прозрѣваетъ будущія переживанія Наточки, заранѣе страдаетъ за нее...—«Какъ облегчить ей жизнь, оберечь сердце отъ непосильной, изнурительной траты?».

Наталья Алексѣевна вся внутренне подобралась, голосъ уже звучитъ весело, бодро. Беззаботно смѣясь, разсказываетъ, какъ и ей когда-то измѣняли подруги, и она такъ же огорча-

лась, мучилась:—«а потомъ—ничего. Все перемелется, Наточка. Не надо только падать духомъ»...

Бесѣдуетъ съ нею, какъ съ самой любимой подругой, силясь вдохнуть отвагу въ съежившееся дѣтское сердце; но вернулся со службы мужъ, зоветъ обѣдать. И опять апатія, и снова Наталья Алексѣевна перемогаетъ себя.

За обѣдомъ Дмитрій Петровичъ молчитъ или жалуется на усталость, погоду, на конторскую скуку. Методически резжевываетъ каждый кусокъ, точно священнодѣйствуетъ. Нехотя распрашиваетъ Нату о гимназіи, и та, понимая, что это ему не интересно, такъ же нехотя отвѣчаетъ. А Наталью Алексѣевну, во время этого скучнаго обѣда, невольно дразнятъ воспоминанія: только тогда былъ не Дмитрій Петровичъ, а Василій Николаевичъ, утомленный, нерѣдко разстроенный, но всегда живой, горячій, точно заряженный порохомъ. Онъ ворчалъ, порой бранился, чаще всего насмѣшничалъ, но все въ немъ трепетало жизнью, все находило у него живой откликъ. Дмитрій Петровичъ всегда неизмѣнно деликатенъ, не позволитъ себѣ ни одного рѣзкаго слова, даже какъ будто внимателенъ и участливъ, но—«Господи, отчего же у насъ такъ мучительно скучно и прѣсно? Отчего Наточка сразу стала какой-то деревянной, и сама я какъ будто вдругъ опустѣла»?

Вглядывается въ мужа, желая найти разгадку въ его лицѣ. Онъ утверждаетъ, что боленъ отъ переутомленія, а между тѣмъ съ прошлаго года пополнѣлъ, раздобрѣлъ, въ глазахъ — сонное спокойствіе, во всѣхъ движеніяхъ — пріятная лѣнь... — «Не понимаю!».

XVIII.

Былъ ранній вечеръ. Опаловъ, освѣженный послѣобѣденнымъ отдыхомъ, покоился въ креслѣ съ книгой въ рукахъ, когда вошла съ разстроеннымъ видомъ Наталья Алексѣевна.

— Докторъ сказалъ, что Наточку хорошо бы на Балтійское море...

Опаловъ, не отрываясь отъ книги, возразилъ:

— Но ты по опыту знаешь, какъ ошибаются доктора. Медицина учитъ насъ умирать по всѣмъ правиламъ науки—вотъ и вся ея мудрость.

— Я вѣрю въ данномъ случаѣ не въ медицину, а въ силу природы. Помню, какъ многимъ изъ моихъ ученицъ помогло море...

Опаловъ вдругъ оживился, даже глаза заблестѣли, что рѣдко бывало съ нимъ:

— «Природа»?.. Гм!.. Волшебное слово... И я когда-то вѣрилъ въ природу, обожалъ, поэтизировалъ, а теперь—увы! прозрѣлъ... Мы почему-то думаемъ, что природа это—море, лѣса, цвѣты, солнце... Ну, а микробы, которыми насыщенъ воздухъ, болѣзни, гніеніе, разложеніе—развѣ не та же природа? Поэтъ воспѣваетъ ея красоты, а какой-нибудь безсмысленный, никому не нужный отростокъ слѣпой кишки возьметъ и отправитъ его въ могилу со всѣми творческими настроеніями...

— Да, но теперь надо не объ этомъ...

— Мы воспитаны на дѣтскихъ сказкахъ и миѳахъ, гдѣ природа—всегда къ услугамъ человѣка; а въ дѣйствительности ей нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до нашего, человѣческаго. Природа—это предательская западня, это—нашъ злѣйшій врагъ, съ которымъ мы ведемъ неравную борьбу: она стрѣляетъ въ насъ изъ пушекъ, — мы отвѣчаемъ ей жалкими револьверными выстрѣлами...

— Можетъ быть, все это и правда, но...

— Мы открыли нѣсколько средствъ для борьбы съ нею и несказанно гордимся этимъ; а въ ея распоряженіи есть милліоны способовъ, чтобы отравить намъ существованіе; и, въ концѣ концовъ, — одинъ, самый вѣрный, съ которымъ борьба немыслима: то—смерть...

— Я вижу: тебѣ, просто, не хочется, чтобы мы съ Натой...

— Благодаря этому способу, чѣмъ, въ сущности, стала жизнь? Безграничнымъ царствомъ смерти... да, да! Подумай только: вѣдь мертвыхъ въ милліонъ разъ больше, чѣмъ живыхъ. Можешь статистически убѣдиться... Но этого мало: мы, живущіе, ежеминутно умираемъ. Моего вчерашняго «я» ужъ нѣтъ: оно мертво...

— Да, многое, многое мертво... — отозвалась съ грустью Наталья Алексѣевна.

— Умерли мои мысли, слова, поступки... Все былое, начиная съ незапамятныхъ временъ, есть одно необъятное кладбище, гдѣ погребены безчисленныя проявленія жизни. То, что живетъ въ данный моментъ, составляетъ только неизмѣримо малую частицу отжившаго...

Онъ возбужденно ходилъ по кабинету, воспрянувшій, помолодѣвшій! Лицо горѣло вдохновеніемъ, рѣчь, наэлектризованная долго сдерживаемымъ чувствомъ, лилась, какъ неудержимый потокъ лавы.

Наталья Алексѣевиа досадливо жмурилась. Ей знакома эта манера Дмитрія Петровича: заговоришь съ нимъ о дѣлѣ, иной разъ—неотложномъ, но у него къ одной мысли тотчасъ налипаютъ десятки другимъ, и у каждой есть еще свои спутники. И наслаивается, наслаивается безъ конца... Самый обыкновенный разговоръ заводитъ его въ мрачный тупикъ неразрѣшимыхъ вопросовъ... Сначала эти пессимистическіе монологи, попадая въ наболѣвшее мѣсто, доставляли ей какую-то горькую отраду, потомъ стали раздражать своимъ однообразіемъ и ненужностью.

— Я понимаю: тебѣ тяжело оставаться лѣтомъ одному... Но ты можешь взять мѣсячный отпускъ и пріѣхать къ намъ на Балтійское...

Опаловъ грустно усмѣхнулся.

— «Тяжело одному»?.. Нѣтъ, другъ мой Наташа, я ужъ привыкъ къ одиночеству. Всегда былъ одинокъ, а теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь... Сердце давно уже изсохло отъ неудовлетворенной жажды...

— Это что: упрекъ?

— О, вовсе нѣтъ! Въ каждомъ ноетъ неизлѣчимая язва одиночества; таковъ удѣлъ человѣка. И только въ томъ случаѣ, если у тебя есть твое второе «я», способное раздѣлить твою...

— Ты хочешь сказать, что я не понимаю тебя, не сочувствую?..

— У тебя слишкомъ много занятій и слишкомъ мало времени, чтобы возиться со мной.

— «Возиться»? Ну, какъ тебѣ не стыдно? Не я ли первая хотѣла переживать все вмѣстѣ съ тобой? Не я ли обращалась къ тебѣ со всѣми своими заботами и вопросами и тебя просила о томъ же? Моя ли вина, что тебѣ скучно все, чѣмъ я живу?

— Прости меня, Бога ради, но я, право, не понимаю, какъ ты можешь носиться по цѣлымъ днямъ съ своимъ кукольнымъ дѣтскимъ садомъ? Тутъ черезъ-чуръ мало... какъ бы выразиться?—ну, идеи, что ли...

— Я тысячу разъ пыталась объяснить тебѣ, почему это дѣло близко моему сердцу...

— И потомъ, ты кругомъ опутана сѣтью разныхъ отношеній. То и дѣло или къ тебѣ кто-нибудь приходитъ, или ты куда-нибудь бѣжишь хлопотать. Добродѣтель — хорошая вещь, но...

— Вотъ потому-то ты и одинокъ, что тебѣ—ни до кого. Иногда мнѣ кажется, что даже мы съ Наточкой проходимъ

мимо тебя, какъ тѣни. Я бы поняла это, если-бъ ты ушелъ съ головой во что-нибудь важное, захватывающее; но вѣдь ничего такого у тебя нѣтъ... Чѣмъ же ты, наконецъ, живешь?

Опаловъ опустился въ кресло съ видомъ тяжко больного и молвилъ убитымъ голосомъ:

— Воспоминанія—вотъ, что мнѣ осталось въ жизни. Была великая, завѣтная мечта, которую приходится оплакивать. Отъ нея сохранились однѣ развалины...

— Не понимаю, про какую ты мечту?..

— Мечталъ о великой любви,—она оказалась маленькой. Мечталъ о тепломъ гнѣздѣ, объ уютѣ... Вѣдь человѣку прежде всего нуженъ уютъ. Онъ ищетъ его въ дружбѣ, въ семьѣ, въ искусствѣ, у Бога-покровителя, у матери-Природы... Но такъ называемая природа не знаетъ и знать не хочетъ объ уютѣ: болѣзнями встрѣчаетъ человѣка при рожденіи, болѣзнями увѣчитъ его всю жизнь, потомъ начинаетъ подготовлять къ довольно неуютному финалу.

— Ужъ я не разберу теперь, о чемъ ты?

— Одна отрада есть у человѣка: близкая, родная душа, его второе «я». Оно какъ бы удваиваетъ твое существованіе, создаетъ атмосферу, предохраняющую тебя отъ жестокости стихій, творитъ иллюзію какого-то уюта среди пугалъ жизни. Это—самый чудесный изъ даровъ, посылаемыхъ намъ судьбою, что-то сверхчеловѣческое, вѣяніе какой то высшей формы эволюціи...

— Словомъ, ты страдаешь оттого, что не встрѣтилъ близкой души. Такъ?.. Тебѣ кажется, что ты обманулся во мнѣ? Говори прямо.

Опаловъ сгорбился съ смиреннымъ и виноватымъ видомъ: такъ дѣйствовалъ на него всякій поставленный ребромъ вопросъ. Поймалъ ея руку и, держа у своей щеки, произнесъ тихимъ, страдальческимъ голосомъ:

— Ахъ, Наташа, голубка моя, развѣ я смѣю тебя упрекать? Ты—лучшая изъ женщинъ: добрая, самоотверженная... Я не сто́ю тебя... Но если бъ ты только захотѣла понять... Бываютъ, видишь ли, грандіозныя катастрофы: разныя обвалы, землетрясенія, наводненія... Онѣ уносятъ тысячи жертвъ и производятъ на насъ потрясающее впечатлѣніе... Но кого интересуютъ трагедіи, разыгрывающіяся въ человѣческомъ сердцѣ? На поверхности все какъ будто ровно и гладко, а вѣдь тамъ, подъ невозмутимой оболочкой, таятся такіе... Тамъ, быть можетъ, тоже своего рода обвалы и оползни. Нѣтъ, лучше не заглядывать въ эти душевные омуты!..

— Такъ въ чемъ же, наконецъ, дѣло?

— Я не имѣю права омрачать тебѣ душу своими...

— Послушай, это невыносимо... Я вижу, ты недоволенъ мной, мучишься... И такъ всѣ эти два года!.. И не могу добиться отъ тебя...

— Оставимъ лучше, Наташа... Зачѣмъ стирать пыль съ руинъ? Безцѣльное занятіе!

— Фу, ты, Боже мой! Одни жалкія слова... Право, можно подумать, что ты играешь своими меланхолическими настроеніями, какъ жонглеръ—шарами.

Опаловъ всталъ, оскорбленный; медленно прошелся, едва передвигая ноги, какъ будто онѣ прилипали къ ковру; остановился противъ жены въ трагической позѣ:

— Когда не любишь человѣка, все въ немъ, даже самое кровоточащее, представляется пошлымъ...

— Ну, ужъ это... Неужели ты заставишь меня клясться въ любви?

Онъ возразилъ глухимъ, фатальнымъ тономъ:

— Только мертвые священны. Къ живымъ мы не чувствуемъ и десятой доли той любви...

— А, понимаю! Ревность?

— Скоро пять лѣтъ, какъ онъ умеръ, а ты до сихъ поръ...

— Какое безуміе! Стыдись, Дмитрій... Подумай, въ чемъ ты меня укоряешь!..

И вдругъ осѣклась, ошеломленная мыслью, что онъ правъ. Вѣдь до сихъ поръ ей мерещится, что она только-что свезла Васю въ больницу: вотъ-вотъ онъ выздоровѣетъ, вернется, и все будетъ по прежнему... нѣтъ, лучше прежняго, потому что теперь она знаетъ его и себя. Годы сжимаются въ ея представленіи въ одну неизмѣримо малую точку: Василій Николаевичъ, прежняя квартира, прежняя жизнь... да вѣдь все это было сейчасъ только! Прошелъ всего какой-нибудь мигъ, такъ-что не успѣли замереть звуки прежнихъ голосовъ. Все это продолжаетъ незримо жить, неслышно звучать...

Наталья Алексѣевна заломила до боли пальцы и, прислонившись къ книжному шкапу, стояла, загипнотизированная всеобъемлющимъ ощущеніемъ былого; а Опаловъ продолжалъ тѣмъ монотоннымъ, безстрастно-заунывнымъ голосомъ, какой у него всегда появлялся въ особенно торжественныя минуты:

— Никто ни въ чемъ не виноватъ... Какая-то таинственная рука вертитъ насъ въ мировомъ калейдоскопѣ: устроитъ прихотливую комбинацію, подержитъ съ минуту и разрушитъ...

И опять мы завертимся по ея произволу... Да, виновныхъ нѣтъ, но правы одни мертвые... Василій Николаевичъ могъ стѣснять тебя, ломать твою жизнь,—но онъ умеръ, сталъ недосягаемъ, и потому онъ правъ. Я же, къ несчастью, продолжаю жить и страдать, и въ этомъ моя главная вина. Конечно, я не такой труженикъ, какъ Василій Николаевичъ, но...

Наталья Алексѣевна поблѣднѣла отъ негодованія: каждый разъ улавливаетъ она въ этомъ словѣ «труженикъ» что-то высокомѣрное, презрительное...

— Ты, кажется, глубоко убѣжденъ въ своемъ духовномъ превосходствѣ?.. Такъ, по крайней мѣрѣ, держи это про себя!.. Во всякомъ случаѣ, въ Василіи Николаевичѣ билось живое человѣческое сердце, а въ тебѣ я вижу одно холодное, себялюбивое резонерство. Мнѣ жаль тебя, Дмитрій: кончится тѣмъ, что въ этой пустотѣ ты истлѣешь душой...

Она поспѣшила выйти. Опаловъ вздохнулъ съ видомъ непонятаго, вынулъ изъ стола тетрадь и погрузился въ перечитываніе своихъ записокъ...

Поздно вечеромъ онъ постучался тихонько къ женѣ.

— Можно войти?

— Пожалуйста...

Наталья Алексѣевна кончила писать, вложила письмо въ конвертъ и, обернувшись, взглянула на мужа. Онъ стоялъ среди комнаты, потирая грудь; трясущіяся губы что-то шептали...

— Что съ тобой?

— Если ты... поѣдешь... на Балтійское,—значитъ... значитъ, все кончено...

— Какъ «кончено»?

— Все... между нами... да!

Она опустила голову.—«Господи, что же это?!.»

— Ну, а если я не поѣду на Балтійское, и Наточка окончательно надломится, и будетъ уже поздно?

— Я такъ и зналъ... Я предвидѣлъ твой отвѣтъ.

Опаловъ вышелъ, влача черезъ силу ноги, продолжая потирать на ходу грудь... Наталья Алексѣевна бросилась было за нимъ, но заслышавъ его саркастическій смѣхъ, почувствовала отвращеніе и осталась на мѣстѣ.

«Да, теперь ясно для меня, — писалъ Опаловъ ночью въ своей тетради: — она не та, чей образъ лелѣялъ я всю жизнь въ своихъ мечтахъ. Черезъ-чуръ реальная, земная! Вся ея душа загромождена интересами такъ называемой дѣйствительности, своей и чужой: не осталось ни одного свободнаго уголка для высшихъ запросовъ духа. Или она по натурѣ такая, или ее испортилъ Ходынцевъ, этотъ неугомонный муравей... Она органически не можетъ понять, что сердцевина жизни—не въ муравьиной бѣготнѣ, не въ этихъ добродѣтельныхъ соломинкахъ, а въ самоуглубленiи. Абсолютную цѣну имѣютъ только идеи, вспыхивающiя въ самыхъ сокровенныхъ извилинахъ мозга: это—высшее изъ всего, что выработала до сихъ поръ эволюцiя сущаго...

«Когда я бросилъ педагогику и поступилъ въ контору, Наташа увидала въ этомъ какое то паденiе, а я впервые уразумѣлъ, до какой степени она меня не чувствуетъ. Гимназiя, контора, лавка—не все ли равно? Это —только средства для жизни, а не жизнь... Да за одну мимолетную грезу моего мыслящаго «я» можно отдать всѣ эти гимназiи, библiотеки, дѣтскiе сады! Я предпочелъ контору просто потому, что она оставляетъ мнѣ больше нервной силы для моихъ переживанiй, чѣмъ уроки, пожирающiе душу. Я пожертвовалъ этимъ пресловутымъ «живымъ дѣломъ» ради интересовъ высшаго человѣческаго, ради погруженiя въ глубину собственнаго духа, гдѣ только и можно нащупать наиболѣе драгоцѣнныя жемчужины. Я и сплю послѣ обѣда, какъ истый обыватель, и въ преферансъ играю—все ради того же: чтобы отдохнуть и сберечь силы для своихъ водолазныхъ работъ. Да, я—«водолазъ духа»: вотъ моя миссiя, мое raison d'etre, мое оправданiе! Только теперь я получилъ возможность заняться серьезно и аккуратно своимъ дневникомъ, въ которомъ—скажу не безъ гордости—собрано не мало умственныхъ сокровищъ. Но Наташа слишкомъ далека отъ этого. Ей подавай шаблонныя добродѣтели, пошлую общественную жилку... Трудно толпѣ взбираться на большiя высоты! Кто достигъ вершины, тотъ этимъ самымъ обрекъ себя на одиночество...

Измѣнно все въ сей жизни тлѣнной,
Лишь одиночество—нашъ спутникъ неизмѣнный...»

Онъ остановился, раздумывая, не переписать ли это въ «Тетрадь стихотворенiй»? Потомъ рѣшилъ: «только двѣ строчки,— не стоитъ переписывать», подумалъ, прошелся по кабинету и снова сѣлъ за дневникъ:

«Въ Наташѣ все еще живетъ привязанность къ Ходынцеву, но мистическій ужасъ, которымъ пахнуло на насъ тогда отъ самаго факта смерти, не оставилъ въ ней и слѣда. Таковы всѣ реальныя натуры... А я вотъ до сихъ поръ помню это ни съ чѣмъ не сравнимое ощущеніе. Тогда я пытался записать его, но оно ускользало, какъ сонъ... Но и теперь еще по временамъ чудится (какъ тамъ, въ больничномъ скверѣ), что я не живу, а брежу, что вся моя жизнь и дѣятельность—сплошная галлюцинація. Престранное ощущеніе! Въ немъ есть что-то анормальное или, вѣрнѣе,—«сверхнормальное»...

«Позавидуешь, право, этимъ реальнымъ людямъ: послѣ всего, что произошло сегодня между нами, Наташа спитъ, навѣрно, и видитъ во снѣ какой-нибудь житейскій пустякъ; а завтра встанетъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, примется тащить свои добродѣтельныя соломинки. А у меня все дрожитъ внутри, и никто, никто не подозрѣваетъ этого, никто не откликнется, кромѣ тебя, мой вѣрный дневникъ!..»

Наталью Алексѣевну всю ночь мучила безсонница. Чуть погаситъ свѣтъ, какъ темнота наполняется какими то шепотами, шерохами. Точно пережитое притаилось лишь на время и вдругъ проснулось и заявляетъ о себѣ хоромъ приглушенныхъ звуковъ...

«Это шепчетъ мое прошлое...»

Голосъ Василія Николаевича, безмолвный, но явственный до жути, говоритъ о Наточкѣ («совсѣмъ хворая стала: надо скорѣй увозить ее»), о самой Натальѣ Алексѣевнѣ: «все продолжаешь гомозиться? Уймись, Наташа, а то хрястнешь»... Ей хочется открыть дѣтскій садъ. Василій Николаевичъ ворчитъ:—Желаешь поскорѣй ноги протянуть?» Но на другой день самъ заговариваетъ объ этомъ, развиваетъ съ увлеченіемъ ея мысль, вмѣстѣ съ нею строитъ планы. Вотъ приноситъ откуда-то пачку брошюръ, французскихъ и нѣмецкихъ:—«Обмозгуй-ка на досугѣ, а тамъ совмѣстно обсудимъ»...

Безчисленныя блестки воспоминаній алмазами горятъ въ душѣ, ослѣпительно ярко выдѣляясь изъ всего пережитого... Настоящее кажется передъ ними сѣрыми осенними сумерками. Среди нихъ безцѣльно блуждаетъ унылая, выброшенная изъ жизни фигура: это—Опаловъ... При видѣ его, захолонуло внутри... Наталья Алексѣевна слѣдитъ за нимъ мысленнымъ взоромъ: куда идетъ, чего ищетъ этотъ вѣчно тоскующій человѣкъ, чужой для

нея и для всѣхъ на свѣтѣ? Уже тревожится за него, жалѣетъ; ужъ боится, какъ бы не заблудился въ сумеркахъ...

— Любви нѣтъ, да и не нужно. Личное кончилось давно: тогда еще... А все-таки надо позаботиться о Дмитріи...

Опять встрепенулось сердце, готовое безъ конца волноваться, болѣть, жертвовать... Она еще не знаетъ, какъ подѣлить его между мужемъ и дочерью, но уже затеплилась увѣренность, что силъ хватитъ на обоихъ, да и для чужихъ еще останется...

Н. Тимковскій.

Голосъ старости.

«Впередъ, безъ страха и сомнѣнья!» —
Когда-то голосъ молодой
Такъ звалъ младое поколѣнье
На мирный подвигъ, въ честный бой.

Промчались годы—и какъ прежде
Звучитъ чарующій призывъ,
Призывъ къ борьбѣ, призывъ къ надеждѣ,
И надвигается разрывъ

Съ тяжелымъ прошлымъ. Но кого же
Зовутъ тѣ вѣщія слова?
Къ одной ли пылкой молодежи
Они взываютъ, какъ тогда?

Нѣтъ! Все темнѣя и темнѣя,
Скопясь на небѣ грозовомъ,
Клубятся тучи; пламенѣя,
Сверкаютъ молніи; кругомъ

Вездѣ опасность; приближаясь,
Идетъ глухой, зловѣщій шумъ,
И общій ропотъ, разростаясь,
Наводитъ рядъ тревожныхъ думъ.

Въ застоѣ мрачномъ нѣтъ спасенья!
Такъ пусть девизъ давнишній тотъ
Соединитъ всѣ поколѣнья
Въ одномъ стремленіи: впередъ!

Ни безграничныхъ упованій,
Ни увлеченія мечтой
Не знаетъ старость; но страданій
Понятенъ голосъ ей простой.

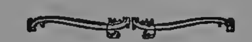
——

Ей близки нужды вѣковыя
И чаянья народныхъ массъ,
Противны зовы боевые
На травлю угнетенныхъ расъ.

——

И предъ раскрытою могилой,
На склонѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ,
Пусть раздается съ новой силой
Свободѣ будущей привѣтъ!

К. Арсеньевъ.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ.

Разсказъ.

I.

Этой осенью фельдфебелю Веденѣеву кончался срокъ службы. Отъ вторичной онъ отказался, доложилъ ротному командиру:

— Такъ что, вашевскородь, дозвольте въ запасъ!

— Жаль, братецъ, жаль... что такъ?

— Имѣя мать въ возрастѣ старухи, соскучился по домашности...

А въ казармѣ товарищамъ похвастался такъ:

— Ну ее! Мало тоже веселаго! Хоша, сказать, и въ фельдфебельскомъ званіи, однако подъ ярмомъ и втунѣ... А я еще холостой... парень! Могу съ дѣвками удовольствоваться...

— Это то самое, какъ есть — поддакнулъ со вздохомъ инструкторъ Котельниковъ.

— Работать придется и грязно въ домашности — съ хозяйской дѣловитостью замѣтилъ каптенармусъ Прохоровъ, котораго мѣтили на мѣсто Веденѣева.

— Работать придется — согласился Веденѣевъ съ мимолетнымъ вздохомъ. Но потомъ повеселѣлъ тутъ же, забылъ про работу и про грязь. «Домашность» въ мечтахъ у него сплеталась вовсе не съ работой и грязью. Чудились праздники, выпивки, дѣвки на посидѣнкахъ и новый фельдфебельскій мундиръ съ золотымъ галуномъ на фонѣ красныхъ праздничныхъ нарядовъ. А поверхъ всего свадьба съ ядреной стыдливой дочерью богатаго мужика, или лучше всего лавочника, и тысяча рублей приданаго. Тысяча рублей! не меньше. Онъ такъ и товарищамъ

объявилъ. Ну еще въ придачу тамъ «шуры-муры» всякіе: шубки, муфты, стёганки...

Въ сентябрѣ отошелъ полковой праздникъ, а послѣ праздника вышли бумаги, и Веденѣевъ поѣхалъ домой. До уѣзднаго города по желѣзной дорогѣ, тамъ дальше на парѣ ямскихъ. Пару взялъ онъ сверхъ положенія, для шику, чтобъ пріѣхать домой не какимъ нибудь «отставной козы барабанщикомъ». Дорогой надѣлъ крахмальный воротникъ, новый «частный» мундиръ, красный кушакъ и сапоги съ лаковыми бураками. По груди распустилъ толстую, дутую цѣпь отъ часовъ съ брелоками.

— Пусть подивуются! не кто нибудь прочій ѣдетъ въ Козяевку, а ротный хозяинъ, Веденѣй Веденѣевъ!

Ямщикъ пробовалъ заговорить дорогой, но Веденѣевъ только крутилъ въ отвѣтъ кончики рыжихъ усовъ, прилаженныхъ по модному къ кверху, да покрикивалъ острымъ, какъ у начальника, голоскомъ:

— Потрогивай, братецъ, потрогивай!

Быстро катила пара вдоль Козяевской улицы. Былъ ясный, чисто серебряный, осенній день и праздникъ. Народъ проводилъ время на улицѣ и, заслышавъ бубенцы, съ тревогой разглядывалъ проѣзжающихъ. Мужики вставали на ноги, снимали обѣими руками съ лохматыхъ головъ шапки, кланялись. Веденѣевъ отвѣчалъ на поклоны по военному, прикладывая правую ладонь къ козырьку форменной фуражки. Ему было радостно и пріятно: онъ узнавалъ всѣхъ, особенно стариковъ, его никто не призналъ.

«Думаютъ, небось, что за начальникъ!»..

За поворотомъ открылась родная изба. Сердце екнуло, сжалось. Изба была все та же, какую покинулъ онъ въ пору рекрутчины. Такъ же, какъ и тогда, стоялъ передъ окнами горбатый выходъ съ разинутой черной пастью, поросшій по горбу чернобыльникомъ и полынью. Такъ же бочились, словно въ сухоткѣ, темныя, полосатыя отъ свѣжей, починки, ворота, и у воротъ стояла на старыхъ, негодныхъ къ ѣздѣ дрогахъ та же самая дегтярная бочка на случай пожара. Тѣ же сараи, тѣ же плетни и кайма пожелтѣвшей крапивы подъ ними. Только и есть перемѣны, что по старой тесовой крышѣ избы накиданы клочья свѣжей соломы, совсѣмъ свѣжей, еще отливающей на солнышкѣ серебрянымъ блескомъ. Должно быть, доски прогнили, и протеки закидали соломой. Все кругомъ знакомо Веденѣеву, какъ его собственныя мысли. Но все убого, мелко, до обиднаго невзрачно.

За три года службы глазъ успѣлъ привыкнуть къ четырехъярусной казармѣ, просторному, какъ выгонъ, плацу, ко всему крупному, городскому. Ждалъ онъ и здѣсь чего-то болѣе богатаго, а на дѣлѣ все мизерно. Горько стало на сердцѣ, какъ бываетъ блѣднымъ сѣрымъ утромъ послѣ сладкаго счастливаго сна. Дотронулся до ямщика оробѣвшей рукой, сказалъ неувѣренно:

— Сюда вотъ... сюда направо, къ тесовой избѣ.

Ямщикъ, какъ на зло, удивился тому, что неприглядная кривая изба была избой Веденѣева, нерѣшительно одернулъ лошадей, ткнулъ кнутикомъ впередъ, переспросилъ:

— Вотъ къ этой самой, вотъ? къ замухрястой?

Веденѣевъ подскочилъ даже на сидѣньи, такъ кольнули его слова мужика. Въ избѣ замѣтили пару, обезпокоились. Отворилось окошко, высунулась дѣвичья голова въ красномъ платкѣ, повязанномъ конечкомъ, спряталась, припали къ стекламъ другія лица, и ребячьи, и бабьи.

— Урядникъ! Убей меня громомъ, урядникъ!—услыхалъ Веденѣевъ торопливыя слова выглянувшей дѣвки.

«Ганька!—узналъ онъ сестру и обрадовался, забылъ злобу на ямщика и стыдъ за избу. Вотъ выросла»!..

Изъ подъ-воротни вылѣзла рыжая тощая собака съ изъѣденнымъ червями хвостомъ и мутными усталыми глазами. Залаяла лѣнивымъ хрипатымъ басомъ, точь въ точь подполковникъ Дымкинъ на ученьи.

— Грр-равъ! ы-гр-равъ!

Ямщикъ махнулъ кнутомъ на нее, угодилъ кончикомъ по носу, собака отмахнулась лѣнивой лапой, взвизгнула, замолкла. Потомъ окошко еще разъ открылось, и Веденѣевъ услыхалъ счастливый, рвущійся къ нему плачъ матери:

— Веденька! Веденюшка! родненькій мой...

Встрѣча вышла съ заминкой. Не успѣлъ Веденѣй шагнуть къ плачущей матери, чтобъ поцѣловаться съ ней, прижать къ груди трясучую старую голову, наступилъ лаковымъ сапогомъ въ навозную лужу и обрызгался желтой вонючей жижей. Не удержался, сказалъ въ сердцахъ:

— Ахъ! въ хряпь-те дышло!

Дѣвка съ ребятишками прыснули смѣхомъ, сноха Арина стукнула котораго-то по затылку ладонью, тотъ заплакалъ, завылъ на срамъ и горе. А мать, вмѣсто того, чтобъ обняться съ сыномъ, припала передъ нимъ на колѣни, стала вытирать передникомъ лаковые сапоги.

— Мамаша! Да что вы такое? — стыдливо выкрикнулъ Веденѣй.

Но старуха, услыхавъ отъ сына непривычное, чужое обращеніе «мамаша», да еще «вы»,—совсѣмъ осѣла, сконфузилась и бойко-бойко стала вытирать передникомъ обрызганные сапоги.

Веденѣевъ стоялъ, какъ въ парной на полкѣ, горячій весь, потный и сконфуженный. Не зналъ, что ему дѣлать: отдернуть-ли ногу и тѣмъ обидѣть мать, или дать ей сдѣлать все до конца, и принизить ее, прировнять къ служанкѣ...

Но не дѣлая ни того, ни другого, онъ повторялъ только:

— Мамаша! да что вы... мамаша!

Растерялся и братъ Захаръ. Красный весь отъ смущенія, кинулся къ ямщику отпрягать лошадей, будто Веденѣевъ пріѣхалъ не на ямскихъ, а на своей собственной парѣ.

Спустя только долгое время поздоровались, какъ надо: перецѣловались съ солдатомъ всѣ по очереди, сперва кто постарше, потомъ молодежь и ребята.

Повели гостя въ избу, усадили за столъ въ передній уголъ.

На столѣ разстелили праздничный столешникъ, — клеенку черкасскаго набоя. По зеленому полю—желтые пѣтушки и отпечатанные разными красками тарелки, вилки, ножи, бутылки, огурцы и арбузы... Все, чему слѣдуетъ быть на столѣ въ хорошихъ, достаточныхъ семьяхъ, и что у Веденѣевыхъ имѣется только въ нарисованномъ видѣ.

Фельдфебелю неловко было подъ родимой крышей. Къ тому же всѣ отошли отъ него, ради хлопотъ. Мать со снохой и съ Ганькой безпокоились о чемъ-то въ чуланѣ, бѣгали то и дѣло въ погребъ, въ мазанку, приносили, уносили что-то, сердито и тихо шептались.

Захаръ прилипъ къ ямщику, не отходилъ отъ лошадей и все краснѣлъ, какъ ряженая дѣвка. Одни ребятишки разстановились рядкомъ передъ самымъ столомъ и разглядывали гостя стылыми, не то боязливыми, не то завидущими глазами.

Веденѣевъ понималъ, что хлопоты и тайные шопоты женщинъ идутъ ради него, чтобъ щедрѣй и радостнѣй угостить его. Понималъ, что и Захару не совсѣмъ по себѣ передъ нимъ: «какъ тамъ ни какъ, хоть и родной братъ, а все же—фельдфебель. Поди, какъ гнетъ Захаръ спину передъ какимъ нибудь стражникомъ изъ ефрейторовъ, аль большее самое изъ отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ. А тутъ—хозяинъ роты! ежели приравнивать къ полицейскому званію—выше урядника... Да».

Веденѣевъ сидѣлъ за столомъ, утѣшалъ себя такими, привычными для фельдфебеля, мыслями, а самъ все же чувствовалъ, что сердце въ груди не спокойно. Много было нехорошаго дома: бѣдность, запуганность, неряшливость кругомъ и какъ будто сознаніе своего безсилья: точно люди боролись-боролись съ нуждой, да устали, рукой махнули на все.

«Вотъ и съ угощеніемъ теперь... Ежели-бъ при достаткахъ, развѣ много хлопотъ надо? Разъ, два! и «пожалте кушать»... Потому и хлопочутъ, что нѣтъ ничего... Но отъ того еще не хорошо было Веденѣеву, что никому не привезъ онъ гостинцевъ. Все время думалъ только о себѣ самомъ. А славно бы теперь сунуть этимъ братнинымъ соплякамъ по какому нибудь прянику. Ждутъ. Надо бы и Ганькѣ полушалочекъ, снохѣ на передникъ, матери...

И стало ужъ казаться, что бабьимъ хлопотамъ не будетъ конца. Принялся попристальнѣй разглядывать избу.

Темный закопченый потолокъ съ еще болѣе темными трещинами, изъ которыхъ свисали внизъ клочья паутины, пакли и сажи. Не вѣсть когда скобленныя стѣны изъ осиновыхъ бревенъ, рядки сухого моха въ пазахъ, небѣленная печь, полати, похожія на банный полокъ, тараканы по угламъ и мертвыя, распухшія мухи... Полъ подъ ногами, какъ полевая дорога въ ненастье: кочки ажно по нему.

«Жить, вѣдь, придется тутъ... Будешь умирать день и ночь надъ работой на гумнѣ ли, въ полѣ, а ночевать сюда»...

Вспомнились слова Прохорова: «работать придется, и грязно въ домашности».

А полковникъ не разъ хвалилъ его за порядокъ въ казармѣ, за чистоту. Шевельнулось въ душѣ сожалѣніе: напрасно отказался отъ «вторительной» службы.

«Вотъ, живутъ же люди въ городѣ! Золотаревъ, Наумъ Степанычъ, тоже былъ фельдфебелемъ въ той самой четвертой ротѣ, вышелъ въ запасъ, на городской женился, торгуетъ теперь лавочкой... Горница въ три окошка! Сидишь въ гостяхъ на гнутомъ стулѣ. Самоваръ фигуристый подъ серебро, вареніе тебѣ на маленькихъ блюдечкахъ... розетки называются»...

И Веденѣевъ мало по малу перешелъ на свою любимую мечту о чистой жизни, лавочкѣ, невѣстѣ съ приданымъ въ тысячу рублей.

И мечты такъ далеко унесли его, такъ высоко подняли, что когда вышла изъ чулана мать въ обдерганомъ кубовомъ сарафанѣ, перебѣжала избу, что-то тая отъ него подъ передникомъ,

кликнула Захара въ сѣняхъ, а Захаръ, словно перенявъ отъ нея манеру таиться, побѣжалъ вдоль улицы вверхъ, къ казенному кабаку,— то онъ поймалъ себя на враждебности къ нимъ обоимъ: и къ Захару, и къ матери:

«Ровно что нелюдь какая»!...

II.

На селѣ уже прослышали, что къ Веденькинымъ пришелъ изъ службы солдатъ. Сталъ сходиться народъ, сперва родственники, потомъ и просто любопытные. Первымъ пришелъ сосѣдъ Мелёшка, который считался дальнимъ родней.

— А-а! Веденя! препожаловали между прочимъ! пожалуйте ручку!

Мелешка былъ изъ бывалыхъ мужиковъ, живалъ въ Баку и потому слылъ человѣкомъ знающимъ обращеніе. Съ Веденѣевымъ онъ повелъ разговоръ не просто, а малость съ подобострастіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покровительственно. Дескать: мы тебя уважаемъ, да и ты нашихъ знай.

Потомъ подошелъ материнъ братъ, дядя Мокей Кондратичъ. Этотъ дальше своего города земли не видывалъ. Попросту полѣзъ цѣловаться, заплакалъ. Потомъ, какъ малый ребенокъ, сталъ дивоваться на басонъ, на галунъ и нашивки:

— А! гляди, гляди! Ахъ въ ротъ-те вишня! Чисто съ поповой ризы спорото. Начальникомъ, видно, былъ?

— Галунъ это называется,— съ усмѣшкой сказалъ Веденѣевъ,—по званію полагается... Этто, сказать,—строевой, потому пришито сверху, а ежели снизу вверхъ, то—нестроевые.

— Хуже, значится? пониже будутъ?

— Га!—Веденѣевъ только поднялъ кверху улыбавшееся лицо и покрутилъ кончики рыжихъ усовъ.—Такъ сказать, свистуны... Круподерами прозываются!

— Большихъ двѣ разницы! подтвердилъ и Мелешка голосомъ знатока,—потому строевой—защитникъ вѣры-отечества, а то... ну, вродѣ какъ посканъ въ коноплѣ: и видимость ей дадена, и все, а, между тѣмъ,—безъ вниманія...

— А-а! вотъ, а-а-й!—удивлялся Мокей, не уставая разглядывать и ощупывать племяника,—изъ мужико-овъ! Скажи на милость! Нонѣ, видно, и мужикъ тоже... Да! Дарма, что мужикъ! Нѣтъ, ты уважь мужика, вотъ что!

— А что же это, часы, стало быть?—начиналъ онъ снова свой восхищенный осмотръ.

— Часы. За стрѣльбу награждены. Вотъ и ружья кресть-на-кресть. Такъ полагается... Серебряные и съ портретомъ Государя Императора!

— А-аа! Изъ чистаго серебра? Ну-ну! И царь... а-аа!!.

Мокей качалъ растроганно головой, умиленно чавкалъ губами.

Вышла мать изъ чулана поздороваться съ гостями. Осталась послушать, о чемъ калякаютъ. Услыхала, что хвалятъ Веденѣя, просвѣтлѣла вся, засіяла ласковымъ старушечьимъ счастьемъ.

— Ну вотъ, Кондратьевна,—подбавилъ ей Мелешка радости,—дождалась орла! Въ такомъ званьи! Можно сказать, между прочимъ, помощникъ ротному командиру. Кто у насъ въ Козяевку еще въ такомъ чинѣ пришелъ? а? И часы за стрѣльбу, да ка-акіе!..

Мать остановилась средь избы, подперла щеку козонками сжатаго кулачка, плакала мелкими, какъ пшенинки, слезами. У Веденѣева опять застучало сердце жалостью къ ней, сдѣлалось стыдно за давешнія недобрыя мысли:

— Матушка!—потянулся онъ къ старухѣ въ порывѣ любви,—ты бы хоть присѣла съ нами!..

И мать, вдругъ учуявъ подлинную ласку, распластала руки, ринулась къ нему съ плачущимъ счастливымъ лицомъ, припала къ жесткому отъ золотого галуна плечу, завыла источнымъ голосомъ.

Веденѣй обнялъ ее, заплакалъ самъ, и стали мать съ сыномъ ласкать другъ друга, мѣшаясь слезами и радостнымъ смѣхомъ.

Мокей Кондратьичъ тоже заплакалъ, а Малешка сказалъ съ умиленной важностью:

— Вотъ она родная-то кровь... да! Со дна моря достанетъ.

И стало легко Веденѣю послѣ материной ласки. Почувствовалось, что только теперь пришло то настоящее, что должно было вылиться при первой встрѣчѣ. Сразу послѣ этого улеглась и забылась тоска по казармѣ, жалость по городу и тревога, вызванная грязной избой, бѣдной неряшливостью родныхъ. Онъ повеселѣлъ, сталъ говорить, разсказывать про себя и солдатчину.

А народъ все подходилъ и подходилъ. Старики, мужики-ровестники, бабы входили, пригибаясь на порогѣ, крестились образамъ, привѣтно здоровались съ гостемъ, кто за ручку, кто по старинѣ—поклонами, а болѣе близкіе шли цѣловаться.

Гомонъ и говоръ шелъ по избѣ.

Къ тому времени, когда Захаръ прибѣжалъ съ четвертью водки подъ мышкой, столъ былъ уже занятъ гостями кругомъ, у чуланной притолоки шумной гурьбой толклись дѣвки и бабы, а съ палатей и съ печи искрились, какъ звѣздочки ночью, хороводы острыхъ ребячьихъ глазъ.

Захаръ распоясался, пріободрился, всталъ по конецъ стола, откинувъ въ сторону ногу въ широкоголовомъ лаптѣ, болѣе гордомъ по виду, чѣмъ онъ самъ. Сталъ подчевать гостей изъ четверти.

Нальетъ полный граненый стаканчикъ, пригубитъ, потомъ поднесетъ брату.

— Кушайте, братецъ, Веденѣй Веденѣичъ!

— Будьте здоровы!

— На здоровьице!

Вторая стопка—дядѣ Мокею, послѣ—поочереди. Каждому гостю полный стаканъ и низкій поклонъ:

— Выкушайте! не обезсудьте, пожалуйста!

И если кто-нибудь изъ гостей не выпивалъ всей стопки до дна, Захаръ дѣлалъ на лицѣ строгія складки, отстранялъ отъ себя протянутый стаканчикъ горбатой пястью, говорилъ:

— И ни-ни! и не думай! не приму.

Гость долженъ былъ допивать все до дна. Пили, закусывали, и опять пили все съ той же очередью, съ той же церемоніей. Разговоръ крѣпъ и веселѣлъ.

— Мнѣ ротный командиръ, капитанъ Гр-рудистовъ! — широко и плавно разсказывалъ Веденѣевъ послѣ третьей очередной стопки,—капитанъ, дескать, Грудистовъ и говоритъ мнѣ: останься, Веденѣевъ на вторительной, на сверхсрочной, то-ись, службѣ! Останься! Потому я доволенъ тобой, и ты есть на счету! А я—наотрѣзъ! «Дозвольте, вашевскородь, въ запасъ вытить: потому домашность имѣю и мать, и дескать, брата»...

— Безъ сумленья!—подтвердилъ сьянившійся Захаръ.

— «Да!—продолжалъ Веденѣевъ.—Къ тому жъ холостъ я, вашевсородь, и жениться пристало... При моемъ, дескать, званьи, чистоганомъ могу тыщу рублей, кромя всего прочаго... потому—понять надо!—Кто!..

При словахъ: «тыщу рублей» въ бабьемъ кругу зашептали, загуторили, словно вѣтеръ пронесся въ осеннемъ лѣсу. Кто то ахнулъ даже. А Мокей Кондратьичъ, тоже охмелѣвшій, перебилъ племянника своей нескладной, но прыткой рѣчью:

— Во-во! тыщу рублей! тыщу-у! Я те скажу—это денежки!

тыщу рублей... да! Дай-ко сюда эту самую тыщу, въ ладонь, объ это вотъ самое мѣсто!..

И старикъ сначала раздвинулъ надъ столомъ широкую и корявую, какъ хлѣбный каравай, мужицкую ладонь, приглашая всѣхъ положить на нее тысячу, а, потомъ, должно быть, вообразилъ уже, что тысяча въ рукѣ, сжалъ ее въ кулакъ, стукнулъ кулакомъ по столу.

— Да я съ этой самой тыщей что сдѣлаю? Всю Козяевку куплю и выкуплю!

— И еще сдачи спрошу! — вставилъ Захаръ свое смѣлое слово въ дядину рѣчь.

Разговоръ о тысячѣ взбодрилъ всѣхъ еще пуще, чѣмъ водка. Заспорили о томъ, что можно сдѣлать съ тысячей рублей въ Козяевкѣ. Всѣ старики и Захаръ съ ними, стояли на томъ, что надобно накупить возможно больше «гулящихъ душъ». Съ полсотни, можетъ, а можетъ быть больше, глядя по цѣнѣ. И потомъ—лошадей! И не одровъ какихъ-нибудь, а взаправдошныхъ. Захаръ больше всего стоялъ за лошадей, и очень хвалилъ сѣраго жеребца, на которомъ пріѣзжалъ утромъ къ обѣднѣ Стрикѣевскій управляющій.

Мелешка настаивалъ на трактирѣ, а зять Федоръ доказывалъ, что нѣтъ выгоднѣй дранки съ маслобойнымъ заведеніемъ. Спорили долго и горячо, пока Захаръ не догадался еще пригубить и еще поднести всѣмъ по очереди: отъ брата Веденѣя и дяди Мокея Кондратьича до самого себя.

Такъ пили и разговаривали до вечера. Къ вечеру четверть была распита до самаго донышка, и всей гурьбой повалили въ гости къ Мокею Кондратьичу.

III.

На другой день вся Козяевка работала, а родные Веденѣева гуляли. Гуляли изъ двора во дворъ.

Таковъ былъ обычай. Съ утра пошли къ свату, Захарову тестю, потомъ къ зятю, Федору, послѣ звалъ Мелёшка и другіе родные.

Вездѣ была водка, было угощеніе, точь въ точь какъ въ престольный праздникъ. Старики ужъ ходили въ обнимку, бабы повизгивали пѣсню «про милова дружка», и всѣ говорили, хвалили другъ друга и хвалились другъ передъ другомъ. Больше всего возносили Веденѣева. Разсказывали, что въ полку онъ

былъ правой рукой генерала, и ежели бъ остался на вторительной службѣ, то черезъ пять лѣтъ получилъ бы медаль, большую награду и сказали-бъ о немъ самому царю.

Къ концу второго дня отъ гулящей компаніи хоть поотставали нѣкоторые мужики изъ далекихъ родственниковъ,—тѣ, кто позаботливѣй до похозяйственнѣй,—но за то попристало много другого народа, все равно гулящаго: некрута, которымъ быть этой осенью на призывѣ, гуляки—завсегдатаи шинковъ, староста, псаломщикъ Поликарпъ.

Куда ни шелъ Веденѣевъ со своей свитой, вездѣ встрѣча была ласковая, гостепріимная, а впереди, словно глашатый какой, бѣжала по селу отъ двора ко двору, отъ бабы къ бабѣ, отъ мужика къ мужику громкая слава:

— Веденькинъ солдатъ пришелъ, тыщу рублей денегъ принесъ, окромя добра всякаго... Жениться хочетъ, лавочницыну дочь сватаетъ!

И было похоже, что въ молвѣ этой кроется правда.

Однажды, когда проходили мимо лавочки, Веденѣевъ отсталъ отъ толпы, завернулъ въ нее купить папиросъ «Ренесансъ».

Лавочница Ивановна приняла его, какъ долго жданнаго гостя. Позвала въ горницу чай пить. Здѣсь было все такъ же, какъ въ городѣ у Наума Степаныча Золотарева: гнутые стулья, полъ крашеный, занавѣски на окнахъ и горшечки съ фикусами и геранью.

И чай подавался съ вареніемъ, а вареніе надо было класть не прямо въ стаканъ изъ вазы, а сперва выложить, сколь надо, на розеточку. И розеточки были еще лучше, чѣмъ у Золотарева:—изъ бѣлаго тонкаго форфора съ золотыми цвѣточками.

Домаша, лавочницына дочь, оказалась точка въ точку такой, какая грезилась Веденѣеву на военной службѣ. Была она рослая, грудастая и какъ-то по особому зрѣлая, точно наливъ-яблоко къ Спасъ-Преображенію: рдѣетъ вся, улыбается втихомолку безъ одной морщинки на кругломъ лицѣ, молчитъ и ждетъ... ждетъ. Кажется,—подойди къ ней вплотную, дотронься, и обдастъ тебя томнымъ, жгучимъ и сладкимъ счастьемъ...

Веденѣевъ шутилъ съ ней, разсказывалъ, какъ въ городѣ одѣваются барыни, какъ пахнетъ отъ нихъ цвѣтами-фіалками. Въ лицахъ представилъ ей, какъ сѣменятъ спутанными ножками, какъ падаютъ, когда догоняютъ трамвай.

Она смѣялась стыдливо и чинно. А, когда румянѣла, отворачивала голову, и видать было тогда ея пухлую чуть золотавую шею съ тонкими, какъ галунная нитка, волосиками, двѣ

маленькихъ волосатыхъ родинки и красный, какъ спѣлая смородина, язычекъ неприкрытаго уха.

Сама лавочница то и дѣло отлучалась за дверь, къ покупателямъ, а когда входила въ горницу, суетилась съ угощеніемъ, вела разговоръ о томъ, что и въ торговомъ дѣлѣ безъ мужика плохо.

— Оно по виду легко, а какъ вникнуть — безъ мужика, какъ безъ рукъ! Не то сказать — работа тяжелая, — озорники одолѣваютъ! Да и полиціи тоже приходится мѣсто показать у порога... да! Дѣло извѣстное: горшокъ безъ покрышки, — всякъ суется... Зазнаются! Стражники зазнаются...

Веденѣевъ чувствовалъ всѣмъ нутромъ, что Ивановна къ нему присватывается, и былъ доволенъ и гордъ этимъ. Соглашался съ ней:

— Я вполнѣ понимаю... Однако и то надобно различить: мужчина мужчинѣ рознь! Иной, такъ сказать, самъ способенъ передъ стражникомъ въ струнку! А иной—молодецъ! Да и чиномъ выше! Взять къ примѣру—фельдфебель. Это надобно тоже понять. Не то, дескать, къ уряднику, — къ околодочному приравнено! Да посмѣй-ка стражникъ? Я его могу во фрунтъ выправить! На хлѣбъ на воду предѣлить!

Веденѣевъ остро сверкнулъ глазами, поднялъ указательный палецъ къ потолку.

— Дѣло такое!—согласилась умиленная лавочница.—Ежели въ силѣ мужикъ, въ чести да въ званіи... ну да еще съ деньжонками малыми!..

И глядя на толстую цѣпочку часовъ на груди Веденѣева, усумнилась вдругъ, перебила свою рѣчь сквалыжнымъ голоскомъ:

— Часики-те серебряные? Ахъ ти, матушки, да вѣдь они у васъ не иначи, какъ по городскому идутъ! А мы своихъ давно не свѣряли. Кто у насъ въ городу-то бываетъ съ часами-и? Который часъ-то?

И когда Веденѣевъ вынулъ часы, показалъ ей, когда увидала, что часы настоящіе, серебряные, да еще съ царскимъ портретомъ—повеселѣла совсѣмъ и полѣзла, охая, на табуретку, подводить стрѣлку стѣнныхъ часовъ, убѣжавшихъ впередъ на цѣлую четверть.

Послѣ того достала изъ поставца графинчикъ съ горькой рябиновой, двѣ пузатенькихъ рюмочки «ваньки-встаньки», налила себѣ и гостю. Это значило, что Веденѣевъ пронялъ ее до самаго сердца.

Поздно вечеромъ, отгулявъ со стариками, пошелъ Веденѣевъ на посидѣнки къ дѣвкамъ. Посидѣнки были во вдовьей избушкѣ на задахъ. Избушка маленькая, тѣсная, сплошь прокуренная вонючей махоркой, но въ ней было весело, какъ на свадьбѣ. Дѣвки сидѣли по лавкѣ отъ чуланныхъ дверей до краснаго угла и отъ краснаго угла до самаго конника плотной расцвѣченной нарядами вереницей. Которыя пряли, которыя шили или вязали изъ толстыхъ нитокъ варежки. Всѣ пересмѣивались съ парнями, а парни куражились, нарочно говорили смѣшливыя словца, выкидывали передъ ними хитрыя колѣнца: кто посмѣшнѣй, кто позабавнѣй.

Къ удивленію Веденѣя сестра его Ганька была тутъ первой заводчицей. Громче и смѣлѣе другихъ дѣвокъ отругивалась она отъ парней, и, когда какой нибудь наянъ присосѣживался къ ней, она давала ему по спинѣ такого звонкаго тумака, что въ этой тѣснотѣ и то разносилось. Увидала брата, крикнула ему, смѣясь:

— Эхъ ты-ы! Веденѣй-ротозѣй! проворонилъ Домашку. Была тутъ, пождала-пождала, да утечку дала! ха-ха-ха-ха! тысячная!

Дѣвки загоготали, какъ гуси на перелетѣ, стали прикрывать свой смѣхъ рукавами и платочками.

Веденѣевъ поздоровался со всѣми за руку, одѣлилъ дѣвокъ сѣмячками, парнямъ подмигнулъ, пожертвовалъ на бутылку.

— Ничего-ста, молодчики! наше отъ насъ не уйдетъ!

— А ты вотъ что, «молодчикъ», подари-ка дѣвкамъ на орѣхи! Мы величать тебя будемъ! — попросила Ганька и сама залилась своей шуткѣ, какъ жаворонокъ надъ межой.

— За мной считайте! — гордо бросилъ Веденѣевъ въ отвѣтъ и съ важностью сѣлъ въ передній уголъ за столъ.

— Надо считать! Нѣтъ ты сейчасъ выложь! — попристали другія.

— Ничего, дѣвки, давайте въ долгъ повеличаемъ, отдастъ! — заступилась Ганька за брата и тутъ же запѣла смѣлымъ, льющимся изъ груди, голосомъ:

На мою ли на погибель
Къ намъ пришелъ домой фетфебель!

Должно быть пѣсня у дѣвокъ была уже сложена и подготовлена. Онѣ дружно и радостно пристали къ Ганькиному запѣву:

Нашъ фетфебель Веденѣй
Пришелъ къ душенькѣ своей!

Веденѣевъ остался доволенъ, покрутилъ усы, откинулся плечомъ къ кіоти, сказалъ:

— Ловко! считайте два фунта!

Но дѣвки ждали, должно быть, не двухъ фунтовъ, а много-много больше. Бросили пѣть, стали пригибаться другъ къ другу, шептаться на ухо, всячески выражать свое недовольное удивленіе. Наконецъ переговорили, затихли и Ганькина подруга Феня сказала, понуждая себя къ смѣлости:

— Нѣтъ ты полтину давай!

— Ого, не жирно ли будетъ?

Дѣвки обидѣлись, всколготились, какъ стая спугнутыхъ птицъ:

— Давай-давай! Нечего тамъ: мы те не лавочницы! Ишь, для Домашки бережетъ денежки! Подавай...

Нѣкоторыя вошли въ полосу озорства повскакали съ мѣстъ, принялись тормошить съ шутками-прибаутками Веденѣева:

— Давай-подавай! «дескать молодчикъ!» Чай, сколь награбилъ тамъ на службѣ-то? Хозяинъ ротный!

— Го-го-го-го — ржалъ довольный Веденѣевъ, отбиваясь отъ дѣвокъ локтями.—Вотъ, дескать, сороки... кши! кшишь!..

— Оставьте, подружки,—крикнула наконецъ одна подогадливѣй,—у него и пятака, поди, нѣтъ въ карманѣ... Нахвасталъ, что принесъ... Вишь, часы только вывѣсилъ зря!..

— Э-э-э! нахвасталъ! нахвасталъ!—подхватили дѣвки,—не принесъ! не принесъ!

— Это я не принесъ? Я? На же вамъ! Знай Веденѣева!

Раздвинулъ ноги, вынулъ кошелекъ изъ кармана, стукнулъ объ столъ серебрянымъ рублемъ.

— Вотъ! бери! душа на распашку!

Дѣвки и парни съ визгомъ и хохотомъ стали ловить монету. Она соскользнула на полъ, звякнула, запѣла тонкимъ серебрянымъ смѣхомъ. Всѣ кинулись догонять, дѣлали «кучу малу». И парни нарочно навалились въ этой кучѣ на дѣвокъ, не давая имъ встать, мяли ихъ, тискали, ржали здоровымъ многозначущимъ хохотомъ. Веденѣевъ тоже смѣялся, подрагивалъ весь, какъ въ щекоткѣ. Въ кошелькѣ у него всего навсего осталась еще одна такая монета, да мелкая бумажка, но онъ не жалѣлъ денегъ, веселился.

Дѣвки успокоились, поотпихали парней, опять сѣли чинно врядъ и заиграли голосами, стараясь больше походить на гармошку:

Я ль, мамаша, храбрый воинъ
Твоей Домнушки достоинъ.

Веденѣевъ былъ радъ и пѣснямъ, и посидѣнкамъ. Вышло какъ разъ то самое, чего ждалъ онъ на службѣ и чѣмъ хвастался въ казармѣ передъ товарищами.

Послѣ величанія играли «въ монашки», «въ сосѣди», «на кого похожа моя барыня». Показалъ и Веденѣевъ одну игру, солдатскую. Парнямъ она понравилась, а дѣвкамъ нѣтъ.

Во всемъ, и въ играхъ, и въ разговорахъ, Веденѣеву было первое мѣсто, первый почетъ. Онъ больше и больше входилъ въ ражъ, бахвалился, выговаривалъ некрутамъ въ видѣ науки:

— Ты вотъ мужикъ! не нюхалъ щей солдатскихъ?.. А помни: хозяинъ въ ротѣ—фельдфебель! И все ему подвержено! Надъ всемъ онъ главный и нàбольшій! Это, дескать, понять надобно. И не всякъ человѣкъ бываетъ фельдфебель! во!

Онъ круто при этомъ поднималъ указательный палецъ, а «некрута», озорные и дерзкіе со всѣми другими, слушали его со вниманіемъ и робостью, потому что все озорство ихъ, вся дерзость съ людьми была отъ того, что въ душѣ, про себя они трусили военной службы и уважали также фельдфебеля, принесшаго домой тысячу рублей чистоганчикомъ. Такъ говорила вся Козяевка.

Къ утру только привела Ганька фельдфебеля домой пьяненькаго, болтливаго и добраго, какъ котъ въ кладовой.

IV.

Гуляли еще одинъ день, и Веденѣевъ напился мертвецки пьянъ. Помнилъ сквозь сонъ точно, что опять сидѣлъ у лавочницы и не одинъ, а съ кампаніей. И привѣтили его еще лучше, чѣмъ въ первый разъ.

На четвертый день съ утра опомнились и остальные, гулявшіе съ нимъ мужики. И вразъ опомнились, по сговору точно. Протрезвѣли всѣ, взялись за умъ. Кто поѣхалъ въ лѣсъ за хворостомъ, кто за подсолнечной золой въ поле. Мелька вспомнилъ, что покудово Господь держитъ вёдрышко, надо помолотиться. Мокей Кондратичъ погналъ своихъ сыновей на жнива, зябить подъ весеннее яровое.

Захара зачѣмъ-то вытребовали въ волость, и онъ уѣхалъ еще на зарѣ, нàскоро позавтракавъ. А бабы вдругъ всполошились, вспомнили, какъ грязно и непріютно въ избѣ, взялись за уборку и чистку. Помыли окошки, побѣлили печь, поскребли и вымели полъ. Всѣ были за работой отъ мала до велика. Одинъ

Веденѣевъ спалъ до обѣда. Бабы его не тревожили, берегли ему сонъ: то и дѣло цикали на ребятъ, посылали на улицу ихъ, сами ходили крадучись мимо горенки за сѣнями, гдѣ убрана была для солдата кровать.

Проснувшись, онъ вспомнилъ сквозь лѣнивую дымку, лавочницыну дочь. Закрылъ нарочно глаза, прислушался къ себѣ, какъ стучитъ въ вискѣ жила, а потомъ выплыла опять она: румяная, круглая, спѣлая...

— «Ничего не составитъ... всѣ вы городскіе насмѣшники»... Это ея голосъ, ея слова... Веденѣевъ потянулся въ истомѣ, представилъ ее рядомъ съ собой...

— Чай ужъ пора! разбудить что ль?

Онъ вздрогнулъ и приподнялся на локтѣ. Смѣлый густой дѣвичій голосъ. Умывается въ избѣ, плещетъ водой на лицо себѣ и говоритъ:

— Разбужу пойду!

— Оставь, доченька, нездмъ поспитъ...

Не она это. Это Ганька съ матерью разговариваютъ. И Веденѣевъ опять прилегъ на подушку. Только теперь закружилась у него голова и почувствовалось, что во рту горечь похмелья, толстый шершавый языкъ и густая слюна.

«У-ухъ, чортъ... да и надрызгамшись были вчерась»...

— Ѣсть охота!—не унималась Ганька въ избѣ, теперь ужъ вытиравшая себѣ лицо полотенцемъ.

— Повременимъ малость,—вступила въ разговоръ и Арина,—може Захаръ подъѣдетъ, замѣшкался что-то...

— О-о-хо-хохошеньки — вздохнула мать, долго помолчавъ,—понапрасну разболталъ про деньги-то... Болитъ сердце у меня. Народъ ужъ больно... Завидущіе всѣ!

— Да и гдѣ онъ ихъ и держитъ?—спросила Ганька тѣмъ же смѣлымъ груднымъ голосомъ, которымъ запѣвала на посидѣнкахъ пѣсню.—При немъ и денегъ-то всего навсего шесть монетъ съ чѣмъ то!

При этихъ словахъ Веденѣевъ опять приподнялся, потянулъ руку къ штанамъ, въ которыхъ былъ кошелекъ.

«Вотъ... и это знаютъ... ну!»

— Ай показывалъ?—поинтересовалась Арина. И въ голосѣ ея слышалась холодная зависть.

— Хвастался! Рубь серебра дѣвкамъ выкинулъ. Пропилъ сколь-то. Може зашиты гдѣ?

Бабы замолкли, а Веденѣевъ той порой вынулъ изъ ко-

шелька деньги. Было пять рублей съ копѣйками. Обидно стало: мало.

— Въ банкѣ держитъ!—рѣшила строго Арина въ избѣ,— нонѣ всѣ такъ: какъ малость заведутся, такъ и въ банку несутъ. Ростъ идетъ...

Опять помолчали. Арина цикнула на пришедшихъ съ улицы ребятъ, вздохнула, сказала въ раздумьи тихо и грустно, какъ давеча мать:

— Про насъ ли только денежки ти?

«Про васъ!—со злобой, скрипя зубами, думалъ Веденѣевъ,— экай, скажи на милость, народецъ дошлый»!

— Женится на Домашкѣ,—старая вѣдьма все смететъ себѣ въ лавочку! — заговорила Ганька, словно радуясь чему-то и смѣясь.—Не по занапрасну старика своего моромъ извела! Выжига!

— А ты-ба помолчала, дѣвка! — укорила мать, сама по виду думая про Иваниху то же, что и дочь,—молода еще людей то судить.

Веденѣевъ лежалъ на локтѣ, слушалъ болтовню бабъ, сжималъ со злобой свой тощій кошелекъ и мысли одна другой круче и злобнѣе проносились въ его зачумленой похмельемъ головѣ. Онъ понялъ ясно, не смотря на головную боль и тошноту, что положеніе его хуже, чѣмъ смѣшное. Откуда, кто выдумалъ и пустилъ слухъ про то, что онъ пришелъ съ тыщей рублей въ карманѣ? Самъ ли онъ хвасталъ? Да нѣтъ, этого не могло случиться. Онъ только говорилъ, что возьметъ приданаго тысячу рублей... Брало зло на родныхъ. Они выдумали. Не разобрались толкомъ въ его похвальбѣ... Неучи! Ему не хотѣлось вставать, не хотѣлось видѣть растеряннаго лица матери, вѣчно веселыхъ смѣющихся глазъ Ганьки и всегда злой, затрепанной жизнью снохи...

«Нелюдь какая то, съ позволенія сказать!»

Пріѣхалъ Захаръ. Отпрягаетъ лошадь на дворѣ, свиститъ себѣ подъ носъ казацкую пѣсню: «Ой ли въ Таганрогѣ! Въ Таганрогѣ солучилася бѣда»!

Управился, вошелъ въ избу, не узнать по голосу: и не Захаръ, точно. Шутитъ:

— Что это у насъ? Святая пришла?

Не тому удивляется, что въ грязи жилъ по колѣно, а другому: грязь маленько пообчистили, повыскоблили, да вонъ выкинули.

«Мужланъ... неучъ»... И съ чего веселому быть? Должно, быть, писарь со старшиной хорошо обошлись, по мордѣ ни разу не съѣздили... Какъ же? Братъ, дескать, пришелъ, деньги принесъ»...

А Захару не было дѣла до злыхъ мыслей Веденѣя. Онъ ужъ помылъ надъ лоханью руки, сѣлъ за столъ и все балагурилъ:

— Ну что-жъ, бабы, поѣсть-то? Страсть подвело! Кишка за кишкой съ обухомъ гонится! Пра, ей Богу! А солдатъ-отъ что? Ай почиваетъ? Ну незомъ отсыпается! Незомъ покудово...

— «Тебя не спросили, когда встать, когда лечь. Мужикъ»!

— Насчетъ чего звали въ волость ту?—спросилъ Захара пуганый голосъ матери.

— Вызывали-то?—переспросилъ Захаръ веселымъ смакующимъ голосомъ,—а вызывали насчетъ касціи! Срокъ подошелъ, слышь ты, платить надобно...

— Много ли?

— Платить-то?—прибавилъ Захаръ смаку и радости въ свой разговоръ.—А сказываютъ сорокъ семь съ тремя четвертаками...

— О! Мать пресвятая! Что-жъ мы теперича?

И Захаръ точно ждалъ этого вопроса, чтобы показать, какъ онъ умѣетъ быть безъ мѣры безпечнымъ:

— Да-ть, что на-амъ? знамо!—тянулъ онъ слова, какъ въ очень пріятномъ для себя разговорѣ,—намъ тужить нечего! Да-а. Что намъ тужить? Сказалъ я, стало быть: такъ и такъ... не одинъ я теперича въ домѣ... брательникъ пришелъ! братецъ мой любезный... да-а!

И вдругъ ожилъ голосомъ, заговорилъ бойко и любовно, ровно бы сталъ разсказывать про встрѣчу съ близкимъ-близкимъ человѣкомъ:

— Меренка я приглядѣлъ тамъ... Мордвинъ продаетъ одинъ. Варешаньскій. Ну и ло-ошадь! ко-онь! писаный конь!

— На счетъ касціи ти какъ?—не унялась мать.

— Да-ть, сказано: брательникъ!—досадливо отмахнулся Захаръ отъ вопроса и тутъ же весело продолжалъ о мордвиновой лошади:

— Шесть красныхъ просилъ. Шала. И только потому—осень! чтобъ зиму не объѣдала, баитъ. По веснѣ двѣ цѣны возьмешь... Я полста надавалъ, была не была—повидалась! Посулился навѣдаться... Пѣ-ѣга-ай! бѣлый по черному. Огонь прямо!

— Пробовали?—заинтересовалась Арина.

— Чай—ну-у! Запрягали. И хомутъ отъ нашей пришелся. Такъ и присталъ!.. Пахать, слышь ты, лютъ больно, мордвинъ-отъ сказывалъ, ученая лошадь...

Веденѣева разбудили. Ласково крадучись, пришла въ горенку мать, позвала:

— Веденя, Ведень! обѣдать вставай, желанный...

Онъ сдѣлалъ видъ, что проснулся, сталъ, шатаясь и злясь, одѣваться въ свою фельдфебельскую форму.

За обѣдомъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ въ красномъ углу ломаный, брюзгливый, ни къ кому не доброжелательный. И всѣ ему угождали, наровили отдѣлить получше, пожирнѣе кусокъ. Захаръ при братѣ оставилъ меренка, но былъ веселъ.

— Ай голова?—спросилъ онъ, подмигивая,—полѣчить надо! Аринъ! тамъ, мотри-ко-си, была соточка?

Арина подала соточку, налила Веденѣю, онъ молча и злобно выпилъ, закусилъ огурцомъ. Стало веселѣе на сердце и прояснилась голова.

По всему было видно, что обѣдъ былъ не обычный, а праздничный: во щахъ плавали кусочки какихъ-то темныхъ выжарковъ, кашу ѣли съ саломъ, и даже кислое молоко было. По тому, какъ жадно горѣли у ребятишекъ глаза при ѣдѣ, и какъ чинно и важно Захаръ одѣлялъ ихъ ломтями ситнаго хлѣба, можно было догадаться, что не часто ѣдятъ такъ сладко въ этой семьѣ.

«Неужели и это въ надеждѣ на тыщу — пришла Веденѣю нехорошая мысль.—Ну, конечное дѣло... такъ оно и есть»...

Ганька своимъ безудержно смѣющимся взглядомъ, Захаръ ласковой почтительной веселостью, Арина съ поджатой губой и мать, всѣ... всѣ показывали своимъ видомъ, что у него, Веденѣя, гдѣ нибудь за подкладомъ зашиты деньги.

Не досидѣлъ до конца обѣда, опять схватился за голову, вышелъ изъ за стола. Въ избѣ притихли всѣ, зацикали опять на ребятъ, а мать пошла за нимъ назоркомъ тихими, чуть шуршащими шагами. Веденѣй легъ ничкомъ на кровать въ горенкѣ, и надъ нимъ зашепталъ жалостный старушечій голосъ:

— Что, сынокъ, ай недужится крѣпко?

— Оставьте меня!—глухо сказалъ Веденѣй.

— Ты и не ѣлъ ничего... Развѣ яичко спечь? Хошь, яичко въ золу суну?

Она присѣла на кромочку конника, обняла его спину, гладитъ ее, ласкаетъ непослушной корявой рукой.

— А може чайку хочется? Сходитъ дѣвка къ Баляснымъ, самоваръ поспрашаетъ... А? хошь ли чайку?

— Не надо ничего. Затвори-ко дверцу.

Такъ же неслышно старуха приподнялась, ширкнула разъ-другой лаптемъ, плотно притворила дверь. Въ горенкѣ стало темно, и голубь, неслышно сидѣвшій подъ стрѣхой, испугался, трепыхнулъ крыльями.

— Кто это тамъ?—суевѣрно дрогнулъ Веденѣй голосомъ.

— Голубочка это, миленькій, голубокъ...

— Матушка!

— Что, родненькій? Что, желанный мой? Соколикъ мой ненаглядный... Веденѣевъ думалъ сказать матери ясно и коротко про тыщу:

«Напрасно-де ждете: денегъ я не принесъ ни копѣйки. И Захаръ зря такъ бахвалится своимъ меренкомъ»...

Думалъ сказать, а языкъ не ворочался, завороженный теплой материнской лаской. И хотѣлось, вмѣсто того, чтобъ говорить самому,—слушать ее, подставить голову подъ шершавую горячую ладонь, да и уснуть такъ подъ эту давно-давно знакомую ласку. И мать словно чуяла сердцемъ что-то недоброе впереди, не давала сыну поднять головы, гладила ее, холила, приговаривала безъ перерыву, безъ отдыха:

— Сердечный ты мой, желанный, сынокъ ненаглядный...

А въ избѣ все была тишина, и не было слышно сквозь этотъ ласкающій шепотъ ни смѣлаго смѣха Ганьки, ни радостнаго говора Захара. Только порой доносилось смачное чавканіе ребячьихъ ртовъ, да постукиваніе ложекъ о кромку посуды.

— Матушка!—все-таки не выдержалъ Веденѣй,—про тыщу то... выдумали... Не принесъ я денегъ! Ни копѣйки не принесъ!

И стало легче и проще на сердцѣ отъ того, что сказалъ. А мать вдругъ замолчала, оборвала вереницу ласковыхъ словъ, и рука перестала ползать по стриженому затылку сына, застыла, похолодѣла, стала вздрагивать.

— Напрасно слова такія были...—продолжалъ Веденѣевъ, оправляясь отъ зачарованнаго смущенія.

Мать ничего не говорила. Не то слыхала его, не то нѣтъ.

— Моя рѣчь къ тому клонилась, что вотъ: женюсь, ежели, возьму тыщу рублей приданаго...

Старуха все молчала, и казалось, ужъ не сидѣла надъ сыномъ, какъ насѣдка надъ заблудившимся и вновь вернувшимся подъ ея теплое крылышко цыпленкомъ. Силы оставляли ее, и она валилась, валилась въ пространство, какъ подрубленная подъ корень осина.

— Такъ я думалъ, говоривши,—продолжалъ Веденѣевъ, не замѣчавшій состоянія матери,—что, дескать, не всякъ человѣкъ—фельдфебель! Иному бы ежели не дали, а мнѣ можно въ надеждѣ быть...

Онъ не договорилъ своихъ соображеній, старуха ткнулась лицомъ ему въ спину, рыдая поднялась, и на жесткую бритую щеку ему капнула острая, какъ шило, слезинка.

— Матушка! что такое!..

Старуха вздохнула широко и шумно, какъ, казалось, не должны были вздыхать засохшіе отъ долгаго горя легкія, глотнула что-то, еще разъ глотнула, заговорила глухимъ, перемѣшаннымъ со слезами шепотомъ:

— Охъ, Веденюшка! Бѣдны мы, соколикъ, бѣдны! Бьемся-бьемся, колотимся-колотимся! И ничего-то у насъ нѣтъ. Хлѣбца до нови николи не водится... И лошадка одна-разъединая! Овечекъ всѣхъ размотали той осенью, коровенку и ту извели... И все долги, кругомъ долги: и въ касцію, и Балясному, и въ лавочку, и попу не плочено, податному не отдано... Все вездѣ подай да отдай, а дать-то и нечего!.

— Матушка!—попробовалъ еще разъ остановить ее Веденѣевъ.

Но она не слыхала его голоса, продолжала жалобы, точно прорвались онѣ, какъ прудъ по веснѣ, и нельзя было ни остановить ихъ, ни толкнуть въ другую сторону:

— Вотъ и дѣвка теперь на выданьи. Кто возьметъ ее, нищую?

— Люди бѣдностью глазъ колятъ! Ни намъ Божьихъ праздничковъ, ни намъ людской радости! Попъ насъ чурается, родня мимо идетъ!..

Было замѣтно, какъ съ каждымъ словомъ сохли ея слезы и какъ начинала подвывать, голосить, будто надъ покойникомъ. Веденѣй, испуганный и тронутый въ началѣ горестнымъ натискомъ, сталъ мало-по-малу прислушиваться не къ словамъ ея и горести, а къ тягучему вопливому голосу, и холодѣло сердце къ ней, становилась она ужъ не той близкой, родной матерью, которая такъ недавно ласкала его, трепала сердце жалостью.

— И Захаръ у насъ одинъ одине-еше-некъ!—продолжала она,—поилецъ-кормилецъ, сиротинушка-а! Никто не помощникъ ему ни въ бороньбѣ, ни въ па-ахотѣ-ѣ! Вотъ и съ касціей теперечь, какъ-то мы спра-авимся-я? шутка ли молвить: сорокъ семь рубликовъ! да еще три четверти...

«А вѣдь она мнѣ не повѣрила»!—догадался вдругъ Веденѣевъ, холодно слѣдившій за тѣмъ, какъ крѣпли и расплывались волной причитанія матери.

«Не вѣритъ, не вѣритъ»...

И рѣшивъ это, не сталъ дальше слушать ее, привсталъ, сказалъ рѣшительно, холодно, какъ приказъ отдалъ:

— Вамъ, мамаша, русскимъ языкомъ сказано: нѣтъ денегъ, не принесъ!

Отъ слова ли «мамаша», иль отъ строгаго голоса, старуха замолкла, понурилась, тихо, шатаясь и шурша лаптями вышла изъ горенки. Слѣдомъ за ней съ пуганымъ свистомъ и воркотней вылетѣлъ голубь.

Веденѣевъ всталъ, пригладилъ волосы, надѣлъ картузъ съ краснымъ околышемъ, вышелъ во дворъ, со двора черезъ заднюю калитку на зады, на коноплянники.

На задахъ возлѣ амбара съ чѣмъ-то возился Захаръ. Увидавъ Веденѣя, онъ заулыбался, сталъ манить его скрюченнымъ пальцемъ, крикнулъ хитрымъ, заговорческимъ голосомъ:

— Подь-ко сюда! Эй, солдатъ!

Веденѣй остановился, но не подошелъ.

— Ну, чего тебѣ?

Захаръ подошелъ самъ и, не переставая вертѣть веселыми бѣлками глазъ, шепнулъ:

— Хороша дѣвка-а!

— Какая дѣвка?

— А лавочная... Домаха. Краля!

— Пошелъ ты... къ чертовой матери съ кралей своей! Сводня! Выругавшись, Веденѣй повернулъ на тропу, чтобъ уйти черезъ коноплянники на огородъ. А Захаръ нисколько не обидѣлся, залился за спиной чисто ребячьимъ безобиднымъ смѣхомъ:

— Э-хе-хе-хе... Зазнобила, видно!..

У Веденея всплыло наружу все накопившееся отъ разговора съ матерью раздраженіе. Онъ повернулся къ Захару лицомъ, ненавидя его всѣмъ напряженнымъ сердцемъ. Захотѣлось оскорбить, унизить, въ грязь втоптать этого тупого мужика, безсмысленнаго, ничего не понимающаго... И сказалъ онъ строгимъ, словно отпущенная сабля,—голосомъ, какимъ говаривалъ съ молодыми солдатами:

— Денегъ я со службы не принесъ! Понялъ? Про тысячу— враки!

Онъ ѣлъ злыми зелеными глазами Захара, какъ змѣй-удавъ свою жертву. Ждалъ, что Захаръ, какъ и мать, не повѣритъ въ это, завертится, заплачетъ, растеряется передъ его жестокой жадностью.

Но Захаръ, какъ и правдошняя жертва, сразу повѣрилъ

ему и сталъ такимъ, какъ въ день пріѣзда, робкимъ, конфузливымъ:

— А я было и меренка приглядѣлъ!—сказалъ съ короткой, укоряющей себя улыбкой, и почесалъ себѣ маковку.

— Ну и сдохни тутъ со своимъ меренкомъ!

Веденѣевъ пошелъ по тропѣ вверхъ къ огородамъ, не оглядываясь, шагая, какъ на ученіи, мѣрнымъ тупающимъ шагомъ, ступая вразъ подошвой и пяткой:

— Разъ! два! Разъ! два!

«И чортъ, дескать, дернулъ меня въ этотъ запасъ... Оставался бы на вторительной... Говорили умные люди»...

Мучительно жаль стало казарменной койки, чистой и сытной пищи, товарищей, придурковатаго капитана Грудистаго, передъ которымъ такъ молодецки вытягивался онъ въ струнку и говаривалъ бодрымъ, не допускающимъ и тѣни печали голосомъ:

— Такъ точно, вашевскородь! постараемся!

V.

На огородѣ уже не было овощей. Все было собрано, увезено, посолено на зиму, или продано въ городѣ на Воздвиженской ярмаркѣ. Даже и капусту и ту не оставили до перваго снѣга, какъ дѣлывали прежде. Порубили начисто, листъ посвѣжѣе подобрали коровамъ, остальное оставили гнить. И по грядамъ безобразно торчали тонкія повялыя кочерыги съ гнилыми сердцами, среди нихъ кусты убитой морозомъ поздники.

На огуречныхъ кучахъ стлались выпитыя холодомъ плети, тоже поздника, и два здоровенныхъ красныхъ огурца. Лежали, какъ забытые трупы, съ проклеванными боками, съ наружу выпавшимъ сѣменнымъ нутромъ.

«На сѣмена такъ оставляютъ...»—зло упрекнулъ Веденей семейныхъ.—«Ну-ну»!

Пошелъ по огороду бродить, и вездѣ было не краше. Валялись повсюду гнилыя кучи ботвы, морковнаго и свекольнаго листа. Среди грядъ, какъ вставшіе изъ гробовъ покойники, стояли кусты полыни, дурники, лебеды... Все это сыпало свои обильныя сѣмена, готовясь отвоевать на весну весь огородъ.

Среди всего мертваго, гнилого и брошенаго только и было жизни, что въ зеленой остистой осокѣ, сторожко окружившей тихую муть родничковъ, да въ жирныхъ неуемныхъ плетяхъ, все еще цвѣтущей павилики, которая смѣло и властно,—что и

требуется ея породой чужеѣда,—перекинулась вслѣдъ за крапивой черезъ высокій осиновый частоколъ.

«Точно стадо свиней работало... Безъ пути все, безъ порядка... Свинья, разумѣется, она не помышляетъ ни о чемъ. Ей ни сѣять, ни пахать на весну, ни полоть, ни выравнивать... а вѣдь люди, какъ ни какъ!»

Вспомнилъ огородъ подрядчика, у котораго забирали для роты капусту. Тамъ не успѣвала гряда очиститься отъ одного овоща, какъ сейчасъ же перекапывали ее и выравнивали желѣзными граблями для другого. Тамъ не было сорныхъ травъ и гнили, не было брошеннаго. Все выглядѣло свѣжимъ, ядренымъ даже по осени и зеленѣло до самого снѣга.

«Руки да руки нужны!»—вздохнулъ онъ,—не додумываясь однако до того простого, о чемъ вотъ уже три года сокрушалась семья: его рукъ не хватало здѣсь, его толковаго глаза, видавшаго настоящіе огороды подъ городомъ.

Поманили своимъ яркимъ румянцемъ гроздья калины, похожіе скорѣе на цвѣтъ, чѣмъ на ягоду. Тамъ же, въ чащѣ у болотца, и кустикъ рябины съ рѣдкими, забытыми воробьями ягодами. Красиво издали, ягоды будто не ягоды, а рубинъ—самоцвѣтъ...

Но и эта красота не живая. Грустью и смертью несетъ отъ нея, забытымъ чѣмъ-то, оставленнымъ.

Веденѣевъ долго стоялъ здѣсь, не зная, что ему дѣлать, куда итти. Мало-по-малу злоба на мать и Захара прошла. Кругомъ было хоть и печально, но знакомо и мило: вѣдь огородъ и все, что въ немъ, было когда-то лучшей забавой въ жизни, лучшимъ отдыхомъ. Отсюда дѣлалъ онъ вылазки на Мелешкинъ садъ за яблоками, воровалъ огурцы, когда еще нельзя было рвать ихъ, первые пахучіе огурчики. Рѣзали ихъ съ Захаркой крестомъ. Вынутъ изъ-за пазухи острый мѣдный крестикъ и разрѣжутъ огурецъ пополамъ. Сюда вотъ, въ калиновый кустъ, прятался отъ отца, когда тотъ собирался выпороть... Было все здѣсь...

Вонъ и дали, такъ же колдуютъ ему, какъ и въ ребячьи годы. Покой ворожатъ и зовутъ вмѣстѣ съ тѣмъ, къ себѣ зовутъ. Сперва бы пойти вонъ за тотъ изволокъ, за изволокомъ сколокъ лѣсной. Синій пресиній, всегда съ тучами братается...

Прежде сколокъ этотъ сильно занималъ Веденѣя: хотѣлось побывать въ немъ и за нимъ... Что тамъ? Такъ же ли все, какъ у насъ, аль по иному?

Теперь онъ знаетъ, что въ этомъ сколкѣ барскій домъ стоитъ, барина Стрикѣева. За барской усадьбой поля и лѣсочки, по-

томъ городъ. За городомъ степь, чугунка по степи... И жалко стало дѣтскаго невѣдѣнія: хорошо какъ-то было. Не знаешь что и какъ, и загадываешь, мечтаешь...

Сзади неслышно подкрался къ нему Мелешка съ полнымъ хряптугомъ мякины черезъ плечо. Идетъ съ гумна.

— «О чемъ задумался, служивый?»

Веденѣевъ вздрогнулъ отъ неожиданности. Мелька бросилъ хряптугъ на землю, вытираетъ съ пыльнаго лица потъ, суетъ въ руку ладонь, здоровается.

— Объ милой что-ль загрустилъ?

— «И что имъ всѣмъ далось это?—съ тоской подумалъ Веденѣевъ,—тотъ: «о милой», другой: «дѣвка хороша»...

Жаль стало только что разбитыхъ Мелешкой туманныхъ думъ о дѣтствѣ, о невѣдомыхъ даляхъ. Почувствовалась безпомощность какая-то, точно Мелешка, какъ давно-давно, накрылъ его въ своемъ огородѣ съ полнымъ подоломъ яблокъ-косматокъ.

Но Мелешка былъ не такой человѣкъ, чтобъ замѣчать чужую грусть.

Онъ подмигнулъ, смѣясь, заговорилъ тономъ дѣда, собравшагося подарить внуку игрушку:

— А вѣдь я тебѣ, во всякомъ случаѣ, невѣсту высваталъ. Былъ въ обѣдъ у нихъ...

Веденѣевъ нерадостно поднялъ глаза на него и ничего не отвѣтилъ.

— Не вѣришь? Домашку, между тѣмъ, лавочницыну... Тѣсто сдобное—я тебѣ скажу! Прямо вотъ, взямши въ руки и лѣпи крендель...

— У меня капиталовъ нѣтъ для нея...—грустно молвилъ Веденѣевъ,—куда намъ лѣзть не въ свои сани...

— Э-ге-ге-ге! Да ты хитрый! А это что, галуны да погоны, зря понадѣваны что ли? Скажи, между тѣмъ, кто еще изъ нашихъ сельскихъ такъ приходилъ?

— А ты не шутишь, дядя Мелентій?

— Вотъ! такъ бы давно. Нынче былъ. Все переговорено. Вечеркомъ велѣла чай пить звать. И я, между тѣмъ, подожду.

— Ей Богу?

— Вотъ те рука моя порукой!

— Вѣрно, значитъ?

— Иди-иди! Подбодрись къ вечеру. Между тѣмъ, не тамъ ли ужъ мамаша твоя, Кондратьевна!

Оба вмѣстѣ пошли по тропинкѣ къ задамъ, весело, сочно

болтая о будущемъ, такъ легко доставшемся, счастьѣ Веденѣя. У калитокъ распрощались до вечера.

Дома должно быть ничего не знали про мелешкино сватовство, а вѣсть про то, что Веденѣй не принесъ со службы денегъ, уже приняли и примирились съ ней по своему: все стало такъ, какъ было до прихода солдата и какъ было бы, ежели бъ пришелъ онъ по простецки, безъ шуму, безъ высокаго воинскаго чина.

Всѣ были за будничнымъ дѣломъ и дѣлали его не торопясь, но упорно и ровно, какъ бурлаки, тянущіе лямку. Арина мѣсила въ чуланчикѣ тѣсто, хлюпала имъ, какъ веслами по рѣкѣ, сама пыхтѣла въ мѣру этому хлюпанію. Ганька шила за столомъ что-то красное, пѣла себѣ подъ носъ частушки, Захаръ ладилъ подъ сараемъ кадушку и не поднялъ даже головы, когда проходилъ по двору отъ задней калитки Веденѣй.

Только старшенькій изъ ребятъ взялъ да и сыгралъ штуку. Онъ свистнулъ, подманилъ рыжую собаку съ червивымъ хвостомъ и натравилъ ее на Веденѣева:

— Каквасъ! Каквасъ! взы—взы! чужой! взы—ы...

Пришлось нагнуться за камнемъ и прицыкнуть на мальца, пообѣщавъ выдрать его за уши. Никто изъ большихъ не шевельнулъ и на это языкомъ, какъ будто такъ оно и полагалось, такъ и водилось всегда.

Въ избѣ Веденѣевъ причесался поглаже съ рядкомъ, покрутилъ усы передъ Ганькинымъ зеркальцемъ, почистилъ мокрымъ соломеннымъ жгутикомъ мундиръ и штаны, посвѣтлилъ цѣпочку съ брелоками.

И на это никто не взглянулъ, не то сердились на него, не то водилось такъ у нихъ всегда: дѣлай всякъ, что тебѣ хочется...

— А гдѣ жъ мамаша?—рѣшилъ наконецъ оборвать онъ обидное молчаніе.

— А хто е знатъ!—отвѣтила Ганька сквозь пѣсню,—къ лавочниковымъ пошла... Звали зачѣмъ-то...

— Звали? давно?

— Да вотъ... недавнышко. Опять насчетъ долга, смотри...

Ганька говорила по своему смѣло, небрежно, да еще и со смѣшкомъ.

Но Веденѣй не замѣчалъ этого. Онъ зналъ, зачѣмъ позвана мать.

«Значится — правда! — думалъ онъ весело, — ежли позвали... Мелешка не навралъ».

Опять спросилъ Ганьку:

— Нарядилась—пошла?

— А во что ей наряжаться? Ты-ба привезъ на сарафанъ — нарядилась-ба!

Ганька оторвалась отъ шитья, вскинула на него смѣлые, почти наглые глаза, такъ похожіе на его собственные. Веденѣевъ смутился сперва, а потомъ разсердился, придвинулся къ ней, заложивъ на бекрень краснѣющій околышемъ картузъ:

— Ты, дѣвка, глупа! не понимаешь, кому говоришь!

— Ты уменъ!—засмѣялась она и отодвинулась въ уголъ, какъ бы защищаясь отъ него, хитро изъ-подлобья взглянула, тряхнула простоволосой головой, запѣла смѣлымъ низкимъ голосомъ:

Нашъ фетфебель Веденѣй
Принесъ денегъ пять рублей!

— А-а! яз-зва!—закрипѣлъ зубами Веденѣевъ и вправду сжалъ кулаки.

Изъ чулана выглянуло любопытное лицо Арины, все перепачканное мукой. Оно улыбалось съ выжидающимъ любопытствомъ. Голыя по локоть руки, съ неоскребеннымъ съ нихъ тѣстомъ были растопырены, какъ крылья готовой завертѣться вѣтрянки. И вся баба была страшно противна, досадливо гадка ему.

— Чер-рти!—выругался онъ, сплюнулъ и крутымъ поворотомъ пошелъ къ двери.

Арина засмѣялась зло и недобро, а Ганька запѣла еще задорнѣе:

Пять рубле-ей, совсѣмъ не тыщу,
Ихъ засунулъ въ голеницу!

Опять разсерженный, опять гнѣвный вышелъ Веденѣевъ на улицу.

«Экая дѣвка! вотъ буреломная!—злился на Ганьку онъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ въ ней что-то очень близкое себѣ и въ характерѣ, и въ манерѣ: въ семнадцать лѣтъ онъ и самъ продѣлалъ бы со смакомъ все то, что выкинула съ нимъ Ганька.

Но досадно было не меньше отъ этого.

«И какъ это у нихъ все... я полагалъ, почитаютъ заслугу, а они—окромя денегъ на все плюютъ. Неучи!» И сталъ сравнивать домашнихъ съ лавочниковыми.

«Тѣ мать съ дочерью понимающіе. Обхожденіе знаютъ и

чуютъ: что есть фельдфебель... да! А эти—нелюдь! Одно слово». Поглядѣлъ на часы. Въ лавочку итти еще рано,—пяти не было. Прежде шести — неловко. Надо тоже и приличіе знать. Рѣшилъ такъ: зайдетъ въ лавку мимоходомъ будто, вродѣ какъ съ прогулки, съ перепутья. Для этого сдѣлаетъ кругъ, пройдется: поднимется по проулку къ гумнамъ, окружитъ ихъ по выгону, завернетъ мимо училища за церковь, и тогда уже— въ лавку.

Пошелъ.

За гумнами, гдѣ дороги расходятся на Хлопино и Стрикѣевку, пріостановился, залюбовался верховымъ. Ѣдетъ на встрѣчу, и лошадь, видать, барская: гнѣдая, грудастая, идетъ крупной, плавной иноходью, несетъ на себѣ сѣдока, ровно бы трактирный лакей подносъ съ посудой: и ловко, и бережно. А тотъ чуть-чуть только, играючи, поднимаетъ на взмахъ и легко опускаетъ къ ногѣ нагаечку.

«Чей такой?—загадывалъ заинтересованный Веденѣевъ,— словно, сказать, знакомый кто-то?»

И верховой тоже заинтересовался имъ, натянулъ поводья, вглядывается.

— Веденѣй Веденѣичъ, да никакъ это вы?

— А-а! землякъ! Пряшниковъ! Вотъ не чаялъ!

Пряшниковъ былъ родомъ изъ Хлопина, служилъ съ Веденѣевымъ въ одной ротѣ, былъ отдѣленнымъ и прошлой осенью вышелъ въ запасъ. Въ казармѣ, какъ земляки, они сильно дружили и теперь несказанно обрадовались.

Поздоровались. По солдатски крѣпко-на-крѣпко пожали руки другъ другу, у самихъ глаза сіяютъ радостью.

— Давно? — спросилъ Пряшниковъ, кивая на нашивку внизу погона.

— Да вотъ ужъ четвертый день, какъ прибылъ. Безъ просыпу было, только нонѣ очухался...

— А что же со вторительной? Не пошло дѣло?

— Да ну ее къ ляду! Тоже, мало хорошаго. Втунѣ все и подъ ярмомъ...

— Такъ-то оно та-акъ!—перебилъ Пряшниковъ,—только и тутъ не малина! Я вотъ больше полгода бился изъ-за должности: не выходитъ, да-на! И въ стражники метался и куда— нѣтъ ваканцій!.. Да и не берутъ въ полицію...

— Ну-у! что такъ?—удивился Веденѣевъ,—чать все же, сказать, отдѣленнымъ былъ...

— А плюютъ они нонче на это все... Да и съ своего

уѣзду не больно-то подладишься... Страннымъ предпочтеніе! А ты ежели хочешь,—подавай докладную въ другой районъ:

— Ну, дескать, поло-ожимъ!—гордо протянулъ Веденѣевъ,—ежели въ фельдфебельскомъ званіи, не то будетъ!

— Не возьмутъ! Были примѣры. Прямо даже во вниманіе не кладетъ! Изъ казаковъ ежели,—ну, сдѣлайте милость, пожалуйте!

Веденѣеву показалось, что Пряшниковъ свой собственный примѣръ приравниваетъ и къ другимъ. Не захотѣлъ больше говорить объ этомъ, сказалъ:

— Мнѣ все это къ слову только пришлось, а еще подумаю, да, подумаю насчетъ должности...

— Что такъ? ай предвидится что?

— Жениться норовлю,—сообщилъ Веденѣевъ пониженнымъ голосомъ, и показывая изъ подъ усовъ рядокъ бѣлыхъ зубовъ.

— А-а! Поздравляю, поздравляю! Это, конечно, это-то самое...

— Лавочница въ селѣ у насъ... такъ, вотъ... на дочери!.. продолжалъ Веденѣевъ сверкать зубами.—Ну и дѣ-ѣвка, я тебѣ доложу! сокъ!

— Какъ же, знаю ее, довольно знаю!—искренно радовался Пряшниковъ,—на свадьбу-то какъ? позовешь?

— Шаферомъ! шаферомъ, такъ сказать... дружкой! хе-хе-хе! Да! кстати! Гдѣ ты теперича? На должности видать? По лошади судя...

— Да. У Стрикѣева состою въ объѣзчикахъ... не самое такъ, ну жить таки можно: восемь рублей въ мѣсяцъ и харчъ. По лѣту двое насъ, а на зиму одного оставилъ, меня. Заѣзжай, коли доведется, радъ буду.

Земляки потолковали еще о томъ, о семъ. Веденѣевъ поглядѣлъ на часы.

— Ну, такъ сказать, до другого разу, видно, землячекъ... надо къ ней поспѣшать.

— Поспѣшай! поспѣшай!—засмѣялся Пряшниковъ,—горитъ, чай, внутри-то? пожаромъ полыщетъ? Такъ радъ буду! слыхалъ?

Онъ круто ударилъ нагайкой по лошади, и она, потоптавшись съ секунду на мѣстѣ, взяла свою зыбкую красивую иноходь.

— Въ дружки, стало быть! не забудь!—крикнулъ вслѣдъ ему Веденѣевъ, улыбаясь широкой безпечальной улыбкой.

— О-оо-о! — донеслось только со стороны ѣздока сквозь мѣрный, вздваивающій топотъ иноходи.

«А лихо онъ ѣздитъ... ловкачъ парень»! — похвалилъ про себя Веденѣевъ Пряшникова, и тутъ же подумалось, какъ хорошо бы ему прокатить по Козяевкѣ эдакимъ казакомъ.

«Да ужъ, что-ни-что, а Захаръ бы коню позавидовалъ»!

Довольный собой, пріятной встрѣчей и еще болѣе пріятнымъ сватовствомъ, Веденѣевъ бодро шагалъ марширующимъ шагомъ по намѣченной раньше дорогѣ. Около училища раскланялся съ мужиками, дальше перемигнулся съ лукаво улыбнувшейся ему солдаткой, которая бойко повиливая бедрами, шла за водой.

«Нда-а! не всякъ, сказать, человѣкъ фельдфебель»...

Думалось: вотъ онъ подойдетъ, она у окна, принарядилась, ждетъ.

Чуть-чуть заколышется кисейная занавѣсочка. Спрячется, вся зарумянѣлая, стыдливая... Онъ сдѣлаетъ видъ, что не замѣтилъ ея ожиданій, взойдетъ на крыльцо, не торопясь войдетъ въ лавочку, чинно поздоровается съ матерью, спроситъ папиросъ. А она:

«Да что бы вамъ и въ горницу не взойти? Ваша мамаша уже тамъ, чай пьютъ. И Мелентій Мелентьичъ, дяденька вашъ, подойтить обѣщались!..

«Хм... да-а... не всякъ человѣкъ фельдфебель»..,

Кто-то отъ церкви пошелъ за нимъ скорымъ догоняющимъ шагомъ.

— Эй! христолюбивое воинство! остановись-ка на пару словъ!

Это звалъ и догонялъ псаломщикъ Поликарпъ.

— На кого походомъ идешь?

«Экать ты кутейная порода! — подумалъ Веденѣевъ, подавая однако руку псаломщику,—только и знаетъ, носомъ водитъ: гдѣ пахнетъ виномъ, али жаренымъ гусемъ? Ну да, человѣкъ необходимый въ будущемъ. Вѣнчаться будешь»... А въ слухъ отвѣтилъ:

— Такъ. Прогуляться вродѣ... Между прочимъ и въ лавочку.

— Между прочимъ? ум-гу! Мелешкина поговорка!

Псаломщикъ оглядѣлъ солдата внимательнымъ пытающимъ взглядомъ, остался доволенъ, кивнулъ упрямой коротколобой головой, сказалъ съ густымъ, чисто бычьимъ смѣхомъ.

— Я туда же держу свой путь! Идемъ вкупѣ, яко путники евангельстіи въ Еммаусъ! Охо-хо-хо-хо-оо!

«Жеребецъ! Какъ есть—жеребецъ»—думалъ про псаломщика Веденѣевъ. А тотъ, предвкушая доброе угощеніе, весело ржалъ на всю улицу.

На лавочномъ крыльцѣ Поликарпъ затянулъ было октавнымъ басомъ:

— Се же-ни-ихъ грядетъ во полу-унощи...

Но Веденѣевъ, обернувшись, попросту закрылъ ладонью открытую пасть, и Поликарпъ умолкъ.

Въ лавкѣ за стойкой стояла Домаша. Увидала Веденѣева, загорѣлась зорей, потупилась, потомъ пересилила себя, подняла глаза, какъ бы удивилась чему то, и по нимъ пробѣжали злые огоньки.

— Здрасте!—процѣдила сквозь зубы на его привѣтствіе и звонко, безъ всякаго уже стѣсненія, крикнула въ дверь:

— Мама! мама! покупатели!

Вышла изъ горницы Иваниха, поздоровалась съ псаломщикомъ за руку, на Веденѣева кинула пристальный, пытающій взглядъ.

Веденѣевъ не ждалъ такой явной враждебности, стоялъ весь въ огнѣ отъ стыда и конфуза.

— Жено! ты что не привѣтлива?—забасилъ Поликарпъ, удивленный не менѣе Веденѣева.—Аль не признала воина? Се—фельдфебель въ запасѣ, сынъ Веденѣевъ.

— А что мнѣ примѣчать-то всякаго?—вызывающе отвѣтила лавочница,—чай-ть не кума ему и не теща, слава те Господи... Придетъ, купитъ, что надо—уйдетъ своей дорогой!

Веденѣевъ откачнулся къ притолокѣ, сталъ, не зная что ему дѣлать: сжать ли кулаки, аль заплакать навзрыдъ.

Домаши давно уже не было въ лавкѣ. Кромѣ нихъ съ псаломщикомъ еще были люди, и всѣ глядѣли на него съ веселымъ выжидающимъ любопытствомъ.

— Хмъ... Га...—рыгалъ озадаченный Поликарпъ,—а я былъ въ надеждѣ питія и веселія... Сказано бо есть...

— Ничего не было сказаннаго!—перебила его лавочница, торопясь, видимо, кончить поскорѣе непріятный разговоръ.

— Мы голоштаннымъ не ровни! А ежели вамъ, Поликарпъ Яковличъ, выпить охота, мы васъ не гнушаемся! Вы дурной славы намъ не составите! Хвастаться вятскимъ богатствомъ не будете...

Она говорила это разводя обѣими руками и присѣдая за

прилавкомъ тучнымъ, широкимъ задомъ. Послѣ крикнула въ горницу:

— Домаша! накрой-ка тамъ! да селедочку очисти!

— Пожалте, Поликарпъ Яковличъ, вы не мужики и не фетфебели! Чѣмъ Богъ не обидѣлъ!

А Веденѣевъ съ опущенной, готовой развалиться, головой и съ видомъ здорово поколоченной собаки вышелъ изъ лавочки вонъ.

На крыльцѣ онъ носомъ къ носу столкнулся съ Мелешкой, и самъ не зная какъ и зачѣмъ, по примѣру того, какъ это случалось съ нимъ въ казармѣ послѣ строгихъ выговоровъ ротнаго, размахнулся и звѣзданулъ изъ всѣхъ силъ Мелешку по уху кулакомъ.

— А-а! Веде...—успѣлъ только сказать Мелешка и съ розмаху ткнулся головой въ землю.

Поздно ночью пришелъ Веденѣевъ домой, перелѣзъ черезъ плетень и крадучись, чтобъ никого не будить, пробрался въ свою горенку, легъ спать.

Черезъ часъ, черезъ два, уже послѣ вторыхъ пѣтуховъ, за заборомъ была пьяная возня, и хриплый, пропитый голосъ Мелешки выкрикивалъ передъ кѣмъ-то пьяныя хвастливыя ругательства:

— Нѣ-ѣтъ, такъ разъ такъ! ты у меня поверти-ишься! Будешь знать Мелентьеву руку! Я те найду! Дарма фетфебель! Я те сниму портки те въ волости! я-яяя!..

VI.

На утро до свѣту Захаръ будилъ Веденѣя:

— Эй! солдатъ! а солдатъ! солда-атъ! вставай-ка что-ль? Вставай, говорю! Молотить надо, вставай проворнѣй!

Веденѣевъ отбивался отъ братниныхъ приставаній кулаками и пятками, бормоталъ строгія, приказывающія что-то слова, но на Захара ничто не дѣйствовало. Онъ упорно продолжалъ будить и все приговаривалъ:

— Вставай, говорю. . просо молотить! розвязь. Сухо покудово. А то вотъ-вотъ хлынетъ ненастье... Что будемъ дѣлать? Поднимись, пожалуйста!

Въ концѣ концовъ Веденѣй понялъ, что отъ него требовали, поднялся съ постели, сталъ было обувать свои лаковые сапоги, не соображая, что молотить въ нихъ не годится.

— Э-э! да ты брось свою форму,—пришелъ ему на помощь Захаръ, — и часы скинь! Никчему они при мужицкомъ разѣ...

Веденѣй и въ самомъ дѣлѣ притупился, глядя на часы, точно хотѣлъ сообразить, правду ли говоритъ про нихъ братъ. Самъ Захаръ не сомнѣвался въ этомъ. Онъ продолжалъ руководить братнимъ одѣваніемъ:

— Лаптей, чай, не обуешь на первый разъ, постыдишься? На вотъ мои сапоги. Коли мнѣ ихъ носить-то? На! И портки мои... Вотъ: баба дала.

Долго, не по мужицки долго, возились съ нарядомъ, и когда сдѣлали изъ Веденѣя на половину мужика, на половину солдата, пошли въ избу завтракать.

Ѣли картошку съ хлѣбомъ, и все.

Послѣ завтрака пошли на гумно: Захаръ, Веденѣй, Арина и Домна. Четыре цѣпа.

Веденѣю неможилось, но онъ крѣпился, старался выглядѣть веселѣе. Одного только побаивался, какъ бы Ганька не начала смѣяться надъ нимъ. Чувствовалъ, что не выдержитъ тогда, и что-нибудь можетъ выйти. И безъ того отъ оплеухи, данной въ горячахъ Мелешкѣ, на сердцѣ было холодно, сумрачно. Но Ганька, какъ и Арина съ ней, выглядѣла дѣловито и строго, должно быть считали молотьбу не такимъ пустячнымъ дѣломъ, за которымъ можно зубоскальничать. Обѣ онѣ, какъ опытные солдаты на гимнастикѣ, вразъ и согласно управлялись, разстилая посадъ, выправляя старательно розвязь комелекъ къ комельку, колосокъ къ колоску.

Про Захара и говорить нечего: онъ и старателенъ, и толковъ. Все приказывалъ и зналъ, что приказывать. Было пріятно и легко слушать его толковыя распоряженія. Не казалось страннымъ, какъ этотъ простоватый и тупой во всемъ другомъ человѣкъ тутъ на молотьбѣ выгодно напоминалъ умнаго, дѣльнаго командира.

А потомъ, какъ кончились приготовленія, и начали молотить, Захаръ взялъ въ руки самый увѣсистый, самый тяжелый цѣпъ. Смѣло, какъ воевода, приплюснулъ онъ голову посада гордымъ, задраннымъ къ небу лаптемъ, проговорилъ молитвенно, строго:

— Благослови Господи!

Плюнули въ цѣповины, повертѣли ими, ударили, крутя надъ головой цѣпниками:

— Та-та-та! тукъ! Та-та-та! тукъ!

Веденѣй билъ съ правой, шагалъ отступая, бабы—съ боковъ, словно въ музыкѣ подголосочки, а Захаръ позади, наступая, подгоняя. Онъ доколачивалъ все, что не досилили трое.

— Тукъ! тукъ! тукъ! — боталъ его увѣсистый цѣпникъ вслѣдъ за легкимъ говоркомъ остальныхъ.

Прошли рядъ, пошли по другому назадъ: Захаръ впереди, пятясь, Веденѣй наступалъ сзади, доколачивалъ.

Ему не хотѣлось быть хуже Захара. Онъ такъ-же, какъ братъ, подколачивалъ изъ всѣхъ силъ, такъ что зерно золотымъ пескомъ брызгало кверху, ударялось въ лицо, жгло его и сѣкло, какъ острыми ножами. А Захаръ, замѣтивъ рвеніе брата, усмѣхнулся ему доброй любовной улыбкой, пригнулся самъ, со свистомъ вернулъ цѣпникомъ въ воздухѣ, крикнулъ въ разрѣзъ:

— Э-ээхъ, вдарь!

И вдарилъ, и чаще, чаще сталъ сыпать ударами. И всѣ за нимъ зачастили, забарабанили. Пыль стояла надъ токомъ.

Прошли такъ посадъ, перевернули, еще разъ прошли. Сгребли солому, отнесли въ половню, бѣгомъ настелили новый посадъ. Опять стали мѣряться въ силѣ и ловкости братъ съ братомъ. Чѣмъ сильнѣй наддавалъ Веденѣй, тѣмъ веселѣй становился Захаръ. Самъ подбадривалъ, прибавлялъ силы и скорости.

Ганькѣ это нравилось, но Арина взмолилась на второмъ же посадѣ:

— Да что васъ претъ такъ? Рази тутъ сдюжешь съ вами? Полегче что ли?

Но братья только еще начали разогрѣваться въ азартѣ.

Веденѣй былъ крѣпче, рослѣй и глаже Захара, но сталъ уставать прежде. Въ груди подъ ложечкой жгло и палило, словно яду выпилъ; въ плечахъ и въ локтяхъ открылась ломота, кровь прилила въ голову, и не то курить хотѣлось, не то выпить воды. Но онъ глоталъ вязкую, горькую слюну, перемогалъ себя, прибавлялъ и прибавлялъ силы. Каждый новый ударъ былъ ловчѣе и крѣпче, каждый шагъ впередъ натужнѣй.

Такъ обмолотили почти всю копну. Уже близилась пора обѣда. Надо было настелить послѣдній посадъ, пройти его, молотя, взадъ-впередъ, перевернуть, еще разъ пройти... Пустяки дѣло!— и обѣдать!

Захаръ, такъ-же, какъ и съ первымъ посадомъ, гордо и бойко размахнулся цѣпомъ, крикнулъ играючи:

— Э-ээхъ! вдарь!

Но Веденей вмѣсто того, чтобъ ударить, пошатнулся

вдругъ, закачался-закачался и повалился пластомъ на просяную розвязь.

Встревожились, кинулись поднимать, а онъ, какъ снѣгъ осенній съ лица, похудѣлый весь, подъ глазами круги.

— Господи! Что съ имъ такое?

— Что? баила я: не сдюжишь! — зло сказала усталая Арина, — и вышло по моему... вишь, уморился безъ навыку...

Свели его подъ руки въ половню, сбѣгала Ганька на огородъ, принесла воды, напоила Веденѣя. И остался лежать на мякинѣ въ половнѣ, а просо домолачивали въ три цѣпа:

— Ту-ту! Ботъ! Ботъ! ту-ту!

И казалась уже молотьба хромой, не ретивой, для виду только. Лежа въ половнѣ, Веденѣй пришелъ въ себя. Думалъ даже встать и пойти опять на токъ, хоть и чувствовалъ во всемъ тѣлѣ непомѣрную тяжесть, ломоту и даже ознобъ. Но не пошелъ. Опять передъ нимъ всталъ призракъ насмѣшекъ и подтруниваній. Обидно. Представлялось сухое непріятное лицо Арины, бѣглые огоньки Ганькиныхъ глазъ...

«Надо... Надо...» — стучало въ усталомъ лѣнивомъ сердцѣ. Но что надо, онъ не соображалъ, не додумывалъ. Какъ-то вдругъ опустился послѣ вчерашняго стыда. Не думалъ даже о казармѣ. Не жалѣлъ вторительной службы. Утромъ сегодня одного хотѣлось: отличиться здѣсь, въ Козяевкѣ. Хоть чѣмъ-нибудь, на какомъ-нибудь дѣлѣ. Потому такъ пріятно и весело было поспорить съ Захаромъ на молотьбѣ, показать себя проворомъ, молодцомъ.

«Нѣтъ. И на этомъ не выгорѣло. Не только теперь будутъ смѣяться свои, дома, — нельзя будетъ выйти къ товарищамъ, къ дѣвкамъ».

А на току уже кончили молотить. Захаръ показался въ въ дверяхъ съ охапкой соломы, увидалъ сидящаго Веденѣя, обрадовался:

— Ага! очухался! ну инъ будя! Обѣдать.

Ни по дорогѣ домой, ни въ избѣ надъ нимъ не смѣялись. Даже дѣлали видъ, что ничего особеннаго не случилось на гумнѣ. Захаръ какъ всегда былъ заботливъ, ухаживалъ за братомъ. Передъ щами раздобылъ гдѣ-то полстаканчика водки:

— Э-эхъ! въ ротъ отъ те намазать! маловато. Ну да ничего, выпей на съ устатку... Разойдешься!

Веденѣй выпилъ и дѣйствительно разошелся, сталъ съ жадностью хлебать пустые щи изъ черной капусты.

Ганька пропадала гдѣ-то, прибѣжала въ избу запыхавшись уже къ концу щей, выпалила еще съ порога:

— Мелешка въ волость ѣздилъ! въ судъ подалъ!

— Врешь?

— Утроба моя лопни! Сейчасъ видѣла: незомъ, баитъ, прощенья просить, а то засужу...

Веденѣй сидѣлъ и ѣлъ все, что было передъ нимъ на столѣ, не поднимая глазъ, По виду нельзя было даже понять, слышалъ онъ Ганьку, иль нѣтъ. За то встревожились мать съ Захаромъ. Оба они стали ѣсть торопливѣе; для того ли, чтобъ не сказать лишняго слова, или-же, покончивъ скорѣе обѣдъ, побѣжать къ Мелешкѣ для переговоровъ о мировой.

Послѣ обѣда Веденѣй, отяжелѣвшій, сытый, усталый, побрелъ въ свою горенку, упалъ на кровать и отдался тому животному состоянію, когда человѣку рѣшительно ни о чемъ не думается и не спится.

Въ избѣ убирали и мыли посуду; потомъ, слышно было, Захаръ съ матерью ушли куда то, должно быть, къ Мелешкѣ; а потомъ Ганька запѣла только что сочиненную частушку:

Я Милешку не люблю-у,
Вострой саблей зарублю-у!
Онъ Милелка-а темный плу-утъ
Ходитъ жаловаться въ су-удъ!

Но Веденѣева не тревожила эта пѣсня: ему все равно было. Онъ уснулъ крѣпкимъ усталымъ сномъ.

Разбудилъ его Захаръ:

— Эй, солдатъ! ну-ко одѣвайся проворнѣй! Эй! На вотъ те мундеръ твой и сапоги!

— Чего еще? Зачѣмъ?— недоумѣвалъ Веденѣй.

— Нарядись-ко вотъ по проворнѣй, да къ Мелешкѣ иди. Мириться. Сошлись на бутылкѣ, прахъ е дери!.. Мундеръ—отъ, мундеръ надѣвай!

— Да зачѣмъ?

— Требовалъ! При полной, баитъ, формѣ въ ножки пусть поклонится!

— Да я не хочу.

— Нельзя. Никакъ нельзя: его власть! Куда дѣнешься...

Веденѣю эти доводы показались достаточными и онъ, уже не сопротивляясь Захару, одѣлся въ свою полную фельдфебельскую форму, послушно и тупо побрелъ съ братомъ къ Мелешкѣ.

Въ избѣ у Мелешки толклись любопытные и въ сторонкѣ у

чулана стояла пригорюнившись мать. За столомъ сидѣли Мелешка и псаломщикъ Поликарпъ. Дядя Мокей Кондратьичъ стоялъ поконецъ стола съ полной бутылкой водки въ правой рукѣ, а лѣвую съ налитымъ стаканчикомъ протягивалъ Мелешкѣ:

— Ну на! Прими штоль! Экой право какой... ина!

— Н-нѣтъ!—ломался Мелька, отстраняя руку Мокея,—незамай, между прочимъ, въ ножки поклонится! да! При полномъ парадѣ, какъ было! да!

И псаломщикъ Поликарпъ, которому видъ налитой водки жегъ нутро гораздо сильнѣе, чѣмъ выпитая, тоже нападалъ на Мелешку.

— Усмири ты гордыню свою! Не задерживай... бо побуждаемый, могу отказаться отъ свидѣтельства... И выпью вино, и проиграешь ты дѣло!..

— Нѣ-ѣтъ! пусть въ ножки... Въ ножки при полномъ парадѣ-ѣ! Знай, между прочимъ, Мелентія Мелентьева...

Веденѣй съ Захаромъ вошли, покрестясь на иконы, молча сѣли въ сторонкѣ на лавкѣ. Веденѣй былъ одѣтъ, какъ въ первый день пріѣзда. Даже поясъ, часы и, грязный уже теперь, крахмальный воротничекъ были кое какъ нацѣплены. Онъ сидѣлъ и казалось съ большимъ интересомъ глядѣлъ на мирящихся. Но въ сердцѣ и въ головѣ по прежнему было пусто и безучастно. Какъ будто все, что здѣсь дѣлалось, совсѣмъ не относилось къ нему, и онъ сидѣлъ тутъ въ чужой избѣ съ чужими людьми потому только, что любопытно было поглядѣть на такихъ чудаковъ.

Какъ только братья вошли, Мелешка взялъ отъ Мокея стаканъ, но не пилъ его. Держа руку съ нимъ на отлетѣ, продолжалъ свое:

— Пусть, между тѣмъ, въ ноги поклонится! тр-ребую-у!

— Пей! Пей!—со стономъ и страданіемъ упрашивалъ Поликарпъ,—пей,—не мори мою душу!

— Тр-ребую-у!—настаивалъ Мелешка.

— Да поклонись ты штоль, въ самомъ дѣлѣ!—обернулся къ Веденѣю раздосадованный Мокей.—Ай голова отвалится? Подь поклонись, чай ужъ не великъ баринъ! А! глянь на него ты: изъ мужиковъ... Изъ мужиковъ, а фордыбачитъ!..

— Поклонись, что тамъ!—толкалъ и Захаръ подъ локоть Веденѣя.

Веденѣй всталъ съ лавки, но не пошелъ къ Мелешкѣ кланяться, а направился къ двери, потомъ на улицу и въ проулокъ. Съ проулка туда, гдѣ перекрестокъ дорогъ, гдѣ встрѣтился вчера съ Пряшниковымъ. Кто-то бѣжалъ за нимъ слѣдомъ, догонялъ,

кричалъ что-то. Онъ шелъ, не оглядывался, не думалъ о томъ, что дѣлаетъ. Вышло проще, чѣмъ могло казаться. Какъ только услыхалъ дядю Мокея, который и хвалитъ и ругаетъ однѣми и тѣми же словами, такъ и понялъ, что всѣ ему здѣсь чужіе: и Мокей, и Захаръ и мать даже, молча плакавшая у чуланной притолоки. Понялъ, что бутылку все равно разопьютъ, и Мелешка только ломается зря. Разопьютъ потому уже, что куплена она и раскупорена, и налитъ первый стаканъ. Понялъ, что надо уйти. Уйти туда, гдѣ люди ему не чужіе.

Часа черезъ два послѣ того Веденѣевъ вмѣстѣ съ Пряшниковымъ стоялъ въ прихожей Стрикѣевскаго управляющаго.

Ждали долго, молчали. Веденѣевъприфорсился, оправилъ мундиръ, сорочку, взъершилъ волосы и стоялъ на вытяжку, какъ въ былыя казарменныя времена. Сильно занимала его шустренькая, свѣжая горничная, которой какъ разъ въ это время была пропасть дѣла въ передней. Она бойко стрекала изъ двери въ дверь, качала плечами, виляла платьемъ, что-то вносила, что-то выносила, и все черезъ переднюю, все мимо Веденѣева съ Пряшниковымъ.

«Вотъ, сказать, дѣвушка!—мысленно примѣрялъ ее къ своему вкусу Веденѣевъ,—ягода»...

Управляющій хоть и зналъ, что ждутъ его въ передней, зналъ, кто ждетъ и зачѣмъ, но сдѣлалъ видъ, что вышелъ въ переднюю по пути, мимоходомъ.

—Что скажешь хорошаго?—круто остановился онъ передъ Веденѣевымъ,—кто такой? откуда?

— Имѣю честь ходатайствовать насчетъ должности!—отпалилъ Веденѣевъ, вытягиваясь, какъ передъ фельдмаршаломъ.

— Кто? Откуда?

— Вмѣстѣ служили, Владимъ Василичъ!—подалъ голосъ Пряшниковъ,—былъ фельфебелемъ! Имѣетъ аттестатъ.

— Такъ точно!—подтвердилъ Веденѣевъ и полѣзъ за пазуху за бумагами.—Отъ ротнаго командира, капитана Грудистаго!

— Ага! Но у меня нѣтъ ничего...

— Хучь куда-нибудь, вашесвбродь?

— Ничего не могу... ничего!—сказалъ управляющій сожалѣющимъ голосомъ и повернулся было уйти, но взглянувъ еще разъ въ глаза Веденѣеву, понялъ что-то, сказалъ, растягивая слова:

— Могъ бы оставить тебя ночнымъ караульщикомъ пока. До весны. Весной, если зарекомендуешь себя, сдѣлаю объѣздчикомъ...

— Радъ стараться, Владимъ Василичъ!—сочно и дѣйствительно съ радостью отбарабанилъ Веденѣевъ.

— Ну вотъ. Жалованія—три рубля... Жить въ караулкѣ, харчиться въ людской. Работы немного: днемъ будешь готовить дрова, печи топить, ночью—обходы...

— Много доволенъ, Владимъ Василичъ!

— Стрѣляешь хорошо?

— Такъ точно! Имѣю призъ, часы за стрѣльбу!

— Ну вотъ, и отлично! Оставайся.

Управляющій вышелъ. И сейчасъ же вынырнула откуда-то горничная, которой опять понадобилось въ прихожую.

— Проздравляю! Значитъ и вы теперь наши служащіе?—съ ласковой ужимкой проговорила она, обращаясь къ Веденѣеву. И улыбнулась.

Веденѣевъ засвѣтился въ отвѣтъ, приложилъ ладонь къ козырьку, сказалъ:

— До пріятнаго свиданьица, барышня!

А сходя съ крыльца не выдержалъ, подтолкнулъ Пряшникова въ спину:

— Все же, дескать, выгорѣло!

— Вотъ! — засмѣялся Пряшниковъ, — первая удача тебѣ дома! Пойдемъ хоть чайкомъ обмоемъ ее! А то у насъ относительно выпивки строго...

С. Аникинъ.

* * *

Гдѣ наше утро тихое, ясное,
Маленькій домикъ и садъ,
Полное радости дѣтство прекрасное,
Матери ласковый взглядъ.
Степи раздольныя, пестрое поле,
Рѣзвыя игры и пѣсни на волѣ,
О, какъ прошедшаго жаль!
Тянутся грустно дни безпросвѣтные,
Старость на встрѣчу идетъ,
Молодость, силы, думы завѣтныя
Гибнутъ подъ гнетомъ заботъ.

А. И. Домасудъ-Бромирская.

САМОУПРАВЛЕНІЕ НАЦІОНАЛЬНАГО МЕНЬШИНСТВА.

Въ національной проблемѣ необходимо различать двѣ стороны: вопросъ о національной территоріи—и вопросъ о національномъ меньшинствѣ. Національной территоріей мы называемъ страну или область, населенную исключительно или преимущественно людьми одной и той же національности, иными словами—страну или область, въ которой данная народность численно преобладаетъ, составляетъ абсолютное большинство. Такова, напримѣръ, Италія, населеніе которой на 99,8% состоитъ изъ итальянцевъ, или, среди австрійскихъ провинцій, Верхняя Австрія, гдѣ приблизительно такой же процентъ населенія составляютъ нѣмцы. Такую народность мы называемъ мажоритарной, а ея территорію—національной территоріей. Вопросъ о наилучшемъ устоеніи юридическаго быта такой территоріи и есть одна изъ двухъ сторонъ національной проблемы. Но на этой территоріи могутъ оказаться и почти всегда оказываются жители, которые не принадлежатъ къ преобладающей народности, т. е. образуютъ національное меньшинство или даже распадаются на нѣсколько національныхъ меньшинствъ. Такія національныя группы мы называемъ миноритарными народностями, и вопросъ объ ихъ правовомъ устройствѣ составляетъ вторую сторону національной проблемы.

Первый вопросъ—о мажоритарной народности, о національной территоріи—не представляетъ большихъ теоретическихъ затрудненій. Долгое время, почти до послѣдней четверти XIX-го вѣка, этимъ вопросомъ исчерпывалась вся національная проблема. Всѣ крупныя національныя движенія прошлаго столѣтія, приведшія

къ освобожденію Греціи, къ объединенію Италіи и Германіи, къ самостоятельности малыхъ придунайскихъ государствъ,—всѣ они ставили именно вопросъ о національной территоріи, о странѣ, жители которой въ подавляющемъ большинствѣ принадлежатъ къ одной народности. Разрѣшался онъ очень просто и въ глазахъ политиковъ, и въ глазахъ государствовѣдовъ: наилучшее правовое устройство для мажоритарной народности есть полное самоопредѣленіе—самостоятельность и независимость національной территоріи. Это было время, когда Блунчли писалъ: «Подобно тому, какъ человѣчество раздѣлено на націи, земля должна быть раздѣлена на столько же государствъ. Каждая нація должна быть государствомъ, каждое государство — національнымъ цѣлымъ». Въ наше время далеко не всякій государствовѣдъ подпишется подъ этой категорической формулой. Мысль о коренномъ измѣненіи политической карты Европы кажется многимъ несбыточной, фантастической, не подлежащей серьезному изслѣдованію. Тѣмъ не менѣе, и для современныхъ теоретиковъ рѣшеніе вопроса о правовомъ устройствѣ мажоритарныхъ націй сводится къ тому же принципу территоріальнаго самоопредѣленія; они только суживаютъ мѣру послѣдняго, отказываясь отъ суверенитета и удовлетворяясь мѣстной автономіей. Иными словами, теперь національный вопросъ сталъ почти исключительно вопросомъ о правовомъ положеніи народности *внутри* разноплеменнаго государства. Формула Блунчли звучала-бы теперь такъ: каждая нація должна быть автономной провинціей, каждая провинція—національнымъ цѣлымъ.

Впрочемъ и это не ново. Когда въ ноябрѣ 1848-го года незадолго передъ тѣмъ образованный австрійскій рейхсратъ засѣдалъ въ Кремзирѣ, депутатъ Ленеръ отъ имени нѣмцевъ внесъ въ комиссію, занимавшуюся выработкой новой конституціи, проектъ раздѣленія Австріи на рядъ національно-однородныхъ провинцій; чехъ Палацкій поддержалъ это предложеніе и рекомендовалъ установить 14 областей. Предложеніе не собрало большинства. Въ настоящее время оно извлечено изъ архива, вошло въ такъ называемую Брюннскую программу австрійской соціалъ-демократіи и служитъ предметомъ оживленныхъ преній въ средѣ австрійскихъ юристовъ и политиковъ [1]). Нѣкоторые полагаютъ, что и такая реформа представитъ не меньше политическихъ трудностей, чѣмъ осуще-

---

[1]) Cp. Springer, «Der Kampf der österreichischen Nationalitäten um den Staat», 1902.—A. Popovici, «Die Vereinigten Staaten von Gross-Oesterreich», 1906.—R. Charmatz, «Der demokratisch nationale Bundesstaat Österreich», 1904.

ствленіе старой схемы Блунчли. Но, какъ здѣсь, такъ и тамъ, трудности существуютъ только для практическаго политика Для публициста, разбирающаго вопросъ de lege ferenda, онъ теоретически очень несложенъ. Наиболѣе желательнымъ правовымъ устройствомъ для національной территоріи, т. е. для мажоритарной націи является (конечно, при нормальныхъ условіяхъ) автономія; о желательныхъ размѣрахъ автономіи можно спорить, но самый принципъ не вызываетъ сомнѣній.

Въ совершенно иномъ положеніи находится вопросъ о миноритарныхъ народностяхъ, о національныхъ меньшинствахъ, онъ выдвинулся только въ самое послѣднее время и задалъ теоретикамъ молодой науки, которую нѣмцы называютъ Nationalitätenrecht или иногда (неправильно) Sprachenrecht, крайне сложную задачу. Первоначально полагали, что государство можетъ игнорировать національныя меньшинства, оставить ихъ на волю судебъ, такъ какъ имъ-де все равно предстоитъ въ непродолжительномъ времени раствориться въ средѣ мажоритарной народности. Но оказалось, что эти меньшинства по большей части не желаютъ ассимилироваться, хотятъ сохранять и развивать свои національныя особенности и настоятельно призываютъ законодателя къ себѣ на помощь, т. е. требуютъ спеціальныхъ правовыхъ гарантій. И вотъ, предъ государствомъ возникаетъ запутанный вопросъ: въ чемъ могутъ и должны состоять права національнаго меньшинства?

Чтобы понять всю трудность этой задачи, надо ясно опредѣлить специфическое понятіе «національнаго меньшинства». Часто въ обиходномъ словоупотребленіи это названіе дается такимъ элементамъ населенія, которые въ сущности совершенно не подходятъ подъ понятіе настоящей миноритарной группы. Возьмемъ, напримѣръ, нѣмцевъ въ Богеміи. По переписи 1909-го года въ Богеміи было 2.337.013 нѣмцевъ и 3.930.093 чеха; такимъ образомъ нѣмцы въ этой провинціи—меньшинство. Но достаточно взглянуть на этническую карту Богеміи, чтобы понять, въ чемъ тутъ ошибка. Нѣмцы не перемѣшаны съ чехами. Обѣ народности живутъ, въ сущности, совершенно обособленно одна отъ другой, на отдѣльныхъ сплошныхъ территоріяхъ: чехи—въ центрѣ провинціи, нѣмцы—по широкой окраинной полосѣ. Такимъ образомъ тутъ предъ нами собственно *двѣ* національныя территоріи, *двѣ* мажоритарныя народности, только искусственно склеенныя политической границей. Вопросъ о правовомъ устройствѣ нѣмецкаго меньшинства Богеміи сводится къ вопросу объ отдѣленіи нѣмецкой территоріи отъ чешской; иными словами, это въ сущ-

ности вопросъ не о національномъ меньшинствѣ, а о двухъ національныхъ территоріяхъ. Дѣйствительно, раздѣлъ Богеміи — завѣтное стремленіе большинства мѣстныхъ нѣмцевъ-политиковъ (ср. т. наз. Linzer Programm 1882 г.). Технически это вполнѣ возможно, такъ какъ, по весьма тщательнымъ статистическимъ изслѣдованіямъ Раухберга, языковая граница между обѣими народностями отмѣчена чрезвычайно рѣзко и отчетливо, безъ всякихъ переходовъ; остается только провести по этой же линіи политическую границу двухъ провинцій, и получится направо чешская область, налѣво—нѣмецкая. Но и въ той, и въ другой все же останутся инородческія примѣси: въ чешской половинѣ окажется 64 тысячи нѣмцевъ, въ нѣмецкой—51 тысяча чеховъ [1]), вкрапленныхъ группами или «островками» въ самую гущу мажоритарныхъ народностей и не поддающихся территоріальному выдѣленію. Это и будутъ въ настоящемъ смыслѣ слова специфическія «національныя меньшинства».

Итакъ, миноритарной народностью слѣдуетъ считать только такую группу, которую даже въ теоріи нельзя представить себѣ выдѣленною въ особый территоріальный районъ. Гдѣ образованіе такого района, хотя бы маленькаго, возможно, тамъ существуетъ все еще нѣкоторое подобіе мажоритарной народности, съ собственной національной территоріей, хотя и окруженной со всѣхъ сторонъ чужими элементами, отрѣзанной отъ своего основного національнаго корпуса. Такова маленькая земля лужицкихъ славянъ на границѣ Пруссіи и Саксоніи; таковъ въ нѣмецкой части Богеміи округъ Будвейсъ, населенный на $^2/_3$ чехами. Это такъ называемые національные островки; бываютъ и національные полуострова или заливы, національная черезполосица и т. д. На практикѣ все это можетъ представить большія затрудненія для самаго либеральнаго законодателя; но въ теоріи это лишь разныя формы національныхъ территорій, и юридически для нихъ вполнѣ мыслима самая широкая автономія, какъ-бы малъ ни былъ данный районъ. Размѣръ области вообще не играетъ рѣшающей роли въ вопросѣ объ автономіи и даже о суверинитетѣ: достаточно указать на Монако, Санъ-Марино, Андорру, Люксембургъ, Лихтенштейнъ. Автономія, и самая обширная, вполнѣ мыслима всюду, гдѣ только имѣется «районъ», т. е. территоріальная непрерывность, группа пунктовъ, находящихся въ *непосредственномъ* сосѣдствѣ между собою и имѣющихъ одно и то же національное большинство. Но какъ построить правовыя гарантіи для націо-

---

1) Prof. H. Rauchberg, «Der nationale Besitzstand in Böhmen», 1905.

нальной группы, не составляющей цѣльнаго района, для отдѣльныхъ инородческихъ общинъ, вкрапленныхъ въ чужое національное поле—словомъ, для миноритарныхъ народностей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова?

Прежде чѣмъ приступить къ разбору этого вопроса, необходима еще одна оговорка. Миноритарная группа не должна обязательно составлять меньшинство *въ самомъ пунктѣ* своего поселенія. Напримѣръ, въ словинской части Штиріи всѣ болѣе крупные города — Марбургъ, Цилли (Цѣль), Петтау (Птуй)—имѣютъ нѣмецкое большинство; возникаетъ искушеніе считать эти города въ юридическомъ отношеніи нѣмецкими и, напротивъ, словинскую часть ихъ населенія трактовать какъ національное меньшинство. Австрійское правительство такъ и смотритъ на дѣло, несмотря на то, что вся эта область,—юго-востокъ Штиріи, обнимающій 20 судебныхъ округовъ,—заселена на $^9/_{10}$ словинцами. Съ точки зрѣнія принципа подобный взглядъ непріемлемъ. Нельзя разсматривать такіе города какъ нѣчто совершенно отчужденное отъ всей территоріи и живущаго на ней національнаго большинства, хотя бы мажоритарная народность территоріи и находилась въ данномъ городѣ въ меньшинствѣ. Иначе получился бы тотъ результатъ, что культурно-бѣдныя народности, еще не создавшія своего національнаго городского класса, остались бы, такъ сказать, совсѣмъ безъ городовъ, не считались бы даже въ принципѣ совладѣльцами важнѣйшихъ центровъ своего національнаго края. Миноритарная народность, даже если къ ней принадлежитъ большая часть горожанъ, все-таки остается миноритарной. Такъ слѣдуетъ разсматривать, напримѣръ, и тѣ немалочисленныя городскія поселенія Галиціи, Царства Польскаго и Западнаго края, гдѣ большинство состоитъ изъ евреевъ: это еврейское населеніе все же должно считаться миноритарнымъ. Конечно, признать данную группу миноритарной отнюдь не значитъ умалить ея права; напротивъ, весь занимающій насъ вопросъ именно въ томъ и состоитъ, чтобы гарантировать полноправіе національнаго меньшинства. Если группа, сама по себѣ миноритарная, въ данномъ городѣ составляетъ большинство, ей должно принадлежать большинство и въ городской думѣ, языку ея въ городскихъ дѣлахъ должно быть предоставлено почетное мѣсто и т. д. Объ этомъ, съ точки зрѣнія правовой государственности, не можетъ быть спора. Устанавливая, что при всемъ томъ и такая группа должна считаться миноритарной, мы имѣли въ виду только одну цѣль: отграничить понятіе «національнаго меньшинства». Выше мы указали, что иногда оно

ошибочно примѣняется къ группамъ, представляющимъ собою настоящія мажоритарныя народности; здѣсь мы обращаемъ вниманіе на то, что иногда, напротивъ, подъ видомъ большинства фигурируетъ типичная миноритарная народность. Въ высшей степени важно установить это различіе, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ знать, къ какой изъ двухъ сторонъ національной проблемы относится тотъ или другой отдѣльный случай—къ вопросу ли о правахъ національной *территоріи* или къ вопросу о правахъ національнаго *меньшинства*. Задача правового устройства національной группы, не поддающейся выдѣленію въ сплошной территоріальный районъ, всегда и всюду должна разсматриваться съ точки зрѣнія второй категоріи.

Трудность этой задачи очевидна. Мы привыкли думать, что всякое право устанавливается для опредѣленной территоріи, для всего ея населенія. По крайней мѣрѣ, таково современное право. Римскій судья когда-то задавалъ обвиняемому вопросъ: quo jure vivis?—и судилъ каждаго по его національному закону; но принципъ этотъ давно оставленъ, и теперь законъ тѣсно связанъ съ территоріей. Но право національнаго меньшинства не можетъ быть конструировано на территоріальной основѣ; чтобы построить его, необходимо нѣкоторымъ образомъ вернуться къ принципу экстерриторіальности. Приходится создавать порядокъ, при которомъ на пространствѣ одного уѣзда, города или даже села дѣйствовало бы, въ извѣстной сферѣ, не одно право, а два или еще больше, и каждый гражданинъ, въ зависимости отъ того, къ какой національности онъ принадлежитъ, подлежалъ бы особымъ нормамъ. Это противорѣчитъ основнымъ тенденціямъ современнаго права, вноситъ въ нихъ новое—или, вѣрнѣе, старое—начало, противоположное территоріальному: начало персональное. Что послѣдовательное примѣненіе національнаго равноправія неизбѣжно приводитъ къ такому результату, ясно было уже больше полувѣка тому назадъ. Венгерскій государственный дѣятель, баронъ Этвешъ, писалъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ: «Въ ту эпоху, когда наши современныя государства еще только формировались, отдѣльныя національности были размежеваны между собою не территоріально, а персонально, такъ что граждане одной и той же земли жили то по римскимъ или франкскимъ, то по готскимъ или бургундскимъ законамъ... Этотъ порядокъ представлялъ собою безспорно самое послѣдовательное примѣненіе предлагаемой нынѣ новѣйшей системы». Подъ «новѣйшей системой» авторъ разумѣлъ несимпатичный ему планъ расчлененія Венгріи на рядъ національно-одно-

родныхъ провинцій; онъ находилъ, что этотъ планъ не даетъ *полнаго* рѣшенія національныхъ споровъ, ибо останутся меньшинства, а потому сторонникамъ «полнаго рѣшенія» остается идти до конца и возстановить персональный принципъ, что — въ особенности теперь, полвѣка спустя—почти равносильно перевороту въ воззрѣніяхъ на государственность. Но этого мало. Даже примирившись въ данномъ случаѣ, подъ давленіемъ необходимости, съ этимъ еретическимъ принципомъ, мы еще далеко не получаемъ рѣшенія вопроса: остается труднѣйшая часть задачи — примѣнить персональный принципъ къ практикѣ жизни, построить связную систему экстерриторіальныхъ правъ такимъ образомъ, чтобы она по мѣрѣ возможности дѣйствительно обезпечивала національные интересы меньшинства и въ то же время была пріемлема для современнаго государственнаго быта.

Какъ ни трудна эта задача, она заслуживаетъ самой тщательной разработки. Ошибкой было бы думать, будто миноритарныя группы, въ виду ихъ сравнительной количественной незначительности, не представляютъ достаточнаго интереса. Правда, почти каждая нація на землѣ имѣетъ свою національную территорію (иногда независимую, иногда подчиненную одному или нѣсколькимъ чужимъ государствамъ), и на такой территоріи сосредоточена обыкновенно большая часть данной народности, такъ что лишь меньшая часть ея живетъ въ разсѣяніи, на положеніи миноритарной національности. При такихъ условіяхъ главное значеніе для развитія націи имѣетъ, конечно, національная территорія. Но, съ другой стороны, и эти миноритарные отрѣзки представляютъ иногда очень серьезную цифру. Въ Вѣнѣ, напримѣръ, было по переписи 1900-го года свыше 100 тысячъ чеховъ; въ Россіи (не считая Царства Польскаго и сосѣднихъ съ нимъ чисто-польскихъ уѣздовъ Гродненской губерніи) числится до милліона поляковъ. Все это миноритарныя группы, меньшинства, не поддающіяся выдѣленію въ территоріальный районъ, но сами по себѣ очень внушительныя. Далѣе, есть народности, находящіяся поголовно, на всемъ пространствѣ государства, въ положеніи меньшинства: таковы въ Россіи нѣмцы (1.800.000) и евреи (5.200.000). Наконецъ, и господствующая народность—великороссы — разбросала огромные миноритарные отрѣзки по всѣмъ окраинамъ имперіи. Можно сказать, что въ Россіи или Австріи нѣтъ ни одной болѣе или менѣе культурной народности, которая не имѣла бы своихъ миноритарныхъ осколковъ за рубежомъ своей національной территоріи. И если эти группы, оторванныя отъ національнаго цѣлаго, не всегда количественно велики,

то не слѣдуетъ упускать изъ виду ихъ качественное значеніе. Націо-нальныя меньшинства скопляются обыкновенно въ городахъ, особенно въ крупныхъ городахъ; такимъ образомъ это почти всегда элементъ сравнительно культурный, подвижной, вліятельный, съ значительнымъ процентомъ интеллигентныхъ или зажиточныхъ лицъ. Вотъ отчего нельзя судить о политическомъ и соціальномъ удѣльномъ вѣсѣ этихъ меньшинствъ по одному количественному признаку: «голоса не только сосчитываются, но и взвѣшиваются». Есть народы, которые дорожатъ своими меньшинствами за рубежомъ національной территоріи едва ли не столько же, сколько благомъ и свободой этой территоріи: таково, напримѣръ, отношеніе поляковъ къ положенію польскихъ меньшинствъ въ восточной Галиціи или на Литвѣ. Все это объясняетъ, почему національныя меньшинства далеко не quantités négligeables. Вопросъ о меньшинствахъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ въ жизни каждой народности; онъ требуетъ и заслуживаетъ со стороны законодателя самаго тщательнаго разбора.

Слѣдуетъ, однако, избѣгать и другой крайности. Для нѣкоторыхъ теоретиковъ національной проблемы въ послѣднее время вопросъ о правовомъ устройствѣ меньшинствъ совершенно заслонилъ все остальное. Они не признаютъ за автономіей національныхъ территорій никакой цѣнности только потому, что при этомъ остается нерѣшеннымъ вопросъ о меньшинствахъ; они предлагаютъ вообще начисто отбросить территоріальную точку зрѣнія въ національномъ вопросѣ и разрѣшать его исключительно на почвѣ персональнаго принципа. Нація есть союзъ лицъ, совершенно оторванный отъ территоріи; территорію, заселенную хотя бы сплошь одной и той же народностью, можно политически разрѣзать, пришивъ ея части къ сосѣднимъ провинціямъ, если этого требуютъ, напримѣръ, нужды экономическаго района; нація, какъ таковая, при этомъ разрѣзѣ совершенно не пострадаетъ, останется единой и будетъ осуществлять свое самоуправленіе въ органахъ персональнаго союза. Сторонниковъ этой территоріи мы чаще всего встрѣчаемъ на крайней лѣвой. Такъ на Брюннскомъ партейтагѣ австрійской соціалъ-демократіи (1899 г.) южно-славянскіе делегаты предложили слѣдующую программу для преобразованія Австріи: «Каждый народъ, живущій въ Австріи, независимо отъ обитаемой его членами территоріи, представляетъ автономную группу, которая вполнѣ самостоятельно удовлетворяетъ и регулируетъ свои національныя потребности, касающіяся культуры и языка; территоріальныя области имѣютъ чисто-административное зна-

ченіе, не оказывая никакого вліянія на національныя отношенія Этотъ радикальный планъ былъ навѣянъ вышедшей незадолго до того брошюрой Synopticus'а: «Nation und Staat» и получилъ нѣкоторую дальнѣйшую разработку въ Россіи [1]). Брюннскій партейтагъ его не принялъ, а призналъ, напротивъ, что «вмѣсто историческихъ коронныхъ земель должны быть образованы національно-отграниченныя самоуправляющіяся административныя единицы». Самъ Synopticus въ слѣдующей своей работѣ, вышедшей подъ псевдонимомъ Р. Шпрингеръ и уже упомянутой у насъ выше («Kampf der österr. Nationen um den Staat»), значительно смягчилъ свои взгляды на территоріальный принципъ въ національномъ вопросѣ.

Дѣйствительно, изъ-за того, что есть на свѣтѣ меньшинства, нельзя забывать объ интересахъ мажоритарныхъ націй. Эти интересы многообразны, но именно синтезомъ ихъ является территорія — основная, естественная операціонная база всѣхъ функцій національной жизни. Изо всѣхъ притязаній націи, какъ таковой, на сохраненіе и развитіе различныхъ ея цѣнностей— языка, вѣры, быта, права и т. п. — главнымъ является притязаніе на господство надъ національной территоріей. Это требованіе включаетъ уже всѣ остальныя. Охрана отдѣльныхъ признаковъ національной индивидуальности получается сама собою, разъ дана автономность національной территоріи. Напротивъ, требованіе правовой защиты для отдѣльныхъ признаковъ, вродѣ языка, есть суррогатъ, выдвигаемый по необходимости только тамъ, гдѣ преждевременно или невозможно требовать территоріальной автономіи. Упускать все это изъ виду, значитъ изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса. Нельзя считаться и съ тѣмъ, что на свѣтѣ есть одна или двѣ націи совершенно безъ территорій. Это — исключенія. Національное меньшинство есть тоже исключеніе. Общимъ правиломъ можно признать только мажоритарную націю, основной схемой правового устройства національности —только автономію національной территоріи. Лишь послѣ того, какъ установленъ этотъ общій принципъ, можно заняться исключеніями, ввести въ общую территоріальную схему поправки, обезпечивающія права экстерриторіальныхъ меньшинствъ. Изъ двухъ сторонъ національной проблемы первая—вопросъ о національной территоріи — есть главная, основная; вторая — вопросъ о національномъ меньшинствѣ — имѣетъ дополнительное, кор-

---

[1]) Главнымъ образомъ въ двухъ сборникахъ: «Возрожденіе», 1907 и 1908 г.

рективное значеніе. Это не умаляетъ ни его теоретическаго интереса для публициста или юриста, ни государственной важности самой задачи правового устройства національныхъ меньшинствъ.

Въ такъ называемыхъ правахъ національности (какъ и во всей области публичнаго права) слѣдуетъ различать отдѣльныя категоріи, отдѣльныя сферы, въ зависимости отъ того, какая роль предоставляется въ каждой изъ этихъ сферъ государству и гражданину—активная или пассивная. Еллинекъ въ «Системѣ субъективно - публичныхъ правъ». различаетъ три категоріи публично-правовыхъ притязаній: 1) притязаніе на свободу отъ государства—на ту возможность индивидуальнаго проявленія личности, которая остается за вычетомъ правовыхъ ея ограниченій и образуетъ сферу свободы лица. 2) Притязаніе на положительныя услуги со стороны государства, напримѣръ на его судебную или административную дѣятельность въ интересахъ индивида. 3) Притязаніе на услуги государству, на извѣстное участіе въ организаціи и осуществленіи государственной воли, на признаніе личности въ нѣкоторомъ родѣ органомъ государства. Все это Еллинекъ относитъ не только къ индивиду, а въ большей или меньшей степени и къ признаннымъ въ государствѣ союзамъ. Попытка примѣнить эту схему специально къ притязаніямъ національности сдѣлана, съ нѣкоторымъ отступленіями отъ оригинала, Шпрингеромъ. Онъ находитъ, что какъ личность, такъ и союзъ могутъ находиться къ государству въ одномъ изъ слѣдующихъ— не трехъ какъ у Еллинека, а четырехъ отношеній: 1) status свободы отъ государства («Staatsfrei»); 2) Status подданства («Staatsuntertan»), напримѣръ, въ качествѣ плательщика налоговъ; 3) Status гражданина («Staatsbürger»), имѣющаго притязаніе на защиту, помощь и пр. со стороны государства; 4) Status государственнаго органа («Staatsorgan»), т. е. носителя такъ называемыхъ политическихъ правъ — избирательныхъ, должностныхъ и пр.

Не отрицая цѣнности всѣхъ этихъ подраздѣленій, мы можемъ нѣсколько ограничить ихъ число. Для цѣлей нашего изложенія достаточно установить не четыре и даже не три, а двѣ категоріи. Къ первой относятся права народности на самостоятельное веденіе своихъ національныхъ дѣлъ. Здѣсь народность требуетъ отъ государства только одного: уступи мнѣ такія-то функціи и предоставь мнѣ самой ихъ осуществлять. Въ эту категорію входитъ «національное самоопредѣленіе» въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ слова. Нація отмежевываетъ себѣ

извѣстную сферу, внутри которой она желаетъ дѣйствовать автономно, и потому эту категорію публичныхъ правъ народности мы будемъ называть «*національно-автономными правами*». Вторая категорія правъ относится, наоборотъ, именно къ тѣмъ функціямъ, которыя остаются и должны оставаться въ рукахъ государства. Народность не претендуетъ на изъятіе этихъ функцій изъ компетенціи государственнаго цѣлаго; но она требуетъ, чтобы государство, осуществляя ихъ, постоянно считалось съ ея интересами. Сюда относится, напримѣръ, притязаніе, чтобы въ своихъ сношеніяхъ съ членами данной народности государство пользовалось ея національнымъ языкомъ, — или чтобы члены ея имѣлись въ достаточномъ количествѣ въ личномъ составѣ государственныхъ законодательныхъ органовъ, центральнаго правительства и его бюрократическаго аппарата. Такимъ образомъ, эта категорія правъ относится не къ той области въ которой народность желаетъ быть свободной отъ вмѣшательства государства (Staatsfrei), а, напротивъ, къ той, въ которой каждый членъ ея тѣсно связанъ съ государствомъ разнообразными отношеніями гражданства (Staatsuntertan, Staatsbürger, Staatsorgan). Поэтому, въ отличіе отъ первой группы, эту категорію можно назвать «*національно-гражданскими правами*».

Обыкновенно въ сочиненіяхъ, трактующихъ вопросы національнаго права, а также въ политическихъ программахъ, формулирующихъ національныя требованія, все это сливается безъ разбора въ одно цѣлое: права языка въ публичной жизни попадаютъ въ одну рубрику съ автономіей общинъ и т. д. Мы думаемъ, что слѣдуетъ разсматривать каждую категорію отдѣльно.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы займемся только вопросомъ объ *автономныхъ* правахъ національнаго меньшинства. Для теоретика эта область представляетъ наибольшій интересъ, для самой миноритарной народности—тоже.

Автономныя права національно-миноритарной группы должны быть построены такъ, чтобы возможно бо́льшая часть специфически-національныхъ сторонъ ея быта была изъята изъ круга вѣдомства территоріальной власти (государственной и мѣстной) и передана въ руки спеціально-національныхъ органовъ. Это вытекаетъ изъ самаго понятія народности, какъ группы, естественно стремящейся «жить по своему», вести и рѣшать свои дѣла собразно своимъ природнымъ вкусамъ, навыкамъ, предрасположеніямъ, короче — «самоопредѣляться». Не признавать

этого естественнаго стремленія народности—значило бы не признавать самой народности. Тѣмъ не менѣе даже въ государствахъ, гдѣ давно признано и существованіе, и равноправіе отдѣльныхъ народностей, еще не всюду сдѣланъ изъ этого принципа естественный выводъ о необходимости передать специфически - національныя функціи спеціально - національнымъ органамъ. И въ Австріи, и въ Бельгіи, и въ Швейцаріи, и (за однимъ исключеніемъ) въ Венгріи обязанность обслуживать чисто - національныя потребности отдѣльныхъ народностей все еще возлагается на публичные органы территоріальнаго типа. Правда, жизнь заставила внести въ этотъ порядокъ нѣкоторыя поправки (напримѣръ, областной школьный совѣтъ Богеміи раздѣленъ на чешскую и нѣмецкую секціи); но въ общемъ все еще держится оффиціальный взглядъ на народность — даже въ ея специфически - національной сферѣ, — какъ на объектъ управленія и, пожалуй, попеченія, но не субъектъ самоуправленія и публично правовой самодѣятельности. Конечно, для той народности, въ рукахъ которой находится территоріальная власть, это въ итогѣ безразлично; но слабыя народности, особенно національныя меньшинства, остаются въ проигрышѣ. Удовлетворенія своихъ національныхъ потребностей онѣ должны ждать отъ органовъ государства, области, города, гдѣ власть находится въ чужихъ, быть можетъ враждебныхъ имъ рукахъ. Это извращаетъ самое понятіе національныхъ правъ, сводитъ на нѣтъ идею равноправія, даже если она провозглашена въ основныхъ законахъ. Еще Фишгофъ, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей національной проблемы съ точки зрѣнія права, писалъ около 40 лѣтъ тому назадъ: «Самый лучшій законъ, изданный въ защиту меньшинства, превращается въ иллюзію, если его проведеніе и примѣненіе ввѣрено враждебному большинству». Если законодатель хочетъ быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ или совершенно отказать народности во всякомъ признаніи, или дать ей правовую возможность самоудовлетворенія въ сферѣ ея чисто-національныхъ потребностей. Этотъ выводъ прямо напрашивается, напримѣръ, при чтеніи параграфа XIX-го австрійскихъ основныхъ законовъ, гдѣ сказано: «Всѣ народы (Volksstämme) государства равноправны; каждый народъ имѣетъ ненарушимое право на сохраненіе и развитіе (Pflege) своей національности [1]) и языка. Государство признаетъ

---

[1]) Слово «національность», употребляемое въ разныхъ смыслахъ, здѣсь означаетъ, повидимому, «національный характеръ».

равноправность всѣхъ мѣстныхъ (landesübliche) языковъ въ школѣ, оффиціальныхъ учрежденіяхъ и публичной жизни. Въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ живетъ нѣсколько народовъ, оффиціальныя учебныя заведенія должны быть устроены такимъ образомъ, чтобы каждый изъ этихъ народовъ имѣлъ возможность получить образованіе на своемъ языкѣ, не будучи принуждаемъ къ изученію никакого другого изъ мѣстныхъ языковъ». Здѣсь за народомъ прямо признается право на сохраненіе и развитіе своей національности и языка; иными словами, «народъ» признается носителемъ, субъектомъ какихъ-то правъ—а между тѣмъ въ Австріи до сихъ не опредѣлена юридическая личность народности, какъ таковой, и это — главная причина всей тамошней междунаціональной неурядицы. И если мажоритарныя народности могутъ, опираясь на свою территоріальную власть, національно развиваться и при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, то для національно-миноритарныхъ группъ основнымъ предварительнымъ условіемъ нормальнаго существованія является признаніе ихъ юридической личности, конституированіе ихъ въ публично-правовые союзы, самоуправляющіеся въ сферѣ національнаго быта.

Отсюда вытекаютъ слѣдующіе три вопроса:

1. Если національное меньшинство должно быть организовано въ союзъ, то по какому признаку должна быть установлена принадлежность отдѣльныхъ гражданъ къ этому меньшинству, т. е. вообще къ той или иной національности?

2. Если національное меньшинство должно быть автономно въ сферѣ національнаго быта, то какъ отграничить эту сферу? Какія функціи коллективной жизни—и въ какой мѣрѣ—должны быть отнесены къ компетенціи національно-миноритарныхъ органовъ и какія, наоборотъ, оставлены за органами территоріальнаго управленія?

3. Каковы должны быть формы организаціи національнаго меньшинства?

Ставя, такимъ образомъ, эти три вопроса de lege ferenda, мы, однако, будемъ все время считаться съ наличными данными legis latae, опираясь, по возможности, на законодательныя нормы тѣхъ государствъ, гдѣ право національности уже получило нѣкоторую разработку—главнымъ образомъ Австріи, Венгріи и Турціи.

Авторы сочиненій, посвященныхъ національному вопросу, часто начинаютъ съ опредѣленія понятій «нація» и «національ-

ность». Вообще трудно дать какому-бы то ни было явленію полное, исчерпывающее определеніе; но въ данномъ случаѣ это, повидимому, особенно трудно. Въ интересной работѣ Neumann'a: «Volk und Nation» (1888), приведено до пятидесяти отвѣтовъ на вопросъ «что такое нація». Безусловно правъ, поэтому, Еллинекъ, когда говоритъ, что невозможно установить единый прочный, объективный критерій націи, и нельзя найти его также въ какой-либо постоянной комбинаціи нѣсколькихъ элементовъ. Но для нашей цѣли это не нужно. Какова бы ни была *сущность* націи, изъ какого бы количества разнородныхъ признаковъ физическихъ, духовныхъ, историческихъ она ни слагалась—для насъ важенъ только *юридическій* признакъ, по которому мы съ достаточной достовѣрностью могли бы судить о принадлежности индивида къ той или другой національной группѣ. Яснѣе всего проведена эта мысль въ двухъ небольшихъ, но превосходныхъ работахъ Гернритта [1]). Онъ говоритъ: «Право спрашиваетъ не о томъ, что такое національность, въ чемъ она заключается,—но о томъ, *какъ проявляется*, въ чемъ *выражается* національность». Только такъ и можно ставить вопросъ въ предѣлахъ юридическаго изслѣдованія. Рѣчь идетъ объ установленіи признака, при наличности котораго вопросъ о національной принадлежности индивида считался бы для права окончательно рѣшеннымъ.

Такимъ признакомъ многіе ошибочно считаютъ происхожденіе. Въ Россіи, напримѣръ, общепринятый взглядъ несомнѣнно отождествляетъ національную принадлежность съ происхожденіемъ Даже въ актахъ, исходящихъ изъ оффиціальнаго источника, термины «лица русскаго происхожденія» и «лица русской національности» часто употребляются въ одномъ и томъ же значеніи. Впрочемъ у насъ русская оффиціальная терминологія въ этой отрасли еще только вырабатывается, ибо самая идея національности, какъ правового понятія, пока пустила корни скорѣе въ административной практикѣ, чѣмъ въ законодательствѣ. Но въ государствахъ, гдѣ вопросы національныхъ правъ успѣли подвергнуться большей разработкѣ, никто—ни положительное право, ни теорія, нидаже ходячее словоупотребленіе—уже не смѣшиваетъ національность съ происхожденіемъ. Въ Австріи, напримѣръ, считается обычнымъ явленіемъ, что человѣкъ носитъ славянскую или итальянскую фамилію, но признаетъ себя нѣмцемъ по національности, или наоборотъ. Бывшій министръ Фидлеръ считаетъ

[1]) R. von Herrnritt «Die Nationalität als Rechtsbegriff», 1899; «Nationalität und Recht», 1899.

себя чехомъ, бывшій депутатъ Бѣлоглавекъ—нѣмцемъ. Есть въ этой области явленія, которыя съ россійской точки зрѣнія могутъ показаться курьезами, но въ Австріи принимаются совершенно серьезно. Напримѣръ, часть княжескаго рода Шварценбергъ издавна идетъ во главѣ чешскаго національнаго движенія, а другая часть понынѣ причисляетъ себя къ нѣмцамъ. Въ сеймѣ области Горица-Градиска были въ началѣ девяностыхъ годовъ два графа Коронини: одинъ, Альфредъ, депутатъ куріи землевладѣльцевъ, числился словинцемъ, другой, Францъ, депутатъ городскихъ общинъ — итальянцемъ. Журналъ «Preussische Jahrbücher», сообщая этотъ фактъ, идетъ еще дальше и утверждаетъ, что около того же времени было въ австрійскомъ рейхсратѣ два родныхъ брата, одинъ — полякъ, другой — нѣмецъ. Ясно, что въ болѣе развитомъ государственномъ быту само общественное сознаніе отказывается видѣть въ происхожденіи критерій національной принадлежности. Если еще принять во вниманіе, какъ трудно, а иногда и немыслимо установить «происхожденіе», то этотъ признакъ, вопреки обычному россійскому взгляду, придется совершенно отбросить.

Большая часть теоретиковъ вопроса считаетъ лучшимъ юридическимъ критеріемъ національной принадлежности—языкъ. Въ Австріи этотъ взглядъ сталъ господствующимъ; термины «право національности» и «право языка» почти всегда употребляются безъ различія, одинъ вмѣсто другого. Гернриттъ заявляетъ: «*Единственный* внѣшній призракъ, на основаніи котораго можно съ увѣренностью заключить о дѣйствительномъ существованіи цѣлаго, именуемаго народностью, есть языкъ этой народности». Отсюда слѣдуетъ, что «національность, какъ правовое понятіе, есть свойство принадлежности къ одной группѣ населенія государства, отдѣленной отъ другихъ группъ своимъ языкомъ. Право національности въ объективномъ смыслѣ есть сумма юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ права, которыя вытекаютъ изъ факта принадлежности населенія къ различнымъ, обособленнымъ въ языковомъ отношеніи группамъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что національный вопросъ съ правовой точки зрѣнія есть вопросъ о языкахъ». Гернриттъ считаетъ лишнимъ и безсмысленнымъ, что въ § XIX австрійскихъ основныхъ законовъ говорится о правѣ каждаго народа «на сохраненіе и развитіе своей *національности* и языка». Юридически понятіе національности исчерпывается языкомъ. Гернриттъ идетъ еще дальше и утверждаетъ: «Какъ только народность утратила свой общій языкъ, она въ глазахъ права больше не

является національной индивидуальностью». Приблизительно таковъ и взглядъ Шпрингера, для котораго «нація есть союзъ одинаково-мыслящихъ (?) и одинаково говорящихъ личностей». Къ «языковой» точкѣ зрѣнія иногда присоединяются даже такіе изслѣдователи, которые вообще (внѣ науки права) не считаютъ языкъ обязательнымъ признакомъ націи. Такъ Еллинекъ находитъ, что языкъ не можетъ служить прочнымъ отличительнымъ признакомъ націи, такъ какъ существуютъ разныя націи, говорящія на одномъ и томъ же языкѣ: англичане, говорящіе по англійски ирландцы и американцы, португальцы и бразильцы, датчане и норвежцы. Тѣмъ не менѣе онъ, повидимому, тоже согласенъ принять «юридическое понятіе націи, которое, означая кругъ лицъ, объединенныхъ общностью языка, тѣмъ самымъ означаетъ вытекающее отсюда свойство индивида, союзовъ» и т. д.

Односторонность взглядовъ и выводовъ Гернритта проистекаетъ, очевидно, изъ того, что онъ, говоря о правахъ національности, все время имѣетъ въ виду только національно-*гражданскія* права. Дѣйствительно, если бы весь вопросъ былъ только въ томъ, какъ урегулировать отношенія между отдѣльными гражданами и государствомъ, то, пожалуй, можно было бы сказать, что для государства національность гражданина не безразлична лишь постольку, поскольку съ нимъ приходится разговаривать на его природномъ языкѣ. И тогда эта постановка вопроса была-бы слишкомъ узкой; но совсѣмъ неудовлетворительной она оказывается при переходѣ въ область національно-автономныхъ правъ. Здѣсь, при рѣшеніи вопроса о томъ, къ какой общинѣ долженъ быть причисленъ тотъ или иной гражданинъ, съ какимъ коллективомъ онъ долженъ слиться, жить, дѣлить радость и горе,—здѣсь критерій языка совершенно непримѣнимъ.

Еллинекъ въ цитированномъ отрывкѣ перечисляетъ рядъ примѣровъ, когда разныя націи говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ. Надо еще отмѣтить, что иногда между двумя одноязычными націями существуетъ довольно яркая племенная рознь,—напримѣръ, между англичанами и говорящими по англійски ирландцами. Любопытенъ въ этомъ отношеніи примѣръ хорватовъ и сербовъ въ Кроаціи, Босніи и Далмаціи. М. Мурко, профессоръ университета въ Грацѣ, сообщаетъ объ этихъ двухъ народностяхъ слѣдующія любопытныя данныя. У нихъ общій родовой строй («задруга»), общіе обычаи, однѣ и тѣ же народныя пѣсни, «такъ что между этими двумя группами нельзя усмотрѣть и такихъ различій, какія существуютъ даже между южно-германскими католиками и протестантами». Искать тутъ какихъ-

либо антропологическихъ оттѣнковъ было бы, по остроумному выраженію одного ученаго, такъ же смѣшно, какъ искать ихъ между либералами и клерикалами. Обыкновенно считается, что сербовъ и хорватъ раздѣляютъ религія и шрифтъ: сербы—православные и пишутъ кириллицей, хорваты—католики и пишутъ латинскими буквами. Но и это не вполнѣ правильно: въ Дубровникѣ, въ Которѣ и другихъ городахъ южной Далмаціи есть католики, употребляющіе латинскій шрифтъ, и тѣмъ не менѣе съ энтузіазмомъ признающіе себя сербами. Въ столкновеніяхъ между сербами и хорватами вѣроисповѣдные лозунги не играютъ никакой роли: обѣ группы сами избѣгаютъ смѣшенія религіи съ національностью, ибо каждая старается завлечь въ свой лагерь третью группу—говорящихъ на томъ-же языкѣ мусульманъ. Наконецъ, и подданство—не признакъ: 25,5% населенія автономной Хорватіи—сербы, и это не пришельцы, а коренные граждане, дѣти и внуки подданныхъ австро-венгерскаго монарха. Драндарь тоже подтверждаетъ, что, напримѣръ, въ Босніи есть православные хорваты и католическіе сербы, а среди мусульманъ нѣкоторые считаютъ себя сербами, нѣкоторые—хорватами. Всего меньше можетъ служить критеріемъ въ этомъ случаѣ именно языкъ: сербы и хорваты говорятъ и пишутъ на одномъ и томъ же языкѣ—сербохорватскомъ. Тѣмъ не менѣе это несомнѣнно двѣ отдѣльныя народности, не только потому, что венгерская статистика (въ противоположность австрійской) исчисляетъ ихъ отдѣльно, но прежде всего потому, что ихъ раздѣльность ясно выражена въ сознаніи любого хорвата и серба, и отъ этого сознанія не властны освободиться даже тѣ, кто мечтаетъ о будущемъ югославянскомъ единствѣ. Одни представляютъ себѣ это единство, какъ превращеніе хорватъ въ сербовъ, другіе—наоборотъ, третьимъ грезится сліяніе обѣихъ вѣтвей въ общую сербо-хорватскую націю; но именно изъ этихъ плановъ ясно, что еще понадобится, такъ или иначе, сліяніе, т. е.—что *теперь* на лицо *двѣ* народности. Въ мѣстностяхъ, гдѣ хорваты и сербы перемѣшаны, они не только не сливаются, а напротивъ—обнаруживали до недавнихъ поръ интенсивный антагонизмъ, доходившій иногда до кровавыхъ массовыхъ столкновеній. Сознаніе національной розни такъ сильно, что сербы Хорватіи долго были организованы въ особую, очень вліятельную національную партію; потомъ образовалась соединенная партія подъ именемъ «хорватско-сербской коалиціи», но въ самомъ этомъ названіи явно и намѣренно подчеркнута наличныхъ *двухъ* элементовъ. Ясно, что тутъ дѣйствуетъ не языкъ, а другой раздѣляющій факторъ: національное сознаніе, осложнен-

ное посторонними моментами — споромъ о томъ, кому суждено объединить въ будущемъ юго-славянъ, Загребу или Бѣлграду. Споръ этотъ нѣсколько напоминаетъ аналогичное соперничество между Пруссіей и Австріей, приведшее къ Кениггрецу, и самъ по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ національной рознью. Но и помимо его рознь эта—или, вѣрнѣе, сознаніе національной особенности, — существуетъ даже въ моменты сербо-хорватскаго братанія, и врядъ-ли можетъ государство не считаться съ этимъ фактомъ.

Не трудно указать и на другіе случаи, когда языковая принадлежность совершенно не совпадаетъ съ національнымъ сознаніемъ. Сплошь и рядомъ встрѣчается это явленіе въ образованномъ классѣ культурно-бѣдныхъ народностей, у которыхъ еще нѣтъ или еще мало своихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній,—особенно когда такая народность является въ роли миноритарной группы. Ея интеллигенты невольно перенимаютъ языкъ господствующей народности и забываютъ свой природный—а между тѣмъ они по своему національному сознанію весьма часто тяготѣютъ именно къ родному племени. Лѣтъ 60 тому назадъ, когда только что началось чешское національное движеніе, интеллигентные чешскіе націоналисты сплошь и рядомъ не умѣли говорить по чешски; Гернриттъ причислилъ бы ихъ къ нѣмецкой народности, но это было бы абсурдомъ. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей мадьяризаціи венгерскихъ инородцевъ, Густавъ Бекшичъ, писалъ въ 1904-мъ году: «Языкъ никого не дѣлаетъ мадьяромъ... Какъ разъ румынскіе и панславистскіе агитаторы очень хорошо говорятъ по мадьярски...» Онъ могъ бы прибавить, что многіе ихъ этихъ агитаторовъ, получивъ образованіе въ мадьярскихъ школахъ, очень плохо говорятъ на своихъ природныхъ нарѣчіяхъ. Среди еврейскихъ націоналистовъ Галиціи и Царства Польскаго есть много интеллигентовъ, не умѣющихъ говорить на разговорно-еврейскомъ нарѣчіи; тѣмъ не менѣе причислить ихъ серьезно къ полякамъ или русинамъ было бы насмѣшкою надъ евреями, поляками и русинами. Въ такомъ же точно положеніи находятся въ настоящее время въ Россіи многіе изъ интеллигентныхъ украинцевъ, армянъ, литовцевъ и т. д.; одни изъ нихъ совсѣмъ не знаютъ природнаго языка, другіе знаютъ, но не онъ для нихъ является «роднымъ» въ личномъ смыслѣ слова, не на немъ они думаютъ, не на немъ говорятъ въ семьѣ; слѣдовательно Гернриттъ зачислилъ бы ихъ въ русскіе или поляки, а между тѣмъ это рѣзко противорѣчило бы ихъ національному сознанію. Вообще очень

остроумно замѣтилъ Гумпловичъ, что подобно тому, какъ любовь къ родинѣ не мѣшаетъ эмиграціи, также точно любовь къ природному языку не всегда исключаетъ фактическую ассимиляцію; слѣдовательно и наоборотъ — ассимиляція не исключаетъ сознательной любви къ природному языку. Остается рѣшить, какой изъ двухъ критеріевъ національной принадлежности важнѣе для права: языкъ или сознаніе.

Достаточно вникнуть въ содержаніе національно-автономныхъ правъ, чтобы увидѣть ясно полную несостоятельность языкового критерія. Когда человѣкъ причисленъ къ данной національной общинѣ, это значитъ, что онъ будетъ участвовать въ содержаніи ея школъ и другихъ учрежденій, въ голосованіяхъ по важнѣйшимъ вопросамъ ея бытія, словомъ, во всѣхъ ея радостныхъ и горестныхъ переживаніяхъ. Мыслимо-ли объединить въ такой общинѣ сербовъ и хорватовъ, навязать имъ общія національныя задачи, когда они сами и слышать не хотятъ ни о какой общей національности? Мыслимо ли, разумно ли зачислить въ мадьярскую національную общину румына, который ненавидитъ мадьярскую національную культуру именно за то, что его насильственно заставили жить этой культурой и оторвали отъ румынской? И въ то же время мѣстная національная румынская община должна лишиться своихъ образованнѣйшихъ соплеменниковъ, хотя они всѣмъ сердцемъ хотятъ принадлежать къ ней и дѣлить ея судьбу! Поставить эти вопросы — значитъ дать на нихъ отвѣтъ. Но даже и съ точки зрѣнія національно-гражданскихъ правъ критерій языка далеко не всегда достаточенъ. Въ понятіе гражданскихъ правъ національности входитъ не только право объясняться съ чиновникомъ и судьей на своемъ языкѣ: въ эту категорію входитъ, напримѣръ, и притязаніе на пропорціональное представительство народности въ сеймѣ или парламентѣ. Если критерій—языкъ, то сербское меньшинство въ хорватскомъ городѣ рискуетъ остаться безъ депутатовъ, хотя бы во всей странѣ вообще былъ признанъ принципъ справедливаго представительства націй. Выводъ изъ этихъ соображеній понятенъ: право стремится къ ясности отношеній и потому не можетъ принять критерія, который оставляетъ ихъ запутанность. Въ качествѣ критерія для размежеванія національныхъ группъ языкъ не годится потому, что онъ ихъ недостаточно размежевываетъ.

Къ этому надо прибавить еще одно соображеніе. Установить родной языкъ индивида легко только тамъ, гдѣ это не важно: въ чисто одноязычныхъ мѣстностяхъ. Но въ поселеніяхъ со смѣшаннымъ національнымъ составомъ, т. е. именно тамъ, гдѣ это осо-

бенно нужно,—тамъ сплошь и рядомъ крайне трудно опредѣлить языкъ индивида. Въ смѣшанныхъ областяхъ жители, особенно горожане, часто одинаково хорошо или одинаково скверно говорятъ на двухъ или даже трехъ языкахъ. Какой изъ нихъ признать «роднымъ»? На это иногда отвѣчаютъ: материнскій. Но именно въ смѣшанныхъ областяхъ часто бываютъ смѣшанные браки: мать говоритъ съ дѣтьми на одномъ языкѣ, отецъ—на другомъ, и весьма вѣроятно, что въ національномъ отношеніи, какъ и вообще во всѣхъ отношеніяхъ гражданскаго status'а, дѣти въ концѣ концовъ пойдутъ за отцомъ. Австрійская статистика приняла терминъ «обиходнаго языка»—Umgangssprache. Онъ совершенно лишенъ всякаго точнаго смысла. О какомъ обиходѣ идетъ рѣчь—о семейномъ или внѣшнемъ? Чешская семья въ Вѣнѣ пользуется въ домашнемъ обиходѣ чешскимъ языкомъ, на улицѣ—нѣмецкимъ; сербская семья въ Тріестѣ дома говоритъ по своему, на улицѣ съ посторонними людьми—по итальянски. Эта терминологія ведетъ къ курьезамъ. При переписи 1900 г. въ чисто-нѣмецкомъ судебномъ округѣ Obdach (въ Штиріи) только одинъ человѣкъ заявилъ, что его «обиходный языкъ»—словинскій. «Неужели онъ тамъ произноситъ монологи»?—остроумно замѣчаетъ по этому поводу Пфаундлеръ (авторъ работы о національныхъ отношеніяхъ въ Штиріи). Разгадка въ томъ, что каждый невольно понимаетъ вопросъ о языкѣ именно какъ вопросъ о *національномъ сознаніи.* Съ этой точки зрѣнія лучшая терминологія—русская, принятая въ переписи 1897 года: не «обиходный», не «материнскій», а «родной» или «*природный* языкъ», т. е. языкъ моей «природы», моей національной сущности. Иными словами, даже если принять за критерій языкъ, то во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ,—т. е. именно тамъ, гдѣ нуженъ критерій,—рѣшающій голосъ все таки долженъ остаться за національнымъ сознаніемъ. Разница лишь въ томъ, что это происходитъ, такъ сказать, нелегально. Остается одно: легализировать національное сознаніе въ качествѣ единственнаго юридическаго знака національной принадлежности. Вопросъ долженъ рѣшаться точно такъ же, какъ рѣшается онъ—при свободѣ вѣроисповѣданій — въ области религіозной: явной или подразумѣваемой деклараціей самого индивида. Къ этому выводу въ концѣ концовъ приходитъ и Шпрингеръ.

Этотъ взглядъ гораздо больше соотвѣтствуетъ и истинной психологіи всѣхъ національныхъ притязаній, и современному пониманію сущности націи. Дальше намъ придется еще говорить о томъ, что интересы и притязанія народности, какъ таковой, далеко не исчерпываются вопросомъ о признаніи ея природнаго

языка. Что же касается до существа націи, до того, что дѣлаетъ націю таковой, то лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ остается до сихъ поръ опредѣленіе итальянца Манчини. «Всѣ эти моменты (территорія, происхожденіе, языкъ и пр.) недостаточны, они еще не вполнѣ создаютъ національность... Они подобны косной матеріи, которая способна жить, но еще не одухотворена. Въ чемъ же заключается этотъ животворящій духъ, это божественное завершеніе существа націи, это начало ея видимаго бытія?.. Въ сознаніи національности, въ ощущеніи себя самой, придающемъ ей способность сплотиться внутри и проявиться во-внѣ... Это сознаніе есть философское cogito ergo sum въ примѣненіи къ національности»... [1]). То же повторилъ, 30 лѣтъ спустя, и Ренанъ: «Человѣкъ не можетъ быть рабомъ ни своей расы, ни своего языка, ни своей религіи, ни теченія рѣкъ, ни направленія горныхъ цѣпей; рѣшающій голосъ имѣетъ «*нравственное сознаніе, которое называется націей*» [2]).

Разъ національная принадлежность индивида установлена, остается ее оффиціально фиксировать. Сама по себѣ она есть моментъ субъективный, и мы только что отвергли замѣну ея даже такимъ соблазнительнымъ объективнымъ критеріемъ, какъ языкъ. Но послѣ того, какъ субъективный актъ присоединенія индивида къ избранной имъ народности совершился, отъ этого незримаго акта долженъ остаться видимый, объективный слѣдъ. Это необходимо, разъ національная принадлежность признана юридическимъ фактомъ, отъ котораго зависятъ тѣ или иныя права и обязанности. Каждый долженъ имѣть возможность во всякую минуту объективно доказать, что у него есть права по отношенію къ данному національному коллективу; національному коллективу надо дать возможность въ любую минуту доказать, что на данной личности лежатъ извѣстныя передъ нимъ обязанности. Для этого и Гернриттъ, и Шпрингеръ предлагаютъ самый естественный способъ: введеніе національныхъ метрическихъ книгъ. Разница между обоими авторами та, что первый, сознавая невозможность ввести національныя метрики безъ предварительнаго конституированія національныхъ группъ, какъ юридическихъ лицъ съ публичными правами, рекомендовалъ пока ограничиться палліативами, а второй прямо ставитъ требованіе какъ національной метрикаціи, такъ и публично-правовой организаціи народностей. Далѣе Гернриттъ, сообразно своему строго-языковому пониманію національности, допускаетъ переходъ изъ

---

1) «Della Narionalita come fondamento del diritto delle genti», 1851.
2) «Qu'est ce qu'une nation», 1882.

одной въ другую только при фактическомъ забвеніи прежняго языка; добровольная перемѣна національности недопустима. Правильнѣе смотритъ на дѣло Шпрингеръ: переходъ изъ одной національной принадлежности въ другую есть такое же дѣло личной *отвѣтственности* и совѣсти, какъ и перемѣна религіи; слѣдуетъ предоставить это свободному самоопредѣленію личности. Мы бы съ своей стороны внесли въ этотъ вполнѣ пріемлемый взглядъ одну поправку. Въ виду огромнаго политическаго значенія, какое имѣютъ междунаціональныя отношенія для разноплеменнаго государства, слѣдовало бы установить при перемѣнахъ національной принадлежности одно ограниченіе, которое не встрѣчаетъ аналогіи въ обычной процедурѣ перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое: надо обусловить принятіе неофита въ новую національность согласіемъ одной изъ ея организованныхъ общинъ. Съ этой оговоркой принципъ національной метрикаціи надо признать вполнѣ цѣлесообразнымъ. Даже въ Россіи, гдѣ о *правахъ* національности еще пока и рѣчи нѣтъ, введеніе отмѣтки о національности въ метрическихъ свидѣтельствахъ стало необходимостью съ момента изданія избирательнаго закона 3-го іюля 1907 года и закона о земствѣ въ 6 западныхъ губерніяхъ. Какъ бы мы ни относились къ принципу національныхъ курій, но разъ онъ принятъ, необходимо установить объективный критерій для сужденія о томъ, къ какой національности дѣйствительно причисляетъ себя тотъ или иной избиратель. Нельзя считать нормальнымъ порядокъ, при которомъ распредѣленіе избирателей по національностямъ зависитъ отъ усмотрѣнія администраціи. Еще болѣе необходимо такое нововведеніе въ Австріи, съ ея развитыми и сложными междунаціональными отношеніями, особенно послѣ того, какъ уже сдѣланъ первый шагъ—введенъ въ Моравіи и Буковинѣ (а также въ Босніи-Герцеговинѣ) такъ называемый національный кадастръ, т. е. составленіе отдѣльныхъ избирательныхъ списковъ для каждой изъ національностей даннаго избирательнаго округа (при чемъ въ основу распредѣленія избирателей по національностямъ положенъ, хотя съ нѣкоторыми стѣсненіями, принципъ личной деклараціи). Но второй шагъ пока еще не слѣдуетъ за первымъ. Кажется, единственная страна, гдѣ сдѣлана попытка ввести нѣчто въ родѣ національной метрикаціи—это Турція. Турецкая палата года полтора тому назадъ приняла постановленіе, въ силу котораго, въ паспортахъ оттоманскихъ гражданъ, наряду съ вѣроисповѣданіемъ, должна быть отмѣчаема и національность.

Вл. Жаботинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МУЛТАНСКОМЪ ДѢЛѢ.

Выступленіе В. Г. Короленка, вмѣстѣ съ другими писателями нашими, съ энергичнымъ протестомъ противъ дикаго обвиненія евреевъ въ ритуальныхъ убійствахъ, упорно повторяемаго истинно-русскими погромщиками по поводу убійства мальчика Ющинскаго, заставило меня вспомнить о другомъ дѣлѣ, въ которомъ тоже обвинялась цѣлая народность въ человѣческомъ жертвоприношеніи, и въ которомъ огромное значеніе имѣла энергичная защита В. Г. Короленка.

Я говорю о Мултанскомъ дѣлѣ. Оно теперь заслонено крупными событіями послѣднихъ лѣтъ. Послѣ него на Руси совершилось такое множество другихъ, еще болѣе мрачныхъ и возмутительныхъ дѣлъ, что о Мултанскомъ дѣлѣ, повидимому, не стоитъ и вспоминать. Что значатъ всѣ полицейскія пытки и истязанія, которымъ подвергались несчастные вотяки, когда даже смертная казнь стала «бытовымъ явленіемъ»?

Но развѣ можно забыть, что не въ «смутное», а въ самое тихое и мирное время, и не «исключительный», а самый нормальный коронный русскій судъ, на основаніи лишь темныхъ предразсудковъ и сплетенъ, безъ единаго достовѣрнаго факта, вопреки мнѣнію ученыхъ, упорно взводилъ ужасное обвиненіе на цѣлую народность—обвиненіе въ человѣческомъ жертвоприношеніи съ религіозною цѣлью? Развѣ можно забыть, что это обвиненіе падало на совершенно невинныхъ людей, которыхъ «нормальный» судъ томилъ годами въ тюрьмѣ, гдѣ многіе успѣли умереть, не дождавшись окончанія дѣла?

И если коронному суду не удалось въ третій разъ добиться окончательнаго обвинительнаго приговора, если невинные люди

вышли изъ суда вполнѣ оправданными, то это произошло уже не по волѣ короннаго суда, сдѣлавшаго все, что только возможно,—и даже многое, казавшееся невозможнымъ—для обвиненія. Своимъ спасеніемъ вотяки были обязаны только свѣту гласности, усиліямъ защиты и справедливости суда присяжныхъ.

Въ первый разъ Мултанское дѣло разсматривалось временнымъ отдѣленіемъ сарапульскаго окружнаго суда въ г. Малмыжѣ, Вятской губерніи, 10 и 11 декабря 1894 г. Я жилъ тогда въ этомъ же городѣ, но не могъ быть самъ на судѣ вслѣдствіе болѣзни. Только на другой день послѣ обвинительнаго приговора я отправился, глухимъ вечеромъ, къ своему другу О. М. Жирнову, который былъ въ судѣ и отъ котораго я хотѣлъ узнать подробности дѣла. Глухо и мертвенно бываетъ въ такихъ городкахъ въ эту пору. Шаги гулко отдаются по пустыннымъ, засыпаннымъ глубокимъ снѣгомъ, улицамъ. Неуклюжіе, темные дома какъ будто притаились и подозрительно смотрятъ своими черными окнами на прохожаго, который осмѣливается нарушать окружающій, тяжелый и сонный, покой. И только яркой звѣздочкой поблескивалъ и манилъ къ себѣ огонекъ въ квартирѣ Жирнова.

Безъ такихъ огоньковъ, хотя изрѣдка мерцающихъ тепло и ласково тутъ и тамъ, жить въ нашихъ угрюмыхъ захолустьяхъ было бы слишкомъ тяжело, быть можетъ невыносимо, особенно для тѣхъ, кто случайно очутился тамъ и не погрязъ еще въ тинѣ обывательщины. Такіе огоньки хотя сколько-нибудь нарушаютъ окружающую безпросвѣтную тьму, нарушаютъ безмолвный, покорный и робкій захолустный трепетъ и безотвѣтное смиреніе, тревожатъ самодовольный покой мѣстныхъ «воротилъ». Отъ такихъ огоньковъ, объединяющихъ и согрѣвающихъ въ холодномъ, мертвенномъ пустырѣ захолустья все, что поживѣе, и вылетаютъ тревожныя и ненавистныя для многихъ искры—газетныя корреспонденціи, выносящія на показъ то одинъ, то другой мрачный штрихъ мѣстной жизни, грязненькій подвигъ какого-нибудь всемогущаго мѣстнаго насильника, который думалъ, что его дѣянія такъ и потонутъ, безслѣдно и безнаказанно, среди окружающаго робкаго безмолвія...

И думая объ этомъ, я уже представлялъ себѣ, какъ тонкій золотой лучъ, который тянулся отъ того огонька къ моимъ глазамъ, протянется дальше, перекинется черезъ безгласныя, покорно-унылыя поля, въ далекій, большой, шумный городъ, тамъ ляжетъ на газетный листъ—и вынесетъ Мултанское дѣло на судъ общества. Окружающій мракъ мнѣ казался уже не столь безнадежнымъ. «Мы еще поборемся»,—думалъ я.

Окруженный облаками табачнаго дыма, со своей неразлучной трубочкой, мой пріятель строчилъ уже усердно судебный отчетъ.
—Жаль, что вы не были. На судѣ творилось Богъ знаетъ что—такъ встрѣтилъ онъ меня. — Не соблюдалось даже простое приличіе. На защитника чуть не кричали. Его прерывалъ не только предсѣдатель, но и товарищъ прокурора. Предсѣдатель дважды устанавливалъ невѣрныя данныя. Свидѣтели защиты не были допущены. Защитнику разрѣшили допрашивать свидѣтелей только по тѣмъ обстоятельствамъ, для удостовѣренія которыхъ они были вызваны. Впрочемъ и защитникъ (сарапульскій частный повѣренный) оказался плохо подготовленнымъ. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что обвиняемые обратились къ нему слишкомъ поздно. Словомъ, получилось сплошное возмутительное безобразіе, и бѣдныхъ вотяковъ закатали въ каторгу. Сущность всего дѣла, тѣ пріемы, какъ оно создавалось и велось, были намъ уже извѣстны и понятны. Мы не сомнѣвались въ полнѣйшей невинности вотяковъ, которые являлись дѣйствительной «жертвой» въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ. Оно захватило насъ цѣликомъ, и мы, возмущенные и потрясенные, рѣшили во что бы то ни стало перенести это дѣло въ печать, освѣтить его возможно ярче, полнѣе, чтобы ясно показать его подкладку. Но въ этомъ дѣлѣ все складывалось сначала какъ-то несчастливо. Только что мы послали въ казанскій «Волжскій Вѣстникъ» телеграмму о томъ, что въ скоромъ времени въ газету будетъ доставленъ отчетъ о Мултанскомъ дѣлѣ, какъ тамъ появилась статья нѣкоего Б., написанная, на основаніи одного только обвинительнаго акта, хлестко, со всѣми обычными фельетонными украшеніями. Авторъ категорически заявлялъ, что фактъ человѣческаго жертвоприношенія мултанскими вотяками «не вызываетъ сомнѣнія въ своей подлинности» и что «теряешься въ недоумѣніи, которой изъ кровавыхъ подробностей этого единственнаго въ нашъ вѣкъ, вѣкъ гуманности и прогресса, преступленія обязанъ охватывающему чувству ужаса и омерзенія». И все кончалось возгласомъ: «Итакъ, актъ общественнаго правосудія совершился». Статья эта возмутила насъ до глубины души. Мы сознавали, что масса читателей увидитъ въ ней лишь новое и окончательное подтвержденіе ужаснаго предразсудка, жертвой котораго стали мултанскіе вотяки. Мы знали, что эту статейку сейчасъ же подхватятъ другія газеты, какъ первое, свѣжее извѣстіе о сенсаціонномъ дѣлѣ. Мы послали въ редакцію «Вол. Вѣстника» письмо, въ которомъ предупреждали читателей, чтобы они не спѣшили дѣлать заключенія до появленія основательнаго судебнаго отчета. Но газета,—бывшая

нѣкогда самымъ лучшимъ поволжскимъ органомъ, подъ редакціей покойнаго проф. Н. П. Загоскина,—въ то время была руководима лицомъ мало чуткимъ въ общественномъ смыслѣ и клонилась уже къ упадку. Наше письмо не было въ ней помѣщено. Я напечаталъ предостерегающее письмо въ «Казанскомъ Телеграфѣ». Но статья г. Б. была уже подхвачена цѣлымъ рядомъ провинціальныхъ и столичныхъ изданій, въ которыхъ о человѣческомъ жертвоприношеніи въ Мултанѣ говорилось какъ о фактѣ несомнѣнномъ. Появились въ такомъ же духѣ замѣтки и въ нѣкоторыхъ журналахъ. Тогда я рѣшилъ разослать во всѣ наиболѣе видные журналы и газеты прекрасно составленный Жирновымъ отчетъ о дѣлѣ, появившійся въ «Казанскомъ Телеграфѣ». На основаніи отчета и тѣхъ свѣдѣній, какія у насъ имѣлись, я доказывалъ, что противъ вотяковъ нѣтъ рѣшительно никакихъ уликъ, что все дѣло основано на слухахъ, создано полицейскими пытками и истязаніями. Я ссылался на слова извѣстнаго этнографа П. М. Богаевскаго: «Хотя самый фактъ убійства въ Мултанѣ нищаго съ какою-то суевѣрной цѣлью не подлежитъ сомнѣнію, но объясненіе обстоятельствъ самаго преступленія было дано несогласное съ имѣющимися въ наукѣ данными по этому вопросу» (докладъ 20 февраля 1895 г. въ засѣданіи моск. имп. о-ва любит. естествоз., антроп. и этнографіи).

Покойный С. Н. Южаковъ обратилъ вниманіе на присланный мною матеріалъ и въ 6-й книгѣ «Русскаго Богатства» за 1895 г. выразилъ убѣжденіе въ несостоятельности данныхъ, на которыхъ основывалось обвиненіе. «А между тѣмъ,—говорилъ онъ,—помимо чувства справедливости по отношенію къ подсудимымъ, здѣсь затронуто чувство справедливости къ цѣлой народности. Создается прецедентъ, несомнѣнно возбуждающій враждебныя чувс.ва къ вотякамъ въ мѣстномъ населеніи». С. Н. Южаковъ сравнивалъ это дѣло съ обвиненіемъ евреевъ въ употребленіи христіанской крови и кончалъ такъ: «допустивъ еще недоказанное существованіе среди вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній, мы можемъ вызвать цѣлый рядъ вполнѣ несправедливыхъ обвиненій и вселить племенную вражду. Нужно, крайне нужно для спокойствія и для справедливости того далекаго края нелицепріятное разслѣдованіе науки. Снаряженіе для этого спеціальной научной экспедиціи—дѣло настоятельное».

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Проходя по пѣшеходной тропѣ, соединяющей деревни Аныкъ

и Чулью, крестьянская дѣвочка Марфа Головизнина, около полудня 5 мая 1892 г., увидѣла лежащаго поперекъ тропы человѣка. Она не замѣтила, живъ ли онъ или мертвъ, такъ какъ онъ былъ покрытъ азямомъ. Возвращаясь на другой день по этой же тропѣ, дѣвочка ясно увидѣла, что у человѣка, лежащаго на тропѣ, нѣтъ головы; азямъ съ мертваго былъ кѣмъ то откинутъ. Дѣвочка разсказала объ этомъ въ Чульѣ. Кто первый явился къ трупу—неизвѣстно. Когда же 7 мая прибылъ урядникъ, то онъ нашелъ, что кругомъ слѣды затоптаны совершенно; какіе то «русскіе» искали, будто бы, голову, а азямъ оказался уже «задѣланнымъ между лямками котомки». 9-го мая прибывшій приставъ свидѣтельствуетъ, что трупъ былъ уже одѣтъ въ азямъ и за плечами была котомка. Въ первомъ донесеніи слѣдователю приставъ писалъ, что имъ была замѣчена впереди трупа на щепкахъ кровь. Но потомъ онъ о щепкахъ уже ничего не говорилъ, и когда понятые-вотяки стали приносить изъ разныхъ мѣстъ окровавленныя щепки, указывающія на кровавый слѣдъ по направленію къ русскому селенію Аныку, то приставъ просто уничтожалъ эти вещественныя доказательства, даже не занося о нихъ въ протоколъ.

Нѣкоторые свидѣтели показывали, что въ ночь на 5 мая, когда было совершено, будто бы, жертвоприношеніе, они видѣли нищаго Матюнина не въ Мултанѣ, а въ русской деревнѣ Копкахъ, гдѣ онъ ночевалъ у крестьянина Санникова. 5 мая утромъ его видѣли тоже въ русской деревнѣ Кузнеркѣ, послѣ чего въ полдень дѣвочка видѣла его уже лежащимъ на тропѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что покойный страдалъ падучей. Наконецъ, одинъ изъ русскихъ, мельникъ Фома Щербаковъ, очевидно, что то знавшій, открыто кричалъ, что это «дѣло русскихъ»...

Замѣчательно, что какъ дѣвочка не замѣтила сначала отсутствія у трупа головы, такъ и приставъ, при первомъ осмотрѣ, не замѣтилъ отсутствія внутренностей, которыхъ потомъ не оказалось. Онъ видѣлъ массу запекшейся крови, хотя если бы внутренности тогда были уже вынуты, то «массы запекшейся крови» тамъ не могло остаться и самое отверстіе было бы такъ широко (какимъ оно и оказалось впослѣдствіи), что не замѣтить этого было бы невозможно. И вотъ, по одному отсутствію головы и по указанію русскихъ крестьянъ, что это «дѣло вотяковъ», приставъ уничтожаетъ окровавленныя щепки, найденныя по дорогѣ въ Аныкъ, не обращаетъ вниманія на крики Фомы Щербакова, что это дѣло русскихъ, и все свое дознаніе сосредоточиваетъ исключительно въ с. Мултанѣ. Предвзятая мысль,

что нищаго «замолили» вотяки, вела къ отысканію доказательствъ виновности вотяковъ даже въ самыхъ невинныхъ предметахъ. Такъ, напр., въ шалашѣ Моисея Дмитріева, гдѣ, будто бы, былъ замоленъ Матюнинъ, земляной полъ оказался сырымъ. Въ этомъ было усмотрѣно доказательство тому, что смывали кровь. Анализъ, произведенный потомъ, показалъ, что слѣдовъ крови тамъ не было, сырость же, по объясненію хозяина, произошла отъ растаявшаго снѣга, попавшаго въ дыру на крышѣ шалаша. У М. Дмитріева было найдено корыто со слѣдами крови; кровавыя пятна оказались на порогѣ и одеждѣ Кузьмы Самсонова. Но Самсоновъ—профессіональный мясникъ, а потому присутствіе слѣдовъ крови на его одеждѣ вполнѣ понятно. Деревянное же корыто является непремѣнной принадлежностью кухни всякаго вотяка; въ немъ вотяки держатъ и рубятъ мясо и т. п. Слѣды крови на корытѣ М. Дмитріевъ и объяснилъ тѣмъ, что держалъ въ немъ солонину. Но приставъ, а затѣмъ и слѣдственная и обвинительная власти, почему-то рѣшили, что это должна быть человѣческая кровь. И тѣмъ не менѣе эти вещественныя доказательства были отосланы въ медицинскій департаментъ только спустя 4 мѣсяца. Департаментъ нашелъ, что «рѣшеніе вопроса, принадлежитъ ли кровь человѣку, невозможно, такъ какъ кровяные шарики уже значительно измѣнились». Точно также писалъ департаментъ и о пятнахъ на пологѣ. На корытѣ оказались чьи-то волосы. Департаментъ нашелъ, что такіе волосы «встрѣчаются у нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, напр. у овецъ», но отличаются отъ человѣческихъ «большимъ развитіемъ клѣточныхъ элементовъ слоя кожицы». Волоса покрупнѣе, найденные тамъ же, «ничѣмъ существеннымъ» не отличаются отъ волосъ человѣческихъ. Нужно замѣтить, что у департамента не было волосъ убитаго, а вятское врачебное отдѣленіе, которое производило изслѣдованіе 102 волосъ, найденныхъ въ шалашѣ М. Дмитріева, дало заключеніе, что «между волосами, найденными въ шалашѣ Моисея Дмитріева, находятся 5 волосковъ человѣческихъ, но не отъ Матюнина».

Самое вскрытіе тѣла Матюнина было произведено уѣзднымъ врачемъ М. спустя мѣсяцъ послѣ обнаруженія трупа. Оказалось, что за это время трупъ, хранившійся по случаю теплаго времени въ землѣ, подвергался многочисленнымъ манипуляціямъ: его вытаскивали, очищали отъ земли и т. д. И когда явился врачъ, то внутренностей, отсутствія которыхъ не замѣтилъ приставъ, производя осмотръ трупа, уже не оказалось. Вмѣсто «массы запекшейся крови» въ отрѣзѣ шеи оказалось, что

«сверху, со стороны шеи продѣлано большое отверстіе въ грудную полость».

Пріѣхавъ на вскрытіе лишь 4 іюня, вслѣдствіе отношенія судебнаго слѣдователя отъ 29 мая, уѣздный врачъ—одинъ изъ членовъ тѣснаго судебно-полицейскаго кружка, связанный съ этимъ кружкомъ и служебными, и дружескими отношеніями,—подошелъ къ трупу убитаго уже съ готовымъ взглядомъ на дѣло, совершенно соотвѣтствовавшимъ тому направленію, которое дала слѣдственная власть.

«Вотяки, не смотря на свою принадлежность къ православію, продолжаютъ открыто совершать... языческія моленія съ принесеніемъ въ жертву животныхъ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ и человѣка, какъ это видно изъ показаній свидѣтеля К».—такъ сразу начинаетъ врачъ М. свой протоколъ судебно-медицинскаго свидѣтельства. «Для этихъ жертвъ требуются голова и внутренности животнаго... Во дворѣ Моисея Дмитріева, около двора котораго отдыхалъ нищій, найдено корыто, въ которое при моленіи вотяки сливаютъ кровь жертвы. Кровь оказалась еще на порогѣ... Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, приводятъ къ заключенію, что убійство нищаго совершено съ цѣлью принесенія человѣческой жертвы языческому божеству вотяковъ». Перечисливъ поврежденія трупа, отсутствіе внутренностей и пр., врачъ и дальше старается согласовать картину жертвоприношенія, ему внушенную, съ состояніемъ трупа. «При жертвоприношеніи, *говорятъ*, дѣлаютъ уколы, съ цѣлью обезкровливанія, въ нижнюю часть живота». И врачъ находитъ на нижней части живота «буроватыя пятнышки, какъ бы обожженныя; по соскабливаніи кожицы, они дымчатаго цвѣта, величиною отъ горошины до лѣсного орѣха, числомъ около 10». «Говорятъ», что при обезкровливаніи жертву подвѣшиваютъ за ноги,—и врачъ М. отмѣчаетъ, что «при разрѣзѣ мягкихъ частей на обѣихъ голеняхъ, спереди и сзади, найдены кровоподтеки въ видѣ небольшихъ кровяныхъ свертковъ; на нижнихъ третяхъ голеней у ладыжекъ на разрѣзахъ выступаетъ блѣдно красноватая жидкость, при чемъ мягкія части представляются какъ бы отечными». Дѣло ясно: «поврежденія на голеняхъ могли произойти въ предсмертной борьбѣ съ убійцами, а можетъ быть отъ подвѣшиванія за ноги во время убійства съ цѣлью обезкровить трупъ, если бы къ этому случилась надобность, какъ напр., при жертвоприношеніяхъ вотскихъ». Судебно-полицейскій гипнозъ былъ такъ силенъ, что врачъ не сообразилъ даже того, что если бы нищаго подвѣшивали, то отекли бы стопы, а не голени. На это М. и самъ потомъ указывалъ,

отрекаясь, на второмъ разбирательствѣ дѣла, отъ своего прежняго мнѣнія.

Что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто именно человѣческое жертвоприношеніе, для обвинительной власти было ясно и изъ показанія нѣкоего К. и урядника С., которые когда-то и отъ кого-то слышали, что вотяки приносятъ, лѣтъ черезъ сорокъ и менѣе, человѣческія жертвы, при чемъ К. повѣдалъ и о вотскихъ богахъ: зломъ богѣ Курбонѣ, веселыхъ Аптасѣ и Чупканѣ, а кромѣ того—о Сатанъ-чертѣ. Первые три бога и были названы въ обвинительномъ актѣ, какъ потребовавшіе отъ вотяковъ жертвы. Четвертаго, «Сатанъ-черта», товарищъ прокурора почему-то постѣснялся помѣстить въ обвинительный актъ,—можетъ быть въ виду того, что имя этого бога звучало уже слишкомъ по-русски.

Итакъ, были найдены и боги, которымъ была принесена человѣческая жертва. Оставалось лишь найти, кто совершилъ жертвоприношеніе. Съ этою цѣлью надъ Мултаномъ былъ установленъ неослабный полицейскій надзоръ, при чемъ нѣкоторые урядники подолгу жили въ этомъ селѣ, собирая всякіе слухи и сплетни. Нѣкто Щ. вспоминаетъ, напр., что встрѣтилъ семь мѣсяцевъ тому назадъ М. Дмитріева, который везъ что-то, покрытое пологомъ, и сказалъ, что это просо на мельницу—а самъ на мельницу не поѣхалъ. При этомъ, подъ вліяніемъ полицейскаго внушенія, Щ., спустя болѣе полугода, вспоминаетъ, что при встрѣчѣ М. Дмитріевъ «ровно покраснѣлъ». Ясно, что М. Дмитріевъ вывозилъ убитаго.

А. разсказываетъ односельцамъ сонъ, въ которомъ онъ видѣлъ, что «нужно молить какое-то двуногое животное»,—утку, гуся или т. п.,—«кыкъ пыдесъ ванданы куле». Эта фраза переводится: нужно молить человѣка. Улика опять готова.

Павелъ К., русскій, приходитъ пьяный, въ избу, гдѣ пируютъ вотяки и говоритъ: «Не голову ли варите?» Понятно, что вотяки и такъ много уже перенесшіе изъ-за этого дѣла, поколотили его и выгнали вонъ. К. продолжалъ бушевать на улицѣ и кричалъ: «Всѣ вы головорѣзы». Опять улика, хотя самъ К. и не вызывался на судъ для объясненія своихъ криковъ.

Поссорились двѣ бабы, при чемъ одна вышибла стекла у другой. Не зная, чѣмъ сильнѣе уязвить обидчицу, потерпѣвшая кричитъ: «Кузька рѣзалъ, Васька голову держалъ». И это подбирается полиціей и вносится въ обвинительный актъ. Но ни та, ни другая баба въ судъ не вызываются и даже не опрашиваются для объясненія смысла этой фразы.

Идутъ будто бы, двое, русскій и вотякъ, и говорятъ от-

крыто, громко, такъ что ихъ слышалъ нѣкто Кож., шедшій имъ на встрѣчу. Русскій, будто бы, спросилъ: «Хорошо сдѣлали, да концовъ не спрятали. Развѣ законъ не позволяетъ?» Вотякъ, будто бы, отвѣтилъ, что «законъ не позволяетъ».

Что на самомъ дѣлѣ говорили вотякъ и русскій, судъ такъ и не узналъ, такъ какъ они не были ни опрошены, ни вызваны въ судъ. А между тѣмъ разговоръ этотъ былъ истолкованъ обвинительной властью въ томъ смыслѣ, что вотскій законъ не позволяетъ хоронить принесеннаго въ жертву человѣка, почему трупъ его и выбрасывается на дорогу. Переводъ, очевидно, очень вольный, вѣрнѣе—совершенно произвольный.

Или привозитъ Кузьма С. сѣмя нѣкоему Ст. и, улыбаясь, говоритъ: «а нищаго-то я рѣзалъ». Новая «улика».

Стоитъ у лавки съ возомъ Николай С., а урядникъ отпускаетъ «милую шутку»: «Не опять ли нищаго везете?» Вотякъ откликается такой же шуткой: «Будетъ, одного уже увезли». Эта шутка тоже сейчасъ подхватывается, какъ совершенно ясная улика, при чемъ самъ вотякъ даже не допрашивается.

Мы нарочно привели всѣ «улики», какія только могла собрать обвинительная власть почти за цѣлые полтора года, при самомъ неусыпномъ стараніи многочисленной полицейской рати и слѣдственной власти. Слѣдствіе разваливалось. Тогда вступаетъ въ дѣло другой приставъ, Ш.

Онъ производитъ, нарушая законъ, самовольный передопросъ свидѣтелей. Находитъ въ шалашѣ, уже черезъ 15 мѣсяцевъ, одинъ сѣдой волосъ, неизвѣстно при какихъ обстоятельствахъ, такъ какъ объ этомъ не было составлено протокола. Волосъ этотъ видѣлъ, будто бы, одинъ только свидѣтель, М., самый дѣятельный помощникъ полиціи, имѣвшій въ прошломъ очень непріятные для него счеты съ мултанскими вотяками. Но на судѣ этотъ волосъ исчезъ такъ же таинственно, какъ и появился.

Благодаря «энергичнымъ» дѣйствіямъ «талантливаго сыщика», какъ охарактеризовалъ Ш—а товарищъ прокурора, мальчикъ Костя вспоминаетъ, черезъ 15 мѣсяцевъ, точный день и число, когда Матюнина вели въ шалашъ. Михаилъ Т. прямо показываетъ, что Матюнинъ убитъ именно въ шалашѣ Моисея Дмитріева, показываетъ, кто отнесъ голову убитаго. Впослѣдствіи оба эти свидѣтеля отказались отъ своихъ показаній, заявивъ, что они были ими даны, чтобы избавиться отъ невыносимыхъ пытокъ, которымъ ихъ подвергалъ Ш.

Многократно посѣщая тюремный замокъ, приставъ откры-

ваетъ тамъ самаго важнаго свидѣтеля—каторжника Г. Этому каторжнику, будто бы, открылся во всемъ къ тому времени уже умершій въ тюрьмѣ Моисей Дмитріевъ. Съ этимъ каторжникомъ приставъ хорошо былъ знакомъ и раньше, такъ какъ Г. оказалъ ему услугу въ какомъ-то дѣлѣ.

После нѣсколькихъ посѣщеній тюрьмы приставомъ Ш., Г. сдѣлалъ заявленіе о сознаніи, сдѣланномъ ему Моисеемъ Дмитріевымъ, сознаніи вполнѣ совпадающемъ съ содержаніемъ обвинительнаго акта. Въ актѣ говорится о подкалываніи въ нижнюю часть живота—и Г. говоритъ о проколахъ, хотя всѣ эксперты признали потомъ, что пятнышки на животѣ убитаго не могли быть отъ уколовъ, а являлись слѣдами сыпи или чего-нибудь подобнаго. Куда дѣвалась голова Матюнина, Моисей не сказалъ Г. Почему? Вѣдь это особенно важно. Но вѣдь объ этомъ не знали и обвинители. Моисей говорилъ, будто бы, о двухъ дорогахъ, которыя расходятся отъ Мултана. Однако, тутъ Г. далъ, какъ говорится, маху: о двухъ дорогахъ говорится только въ обвинительномъ актѣ, на основаніи плана, *ошибочно* снятаго зимой лѣсничимъ Львовскимъ, на самомъ же дѣлѣ отъ Мултана расходятся *не двѣ* дороги, *а три*.

Не смотря на всю курьезность такихъ этнографовъ, какъ невѣжественный К. и урядникъ С., не смотря на всю шаткость «уликъ», собранныхъ Ш. вкупѣ съ каторжникомъ Г., товарищъ прокурора смѣло приступилъ къ обвиненію вотяковъ, опираясь на темный предразсудокъ, на толки и слухи. Такими слухами, — какъ писалъ потомъ В. Г. Короленко, — были «полны и инквизиціонныя хроники среднихъ вѣковъ, когда жгли иновѣрцевъ за колдовство и чары, когда въ атмосферѣ темныхъ предразсудковъ бродили мрачные призраки... Развѣ тогда не было старцевъ, видѣвшихъ своими глазами, какъ вѣдьмы летаютъ въ ступахъ на Брокенъ. Да, были и тогда очевидцы невѣроятнаго, какъ и теперь:

Это видѣли два стража,
Баба, шедшая на рынокъ,
Да причетникъ каѳедральный,
Возвращавшійся съ поминокъ»...

Позволю себѣ небольшое отступленіе: напомню о замѣчательномъ Тисса-Эсларскомъ процессѣ, происходившемъ въ Венгріи въ 1883 г.

Человѣконенавистническій антисемитизмъ упорно пытается

создавать фантастическія дѣла о ритуальныхъ убійствахъ, совершаемыхъ, будто бы, евреями. Въ Тисса-Эсларскомъ дѣлѣ евреи обвинялись въ убійствѣ дѣвочки съ религіозною цѣлью. Дѣло это, по слѣдственнымъ порядкамъ, аналогично съ Мултанскимъ. И тутъ, и тамъ слѣдователь, основываясь на невѣжественномъ предразсудкѣ толпы, съ самаго начала является обвинителемъ и отметаетъ все, что клонится къ выясненію истины и къ оправданію обвиняемыхъ. Эксперты-врачи и тамъ рѣзко разошлись во мнѣніяхъ по поводу вскрытія найденнаго трупа. И тамъ дѣятельной помощницей слѣдственной власти являлась полиція, которая тоже прибѣгала ко всякаго рода насиліямъ и такимъ путемъ достигла того, что малолѣтній Морицъ (въ Мултанѣ—Костя) показывалъ даже противъ своего отца. И тамъ однимъ изъ главныхъ «свидѣтелей» выступалъ каторжникъ Печели. Но на слѣдственныхъ порядкахъ сходство этихъ дѣлъ и прекращается. Судъ надъ Мултанскими вотяками запрещаетъ защитнику вотяковъ выяснять полицейскіе «способы дознанія», товарищъ прокурора горой стоитъ за полицію (хотя урядникъ Ж. былъ уже подъ судомъ за истязанія и жестокости по другому дѣлу, а приставъ Ш. былъ потомъ освобожденъ отъ суда за свои подвиги въ Мултанскомъ дѣлѣ лишь за силою двухъ милостивыхъ манифестовъ). Въ Тисса-Эсларскомъ дѣлѣ прокуроръ возбудилъ процессъ противъ слѣдователя Бари и его помощниковъ и не только отказался отъ обвиненія несчастныхъ евреевъ, но произнесъ глубоко-гуманную рѣчь. «Не безъ радости—сказалъ онъ—я отказываюсь отъ обвиненія подсудимыхъ. Если мы устранили мысль объ убійствѣ съ религіозною цѣлью, составляющемъ нелѣпое исчадіе средневѣковаго суевѣрія и безсмысленный предметъ дѣтскихъ сказокъ, то пусть по крайней мѣрѣ въ Венгріи прекратится преступная агитація по поводу этой легенды и пусть умолкнетъ низкая клевета. По закону мудраго короля: quae non sunt, nulla fiat mentio (чего нѣтъ, о томъ нечего и говорить). Да, nulla fiat mentio о религіозномъ убійствѣ. Во имя нашего правосудія я пламенно протестую противъ гипотезы, что въ нашемъ судѣ существуетъ подобное суевѣріе. Исторія человѣческихъ заблужденій получила новый фактъ: тисса-эсларскую аферу, о появленіи которой я, въ интересахъ добраго имени нашего отечественнаго правосудія, глубоко сожалѣю. Мнѣ хотѣлось бы вырвать изъ исторіи страницу, относящуюся къ тисса-эсларской аферѣ. По моему глубокому убѣжденію, всѣ подсудимые ни въ чемъ невиноваты, и потому я предлагаю ихъ оправдать».

А товарищъ прокурора Р. началъ свою обвинительную рѣчь противъ вотяковъ въ Малмыжѣ слѣдующими словами: «Извѣстно, господа, что евреи часто убиваютъ дѣтей, на крови которыхъ приготовляютъ пасхальные опрѣсноки».

И русскій судъ вписалъ въ свою исторію печальную страницу...

Сенатъ иначе взглянулъ на дѣло и, по жалобѣ защитника, постановилъ слѣдующее рѣшеніе: Ст. 630 Уст. угол. судопроизводства была нарушена, во-1-хъ, тѣмъ, что защита была стѣснена при допросѣ свидѣтеля П., такъ какъ защитѣ было предложено допрашивать этого свидѣтеля не по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, а только по тѣмъ, для удостовѣренія которыхъ свидѣтель былъ вызванъ; во-2-хъ, тѣмъ, что защитникъ былъ лишенъ права предъявить присяжнымъ засѣдателямъ, во время судебнаго слѣдствія, тѣ указанія и разъясненія, какія онъ считалъ нужнымъ сдѣлать по поводу вещественныхъ доказательствъ, ибо защитнику было предложено сдѣлать это во время преній сторонъ; въ-3-хъ, тѣмъ, что просьба защитника о разъясненіи присяжнымъ вопроса, откуда взяты были пріобщенные къ дѣлу сѣдые волосы, осталась безъ удовлетворенія. Между тѣмъ, разъясненіе вопроса о значеніи волосъ было особенно важно въ виду того, что волосы были находимы при обыскахъ въ разное время, и притомъ весьма отдаленное отъ дня смерти Матюнина. Нарушеніе 718 ст. Уст. угол. судопроиз. заключалось въ томъ, что многіе свидѣтели давали на судѣ показанія свои по слухамъ. Допущеніе этого нарушенія, признаваемаго правительствующимъ сенатомъ существеннымъ, подтверждается также и сущностью показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, записанныхъ въ обвинительный актъ. Не опровергается указаніе защитника на то, что не всегда предсѣдательствовавшій въ судѣ руководилъ засѣданіемъ по дѣлу и что неоднократно товарищъ прокурора прерывалъ защитника при допросѣ свидѣтелей и при представленіи объясненій присяжнымъ засѣдателямъ. Между тѣмъ настоящее дѣло требовало, чтобы со стороны предсѣдателя были приняты всѣ мѣры для возможнаго разъясненія дѣла и для правильнаго и спокойнаго разрѣшенія его, такъ какъ нельзя не признать, что и въ обвинительномъ актѣ не было ясно и точно установлено самое существованіе между вотяками человѣческихъ жертвоприношеній и не были указаны съ достаточной полнотой фактическія основанія для обвиненія каждаго изъ 11 подсудимыхъ въ тяжкомъ, влекущемъ за собою

уголовное наказаніе, преступленіи. Въ виду вышеизложеннаго прав. сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ окружнаго суда отмѣнить, предписавъ суду разсмотрѣть дѣло вновь въ другомъ составѣ присутствія, въ другомъ, ближайшемъ отъ мѣста нахожденія подсудимыхъ и свидѣтелей городѣ, напримѣръ, въ Елабугѣ».

Послѣ этого мы вздохнули съ облегченіемъ. Намъ казалось, что первый, самый тяжкій этапъ Мултанскаго дѣла пройденъ. Мы не сомнѣвались, что судъ приметъ во вниманіе всѣ указанія сената, вызоветъ свидѣтелей защиты, дастъ ей свободно выяснить сущность явно-нелѣпаго, возмутительнаго дѣла. А мы только этого и добивались. Правда, вотяки, совершенно невинные люди, уже отсидѣли по три года въ тюрьмѣ, были измучены, раззорены, нѣкоторые успѣли уже умереть за тюремной рѣшеткой. Но что дѣлать: судъ людской—не Божій... Намъ, корреспондентамъ, оставалось только содѣйствовать, путемъ печати, выясненію тѣхъ «слуховъ», на основаніи которыхъ были обвинены мултанскіе вотяки.

Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ елабужскомъ уѣздѣ предразсудокъ о существованіи у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній былъ такъ же распространенъ, какъ и въ малмыжскомъ уѣздѣ. Отъ этого предразсудка, какъ мы видѣли, не могли освободиться ни уѣздный врачъ, ни присяжные засѣдатели, во главѣ со старшиной—ветеринарнымъ врачемъ.

Говоришь, бывало, съ какимъ-нибудь, въ общемъ довольно интеллигентнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, передаешь ему всѣ подробности, рисующія вздорность обвиненія—и видишь на лицѣ слушателя какое-то плохо скрытое не то недовѣріе, не то сомнѣніе.

— Такъ то такъ,—говоритъ онъ въ концѣ концовъ;—конечно, власти перестарались... и вообще такіе пріемы недопустимы... Но вѣдь головы-то всетаки нѣтъ, внутренностей—тоже... Кому-то все это на что-то понадобилось же?.. Суевѣрія, симуляція... Ну, да, можетъ быть и это... Но вѣдь это тоже одни предположенія. Почему же не предположить и то, что здѣсь имѣло мѣсто жертвоприношеніе?

И для рядового обывателя такая точка зрѣнія была вполнѣ естественна: вѣдь нельзя же требовать, чтобы каждый изучилъ то, что имѣлось тогда въ этнографіи о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ, изучилъ бы подробно всѣ обстоятель-

ства дѣла, основательно разобрался бы въ темныхъ слухахъ, которые туманомъ обволакивали все Мултанское дѣло.

И вотъ, когда мы старались хоть сколько нибудь разсѣять роковой предразсудокъ и основанное на немъ предубѣжденіе противъ мултанскихъ вотяковъ, помѣщая въ печати замѣтки, рисующія это дѣло въ его истинномъ свѣтѣ, взывая къ людямъ науки, къ этнографамъ, чтобы они помогли своимъ авторитетнымъ вмѣшательствомъ выясненію истины,—въ это время «Волжскій Вѣстникъ» помѣстилъ вторую статью Б., въ которой авторъ, прежнимъ развязнымъ тономъ, сообщаетъ, что, поговоривъ съ проф. И. Н. Смирновымъ и прочитавъ его книгу о вотякахъ, онъ окончательно «считаетъ возможнымъ установить несомнѣнный фактъ существованія у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній»; всѣ указанія противоположнаго характера «настолько ребячески наивны, что ихъ смѣло можно игнорировать безъ всякаго ущерба для дѣла».

Статейка была ничтожна во всѣхъ отношеніяхъ, и въ другое время надъ ней можно было бы только посмѣяться. Но появленіе ея въ то время, на страницахъ газеты, считавшейся—правда, больше уже по старой памяти,—«порядочной» и «либеральной», имѣло большое значеніе. Противъ нея тогда выступилъ въ «Казанскомъ Телеграфѣ» казанскій, а теперь извѣстный московскій присяжный повѣренный М. Л. Мандельштамъ. Обрушились на г. Б. и мы. Мы доказали, что слова г. Смирнова: «было время, когда всѣ приволжскіе финны приносили въ жертву людей», по свидѣтельству самого г. Смирнова, были встрѣчены съ недовѣріемъ всѣми другими учеными-этнографами. О Мултанскомъ дѣлѣ другіе ученые высказываются совершенно иначе, чѣмъ г. Смирновъ. П. М. Богаевскій, извѣстный знатокъ вотскаго быта и вотскихъ вѣрованій, отмѣтилъ противорѣчія обвинительнаго акта съ данными науки; другой ученый этнографъ, самъ уроженецъ Малмыжскаго уѣзда, прекрасно знающій всѣ вотскія нарѣчія, С. К. Кузнецовъ, въ своемъ рефератѣ въ томскомъ обществѣ естествоиспытателей, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и данныя судебно-медицинскаго вскрытія, пришелъ къ заключенію, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло «съ грубой поддѣлкой подъ вотское жертвоприношеніе».

Статья г. Б., однако, сдѣлала свое дѣло.—Ну, вотъ видите, и въ «Вол. Вѣстникѣ», вонъ, тоже пишутъ, что нищій былъ дѣйствительно замоленъ. И профессоръ Смирновъ тоже говоритъ,—указывали намъ нерѣдко. Зря профессоръ писать не будетъ.—Дѣятели Мултанскаго дѣла подняли голову.

А между тѣмъ, передъ нами всплывали все новые и новые возмутительные факты судебнаго слѣдствія. Оказалось, что Ш. вотяковъ приводилъ «къ присягѣ» на чучелѣ медвѣдя. Оказалось, что никакого бога «Курбона» на самомъ дѣлѣ въ вотской миѳологіи нѣтъ, а слово это означаетъ: «жертва». Нѣтъ ни Аптаса, ни Чупкана. И чѣмъ ближе, на мѣстѣ, знакомились мы съ дѣломъ, тѣмъ больше развертывались передъ нами его возмутительныя подробности.

Трудно передать, что испытывали мы, слушая отъ самихъ пострадавшихъ, въ самомъ Мултанѣ, мимо котораго намъ, какъ земскимъ служащимъ, приходилось проѣзжать, горькія жалобы на полицейскія насилія. Отряды полиціи, во главѣ съ приставомъ Ш., то и дѣло наѣзжали въ Мултанъ и творили тамъ, совершенно открыто, безнаказанно и безпрепятственно, невѣроятныя жестокости. Я какъ сейчасъ вижу передъ собой одну вотянку, жену земскаго ямщика въ Мултанѣ, которая, стоя у печки, жаловалась намъ на звѣрства полиціи своимъ ломанымъ языкомъ:

«Окъ!.. (Вотяки вмѣсто «х» выговариваютъ «к»). Кому то только грѣкъ будетъ?..—причитала она.—Окъ, какъ мучатъ, сказать нельзя!.. И что это за становой—не то разбойникъ, не то кто... Придутъ... становой, урядники... пугаютъ, кричатъ, бьютъ... до смерти котятъ замучить... Чего имъ?—Ничего не боятся! Бога совсѣмъ не боятся... Народъ совсѣмъ не жалѣютъ—что котятъ, то и дѣлаютъ.. Микайлѣ голову разбили... все голова болитъ... вѣсили... становой пугалъ—ружьемъ стрѣлялъ... Совсѣмъ Микайла безъ ума сталъ... Чуть не померъ... становой ужъ водой поливалъ... Пугался, кабы не сдокъ... Васька подокъ было... Становой въ амбаръ садилъ—селедкой кормилъ... а пить не давалъ... Бачку (священника) звали... Не знаемъ, что дѣлать? Какъ жить станемъ?.. Окъ, сколько слезъ!.. Кого только Богъ за никъ спроситъ? За что? За какой грѣкъ?.. Ничего не знаемъ, ничего не понимаемъ». Не имѣя возможности помочь несчастнымъ вотякамъ, мы только выносили на свѣтъ Божій эти жалобы, помѣщая корреспонденціи въ казанскихъ газетахъ, въ «Вятскомъ Краѣ», въ «Нижегородскомъ Листкѣ», откуда наши сообщенія перепечатывались и другими газетами. Время было глухое, цензура почти ничего не пропускала о дѣйствіяхъ полиціи, но наши сообщенія всетаки проскакивали въ печать, хотя, большею частью, и въ урѣзанномъ видѣ. Интересъ къ мултанскомъ дѣлу въ обществѣ возросталъ. Слишкомъ упрощенный взглядъ на это дѣло сталъ колебаться.

Послѣ сенатскаго рѣшенія, мы разсчитывали, что вторич-

ный разборъ этого дѣла въ Елабугѣ будетъ происходить въ болѣе нормальной обстановкѣ и при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ это было въ Малмыжѣ. Но вдругъ мы узнали, что въ распорядительномъ засѣданіи сарапульскаго окружнаго суда, въ которомъ совершенно незаконно принялъ участіе и предсѣдательствовавшій на судѣ въ Малмыжѣ, судъ вновь отказалъ защитѣ въ вызовѣ какъ свидѣтелей, такъ и П. М. Богаевскаго, долго изучавшаго въ Сарапульскомъ уѣздѣ, смежномъ съ Малыжскимъ, быть и вѣрованія вотяковъ и отрицавшаго существованіе у нихъ человѣческихъ жертвоприношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ вызвалъ, въ качествѣ эксперта, проф. Смирнова, допускавшаго возможность такихъ жертвоприношеній. Кромѣ того, со стороны обвиненія были вызваны новые свидѣтели. Такія распоряженія суда ясно показывали, чего могли ожидать вотяки отъ суда въ Елабугѣ...

— Да что вы, батенька? Какая наивность! Да вѣдь дѣло то какое,—отвѣчали намъ на наше возмущеніе почтенные «служаки», большею частью даже не скрывая своего восхищенія, смѣшаннаго съ завистью. — Создать и провести такое дѣло — вѣдь это прямо карьера... Послѣ такого дѣла куда шагнуть можно,—ого-го-го!.. Много ли у насъ не то что талантливыхъ, но просто хотя бы только способныхъ прокуроровъ? Одинъ-два— и обчелся... Все, что получше—въ адвокаты идетъ. А тутъ человѣкъ, можно сказать, художественно, изъ ничего создалъ такое дѣло... единственное дѣло, исходомъ котораго, говорятъ, и теперь уже интересуются въ министерствѣ. И если еще добиться вторичнаго обвинительнаго приговора, то... Вы понимаете... Надо быть круглымъ дуракомъ, чтобы не использовать такого рѣдкаго случая... А вы—«неправильно», «незаконно», «совершенно невинны»... Виновныхъ то всякій упечетъ, а вотъ ты невинныхъ то закатай, да еще по такому преступленію, какого «не бываетъ». Въ этомъ-то и штука! Значитъ, талантъ. И сразу далеко шагнетъ.

Да, мы уже поняли, что опять ожидаетъ бѣдныхъ вотяковъ въ Елабугѣ. Необходимо было, поэтому, привлечь къ участію въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ какого-нибудь крупнаго писателя, чтобы возбудить вниманіе всей читающей Россіи, вызвать болѣе широкій откликъ со стороны ученыхъ юристовъ, этнографовъ, медиковъ. Необходимо было, чтобы такой писатель громко и горячо, со всей силой таланта, крикнулъ: «Да посмотрите же

сюда, въ этотъ глухой, далекій уголъ; вѣдь, здѣсь творится ужасная, жестокая, возмутительная несправедливость,—здѣсь гибнутъ совершенно невинные люди!.. Помогите»!..

Я невольно вспомнилъ о В. Г. Короленкѣ, съ которымъ я встрѣчался въ Нижнемъ Новгородѣ раза два-три, и о чуткости и отзывчивости котораго я зналъ. Пославъ ему печатный матеріалъ, какой тогда имѣлся по поводу Мултанскаго дѣла, я сдѣлалъ краткую характеристику этого дѣла и всѣхъ обстоятельствъ, при какихъ оно протекало. Не получая отъ него отвѣта, я вновь написалъ ему, приложивъ къ письму еще кое-какія газетныя вырѣзки. Оказалось, что съ моей посылкой случилось недоразумѣніе.—«Вчера получилъ ваше письмо, которое, признаюсь, меня очень удивило,—писалъ мнѣ В. Г. 6 августа. Оно очень кратко, очевидно имѣетъ связь съ другими вашими письмами, не даетъ вашего адреса и кончается словами: «теперь у васъ находится уже весь матеріалъ и больше объ этомъ дѣлѣ ничего нѣтъ». Въ томъ то и дѣло, что у меня не находится весь матеріалъ и что это письмо, съ замѣткой Мандельштама, есть первое, отъ васъ полученное (послѣ двухъ или трехъ нашей прежней переписки). Что это значитъ? Правда, у насъ тутъ перлюстрація въ полномъ ходу и письма пропадаютъ часто,— такъ вотъ развѣ этимъ можно объяснить эту странность. Но кому же и для чего могли понадобиться замѣтки о человѣческомъ жертвоприношеніи? Во всякомъ случаѣ, будьте добры, сообщите, когда и что именно посылали». Въ постъ-скриптумѣ было приписано: «У меня кое-что есть объ этомъ дѣлѣ, но нѣтъ самаго важнаго: полнаго судебнаго отчета, печатавшагося въ «Казан. Телеграфѣ».

Послѣ моего отвѣта Влад. Галакт., письмомъ отъ 24 августа, сообщилъ: «Спѣшу увѣдомить васъ, что газеты и письмо Ваше я получилъ. Очень благодаренъ и очень жалѣю, что не получилъ посылку ранѣе, тогда можно было бы послать статью еще въ «Русское Богатство». Повѣстка пролежала у меня нѣсколько дней, но я думалъ, что эта посылка—какая-нибудь изъ многочисленныхъ, посылаемыхъ мнѣ рукописей, и только ваше послѣднее письмо заставило меня поторопиться ея полученіемъ. Посмотрю, что можно сдѣлать». Постъ-скриптумъ: «Боюсь, что газетныхъ источниковъ недостаточно, а времени уже немного». Разборъ Мултанскаго дѣла въ Елабугѣ былъ назначенъ на 29-ое сентября.

И наконецъ, я получилъ слѣдующее письмо Влад. Гал.: «Пишу Вамъ съ парохода, на пути изъ Нижняго въ Казань.

Изъ Казани, какъ вы, вѣроятно, и догадываетесь, я ѣду въ Елабугу, чтобы присутствовать на засѣданіи суда по дѣлу мултанскихъ вотяковъ. Мнѣ казалось, что присутствіе на судѣ и предстоящій отчетъ въ столичной прессѣ принесетъ дѣлу, пожалуй, большую пользу. Въ виду этого я и рѣшилъ ѣхать на засѣданіе. Пріѣду за день до суда и постараюсь ознакомиться съ новымъ обвинительнымъ актомъ. Данныя защиты читалъ и продолжаю читать на пароходѣ. Дѣло глубоко возмутительное, и я, вѣроятно, напечатаю его, кромѣ газеты, въ «Русскомъ Богатствѣ». Пріѣхавъ въ Елабугу наканунѣ суда, я засталъ уже Влад. Галак. въ тѣсномъ и убогомъ номеркѣ Вѣниковой. И когда я заговорилъ съ Влад. Галак., то первыми его словами были: «Мрачное дѣло!..»

Судебный залъ былъ тѣсенъ. Сенсаціонное дѣло привлекло немало публики. Число присутствующихъ еще увеличилось, когда городъ облетѣла вѣсть о пріѣздѣ Владимира Галактіоновича.

Объ истязаніяхъ говорили на судѣ и посторонніе русскіе люди, напр. псаломщикъ Б. О медвѣжьей присягѣ приставъ Ш. въ Елабугѣ не только не пытался разсказать что нибудь, но, напротивъ, на вопросъ по поводу ея со стороны защитника, съ достоинствомъ отвѣтилъ:—Это зачѣмъ? У насъ для присяги есть священники.—Предсѣдатель суда тотчасъ же пришелъ на выручку пристава, запретивъ распрашивать его объ этомъ обстоятельствѣ.

Но у подсудимыхъ и у свидѣтеля Т. всетаки проскользнуло нѣсколько словъ объ этой «присягѣ».

— Чучело привозилъ... свѣча ставилъ, горитъ...—съ грустной, покорной усмѣшкой передавали они.—Три раза тяпнитъ, подъ дугой лѣзитъ, подъ дугой насъ ташшилъ. Говори: «я грѣка не знаю», тяпни три раза...

Защитникъ.—Подсудимые плохо выражаются. Я считаю съ своей стороны очень важнымъ выяснить картину этого допроса.

Предсѣдатель.—Такъ какъ это касается неправильныхъ дѣйствій полиціи и не имѣетъ накакого отношенія къ дѣлу (?), то дальнѣйшихъ преній по этому вопросу я допустить не могу.

Товарищъ прокурора Р. горячо защищалъ своихъ сотрудниковъ.

— Въ настоящее время Т. отказался отъ своихъ показаній и говоритъ что не помнитъ о нихъ потому, что приставъ, этотъ извергъ рода человѣческаго, подвѣшивалъ его на два часа, билъ, обливалъ водой и стрѣлялъ въ него изъ револьвера. Возможно

ли все это, господа?—спрашивалъ иронически Р. и развязно шутилъ: «Есть способъ лѣченія подвѣшиваніемъ, это правда, но не на два же часа. Нынѣ выдвигаютъ еще какое-то чучело, на которомъ будто бы вотяки приводились къ присягѣ приставомъ Ш. Согласитесь, что это такое, какъ не нелѣпость, выдвинутая съ единственной цѣлью опорочить дѣйствія полиціи, производившей дознаніе».

Съ медицинской экспертизой произошелъ удивительный казусъ. Врачь М., производившій вскрытіе, имѣлъ мужество признаться на судѣ, что онъ прежде «былъ предубѣжденъ» и «ошибся», давая прежнее свое заключеніе о прижизненномъ обезкровливаніи Матюнина. Это обезкровливаніе могло произойти послѣ смерти: «трупъ ворочали, кровь могла излиться. Затѣмъ было давленіе въ брюшной полости отъ разложенія, а при давленіи въ брюшной полости происходитъ давленіе на всѣ мягкія части и на сосуды». До вскрытія суд. слѣдователь предупредилъ меня, что тутъ было жертвоприношеніе, почему я и обратилъ особенное вниманіе на 10 пятенъ въ нижней части живота». Теперь М. категорически заявилъ, что это были не надрѣзы, не слѣды уколовъ, о слѣды какой-то сыпи.

Предсѣдатель.—Вы дали заключеніе, что кровоподтекъ (на голеняхъ) отъ подвѣшиванія?

Уѣздный врачъ. — Да, но вѣдь если бы онъ при жизни былъ подвѣшенъ за ноги, то отекли бы, конечно, стопы, а не отекли бы ноги повыше ладыжекъ. И я высказываю, что анатомическихъ данныхъ для заключенія о подвѣшиваніи нѣтъ...

Такимъ образомъ М. совершенно разрушалъ ту картину жертвоприношенія, съ прижизненнымъ подвѣшиваніемъ, подкалываніемъ, обезкровливаніемъ, какую рисовалъ обвинительный актъ.

Товарищъ прокурора, разумѣется, никакъ не могъ примириться съ этимъ и продолжалъ словесно пытать эксперта:

— Позвольте вамъ напомнить, что въ протоколѣ вы говорите объ отекахъ, что они могли произойти отъ подвѣшиванія. Вы даже выразились такъ: «если бы къ тому встрѣтилась надобность, какъ, напр., при жертвоприношеніяхъ вотскихъ».

Уѣздный врачъ.—Я заключилъ, что Матюнинъ могъ быть подвѣшенъ. Это ошибка: такихъ заключеній мнѣ дѣлать не слѣдовало, не имѣя фактическихъ данныхъ. (Волнуется). Да, я допустилъ ошибку. Но, что я узналъ на судѣ, заставляетъ меня, по долгу присяги и совѣсти, отступить отъ своего прежняго мнѣнія.

Наконецъ, за М. долженъ былъ вступиться предсѣдатель суда:

— Докторъ объяснилъ уже достаточно, почему онъ счелъ себя обязаннымъ отказаться отъ первоначальнаго мнѣнія.

Но если врачъ, производившій вскрытіе трупа, отказался отъ перваго своего заключенія, выраженнаго подъ вліяніемъ и внушеніемъ слѣдственной власти, то два другіе эксперта, захолустные врачи К. и А., изъ которыхъ одинъ дожилъ уже тогда до маѳусаиловыхъ лѣтъ, нашли возможность на основаніи того же самаго протокола вскрытія подтвердить всѣ положенія обвиненія.

Экспертъ-этнографъ, дьяконъ Верещагинъ, самъ вотякъ, рѣшительно заявилъ, что «вообще вотскіе боги не требуютъ человѣческой жертвы. Курбона вовсе нѣтъ». О богахъ Аптасѣ и Чупканѣ даже не слыхалъ. Въ родовыхъ шалашахъ при моленіяхъ не могутъ участвовать вотяки-чужеродцы, какъ это рисуется въ обвинительномъ актѣ.

Но вотъ выступаетъ профессоръ Казанскаго университета И. Н. Смирновъ. Во время оно, путешествуя по вятской губерніи, онъ написалъ книгу: «Вотяки». Не зная вотскаго языка, онъ не имѣлъ возможности вынести ничего дѣйствительно цѣннаго изъ своей бѣглой экскурсіи въ вотскій міръ и ограничился изложеніемъ того, что было сказано до него. Оригинальнымъ явилось только одно—утвержденіе, что вотяки «въ недалекомъ прошломъ» приносили человѣческія жертвоприношенія. Это мнѣніе почтеннаго ученаго, по его собственнымъ словамъ, было встрѣчено другими учеными этнографами «съ недовѣріемъ». Но это не смутило г. Смирнова, и на судѣ онъ съ легкимъ сердцемъ изложилъ свою идею. На основаніи «преданія» о жертвоприношеніяхъ, разсказанныхъ въ этнографической литературѣ гг. Соловьевымъ и Фуксъ, а также на основаніи черемисской сказки о мальчикѣ, котораго зарѣзала мачиха,—г. Смирновъ заявилъ: «Отвѣчаю положительно—въ литературѣ есть указанія на человѣческія жертвоприношенія вотяковъ, а обстановка нахожденія трупа даетъ черты жертвоприношенія. Матюнинъ лишенъ крови, головы, внутренностей. Въ этомъ рисуется полная картина жертвоприношенія». Между тѣмъ самъ г. Смирновъ, начиная свою рѣчь, долженъ былъ признать, что «переходя къ вопросу, находятся ли въ условіяхъ убійства Матюнина такіе признаки, которые указывали бы на обрядъ жертвоприношенія, онъ наталкивается на цѣлую цѣпь противорѣчій, недомолвокъ и недоразумѣній» (жертвоприношеніе въ родовомъ

шалашѣ съ участіемъ чужеродцевъ, наемъ рѣзака и пр.). «Этого нельзя допустить съ точки зрѣнія вѣры. Но тутъ мы вступаемъ въ область гаданій, такъ что я затрудняюсь дать отвѣтъ». И тѣмъ не менѣе, г. Смирновъ не колеблясь призналъ въ убійствѣ Матюнина «полную картину жертвоприношенія!»

Напрасно защитникъ, въ своей рѣчи, указывалъ, что вся воздвигнутая обвиненіемъ вотская миѳологія рухнула, и боги требующіе будто бы человѣческихъ жертвъ, оказались несуществующими. Напрасно онъ ссылался на представленную въ судъ работу г. Луппова, который просмотрѣлъ болѣе 600 дѣлъ вятской консисторіи за прошлое столѣтіе, въ которыхъ миссіонеры доносятъ о состояніи новокрещеныхъ вотяковъ. Священники обвиняютъ вотяковъ въ суевѣріи и языческихъ обрядахъ, говорятъ подробно, кто и что приносилъ въ жертву, — но ни разу даже не упоминаютъ о человѣческомъ жертвоприношеніи. А ужъ духовенству ли не знать, что дѣлается въ приходѣ.

— Экспертъ Смирновъ—воскликнулъ защитникъ,—говоритъ намъ, что уже съ 40-хъ годовъ въ литературѣ сообщаются факты о человѣческихъ жертвахъ. Но какіе же это факты? Нѣкто Соловьевъ сдѣлалъ на археологическомъ съѣздѣ сообщеніе, будто по преданію нѣкогда вотяки привязывали приносимыхъ въ жертву людей и метали въ нихъ стрѣлы. Но тутъ же знатокъ инородческаго быта Золотницкій опровергъ это извѣстіе, и ученое общество отнеслось къ сообщенію Соловьева съ крайнимъ недовѣріемъ. Далѣе г-жа Фуксъ, увѣрявшая, что чуваши питаются вшами, сообщала, будто у вотяковъ самый старый человѣкъ въ деревнѣ приносилъ нѣкогда себя въ добровольную жертву. И это, по ея словамъ, всегда было въ одномъ и томъ же домѣ, изъ одной и той же семьи. Эти-то два преданія дали профессору Смирнову основаніе для его заключеній. Да еще сказка, и притомъ черемисская. Мы лучше послушали бы вотскихъ сказокъ... Но и у насъ есть сказки о бабѣ-ягѣ, которая варитъ дѣтей въ смолѣ, и о Кащеѣ, тоже охочемъ до человѣчины...

Профессорское слово, подтверждавшее темный предразсудокъ, оказалось, однако, ближе къ пониманію присяжныхъ. Свидѣтелей защиты, которые могли бы опровергнуть многое изъ показаній полицейскихъ и другихъ, судъ не допустилъ. И несчастнымъ вотякамъ былъ вторично вынесенъ страшный обвинительный приговоръ.

Просидѣвъ въ тюрьмѣ уже $3^1/_2$ года, обвиненные вотяки были приговорены: четверо — къ 10-лѣтней, двое — къ 8-лѣтней каторгѣ, одинъ — къ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія

мѣста Сибири. Нечего и говорить о томъ, что испытывали семьи осужденныхъ. Ихъ хозяйство было разорено въ конецъ.

А надъ всей мирной и трудолюбивой вотской народностью было вторично закрѣплено судомъ тяжкое обвиненіе...

Такимъ приговоромъ былъ, видимо, удрученъ и проф. Смирновъ. Возвращаясь со мной изъ клуба, гдѣ мы обѣдали, онъ задумчиво, какъ бы про себя, спросилъ:—Неужели мое заключеніе могло такъ повліять?

Я пожалъ плечами.

Тяжкій приговоръ и все, что развернулось на судѣ, глубоко потрясло В. Г. Короленка. Было рѣшено, что мы, корреспонденты, вмѣстѣ прочитаемъ свои записи, въ которыхъ мы старались записывать все, происходившее на судѣ, слово въ слово, и такимъ образомъ сведемъ наши записи въ одинъ отчетъ. Энергично принявшись за работу уже въ номерахъ, мы продолжали ее на пароходѣ, вмѣстѣ съ нашимъ сотрудникомъ, Суходоевымъ, мѣстнымъ земскимъ служащимъ, писавшимъ иногда корреспонденціи. Такимъ образомъ мы доѣхали до Чистополя. А такъ какъ В. Г. рѣшилъ самъ побывать въ Мултанѣ, то мы всѣ трое сѣли на вятскій пароходъ, шедшій уже на зимовку; на немъ не было даже буфета. Провизіи, которою мы запаслись въ Чистополѣ, скоро не хватило. Пароходъ не приставалъ къ попутнымъ пристанямъ. И мы, единственные пассажиры парохода, оказались въ положеніи голодающихъ. Къ счастью, пароходъ, наконецъ, остановился у с. Вятскія Поляны, гдѣ насъ уже поджидалъ О. М. Жирновъ.

Не стану описывать, какъ мы побывали въ Мултанѣ, осматривали шалашъ гдѣ произошло, будто бы, жертвоприношеніе, и тропу, гдѣ былъ найденъ трупъ Матюнина. Стояла уже глухая осень. Было хмуро, сѣро, угрюмо. Особенно жутко чувствовалось на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ трупъ. Узкая, вьющаяся тропа была тѣсно сжата густымъ темнымъ ельникомъ, въ перемежку съ болотистой низкорослой березой. Настланный бревенникъ погружался подъ нашими ногами въ топкую почву; ржавая вода чавкала и хлюпала отъ нашихъ шаговъ. Безмолвно было въ этомъ гниломъ, болотистомъ лѣсу, схоронившемъ въ себѣ тайну убійства Матюнина. Что происходило здѣсь? Какая кровавая драма разыгралась на этомъ самомъ мѣстѣ? Гдѣ скрываются дѣйствительные преступники? Лѣсъ не выдастъ страшной тайны. Мы тихо стояли въ сторонѣ. Влад. Галак. молча набрасывалъ эту

тропу въ своей записной книжкѣ (наброски тропы и шалаша, сдѣланные В. Г., помѣщены въ книжкѣ г. Богаевскаго: «Мултанское дѣло въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ»).

Обратно возвращались мы темной ночью, по сплошному ёловому лѣсу. Сухой шелестъ огромныхъ елей, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ дороги сплошной черной стѣной, навѣвалъ что-то тяжелое, тревожное.

Дѣйствія полиціи, о которыхъ много сообщалось намъ внѣ суда, произвели на В. Г. Короленка такое сильное впечатлѣніе, что онъ опасался даже оставлять безъ присмотра чемоданчикъ, въ которомъ хранились наши записи. Общую редакцію было рѣшено передать Влад. Галак., который и увезъ съ собой считанный и провѣренный отчетъ. Вскорѣ появились его статьи о Мултанскомъ дѣлѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Русскомъ Богатствѣ». Эти статьи произвели огромное впечатлѣніе. Онѣ, какъ камень, брошенный въ стоячее болото, заставили встрепенуться всю печать. О Мултанскомъ дѣлѣ заговорили всѣ органы печати, пораженные тѣми ужасами, которые творились съ несчастными вотяками. Просматривая теперь отчетъ о «Дѣлѣ Мултанскихъ вотяковъ» (отдѣльное изданіе вышло въ Москвѣ въ февралѣ 1896 г.), невольно поражаешься, сколько долженъ былъ потратить труда на редактированіе этого отчета и на примѣчанія къ нему Владиміръ Галактіоновичъ. Изучить все производство, всѣ документы, сличить содержаніе ихъ съ тѣмъ, что заявлялось свидѣтелями, а также судебными властями во время судебнаго разбора, отмѣтить всѣ противорѣчія—работа по истинѣ огромная! Онъ выступилъ, сверхъ того, съ докладомъ о Мултанскомъ дѣлѣ въ Антропологическомъ обществѣ при Военно-медицинской Академіи, выступилъ съ опроверженіемъ измышленій разныхъ доморощенныхъ этнографовъ, повторявшихъ «по слухамъ» обычный вздоръ о вотякахъ. Съ своей стороны я помѣстилъ въ приволжскихъ газетахъ цѣлый рядъ статей по поводу Мултанскаго дѣла. Но судебные и полицейскіе дѣятели встрѣтили сильную защиту въ лицѣ мѣстной цензуры. Нѣкоторыя статьи въ «Кам.-Волж. Рѣчи» выходили или слишкомъ обрѣзанными,—одинъ разъ даже безъ второй половины,—или не пропускались вовсе. Вскорѣ состоялось чье-то таинственное распоряженіе—не пропускать въ печати ничего, что такъ или иначе касается Мултанскаго дѣла. Въ Малмыжѣ, въ уѣздномъ городишкѣ, нельзя вообще сохранить тайну своего корреспонденчества, а я, въ добавокъ, полностью подписывался подъ своими статьями. Самые видные «дѣятели» по Мултанскому дѣлу открыто

грозились «съѣсть» меня и О. М. Жирнова. И еслибы все это происходило нынче, мы несомнѣнно скоро очутились бы гдѣ-нибудь «въ отдаленныхъ мѣстахъ». Но тогда предсѣдателемъ вятской губ. земской управы былъ незабвенный для каждаго вятича А. П. Батуевъ, широко образованный и развитой, глубоко-гуманный, съ широкимъ и энергичнымъ розмахомъ въ общественной дѣятельности. Онъ всегда горой стоялъ за своихъ сотрудниковъ—земскихъ служащихъ. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на губернатора, и потому угрозы разныхъ господъ по нашему адресу являлись безсильными и беззубыми...

Между тѣмъ цѣлый рядъ спеціалистовъ и вообще свѣдущихъ людей выступилъ съ докладами въ ученыхъ обществахъ. (кромѣ П. М. Богаевскаго и С. К. Кузнецова, П. Н. Лупповъ—въ географическомъ обществѣ по отдѣленію этнографіи, В. С. Малченко—въ Московскомъ юридическомъ обществѣ, докторъ Ансбергъ—въ Цюрихѣ). Въ печати выступили такіе знатоки-этнографы, какъ Д. А. Клеменцъ, В. М. Михайловскій (тов. предсѣдателя Московскаго этногр. отдѣла общества любителей естествознанія), этнографы Верещагинъ, Магницкій и др. Совершенно отрицательно отнеслись къ обвиненію вотяковъ многіе другіе ученые юристы, общественные дѣятели, напр. проф. В. С. Серебренниковъ, родившійся и выросшій среди вотяковъ, проф. Н. П. Ивановскій, о. С. Н. Слѣпянъ, профессоръ с.п.б. духовной академіи, проф. Д. А. Хвольсонъ. Всѣ эти лица рѣшительно утверждали, что всѣ данныя науки, а также и данныя Мултанскаго дѣла, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что у вотяковъ не можетъ существовать человѣческихъ жертвоприношеній.

На вызывающее письмо проф. Смирнова, единственнаго этнографа, поддерживавшаго въ печати обвиненіе противъ вотяковъ, по адресу упомянутаго этнографа В. М. Михайловскаго («Волж. Вѣстн.», № 73), послѣдній далъ въ открытомъ письмѣ достойный отвѣтъ. «Въ сочиненіяхъ о черемисахъ, вотякахъ, пермякахъ и мордвѣ,—писалъ онъ въ томъ же «Волж. Вѣст.»,—ваши личныя наблюденія, столь цѣнныя въ каждой этнографической работѣ, спеціально посвященной отдѣльной народности, отодвинуты на второй планъ, изслѣдованіе также почти отсутствуетъ, и потому каждая изъ монографій, ниписанныхъ вами, имѣетъ видъ компилятивной работы. Вслѣдствіе стремленія къ литературной законченности, вы увлекаетесь теоріями нѣкоторыхъ западно-европейскихъ изслѣдователей и стараетесь подвести факты изъ быта русскихъ инородцевъ подъ формулы, добытыя на совершенно другой почвѣ. Отсюда возникаютъ нѣкоторыя, излюбленныя вами теоріи,

которыя не даютъ вамъ возможности заняться спокойнымъ осторожнымъ изслѣдованіемъ. Такой теоріей является, напр., вашъ взглядъ на существованіе въ недалекомъ прошломъ человѣческихъ жертвоприношеній у изучаемыхъ вами русскихъ инородцевъ». Въ заключеніе письма, по поводу незнанія г. Смирновымъ вотскаго языка, г. Михайловскій писалъ: «Можно заниматься этнографіей вообще и не обладая подобнымъ знаніемъ языковъ, но только нужно принимать тогда въ разсчетъ этотъ факторъ при постройкѣ теорій и съ большей осторожностью дѣлать выводы, особенно, когда эти выводы касаются не обсужденія той или другой научной гипотезы, а рѣшаютъ судьбу человѣческой жизни».

Вмѣстѣ съ этнографами, выяснившими полную несостоятельность «излюбленной идеи» г. Смирнова, выступили съ докладами въ печати и въ ученыхъ обществахъ и медики: преподаватель Харьковскаго университета Э. Ф. Беллинъ, профессоръ того же университета Патенко. Они отмѣтили полную несостоятельность медицинской экспертизы г.г. А. и К.—двухъ врачей, о которыхъ мы упоминали, и первоначальнаго заключенія врача М. Уже послѣ третьяго разбора дѣла профессоръ суд. медицины Казанскаго университета Леонтьевъ, присутствовавшій на разборѣ дѣла вмѣстѣ съ приватъ-доцентомъ Казан. университета Неболюбовымъ, 16 ноября 1896 г. сдѣлалъ въ Казанскомъ обществѣ врачей докладъ, въ которомъ пришелъ къ выводу, что экспертиза по данному дѣлу не могла дать ничего опредѣленнаго, такъ какъ судебно-медицинское излѣдованіе трупа Матюнина было произведено слишкомъ поздно и безъ достаточной основательности. Предположительно дѣло объясняется такъ: рана была нанесена въ шею покойному Матюнину, а затѣмъ уже, по наступленіи смерти, отнята голова, вырубленъ позвоночникъ и вынуты внутренности. При этомъ проф. Леонтьевъ познакомилъ публику съ письмомъ проф. Патенко, который на мѣстѣ, въ Мултанѣ, изучалъ дѣло, а затѣмъ на трупахъ производилъ опыты съ удаленіемъ внутренностей, какъ это было сдѣлано съ Матюнинымъ, послѣ чего пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) убитый Матюнинъ не былъ въ селѣ Мултанѣ, гдѣ будто бы было совершено убійство, а находился въ 8—9 верстахъ отъ Мултана, б) голова отрублена (какъ полагаетъ и Леонтьевъ) уже на мертвомъ, с) причина смерти Матюнина—припадокъ падучей, д) органы грудной полости извлечены недѣли три спустя послѣ убійства, въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ отрытіемъ трупа, е) съ вѣроятностью можно заключить, что оскверненіе трупа произведено въ видахъ мести вотякамъ с. Мултана со стороны сосѣднихъ русскихъ крестьянъ.

Что внутренности вынуты были изъ трупа нѣсколько недѣль спустя послѣ убійства, къ такому заключенію пришелъ и приватъ-доцентъ Беллинъ. На третьемъ разборѣ дѣла выяснилось, что трупъ былъ извлекаемъ изъ земли, гдѣ онъ хранился до пріѣзда уѣзднаго врача, очищался, опять закапывался и т. д.

Въ виду всего этого, доктора Беллинъ, Патенко, Ансбергъ и др. пришли къ выводу, что въ данномъ случаѣ имѣла мѣсто симуляція, поддѣлка подъ жертвоприношеніе. Къ такому же выводу пришелъ и В. Г. Короленко, дѣлая докладъ въ антропологическомъ обществѣ при Академіи.

По словамъ С. К. Кузнецова, въ Мултанскомъ дѣлѣ ритуалъ вотскаго жертвоприношенія воспроизведенъ не на основаніи фактовъ, а по измышленіямъ урядника С. и другихъ лицъ. Только благодаря этимъ своеобразнымъ этнографамъ могла получиться невозможная въ дѣйствительности картина человѣческаго жертвоприношенія, въ которой всякое дѣйствіе религіознаго характера исполнено съ нарушеніемъ вѣками установленнаго порядка. Поэтому г. Кузнецовъ считаетъ все продѣланное съ трупомъ Матюнина грубою поддѣлкою подъ вотское жертвоприношеніе.

Между тѣмъ, 22 декабря 1895 г., въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената была заслушана жалоба вторично осужденныхъ вотяковъ.

Послѣ обстоятельнаго доклада сенатора А. А. Арцимовича и блестящаго заключенія оберъ-прокурора А. Ф. Кони, сенатъ призналъ существенное нарушеніе судомъ правъ защиты и, отмѣнивъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ сарапульскаго суда, передалъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ казанскій окружный судъ.

Казалось, что вторичное рѣшеніе высшей въ Россіи судебной инстанціи обязательно для короннаго суда. Казалось, что теперь Мултанское дѣло будетъ извлечено изъ захолустья, будетъ освѣщено и разсмотрѣно безпристрастно и всесторонне, чего только и требовала печать. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное, возможное только у насъ.

Въ краѣ стали циркулировать слухи, что предсѣдатель сарапульскаго суда ѣздилъ съ объясненіями по поводу Мултанскаго дѣла къ Петербургъ, къ министру юстиціи, и что оттуда будто бы были даны суду какія-то многозначительныя обѣщанія.

Мѣстныя судебныя власти постоянно ѣздили въ Казань, устраивали какія-то совѣщанія. Полиція всякихъ ранговъ про-

должала рыскать по Малмыжскому уѣзду, живмя-живя въ Мултанѣ, разыскивая новыхъ свидѣтелей и «доказательствъ». При этомъ она такъ старалась, что, по сообщенію даже оффиціальныхъ «Вятскихъ Губ. Вѣдомостей» (25 мая 1896 г. № 41), одинъ вотякъ, десятникъ, не вынесъ и повѣсился...

Но это насъ не особенно безпокоило. Мы еще вѣрили въ силу сенатскихъ указаній. Защитникъ просилъ назначить слушаніе дѣла въ Казани. Послѣ рѣшенія сената, никто и не сомнѣвался, что именно тамъ, вдали отъ мѣстныхъ предразсудковъ и вліяній, дѣло и будетъ разсмотрѣно.

Однако, скоро началось что-то странное. Прежде всего, въ мѣстной печати цензура, на основаніи какого-то таинственнаго распоряженія, не стала пропускать ни строчки о Мултанскомъ дѣлѣ, о чемъ мы упоминали выше. Мы лишены были возможности даже перепечатывать тѣ статьи и доклады, которые явились тогда по поводу этого дѣла въ болѣе отдаленныхъ органахъ печати. Наконецъ пронеслась вѣсть, что судъ по прежнему отказалъ защитѣ въ вызовѣ всѣхъ ея свидѣтелей, тогда какъ товарищъ прокурора Р. вызываетъ массу новыхъ свидѣтелей, всего болѣе 50 человѣкъ; что точно также отказано защитѣ и въ вызовѣ новыхъ экспертовъ; что, наконецъ, дѣло назначено къ слушанію въ самомъ захолустномъ, самомъ глухомъ городишкѣ казанской губерніи—въ Мамадышѣ, совершенно некультурномъ, гдѣ нѣтъ даже библіотеки, номеровъ, извозчиковъ, и — что само главное—гдѣ темный предразсудокъ особенно крѣпокъ въ невѣжественной обывательской средѣ.

Сначала мы не повѣрили этому слуху.—Не можетъ быть! Послѣ того, какъ сенатъ дважды указывалъ...

— Э—э, батенька, сенатъ! Когда тутъ высшее начальство авансъ выдало: добьетесь и въ третій разъ обвиненія—и благо вамъ будетъ,—говорили намъ опытные люди.—Побѣдителей не судятъ... И карьера будетъ блестяще сдѣлана... «Правосудіе, правосудіе»!.. Наивно все это, батенька!.. Борьба-съ, какъ и вездѣ.

И дѣйствительно, въ казанскихъ газетахъ появилось краткое сообщеніе, что Мултанское дѣло будетъ разсматриваться именно въ Мамадышѣ. Что судъ, чувствуя за собой какую-то мощную поддержку, пошелъ напроломъ—сомнѣваться въ этомъ было уже нельзя.

Разумѣется, я тотчасъ же послалъ объ этомъ телеграмму В. Г. Короленкѣ, послалъ краткую замѣтку о дѣйствіяхъ казанской судебной палаты. На это Влад. Гал., между прочимъ,

писалъ мнѣ: Неужели опять и такъ явно рѣшаются играть на обвиненіе?»... Въ другомъ письмѣ Вл. Гал. сообщалъ, что «административно-судебныя сферы наиболѣе раздражены именно вмѣшательствомъ прессы». Вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщая о томъ, что защиту вотяковъ согласился взять на себя Н. П. Карабчевскій, Вл. Гал. выражалъ надежду, что «и при этихъ условіяхъ (созданныхъ судомъ) мы теперь сильнѣе и отобьемъ невинныхъ людей»...

Какъ къ послѣдней защитѣ, я рѣшилъ обратиться еще къ Л. Н. Толстому, пославъ ему весь печатный матеріалъ, имѣвшійся по Мултанскому дѣлу и прося Льва Николаевича обратить вниманіе на это вопіющее дѣло, въ которомъ правда глушилась такъ открыто, въ которомъ гибли совершенно невинные люди...

Но вотъ наступилъ день суда. Крошечный залъ переполненъ публикой. За столомъ защитниковъ видна характерная голова В. Г. Короленка, бритое, энергичное лицо Карабчевскаго. На скамьѣ тѣснятся съ тетрадочками корреспонденты. Сидятъ двѣ стенографистки, приглашенныя нами. Судъ во всеоружіи. На помощь г. Р. назначенъ товарищъ прокурора суд. палаты. Позади ихъ сидитъ самъ прокуроръ судебной палаты. Предсѣдательствуетъ самъ предсѣдатель окружнаго суда.

Защита вновь заявляетъ ходатайство о допущеніи, въ качествѣ экспертовъ, нарочно прибывшаго изъ Томска этнографа С. К. Кузнецова и профессоровъ суд. медицины: Харьковскаго университета—Патенко и Казанскаго—Леонтьева. Судъ отказываетъ въ этомъ, какъ отказалъ и въ вызовѣ всѣхъ свидѣтелей защиты.

И вотъ начинаютъ опять проходить длинной вереницей свидѣтели—урядники, пристава, земскіе начальники и др. Всѣ эти «чины» отвѣчаютъ, на первыхъ порахъ, какъ по писанному, какъ будто повторяютъ отлично выученный обвинительный актъ. Но при вопросахъ защиты бойкость сразу теряется; свидѣтели сбиваются, путаются, впадаютъ въ противорѣчія и, наконецъ, начинаютъ прямо грубить защитѣ. Одинъ изъ свидѣтелей за грубость былъ даже остановленъ предсѣдателемъ, который пригласилъ его одинаково спокойно отвѣчать и прокурору, и защитѣ.

Всевѣдущій Дм. М. на вопросы Карабчевскаго грубо оборвалъ:

— Чего ты меня путаешь, не путай! Чего знаю, самъ разскажу, а ты не путай!

Или раздраженно говорилъ, вмѣсто отвѣта:

— Знаю, знаю, на что вы намекаете, что подразумѣваете.— Но умѣлая защита дѣлала свое дѣло, постепенно отрывая темные

лоскутья лжи, которою было опутано дѣло. Противорѣчія полицейскихъ свидѣтелей заставляли иногда только пожимать плечами.

— Ну, разскажите же, какъ все это было?—спрашивалъ пристава Ш. предсѣдатель.—Ну, привезли чучело... ну, прилѣпили свѣчу... А колоколецъ подъ дугой былъ?.. А дуга на что?..

Бравый, «талантливый» приставъ краснѣлъ, потѣлъ, не зная, что сказать. Онъ уже не говорилъ, съ видомъ оскорбленной невинности, что его оклеветали корреспонденты.

— Я слышалъ, что у вотяковъ есть такой предразсудокъ... хотѣлъ провѣрить...—бормочетъ приставъ.

— Такъ что вы производили это съ этнографической цѣлью?—пришелъ къ нему на помощь Карабчевскій.

— Такъ точно, съ этнографической,—радостно откликнулся Ш., вызвавъ общій смѣхъ.

Выяснилось, что съ трупомъ обращались весьма безцеремонно: въ теченіе мѣсяца, въ ожиданіи врача,—о чемъ мы уже говорили,—онъ вытаскивался изъ ямы и очищался отъ земли, которою его засыпали; въ яму подсыпали снѣгу, чтобы трупъ меньше портился и т. д. Въ концѣ концовъ, вмѣсто «массы запекшейся крови» въ отверстіи (обрѣзѣ) шеи, что запротоколилъ приставъ Т.—оказалось широкое, зіяющее отверстіе, черезъ которое исчезли внутренности, отсутствія которыхъ никто, при первоначальномъ осмотрѣ трупа, не замѣтилъ...

Оказалось, что перекладина, на которой, будто бы, былъ подвѣшенъ Матюнинъ, такъ низка, что Матюнинъ уткнулся бы горломъ прямо въ землю; что нищій ночевалъ на 4 и на 5 мая въ Кузнеркѣ, а слѣдовательно не могъ ночевать одновременно и въ Мултанѣ, въ шалашѣ М. Дмитріева.

Не станемъ шагъ за шагомъ слѣдить за тѣмъ, какъ спитое на живую нитку дѣло мало-по-малу расползалось по всѣмъ швамъ. Фактическая часть обвиненія рушилась, какъ карточный домикъ. Обвиненіе, поэтому, налегло на «достовѣрныхъ свидѣтелей». Въ качествѣ этнографовъ передъ судомъ опять продефилировали урядникъ, земскій начальникъ и др.

По поводу крови на корытѣ земскій начальникъ Л. подѣлился съ судомъ замѣчательнымъ открытіемъ:—Я говорилъ, что корыто и пологъ не нужно было посылать въ департаментъ: нужно было дать ихъ собакѣ,—если бы она не стала лизать, то это значитъ, кровь была человѣчья. Это я знаю по опыту.—А затѣмъ цѣлыхъ 13 новыхъ свидѣтелей, вызванныхъ обвинительной властью, выходятъ одинъ за другимъ и сообщаютъ:—по Мултанскому дѣлу

я, собственно, не знаю ничего, но...—и каждый изъ нихъ разсказывалъ какую-нибудь невѣроятную исторію о томъ, какъ ему, въ свою очередь, кто-то разсказывалъ, что вотяки приносятъ въ жертву людей.

— По Мултанскому дѣлу я ничего не знаю,—тономъ опытнаго сказочника начинаетъ, напр., земскій начальникъ Н.—Но отъ дѣдушки я слышалъ слѣдующее. Пріѣхалъ дѣдушка въ одну вотскую деревню за ругой, а въ ней ни души. Привязалъ онъ лошадь, а самъ пошелъ по деревнѣ. Идя, онъ вдругъ замѣтилъ въ одномъ дворѣ дымъ, подошелъ къ забору и заглянулъ въ щель... И видитъ (голосъ разсказчика многозначительно понижается)—много вотяковъ; сидятъ вокругъ стола, сдѣланнаго изъ досокъ, положенныхъ на обрубки дерева и (голосъ разсказчика доходитъ чуть не до шопота)... и точатъ большіе ножи... А среди нихъ сидитъ, одѣтый въ бѣлый саванъ, черный брюнетъ, блѣдный, какъ полотно... Дѣдъ, увидавъ это, понялъ, что дѣло неладно, со страху даже присѣлъ тутъ (у разсказчика соотвѣтствующее движеніе)... А потомъ заднимъ ходомъ побѣжалъ къ лошади... Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ услыхалъ нечеловѣческій крикъ...

— А затѣмъ?—спрашиваетъ предсѣдатель.

— Это все, больше ничего,—отвѣчаетъ самодовольно свидѣтель.

И льются, льются эти бабушкины и дѣдушкины сказки. Кажется, что подсудимые, которые тоже съ любопытствомъ прислушиваются къ этимъ сказкамъ, совсѣмъ забыты на своихъ скамьяхъ...

Не довольствуясь этими разсказами, обвиненіе добыло и представило на судъ два уголовныя дѣла: одно изъ архангельскаго суда, другое изъ Спасска, казанской губерніи.

По первому изъ этихъ дѣлъ обвинялся самоѣдъ Пырерко съ острова Новой Земли въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ лучинокъ какого-то божка и принесъ ему въ жертву чрезъ повѣшеніе дѣвочку, а затѣмъ убилъ еще двухъ сосѣдей, которые узнали о преступленіи.

По второму дѣлу обвинялся татаринъ спасскаго уѣзда въ томъ, что онъ, по совѣту какого-то казанскаго лекаря, убилъ въ банѣ маленькую дѣвочку, вырѣзалъ у нея сердце и съѣлъ съ цѣлью излѣчиться отъ болѣзни, которою онъ страдалъ много лѣтъ...

Эти «дѣла» вызвали только полнѣйшее недоумѣніе: какое

отношеніе имѣютъ они къ Мултанскому дѣлу и къ вотякамъ вообще?

Наконецъ, начались испытанія экспертовъ.

Врачъ М. опять чистосердечно подтвердилъ, что онъ, составляя заключеніе при вскрытіи трупа, ошибся, находясь подъ вліяніемъ внушеній пристава и слѣдователя. Опредѣленнаго заключенія онъ, врачъ, и не могъ, собственно, дать въ виду того, что изслѣдовать трупъ ему пришлось мѣсяцъ спустя: о подвѣшиваніи нельзя говорить потому, что отеки были не на стопахъ, а на голеняхъ, и несомнѣнно трупнаго происхожденія; никакихъ ранъ отъ подкалываній на животѣ не было, а были лишь пятнышки—слѣды какой-то сыпи; что не было и прижизненнаго обезкровливанія, и пр. Другіе два врача, А. и К., по-прежнему держались совершенно противоположныхъ мнѣній и подтверждали всю картину, нарисованную въ обвинительномъ актѣ. Показанія ихъ вызывали то и дѣло недоумѣвающее пожатіе плечами со стороны присутствующихъ профессоровъ.

Вообще, это было рѣдкое зрѣлище; заключеніе давали не дѣйствительные представители науки, а какіе-то захолустные служаки, много лѣтъ протрубившіе въ лямкѣ уѣзднаго или земскаго врача, растерявшіе въ глухой уѣздной жизни и свои старые обрывки знаній. Они должны бы были сами ходатайствовать передъ судомъ, по долгу совѣсти, чтобы судъ далъ высказаться дѣйствительно свѣдущимъ, дѣйствительно ученымъ людямъ... Но они съ апломбомъ, развязно повторяли свои утвержденія, ссылаясь даже на свидѣтельство каторжника Г. А бѣдные профессора должны были безгласно сидѣть за спинами этихъ господъ и «приходить въ ужасъ» — по выраженію одного изъ профессоровъ, — отъ ихъ показаній. Это профессора и отмѣтили въ своихъ работахъ, упомянутыхъ нами выше, по поводу Мултанскаго дѣла.

Затѣмъ, началась этнографическая экспертиза.

Выступилъ опять г. Смирновъ. Если въ Елабугѣ обстановка мултанскаго жертвоприношенія представляла передъ нимъ «цѣлую цѣпь противорѣчій, недомолвокъ и недоразумѣній», то теперь, годъ спустя, г. Смирновъ уже не сомнѣвался ни въ чемъ. Черпая доказательства изъ обвинительнаго акта, онъ сталъ доказывать, что всѣ данныя обвиненія съ несомнѣнностью устанавливаютъ, что мултанскіе вотяки дѣйствительно принесли въ жертву нищаго...

— Вы призваны не въ качествѣ обвинителя, а въ качествѣ эксперта, который долженъ сказать, что ему извѣстно о чело-

вѣческихъ жертвоприношеніяхъ, — останавливаетъ, наконецъ, увлекшагося профессора предсѣдатель суда.

Относительно человѣческихъ жертвоприношеній у г. Смирнова вообще не оказалось никакихъ сомнѣній: такія жертвоприношенія существуютъ у вотяковъ и нынѣ, а не только существовали «въ недалекомъ прошломъ», какъ онъ думалъ прежде... Когда В. Г. Короленко, приведя цитаты изъ сочиненій г. Смирнова, обратился къ нему съ вопросомъ, чѣмъ же можно объяснить противорѣчія настоящихъ объясненій профессора съ его же собственными прежними взглядами — г. Смирновъ отвѣтилъ: «Прежде я думалъ такъ, но изъ даннаго процесса я убѣдился, что человѣческія жертвоприношенія существуютъ и нынѣ». Такимъ образомъ почтенный профессоръ почерпнулъ свои доказательства изъ того самаго процесса, освѣтить который данными науки онъ былъ призванъ...

Но за то спокойную, объективную и въ высшей степени содержательную рѣчь произнесъ другой экспертъ, о. Верещагинъ. Заявивъ, что въ Мултанскомъ дѣлѣ все противорѣчитъ вотскому обычаю, вотскому ритуалу, вотскимъ вѣрованіямъ, о. Верещагинъ рѣшительно отрицалъ возможность человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ. При этомъ о. Верещагинъ допускалъ возможность, что трупъ Матюнина былъ изуродованъ, напр., съ какой-нибудь суевѣрной цѣлью (лѣченье, кладоискательство, воровство и конокрадство при помощи человѣческихъ органовъ—головы, сердца, руки, при помощи свѣчи изъ человѣческаго сала и т. п.).

Судебное слѣдствіе было закончено. Начались рѣчи сторонъ. Товарищемъ прокурора Р., разумѣется, было сдѣлано все, что только возможно, для обвиненія вотяковъ. Театрально повышая и понижая голосъ, онъ рисовалъ картину, какъ Матюнина вели въ шалашъ, подвѣшивали, кололи... Разсчитывая, очевидно, на темноту присяжныхъ засѣдателей, г. Р., самъ врачъ по образованію, сравнивалъ человѣка съ водопроводной трубой: повѣсилъ его за одинъ конецъ — за ноги, отрѣзалъ нижній конецъ — голову, и кровь выбѣжитъ, какъ вода изъ трубы...

И вотъ, во время этой рѣчи случился маленькій эпизодъ, который смутилъ оратора и заставилъ его на мигъ прервать свое обвиненіе. Въ открытое окно, изъ котораго сіяло голубое небо и лился потокъ яркихъ весеннихъ лучей, въ залу суда влетѣлъ голубь, плавно сдѣлалъ нѣсколько круговъ надъ судейскимъ столомъ—и снова вылетѣлъ на сіяющій про-

сторъ... И въ сгустившейся отъ извращеній правды, отъ потока «темныхъ» слуховъ и мрачныхъ сказокъ атмосферѣ человѣконенавистничества этотъ голубь показался какимъ-то символомъ сіяющей, вѣчной, высшей справедливости, которую не заглушить никакой неправдой. И, казалось, чтобы напомнить объ этой справедливости и влетѣлъ сюда свѣтлый голубь...

И блѣдны, и мертвы вышли рѣчи обвинителей. Но бой былъ упоренъ. Прокуроры выступали по два раза. Много было сказано ими такого, чего не позволилъ бы себѣ болѣе чуткій судебный дѣятель.

Рѣчи защитниковъ были ярки и проникновенны. Высокій, съ могучей фигурой, съ гривою густыхъ волосъ, Карабчевскій, «аки левъ рыкающій», накинулся на жалкіе доводы обвинителей, безпощадно разбивая ихъ одинъ за другимъ. Какъ опытный, талантливый ораторъ, онъ говорилъ, разумѣется, прекрасно, съ подъемомъ; но всетаки въ его рѣчи сказывались профессіональный навыкъ и нѣкоторая театральность. Но вотъ выступилъ В. Г. Короленко. Задушевнымъ, проникновеннымъ голосомъ, съ глубокой искренностью и сердечностью заговорилъ онъ—и сразу же приковалъ вниманіе всѣхъ. Такова была сила этой рѣчи, что всѣ мы, корреспонденты и даже стенографистки, положили свои карандаши, совершенно забывъ о записяхъ, боясь пропустить хотя одно слово. Отъ этихъ проникновенныхъ, захватывающихъ словъ обнажалась и рушилась вся неправда, которою такъ возмутительно окутывались измученные, изстрадавшіеся вотяки. Отъ этихъ словъ вѣяло глубокимъ негодованіемъ противъ обнаруженныхъ истязаній, извращенія правды, нарушеній самой элементарной справедливости, противъ систематическихъ нарушеній правосудія, противъ дикаго, мрачнаго предразсудка.

«...Благословенный, великій Боже, всевышній свѣтъ и бѣлизна, неприкосновеннымъ хлѣбомъ и неприкосновенными яствами мы тебя чтимъ и поминаемъ»,—взволнованнымъ голосомъ читалъ Влад. Галакт. трогательную молитву вотяковъ, молитву не «Курбону», а единому великому Богу.—«Великій, милый Боже, всевышній свѣтъ, небесную воду дающій и дождемъ землю оплодотворяющій, не сердись на насъ и не гнѣвайся: мы, какъ маленькія дѣти, ничего не знаемъ, ничего не понимаемъ. Да будетъ тебѣ угодно все то по твоей волѣ, великій, свѣтлый Боже». Волненіе Влад. Галакт. все росло. Наконецъ, онъ не могъ справиться съ нимъ,—заплакалъ и вышелъ изъ залы... Всѣ были захвачены, потрясены...

Рѣчь Влад. Галакт., очевидно, сильно повліяла и на судей. И послѣ его ухода длилось нѣсколько минутъ молчаніе...

Послѣ безпристрастнаго резюме предсѣдателя, присяжнымъ былъ врученъ вопросный листъ—и они удалились въ совѣщательную комнату.

Наступилъ жуткій моментъ...

Защитники и мы, корреспонденты, ожидали рѣшенія присяжныхъ на квартирѣ защитниковъ. Говорили мало. Обмѣнивались кратко наблюденіями надъ присяжными засѣдателями. Они почти всѣ были крестьяне.

Всѣ восемь дней судебнаго разбирательства они съ удивительнымъ вниманіемъ и сосредоточенностью слѣдили за происходившимъ на судѣ. Иногда они обращались къ суду за разъясненіями. Въ послѣдніе дни они какъ будто вполнѣ разобрались въ дѣлѣ и уже пришли къ какому-то рѣшенію...

Но къ какому?.. Объ этомъ-то мы и думали теперь напряженно.

Но вотъ бѣжитъ судейскій сторожъ:

— Пожалуйте, скоро выйдутъ...

Мы всѣ пускаемся за нимъ. Въ залѣ движеніе. Усаживаются судьи. Занимаютъ мѣста защитники. Въ залѣ водворяется глубокая тишина. Изъ двери вереницей вышли присяжные и стали тѣсной группой.

— Виновенъ ли такой то, что въ ночь на 5-е мая...— началъ читать старшина присяжныхъ.

Всѣ замерли...

— Нѣтъ, не виновенъ!—твердо произнесъ онъ.

Пронесся вздохъ облегченія, какъ будто камень свалился съ груди... Кто-то слабо вскрикнулъ. Всѣмъ стало ясно, что несчастные вотяки спасены, что правда восторжествовала...

И дѣйствительно, семь разъ повторялось это твердое: «нѣтъ, не виновенъ», потрясая всѣхъ...

Напряженные нервы не выдержали: многіе изъ публики— и мужчины, и женщины—плакали...

Освобожденные вотяки цѣловали руки своихъ защитниковъ... Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то крѣпко стиснулъ и мою руку. Это былъ одинъ изъ обвинявшихся. Вотяки пробрались къ столу корреспондентовъ и горячо жали намъ руки. Что-то свѣтлое, истинно-человѣческое освѣтило всѣхъ — и лица стали такъ радостны и мягки. Всѣ смѣшались въ одну группу, какъ братья.

Присяжнымъ сердечно жали руки совсѣмъ незнакомые люди,

какъ бы поздравляя съ какимъ-то радостнымъ, свѣтлымъ праздникомъ...

И это былъ, дѣйствительно, прекрасный праздникъ—праздникъ правосудія.

А спустя полчаса я видѣлъ на квартирѣ защитниковъ, какъ дѣдушка Акмаръ, 70 лѣтній старикъ, переодѣтый уже изъ арестантскаго халата въ домотканный кафтанчикъ, маленькій, сѣденькій, съ наивными, какъ у ребенка, глазами,—обнималъ Владиміра Галактіоновича и, растроганный, со слезами, трепалъ его любовно своей старческой рукой по плечу. И этотъ-то милый, дѣтски-простосердечный старикъ былъ дважды приговоренъ къ 10 лѣтней каторгѣ!

А въ Мултанѣ, вѣроятно, и до сихъ поръ живы воспоминанія о Владимірѣ Короленкѣ. «Говорилъ - говорилъ судьямъ Короленко, — разсказывали потомъ Жирнову вотяки, — разсердился, бросилъ книгу, — не кочу больше говорить—и ушелъ». И собирались заказать и поставить въ церкви образъ святого Владиміра, въ память о Короленкѣ.

Пріѣхавъ домой, въ Малмыжъ, я засталъ тамъ письмо отъ Л. Н. Толстого.

«Милостивый государь А. Н.,—писалъ онъ.—Я получилъ ваши письма и матеріалы по Мултанскому дѣлу. Я и прежде зналъ про него и читалъ то, что было въ газетахъ. Не думаю, чтобы мое мнѣніе по этому дѣлу могло повліять на судей или присяжныхъ, въ особенности потому, что оно таково, что несчастные вотяки должны быть оправданы и освобождены независимо отъ того, совершили они или не совершили то дѣло, въ которомъ они обвиняются. Кромѣ того надѣюсь, что съ помощью тѣхъ разумныхъ и гуманныхъ людей, которые возмущены этимъ дѣломъ и стоятъ за оправданіе, оправданіе это состоится или уже состоялось. Отъ души желаю вамъ успѣха и прошу принять увѣреніе въ моемъ уваженіи и симпатіи.

29 мая 1896 г. *Левъ Толстой».*

Несчастные мученики-вотяки были тогда, дѣйствительно, уже оправданы стараніями «тѣхъ разумныхъ и гуманныхъ людей», о которыхъ я писалъ Льву Николаевичу.

А. Барановъ.

КОНСТИТУЦІОННАЯ ЭВОЛЮЦІЯ АНГЛІИ.

(Въ теченіе послѣдняго полувѣка).

Въ Англіи писатели нерѣдко пользуются выходомъ въ свѣтъ книги по интересному предмету для того, чтобы подвергнуть послѣдній самостоятельному разсмотрѣнію, совершенно независимо отъ сочиненія, можетъ быть и посредственнаго, давшаго имъ поводъ къ тому. Сказавъ нѣсколько словъ о книгѣ или даже ограничившись приведеніемъ ея заглавія, они откладываютъ ее въ сторону. Знаменитые *Essays* Маколея представляютъ классическій примѣръ этой публицистической методы. Она позволитъ и мнѣ воспользоваться недавнимъ выходомъ въ свѣтъ третьяго тома англійской конституціонной исторіи Эрскина Мейя [1]), какъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы остановиться на послѣднемъ актѣ великой политической драмы, къ которой не можетъ остаться безучастнымъ ни одно цивилизованное общество.

О самой книгѣ много говорить не приходится. Всѣмъ интересующимся конституціонной исторіей давно извѣстно двухъ-томное сочиненіе покойнаго сэра Т. Эрскина Мейя, безхитростно излагающее событія англійской конституціонной жизни за время съ 1760 до 1860 г. Нынѣ является, въ видѣ третьяго тома, продолженіе этого сочиненія, составленное Френсисомъ Голландомъ по тому же плану и отличающееся тѣми же качествами— добросовѣстнымъ пересказомъ событій, безъ всякаго углубленія

---

1) *The Constitutional History of England* since the accession of George the third by Sir Thomas Erskine May (lord Farnborough), edited and continued by Francis Holland. Vol. III, 1860—1911 (Лондонъ, 1912).

въ предметъ. Книга трактуетъ почти исключительно о законодательныхъ перемѣнахъ въ англійскомъ конституціонномъ строѣ; между тѣмъ англійская конституція, какъ извѣстно, есть лишь въ нѣкоторой части своей «писанная конституція», и въ теченіе послѣдняго полувѣка, въ частности, конституціонная экономія англійскаго государства претерпѣла немало измѣненій, не запечатлѣнныхъ никакими парламентскими актами, никакими законами.

Борьба за избирательное право.

Знаменитая парламентская реформа 1832 г. справедливо считается гранью, отдѣляющею старую Англію отъ новой. До 1832 г. государственное управленіе, хотя и прикрытое парламентарными формами, было чисто олигархическое; власть находилась всецѣло въ рукахъ земельной аристократіи. Корона уже стушевалась предъ парламентомъ, парламентъ сталъ всемогущъ, но онъ представлялъ не націю, а небольшое число территоріальныхъ магнатовъ. Ими была полна не только наслѣдственная палата лордовъ, но и «народная» палата общинъ: члены послѣдней были членами аристократическихъ фамилій или ставленниками ихъ изъ лицъ среднихъ классовъ. Изъ 658 членовъ 424 обязаны были своимъ избраніемъ патронамъ, ихъ рекомендаціи или ихъ прямому назначенію, и, понятно, должны были вотировать въ палатѣ согласно ихъ желаніямъ. Дорожившимъ своей независимостью оставалось только открыто купить свое депутатское званіе за деньги въ городахъ, гдѣ избраніе депутатовъ было наслѣдственной привилегіей небольшой плебейской группы. Избирательное право, сложившееся въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ на самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ основаніяхъ, то, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, было ограничено ничтожной группой лицъ, то предоставлено почти всѣмъ обывателямъ,—здѣсь принадлежало членамъ муниципальной корпораціи, тамъ лордамъ-владѣльцамъ земли, на которой находится или когда-то находился городъ. Представительство повсюду закрѣплено было за опредѣленными мѣстностями, которыя нѣкогда получили его, преимущественно въ южной Англіи, въ старину самой населенной и богатой части королевства.

Но послѣ великихъ механическихъ открытій и изобрѣтеній половины XVIII вѣка—пара, ткацкой машины и т. д.—и послѣдовавшаго за ними необыкновеннаго, почти чудодѣйственнаго рас-

цвѣта мануфактурной промышленности въ сѣверной Англіи, богатой углемъ, необходимымъ для машинъ, изъ нѣдръ земли точно вышла новая страна, новая нація. Въ короткое время созданъ былъ на сѣверѣ рядъ большихъ городовъ съ многочисленной буржуазіей, полной энергіи и силъ, закаленной въ творческомъ трудѣ, шедшей отъ побѣды къ побѣдѣ на экономическомъ поприщѣ, обогащавшейся не по днямъ, а по часамъ, но лишенной политическихъ правъ. Тринадцать селъ въ Корнваллисѣ посылали въ парламентъ больше депутатовъ, чѣмъ всѣ мануфактурные города Великобританіи, вмѣстѣ взятые. Какой нибудь Old Sarum съ семью избирателями, какое-нибудь пустопорожнее мѣсто съ развалинами старой башни посылало двухъ депутатовъ по назначенію сосѣдняго лорда, а Манчестеръ, сдѣлавшій весь міръ своимъ данникомъ, не имѣлъ ни единаго депутата въ парламентѣ. Представители новой экономической мощи Англіи не захотѣли оставаться политическими паріями. Въ ихъ пользу или, точнѣе, противъ феодальнаго строя, который стоялъ имъ поперекъ дороги, давно уже работала политическая мысль. И Адамъ Смитъ, и идеи французской революціи, и національная философія утилитаріевъ, Бентама и его школы—всѣ пробивали брешь въ старомъ строѣ и разрушали его традиціонную силу въ общественномъ сознаніи. Пониженіе заработной платы и вздорожаніе жизни, вызванныя наступившимъ послѣ наполеоновскихъ войнъ экономическимъ кризисомъ, и репрессіи реакціоннаго правительства создали въ народныхъ массахъ революціонное настроеніе, выразившееся не столько въ эксцессахъ, сколько въ конституціонномъ требованіи парламентской реформы, съ которой рабочіе связывали самыя радужныя надежды на улучшеніе своей судьбы. Требованіе реформы, шедшее отъ всѣхъ лишенныхъ избирательнаго права, стало столь настойчивымъ, что выборы 1831 года провели въ парламентъ громадное большинство въ пользу реформы, явивъ яркое доказательство тому, что тамъ, гдѣ есть общественное мнѣніе, сознательное, стойкое и рѣшительное, противъ него безсильны самыя чудовищныя ограниченія избирательныхъ законовъ. Палата общинъ поспѣшила принять билль о реформѣ, но палата лордовъ отвергла его. Рабочія массы заняли угрожающее положеніе. Чтобы предупредить революцію, корона склонилась предъ волей народной и заставила палату лордовъ капитулировать, грозя назначить новыхъ пэровъ въ количествѣ достаточномъ для составленія большинства въ пользу билля. Изъ рукъ земельной аристократіи вырвана была его политическая монополія; палата лордовъ была унижена, корона превращена

въ покорнаго слугу народнаго, осуществляющаго свои историческія прерогативы для народа и по указаніямъ его представителей. Центръ политической тяжести былъ окончательно перенесенъ въ палату общинъ.

Какъ многозначительна ни была революція эта, совершившаяся мирнымъ путемъ, она отнюдь не перевернула вверхъ дномъ англійскій государственный строй, какъ того ожидали съ трепетомъ и отчаяніемъ консервативные элементы общества и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ крайніе элементы. Законодательная перемѣна, произведенная биллемъ о реформѣ, состояла въ слѣдующемъ: вмѣсто традиціонныхъ категорій лицъ, пользовавшихся правомъ голоса на парламентскихъ выборахъ (немногія лишь изъ нихъ были сохранены), установлены были новыя категоріи на основѣ владѣнія или пользованія недвижимой собственностью. Въ «городахъ», т. е. въ городахъ, особо посылающихъ представителей въ палату общинъ, избирательное право предоставлено было всякому лицу, занимающему на правахъ собственника или нанимателя недвижимое имущество, стоимостью не менѣе десяти фунтовъ (около ста рублей) въ годъ и обложенное сборомъ въ пользу бѣдныхъ. Въ «графствахъ», т. е. въ округахъ, составленныхъ изъ сельскихъ мѣстъ и изъ городовъ, не имѣющихъ особаго представительства въ парламентѣ, избирательное право получили, въ дополненіе къ собственникамъ недвижимыхъ имуществъ, издавна предоставлявшихъ это право, собственники всякой недвижимости, независимо отъ ея происхожденія, съ доходностью не менѣе 10 фунтовъ въ годъ, а также разныя категоріи чиншевиковъ и арендаторовъ по опредѣленному для каждой изъ нихъ цензу. Вмѣстѣ съ тѣмъ произведена была новая разверстка политическаго вліянія между мѣстностями: у 56 городовъ съ населеніемъ менѣе 2000 жителей (въ числѣ коихъ были «гнилыя мѣстечки»), имѣвшихъ наравнѣ съ самыми большими городами по два депутата, совсѣмъ было отнято право посылать отдѣльныхъ депутатовъ въ парламентъ; они были «потоплены» въ графствахъ, т. е. включены въ общую избирательную массу графства, въ предѣлахъ котораго они находились. 31 городу съ населеніемъ болѣе двухъ, но менѣе четырехъ тысячъ жителей, оставлено только по одному представителю. Освободившіяся 143 мѣста распредѣлены были между графствами и большими городами, преимущественно промышленными, многіе изъ которыхъ до тѣхъ поръ вовсе не были представлены въ парламентѣ.

Избирательное право перестало быть монополіей, но не

перестало быть ограниченнымъ и неравномѣрнымъ. Общее число избирателей возросло съ 300.000 едва до 750.000. Чудовищныя аномаліи въ распредѣленіи политическаго вліянія были уничтожены, но избирательные округа все еще рѣзко разнились по количеству населенія и по числу депутатовъ, все еще оставалась великая несоразмѣрность между ними. Палата лордовъ, потерявъ первенствующее значеніе, продолжала быть важнымъ факторомъ государственной жизни. Собственность, въ частности—земельная, попрежнему, хотя и въ другой пропорціи, была источникомъ и основой политической власти. Но парламентская реформа повлекла за собой послѣдствія, выходившія далеко за предѣлы законодательныхъ перемѣнъ, ею введенныхъ, хотя и сказавшіяся не сразу. Она не только создала новую атмосферу политическую, но облекла властью независимое общественное мнѣніе, сообщила импульсъ соціальнымъ и политическимъ реформаторамъ, общественнымъ подъемомъ, ею вызваннымъ; она не только установила въ государствѣ новое соотношеніе общественныхъ силъ, но ввела, правда — безсознательно и незамѣтно, новые политическіе принципы, которые должны были въ конецъ разрушить весь старый конституціонный строй, переработать, какъ въ организмѣ, всѣ ткани его. Установленный актомъ 1832 г. избирательный цензъ на началѣ владѣнія или пользованія недвижимостью извѣстной стоимости прокладывалъ дорогу абстрактнымъ критеріямъ избирательнаго права, не различающимъ между лицами. До 1832 г. избирательное право принадлежало опредѣленнымъ группамъ лицъ и опредѣленнымъ мѣстностямъ, во многихъ случаяхъ (напр. въ отношеніи членовъ муниципальныхъ корпорацій) даже на началѣ наслѣдственномъ; оно переходило къ сыну или зятю, единственно въ силу происхожденія или брака, независимо отъ обладанія собственностью. Избирательное право было личной привилегіей, *именнымъ* правомъ. Реформа 1832 г. сдѣлала изъ него право на *предъявителя*. Всякій кто владѣлъ недвижимостью, дающей не менѣе 10 фунтовъ въ годъ, становился избирателемъ. Переверстка представительства, неполная, недостаточная и нѣсколько произвольная, всетаки сдѣлана была на основѣ численности населенія, на основѣ цыфирной, т. е. абстрактной. До 1832 г. исторически создавшіеся избирательные округа, многолюдные и малолюдные, имѣли одинаковое представительство, какъ человѣческія тѣла, независимо отъ роста ихъ, отправляютъ тѣ же функціи. На мѣсто этого порядка, который ученые барды старой Англіи, въ родѣ Гнейста, съ удовлетвореніемъ

называли органическимъ, реформа 1832 г. вводила начало, которое можно было бы назвать атомистическимъ.

Получившія хотя только косвенное и частичное признаніе, новыя начала ариѳметическаго распредѣленія политической власти заключали въ себѣ нивелирующую силу, которая собственной инерціей должна была проложить себѣ дорогу по всему протяженію политическаго общества, сглаживая и выравнивая весь путь до конца. Совершеніе этого процесса было только вопросомъ времени. Къ избирательному праву допущены были биллемъ о реформѣ «десятифунтовики». Какая сила благодати политической скрывается въ цифрѣ 10? Почему не пойти до 8, до 7 и, пожалуй, дальше? Напрасно авторъ реформы 1832 г. Джонъ Россель заявитъ требующимъ дальнѣйшаго расширенія избирательнаго права, что реформа эта «окончательная» (final). Насмѣшники отвѣтятъ ему прозвищемъ Finality Jack, а люди болѣе серьезные отчеканятъ формулу, выражающую аксіому элементарной политической мудрости: there is no finality in politics (въ политикѣ ничто не окончательно). Прикрытый ли, по англійской модѣ, практическими соображеніями цѣлесообразности, или выставленный въ логической наготѣ своей, вопросъ о томъ, почему критеріемъ политической правоспособности должна почитаться сумма въ 10 фунтовъ, а не въ 7, 5 или даже 0, встанетъ неотступно, и вокругъ него завяжется конституціоная борьба, въ которой эпигоны стараго строя, природные или профессіональные консерваторы, политическіе идеалисты, печальники народные, и политическіе авантюристы, ловящіе власть въ мутной партійной водѣ, используютъ всѣ средства политической діалектики, всю потенціальную силу стоящихъ за ними общественныхъ группъ и всѣ данныя экономическихъ, политическихъ или просто партійныхъ конъюнктуръ дня, пока одна изъ борющихся сторонъ не останется побѣдительницей на всей линіи.

Продолжительная борьба эта, въ которой спорныя позиціи будутъ отстаиваться и отвоевываться шагъ за шагомъ, открылась, однако, попыткой взять ихъ штурмомъ. Реформа 1832 г., допустивъ къ избирательному праву «десятифунтовиковъ» и давъ представительство промышленнымъ городамъ, ввела въ «лоно конституціи» средніе классы, буржуазію. Рабочія массы остались за политическимъ бортомъ. Энергія и энтузіазмъ, проявленные ими въ борьбѣ за «билль, за весь билль», оказались для нихъ потраченными даромъ; они загребли своими руками жаръ для другихъ. Разочарованіе въ результатѣ реформы и бѣдственное положеніе рабочихъ массъ, вызванное рядомъ неурожаевъ

и вообще жалкими условіями жизни въ фабричныхъ городахъ, скоро подняли народное движеніе полу-революціоннаго характера, извѣстное подъ именемъ чартизма. Хотя и выросшій на почвѣ соціальнаго недовольства, чартизмъ выставилъ исключительно политическую программу; въ числѣ знаменитыхъ «шести пунктовъ» стояли всеобщее избирательное право и равенство представительства. Абстрактное начало личности, робко или безсознательно введенное биллемъ 1832 г. въ англійское государственное право, было развернуто единымъ жестомъ во всю его ширь до послѣднихъ логическихъ предѣловъ; всѣ промежуточныя ступени и грани были отброшены. Но стремительный напоръ этотъ разбился о новую политическую силу, выдвинутую парламентской реформой 1832 г.

Законодательное содержаніе акта 1832 г. было ограниченное, онъ не революціонировалъ конституцію, но онъ пробилъ отдушину въ затхломъ зданіи англійской государственности и открылъ доступъ притокамъ свѣжаго воздуха; онъ внесъ въ государственную жизнь новый духъ, обезпечивавшій мирное обновленіе ея, хотя и постепенное, а подчасъ, можетъ быть, и медленное. Это новое направленіе позволило провести рядъ реформъ, которыя были бы раньше невозможны: въ мѣстномъ управленіи, въ призрѣніи бѣдныхъ, въ регламентаціи фабричнаго труда, наконецъ, и въ особенности, въ фискальномъ строѣ. Участь трудящихся классовъ улучшилась, хлѣбъ сталъ дешевъ послѣ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ въ 1846 г., заработная плата поднялась, покупная сила ея возрасла, благодаря свободному ввозу иностранныхъ продуктовъ, а буржуазія, благодаря той же конъюнктурѣ, продолжала богатѣть. Такимъ образомъ соціальное недовольство, казавшееся въ началѣ царствованія Викторіи угрожающимъ, улеглось черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ; незачѣмъ стало добиваться политическимъ перемѣнъ, и въ то самое время, какъ кругомъ, въ 1848 г., престолы падали и баррикады дымились на улицахъ, въ Англіи чартизмъ испускалъ духъ. Пятидесятые годы представили еще болѣе яркую картину политическаго квіетизма, въ который погрузилось все общество. Никого не шокировало, что аристократическіе элементы все еще играли крупную роль въ управленіи государствомъ. Буржуазія, несмотря на численно господствующее положеніе, предоставленное ей реформой 1832 г., позволяла аристократіи занимать по прежнему авансцену политической жизни. Она поддалась ея традиціонному престижу, какъ новый компаньонъ, вступившій въ старую фирму, довольствуясь тѣмъ, что послѣднее слово все-таки принадлежало ей, денежному компаньону.

У рабочихъ классовъ этого сознанія не могло быть; они остались, въ громадномъ большинствѣ своемъ, политически безправными, но безропотно сносили это. «Когда Джонъ Булль,— говоритъ одинъ современный историкъ англійскій [1]),—безъ гроша денегъ, онъ проявляетъ съ величайшей настойчивостью свое недовольство и даже развиваетъ политическіе принципы, имѣя впрочемъ всегда на умѣ будущіе матеріальные результаты. Но когда у него вдоволь ростбифа и пива, у него мало идей и довольство его колоссально». Къ тому же лучшіе, болѣе сознательные элементы рабочаго класса ушли всецѣло въ работу по экономической организаціи трудящихся массъ, принявшей грандіозные размѣры въ формѣ тредъ-юніоновъ.

Вносившіяся отъ времени до времени въ палату предложенія о новой избирательной реформѣ проваливались безъ борьбы, среди всеобщаго равнодушія. Чего ради было волноваться? Изъ 618 членовъ палаты общинъ 226 были лорды и баронеты или сыновья и внуки ихъ, и до 100 другихъ членовъ были родственниками ихъ; 179 были директорами желѣзныхъ дорогъ, 70—банкирами (многіе, правда, совмѣщали эти званія). Изъ шести взрослыхъ лицъ мужского пола лишь одинъ пользовался избирательнымъ правомъ. Большіе промышленные города, надѣленные имъ въ 1832 г., все-таки стояли въ парламентѣ не выше ничтожныхъ мѣстечекъ; Ливерпуль съ 400.000 населенія посылалъ двухъ депутатовъ въ парламентъ, городишко Тетфордъ съ 4.000 жителей — столько же. Но развѣ отъ этихъ аномалій страдало государственное управленіе, умалялось народное благосостояніе, ограничивалась гражданская свобода? Правящіе классы, и консерваторы и либералы, одинаково считали этотъ режимъ весьма пріемлемымъ. Самый блестящій истолкователь дѣйствовавшей конституціи и одинъ изъ проницательнѣйшихъ политическихъ умовъ, Бэджготъ, былъ почти того же мнѣнія. Считая тогдашній конституціонный режимъ чуть ли не послѣднимъ словомъ политической мудрости, Бэджготъ признавалъ, что онъ имѣетъ одинъ недостатокъ: онъ даетъ неподобающій перевѣсъ «земельному интересу», крупнымъ землевладѣльцамъ. Эту односторонность, впрочемъ, можно было бы легко устранить, давъ нѣкоторое представительство рабочему классу, предоставивъ ему нѣсколько десятковъ депутатовъ, которые могли бы явиться въ парламентѣ выразителями его нуждъ

---

[1]) J. Holland Rose, авторъ крупныхъ работъ о революціонной и наполеоновской эпохѣ, о В. Питтѣ, и др.

и желаній. Предоставленіе рабочимъ классамъ представительства сообразно ихъ численности не можетъ быть допущено; низшіе классы общества всегда должны быть въ подчиненіи, всегда должны оставаться по крайней мѣрѣ сравнительно невліятельными. Демократическая теорія есть ересь. Невѣжественныя массы не должны рѣшать споровъ образованныхъ своихъ согражданъ [1]). Радикальнѣйшій философъ того времени Джонъ Стюартъ Миллъ относился сочувственно къ демократіи, но и онъ полагалъ, что необходимо создать ей противовѣсъ въ избирательномъ правѣ, дабы удержать государственное правленіе въ рукахъ образованныхъ классовъ [2]). Такъ думали мыслители. Обывателю же самое слово демократія внушало неопредѣленный страхъ и отвращеніе. «Мнѣ едва ли нужно сказать,—пишетъ въ 1865 г. одинъ умный наблюдатель [3]),—что въ хорошемъ обществѣ не произносятъ слова «демократія».

Таковы были экономія дѣйствовавшей конституціи и взгляды, господствовавшіе по поводу ея въ англійскомъ обществѣ при самомъ наступленіи того полувѣка, который мы собираемся обозрѣть.

Полувѣкъ этотъ открывается въ политическомъ отношеніи смертью лорда Пальмерстона въ 1865 г. Престарѣлый премьеръ, пользовавшійся въ странѣ и въ парламентѣ, среди консерваторовъ и либераловъ, величайшей популярностью, облекшей его какъ бы диктаторской властью, слышать не хотѣлъ о реформѣ. Онъ отражалъ, впрочемъ, лишь настроеніе правящихъ классовъ, находившихъ, что отъ добра добра не ищутъ. Но вотъ Пальмерстонъ умеръ—и чары его, державшія неподвижнымъ все политическое общество до наиболѣе передовыхъ элементовъ включительно, исчезли. Вопросъ о парламентской реформѣ всталъ сразу на первый планъ. Годы политическаго застоя накопили въ обществѣ большой запасъ радикализма, находившаго ограниченное помѣщеніе въ тѣсныхъ кругахъ интеллигенціи и передовыхъ политиковъ, и съ тѣмъ большей силой искавшаго теперь выхода. Пока Пальмерстонъ былъ живъ и всемогущъ, радикализмъ не предъявлялъ требованій реформы, но записывалъ ихъ, такъ сказать, на счетъ; теперь онъ потребовалъ уплаты. Первой статьей, давно уже занесеной въ счетъ, было расширеніе избирательнаго права. Политическія партіи, снова выстроившіяся въ боевой порядокъ послѣ пальмерстоновскаго перемирія,

---

[1]) Essays on Parliamentary Reform, 1859.
[2]) Thoughts on Parliamentary Reform, 1859.
[3]) Англійскій корреспондентъ нью-іоркскаго журнала The Nation

неизбѣжно должны были сдѣлать первымъ предметомъ своей борьбы вопросъ объ избирательной реформѣ: онъ давно уже «числился» за парламентомъ. Общественное мнѣніе было равнодушно, но предъ нимъ выступилъ Джонъ Брайтъ, великій ораторъ и въ то время представитель радикализма. Его мощное слово неустанно раздавалось по всей странѣ, и благодаря его усиліямъ вопросъ о реформѣ сталъ очереднымъ. Либеральное министерство, унаслѣдовавшее власть отъ Пальмерстона, предложило рѣшеніе весьма скромнаго, отнюдь не революціоннаго содержанія, главный пунктъ котораго сводился къ уменьшенію избирательнаго ценза въ городахъ съ 10 фунтовъ до семи Оно встрѣтило сопротивленіе не только со стороны консерваторовъ, но и въ рядахъ собственной партіи. Правящіе классы слишкомъ свыклись съ своимъ положеніемъ, и предложенная реформа показалась имъ посягательствомъ на самыя основы англійской конституціи. На парламентской аренѣ и въ печати завязался великій конституціонный диспутъ, представляющій не только громадный интересъ для всѣхъ желающихъ уразумѣть смыслъ политической эволюціи современныхъ обществъ, но имѣющій также и актуальное значеніе для тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ вопросы народнаго представительства и народоправства являются еще только проблемами.

Главный аргументъ противниковъ реформы состоялъ въ томъ, что она уничтожитъ «равновѣсіе политической власти». Власть эта, согласно традиціонной теоріи, слагалась изъ трехъ отдѣльныхъ, но координированныхъ властей: короны, лордовъ и общинъ, этихъ такъ называемыхъ трехъ «сословій королевства» (Estates of the Realm). Ни одна изъ этихъ властей не имѣла силы творить лишь свою волю; въ своемъ стремленіи къ тому она встрѣчала сопротивленіе со стороны двухъ другихъ властей; каждая изъ нихъ служила «тормазомъ и противовѣсомъ» остальныхъ. Теорія эта, основанная на аналогіи процессовъ или по крайней мѣрѣ терминовъ механики, сдѣлалась популярной еще въ XVIII-мъ вѣкѣ. Монтескье, изучая государственный строй Англіи, нашелъ причину его превосходства въ раздѣленіи трехъ властей, которыя, какъ ему показалось, двигали государственный механизмъ, сдерживая одна другую. Знаменитый комментаторъ англійской конституціи Блекстонъ, ставшій на ту же точку зрѣнія, популяризировалъ идеи о «конституціонныхъ тормазахъ и противовѣсахъ». Онѣ сдѣлались въ Англіи общимъ мѣстомъ въ политическихъ разсужденіяхъ, стали неразрывны съ самымъ понятіемъ конституціи: конституція была настоящей конститу-

ціей, обезпечивала гражданскую свободу, лишь если она была снабжена «тормазами и противовѣсами». «Мы хвастаемъ—заявилъ Дизраэли во время дебатовъ, вызванныхъ биллемъ о реформѣ,—мы гордимся тѣмъ, что наша конституція есть конституція тормазовъ и противовѣсовъ». Эта теорія, дополненная и усовершенствованная, выдвигалась теперь для того, чтобы закрыть низшимъ классамъ дорогу къ политическимъ правамъ.

Какъ въ сложномъ механизмѣ колеса содержатъ въ себѣ колеса, такъ и въ равновѣсіи «сословій королевства» оказывался еще цѣлый рядъ равновѣсій, которыя нужно было сохранить, если желательно было сохранить «англійскую конституцію». Во первыхъ—равновѣсіе общественныхъ классовъ. «Основной принципъ англійской конституціи состоитъ въ томъ, что парламентъ долженъ быть отраженіемъ, представительствомъ каждаго класса, не по числу членовъ, а сообразно всему тому, что даетъ вѣсъ и значеніе въ обществѣ, такъ чтобы всѣ различные классы могли быть выслушаны въ палатѣ общинъ, чтобы ихъ взгляды получили тамъ правильное освѣщеніе, но чтобы невозможно было одному классу подавить своею численностью всѣ остальные или заткнуть имъ ротъ... Каждый классъ, взятый въ цѣломъ, долженъ имѣть своихъ адвокатовъ въ парламентѣ, но для этого вовсе не нужно, чтобы каждый членъ даннаго класса былъ представленъ въ палатѣ».

Билль—жаловались противники его,—устанавливаетъ политическое преобладаніе городского элемента надъ сельскимъ. Во всѣхъ политическихъ конфликтахъ города представляли принципъ новшества, графства—принципъ консерватизма. Сочетаніе того и другого принципа удерживало въ равновѣсіи политическую систему, на подобіе центробѣжной и центростремительной силъ въ порядкѣ природы. Билль нарушаетъ политическое равновѣсіе не только расширеніемъ избирательнаго права въ городахъ и увеличеніемъ ихъ представительства, но и отнятіемъ его у мелкихъ городовъ. Мѣстечки эти, находившіяся очень часто подъ вліяніемъ сосѣднихъ территоріальныхъ магнатовъ, доставляли земельной аристократіи, по разсчету Дизраэли, изъ 334 городскихъ депутатовъ Англіи (безъ Шотландіи и Ирландіи) 84 депутата въ дополненіе къ 162-мъ, избраннымъ отъ графствъ. Благодаря этому «земельный интересъ» могъ противопоставить 246 депутатовъ остальнымъ 250, свободнымъ отъ его вліянія, и получить если не полное удовлетвореніе справедливыхъ притязаній своихъ, то «достаточное приближеніе къ избирательной справедливости».

Уравновѣшивающая сила маленькихъ городовъ простиралась еще далѣе, не ограничиваясь земельнымъ интересомъ. Она вообще обезпечивала *разнообразіе представительства*, это основное условіе истиннаго представительнаго строя. Депутаты графствъ, обыкновенно изъ среды мѣстныхъ помѣщиковъ, являются представителями сельскихъ интересовъ, а представители большихъ городовъ проникнуты всецѣло мѣстными интересами, промышленными, мануфактурными. Всѣ остальные интересы останутся безъ представительства въ парламентѣ, если лишить мелкіе города ихъ права посылать особо депутатовъ или если не будетъ созданъ вмѣсто этой системы какой-либо суррогатъ. — Дѣйствительно, «система маленькихъ парламентскихъ городовъ», представляя собой аномалію, иногда вопіющую, подчасъ являлась, даже при старомъ режимѣ, до 1832 г., коррективомъ избирательной монополіи правящихъ классовъ. Она открывала дорогу въ парламентъ людямъ болѣе или менѣе независимымъ, потому что города эти были слишкомъ незначительны, чтобы имѣть свои спеціальные интересы и навязывать ихъ своимъ депутатамъ.

Наряду съ разнообразіемъ избирательныхъ округовъ существовало разнообразіе избирательныхъ цензовъ, позволявшее проводить въ парламентъ представителей разнообразныхъ группъ населенія. Бэджготъ, высказываясь (въ 1865 г.) за предоставленіе рабочимъ нѣкотораго представительства, вспоминалъ съ сожалѣніемъ о старомъ, болѣе эластичномъ порядкѣ разнообразныхъ избирательныхъ цензовъ, которому положилъ конецъ «единый непреклонный цензъ, введенный въ 1832-мъ году». Нивелирующая тенденція реформы 1832 г. получила бы еще болѣе широкое развитіе съ уничтоженіемъ особаго представительства мелкихъ городовъ. И не только торійскій вождь Дизраэли, но и либералъ Робертъ Лоу страшился «слишкомъ большого единообразія и монотонности народнаго представительства». «Намъ угрожаетъ опасность—говорилъ онъ,—сдѣлаться слишкомъ похожими одинъ на другого, мы можемъ стать просто на просто многозначнымъ произведеніемъ одного и того же числа».

Сохранить традиціонный обликъ англійскаго общества, сохранить старыя общественныя отношенія, старыя связи, представлялось особенно важнымъ для противниковъ реформы. Нѣкоторые изъ нихъ заявляли, что расширеніе избирательнаго права нисколько не страшитъ ихъ, если только не будетъ разрушена соціальная организація Англіи, дающая преобладаніе имущимъ и образованнымъ классамъ. Въ другихъ

странахъ, напр. въ Америкѣ и Австраліи, широкое избирательное право опасно, но въ Англіи (при существующемъ въ ней почтительномъ отношеніи низшихъ классовъ къ высшимъ) избиратели никогда не будутъ далеко уклоняться отъ «магнетическихъ теченій» высшихъ классовъ, и если оставить народу его естественныхъ вождей въ естественно-образованныхъ избирательныхъ округахъ, гдѣ традиціонныя вліянія могутъ свободно проявляться, то нечего опасаться, что народъ будетъ избирать неподходящихъ людей; онъ будетъ относиться съ уваженіемъ и довѣріемъ къ старымъ именамъ и старымъ связямъ. Съ этой точки зрѣнія созданіе равныхъ избирательныхъ округовъ непріемлемо; оно было бы самой разрушительной хирургической операціей, оно разрѣзало бы насквозь мускулы и нервы политическаго организма, разорвавъ освященныя временемъ связи. По тѣмъ же соображеніямъ встрѣтило сопротивленіе предложеніе о «группировкѣ маленькихъ городовъ», о соединеніи нѣсколькихъ городовъ въ одинъ избирательный округъ, съ общимъ депутатомъ. «Когда мужчина женится на трехъ или четырехъ женахъ—это полигамія; билль устанавливаетъ еще въ худшемъ видѣ политическую полигамію, заставляя мужчину жениться на трехъ или четырехъ вдовахъ». То въ той, то въ другой формѣ, то по тому, то по другому поводу высказывалось стремленіе сохранить индивидуальность старыхъ политическихъ единицъ, однородность ихъ состава, закрѣпленную традиціей, и не допустить распыленія, атомизированія ихъ.

Оптимистическія надежды на то, что традиціонный соціальный строй обезвредитъ политическія перемѣны, встрѣчали скептическое отношеніе въ средѣ самихъ противниковъ реформы. Еще Пальмерстонъ сказалъ, въ отвѣтъ на предположеніе, что и при расширенномъ избирательномъ правѣ будутъ выбирать въ депутаты людей того же общественнаго положенія, что прежде: «да, актеры будутъ тѣ же, но вмѣсто того, чтобы играть для ложъ, они будутъ играть для галлереи». Къ тому же и самая мысль о томъ, что различные между собой политическій строй и соціальный укладъ могутъ существовать совмѣстно и функціонировать согласно, является ересью, какъ объяснилъ самый выдающійся противникъ реформы, Робертъ Лоу. «Всѣ политическія учрежденія должны быть болѣе или менѣе вѣрнымъ отраженіемъ соціальнаго состоянія страны. Только тогда они дѣйствуютъ правильно и ровно, не вызывая потребности въ коренныхъ перемѣнахъ или не давая предлога для нихъ. Если же этого соотвѣтствія нѣтъ, то происходитъ борьба, соціальная

сила старается овладѣть политической властью, или политическая власть стремится пріобрѣсти соціальное вліяніе. Билль отнимаетъ власть у классовъ, находящихся на верху общественной лѣстницы, и вручаетъ ее тѣмъ, которые находятся на самомъ низу ея. Политическая власть отнынѣ будетъ принадлежать тѣмъ, которые имѣютъ наименьшее общественное вліяніе. Политическая система постарается подчинить себѣ соціальную, между обѣими силами откроются безконечные конфликты, результатъ которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, ибо вся исторія показываетъ, что побѣда остается за тѣми, которые обладаютъ политической властью».

Равновѣсіе классовъ, интересовъ, городскихъ и сельскихъ округовъ, соотвѣтствіе политической власти соціальному вліянію, разнообразіе представительства съ преобладаніемъ имущихъ и образованныхъ классовъ, которые одни представляютъ общественное мнѣніе,—все нарушается, все разрушается избирательной реформой. Она противопоставляетъ право личности общему благу, принципъ численнаго большинства богатству и образованности; она вноситъ начало равенства и толкаетъ англійскую государственность на покатый путь, ведущій прямо къ демократіи. Устанавливаемый ею цензъ не можетъ служить барьеромъ: тѣ, которые останутся безъ избирательнаго права, будутъ домогаться его на основаніи того же принципа равенства. А демократія—доказывалъ Робертъ Лоу въ рядѣ блестящихъ рѣчей—составляющихъ сплошной обвинительный актъ и могущихъ служить источникомъ вдохновенія для всѣхъ противниковъ народоправства,—демократія неизбѣжно поведетъ англійскую государственность къ упадку. Власть будетъ въ рукахъ невѣжественныхъ и продажныхъ рабочихъ массъ, демагоги будутъ царями и политическая коррупція утвердится въ странѣ. Въ Англіи установится тотъ же порядокъ, что въ Америкѣ, гдѣ двѣ партіи оспариваютъ одна у другой расположеніе народа, стараясь перебить другъ друга какъ на аукціонѣ. Каждая изъ нихъ готова сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы заручиться народнымъ благоволеніемъ; единственное ихъ затрудненіе—угадать, чего хочетъ народъ, и вся разница между ними состоитъ въ томъ, что одна партія разсчитываетъ хорошо, а другая ошибается и не дѣлаетъ того, что хочется народу. А не исполнить немедленно того, что захотѣлось народу, потому что его желанія несправедливы или неразумны,—это никогда имъ въ голову не приходитъ».

Въ ряду мрачныхъ предвѣщаній, которыя дѣлали против-

ники реформы, слѣдуетъ отмѣтить также предсказаніе Дизраэли, что парламентъ потеряетъ свой авторитетъ надъ исполнительной властью. Расширяя избирательное право,—говорилъ онъ,—дойдутъ вѣроятно и до всеобщей подачи голосовъ. «И тогда вы будете имѣть парламентъ, который будетъ пользоваться меньшимъ уваженіемъ и меньшимъ вліяніемъ, потому что съ той минуты, какъ у васъ будетъ всеобщая подача голосовъ, настанетъ то, что всегда бываетъ: избирающій презираетъ того, кого онъ выбираетъ; онъ говоритъ: я такъ же уменъ, какъ и онъ, и хотя я послалъ его въ парламентъ, я не лучшаго мнѣнія о немъ, чѣмъ о себѣ самомъ«.

Защитники реформы возражали, что теорія представительства классовъ вовсе не вытекаетъ изъ конституціи и прямо несогласна съ ней. Она опровергается всей конституціонной исторіей Англіи. Во времена, предшествовавшія узурпаціямъ Тюдоровъ и Стюартовъ, каждый городской обыватель-домохозяинъ имѣлъ право голоса на выборахъ. Теорія классовъ практически неосуществима, ибо какъ опредѣлить объемъ «должнаго» политическаго вліянія каждаго класса, какъ его отвѣсить? Основное начало англійской конституціи: no taxation without representation — никакихъ налоговъ безъ представительства, — нарушается исключеніемъ рабочихъ массъ изъ избирательнаго права. Это исключеніе милліоновъ лойяльныхъ гражданъ противно элементарной справедливости. Всѣхъ избирателей теперь одинъ милліонъ, но кромѣ нихъ есть еще семь милліоновъ взрослыхъ людей. Какъ можно сказать имъ, что они остаются исключенными? Если избирательное право и не есть отвлеченное право личности, то желательно, чтобы къ нему допущено было возможно большее количество лицъ; государственное дѣло можетъ только выиграть отъ этого, преданность родинѣ и ея учрежденіямъ возрастетъ отъ того, что большее количество лицъ почувствуетъ себя участниками въ этомъ дѣлѣ. Совершенно напрасны страхи, что рабочія массы, получивъ избирательное право, задавятъ всѣ остальные классы, «потопятъ» ихъ: рабочіе отнюдь не одинаково мыслятъ въ вопросахъ политическимъ и не больше лицъ другихъ классовъ склонны будутъ итти какъ одинъ человѣкъ; лишь въ вопросахъ о заработной платѣ у нихъ общій интересъ, и тредъ-юніоны никогда не сдѣлаются орудіемъ политической борьбы въ рукахъ рабочаго класса. Вполнѣ вѣрно замѣчаютъ, что право голоса на выборахъ само по себѣ еще не служитъ источникомъ соотвѣтственнаго вліянія въ парламентѣ и что послѣднее дается въ гораздо большей степени соціальнымъ вліяніемъ. Но совершенно

неправильно заключеніе, дѣлаемое отсюда, что рабочимъ нечего, поэтому, гнаться за избирательнымъ правомъ. То обстоятельство, что общественное вліяніе рабочихъ массъ ничтожно и что при существующемъ въ Англіи соотношеніи силъ соціальной и политической общественные классы, находящіеся теперь у власти, сохранятъ политическое преобладаніе, не смотря на всѣ билли объ избирательной реформѣ, является скорѣе основаніемъ для допущенія рабочихъ къ политической власти, ибо не имѣя ни общественнаго, ни политическаго вліянія, они остаются совершенно беззащитными.

О томъ, чтобы демократизировать конституцію при помощи избирательной реформы, никто изъ сторонниковъ реформы и не думалъ. Это представлялось всѣмъ невозможнымъ, а громадному большинству—и нежелательнымъ. И радикалы, и умѣренные либералы одинаково исходили изъ положенія, что «стеченіе причинъ сдѣлало демократію невозможной въ Англіи». И въ то время, какъ одни съ сокрушеніемъ склонялись передъ этимъ фактомъ, какъ передъ стихійнымъ явленіемъ, другіе черпали въ немъ надежду, что избирательная реформа будетъ обезврежена соціальнымъ преобладаніемъ имущихъ и образованныхъ классовъ. Они открещивались отъ демократіи, заявляя, что стоятъ за «смѣшанный образъ правленія», за «конституціонные принципы въ отличіе отъ демократическихъ». Самъ Джонъ Брайтъ, въ теченіе ряда лѣтъ возбуждавшій бурю въ народныхъ душахъ и говорившій на митингахъ, что лица, не имѣющія избирательнаго права, не могутъ называться людьми, что они рабы,—утверждалъ въ парламентѣ, что онъ стоитъ на традиціонной почвѣ «конституціи». Гладстонъ тоже не произносилъ слова: демократія, но его умъ, погруженный въ богословіе, подсказалъ ему евангельскій эквивалентъ этого термина. «Вы смотрите на рабочіе классы, — сказалъ онъ въ отвѣтъ Лоу, — какъ на вражескую орду, хотя они наши братья во Христѣ и той же плоти и крови, что мы сами».

Всѣ аргументы оказались безсильными противъ страховъ враговъ реформы; значительная часть умѣренныхъ либераловъ соединилась съ торійскимъ меньшинствомъ палаты, чтобы отвергнуть билль (1866 г.). Либеральное министерство, внесшее его, пало вмѣстѣ съ нимъ.

Но самый вопросъ о реформѣ не могъ быть снятъ съ очереди. Торійское министерство, которое было призвано къ власти, на мѣсто побѣжденнаго кабинета Росселя—Гладстона, не имѣя большинства въ палатѣ, не посмѣло выступить противъ реформы

и даже высказалось за нее, если бы ее можно было осуществить по соглашенію между обѣими партіями. Послѣ паденія либеральнаго министерства въ фабричныхъ городахъ сѣверной Англіи, а затѣмъ и въ Лондонѣ рабочіе стали волноваться. Нападки Роберта Лоу и неутомимая агитація Джона Брайта вывели народныя массы изъ состоянія равнодушія, съ которымъ онѣ относились къ вопросу о реформѣ. Онѣ стали громко требовать расширенія избирательнаго права. Съ этой цѣлью формировались спеціальныя лиги въ цѣломъ рядѣ городовъ, митинги и процессіи рабочихъ организацій слѣдовали одни за другими. Одинъ изъ этихъ митинговъ, назначенный въ Лондонѣ въ Гайдъ-паркѣ, неожиданно привелъ къ эксцессамъ. Полиція запретила этотъ митингъ, и когда демонстранты явились къ парку, онъ оказался запертымъ. Заявивъ протестъ, они удалились. Значительная толпа осталась, однако, предъ паркомъ. Въ ней было не мало хулигановъ, какъ въ каждомъ большомъ сборищѣ. Чтобы потѣшиться, они стали напирать на желѣзную ограду, прорвали ее во многихъ мѣстахъ, и вся толпа ринулась въ паркъ. Произошли столкновенія съ полиціей, драки и аресты. Это подобіе народнаго бунта, хотя и инсценированнаго случайно, произвело большое впечатлѣніе, въ особенности на правительство. Реформистскія демонстраціи продолжались безустанно, хотя безъ нарушенія порядка. Министерство скоро пришло къ заключенію, что реформы не избѣжать, и, вдохновляемое Дизраэли, рѣшило не дать либераламъ осуществить ее, а провести ее и тѣмъ сохранить власть. У Дизраэли не было тѣхъ предразсудковъ противъ народныхъ массъ, которые отличали его партію, онъ былъ въ душѣ чуть не демократъ, ему нужно было только преодолѣть сопротивленіе своихъ приверженцевъ, и на это онъ употребилъ всю силу своей политической ловкости, граничившей съ геніальностью. Тронная рѣчь, открывшая сессію 1867 г., уже содержала въ себѣ престидигаторское обѣщаніе «расширенія избирательнаго права безъ особеннаго нарушенія равновѣсія политической власти».

Когда вскорѣ затѣмъ началось обсужденіе вопроса, Дизраэли, во вступительной рѣчи къ своему биллю, торжественно привелъ всю торійскую идеологію или фразеологію о классахъ и т. п: «Билль предоставляетъ народныя привилегіи, а не демократическія права. Демократическія права предполагаютъ равенство состояній, какъ коренное условіе того общества, въ которомъ они установлены... На долю нашей страны никогда не выпадетъ жить подъ демократическимъ режимомъ... Эта страна,

страна классовъ, и страной классовъ она останется навсегда». Но содержаніе билля нисколько не соотвѣтствовало этимъ комментаріямъ. Уже въ первой редакціи своей онъ предлагалъ понизить избирательный цензъ въ городахъ до 6 фунтовъ, т. е. на фунтъ ниже чѣмъ прошлогодній билль Гладстона, отвергнутый какъ революціонный. Но либералы, бывшіе теперь въ оппозиціи, нашли, что билль не идетъ достаточно далеко. Не желая итти на пораженіе, Дизраэли поспѣшилъ представить другой билль, который изумилъ не только заскорузлыхъ торіевъ, но и либераловъ и радикаловъ. Билль уничтожалъ для городского ценза всякія цыфирныя градаціи и предоставлялъ избирательное право каждому «домохозяину», каждому занимавшему квартиру, независимо отъ стоимости ея. Но на ряду съ этимъ цензомъ вводились еще новые цензы, и для пользованія цензомъ квартирнаго хозяина устанавливались ограниченія. Эти ограниченія и новые цензы должны были создать новую систему «тормазовъ и противовѣсовъ» и предотвратить «потопленіе» имущихъ и образованныхъ классовъ невѣжественной чернью. Съ этой цѣлью избирательное право предоставлялось лицамъ, имѣющимъ университетскіе дипломы, выдержавшимъ особыя испытанія при университетахъ, духовнымъ лицамъ, адвокатамъ, учителямъ и другимъ лицамъ свободныхъ профессій, затѣмъ имѣвшимъ втеченіе послѣднихъ лѣтъ денежный вкладъ въ банкѣ на сумму не менѣе 50 фунтовъ или уплатившимъ въ теченіе послѣдняго года одинъ фунтъ государственныхъ налоговъ. Если же лица этихъ послѣднихъ категорій обладали, кромѣ того, цензомъ квартирохозяина, то они получали на выборахъ два голоса вмѣсто одного. Для осуществленія избирательнаго права по квартирному цензу билль требовалъ занятія квартиры въ теченіе двухъ лѣтъ до составленія избирательныхъ списковъ и уплаты по той квартирѣ мѣстныхъ сборовъ въ пользу бѣдныхъ. Въ графствахъ предполагалось предоставить избирательное право всякому лицу, занимавшему въ теченіе года недвижимость, оцѣненную для взиманія мѣстныхъ сборовъ въ сумму не ниже 15 фунтовъ, и своевременно уплатившему сборъ въ пользу бѣдныхъ.

Всѣ «тормазы и противовѣсы», предложенные биллемъ, были подвергнуты жестокой критикѣ со стороны оппозиціи, съ Гладстономъ и Брайтомъ во главѣ. Образовательный цензъ былъ высмѣянъ. Джонъ Стюартъ Милль, не имѣвшій никакихъ школьныхъ дипломовъ, былъ бы лишенъ избирательнаго права, какъ малограмотный человѣкъ, Джонъ Брайтъ тоже, и наконецъ и самъ Дизраэли. Банковскій цензъ, налоговой цензъ и двойной

голосъ испытали не лучшую судьбу. Дизраэли мужественно сопротивлялся, на подобіе того современнаго государственнаго дѣятеля Франціи, про котораго говорили: il résiste en cédant (онъ сопротивляется, уступая). Одинъ за другимъ всѣ новые цензы были принесены имъ въ жертву на алтарь согласія, дабы не провалить реформы. Остался только квартирный цензъ, предоставлявшій избирательное право независимо отъ стоимости квартиры. Онъ открылъ бы двери настежъ предъ рабочими классами, но и тутъ былъ припасенъ «тормазъ», въ видѣ требованія уплаты квартирнымъ хозяиномъ сбора въ пользу бѣдныхъ. Собственно каждый «хозяинъ» подлежалъ этому сбору, но во многихъ городахъ наниматели маленькихъ квартиръ («домовъ») вносили этотъ налогъ черезъ домовладѣльца, который включалъ падающую на нихъ сумму въ арендную плату и являлся предъ городскимъ управленіемъ огульнымъ и единственнымъ плательщикомъ, а всѣ квартиронаниматели его, «составные домохозяева», даже не значились въ окладныхъ книгахъ. Во многихъ городахъ «составные домохозяева» составляли четыре пятыхъ общаго числа квартирныхъ хозяевъ. Не внося отъ своего имени сбора въ пользу бѣдныхъ, они оказались бы лишенными избирательнаго права: то, что билль давалъ одной рукой, онъ отнималъ другою. Либеральная оппозиція подняла вопль, и хотя сами лидеры ея, Брайтъ и Гладстонъ, не сочувствовали допущенію къ избирательному праву наиболѣе бѣдныхъ городскихъ жителей, (the residuum—осадокъ, по выраженію Брайта), радикальные члены ея настояли на внесеніи въ окладные листы всѣхъ квартирныхъ хозяевъ непосредственно. Когда предложеніе о томъ было сдѣлано, Дизраэли, ко всеобщему изумленію, принялъ его. Онъ убѣдилъ политическихъ друзей своихъ, что уничтоженіе «составныхъ домохозяевъ» вноситъ въ билль существенное улучшеніе въ консервативномъ направленіи. Какъ бы то ни было, важнѣйшее ограниченіе избирательнаго права отпало, и дорога предъ демократіей была открыта.

И по ней не пошли, а понеслись обѣ соперничающія партіи, на встрѣчу будущимъ избирателямъ, въ рукахъ которыхъ была отнынѣ ихъ судьба. Назначенный биллемъ срокъ занятія квартиры въ теченіе двухъ лѣтъ предъ составленіемъ избирательныхъ списковъ былъ сокращенъ до одного года. Избирательное право было предоставлено въ городахъ, кромѣ квартирныхъ хозяевъ, и жильцамъ, нанимающимъ комнаты, меблированныя или безъ мебели, стоимостью не менѣе 10 фун-

товъ въ годъ. Въ графствахъ цензъ былъ сокращенъ до 10 фунтовъ въ годъ. Все принималось палатой безъ долгихъ разговоровъ, второпяхъ. Дѣйствительно, тамъ шли не дебаты, а аукціонъ, какъ говорилъ Робертъ Лоу. И мощный ораторъ этотъ, увлекшій за собой, годъ предъ тѣмъ, большинство парламента въ сопротивленіи реформѣ, теперь стоялъ почти одиноко, съ сокрушеніемъ изливая свои сарказмы на безпринципность и цинизмъ партійныхъ политиковъ. «До сихъ поръ мы имѣли партію нападенія и партію сопротивленія. Теперь мы имѣемъ вмѣсто нихъ двѣ конкуррирующія партіи, которыя, подобно Клеону и продавцу сосисокъ въ комедіи Аристофана, стараются перебить другъ друга, чтобы добиться расположенія Демоса».

Бѣжавшія взапуски партіи остановились только предъ распространеніемъ избирательнаго права на женщинъ. Великій сторонникъ этого нововведенія, Джонъ Стюартъ Милль, засѣдавшій тогда въ парламентѣ, успѣлъ собрать въ его пользу лишь нѣсколько десятковъ голосовъ. Тотъ же знаменитый мыслитель выступилъ тогда же піонеромъ другой реформы — представительства меньшинства [1]). Приверженецъ демократіи и всеобщей подачи голосовъ, Милль опасался деспотизма численнаго большинства, способнаго подавить личность, интеллигенцію, и вообще меньшинство. Представленный имъ планъ «личнаго представительства» долженъ былъ предупредить эту опасность, но онъ не встрѣтилъ сочувствія въ палатѣ общинъ. Когда билль о реформѣ, принятый ею, перешелъ на разсмотрѣніе палаты лордовъ, тамъ включили въ него поправку, вводившую представительство меньшинства въ нѣсколькихъ большихъ городахъ, посылавшихъ по три депутата; согласно новому закону, избиратели могли подавать свой голосъ только за двухъ депутатовъ, такъ чтобы меньшинству, составляющему не менѣе трети общаго числа избирателей, могъ достаться третій мандатъ. Не желая задержать билль, палата общинъ согласилась на поправку лордовъ, и онъ скоро сталъ закономъ.

Великая реформа, дѣлавшая Англію демократіей, стала совершившимся фактомъ, и она была проведена торіями, вопреки всѣмъ ихъ убѣжденіямъ, предразсудкамъ и интересамъ,

1) Я не могу войти здѣсь въ подробности относительно плана Милля и весьма интересныхъ дебатовъ, вызванныхъ имъ. Желающіе могутъ найти эти подробности въ моемъ сочиненіи: *La Démocratie et l'organisation des partis politiques*, Парижъ, 1903, томъ I, стр. 95—106).

точно по какому-то недоразумѣнію, вслѣдствіе невѣроятныхъ qui pro quo, разыгравшихся на парламентской сценѣ. Самая реформа превзошла не только всякія ожиданія, но и дѣйствительные запросы общественнаго мнѣнія. Гладстонъ, который въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ своей политической карьеры только то и дѣлалъ, что вызывалъ духовъ демократіи, призналъ тридцать лѣтъ спустя послѣ реформы 1867 г., когда вызванныя ею страсти давно улеглись, что предоставленіе избирательнаго права всѣмъ квартирнымъ хозяевамъ безъ ограниченія «выходило за предѣлы потребностей и желаній времени» [1]). Почему же правящіе классы, и торіи въ частности, согласились, сдались? Сказать, что Дизраэли, этотъ «магъ и волшебникъ», обошелъ, одурачилъ ихъ — было бы недостаточнымъ объясненіемъ. Они сдались почти безъ боя, потому что ихъ сила сопротивленія растаяла; она сводилась лишь къ тупому отрицанію, безъ идей и идеаловъ, съ однимъ лишь желаніемъ сохранить господствующее положеніе. Они утверждали, что все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, а въ то же время кругомъ ихъ неустанно работала мысль, чтобы доказать противное. И Милль, и Дарвинъ, и Спенсеръ, и Гексли, и Бокль, и разныя другія вліянія разрушали традиціонныя понятія во всѣхъ областяхъ жизни; духъ сомнѣнія проникалъ чрезъ всѣ поры общественнаго тѣла. «Раздраженіе» не «мысли плѣнной» (въ Англіи она давно уже была свободна), но мысли непризнанной, не признанной правящими классами, увеличивало ея стремительность, а они не имѣли ничего, что могли бы ей противоставить.

Вся аргументація о равновѣсіи политической власти сводилась, въ сущности, къ защитѣ одного классового интереса — интереса помѣстнаго элемента. Если изъ устъ его случайныхъ союзниковъ, въ родѣ Роберта Лоу, и можно было услышать соображенія болѣе возвышеннаго характера, отличавшіяся не только блескомъ формы, но подчасъ и глубиною мысли, то ихъ достоинство и ихъ убѣдительность пропадали отъ одіозности того эгоистическаго интереса, который имъ приходилось поддерживать. Нравственная сила противниковъ реформы не увеличивалась и отъ ихъ патріотическихъ выкриковъ о томъ, что Англія будетъ низведена до уровня Америки, что собираются «американировать наши учрежденія». Когда предложено было, чтобы на обѣдахъ, которые спикеръ палаты общинъ даетъ ея членамъ

---

[1]) Писано Гладстономъ за годъ до смерти (1897) и приведено въ біографіи его, составленной Джономъ Морлеемъ.

во время сессiи, гости являлись во фракахъ, а не въ традицiонномъ придворномъ костюмѣ, въ чулкахъ, тоже поднялся крикъ объ «американизацiи учрежденiй». Не уменьшалась слабость правящихъ классовъ и отъ того, что сторонники реформы отнюдь не представляли изъ себя грозной силы, что ихъ стремленiя не поддерживались широкими слоями общества. Превосходство сторонниковъ реформы состояло не въ ихъ собственной силѣ, а въ слабости ихъ противниковъ.

Когда настал психологическiй моментъ, торiи почувствовали, что у нихъ нѣтъ почвы подъ ногами, и они склонились предъ тѣмъ, что имъ вдругъ показалось неизбѣжнымъ, какъ рокъ; партiйный оппортунизмъ сдѣлалъ остальное. Дизраэли только использовалъ этотъ страхъ и далъ направленiе этому оппортунизму. Стоя головой выше всей своей партiи, онъ понималъ ясно, что если она застынетъ въ традицiяхъ, въ слѣпомъ сопротивленiи, то она обречена. «Вы не можете—говорилъ онъ торiямъ—образовать партiю абсолютнаго сопротивленiя реформамъ, потому что перемѣны неизбѣжны въ прогрессивной странѣ». Желѣзные прутья, выдернутые толпой изъ ограды Гайдъ-Парка, свидѣтельствовали о томъ же еще съ бо̀льшимъ краснорѣчiемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходившая въ теченiе послѣднихъ 10 — 15 лѣтъ разрушительная работа мысли вдругъ предстала предъ ихъ испуганными взорами. Оправдывая поговорку, что у страха глаза велики, они представили себѣ современное англiйское общество увлеченнымъ въ вихрѣ нѣкiимъ соцiально-политическимъ Sturm und Drang. «Всѣ основы политической вѣры разрушены... Не живемъ ли мы въ такiя времена, когда ничего не принимается на вѣру; каждый предметъ долженъ быть распотрошенъ до основныхъ принциповъ его. И тщетно вы доказываете, что вещь хороша; вашъ противникъ соглашается съ этимъ, но говоритъ, что перемѣна еще улучшитъ ее. Какiя человѣческiя учрежденiя могутъ выдержать подобное испытанiе?... Ни одинъ мыслящiй человѣкъ, знакомый съ положенiемъ вещей въ нашей странѣ, ни одинъ человѣкъ, наблюдающiй ходъ общественнаго мнѣнiя и видящiй, какъ быстро развиваются идеи соцiальнаго и политическаго равенства, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что въ теченiе короткаго времени мы обязательно дошли бы до того пункта, къ которому мы теперь приведены. Но зачѣмъ намъ прыгать черезъ окно, когда мы можемъ спокойно спуститься по лѣстницѣ?»—воскликнулъ лордъ Шафтесбюри въ палатѣ лордовъ.

На этотъ патетическiй возгласъ Джонъ Брайтъ далъ отвѣтъ же двумя мѣсяцами раньше въ палатѣ общинъ, говоря консер-

ваторамъ: «если бы вы приняли билль предшествовавшаго правительства, совершенное теперь могло бы быть совершено въ два пріема вмѣсто одного. Эти двѣ ступени могли быть растянуты на двадцать лѣтъ, и когда вы дошли бы до второй ступени, вы застали бы населеніе болѣе просвѣщеннымъ и болѣе подготовленнымъ, чѣмъ теперь». Эти слова Брайта резюмируютъ всю великую драму, приведшую Англію къ конституціонной реформѣ 1867 г., и всю мораль политическихъ перемѣнъ, которую должны затвердить и добивающіеся ихъ, и тѣ, отъ кого приходится добывать ихъ, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Правящіе классы Англіи слышать не хотѣли о томъ, чтобы допустить незначительное увеличеніе избирательнаго корпуса, которое прибавило бы къ нему около 300.000 избирателей; но послѣ безплоднаго и совсѣмъ не почетнаго сопротивленія имъ пришлось согласиться на прибавленіе болѣе милліона избирателей и на установленіе демократіи. На неудовлетворенныя во-время требованія политическихъ перемѣнъ всегда наростаютъ проценты, во много кратъ превосходящіе основную сумму, или, говоря словами лорда Шафтесбюри, правители, во-время не соглашающіеся спуститься по лѣстницѣ, должны потомъ прыгать черезъ окно.

Съ другой стороны и добивающіеся перемѣнъ не могутъ безнаказанно для страны, если не для себя, игнорировать существованіе лѣстницы, особенно въ странахъ, управляемыхъ при помощи общественнаго мнѣнія. Если этотъ способъ правленія предполагаетъ въ конечномъ результатѣ участіе въ немъ всѣхъ гражданъ, то онъ по этому самому допускаетъ пріобщеніе ихъ къ государственному правленію лишь по мѣрѣ того, какъ они могутъ принять въ немъ болѣе или менѣе сознательное участіе. И отъ мудрости государственныхъ людей зависитъ опредѣлить необходимые для того этапы на пути къ конечной цѣли, дабы на каждомъ послѣдовательномъ этапѣ «застать населеніе болѣе просвѣщеннымъ и болѣе подготовленнымъ». Иначе конституціонная перемѣна можетъ привести къ столь же гибельному для государственнаго бытія несоотвѣтствію между «правами» и «законами», говоря языкомъ знаменитой антитезы Тацита, какъ въ случаѣ сопротивленія всякой перемѣнѣ.

Была ли избирательная реформа 1867 г. слишкомъ широка или нѣтъ, своевременна или преждевременна, но утвержденіе ею въ англійскомъ конституціонномъ строѣ демократиче-

скаго начала стало совершившимся фактомъ, и логическая природа этого начала тотчасъ потребовала дальнѣйшаго развитія его. Первый же парламентъ, выбранный на основаніи новаго избирательнаго порядка, далъ ему удовлетвореніе введеніемъ тайной подачи голосовъ. Въ теченіе почти сорока лѣтъ англійскій радикализмъ настаивалъ на этой реформѣ, но безуспѣшно. Теперь тайная подача голосовъ, защищающая независимость избирателя отъ давленія власти или вліянія имущихъ, являлась естественнымъ дополненіемъ предоставленнаго ему избирательнаго права, и въ 1872 г. Ballot (подача голосовъ записками) былъ окончательно принятъ.

Вслѣдъ за тѣмъ всталъ вопросъ объ уравненіи избирательнаго ценза въ «городахъ» и въ «графствахъ». Реформа 1867 г. допустила къ избирательному праву квартирныхъ хозяевъ и жильцовъ только въ «городахъ». Съ 1872 г. начали поступать въ парламентъ предложенія о распространеніи этого закона на «графства». Возраженія, которыя они вызывали въ либеральной и въ консервативной партіи, были не принципіальнаго свойства; по крайней мѣрѣ никто почти не рѣшался возражать по существу и вслухъ. Актъ 1867 г. создалъ, по отношенію къ жителямъ графствъ, аномалію, которую ничѣмъ оправдать нельзя было: квартирный хозяинъ, жившій въ городской чертѣ, обладалъ избирательнымъ правомъ, а сосѣдній квартирный хозяинъ, жившій въ 50-ти шагахъ отъ него за «городской чертой», былъ лишенъ этого права. Къ тому же, не говоря о городахъ, составляющихъ въ избирательномъ отношеніи часть «графствъ», даже сельскіе округа во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ сѣверной Англіи, потеряли сельскій характеръ, превратились въ конгломераты большихъ промышленныхъ и фабричныхъ селъ, съ населеніемъ, совершенно однороднымъ съ новыми «городскими» избирателями.

Правда, существовалъ значительный контингентъ истинно сельскаго населенія, воздѣлывавшаго землю и стоявшаго очень и очень далеко отъ всякой политики. Гладстона ихъ умственный уровень нисколько не смущалъ. «Какъ варваръ съ неразвитыми органами своими видитъ и слышитъ на разстояніи, которое культурные люди не могутъ превзойти, и при этомъ совершенно не различаетъ тонкихъ частностей звука и цвѣта, такъ точно въ сужденіи о великихъ вопросахъ государственной жизни, взывающихъ къ основнымъ истинамъ и законамъ нашей природы, могутъ преуспѣть эти классы (низшіе)... Мы не должны забыть, что и самая религія наша пу-

стила свои корни или нашла первоначальную обитель свою не въ умахъ царей, философовъ и государственныхъ людей. Книжники ли и фарисеи, или пастухи и рыбаки обратились ранѣе и охотнѣе всѣхъ къ Спасителю и Его апостоламъ?» [1]). Всѣхъ остальныхъ членовъ либеральной партіи (кромѣ развѣ Лоу, да еще Гошена) не нужно было убѣждать ни этнографическими, ни евангельскими аналогіями. На выборахъ 1880 г. всѣ либеральные кандидаты внесли въ свои программы расширеніе избирательнаго права въ графствахъ.

Получивъ громадное большинство въ парламентѣ, либералы, съ Гладстономъ во главѣ, однако, не особенно торопились, осуществленіемъ этого пункта своей программы, и лишь нѣсколько лѣтъ спустя вопросу дано было движеніе, главнымъ образомъ, какъ и въ 1867 г., по соображеніямъ партійной тактики. На этотъ разъ также не обнаруживалось въ странѣ никакого нетерпѣнія. Поднятая по этому поводу агитація носила характеръ скорѣе искусственный. Но демократическая идея успѣла сдѣлать за это время громадные успѣхи если не въ глубинѣ народнаго сознанія, то въ политическихъ маневрахъ. Кандидаты и депутаты, выступая предъ избирателями, въ составѣ которыхъ были уже милліоны городскихъ рабочихъ, отвѣшивали имъ низкіе поклоны и не жалѣли словесныхъ усилій, чтобы засвидѣтельствовать имъ свою преданность и готовность служить. Извѣстный конституціонный юристъ Дайси констатировалъ въ 1883-мъ году, что «суверенитетъ народа, если и составляетъ доктрину, еще не признаваемую въ теоріи, сдѣлался на практикѣ основнымъ догматомъ англійскаго конституціонализма. Все поведеніе англійскихъ политическихъ дѣятелей доказываетъ, что англійская демократія уже начала царствовать». Соперничество партій всего болѣе тому способствовало. Партійный оппортунизмъ, столь ярко проявившійся въ 1867-мъ году, сдѣлалъ съ того времени громадные успѣхи, особенно въ консервативной партіи. Не рѣшаясь болѣе выступать открыто, какъ представители земельнаго интереса и феодальныхъ традицій, торійскіе лидеры стали добиваться преобладанія въ политической жизни не столько для своего класса, сколько для *партіи*, во главѣ которой они стояли. Успѣхъ партіи сдѣлался самодовлѣющей цѣлью и оправдывалъ все, даже признаніе, на словахъ, демократіи.

---

[1]) Эти аргументы, вмѣстѣ съ другими, приведены Гладстономъ въ его полемикѣ, на страницахъ журналовъ 1877 г., съ Робертомъ Лоу, оставшимся непримиримымъ противникомъ широкаго избирательнаго права. Весьма замѣчательныя статьи эти вошли въ первый томикъ сборника *Gleanings of past years*.

Когда въ 1884 году Гладстонъ внесъ въ палату билль о расширеніи избирательнаго права въ графствахъ, консервативная партія сочла за благо не протестовать противъ распространенія дѣйствія закона, ею же проведеннаго въ 1867 г., но она завязала борьбу противъ либераловъ на другихъ позиціяхъ. Вмѣстѣ съ расширеніемъ избирательнаго права должно было быть совершено переверстаніе избирательныхъ округовъ (redistribution of seats), какъ то имѣло мѣсто и въ 1832, и въ 1867 г.; ибо не только старыя аномаліи далеко еще не были уничтожены, но увеличеніе количества избирателей создало новыя несоотвѣтствія между численностью избирателей въ отдѣльныхъ избирательныхъ округахъ и числомъ мандатовъ, предоставленныхъ имъ. Гладстонъ рѣшилъ провести сначала билль объ избирательномъ правѣ, а затѣмъ представить планъ переверстанія. Консерваторы потребовали одновременнаго представленія обоихъ биллей, опасаясь, что новое расписаніе округовъ и мандатовъ будетъ составлено въ ущербъ интересамъ ихъ партіи и что оно, можетъ быть, и не будетъ внесено до выборовъ, такъ что на ближайшихъ выборахъ новые избиратели либералы, при сохраненіи прежнихъ округовъ, подавятъ своею численностью консервативныхъ избирателей. Консерваторы рѣшили, поэтому, не пропускать билля о расширеніи избирательнаго права, пока не будетъ представленъ планъ переверстанія. Но въ палатѣ общинъ консерваторы, памятуя объ избирателяхъ настоящихъ и будущихъ, не посмѣли задержать билль объ избирательномъ правѣ, а предоставили сдѣлать это своимъ единомышленникамъ въ палатѣ лордовъ, имѣвшимъ тамъ большинство. Дѣйствительно, палата лордовъ не замедлила отвергнуть принятый общинами билль о расширеніи избирательнаго права. Либералы подняли сильную агитацію въ странѣ, направленную противъ самаго существованія наслѣдственной палаты, осмѣливающейся сопротивляться волѣ избранныхъ представителей народа. Въ отвѣтъ на это консервативные лидеры сами развернули демократическій флагъ: они потребовали роспуска палаты общинъ, дабы слово дано было народу: пусть этотъ высшій судья разсудитъ обѣ партіи. На одномъ митингѣ въ Лондонѣ консервативному лидеру, маркизу Салисбюри, закричали изъ толпы: покажите же вашу программу. Лордъ отвѣтилъ: программа эта состоитъ изъ трехъ словъ: «апелляція къ народу». Конфликтъ между обѣими палатами грозилъ, казалось одну минуту, такой же бурей, какъ въ 1831 г. Но обстоятельства были совсѣмъ другія: тогда представители старой Англіи бились pro aris et focis, теперь относительно самаго существа вопроса, выз-

вавшаго новую бурю, спора больше не было. Народоправство было признано, то было лишь фехтованіе партій. И королевѣ Викторіи, оффиціозно вмѣшавшейся въ дѣло, не стоило большого труда привести обѣ партіи къ соглашенію. Въ приватномъ совѣщаніи лидеровъ обѣихъ партій Гладстонъ предъявилъ своимъ противникамъ намѣченный имъ планъ переверстанія избирательныхъ округовъ и мандатовъ. Планъ этотъ производилъ громадную перетасовку въ представительствѣ разныхъ мѣстностей, но общій характеръ его былъ отнюдь не революціонный, и Гладстонъ сдержалъ обѣщанія, которыя онъ раньше далъ по этому поводу въ палатѣ: «Я нисколько не сочувствую—заявилъ онъ,—системѣ равныхъ избирательныхъ участковъ или принятію численности населенія за единственный масштабъ... Я бы сохранилъ въ умѣренныхъ предѣлахъ индивидуальность избирательныхъ округовъ и не пытался бы поставить города, обладавшіе представительствомъ въ теченіе поколѣній, точно и математически въ положеніе городовъ, никогда не имѣвшихъ представительства. Я обращу вниманіе еще на одинъ принципъ. Я склоненъ признать, что очень большія и густыя группы населенія не нуждаются и, можетъ быть, не должны имѣть пропорціональнаго ихъ численности представительства наравнѣ съ сельскими и разбросанными группами населенія, потому что политическая сила въ густыхъ группахъ проявляется гораздо ярче, быстрѣе и стремительнѣе. Это соображеніе приложимо главнымъ образомъ къ столицѣ». Изъ сообщеннаго ему плана переверстанія лордъ Салисбюри усмотрѣлъ, что избирательные шансы консерваторовъ отъ него не пострадаютъ, тотчасъ согласился на него и, къ немалому изумленію либеральныхъ министровъ, участвовавшихъ въ совѣщаніи, предложилъ еще болѣе радикальное переверстаніе, приближавшееся къ установленію равныхъ избирательныхъ участковъ съ однимъ представителемъ отъ каждаго. Онъ пришелъ къ заключенію, что консервативная партія скорѣе выиграетъ отъ того: въ сельскихъ избирательныхъ округахъ, обнимающихъ цѣлыя графства, при весьма значительномъ увеличеніи числа избирателей, торіямъ трудно было бы угнаться за ними, а въ большихъ городахъ, при раздѣленіи ихъ на участки съ особыми депутатами, богатые кварталы дали бы консервативныхъ представителей, вмѣсто того, чтобы потонуть въ общей массѣ избирателей всего города. Идя на то, чтобы разбить всю страну на избирательные участки чуть не по циркулю, лордъ Салисбюри жертвовалъ консервативными традиціями и принципами, но за то увеличивалъ шансы консервативной партіи.

Гладстонъ почти съ ужасомъ констатировалъ, что «по сравненію съ Салисбюри онъ совершенный консерваторъ».

Какъ только секретное соглашеніе между лидерами состоялось, Салисбюри далъ своей партіи отбой, и билль объ избирательномъ правѣ, вторично принятый палатой общинъ, былъ тотчасъ утвержденъ палатой лордовъ, а въ слѣдующемъ 1885-мъ году прошелъ билль о переверстаніи округовъ. Первый билль, кромѣ распространенія на графства ценза квартирныхъ хозяевъ и жильцовъ, установилъ еще и въ городахъ, и въ графствахъ новую группу избирателей изъ лицъ, находящихся въ услуженіи, но не живущихъ подъ одной кровлей съ нанимателями ихъ, какъ напримѣръ приказчики, живущіе при магазинахъ, дворники, сторожа, садовники. Билль прибавилъ два милліона избирателей, въ то время какъ билль 1867 г. прибавилъ милліонъ съ небольшимъ, а билль 1832 г.—менѣе полу-милліона. Билль объ избирательныхъ округахъ отнялъ у 79 городовъ, имѣвшихъ менѣе 15.000 жителей, ихъ депутатовъ, въ числѣ 87, включивъ («потопивъ») города эти въ избирательную массу графства, а 36 городамъ, имѣвшимъ менѣе 50.000 жителей, оставилъ по одному депутату вмѣсто двухъ и роздалъ освободившіяся депутатскія мѣста большимъ городамъ и графствамъ.

Такого громаднаго передѣла еще не было совершено послѣ 1832-го года. Передѣлъ этотъ былъ доконченъ учрежденіемъ 12 новыхъ депутатскихъ мѣстъ. Число членовъ палаты общинъ было доведено до 670. Такое увеличеніе состава палаты не всѣми было одобрено, ибо и безъ того палата была уже слишкомъ многочисленна. Дѣйствительно, если сущность представительнаго строя требуетъ возможно полнаго представительства общественныхъ группъ и интересовъ страны, то съ другой стороны слишкомъ большое число членовъ палаты обрекаетъ ее на безсиліе: она легко превращается въ толпу или въ безнадежную говорильню, не смотря ни на какіе регламенты, авторитетъ ея умаляется, ея работоспособность парализуется, а въ лучшемъ случаѣ она подпадаетъ подъ диктатуру нѣсколькихъ вожаковъ. Палата общинъ отчасти силой обстоятельствъ доведена была до столь многочисленнаго состава. Такъ напр., послѣ присоединенія Ирландіи, Англія должна была, въ силу договора, предоставить ей 107 мѣстъ въ парламентѣ, хотя населеніе ея не давало ей права и на половину этого числа.

Совершая передѣлъ парламентскихъ мандатовъ, билль въ то же время раздѣлилъ всѣ графства и большіе города на участки, по приблизительному разсчету 54.000 жителей въ каждомъ,

предоставивъ имъ по одному депутату. Впрочемъ, городамъ, имѣвшимъ болѣе 50.000 и менѣе 165.000 жителей, оставлены были ихъ два депутата, причемъ каждый избиратель тѣхъ городовъ сохранилъ два голоса, между тѣмъ какъ во всей остальной Англіи, раздѣленной на «одночленные участки», каждый избиратель имѣлъ отнынѣ не болѣе одного голоса. Такимъ образомъ, за указаннымъ исключеніемъ и еще другимъ, которое будетъ сейчасъ упомянуто, и избирательное право, и представительство были почти выравнены, основное различіе между городскими и сельскими избирательными округами, считавшееся почти конституціоннымъ догматомъ, было стерто, и вся традиціонная англійская система «мѣстнаго» представительства, разсматривавшая каждую мѣстность какъ органическое цѣлое, независимо отъ ея населенія, окончательно стушевалась предъ системой ариѳметическаго представительства. Демократическое начало абстрактной личности, прокладывавшее себѣ дорогу въ конституціонномъ строѣ Англіи со времени билля 1832 г., прошло величайшій этапъ свой.

Съ введеніемъ «одночленныхъ участковъ» отпала неизбѣжно и та незначительная доза представительства меньшинства, которая была допущена биллемъ 1867 г. въ нѣсколькихъ большихъ городахъ съ тремя депутатами. Сторонники новой системы утверждали, что она именно и откроетъ доступъ въ парламентъ представителямъ меньшинства, ибо партіи, составляющей меньшинство въ странѣ, достаточно будетъ имѣть большинство въ отдѣльномъ участкѣ, чтобы провести своего представителя. Но защитники пропорціональной системы утверждали и утверждаютъ до сихъ поръ, вполнѣ справедливо, что «одночленная система» отнюдь не является коррективомъ деспотическаго господства большинства и что она даже дѣлаетъ изъ подавленія меньшинства необходимость, ибо одно мѣсто нельзя дѣлить. Реформа 1885-го года сдѣлала абсолютное господство большинства повсемѣстнымъ, и по этому поводу можно было бы сказать, что демократія утверждалась въ Англіи на матеріальной основѣ силы, игнорируя этическое начало справедливости.

Громадное расширеніе избирательнаго права, произведенное въ 1884 г. и приведшее его очень близко къ всеобщей подачѣ голосовъ, не осталось, однако, безъ «тормазовъ и противовѣсовъ». Во первыхъ, система регистраціи избирателей.—Порядокъ регистраціи, крайне сложный, запутанный и придирчивый, въ связи

съ довольно продолжительными сроками, въ теченіе которыхъ избиратели должны занимать свои квартиры или комнаты, что бы имѣть право на внесеніе въ списки, причиняетъ «разъясненіе» (выражаясь терминомъ нашей ходячей фразеологіи) значительнаго количества избирателей, преимущественно бѣднѣйшихъ. Во вторыхъ—«множественный вотумъ»: лица, имѣющія избирательные цензы въ разныхъ мѣстахъ, обладаютъ въ графствахъ правомъ голоса по каждому цензу. Такимъ образомъ лицо, имѣющее квартирный цензъ въ «городѣ» и цензъ по недвижимому имуществу (не требующій проживанія на мѣстѣ) въ пяти избирательныхъ участкахъ въ графствѣ или въ нѣсколькихъ графствахъ, можетъ вотировать на выборахъ шесть разъ, если онъ поспѣетъ во всѣ шесть мѣстъ для подачи своего бюллетеня (что возможно, благодаря тому, что выборы происходятъ не въ одинъ и тотъ же день во всей странѣ). Число голосовъ этихъ «множественныхъ» избирателей составляло въ послѣднее время нѣсколько сотъ тысячъ. Наконецъ, кромѣ общихъ избирательныхъ коллегій изъ всего населенія, существуютъ еще особыя, образуемыя университетами: старѣйшіе восемь университетовъ посылаютъ въ палату общинъ девять депутатовъ.

Эти «тормазы и противовѣсы» шли на пользу консерваторамъ. Поэтому либералы подняли въ 90-хъ годахъ истекшаго вѣка движеніе съ цѣлью ихъ уничтоженія. Въ 1894 г. либеральное министерство Розбери внесло билль о регистраціи избирателей, сокращавшій сроки проживанія для внесенія въ избирательные списки и воспрещавшій «множественные вотумы». Но министерство Розбери скоро пало, и билль—вмѣстѣ съ нимъ. Когда либералы вернулись къ власти послѣ слишкомъ десятилѣтняго промежутка, они тотчасъ провели въ палатѣ общинъ, въ 1906 г., билль объ уничтоженіи «множественнаго вотума», но палата лордовъ его отвергла. Когда, послѣ продолжительной борьбы съ верхнею палатою, министерству Асквита удалось, въ 1911 г., смирить лордовъ (о чемъ рѣчь будетъ ниже), оно рѣшило покончить въ одинъ пріемъ со всѣмъ тѣмъ, что либералы считали аномаліями избирательнаго порядка, и провозгласить всеобщую и равную подачу голосовъ, въ отмѣну всѣхъ разнообразныхъ цензовъ и разнообразныхъ основъ представительства. Соотвѣтственный билль внесенъ былъ правительствомъ и начатъ разсмотрѣніемъ въ 1913 г. Но домогательство сторонниковъ женскаго избирательнаго права о распространеніи, хотя бы частичномъ, дѣйствія билля на женщинъ, затормозили дѣло. Яростная агитація «суффражетокъ» отнюдь не примирила съ женскимъ

избирательнымъ правомъ многочисленныхъ противниковъ его, съ Асквитомъ во главѣ. Министерство взяло билль обратно, и скоро затѣмъ внесло на его мѣсто менѣе сложный билль объ уничтоженіи «множественнаго вотума», предоставивъ себѣ докончить избирательную реформу въ болѣе благопріятный моментъ. Палата общинъ не замедлила принять билль о «множественномъ вотумѣ», но палата лордовъ съ своей стороны поспѣшила отвергнуть его (на этихъ днахъ, въ іюлѣ 1913 г.), подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ преслѣдуетъ исключительно партійныя цѣли. Если либеральное правительство продержится у власти еще нѣсколько лѣтъ, то этотъ билль, а также, вѣроятно, и полный билль объ избирательномъ правѣ, безъ признанія или съ признаніемъ политическихъ правъ женщинъ, не преминетъ стать закономъ.

Прежде чѣмъ закончить послѣднюю стадію реформы активнаго избирательнаго права (по перенесенной къ намъ изъ запада схоластической терминологіи), министерство Асквита успѣло провести въ 1911 г. важную реформу, демократизирующую на практикѣ пассивное избирательное право, то есть, попросту говоря, право быть избираемымъ въ парламентъ. Установленный въ началѣ XVIII-го вѣка цензъ для депутатовъ, требовавшій отъ нихъ владѣнія недвижимой собственностью съ доходностью въ 300—600 фунтовъ въ годъ, былъ уничтоженъ еще въ 1858 г., но фактически цензъ остался, въ виду того, что члены парламента не получали никакого вознагражденія и должны были еще нести офиціальные расходы по выборамъ, такъ что только богатые люди или получавшіе субсидіи изъ партійныхъ кассъ могли выступать кандидатами въ парламентъ. Депутатскіе мандаты оставались, такимъ образомъ, попреимуществу принадлежностью «джентльменовъ», т. е. лицъ высшихъ классовъ. Законъ 1911 г. назначилъ депутатамъ содержаніе изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ 400 фунтовъ въ годъ. Отнынѣ не будетъ нужды въ «джентльменахъ».

Будутъ ли докончены, нѣсколько позже или раньше, послѣдніе штрихи избирательной реформы, намѣченные первымъ биллемъ 1913 г., но демократизація избирательнаго права въ англійскомъ представительномъ строѣ можетъ почитаться совершившимся фактомъ. Громадность перемѣны не отозвалась, однако, на процессѣ ея осуществленія. Совершилась революція, но не революціоннымъ путемъ; она проявилась не катастрофически, а развернулась въ рядѣ этаповъ. Каждое движеніе впередъ дѣлалось съ оглядкой назадъ. Каждая перемѣна была компромиссомъ стараго съ новымъ

и оставляла или даже созидала аномаліи; но общество безропотно мирилось съ ними на время. Эгоистическіе разсчеты партій давали импульсъ перемѣнамъ, но они только ускоряли темпъ процесса, который уже совершался въ народномъ сознаніи; они предлагали удовлствореніе потребностямъ, быть можетъ еще не созрѣвшимъ, но несомнѣнно уже назрѣвавшимъ. Были скачки, вызванные преимущественно косностью правящихъ классовъ, но то не были скачки чрезъ окно, а только по лѣстницѣ. Во всякомъ случаѣ, какое бы разстояніе еще ни отдѣляло «нравы» новой англійской демократіи отъ ея «законовъ», она выступаетъ безконечно болѣе подготовленной для вершенія политическихъ судебъ своихъ, чѣмъ напр. Франція въ 1848 г., перешедшая сразу отъ узкаго цензоваго режима іюльской монархіи къ всеобщей подачѣ голосовъ.

М. Острогорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФИНЯ ЭМИЛІЯ ПАРДО-БАСАНЪ.

Эмилія Пардо-Басанъ—самая прославленная современная писательница Испаніи. Ее ставятъ тамъ на одинъ уровень съ Гальдосомъ, Вальдесомъ, Ибаньесомъ и другими наиболѣе извѣстными испанскими литераторами—главными представителями испанской натуралистической школы. Но испанскій натурализмъ, хотя и сродни французскому, однако, по сравненію съ этимъ послѣднимъ, въ немъ не мало отличительныхъ чертъ. Начиная съ того, что въ немъ примѣсь большой дозы самобытнаго испанско-національнаго реализма, оттѣнокъ глубоко-человѣчнаго идеализма, полное отсутствіе всякихъ рискованныхъ мѣстъ и тѣмъ болѣе порнографіи.

Выдающіяся черты таланта Эмиліи Пардо-Басанъ—жизненность и разнообразіе ея дарованія. Она отличается психологической проницательностью, красочностью, и въ особенности стилемъ: сжатымъ, точнымъ, отшлифованнымъ. Въ большинствѣ своихъ произведеній Эмилія Пардо-Басанъ описываетъ сельскій бытъ, жизнь городскихъ обывателей, крестьянъ, или буржуазную среду и лишь изрѣдка изображаетъ аристократическіе круги, хотя по своему происхожденію Эмилія Пардо-Басанъ принадлежитъ именно къ высшему свѣту Испаніи и, надо полагать, хорошо знаетъ этотъ кругъ.

Въ Испаніи Эмилія Пардо-Басанъ извѣстна не только какъ беллетристка, но и какъ проницательный и обладающій большимъ размахомъ литературный критикъ. Она пишетъ въ журналахъ и газетахъ, основала свой маленькій журналъ: «El Nuevo Teatro Critico», говоритъ рѣчи, организуетъ конференціи.

Русской литературѣ испанская писательница посвятила

трудъ, озаглавленный: «La Revolucion y la Novela en Rusia» (Революція и романъ въ Россіи).

Родилась донья Эмилія въ Коруньѣ, главномъ городѣ Галисіи, въ 1852 г. Въ своей семьѣ она была единственнымъ ребенкомъ и уже малюткой отличалась страстной любовью къ чтенію. Все свое дѣтство провела она, безпрерывно читая и перечитывая всѣ книги, которыя попадались ей подъ руку въ богатой библіотекѣ ея отца. Этотъ послѣдній, весьма знатный кабальеро, состоялъ членомъ прогрессивной политической партіи и былъ много разъ избираемъ депутатомъ въ Кортесы. Онъ былъ очень доволенъ склонностью къ чтенію своей маленькой дочери и поощрялъ ее въ ея занятіяхъ и въ первыхъ робкихъ ея литературныхъ шагахъ. Въ біографіи, приложенной къ роману «Pazos de Ulloa», Э. Пардо-Басанъ сообщаетъ, что прежде всего она увлеклась поэзіей, и первое написанное ею въ самомъ нѣжномъ возрастѣ (6—7 лѣтъ) стихотвореніе было навѣяно чувствомъ восторженнаго патріотизма. Любимымъ чтеніемъ дѣвочки сдѣлался «Донъ Кихотъ». Она не уставала его перечитывать и, благодаря прекрасной памяти, знала изъ него наизусть цѣлыя главы. Кромѣ того ребенка очень интересовало чтеніе Библіи, иллюстрированной роскошными картинами, и, наконецъ, также «Иліады».

Зимы семья Э. Пардо-Басанъ проводила обыкновенно въ Мадридѣ, и дѣвочка была отдана здѣсь полу-пансіонеркой въ славившееся въ то время французское учебное заведеніе, о которомъ писательница сохранила не весьма лестныя воспоминанія. Дѣтей морили тамъ голодомъ, а въ видѣ умственной пищи преподносили лишь «Телемака», «Сказки Лафонтена» и нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній изъ географіи. Смотрѣть на затменіе солнца сквозь закопченное стекло казалось будущей писательницѣ вершиной познаній въ области астрономіи. Зато, по окончаніи курса въ пансіонѣ, ученицы почти всѣ умѣли трещать, какъ попугаи, по-французски.

Въ 1868 г., едва Э. Пардо-Басанъ минуло 16 лѣтъ, она вышла замужъ за дона Хосе Кирога, кабальеро изъ очень хорошаго дома, маэстранте [1]) де Ронда. Отъ этого брака у писательницы родилось трое дѣтей—сынъ и двѣ дочери, которыхъ она сама и воспитала и никогда съ ними не разставалась. Послѣ свадьбы донья Эмилія путешествовала нѣсколько лѣтъ по Европѣ. Она побывала во Франціи и въ Италіи, гдѣ ревностно занима-

---

1) Maestrante—рыцарь или кавалеръ королевскаго общества верховой ѣзды, учрежденнаго въ Испаніи въ старинныя времена.

лась итальянской литературой, и вообще хорошо ознакомилась въ Европой. Затѣмъ, вернувшись въ Корунью, здѣсь, въ тишинѣ провинціальной жизни, всецѣло отдалась своей страсти къ изученію наукъ, пополняла пробѣлы своего умственнаго развитія. Ревностно стала она изучать философію, исторію, языки и, въ особенности, литературу. Такимъ путемъ Э. Пардо-Басанъ собрала такой запасъ знаній, что одинъ изъ испанскихъ критиковъ съ полнымъ основаніемъ могъ назвать ее: «ученымъ по многимъ отраслямъ». Наконецъ, уставъ отъ продолжительныхъ своихъ экскурсій въ области нѣмецкой и греческой философіи, будущая писательница стала искать короткій отдыхъ въ мистической философіи. Затѣмъ донья Эмилія разрѣшила себѣ и чтеніе стиховъ и повѣстей, что первоначально она себѣ строго воспрещала, опасаясь этимъ путемъ отвлечься отъ поставленной себѣ задачи серьезнаго и возможно полнаго самообразованія. Но здѣсь вышелъ вотъ какой курьезъ. Въ виду того, что донья Эмилія читала больше на иностранныхъ языкахъ, чѣмъ на родномъ, она прежде всего погрузилась въ чтеніе Манцони («Обрученныхъ») и другихъ итальянскихъ писателей, затѣмъ принялась за англійскихъ, наконецъ познакомилась съ произведеніями Жоржъ Зандъ и Виктора Гюго. Продѣлала она все это, не подозрѣвая,— какъ она сама разсказываетъ о томъ,— что бокъ-о-бокъ съ нею существуетъ и выдающаяся современная испанская беллетристика—романы Гальдоса, Аларкона, Валеры и др. И только случайно натолкнулась она на произведенія этихъ писателей. Чтеніе этихъ послѣднихъ и дало ей толчекъ начать писать самой. Первый ея литературный опытъ въ прозѣ (раньше она писала лишь стихи) былъ «Критическій очеркъ» о произведеніяхъ знаменитаго галисійскаго полиграфа, падре Фейхоо. Около 1876 г. Пардо-Басанъ выпустила въ свѣтъ и первую свою повѣсть «Pascual Lopez» (автобіографію студента-медика). Повѣсть эта была тотчасъ же переведена Захеръ-Мазохомъ на нѣмецкій языкъ. Второй написанной Э. Пардо-Басанъ вещью былъ романъ «Viaje de Novios» («Брачное путешествіе»). Эта книга отмѣчаетъ уже въ исторіи испанской литературы новое движеніе: появленіе натурализма. Еще болѣе яркимъ выраженіемъ новаго направленія, основа котораго была положена Э. Пардо-Басанъ, былъ ея интересный романъ «Tribuna».

Итакъ, новая школа и новое литературное движеніе зародилось въ Испаніи благодаря появленію указанныхъ книгъ, а также и критическихъ статей Эм. Пардо-Басанъ, которыя она печатала въ журналѣ «La Epoca» и затѣмъ издала отдѣльнымъ

изданіемъ, подъ заглавіемъ «La cuestion palpitante» («Животрепещущій вопросъ»). Въ сентябрѣ 1880 г. писательница заболѣла, и доктора послали ее въ Виши. Тутъ-то и было написано ею начало «Viaje de Novios», о которомъ мы уже упоминали. Въ предисловіи къ роману авторъ проситъ критиковъ, если они ея книгу, также какъ и «Pascual Lopez», назовутъ произведеніемъ реалистической школы, не причислять автора къ послѣдователямъ французскаго натурализма.

— «Нѣтъ,—восклицаетъ она,—мой реализмъ—испанскій, національный. О, какой онъ здоровый, истинный и прекрасный, какія славныя традиціи у нашего реализма, того реализма, который и смѣется и проливаетъ слезы въ «Селестинѣ» и въ «Донъ Кихотѣ», въ картинахъ Веласкеса и Гойи, въ драмахъ Тирсо и Рамона де-ля-Крусъ. Реализмъ непосредственный, безсознательный и, благодаря тому, исполненный вдохновенія и совершенства; реализмъ, не отворачивающійся отъ идеализма, и, благодаря ему, глубокочеловѣчный... Лично про себя могу сказать, что въ искусствѣ меня восхищаетъ лишь наставленіе, истекающее непремѣннымъ образомъ изъ красоты, но я ненавижу пилюли морали, завернутыя въ капсюли литературнаго золота».

Чтобы лучше оріентироваться среди литературныхъ произведеній доньи Э. Пардо-Басанъ, мы раздѣлимъ ихъ на двѣ группы: къ первой отнесемъ ея короткіе разсказы, ея повѣсти и романы, а ко второй—ея критическіе и историческіе труды. Полное собраніе сочиненій доньи Эмиліи насчитываетъ цѣлыхъ 32 тома.

Въ первомъ своемъ произведеніи «Паскуалъ Лопесъ» авторъ описываетъ черты изъ университетской жизни и рисуетъ картину старой, средневѣковой Галисіи. «Tribuna» изображаетъ современную Галисію, среду фабричную и промышленную. Въ «*Cisne de Vilamorta*» («Лебедь въ Виламортѣ»), въ «*Dona Milagros*», «*Memorias de un solteron*» («Воспоминанія холостяка») донья Эмилія изучаетъ жизнь маленькаго провинціальнаго городка съ его интригами и мелкимъ политиканствомъ. Провинціальная жизнь также прекрасно обрисована и въ сборникахъ ея короткихъ разсказовъ, озаглавленныхъ: «*Cuentos de Marineda*», «*Historias y Cuentos ragionales*» и другихъ. Въ Bucolica Пардо-Басанъ выводитъ героиней крестьянку, бѣдную, погруженную въ невѣжество, руководимую однимъ лишь инстинктомъ. Въ «*Las Pazos de Ulloa*» она описываетъ галисійскія горы и развалъ дворянскихъ родовъ и гнѣздъ. Въ «*Madre-*

Naturaleza» (Мать-природа) особенно выдѣляется умѣніе обрисовать пейзажи, а также любовь къ деревенской жизни, къ землѣ. Тутъ, какъ и въ «Bucolica», и въ «Cisne de Vilamorte», прекрасныя описанія роскошной природы и типовъ и нравовъ галисійской области—родины доньи Эмиліи.

Двѣ идилліи любви—«Insolaction» и «Morrina», въ которыхъ описанъ Мадридъ, особенно популярны въ Испаніи. Донью Эмилію не разъ сравнивали съ И. С. Тургеневымъ. Ея повѣсти и романы переведены на всѣ европейскіе языки.

Изъ числа критическихъ произведеній испанской беллетристки укажемъ прежде всего на ея «Question palpitante, о которомъ мы уже говорили. Затѣмъ на сборникъ «Polemicas y estudios literarios». Необходимо упомянуть и о лекціяхъ Пардо-Басанъ, прочитанныхъ ею въ Мадридскомъ «Атенеѣ» о «Русской литературѣ», а также и о ея лекціяхъ о «Современной французской литературѣ». Среди историческихъ и психологическихъ трудовъ доньи Эмиліи надо назвать ея двухтомный «San Francisco de Asis» (книга, у которой масса поклонниковъ, даже фанатичныхъ поклонниковъ). Само собой разумѣется, что при необычайной популярности Э. Пардо-Басанъ не могли не оказаться у нея и нѣкоторые недоброжелатели; бывали даже и ярые критическіе нападки. Но, несмотря на все это, слава и значеніе писательницы только все болѣе и болѣе ростутъ. Убѣжденнымъ поклонникомъ таланта Пардо-Басанъ былъ извѣстный испанскій политическій дѣятель, Эмиліо Кастеляръ. Онъ первый настаивалъ на томъ, что кандидатура доньи Эмиліи въ Академію должна непремѣнно пройти; но тогда добиться этого ему не удалось.

Живетъ донья Эмилія всѣ зимы въ Мадридѣ, лѣто же проводитъ въ своемъ имѣніи въ Галисіи. Въ ея мадридскомъ салонѣ собирается наиболѣе избранное общество, самые выдающіеся политическіе и общественные дѣятели.

Въ послѣдніе десять лѣтъ, талантъ, или, вѣрнѣе говоря, направленіе таланта Эмиліи Пардо-Басанъ испытало новую эволюцію, выразившуюся весьма ярко въ ея повѣсти «La Quimera». Отъ реализма и натурализма Эмилія Пардо-Басанъ перешла мало-по-малу къ современному идеализму, и въ ея теперешнихъ произведеніяхъ наиболѣе ярко выдѣляется какъ бы нахлынувшая волна мистицизма. Главными произведеніями доньи Эмиліи въ указанномъ направленіи, кромѣ «Quimera» («Химера»), являются еще «La Sirena negra» («Черная Сирена») и «Dulce Dueno» («Милый владыка»).

Критическіе труды ея за послѣднее десятилѣтіе слѣдующіе:

«Reotratos y apuntes Litérarіes» и «Romantismo y la Transicion». Къ печати готовятся еще «El Naturalismo y la Anarquia».

Популярность испанской писательницы такъ велика, что у нея на родинѣ, въ Галисіи, проводится мысль поставить ей при жизни памятникъ, для чего и собираютъ по подпискѣ деньги. Въ Вашингтонѣ учреждены общества и литературные клубы имени Пардо-Басанъ. Считая нужнымъ послѣдовательно настаивать на томъ, что женщина имѣетъ право занимать всякое мѣсто, на которомъ она можетъ оказаться полезной, писательница не переставала добиваться для себя предсѣдательскаго кресла въ Литературной секціи Мадридскаго Атенея, чего она въ концѣ концовъ и добилась. Добилась она также и назначенія своего въ Главный Совѣтъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія (нѣчто еще небывалое въ Испаніи, такъ какъ женщины тамъ никогда еще не назначались въ этотъ Верховный Совѣтъ). Донья Эмилія значительно содѣйствовала и тому, что министръ Бурель издалъ постановленіе, которымъ женщины допускались къ занятію всѣхъ мѣстъ и должностей въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Два года тому назадъ король даровалъ писательницѣ графскій титулъ—единственный подобный титулъ, данный въ видѣ награды за литературныя заслуги.

Въ послѣднее время о графинѣ Пардо Басанъ поднялся большой шумъ въ испанской періодической печати: вся страна настойчиво желала, чтобы Испанская Академія, не принимающая въ свою среду женщинъ, приняла въ число дѣйствительныхъ членовъ Академіи Эмилію Пардо-Басанъ, что и было сдѣлано весной 1912 г. Много толковъ возбуждали также и заманчиво-блистательныя предложенія, дѣлаемыя писательницѣ съ тѣмъ, чтобы она пріѣхала читать лекціи въ Аргентинскую Республику.

М. Ватсонъ.

РАЗСКАЗЫ ЭМИЛІИ ПАРДО-БАСАНЪ.

I.

Салетита.

Когда донна Маура Бухія, вдова Песъ, увидѣла на порогѣ своего магазина старичка съ дрожащими ногами и беззубымъ ртомъ, который опирался на внушительную палку съ кистями и золотымъ набалдашникомъ,—она никакъ не могла повѣрить, что у нея передъ глазами поклонникъ юныхъ ея лѣтъ, который не женился на ней, потому что былъ бѣденъ. Этотъ ея поклонникъ, Панфило Тригеросъ, и тогда уже не былъ зеленымъ юношей. А теперь, въ то время, какъ донья Маура въ свои пятьдесятъ девять лѣтъ прекрасно сохранилась,—живая, дѣятельная съ свѣжимъ лицомъ, лучистыми глазами и атласистой кожей,—донъ Панфило наоборотъ до того поддался бремени своихъ семидесяти четырехъ лѣтъ, до того былъ смятъ, что донья Маура поспѣшила предложить ему мягкое кресло.

— И еще говорятъ, что мужчины не старѣютъ—подумала она радостно, осыпая гостя тысячью привѣтствій.

Она уже знала объ его пріѣздѣ, да, знала! А также, что онъ привезъ съ собой большой капиталъ, сотни и тысячи.

— Это вѣрно—слава Господу Богу—зашамкалъ слюнявый донъ Панфило беззубымъ своимъ ртомъ. Мнѣ повезло, и даже очень... Вы тогда выставили меня отсюда за то, что я былъ голый. Ну, а вернулся я нарядный и обутый и въ мѣховомъ плащѣ...

Донья Маура, невольно раскрывая глаза все шире и шире, взяла стулъ и подсѣла какъ можно ближе къ старику. Покупщики заходили настолько рѣдко въ этотъ галантерейный магазинъ, что, принимая гостей, хозяйка магазина могла спокойно занимать ихъ.

— Итакъ, вамъ повезло? Значитъ, правда, что донъ Панфило вложилъ въ отдѣленіе банка милліонъ песетъ.

Такъ какъ тщеславіе одно изъ наиболѣе упорныхъ и постоянныхъ человѣческихъ ощущеній, въ глазахъ старика мелькнула искра удовлетворенія, и его костлявое лицо порозовѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо преувеличивать: не цѣлый милліонъ песетъ, но близко, очень близко къ этому...

Близко!.. Сердце доньи Мауры забилось, какъ еще никогда, ни въ юные годы во время влюбленныхъ бесѣдъ, ни во времена брачной идилліи... Около милліона песетъ, святѣйшая Дѣва Марія! Какъ можно было собрать такую массу денегъ? Чего только нельзя сдѣлать съ такой суммой! Какое можно вести широкое, богатое, дивное существованіе на четыре милліона реаловъ!

Всю свою жизнь боролась донья Маура съ стѣсненными обстоятельствами. Вѣчно въ плѣну—въ своемъ бѣдномъ магазинѣ, занятая подсчетомъ и только подсчетомъ, вѣчно заваленная работой, чтобы не попасть въ тиски гнетущей нужды, съ постоянной перспективой то неоплаченныхъ счетовъ изъ булочной, то отъ сапожника. Закрывая глаза, она видѣла уже передъ собой всякіе деликатесы и сласти—донья Маура грѣшила тѣмъ, что была лакомка—видѣла всякіе консервы, а также и буфеты, переполненные посудой, шкапы, нагруженные бѣльемъ... Больше уже не надо было штопать чулки, не надо было чинить всякія тряпки. Донья Маура увидѣла въ своемъ воображеніи даже мягкія подушки коляски... Коляски! Ее везли статные кони... Волны счастья разлились по всему ея тѣлу... Донъ Панфило вернулся холостымъ, въ одиночествѣ; у него въ Маринедѣ нѣтъ ни родныхъ, ни даже друзей послѣ двадцатипятилѣтняго отсутствія!.. Но какъ привлечь его къ себѣ, какъ соблазнить этого старикашку? Какъ заручиться такой желанной добычей? Не теплится ли еще подъ пепломъ, въ его сердцѣ, хоть маленькая искорка прежняго чувства?.. Ахъ, еслибъ весенній вѣтерокъ освѣжилъ и оживилъ это мертвое сердце!.. И донья Маура пригладила себѣ волосы на вискахъ, выпрямилась на своемъ стулѣ, спрятала ноги, плохо обутыя въ грубыя полотняныя туфли...

Въ то время какъ донья Маура подготовляла свои баттареи, быстро вошла въ магазинъ дѣвушка въ ситцевомъ платьѣ и свѣтлой гренадиновой накидкѣ. Сквозь легкое облако тюлеваго шарфа, которымъ была повязана ея голова, вьющіеся рыжеватые волосы свѣтились словно осыпанные золотомъ. А круглое и розовое лицо дѣвушки, напоминающее ангелочка съ картины, казалось еще болѣе озареннымъ блескомъ весны и юности.

— Подойди ближе, Салетита: вотъ сеньоръ, котораго ты уже, конечно, знаешь, такъ какъ я сотни разъ говорила тебѣ о немъ...

Это донъ Панфило Тригеросъ...—И дѣвушка съ мелодичнымъ серебристымъ смѣхомъ воскликнула, приблизивъ лицо свое къ лицу старика:

— Это вы такой богатый, богатѣйшій! Ай, могла бы я это подумать!..

Непосредственность дѣвушки, ея веселье, которое всегда бываетъ заразительнымъ, вызвали блѣдную улыбку и признаки хорошаго расположенія духа на непривлекательной физіономіи дона Панфило.

Донья Маура, въ головѣ которой сверкнула какая-то мысль, уже не конфузясь выставила свои ноги въ грубыхъ туфляхъ и толкнула Салетиту, не перестававшую смѣяться, чуть ли не въ объятія дона Панфило.

— Поцѣлуйте ее—она вѣдь еще ребенокъ...

Старикъ приложилъ свои холодныя губы къ розовому лицу дѣвушки и запечатлѣлъ на немъ замогильный поцѣлуй...

Съ этого дня донъ Панфило являлся въ магазинъ бывшей своей возлюбленной каждый вечеръ въ одинъ и тотъ же часъ и здѣсь усаживался въ мягкое кресло.

Въ городѣ разнеслась молва, будто давнишніе планы теперь осуществятся, и многіе трунили надъ этой запоздалой и смѣшной свадьбой... Донья Маура выслушивала шутки съ улыбкой и отвѣчала на нихъ такими же шутками, приглашая на свою свадьбу черезъ мѣсяцъ... Она находила нужнымъ навести на ложный слѣдъ любопытныхъ и сплетниковъ, завидующихъ столь богатой добычѣ. Донъ Панфило попалъ на удочку. Живость и изящная искренность Салетиты сразу очаровали его. Подобно человѣку съ испорченнымъ желудкомъ, жаждущему новыхъ блюдъ или раннихъ плодовъ, старикъ весь таялъ, глядя на дѣвушку. Мать предвидѣла лишь одно затрудненіе, но зато почти непреодолимое. Когда донъ Панфиліо заговоритъ о свадьбѣ, какъ передать объ его намѣреніи Салетитѣ? Какъ сказать этимъ девятнадцати годамъ, невиннымъ, цвѣтущимъ, непредусмотрительнымъ, чтобы они неразрывно связали себя съ семидесятью пятью, болѣзненными, мрачными, окруженными уже могильной атмосферой? Донья Маура не рѣшится сдѣлать это,—нѣтъ, не рѣшится. Подумаешь, этакій старичекъ, а втюрился чуть ли не въ дѣвочку. И правда, мужчины неисправимы. Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро... На что нужна теперь жена дону Панфиліо? Чтобы ухаживать за нимъ, давать ему лѣкарства, заниматься его хозяйствомъ... получить отъ него наслѣдство, да... получить это наслѣдство, чтобы оно не попало въ руки равнодушныхъ и чужихъ... Не

умнѣе ли было бы, имѣя въ виду все сказанное, избрать себѣ женщину уже пожилую, серьезную, знающую, что такое жизнь, женщину опытную и понимающую людей? Ахъ, еслибъ донъ Пачфиліо сумѣлъ позаботиться о собственномъ своемъ благѣ!

Тѣмъ не менѣе время шло и необходимо было вывѣдать, какъ ко всему этому отнесется Салетита, предстояло бороться съ ея отвращеніемъ, убѣждать ее... Тяжелая задача! Донья Маура предвидѣла безполезность самыхъ настойчивыхъ усилій въ этомъ направленіи. Салетита, конечно, пока еще ничего не подозрѣваетъ, но когда она узнаетъ, въ чемъ дѣло, то страшно вознегодуетъ... Несомнѣнно, она предполагаетъ, что любезности дона Панфиліо, когда онъ гладитъ ей руку или беретъ за подбородокъ, не что иное, какъ чисто отеческія ласки... Что скажетъ дѣвушка, когда узнаетъ, что старикашка имѣетъ намѣреніе жениться на ней?...

Наконецъ, однажды вечеромъ, послѣ закрытія магазина, донья Маура, испросивъ мысленно благословенія у Бога, подошла къ дочери, стала осыпать ее нѣжными ласками и приступила къ опаснымъ намекамъ...

Дѣвушка слушала молча, опустивъ голову, скрывая взоръ своихъ голубыхъ глазъ. И вдругъ, на увѣренія матери, что она готова лучше сама страдать, чѣмъ видѣть страданія дочери, Салетита подняла голову, разсмѣялась громкимъ раскатомъ серебристаго смѣха и, жестикулируя маленькими и полными ручками своими, воскликнула:

— Что-жъ, я отлично понимаю, что ты сама зарилась на этого жениха... Но я приняла свои мѣры. Съ перваго же дня расчитывала на него... Еслибы ты вздумала отнять его у меня... Видишь ты эти ногти?... Больше ничего не скажу...

II.

Двадцат семь.

Рамиро Носалесъ много слышалъ объ одномъ философѣ, который не принадлежалъ къ числу утонченныхъ метафизиковъ, посвящающихъ день и ночь изслѣдованію причинъ и началъ, связи и сущности всего созданнаго и несозданнаго. Наоборотъ, онъ находилъ удовольствіе спускаться на землю, свой изощрен-

ный умъ прилагать къ пониманію конкретнаго, воспринимая человѣка не такимъ, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца, а со всѣми измѣненіями, налагаемыми на него обществомъ. Словомъ, упомянутый философъ, вмѣсто того, чтобы углубляться въ богословіе, онтологію или космологію, исповѣдывалъ «мундологію», т. е. познаніе міра и людей, но познаніе возвышенное, утонченное, доведенное до квинтессенціи. Послѣдователи учились у него, какъ управлять жизненнымъ кораблемъ самымъ разумнымъ образомъ, давая этому послѣднему болѣе правильный и благополучный ходъ.

Рамиро Носалесъ, побуждаемый славой, окружающей философа, рѣшилъ посовѣтоваться съ нимъ и познакомиться съ его ученіемъ, въ которомъ онъ очень нуждался.

Философъ принялъ новаго ученика поздно вечеромъ въ своей библіотекѣ. Это была комната изящнаго и строгаго стиля, переполненная книгами и освѣщенная большой лампой съ абажуромъ въ видѣ задумчивой совы или филина, сквозь изумрудные зрачки которой просвѣчивалъ фосфорическій и таинственный свѣтъ. Ничто не развязываетъ такъ языкъ, какъ полумракъ и зеленоватый мягкій свѣтъ. И Рамиро открылъ философу душу, сообщилъ собственную біографію, передалъ ему о своихъ огорченіяхъ: что въ тридцать лѣтъ насыщенъ разочарованіями и горечью, наполовину разоренъ и получилъ на дуэли ударъ шпагой, которая, еслибъ на пути своемъ не встрѣтила ребра, легко могла бы пронзить ему сердце насквозь. Маэстро слушалъ внимательно, гладя рукой холеную черную бороду, по временамъ улыбаясь, а иногда задумываясь. Его бѣломраморный лобъ, уходящій въ лысину, и блескъ жемчужныхъ зубовъ освѣщали лицо, въ которомъ глаза его казались двумя темными пятнами. Когда Рамиро кончилъ свою исповѣдь, философъ заговорилъ:

— Въ вашей жизненной повѣсти—сказалъ онъ—нѣтъ ничего необычнаго. Она похожа на повѣсть многихъ другихъ людей, которымъ я помогъ заручиться счастливымъ существованіемъ при посредствѣ небольшого списка простѣйшихъ правилъ. Всѣ ваши непріятности и огорченія лишь слѣдствіе того, что вамъ были невѣдомы эти мудрыя и благодѣтельныя правила. Разочарованіями наградили васъ ваши друзья; за одного вы поручились, а онъ не уплатилъ; другому вы довѣрились, а онъ предалъ васъ; третій отнялъ у васъ невѣсту. Вы почти разорены оттого, что, желая избавить отъ бѣды знакомыхъ, давали имъ взаймы деньги, а до сихъ поръ никто не вернулъ ни

одного реала. Ударъ шпагой нанесенъ вамъ за то, что вы имѣли неосторожность сообщить пріятелю объ измѣнѣ его возлюбленной. А она истолковала вашъ поступокъ обманутой надеждой. — Все это извѣстно мнѣ изъ собственнаго вашего разсказа, — значитъ, вѣрность сообщеннаго не подлежитъ сомнѣнію.

— Это все правда—согласился Рамиро,—но мнѣ кажется очень труднымъ, чтобы не сказать даже невозможнымъ, живя среди людей, избѣгать подобныхъ случайностей. А разъ нельзя вернуть минувшее, я желалъ бы предохранить себя отъ будущихъ разочарованій. Я не настолько старъ, чтобы не надѣяться на лучшую будущность, не настолько молодъ, чтобы ослѣпляться непредусмотрительностью. Сообщите мнѣ кратко и категорично суть вашего ученія.

— Ученіе мое,—произнесъ медленно философъ,—состоитъ лишь въ спискѣ, или реестрѣ.

— Спискѣ?—удивленно повторилъ Рамиро.

— Да, въ перечнѣ... двадцати семи вещей, до которыхъ вамъ не должно быть дѣла.

— Вы хотѣли сказать: до которыхъ мнѣ есть дѣло.

— Повторяю: до которыхъ вамъ нѣтъ дѣла. Ибо вы должны знать, что всѣ непріятности, огорченія, напасти и утраты, выпадающія въ этомъ мірѣ на долю смертныхъ, происходятъ изъ-за того, что люди суются не въ свои дѣла. Такимъ образомъ, едва вы усвоите себѣ и вникните во все, что не должно ни на іоту васъ касаться, какъ сами поймете, что и не стόитъ вамъ рисковать ради этого своимъ личнымъ благополучіемъ. А послѣ усвоенія столь новой истины, дѣйствуя соотвѣтственно моимъ правиламъ, вы освободитесь отъ всѣхъ непріятностей, которыя васъ до сихъ поръ окружали. Я займусь составленіемъ списка: вы же развлекайтесь между тѣмъ перелистываніемъ этихъ вотъ книгъ съ прекрасными гравюрами.

Нѣсколько уколотый въ своемъ самолюбіи, Рамиро принялъ предложеніе и черезъ полчаса получилъ изъ рукъ философа пергаментъ, на которомъ были написаны двадцать семь правилъ, раздѣленныхъ красной чертой.

Вернувшись домой, Рамиро поспѣшилъ выучить наизусть списокъ двадцати семи вещей, до которыхъ ему не должно быть дѣла. Хорошо усвоивъ эти отрицательныя наставленія, онъ предался обычному своему образу жизни.

На первомъ же вечерѣ, куда его позвали, случайно, въ зеркалѣ онъ увидѣлъ таинственные знаки соучастія между един-

ственной сестрой лучшаго своего друга, чистосердечной молодой дѣвушкой, и извѣстнымъ хлыщемъ. Первымъ порывомъ Рамиро было обратить на это вниманіе брата дѣвушки, но онъ тотчасъ вспомнилъ пергаментный свитокъ: одно изъ числа двадцати семи правилъ, которыя его не касались, было: «*поведеніе чужой жены или дѣвушки*». Поэтому онъ промолчалъ, какъ мертвый; и недѣли двѣ спустя хлыщъ увезъ дѣвушку. При выходѣ съ вечера юноша, пріѣхавшій изъ провинціи, знакомый Рамиро, простился съ нимъ у дверей игорнаго притона. Рамиро понялъ, что юноша зайдетъ туда играть, по всей вѣроятности проиграется, или, быть можетъ, станетъ безчестнымъ и впадетъ въ отчаяніе. Но среди его руководящихъ правилъ стояло: «*не вмѣшиваться въ чужія дѣла*», не заботиться о чужихъ порокахъ.

И когда нѣкоторое время спустя онъ узналъ, что юноша застрѣлился, Рамиро не почувствовалъ никакихъ угрызеній совѣсти.

Ежеминутно выяснялась дѣйствительность совѣтовъ мудреца: не было того случая, которое бы не подтверждало эту дѣйствительность. Въ списокъ двадцати семи вещей были включены всѣ случаи, представляющіеся въ обществѣ человѣку для растрачиванія здоровья, отношеній, денегъ.

Осуществляя на практикѣ совѣты философа,—это столь разумное и въ высшей степени осторожное воздержаніе и невмѣшительство, — Рамиро видѣлъ, какъ безпрестанно росло его спокойствіе, безпечность, состояніе, репутація и хорошая о немъ молва. Чѣмъ меньше онъ дѣлалъ для другихъ, чѣмъ больше ограждалъ самого себя, тѣмъ люди больше уважали его и тѣмъ больше увеличивался его кредитъ и симпатіи къ нему. Вначалѣ Рамиро не переставалъ благославлять философа. Его нравственное состояніе сказывалось въ одномъ удивительномъ физическомъ ощущеніи. Ему казалось, что кругомъ его тѣла подымаются стѣны, для всѣхъ незримыя, видныя лишь для него одного. Эти стѣны, вначалѣ дурно прилаженныя, легкія, мало-по-малу превращались въ снабженный зубцами крѣпкій, неодолимый редутъ.

Пускай за защитой этой крѣпости пытаются осадить его. Пускай являются враги. А еслибъ оказалось недостаточнымъ этихъ наружныхъ стѣнъ, Рамиро чувствовалъ, что на его туловищѣ появлялась и крѣпла стальная, сильная броня, которую не пробить ни пулямъ, ни лезвію кинжала. Какое полное,

благодатное спокойствіе чувствовать себя защищеннымъ непроницаемыми металлическими латами!..

Однако, по прошествіи нѣкотораго времени Рамиро сталъ замѣчать какую-то словно дымку тревоги, сначала легкую, затѣмъ все сгущавшуюся. Что-то какъ бы давило ему грудь и легкія: не хватало ему какъ бы воздуха, и имъ овладѣвало неопредѣленное недомоганіе, соединенное съ чѣмъ-то въ родѣ непреодолимой дремоты, какого-то летаргическаго оцѣпенѣнія. Ему казалось, что столь благодатная броня его все суживается и давитъ на него со всѣхъ сторонъ. Это недомоганіе до того мучило его, что, наконецъ, печальный и разстроенный, онъ снова отправился къ мудрецу. Засталъ его онъ въ той же библіотекѣ, освѣщенной аквамариновыми зачаровывающими зрачками совы.

— Вы пришли благодарить меня,—спросилъ спокойно философъ.

— И да, и нѣтъ...—былъ отвѣтъ Рамиро. Безъ сомнѣнія я долженъ быть вамъ благодаренъ. Слѣдуя вашимъ совѣтамъ, я избѣгнулъ безчисленныхъ непріятностей, затратъ и смѣшныхъ положеній. Слѣдуя вашимъ совѣтамъ, я заручился общимъ уваженіемъ: съ тѣхъ поръ какъ я не пытаюсь упорно дѣлать людямъ добро, они вдвойнѣ цѣнятъ и уважаютъ меня. Мое положеніе куда лучше, чѣмъ въ ту пору, когда здѣсь изъ вашихъ рукъ я получилъ коранъ мудрости. Но дѣло въ томъ, что мнѣ чего-то недостаетъ... не знаю чего. И къ тому же броня, въ которую вы меня одѣли, какъ бы душитъ меня. Прежде, когда я принималъ къ сердцу все, что не должно было меня касаться... я думаю... я подозрѣваю иногда... простите меня, если я говорю глупости... но мнѣ кажется, что, по временамъ, я былъ счастливѣе и добрѣе... Въ этомъ я дѣйствительно увѣренъ... да, я былъ добрѣе.

Мудрецъ молчалъ, а между тѣмъ его зеленые глаза, большіе и глубокіе на еще болѣе поблѣднѣвшемъ лицѣ изъ-за отраженія зеленаго свѣта, устремились на огорченнаго ученика. Наконецъ онъ сказалъ глухимъ голосомъ:

— Вы явились сюда просить у меня совѣтовъ мудрости. Я далъ ихъ вамъ въ спискѣ, названномъ вами «Кораномъ». Если этого вамъ недостаточно, если вы чувствуете, что душа ваша задыхается, что васъ окружаетъ пустота... тогда я вамъ не нуженъ... и мой Коранъ для васъ излишенъ.

III.

Замѣститель.

Кому изъ насъ не приходилось,—хотя и съ величайшей осторожностью и стараясь причинить какъ можно меньше боли—передавать дурную вѣсть. Мнѣ въ первый разъ въ жизни пришлось выполнить такую тяжелую обязанность, когда внезапно скончалась вдова Ласмаркасъ, единственная сестра дона Амбросіо Корчадо.

Я не былъ знакомъ съ дономъ Амбросіо, зато былъ однимъ изъ числа трехъ или четырехъ близкихъ друзей покойнаго Ласмаркаса, которые усердно посѣщали его вдову. Въ домѣ у нея насъ всегда ждалъ самый радушный, ласковый пріемъ. Мы коротали весьма пріятно зимніе вечера въ маленькомъ салонѣ сеньоры, въ салонѣ, гдѣ ярко горѣлъ каминъ, и двойныя занавѣси и деревянныя ставни защищали отъ всякаго сквозного вѣтра и отъ шума дождя. Сидя въ креслахъ, гдѣ и какъ кому казалось удобнѣе, мы оживленно бесѣдовали, пока начинали разносить чай со всевозможными булочками и печеніями домашняго приготовленія.

Кончивъ чаепитіе, мы прощались съ хозяйкой и уходили довольные послѣ мирно и пріятно проведеннаго вечера. Вдова Ласмаркасъ была превосходнѣйшей женщиной, въ ней не было ни натянутости, ни навязчивости, она была ни слишкомъ насмѣшлива, ни глупо-наивна, а что касается дружбы, то ея дружба отличалась такой искренностью и постоянствомъ, какъ дай Богъ всякому.

Узнавъ, что сеньора Ласмаркасъ была найдена мертвой въ постели отъ молніеноснаго кровоизліянія въ мозгъ, мы всѣ точно ощутили вѣяніе могилы. Вотъ какъ, словно отъ какого-то дуновенія, гаснетъ наша жизнь, съ виду такая дѣятельная, полная плановъ, надеждъ и упорныхъ интересовъ! Какъ разъ наканунѣ смерти сеньоры Ласмаркасъ, мы всѣ провели вечеръ въ гостяхъ у нея. Она, какъ живая, стояла еще передъ нами, и еще звучали въ нашихъ ушахъ и радушныя угощенія, и милый ея разговоръ. Итакъ, когда ея ближайшіе друзья узнали о кончинѣ сеньоры, они избрали меня для передачи печальной новости брату ея, дону Амбросіо Корчадо.

Онъ жилъ неотлучно въ окрестностяхъ того же города, въ верстахъ четырехъ отъ него, въ собственномъ имѣніи. Тутъ лѣтомъ гостила у него и его сестра. Богатый и необщительный, донъ Амбросіо былъ какъ бы олицетвореніемъ типа холостяка. Не желая мѣшать кому бы то ни было и не допуская и мысли, чтобы кто либо могъ мѣшать ему, донъ Амбросіо жилъ по своему, чувствуя себя прекрасно въ своемъ одиночествѣ, сосредоточивая все свое вниманіе на улучшеніяхъ въ своемъ хозяйствѣ, за которымъ онъ слѣдилъ лично... Вотъ все, что мы знали о братѣ сеньоры Ласмаркасъ.

Желая исполнить немедля возложенное на меня порученіе, я нанялъ экипажъ и спустя три четверти часа, когда онъ шумно и со звономъ бубенчиковъ подкатилъ къ моему дому, усѣлся въ него и поѣхалъ въ имѣніе дона Амбросіо.

Утро было прекрасное, веселое, полное свѣта и солнца, предтеча весны, стоявшей уже на порогѣ. Прислонившись къ спинкѣ экипажа, я смотрѣлъ на панораму быстро мелькавшаго передо мной живописнаго пейзажа, но, несмотря на хорошую погоду, на чистый и прозрачный воздухъ, меня охватило какое-то чувство гнетущей тоски, нѣчто вродѣ опасенія заболѣть и сильнѣйшей робости.

Сердце у меня сжималось при мысли, что я долженъ буду сообщить дону Амбросіо такое грустное извѣстіе, и я не зналъ, что придумать, дабы какъ можно меньше дать ему почувствовать всю горечь предстоящаго сообщенія. Я представлялъ себѣ всю драматичность этого момента. Донъ Амбросіо имѣлъ лишь одну единственную сестру и никого больше изъ родныхъ. У сеньоры Ласмаркасъ не было дѣтей, которыхъ ея братъ могъ бы взять къ себѣ и которыя могли бы служить утѣшеніемъ въ его старости. Какъ страшно должно было потрясти дона Амбросіо извѣстіе, что умерла его единственная сестра, притомъ такой скоропостижной смертью!

Эти мысли, разрисованныя моимъ воображеніемъ, до того меня удручали, что когда экипажъ остановился у воротъ имѣнія дона Амбросіо, у меня слезы стояли на глазахъ. Я спросилъ работника, подметавшаго дворъ, гдѣ его хозяинъ. Бросивъ грабли, работникъ охотно повелъ меня. Мы прошли черезъ прекрасный садъ, украшенный фонтанами, и черезъ другой, плодовой, садъ и вышли на лугъ, гдѣ рабочіе косили траву и скошенную траву навьючивали на возы, подъ присмотромъ старика, на которомъ была надѣта соломенная шляпа и синіе очки. Это и оказался самъ донъ Амбросіо.

Онъ съ выраженіемъ удивленія на лицѣ поклонился мнѣ, и когда я сообщилъ, что имѣю передать ему нѣчто важное, донъ Амбросіо отнесся ко мнѣ весьма любезно. Онъ объяснилъ, что съ маленькаго этого луга скашивается ежегодно болѣе тридцати большихъ возовъ сѣна, которые немедленно и очень выгодно продаются. Затѣмъ онъ добавилъ, что опасается, не собирается ли дождикъ, и потому спѣшитъ скорѣй убрать сѣно. Наконецъ, указавъ на уголокъ луга, пересѣкаемый свѣтлымъ ручейкомъ, онъ спросилъ, считаю ли я водяную силу ручейка достаточной для мукомольной мельницы, которую онъ намѣренъ поставить здѣсь. При этомъ вопросѣ его сморщенное лицо и глухой голосъ приняли особенную серьезность. Я, между тѣмъ, не зналъ, съ какой стороны мнѣ приступить съ моимъ скорбнымъ извѣстіемъ. Три или четыре намека относительно плохого состоянія здоровья его сестры вызвали съ его стороны лишь разсѣянныя восклицанія: «Такъ, такъ»... Тогда я рѣшилъ быть болѣе обстоятельнымъ и заявилъ: «Именно потому я и пріѣхалъ, что вчера сеньора заболѣла».—«Да, разные зимніе недуги, маленькіе катарры»—сказалъ онъ машинально. Меня эти слова разсердили и я заявилъ: «Нѣтъ, тяжелое заболѣваніе»... Я замѣтилъ, что старикъ какъ будто встревожился.

— Тяжелое...—А что говоритъ докторъ?

— У меня не было времени посовѣтоваться съ докторомъ—объяснялъ я.—Вы знаете, внезапныя событія...

— Такъ пусть она посовѣтуется съ докторомъ, пусть посовѣтуется... повторилъ старикъ, оборачиваясь, чтобы взглянуть на одинъ изъ возовъ, до верха навьюченный сѣномъ, который проѣзжалъ мимо него. «Э—крикнулъ донъ Амбросіо, обращаясь къ рабочимъ,—вы, ротозѣи, половина сѣна у васъ сейчасъ свалится. Хорошенько укрѣпите его, Господи, Боже мой!

— Развѣ я не говорилъ вамъ—прервалъ я дона Амбросіо, тоже повысивъ голосъ,—что не пришлось намъ совѣтоваться ни съ кѣмъ изъ докторовъ? Случилась внезапная... Страшное слово застряло у меня въ горлѣ, но, наконецъ, я произнесъ:

— Внезапная смерть сеньоры Ласмаркасъ...

Донъ Амбросіо сдѣлалъ движеніе, точно отступилъ назадъ. Его синіе очки сверкнули на солнцѣ. Онъ пробормоталъ:

— Такъ что... такъ что...

— Ваша сестра умерла, да, сеньоръ. Сегодня утромъ нашли ее мертвой въ ея постели. Кровоизліяніе въ мозгъ...

Старикъ молча опустилъ голову. Спустя минуту онъ кашлянулъ и спокойно сказалъ:

— Господи Боже! Пробилъ часъ бѣдняжки!.. Еслибы встрѣтились какія-либо затрудненія относительно похоронъ, пускай... пускай обратятся ко мнѣ. Лишь бы только... понимаете... похороны были приличныя, за сотню дуро, больше или меньше, я не постою!..

— А сами вы не пріѣдете на похороны? — спросилъ я, пожирая старика глазами.

— Видите ли... Такъ какъ лугъ еще только на половину скошенъ и стоитъ такая хорошая погода... мнѣ невозможно пріѣхать... Что и говорить, хорошо бы шли работы, еслибъ я не надзиралъ за ними! Завтра какъ разъ надо мнѣ поговорить съ мастеромъ на счетъ мукомольной мельницы... Ну, а какъ вы полагаете? Достаточно ли будетъ силы у воды того ручейка? Теперь, весной, воды хватитъ,—а осенью какъ?

Я ушелъ отъ старика до того раздраженный, что хлопнулъ дверцею экипажа, едва не разбивъ ее. Снова мною овладѣла глубокая тоска. Вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ себя смѣшнымъ и меня мучила мысль объ этомъ безчувственномъ, какъ скала, старикѣ, который былъ занятъ исключительно своимъ лугомъ и мельницей и забылъ о близости смерти. Что за величайшая глупость всѣ эти мои страхи и предосторожности и боязнь сообщить дону Амбросіо вѣсть о смерти его сестры! Внезапно въ головѣ у меня мелькнула странная мысль. Моя чувствительность являлась какъ бы компенсаціей за индифферентность дона Амбросіо. Истиннымъ *братомъ* бѣдной умершей былъ я—я, чувствовавшій братское горе и этимъ чувствомъ замѣнившій собой родного ея брата. Въ нравственномъ, какъ и физическомъ мірѣ— ничто не гибнетъ, и всѣ, имѣющіе право на извѣстную долю любви, получаютъ ее, если не отъ того, кто долженъ былъ бы любить, то отъ другого великодушнаго плательщика.

Утѣшенный такимъ разсужденіемъ, я высунулъ въ окно кареты голову и крикнулъ кучеру (въ самомъ дѣлѣ, я такъ и крикнулъ ему): Погоняй, погоняй лошадей, мнѣ надо распорядиться насчетъ похоронъ *моей сестры.*

IV.

Утопленникъ.

Зараженный ипохондріей, снѣдаемый скукой, утомленный жизнью, мужчинами, женщинами и даже лошадьми, съ изнуренными нервами, съ опустѣвшей душой,—Тристанъ рѣшилъ уме-

реть. Къ чему оставаться жить въ такомъ пошломъ, глупомъ, мірѣ, гдѣ удовольствія завершаются зѣвотой, а иллюзіи превращаются въ разочарованія! Сразу покончить со всѣмъ этимъ, заснуть сномъ безъ пробужденія. И Тристанъ, рѣшившись на самоубійство, сталъ думать о *способѣ* совершить его.

Правду сказать, именно *способъ* то и останавливалъ Тристана. Нервный, обладающій яркимъ воображеніемъ, Тристанъ приходилъ въ ужасъ, представляя себѣ то мгновеніе, когда пуля пронзитъ ему мозгъ, или веревка грубо сдавитъ горло. По странному противорѣчію, онъ, убѣжденный въ конечномъ уничтоженіи человѣка послѣ смерти, однако заботился о судьбѣ своего тѣла. Тристана преслѣдовало зрѣлище того, что происходило бы вокругъ его трупа. Онъ слышалъ банальныя фразы, неизбѣжныя выраженія сожалѣнія друзей и слугъ—все то смѣхотворное, что составляетъ пародію на трагическое и великое. Тонкій вкусъ его возставалъ противъ такого финала. «Умереть, да, но умереть, не выставляя себя на показъ; уйти изъ жизни такъ, какъ уходишь изъ салона, незамѣтно». Обдумывая свое намѣреніе, Тристанъ рѣшилъ, что наилучшее мѣсто для приведенія его въ исполненіе—старый, принадлежавшій ему замокъ на берегу моря. Надо сперва прожить тамъ нѣкоторое время. Общество, хотя сначала удивится такой странной фантазіи Тристана, но уже забудетъ о немъ, когда случится то, что должно случиться... И Тристанъ послѣднее и одинокое свое путешествіе окружилъ тайной, свойственной другимъ, болѣе пріятнымъ приключеніямъ... «Подумаютъ, что бѣгство мое имѣетъ соучастницу»—сказалъ себѣ съ иронической грустью будущій самоубійца.

Пріѣхавъ въ древній родовой свой замокъ, Тристанъ убѣдился, что не могло быть лучшаго фона для той печальной картины, которую онъ намѣревался здѣсь создать. Крутыя горы, черные камни, высокія стѣны, заросшія плющемъ, косогоры, унизанные скатами, берегъ, всегда бичуемый вереницей валовъ, башня, въ которой гнѣздились филины и совы,—все это дышало запустѣніемъ и зловѣщей тоской. Даже и время года—глубокая осень—еще увеличивало весь ужасъ окружающаго ландшафта и страшными бурями, и случавшимися въ тѣхъ мѣстахъ нерѣдкими кораблекрушеніями. Туманъ и ураганы загоняли суда къ предательскимъ подводнымъ скаламъ, о которыя они и разбивались. Безпрерывный гулъ и ревъ валовъ, горизонтъ, закрытый туманами, песчанное прибрежье, усѣянное остатками кораблей, досками и т. д.,—до того соотвѣтствовало и состоянію духа, и намѣреніямъ Тристана, что онъ рѣшилъ искать успокоенія въ

глубинѣ моря и устроить такъ, чтобы подумали, будто его смыло волнами. Чтобы лучше освоиться со своей мыслью, онъ ежедневно спускался къ берегу, чувствуя, что имъ всецѣло начинаетъ овладѣвать притяженіе глубокой бездны. Этотъ планъ самоубійства до того заполонилъ его умъ, что онъ мечталъ о смерти, какъ мечтаютъ о первомъ свиданіи съ любимой и красивой женщиной.

Однажды вечеромъ, когда бушевала страшная буря, и ураганъ то ломалъ деревья, то бѣшено срывалъ съ нихъ листву, Тристанъ подумалъ:—насталъ моментъ привести въ исполненіе мое рѣшеніе. Онъ спустился къ берегу, изо всѣхъ силъ стараясь бороться съ вѣтромъ. Время отъ времени его ослѣпляли мгновенныя вспышки молніи. Одинъ изъ этихъ проблесковъ, освѣтившій весь горизонтъ, показалъ ему на гребнѣ громаднаго вала нѣчто, что могло быть пророчествомъ или вѣрнымъ изображеніемъ его участи—тамъ плылъ трупъ человѣка, утопленника, прибиваемаго волнами къ скаламъ. «Я привяжу себѣ большую тяжесть къ тѣлу, чтобы не всплыть наверхъ»,—подумалъ Тристанъ, увидавъ все ближе и ближе подплывавшаго мертвеца. Двѣ минуты спустя, громадный валъ выбросилъ утопленника на песокъ прибрежья.

Тристанъ инстинктивно бросился къ трупу и, поднявъ его, прислонилъ къ одной изъ скалъ. При умирающемъ свѣтѣ заката Тристанъ могъ разсмотрѣть, что это былъ человѣкъ молодой и крѣпкій. —«Сколько,—подумалъ Тристанъ,—боролся этотъ человѣкъ, чтобы избѣгнуть участи, къ которой я такъ сильно стремлюсь». Онъ дотронулся до обнаженнаго тѣла утопленника и ему показалось, что окоченѣлость смерти еще отсутствуетъ; ему даже почудился остатокъ жизненной теплоты. По спинѣ Тристана пробѣжала точно электрическая искра.—«Живъ! Этотъ человѣкъ еще живъ!» Дрожа отъ волненія онъ припомнилъ, какія слѣдовало принять мѣры для поданія первой помощи утопленнику и быстро сталъ примѣнять ихъ. Затѣмъ, приложивъ ладонь къ лѣвой сторонѣ груди, онъ словно ощутилъ слабое біеніе сердца. Съ нечеловѣческимъ усиліемъ поднялъ Тристанъ неподвижное тѣло и понесъ его по направленію къ замку. Тяжесть была велика, Тристанъ почувствовалъ, что дыханіе у него спирается. Но, отдохнувъ на мгновеніе, онъ съ удвоенной энергіей, не останавливаясь болѣе, донесъ, наконецъ, утопленника до кухни замка. Тутъ въ очагѣ горѣлъ яркій огонь. «Скорѣй,—крикнулъ Тристанъ своимъ слугамъ,—скорѣй давайте простыни, налейте кипяткомъ бутылки! А гдѣ водка?» И пока слуги исполняли

порученія, Тристанъ, наклонившись надъ утопленникомъ, съ безпокойствомъ разсматривалъ синеватую блѣдность лица, вѣрный признакъ удушенія, и боялся, что искра жизни, слабая искра, быть можетъ, потухнетъ.—«Надо попытать послѣднее средство».—И, склонившись къ тѣлу съ бо́льшей нѣжностью, чѣмъ когда либо къ устамъ женщины, Тристанъ сильными и эластичными руками началъ вызывать искусственное дыханіе. Вскорѣ ему показалось, что онъ чувствуетъ на своихъ губахъ легкое дуновеніе: не было сомнѣнія, утопленникъ начиналъ дышать. И когда лицо этого послѣдняго слегка стало покрываться краской, и вѣки начали приподниматься, Тристанъ безотчетно почувствовалъ, что слезы навертываются у него на глаза.

*
* *

Тристанъ не кончилъ самоубійствомъ и пересталъ помышлять объ этомъ. Не сталъ ли онъ цѣнить жизнь послѣ того, какъ ему удалось спасти чужое существованіе? Или, быть можетъ, скука разгоняется первымъ добрымъ поступкомъ, какъ исчезаетъ призракъ при первыхъ лучахъ разсвѣта.

Съ испанскаго пер. М. Ватсонъ.

ВЪ САНТЪ-ЭЛЬПИДІО.

Разсказъ Альбертацци.

— Ну, а какъ Елена Баски? Такая умная, такая красивая?

— Все тамъ же, въ городѣ, учительницей въ Сантъ-Эльпидіо, гдѣ она и начала свою службу.

— Вышла замужъ?

— Нѣтъ.

Когда Елена Баски въ первый разъ ѣхала въ С.-Эльпидіо, былъ отличный сентябрьскій день. Путешествіе казалось безконечно долгимъ. Дорога то шла въ гору, то спускалась въ лощины. По обѣ стороны тянулись высокія изгороди, за которыми разстилались вспаханныя поля съ пересѣкавшими ихъ рядами деревьевъ. На поляхъ не было ни души, и тоскливая тишина нависала надъ ними. Слѣва, черезъ просвѣты между деревьями, виднѣлась вдали горная гряда. Окутанная туманомъ, скрывавшимъ зубцы горъ, она ровной линіей замыкала горизонтъ, что дѣлало пейзажъ еще болѣе пустыннымъ. Рѣки, протекавшей между полями и цѣпью горъ, не было видно. Все наводило скуку и уныніе.

Вдругъ послѣ одного изъ спусковъ дорога круто повернула, и неожиданно... Какая красота! Передъ глазами открылась чудная картина. Переходъ отъ скучнаго однообразнаго пейзажа къ этому неожиданному зрѣлищу былъ настолько рѣзокъ, что Елена не могла удержаться отъ радостнаго восклицанія.

Дорога шла, теперь, по самому берегу рѣки, крутому и обрывистому; глубоко внизу сверкала и переливалась серебряная рѣка; полого поднимающійся противоположный берегъ былъ по-

крытъ густой растительностью и усѣянъ домами. Впереди, тамъ, гдѣ берега, разступаясь, образовывали долину, виднѣлась окруженная тополями большая бѣлая церковь съ красной колокольней. Съ другой стороны сіяла нѣжная зелень огородовъ, и среди деревьевъ, между которыми отъ дерева къ дереву фестонами тянулись виноградныя лозы, бѣлѣли дома деревни. Берега рѣки соединялъ новый мостъ съ красивыми арками. Синія горы вдали почти сливались съ тономъ неба и терялись въ сѣроватой дымкѣ.

— Сантъ-Эльпидіо—сказалъ возница.

...И въ этомъ обширномъ просторѣ, между этими свѣтлыми берегами—отъ одного къ другому лились мощныя волны звуковъ и голосовъ, какъ бы торопясь и перегоняя другъ друга, точно стремясь достигнуть куда-то, прежде, чѣмъ умретъ день:—крики крестьянъ, подгонявшихъ воловъ, голоса женщинъ и дѣтей, перекликавшихся между собою, мычаніе телятъ, пѣніе пѣтуховъ, чириканіе воробьевъ, стукъ наковальни... И надъ всѣми этими звуками, объединяя и обобщая ихъ, несся звонъ церковныхъ колоколовъ.

Елена Баски, подъ впечатлѣніемъ этой раскрывающейся передъ ней жизни, задумалась.

Гордое сознаніе, что она вступаетъ въ жизнь, никому не обязанная, полагаясь лишь на собственныя силы, знанія, вынесенныя изъ школы, вѣра въ святость принимаемой на себя миссіи,—развѣ все это не могло для нея служить залогомъ счастливыхъ дней среди этой прекрасной природы? Вѣроятно, ее оцѣнятъ и полюбятъ здѣсь. Или, можетъ быть, эти восемь мѣсяцевъ, которые ей предстоитъ провести здѣсь, будутъ кануномъ свѣтлаго будущаго, періодомъ искуса, который она выдержитъ съ честью и который дастъ ей право на счастье.

Новую учительницу взяла на квартиру вдова, старуха около шестидесяти лѣтъ, низенькая и толстая, съ морщинистымъ, обожженнымъ солнцемъ лицомъ, съ живыми глазами, всегда улыбающаяся и симпатичная по виду. Но сразу же въ ней обнаружилась нѣкоторая грубость, которая еще усиливалась всякими предразсудками и некультурными привычками. Она устроила такъ, что жилица всегда обѣдала и ужинала одна за столомъ, накрытымъ на два прибора, для нея и для сына хозяйки. Этотъ послѣдній торговалъ скотомъ и съ утра до вечера разъѣзжалъ по окрестнымъ ярмаркамъ. Онъ былъ красивъ, но грубъ и вульгаренъ. Первые дни. встрѣчаясь съ Еленой, онъ едва прика-

сался къ шляпѣ, потомъ сталъ ронять сквозь зубы—«госпожѣ учительницѣ—наше почтеніе», окидывая ее холоднымъ взглядомъ барышника и перемѣнчиваго въ своихъ вкусахъ цѣнителя. Разговоры его были безсодержательны и обнаруживали природную тупость, шутки плоски и циничны.

Но его, синьора Агостино, Елена не боялась. Нравственное и умственное превосходство дѣлало ее неуязвимой. Ее тревожили взгляды, которые бросала на нее мать. Старуха, привѣтливая и ласковая со всѣми, по отношенію къ ней рѣзко мѣняла тонъ. Въ ея глазахъ было всегда выраженіе какого-то безпокойства, тайнаго недовѣрія, съ трудомъ подавляемаго недоброжелательства. Почему? Елена считала ниже своего достоинства спрашивать объ этомъ. Однако чувство брезгливой досады, которое вызывало въ ней такое отношеніе, еще усилилось, когда она замѣтила, что эта враждебность преслѣдуетъ ее и внѣ дома, выражаясь явной невѣжливостью, пренебрежительной грубостью. Дочь лавочницы поджидала ея приближенія на порогѣ лавки и поворачивалась спиной, лишь только она ровнялась съ нею. Жена общественнаго врача или притворялась, что не видитъ ея, или еле отвѣчала на поклонъ и быстро проходила мимо, сестра портного встрѣчала ее ядовито-иронической улыбкой, трактирщица... Но что же, наконецъ, онѣ имѣютъ противъ нея? Что сдѣлала она этимъ женщинамъ?

Причина, когда наконецъ она ее узнала, показалась ей очень смѣшной.

Мать одного изъ школьныхъ учениковъ наивно сказала ей:

— По нашимъ мѣстамъ вы слишкомъ молодая учительница и слишкомъ красивая!

А, такъ вотъ въ чемъ дѣло! Ревность, зависть, опасенія...

Ну, пусть успокоятся! Она вовсе не собирается отнимать у кого либо изъ нихъ жениха, мужа или сына. И она перестала обращать вниманіе на враждебныя дѣйствія улицы.

Но ради домашняго спокойствія рѣшила разсѣять странныя опасенія старухи, будто бы она завлекаетъ ея сына, и, лишь только слышала его шаги или голосъ, уходила въ свою комнату.

Синьора Филомена сейчасъ же поняла ея тактику и прониклась благодарностью. Иногда она, приложивъ палецъ къ носу въ знакъ молчанія, таинственно проникала въ комнату жилицы и приносила свѣжее яйцо, иногда тихонько звала ее въ окно посидѣть вмѣстѣ на солнышкѣ.

— Идите сюда, бѣдняжка, вамъ это полезно.

И такъ настаивала, что нужно было исполнить ея желаніе.

Онѣ усаживались на солнышкѣ передъ домомъ или у колодца, или возлѣ ветхой постройки, гдѣ подъ одной крышей помѣщались пекарня, курятникъ и свиной хлѣвъ. Подъ фиговымъ деревомъ съ сѣрымъ, какъ пепелъ, стволомъ, синьора Филомена мотала пряжу на мотовилѣ и напѣвала вполголоса. Елена, сидя на низенькой скамьѣ подъ заборомъ, на которомъ сушилось бѣлье, шила или смотрѣла на куръ, которыя устраивались на ночь. Онѣ взбирались на насѣстъ по небольшой лѣсенкѣ, прыгая поодиночкѣ со ступеньки на ступеньку и, наклонивъ голову въ бокъ, измѣряли каждый разъ взглядомъ пространство, чтобъ соразмѣрить прыжокъ. Выше, выше—вотъ, наконецъ, и насѣстъ, но тамъ подымалось протестующее кудахтаніе, затѣмъ шумъ и возня; нѣкоторыя недовольныя снова слетали внизъ и принимались разгребать соръ. Между молодыми пѣтушками сводились послѣдніе счеты за день, послѣднія аттаки на непокорныхъ курицъ. Гуси (у синьоры Филомены была также и пара гусей) совершали вечерній туалетъ, погружая глубоко въ перья клювъ и встряхивая хвостомъ. Котъ съ видомъ полнаго блаженства чистилъ и разглаживалъ свою роскошную шубу. Поросенокъ, хрюканіемъ требовалъ ужина, и когда заходящее солнце зажигало золотымъ свѣтомъ горы за рѣкой, старуха подымалась, чтобъ покормить «бѣдное созданіе», а потомъ шла готовить ужинъ и жилицѣ.

Вотъ и всѣ развлеченія въ Сантъ-Эльпидіо! Вотъ жизнь, которая должна служить наградой столькихъ трудовъ и лишеній! Что дѣлать? Просить перевода въ другое мѣсто? Но вѣдь вездѣ одно и тоже. И среди страданій настоящаго Елену Баски охватывалъ страхъ передъ будущимъ. Она горько плакала надъ своей красотой, увядающей въ деревенскомъ захолустьѣ, надъ своими способностями, не находящими примѣненія.

Но ни тяжелый трудъ въ школѣ, ни домашнія непріятности, ни, наконецъ, отсутствіе привязанностей (сирота, одна во всемъ мірѣ) не могли служить достаточной причиной того глубокаго отчаянія, той безутѣшной скорби, которая мало-помалу овладѣвала ею. Какое-то болѣе сильное страданіе томило ея душу, какая-то тайная скорбь души надломленной, но все же стремящейся къ неизвѣстному и невѣдомому счастью.

Бѣжать бы! Порвать всѣ цѣпи. Умереть!

Она плакала, глядя изъ окна своей комнаты на чудную панораму горъ, на рѣку, на зеленую долину, облитую короткимъ

сіяніемъ осенняго солнца и не понимала, что главная причина ея страданій заключается именно въ этомъ контрастѣ между внѣшней жизнью и ея собственнымъ внутреннимъ міромъ, между этимъ необъятнымъ небомъ, этой землей, проникнутыми таинственнымъ дыханіемъ міровой жизни, зовущей и манящей, и ея бѣдной маленькой душой, замкнутой въ кругу непокорныхъ мыслей.

Передъ другими ее поддерживала гордость. Она не хотѣла слѣдовать внушеніямъ окружающей жизни, простой и безъискусственной, покорно подчиняющейся велѣніямъ природы. Напротивъ, общество старухи Филомены вызывало въ ней раздраженіе, чувство досады, все ростущее и доходящее порой почти до ненависти. Старуха теперь совсѣмъ уже перестала стѣсняться съ ней, и, не обращая вниманія на ея присутствіе, во все горло распѣвала пѣсни, которыя пѣла въ дни своей молодости. Она пѣла съ радостнымъ увлеченіемъ, прерывая по временамъ пѣніе, чтобы отвѣтить мальчишкамъ, перекликавшимся съ нею съ противоположнаго склона горы.

Въ шестьдесятъ лѣтъ! Такое опьяненіе жизнью!

— Сумасшедшая! бормотала Елена.

Сумасшедшая? Такъ ли? Не сохранилось ли въ душѣ этой старухи что-то изъ тѣхъ временъ, когда люди не были такъ чужды природѣ, были еще чувствительны къ ея призывамъ? Не мудрствуя лукаво, безъ всякаго восхищенія природой или преклоненія передъ нею, она откликалась на ея призывы, покоряясь тѣмъ самымъ жизненнымъ силамъ, которыя заставляли пѣть птицъ, благоухать цвѣты, которыя проявлялись въ сверканіи рѣки, въ сіяніи неба, въ блескѣ горъ. Она пѣла, не размышляя, потому что ея душа безсознательно сливалась съ міровой душой.

Однако, когда день склонялся къ вечеру, она тоже сосредоточивалась.

Она также задумывалась. И тогда страдала.

Было ли это предчувствіе, такъ какъ она и сама знала буйный, задорный нравъ сына? Или это былъ инстинктивный страхъ, передавшійся по наслѣдству? Или паника, наведенная какимъ либо недавнимъ событіемъ? Кто знаетъ! Каждый день, когда начинало смеркаться, она выходила на дорогу и стояла въ неподвижномъ ожиданіи, чутко прислушиваясь. Заслышавъ издали знакомый топотъ лошади, который она такъ хорошо умѣла отличать, она громко кричала:

— Ѣдетъ! ѣдетъ!—какъ бы объявляя всему міру о чудесномъ спасеніи, и, запыхавшись, бѣжала разогрѣвать ужинъ,

между тѣмъ какъ Елена уходила въ свою комнату и запиралась.

Но если Агостино запаздывалъ или не пріѣзжалъ вовсе, синьора Филомена начинала кричать:—Ахъ, я несчастная! Ахъ, святая Мадонна!

Первыя слова она произносила едва внятнымъ шопотомъ, но потомъ повышала голосъ и разражалась громкими воплями:

— Убійцы! Ахъ, Святая Мадонна! Что если они убили моего сына! Боже, Боже! Они убили его.

Елена первый разъ, когда увидѣла ее въ такомъ отчаяніи, пыталась успокоить ее и спросила, почему она такъ волнуется.— Ничего вы не понимаете — съ негодованіемъ отвѣтила старуха, и Елена перестала обращать на нее вниманіе. «Сумасшедшая» — повторяла она про себя и спокойно уходила въ свою комнату и ложилась спать.

Старуха читала вслухъ молитвы до поздней ночи и потомъ громко стонала во снѣ. А сынъ, возвращаясь среди ночи, хлопалъ дверью, громко разговаривалъ самъ съ собой и ругался, подымаясь по лѣстницѣ.—«Вѣроятно, пьянъ?», Елена вставала посмотрѣть, надежны ли запоры у ея двери.

Прошелъ ноябрь. Наступила зима.

Гнетущая тишина одного изъ вечеровъ, ненастныхъ съ перепадавшимъ снѣжкомъ, неожиданно, какъ ударомъ грома, была нарушена роковымъ событіемъ.

Елена уже легла, но еще не спала. Вдругъ послышались гулкіе удары молотка въ дверь. Кто? Въ это время? Зачѣмъ? Кто же, какъ не онъ! Но онъ не кричалъ, чтобы ему открыли; *онъ*—да, это былъ *онъ*—едва могъ извлечь изъ груди слабый замирающій стонъ, признакъ не угасшей еще жизни. Нѣсколько страшныхъ минутъ ожиданія, потомъ ужасный вопль вдругъ огласилъ ночную тишину: «Мой Агостино! Мой сынъ! Св. Мадонна! Мой сынъ»!

Елена вскочила и, наскоро набрасывая платье, различала, не смотря на непрерывный страшный крикъ, шумъ шаговъ по лѣстницѣ и перешептываніе тѣхъ, которые несли его наверхъ.

Потомъ черезъ открытую дверь она увидѣла въ другой комнатѣ... при красномъ свѣтѣ свѣчи .. увидѣла, поняла. Раненаго положили на кровать. Крикъ не умолкалъ—въ немъ слышалась ненависть и проклятіе убійцамъ, стихійный, почти животный материнскій инстинктъ.

Когда потомъ въ памяти Елены вставала картина траги-

ческой ночи, только эти первые моменты рисовались въ ея воображеніи отчетливо, все послѣдующее было смутно и неясно, сливалось вмѣстѣ, какъ сливались въ ту ночь тѣни при красномъ свѣтѣ свѣчи. Старуха, которую двое сильныхъ мужчинъ не могли оторвать отъ тѣла сына... врачъ... Онъ умеръ. Учительница слыхала, что тѣ два удара ножемъ, которые онъ получилъ, затѣявъ ссору въ кабакѣ, достались ему подѣломъ. Чуть ли не актомъ справедливости являлся ударъ, причинившій такую скорбь матери, которую некому было пожалѣть, кромѣ Елены, бывшей при ней безотлучно.

Старуха опять принялась за свои домашнія дѣла, но казалась какъ бы окаменѣвшей въ своей скорби. Теперь она всегда молчала, и это молчаніе въ ней, такой общительной по природѣ, трогало больше, чѣмъ слезы и жалобы.

Горе ли настолько помутило мысли бѣдной старухи, что не ясно отдавала себѣ отчетъ въ своемъ несчастьи, или это было громадное усиліе воли, только она дѣлала все такъ, какъ будто бы сынъ былъ живъ, находя можетъ быть мучительное наслажденіе въ томъ, чтобъ бередить свою рану. Каждый вечеръ, накрывая на столъ, она ставила приборъ также и для него, потомъ вздыхая убирала, какъ въ тѣ вечера, когда ея Агостино не возвращался домой.

Елена, какъ ни старалась, не могла облегчить ее. Въ отвѣтъ на слова, которыя исходили отъ сердца и которыя своею искренностью и прочувствованностью подѣйствовали бы такъ хорошо на болѣе интеллигентную женщину, Филомена пожимала плечами и сердито бормотала: «Эхъ вы, барышня!» Въ гордой старухѣ скорбь, казалось, концентрировалась и переходила въ ненависть. Ея глаза метали искры гнѣва. Изъ-за страшной гордости она не хотѣла, чтобы кто нибудь пытался уменьшить ея горе.

Прошло болѣе мѣсяца. Старуха немного смягчилась. Когда она молилась, ея лицо и глаза просвѣтлялись. Передъ тѣмъ какъ ложиться, она читала молитвы по четкамъ и «De profundis». Елена молилась вмѣстѣ съ нею. Торжественныя слова молитвы и горе старухи не могли оставить ее равнодушной, но она должна была скрывать свое чувство. Бѣда, если старуха замѣчала, что у нея красные глаза: она не считала ее достойной страдать вмѣстѣ съ собой.

Съ теченіемъ времени, Елена, которую до сихъ поръ обезоруживала жалость, снова возмутилась. Что, въ концѣ концовъ, заставляло ее страдать изъ-за этой женщины, съ которой у нея было только то общаго, что обѣ были несчастны. Какія

надежды могла она возлагать на совмѣстную жизнь съ человѣкомъ, который такъ непохожъ на нее, съ которымъ она расходилась во всемъ. Она твердо рѣшила уѣхать. И рѣзко перемѣнила обращеніе. Не подыскивала ужъ больше ласковыхъ словъ, не огорчалась, что остаются непонятыми и отвергнутыми ея добрыя чувства. Сдѣлалась сухой, почти грубой. Теперь *она* молчала. Она сама удивлялась своему самообладанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей нравилось, что у нея хватаетъ силы характера не отвѣчать на вопросы, съ которыми старуха волей неволей обращалась къ ней, и сама, когда ей нужно было обратиться къ ней, принимала сухой, повелительный тонъ.

Въ половинѣ іюня она уѣзжаетъ!—Освобожденіе! И вотъ въ ожиданія освобожденія она замѣтила, что Филомена снова стала посматривать на нее какъ-то особенно, точно стараясь проникнуть въ ея мысли. Какое-то новое безпокойство овладѣло старухой, робко, стѣсняясь, она стала выказывать жилицѣ знаки вниманія и расположенія. Казалось, она поняла, что была неправа, и просила прощенія. Въ ея глазахъ читалось теперь желаніе, чтобы ее пожалѣли, мольба о сочувствіи, отвергнутомъ ею раньше.

Наконецъ однажды тихонько, дрожащими губами она сказала:

— Вы, Елена, любили его,—не правда-ли?

И ея глаза заблестѣли сквозь вуаль слезъ.

Елена, пораженная, какъ-то сразу потеряла всю свою энергію. У нея не хватило духу сказать: нѣтъ, она промолчала и отвела глаза въ сторону.

— Я это и замѣчала,—продолжала старуха—и боялась, что онъ женится на васъ. Но это все таки было бы лучше...—

Хорошъ комплиментъ! Изъ двухъ золъ—меньшее жениться на ней, чѣмъ быть убитымъ.

Но учительница не засмѣялась. Даже и потомъ она не могла смѣяться надъ этимъ.

Старуха съ этихъ поръ принялась утѣшать ее, черпая и сама утѣшеніе въ своихъ словахъ.

— Надо покориться, бѣдняжка,—говорила она,—съ Господомъ не спорить! Онъ справедливъ, и вы знаете сами, какой хорошій былъ мой сыночекъ! Охъ, какой хорошій!

Или говорила:

— Будемъ и мы стараться быть хорошими, и мы увидимъ его, нашего Агостино.

Елена не питала этой надежды, однако молчала. Ей каза-

лось слишкомъ жестокимъ хоть чѣмъ нибудь нарушить иллюзію бѣдной старухи.

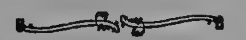
— Вотъ глупая,—думала она—вообразила, будто я была влюблена въ него и жажду увидѣться съ нимъ въ раю. Я то?!

И она высчитывала дни, оставшіеся до каникулъ, мечтая объ отъѣздѣ. Она чувствовала однако, что разлука не будетъ легка, что горе связываетъ крѣпче любви. Когда до отъѣзда оставалось всего нѣсколько дней, она рѣшила заявить о своемъ намѣреніи. Возвращаясь домой и войдя во дворъ, она неожиданно услыхала... что-то странное, чудовищное!.. Синьора Филомела, сидя на своемъ обычномъ мѣстѣ подъ фиговымъ деревомъ и мотая пряжу, распѣвала во все горло. Только восемь мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ея сынъ погибъ такой ужасной смертью, а она пѣла, снова охваченная тѣмъ инстинктомъ жизни, которымъ дышала вся окружающая природа—теплое и ясное небо, поля, голубыя, озаренныя солнцемъ горы, переливающаяся серебромъ рѣка.

Она пѣла и ничуть не покраснѣла, замѣтивъ, что ее слышатъ, ей не было стыдно! Она прервала пѣніе, ожидая, чтобъ Елена подошла ближе, и улыбалась такъ странно... Елена приблизилась и хотѣла было сказать, что въ концѣ этой недѣли она уѣзжаетъ. Но прежде чѣмъ она успѣла произнести хоть одно слово, старуха схватила ее за руку, притянула къ себѣ на грудь, приблизила къ ея лицу свои морщинистыя щеки и поцѣловала ее въ лобъ. Затѣмъ порывистымъ движеніемъ откинулась назадъ, посмотрѣла на нее глазами, полными материнской любви, и, улыбаясь сквозь крупныя слезы, катившіяся по щекамъ, проговорила:

— Господь милостивъ! Онъ отнялъ у меня сына, но далъ мнѣ дочь. Ты-же моя доченька, неправда ли, ты моя?

Съ итал. пер. Над. Кибальчичъ.

БУДУЩЕЕ ВЪ СВѢТѢ ПРОШЕДШАГО.

Кто дожилъ до глубокой старости, тотъ не можетъ заглядывать въ будущее съ тѣмъ чувствомъ, какое испытываютъ вѣроятные участники или свидѣтели грядущихъ событій. Онъ знаетъ, что ему не суждено быть ихъ зрителемъ, хотя бы бездѣйственнымъ и пассивнымъ; онъ не старается предопредѣлить отношеніе свое къ тому, что виднѣется за предѣлами завтрашняго дня. Но если слабость или недуги не обратили его въ живого мертвеца, онъ не можетъ не думать о судьбѣ своей страны—и его думы, при этомъ, невольно обращаются къ прошлому. Въ теченіе шести десятилѣтій его сознательной жизни, сколько совершилось крупныхъ перемѣнъ, сколько пережито несбывшихся ожиданій! Сколько разъ начинался, по видимому, переходъ на новый путь—и сколько разъ останавливался или уступалъ мѣсто возврату къ старинѣ! Обо что разбивались надежды? Къ чему приводили попытки отвратить неотвратимое и какою цѣною оплачивалъ ихъ народъ? И въ отвѣтахъ на эти вопросы не заключается ли указаніе на опасность, которою грозитъ повтореніе прежнихъ ошибокъ?

Отчетливо и ясно запечатлѣлся въ моей памяти моментъ возрожденія русской жизни послѣ восточной войны и начала новаго царствованія. Настроеніе, смѣнившее апатію и безнадежность, было въ высшей степени благопріятно для широкой, смѣлой преобразовательной работы. Тѣ общественныя силы, которыя Иванъ Аксаковъ, нѣсколькими годами раньше, съ такой глубокой горечью и грустью называлъ «ненужными», обреченными на «разсѣянье», могли соединиться «во имя правды и добра» и послужить опорой для правительства, если-бы оно безповоротно вступило на путь реформъ. Были минуты, когда среди этихъ силъ могли оказаться и Герценъ, и Чернышевскій. Сплоченныхъ консервативныхъ или, тѣмъ болѣе, ретроградныхъ группъ не было вовсе; до конца десятилѣтія вся печать, за ничтожными исключеніями, могла считаться прогрессивною. Были, конечно, элементы, боявшіеся движенія и отстаивавшіе старину; но вліятельными они могли быть названы лишь настолько, насколько въ ихъ рукахъ находились важнѣйшія государственныя должности.

Еслибы была сознана и проведена въ жизнь простая мысль, что нельзя вливать новое вино въ старые мѣха, переворотъ въ учрежденіяхъ и порядкахъ совершился бы быстро и послѣдовательно, безъ остановокъ, безъ приступовъ недовѣрія къ освобождаемымъ силамъ. Случилось не то: искусно поддерживаемое опасеніе народныхъ волненій и общественныхъ притязаній замедляло ходъ насущнѣйшей изъ всѣхъ реформъ—освобожденія крестьянъ—и вызывало новыя и новыя стѣсненія только что воскресшаго печатнаго слова. Подъ гнетомъ перваго разочарованія исчезло недавнее единодушіе, поколебалась наивная вѣра. Уже къ началу 1861-го года чувствовался разладъ между властью и передовыми кругами, такъ недавно служившими главной ея поддержкой. Можно еще было, однако, вернуть потерянное. При всѣхъ своихъ существенныхъ недостаткахъ, положенія 19-го февраля могли стать исходной точкой для дальнѣйшаго мирнаго развитія. Съ крѣпостнымъ правомъ пала главная преграда на пути къ обновленію Россіи. Освобожденная народная масса могла принять активное участіе въ устроеніи и обезпеченіи ея новой жизни. Но именно тогда наступаетъ вторая критическая минута, послѣдствія которой были по истинѣ неисчислимы. Подготовка реформъ продолжается, но осуществленіе ихъ передается въ руки ихъ противниковъ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было паденіе Ланского и Милютина. Это было нѣчто гораздо большее, чѣмъ простая перемѣна лицъ: это знаменовало собою взятіе назадъ одной рукой даннаго другою, отказъ если не отъ принципа, то отъ логическихъ изъ него выводовъ. Неудивительно, поэтому, что къ 1861-му году относится появленіе первыхъ прокламацій, первыхъ симптомовъ революціоннаго броженія. Наклонъ въ одну сторону повлекъ за собою соотвѣтственный наклонъ въ другую. И въ это же самое время разыгрываются первыя студенческія исторіи, вызванныя внезапнымъ переходомъ отъ фактической свободы къ мелочной регламентаціи. Это очень характерно: открытой выразительницей тайнаго неудовольствія учащаяся молодежь становится именно съ тѣхъ поръ какъ слабѣетъ надежда на организацію правильныхъ способовъ заявленія общественныхъ настроеній.

Внутреннее противорѣчіе, обнаружившееся въ 1861-мъ году, продолжается въ теченіе слѣдующаго пятилѣтія [1]). Въ 1862 г. утвер-

---

[1]) Нѣкоторое вліяніе на ходъ событій въ имперіи оказали, безспорно, волненія въ царствѣ польскомъ, начавшіяся въ 1861 т. и закончившіяся возстаніемъ 1863-го года; но я не останавливаюсь на этомъ вопросѣ, такъ какъ не въ немъ вижу главный узелъ трагедіи, которой посвящены настоящія воспоминанія.

ждаются основныя положенія судебной реформы—и закрываются воскресныя школы, запрещаются на долгій срокъ прогрессивные журналы; въ 1863 г. выходитъ новый университетскій уставъ—и совершается сокращеніе мировыхъ участковъ, т. е. отстраняются отъ крестьянскаго дѣла лучшіе его слуги; въ 1864 г. издается земское положеніе, издаются судебные уставы—и происходитъ въ глубокой тайнѣ рядъ политическихъ процессовъ, общей чертой которыхъ служитъ явная несоразмѣрность между виною и наказаніемъ; въ 1865 г. вступаютъ въ силу новыя правила о печати—и сразу примѣняются въ духѣ прямо противоположномъ ихъ назначенію. Весной 1866 г. судебные уставы вводятся въ дѣйствіе въ Петербургѣ и Москвѣ—а уже зимой того же года появляется первая новелла, измѣняющая созданный ими порядокъ судопроизводства. Сравнительно маловажная сама по себѣ, она чрезвычайно знаменательна, какъ признакъ господствующаго настроенія. Достаточно было одного оправдательнаго приговора по дѣлу печати, произнесеннаго окружнымъ судомъ, чтобы изъять изъ его вѣдѣнія всѣ дѣла этого рода. Это значило, что независимость суда—одинъ изъ краеугольныхъ камней судебной реформы—имѣетъ свои предѣлы, что для суда, какъ и для всякаго другого «присутственнаго мѣста», обязательно сообразоваться, въ извѣстной мѣрѣ, съ «видами правительства». И еще яснѣе та-же мысль выразилась въ новыхъ назначеніяхъ по судебному вѣдомству, состоявшихся въ началѣ 1867-го года: министра и товарища министра, проведшихъ въ жизнь судебные уставы, постигла та-же участь, какая выпала на долю главныхъ дѣятелей крестьянской реформы. Еще раньше, въ 1866 г., сошелъ со сцены министръ народнаго просвѣщенія, съ именемъ котораго связаны университетскій уставъ, 1863 г. и положенія 1864 г. о средней и начальной школѣ. Насколько П. А. Валуевъ расходился съ Милютинымъ и Ланскимъ, настолько же гр. Д. А. Толстой имѣлъ мало общаго съ А. В. Головнинымъ, гр. К. И. Паленъ—съ Д. Н. Замятнинымъ и Н. И. Стояновскимъ. Новыя лица во всѣхъ этихъ случаяхъ были представителями новыхъ теченій, шедшихъ въ разрѣзъ съ основами преобразованій. Впрочемъ, особыя условія русской жизни приводили къ тому, что перемѣны въ направленіи оказывались возможными и безъ перемѣны въ лицахъ: авторъ земскаго положенія и указа 6-го апрѣля о печати, П. А. Валуевъ, самъ наложилъ руку на свои созданія, замѣнивъ, de facto, судебное преслѣдованіе проступковъ печати административными карами и разгромивъ, въ 1867 г., петербургское земство.

Быть можетъ, однако, регрессъ на всей линіи былъ неизбѣжнымъ, естественнымъ результатомъ покушенія на цареубійство, со-

вершившагося 4-го апрѣля 1866 г.? Что между тѣмъ и другимъ была извѣстная связь — это не подлежитъ сомнѣнію; но столь же ясно и то, что источники регресса лежали несравненно глубже. Онъ начался, какъ показываютъ приведенные выше факты гораздо, раньше 1866-го года, чередуясь съ крупными, но нерѣшительными движеніями впередъ. Бѣда заключалась въ томъ, что провозглашеніе общаго начала не шло рука объ руку съ признаніемъ его послѣдствій. Съ новыми формами считалось возможнымъ соединить старое содержаніе—и когда этому противорѣчила дѣйствительность, спорной начинала казаться самая правильность сдѣланнаго шага. Прямо взять его назадъ было неудобно: предпринималась частичная ломка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, призывались новые люди, въ томъ предположеніи, что въ ихъ рукахъ измѣнится, въ надлежащемъ смыслѣ, примѣненіе хотя бы и неизмѣннаго закона. Идти такимъ путемъ было тѣмъ легче, что рядомъ съ новыми учрежденіями продолжали держаться старыя, проникнутыя другимъ духомъ и преслѣдующія другія цѣли. Чего стоила одна дѣятельность третьяго отдѣленія! Теперь нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что и тогда, впрочемъ, было ясно для многихъ: избытокъ подозрительности, плодя ненужныя стѣсненія, преграждая дороги къ легальной работѣ на пользу народа, загонялъ въ подполье массу молодыхъ силъ, а внѣ-законная расправа обезпечивала за ними если не поддержку, то сочувствіе широкихъ круговъ общества. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ все это было еще только въ зародышѣ; движеніе не шло далеко ни въ ширину, ни въ глубину, и противодѣйствовать ему можно было, во всякомъ случаѣ, не искаженіемъ преобразованій. Каракозовское дѣло указывало гораздо больше на необходимость ускорить темпъ политической жизни, чѣмъ на потребность въ тормазахъ, старыхъ или новыхъ. Между замыслами небольшой, разношерстной группы и стремленіями прогрессивной части общества лежала цѣлая пропасть. Гарантій внутренняго мира слѣдовало искать не въ полицейскомъ надзорѣ за школами, а въ ихъ количественномъ и качественномъ ростѣ, не въ обостреніи цензурныхъ строгостей, а въ такой свободѣ слова, которая всюду внесла бы достаточно свѣта и могла бы служить противовѣсомъ закулиснымъ внушеніямъ и навѣтамъ. Ничего, однако, не было предпринято противъ «средостѣнія», опасность котораго уже давно была указана лучшими изъ славянофиловъ. Носителями вліяній, предрѣшавшихъ будущее, являлись, сплошь и рядомъ, наименѣе даровитые изъ среды бюрократіи, вообще бѣдной дарованіями, иниціативой и умѣньемъ понимать «признаки времени».

Очень полезнымъ урокомъ могъ бы послужить первый политическій процессъ, происходившій при открытыхъ дверяхъ — такъ

называемое нечаевское дѣло, рѣшенное въ 1871 г. с.-петербургскою судебною палатою. Оно раскрыло съ поразительною наглядностью, какимъ образомъ и почему молодые люди, сегодня далекіе отъ всякихъ «разрушительныхъ стремленій», становятся завтра членами тайнаго революціоннаго общества и докатываются, по наклонной плоскости, до политическаго убійства; оно обнаружило, до какой степени важно было бы снятіе перегородокъ, останавливавшихъ всякую попытку организованнаго труда на общую пользу. Урокъ, ясный самъ по себѣ, былъ подчеркнутъ даже въ печати, насколько это было возможно при тогдашнихъ условіяхъ [1]—но онъ не былъ услышанъ или не былъ понятъ въ оффиціальныхъ сферахъ, и единственнымъ результатомъ процесса явилось расширеніе жандармской компетенціи въ дѣлахъ политическаго характера. Все больше и больше крѣпла пагубная мысль, что единственнымъ средствомъ государственной обороны можетъ служить обостреніе репрессій, административныхъ и судебныхъ.

Политическіе процессы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, становились все серьезнѣе, охватывали все большее число лицъ—но не измѣнялись пріемы отпора, не терялась вѣра въ дѣйствительность орудій, на каждомъ шагу оказывавшихся негодными. Къ слѣдствію, иногда искусственно объединявшему множество отдѣльныхъ дѣлъ, привлекалась масса лицъ, большинство которыхъ, послѣ продолжительнаго содержанія подъ стражей, освобождалось отъ суда, а меньшинство, все еще очень многочисленное, ставило судъ лицомъ къ лицу съ задачей, неизбѣжно подрывавшей его авторитетъ. Увеличивалась суровость наказаній [1]—и сообразно съ этимъ расла тяжесть преступленій. Съ 1878-го года учащается примѣненіе смертной казни—но съ того же года одно за другимъ слѣдуютъ политическія убійства. 1879-ый годъ приноситъ съ собою такое громадное расширеніе охранительныхъ мѣръ и полицейскаго произвола, дальше котораго некуда было идти—и онъ же становится кульминаціоннымъ пунктомъ революціоннаго террора... И этотъ періодъ обоюднаго ожесточенія—ожесточенія смуты, ожесточенія репрессій—является, вмѣстѣ съ тѣмъ, періодомъ полнѣйшаго законодательнаго застоя. Крестьянскій вопросъ признается болѣе не существующимъ, навсегда разрѣшеннымъ, въ то время, когда все больше и больше раскрываются недочеты положеній 1861-го-года, все

---

1) См. статью: „Политическій процессъ 1869—71 гг." въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы" 1871 г., навлекшую на журналъ первое предостереженіе.

2) По Нечаевскому дѣлу къ каторжной работѣ были приговорены только участвовавшіе въ убійствѣ Иванова; начиная съ дѣла Долгушина не проходитъ ни одного крупнаго процесса безъ присужденія къ каторгѣ нѣсколькихъ лицъ за чисто политическія преступленія.

больше и больше падаетъ благосостояніе народной массы. Районъ дѣйствій судебной реформы расширяется едва замѣтно; земскія учрежденія не вводятся ни на одной изъ окраинъ государства. Въ области народнаго образованія растетъ не столько школа, сколько инспекція надъ школой. Гимназія обращается въ какое-то чистилище, граничащее съ адомъ. Затѣвается пересмотръ университетскаго устава. Почти ничего не измѣняетъ къ лучшему въ положеніи раскольниковъ законъ 1874 г. о запискѣ ихъ въ метрическія книги. Законъ 1872-го года подчиняетъ всю не-періодическую литературу усмотрѣнію комитета министровъ. Въ области религіозной свободы *фактическимъ* облегченіемъ смѣшанныхъ браковъ въ остзейскомъ краѣ не уравновѣшивается чреватое бѣдами «возсоединеніе» уніатовъ въ царствѣ польскомъ.

Когда начался 1880-ый годъ и принесъ съ собою еще большее усложненіе политической трагедіи, для всѣхъ стало ясно, что полномочія новаго диктатора, какъ бы они ни были широки, не могутъ дать ему такой власти, какою не обладали бы его предшественники, временные генералъ-губернаторы 1879-го года, оказавшіеся, однако, безсильными исполнить хотя бы часть возложенной на нихъ задачи. Нужно было, очевидно, что-то другое, не имѣющее ничего общаго съ практиковавшимися до тѣхъ поръ способами борьбы. Этимъ другимъ могло быть только возобновленіе давно прерванной преобразовательной работы. И оно дѣйствительно состоялось—но состоялось, къ несчастію, слишкомъ поздно. Въ теченіе десяти лѣтъ накопилось столько горючаго матеріала, что сразу потушить пожаръ не оказалось возможнымъ. Да и мѣры тушенія были недостаточно рѣшительны: не только то, что сдѣлалъ гр. Лорисъ-Меликовъ, но и то, что онъ предполагалъ сдѣлать, на однихъ производило впечатлѣніе чего-то меньшаго, чѣмъ полумѣра—и въ тоже время выставлялось другими какъ рѣзкій, непозволительный разрывъ съ завѣтами священной старины. Можно было думать, что безъ упорнаго сопротивленія не осуществится даже то немногое, что намѣчалось «диктатурой сердца».

Катастрофа 1-го марта отбросила Россію далеко назадъ. Преступленіе немногихъ отдѣльныхъ лицъ было точно поставлено въ вину цѣлому народу. Реформамъ, будто бы преждевременнымъ и неосторожнымъ, было приписано то, что зависѣло отъ ихъ неполноты и незаконченности. Вмѣсто продолженія ихъ наступила ломка, не считавшаяся съ широко распространенными общественными настроеніями. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ мысль о перемѣнѣ государственнаго строя нашла отголосокъ только въ одномъ дворянскомъ собраніи, подъ вліяніемъ досады за упраздненіе крѣпостного

права и надежды на то, что дворянская конституція послужитъ нѣкоторымъ его суррогатомъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ мысль о политической реформѣ пробѣгаетъ какъ искра по цѣлому ряду земскихъ и даже дворянскихъ собраній, обсуждается въ придворныхъ сферахъ, стучится въ двери министерства внутреннихъ дѣлъ, одно время кажется близкой къ осуществленію. Устойчивой ли оказалась бы та форма, въ которую она могла бы вылиться въ 1882 г.—на этомъ вопросѣ я теперь останавливаться не буду; для меня несомнѣнно только одно—что даже старозавѣтный земскій соборъ отказался бы вступить на путь «преобразованій наоборотъ», предвѣстіемъ которыхъ послужило назначеніе Д. А. Толстого на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ «великихъ реформахъ» Александра II-го отразились три идеи, смутно сознанныя, непослѣдовательно проведенныя, но все же присущія законодателю: необходимость сближенія сословій—необходимость общественной самодѣятельности—необходимость уваженія къ закону. Отсюда безсословный характеръ земскихъ и городскихъ учрежденій; отсюда сравнительный просторъ, данный съ одной стороны земскому, городскому и крестьянскому самоуправленію, съ другой стороны—печатному слову; отсюда раздѣленіе властей судебной и административной. Теперь въ основу законодательной дѣятельности кладется прямое отрицаніе всѣхъ этихъ идей. Сословнымъ началомъ проникнуты положеніе о земскихъ начальникахъ и новое земское положеніе; крестьянское самоуправленіе упраздняется «сильною мѣстною властью», земское и городское—отдается подъ опеку губернской администраціи; временныя правила 1882-го года уничтожаютъ послѣдніе остатки свободы печати; въ рукахъ земскихъ начальниковъ судебная власть соединяется съ административной; положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ широко раздвигаетъ область усмотрѣнія, не стѣсненнаго закономъ. И что же, приэтомъ, имѣется въ виду? Возвысить и усилить землевладѣльческое дворянство, какъ классъ наиболѣе консервативный, наиболѣе заинтересованный въ сохраненіи традиціоннаго порядка вещей; удержать въ повиновеніи народныя массы, не давая имъ развить въ своей средѣ привычку дѣйствовать на собственный рискъ и страхъ, по своему понимать и оберегать свои интересы; превратить земскія и городскія учрежденія въ присутственныя мѣста общебюрократическаго типа; подавить мысль цензурными строгостями, общественную и частную инициативу—полицейской расправой. Аналогичные результаты ожидались отъ новаго университетскаго устава, отъ правилъ 1884 г. о церковно-приходскихъ школахъ, отъ ограниченій пріема въ среднюю школу. Наступившее, особенно съ конца восьмидесятыхъ годовъ, ослабленіе революціонной агитаціи

было использовано, такимъ образомъ, не для возобновленія преобразованій, а для цѣлей прямо противоположныхъ. Путь впередъ былъ не очищенъ отъ старыхъ преградъ, а загроможденъ новыми. Положеніе усложнилось еще больше побѣднымъ шествіемъ такъ называемаго національизма, при Александрѣ II-мъ проявлявшагося только въ польско-русскихъ и русско-украинскихъ отношеніяхъ, теперь овладѣвшаго вопросами еврейскимъ, остзейскимъ, финляндскимъ. Безплодными, подъ давленіемъ господствующаго настроенія, оказались и тѣ немногія добрыя начинанія, которыми ознаменовано было начало восьмидесятыхъ годовъ, когда еще не успѣла окончательно восторжествовать реакція. Законъ 3-го мая 1883-го года, встрѣтивъ упорное противодѣйствіе со стороны «вѣдомства православнаго исповѣданія», очень мало, на самомъ дѣлѣ, измѣнилъ къ лучшему положеніе раскольниковъ и сектантовъ; регламентація фабричнаго труда, много обѣщавшая на первыхъ порахъ, скоро утратила бо̀льшую часть своего значенія; финансовая политика Н. Х. Бунге, не упускавшая изъ виду интересы народной массы, уступила мѣсто діаметрально противоположной политикѣ И. А. Вышнеградскаго.

Къ концу 1894-го года, когда началось новое царствованіе, эпоха контръ-реформъ не успѣла еще принести всѣхъ своихъ плодовъ. Опять наступилъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда страна находится на перепутьѣ и предстоитъ выборъ между различными дорогами, предрѣшающій ея ближайшую судьбу. Опять, какъ и въ 1881—82 г.г., рядъ земскихъ постановленій выразилъ наболѣвшее чувство угнетенія и тѣсно связанное съ нимъ ожиданіе такой перемѣны въ государственномъ строѣ, которою обезпечивалось бы лучшее будущее. Желанія прогрессивныхъ земцевъ были весьма скромны; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить наиболѣе нашумѣвшій тогда тверской адресъ... Періодъ надеждъ продолжался недолго; не только все осталось по старому, но началось дальнѣйшее движеніе назадъ. Въ интересахъ дворянства былъ принятъ длинный рядъ разнообразныхъ мѣръ. Обособленіе крестьянства, осуждавшее его на зависимость, приниженность и экономическій застой, было возведено на степень догмата. Систематически отклонялся даже такой скромный шагъ впередъ, какъ освобожденіе крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія. Зависимость земства отъ администраціи была усилена фиксаціей земскаго обложенія. Въ западныхъ губерніяхъ были введены учрежденія, земскія только по имени. Для печати, безъ того связанной по рукамъ и по ногамъ, придуманы были новыя путы (рестриктивное толкованіе понятія о печатномъ листѣ, требованіе административнаго разрѣшенія на переходъ журнала или газеты отъ одного издателя

къ другому). Новое уголовное уложеніе воспріяло силу лишь на столько, на сколько это было нужно для подчиненія политическихъ правонарушеній двоякимъ карамъ—судебнымъ и административнымъ. Усиленная охрана изъ временной, экстраординарной мѣры окончательно превратилась въ постоянную норму управленія. Въ вѣроисповѣдной области преступными стали считаться домашнія молитвенныя собранія; строже чѣмъ когда-либо соблюдалось правило, въ силу котораго однажды зачисленный православнымъ долженъ былъ оставаться, вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ, неразрывно связаннымъ съ православной церковью. Орудіемъ борьбы противъ стачекъ и забастовокъ стали, помимо обострявшихся репрессій, устраиваемыя полиціею организаціи рабочихъ. Къ способамъ предупрежденія и пресѣченія студенческихъ волненій присоединилась, на время, отдача въ солдаты. Въ Финляндіи было прекращено нормальное теченіе политической жизни. Весь этотъ комплексъ мѣропріятій, постоянно разростаясь и усложняясь, достигъ своего апогея въ началѣ XX вѣка, при Д. С. Сипягинѣ и В. К. Плеве. Въ 1904 г. реакція могла отпраздновать свой двадцатилѣтній юбилей, усматривая позади себя—если не вникать въ глубь событій—однѣ только побѣды. На самомъ дѣлѣ она понесла одни только пораженія.

Что̀ выиграло дворянство, такъ долго составлявшее главный предметъ правительственной заботы? Остановили ли громадныя льготы, данныя ему черезъ посредство Дворянскаго банка—льготы, доходившія до обремененія казны двухсотмилліоннымъ займомъ, въ формѣ наименѣе желательной съ точки зрѣнія общественнаго блага—его матеріальное раззореніе, быстрое уменьшеніе его земельнаго фонда? Съумѣло ли оно вознести институтъ земскихъ начальниковъ хотя бы на ту скромную высоту, которая была совмѣстима съ коренными дефектами этого учрежденія? Въ своихъ собраніяхъ, къ голосу которыхъ, свободно доходившему до высшихъ сферъ, внимательно прислушивалась власть, предложило ли оно хоть одну общеполезную мѣру, продиктованную не узко-сословными соображеніями?... Правда, въ земствѣ гласные отъ дворянъ часто дѣйствовали не такъ, какъ требовалъ сословный катехизисъ—но именно потому, что, работая вмѣстѣ съ представителями другихъ сословій, они втягивались въ общегражданскую жизнь и проникались ея запросами, чуждыми, иногда прямо противоположными специфически дворянской тенденціи. Въ земствѣ, хотя и наполовину дворянскомъ, сложилась и окрѣпла та группа, которая руководила земскими съѣздами и сыграла немалую роль въ освободительномъ движеніи. Земскимъ начальникамъ и всему сложному административно-полицейскому аппарату удалось задержать раз-

витіе среди крестьянъ просвѣщенія и самодѣятельности, но не сознанія тяготѣющаго надъ ними гнета. Съ ухудшеніемъ матеріальныхъ условій крестьянской жизни расло недовольство, мѣстами выражавшееся уже въ крайне рѣзкихъ формахъ. Неурожаи и эпидеміи, слѣдовавшіе другъ за другомъ почти непрерывною цѣпью, обнаруживали всю ненормальность положенія, въ которое было поставлено сельское населеніе. О томъ, гдѣ и какъ искать выхода изъ этого положенія, происходили ожесточенные «вѣдомственные» споры. Министерство внутреннихъ дѣлъ шло въ разрѣзъ съ министерствомъ финансовъ; коммиссіи и совѣщанія сходились и расходились, ничего не сдѣлавъ. Прямо пропорціонально стѣсненіямъ, которыя испытывало земство, усиливался въ его средѣ оппозиціонный духъ. Печать, за немногими исключеніями, не оставляла занятыхъ ею позицій; краснорѣчивымъ нерѣдко бывало даже ея вынужденное молчаніе. Охрана, войдя въ ежедневный обиходъ, потеряла значительную часть своего устрашающаго значенія и стала средствомъ распространенія «вредныхъ идей» въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства. Преслѣдованіе «упорствующихъ», т. е. отказывающихся примкнуть, хотя бы только формально, къ чуждому имъ вѣроученію, закаляло ихъ убѣжденія и расширяло пропасть между ними и господствующею церковью. Рабочія организаціи, искусственно созданныя, вступали на путь, неимѣвшій ничего общаго съ намѣченною для нихъ цѣлью. Меньше чѣмъ когда-либо удавалось водворить спокойствіе въ стѣнахъ высшей школы. «Порядокъ», водворившійся въ Финляндіи, былъ похожъ на тотъ, о которомъ, осенью 1831-го года, сказалъ свою извѣстную фразу (l'ordre règne à Varsovie) французскій министръ иностранныхъ дѣлъ. И въ томъ же родѣ былъ порядокъ и на нѣкоторыхъ другихъ окраинахъ Россіи.

Ничего, такимъ образомъ, не было достигнуто, ничего не было предупреждено реакціею; если что-нибудь изъ того, противъ чего она была направлена, и было задержано, то многое другое было ею вызвано или ускорено. Лучшей иллюстраціей ея результатовъ служитъ Высочайшій указъ 12-го декабря 1904-го года, обѣщавшій все то, въ чемъ она такъ долго и такъ упорно отказывала Россіи: охраненіе «полной силы закона», самостоятельность земскихъ и городскихъ учрежденій, расширеніе земскаго и городского представительства, единство и самостоятельность суда, терпимость въ дѣлахъ вѣры, отмѣну большей части постановленій, ограничивавшихъ права инородцевъ, пересмотръ исключительныхъ положеній, устраненіе излишнихъ стѣсненій печати (не коснулся указъ 12-го декабря положенія высшей школы, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя ей была дана авто-

номія указомъ 27-го августа 1905-го года). Это была отходная цѣлой системы, признанной несостоятельною во всемъ томъ, на чемъ она держалась и къ чему стремилась. Недоставало лишь одного, но самаго существеннаго: не было затронуто существо строя, сдѣлавшаго возможной не только устойчивость, но и повторяемость всего осужденнаго указомъ. Развѣ въ теченіе сорока лѣтъ, истекшихъ со времени «эпохи великихъ реформъ», не было взято назадъ многое, однажды уже данное властью? Развѣ не была ограничена самостоятельность земства, не были съужены основы земскаго и городского представительства, не было нарушено единство суда, не было измѣнено къ худшему положеніе иновѣрцевъ и инородцевъ? Совершенно понятно, поэтому, что указомъ 12-го декабря не было успокоено общественное мнѣніе. Положить конецъ разраставшейся смутѣ могло только «увѣнчаніе зданія»; только оно могло внушить увѣренность въ прочности постройки, поставленной на очередь. Каждый день промедленія и колебаній приносилъ съ собою новыя опасности, новыя трудности. Двадцатью, даже десятью годами раньше положеніе 6-го августа 1905 г. послужило бы, можетъ быть, этапомъ на пути къ истинно-конституціонному порядку; теперь оно просуществовало, на бумагѣ, менѣе трехъ мѣсяцевъ. Новую эпоху, по видимому, долженъ былъ открыть манифестъ 17-го октября. Въ какой степени осуществились возбужденныя имъ надежды — это слишкомъ хорошо извѣстно. Во многихъ отношеніяхъ Россія стоитъ теперь на той же точкѣ, какъ и восемь лѣтъ тому назадъ.

Поразительно, въ самомъ дѣлѣ, сходство между системой, господствовавшей съ 1884-го по 1904-ый годъ, и системой, начало которой восходитъ ко времени роспуска первой Думы, а расцвѣтъ наблюдается въ настоящее время. По прежнему—или еще больше прежняго—выдвигается на первый планъ помѣстное дворянство. Оно образуетъ внѣ-законный союзъ, съ своими законодательными и исполнительными органами, и открыто претендуетъ на руководящую роль въ государственномъ управленіи. Отъ него исходитъ иниціатива важнѣйшихъ мѣръ; подъ его вліяніемъ и въ его интересахъ совершается актъ 3-го іюня. Ему принадлежитъ, de facto, рѣшающій голосъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Крестьянство остается обособленнымъ сословіемъ; вопреки принципу единства суда, провозглашенному указомъ 12-го декабря, вопреки первоначальнымъ намѣреніямъ правительства, для него сохраняется специальный сословный судъ. Мѣропріятія, объектомъ которыхъ оно служитъ, идутъ прямо въ разрѣзъ съ прежними, проектировавшимися или осуществлявшимися до 1904-го года: тщательная охрана старыхъ формъ крестьянскаго владѣнія уступаетъ мѣсто систематическому ихъ разрушенію — но-

какъ тогда, такъ и теперь, надъ хозяйственными задачами преобладаетъ политическій разсчетъ. Прежде опору существующаго порядка видѣли въ неподвижной, замкнутой, вѣрной прадѣдовскимъ обычаямъ крестьянской массѣ; теперь видятъ ее въ отдѣльныхъ «сильныхъ» крестьянахъ, выдѣляющихся изъ массы, но все же не сливающихся съ другими общественными классами. Какъ прежде, такъ и теперь, умственное развитіе деревни признается опаснымъ. Обращеніе начальства съ крестьянами сохраняетъ старозавѣтный характеръ... Земскія и городскія учрежденія остаются подвластными администраціи; ничего, кромѣ небольшой поправки въ способѣ выбора гласныхъ отъ крестьянъ, не сдѣлано для обновленія ихъ состава и для поднятія ихъ значенія въ государственной и народной жизни. Суровость уголовныхъ каръ не освобождаетъ печать отъ административнаго произвола. Экстраординарная охрана, ничѣмъ не оправдываемая и не вызываемая, явно противорѣчащая и духу, и буквѣ основныхъ законовъ, продолжаетъ тяготѣть надъ страной, больше чѣмъ когда-либо подрывая уваженіе къ закону. Рабочее законодательство развивается медленно и туго; рабочія организаціи встрѣчаютъ множество препятствій; ни одна забастовка не обходится безъ высылокъ и арестовъ. Свобода совѣсти до сихъ поръ не вполнѣ ограждена закономъ. Автономія высшей школы фактически упразднена, и къ репрессіямъ противъ студентовъ присоединились, въ небывалыхъ раньше размѣрахъ, репрессіи противъ профессоровъ. Въ ограниченіи политическихъ правъ Финляндіи объединенное министерство, съ помощью третьей Думы и Госуд. Совѣта, пошло гораздо дальше, чѣмъ министерство Плеве.

Таковы непосредственные результаты торжествующей системы. Совершенно ясно, что они составляютъ, въ общемъ и главномъ, повтореніе пройденнаго. Невольно возникаетъ вопросъ, на чемъ основана надежда на успѣхъ, къ которому столько разъ тѣми же путями стремились и котораго ни разу не достигали? Какимъ образомъ теперь, при условіяхъ гораздо болѣе сложныхъ и гораздо менѣе благопріятныхъ, можно вѣрить въ практическую разумность мѣръ, никогда не приводившихъ къ цѣли? Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать удачей проведеніе задуманнаго въ жизнь, если вслѣдъ затѣмъ оказывается необходимымъ отказъ отъ сдѣланнаго и крутой поворотъ въ другую сторону. Въ государственной жизни цѣнно только то, что даетъ прочные плоды, подвигаетъ впередъ, нравственно и матеріально, цѣлый народъ и не требуетъ періодическаго возобновленія одной и той же, по истинѣ сизифовой работы. Политика—не ткань Пенелопы; если созиданіе чередуется въ ней съ разрушеніемъ, разрушеніе—съ созиданіемъ, если каждый разъ приходится все начинать съизнова, это

значитъ, что «неладно что-то въ датскомъ королевствѣ». И тотъ выводъ, къ которому приводятъ общія соображенія, подтверждается безспорными фактами. Чего можно ожидать отъ сословія, которое, цѣлыя десятилѣтія находясь въ авантажѣ, не только не внесло ничего цѣннаго въ общегосударственную или народную жизнь, но не съумѣло даже оберечь себя отъ быстро прогрессирующаго упадка, сохранить за собою всячески поддерживаемую извнѣ позицію? Принося дворянству мнимыя удачи—мнимыя, потому что въ продолжительность и прочность ихъ никто не вѣритъ,—дѣятельность дворянскихъ съѣздовъ окончательно дискредитируетъ дворянство, какъ сословіе. Никакихъ правъ на титулъ «передового» не остается за общественнымъ классомъ, заботящимся только о себѣ, идущимъ въ разрѣзъ съ завѣтными желаніями народа. Непоправимый вредъ дворянству наносятъ его думскіе вожди, имена которыхъ стали синонимами злобы, грубости и неприличія. Если даже избирательная кампанія 1912-го года не доставила дворянству большинства въ четвертой Думѣ, то какая же роль суждена ему при другихъ, сколько нибудь нормальныхъ избирательныхъ порядкахъ? Какою опорой для власти можетъ быть сословіе, для котораго сама власть служитъ единственной опорой?.. Крестьянство, однажды уже не оправдавшее ожиданій, легко можетъ не оправдать ихъ еще разъ. Не въ ту сторону направлены взгляды и чаянія народной массы, въ какую хочетъ ихъ направить новая землеустроительная политика. Еслибы и можно было предположить, что правильно разсчитана «ставка на сильныхъ»—сильныхъ, во всякомъ случаѣ, не въ настоящемъ, а въ проблематичномъ будущемъ,—то вѣдь рядомъ съ сильными останется множество слабыхъ, заботу о которыхъ нельзя надолго сложить со счетовъ и которые во всякомъ случаѣ не могутъ не заботиться о самихъ себѣ. Для сильныхъ и для слабыхъ одинаково нужно мѣсто на ряду съ другими сословіями. Сознаніе личнаго достоинства проникло во всѣ слои народа. Какъ глубока пропасть, отдѣляющая крестьянство отъ бывшихъ его «господъ», въ средѣ которыхъ все еще не угасли грезы о крѣпостномъ правѣ—это показываютъ заявленія многихъ депутатовъ-крестьянъ какъ въ третьей, такъ и въ четвертой Думѣ...

Земство, въ послѣдніе годы, перестало быть тѣмъ прогрессивнымъ элементомъ въ русской жизни, какимъ оно, не смотря на контръ-реформу 1890-го года, являлось въ концѣ XIX-го и въ началѣ XX-го вѣка. Уже теперь, однако, замѣтны признаки его пробужденія, замѣтны не смотря на то, что ничего еще не измѣнилось ни въ его устройствѣ, ни въ его функціяхъ. А измѣненія и въ томъ, и въ другомъ неизбѣжны: это призналъ недавно одинъ изъ консервативнѣйшихъ членовъ объединеннаго министерства, и въ печати опять начинаютъ

появляться вѣсти о приступѣ къ пересмотру земскаго положенія. Чтобы создать нѣчто прочное, этотъ пересмотръ долженъ быть, прежде всего, свободенъ отъ узко-политическихъ разсчетовъ. Обновленное земство—какъ и обновленное городское самоуправленіе—не должно быть представительствомъ привилегированнаго меньшинства; въ развитіи мѣстной хозяйственной жизни заинтересовано все населеніе, и малоимущая масса—въ еще большей степени, чѣмъ достаточные классы. Предупредить выступленіе мѣстныхъ органовъ за намѣченные для нихъ предѣлы можно не вмѣшательствомъ въ выборы, не отказомъ въ утвержденіи состоявшихся постановленій или избранныхъ должностныхъ лицъ, а правильной организаціей общегосударственныхъ учрежденій: съ законодательными собраніями, дѣйствительно представляющими собою страну, не станутъ конкуррировать земскія собранія и городскія думы. Если такъ упорно противодѣйствіе, встрѣчаемое широкой земской реформой со стороны правящихъ и вліятельныхъ сферъ, то объясненіе этому слѣдуетъ искать въ желаніи сохранить за немногими преимущества, идущія въ ущербъ многимъ. Отсюда и преграды, воздвигаемыя на пути къ предрѣшенному указомъ 12-го декабря устройству мелкой земской единицы. Тѣмъ, кто задерживаетъ движеніе этого дѣла, противно, по видимому, самое выраженіе: «волостное земство». На одномъ крестьянствѣ продолжаютъ лежать расходы, тяжелые для плательщиковъ—и мало производительные именно въ виду сословнаго характера волости. Сопротивленію, длящемуся цѣлыя десятилѣтія, долженъ настать конецъ; слишкомъ ненормально положеніе, при которомъ лѣстницѣ самоуправленія не хватаетъ послѣднихъ, ближайшихъ къ почвѣ ступеней.

Въ мартирологъ русской печати, обнимающій почти столько же лѣтъ, сколько и самое ея существованіе, включена, въ послѣднее время, новая глава, тѣмъ болѣе удивительная, что въ тоже время идутъ толки о близкой перемѣнѣ къ лучшему. Административный произволъ по отношенію къ печати осужденъ съ думской каѳедры предсѣдателемъ совѣта министровъ; большинство совѣта отказалось дать ходъ законопроекту, вводившему новые способы административнаго воздѣйствія на печать. Между тѣмъ, административныя кары на печать сыплются какъ изъ рога изобилія, отнюдь не уменьшая числа судебныхъ преслѣдованій. Такимъ же противорѣчіемъ отмѣчена полицейско-административная практика и въ другихъ сферахъ. Рядомъ съ предположеніями объ отмѣнѣ усиленной охраны идетъ обостренное ея примѣненіе. Рядомъ съ рѣчами о пользѣ коопераціи идутъ распоряженія о закрытіи рабочихъ союзовъ, рядомъ съ приступомъ къ осуществленію новыхъ видовъ страхованія—запрещеніе собраній, тѣсно

связанныхъ съ этимъ дѣломъ. Чтобы понять всю безплодность подобныхъ мѣръ, достаточно одной небольшой справки. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ приверженцы соціалъ-демократической доктрины считались у насъ единицами; четверть вѣка спустя ихъ насчитывались, по всей вѣроятности, сотни тысячъ. Колоссальнаго распространенія достигло ученіе, непрерывно бывшее предметомъ самыхъ суровыхъ мѣропріятій. Запрещались соціалъ-демократическіе журналы, разгонялись сходки, на которыхъ произносились—или могли быть произнесены — соціалъ-демократическія рѣчи, высылались заподозрѣнные въ партійной агитаціи, принимались насильственныя мѣры противъ стачекъ—и все это не предупредило событій 1905-го года. Не измѣнилось существенно отношеніе къ соціалъ-демократамъ и при обновленномъ строѣ: они образуютъ «фракцію» въ Госуд. Думѣ, но «партіей» оффиціально не признаются, и одна принадлежность къ ихъ средѣ можетъ быть—и бываетъ—поводомъ къ уголовному преслѣдованію. Какая судьба постигаетъ ихъ газеты—объ этомъ еще недавно шла рѣчь въ нашемъ журналѣ. На московскомъ съѣздѣ приказчиковъ нельзя было назвать себя соціалъ-демократомъ. Какъ только ожидается партійно окрашенная забастовка, полиція приступаетъ къ массовымъ обыскамъ и арестамъ. И вотъ, именно совокупность такихъ мѣръ бросаетъ яркій свѣтъ на степень распространенія преслѣдуемыхъ взглядовъ. Наканунѣ годовщины ленскихъ событій аресту подверглись въ Петербургѣ очень многіе рабочіе—очевидно, тѣ, которыхъ считали возможными руководителями демонстративной забастовки. Предполагалось, что толпа, лишенная вождей, останется пассивной и спокойной. Случилось не то: 4-го апрѣля бастовали десятки тысячъ рабочихъ. Не ясно ли, что настроеніе широкихъ круговъ, тѣмъ болѣе—настроеніе массъ не поддается искорененію, не уступаетъ силѣ? Идеямъ могутъ быть быть противопоставлены только идеи, убѣжденіямъ—только убѣжденія. Каждая безплодная, неудачная репрессивная мѣра представляетъ собою не только непроизводительную затрату энергіи: она увеличиваетъ собою активъ той силы, противъ которой была направлена.

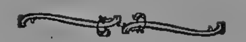
Объ урокахъ прошлаго въ области народнаго образованія шла рѣчь въ предыдущей книжкѣ нашего журнала. Ни къ чему не привели задержки въ развитіи начальнаго обученія; не пустила глубокихъ корней церковно-приходская школа; не обрѣзалъ крылья у молодежи классицизмъ; не успокоилъ высшую школу уставъ 1884-го года. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что безслѣдно пройдетъ и «новый», т. е. возобновленный и обостренный старый курсъ, принятый теперь министерствомъ народнаго просвѣщенія. Съ еще большей увѣренностью это можно сказать о «новомъ» —въ томъ же смы-

слѣ—курсѣ «вѣдомства православнаго исповѣданія». Разсчетъ на свѣтскую власть, при измѣнившейся обстановкѣ, не можетъ не оказаться еще болѣе ошибочнымъ, чѣмъ прежде. Не можетъ не отхлынуть и новая волна «націонализма», болѣе крикливаго, но отнюдь не лучше вооруженнаго, чѣмъ въ тѣ времена, когда съ нимъ боролся Владиміръ Соловьевъ. Невозможность искусственной или насильственной ассимиляціи подвластныхъ народностей доказана многолѣтнимъ опытомъ. Свободное ихъ развитіе—необходимое условіе реальнаго ихъ сближенія съ великимъ цѣлымъ.

Для оцѣнки системы, много десятилѣтій сряду стремящейся къ господству и, за исключеніемъ короткихъ перерывовъ, удерживающей его за собою, существуютъ, помимо частныхъ, два общихъ критерія: внутреній и внѣшній. Поднято ли ею, въ возможно большей мѣрѣ, благосостояніе народа? Достигнута ли государствомъ, благодаря ей, такая степень могущества, которая обезпечивала бы за нимъ безопасность со стороны сосѣдей и, въ случаѣ надобности, успѣхъ въ столкновеніяхъ съ ними? На оба эти вопроса новѣйшая исторія Россіи даетъ отрицательный отвѣтъ. Народная масса невѣжественна и бѣдна; крестьянское хозяйство находится въ застоѣ; не прекращаются голодовки, за нашей западной границей давно отошедшія въ область прошлаго; свирѣпствуютъ эпидеміи, съ которыми давно справилась западная Европа; алкоголизмъ принимаетъ ужасающіе размѣры; колоссальный ростъ государственныхъ расходовъ не идетъ рука объ руку съ ростомъ народнаго богатства. Ни разу, за цѣлые полвѣка, Россія не оказывалась достаточно приготовленною къ предпринимаемымъ ею войнамъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ паденія Севастополя ей пришлось пережить дни Лаояна и Портъ-Артура, Мукдена и Цусимы. Прошло еще восемь лѣтъ—и событія, слѣдующія одно за другимъ, не даютъ основанія вѣрить въ невозможность повторенія прежнихъ разочарованій...

Таковы результаты чередованія реакціи и застоя. Неиспытаннымъ остается только рѣшительное, послѣдовательное, безостановочное движеніе впередъ.

К. Арсеньевъ.

НАКАНУНѢ.

Письмо изъ Германiи.

Мощно развилась современная Германiя, въ короткое время опередивъ всѣ другiя европейскiя страны какъ въ экономическомъ, такъ и въ культурномъ отношенiи. Накопленiе богатства и развитiе народнаго благосостоянiя совершается съ такой силой, какая наблюдалась до сихъ поръ только въ «Новомъ Свѣтѣ», а въ культурномъ отношенiи успѣхи Германiи затмили всѣ страны стараго и новаго свѣта.

И все же новая германская имперiя какъ будто еще не готова, еще не вполнѣ созрѣла. Сколько въ ней внутреннихъ противорѣчiй, сколько старыхъ пережитковъ, совершенно не соотвѣтствующихъ духу нашего времени, идущихъ въ разрѣзъ съ жизненными интересами страны! Общество это чувствуетъ и сознаетъ, но пока не въ состоянiи измѣнить положенiе, сдѣлать рѣшительные шаги къ тому. И общественное мнѣнiе растерянно оглядывается во всѣ стороны, ища путеводной звѣзды для дальнѣйшаго движенiя впередъ.

Особенно сильно противорѣчiе между запросами времени и существующимъ строемъ выражается въ политической жизни Германiи, представляющей какой-то винегретъ изъ парламентаризма и абсолютизма, демократизма и феодализма, неограниченной свободы и суроваго насилiя. Ни одинъ законъ не имѣетъ силы безъ одобренiя имперскаго парламента, но одобренные рейхстагомъ законопроекты становятся закономъ только въ томъ случаѣ, если на это соблаговолятъ господа министры. Министръ можетъ отвергнуть законопроектъ, принятый рейхстагомъ единогласно, даже многократно; онъ можетъ распустить рейхстагъ, но рейхстагъ не можетъ распустить министерства. Министры отвѣтственны только передъ монархомъ. Какъ замѣтилъ на одномъ изъ послѣднихъ засѣданiй рейхстага лидеръ соцiалъ-демократической фракцiи рейхстага, Шейдеманъ, хотя бы весь народъ былъ противъ министра, онъ все же можетъ оставаться во главѣ правительства, если того пожелаетъ императоръ.

По закону всѣ граждане имперiи совершенно равны, но фактически вся власть находится въ рукахъ прусскаго юнкерства.

Гражданскія свободы гарантированы; свобода печати, свобода собраній, свобода союзовъ обезпечены и фактически осуществлены, но духъ феодализма и милитаризма, тѣмъ не менѣе, господствуетъ надо всѣмъ и всѣ, волей или неволей, должны преклоняться передъ нимъ.

Почему все это возможно? Долго ли еще продержатся эти анамаліи?—Это больной вопросъ современной Германіи.

Но онъ интересуетъ не одну Германію. Роль Германіи въ исторіи нашего времени огромна; ея вліяніе отражается, въ большей или меньшей степени, во всѣхъ областяхъ современной культуры, какъ въ матеріальномъ, такъ въ духовномъ отношеніи, какъ въ экономической, такъ въ политической области. Особенно чувствительно отражается вліяніе Германіи на сосѣдней съ нею Россіи, связанной съ нею не только многообразными торговыми сношеніями, но также тѣснымъ культурнымъ общеніемъ образованнаго общества и политическимъ сродствомъ правящихъ классовъ.

Вліяніе послѣдняго рода учету, правда, не поддается; оно скрыто отъ глазъ и для многихъ проходитъ совершенно незамѣтно. Но кто въ дни нашихъ кризисовъ внимательно слѣдитъ за офиціозной печатью по ту и по сю сторону границы, тотъ безъ труда констатируетъ интимное взаимодѣйствіе и то непрерывный, то прерывистый токъ между руководящими элементами обѣихъ сторонъ. Можно указать также на общеизвѣстные яркіе факты. Напомнимъ торжественный пріемъ гр. Витте («съ королевскими почестями», какъ констатировали газеты) въ Потсдамскомъ дворцѣ въ началѣ октября (или концѣ сентября) 1905 г. Германскія правящія сферы тогда признавали необходимость коренныхъ реформъ для Россіи и привѣтствовали будущаго «отца русской конституціи», какъ спасителя Россіи. Напомнимъ дружескую телеграмму Вильгельма II, «Союзу русскаго народа» въ январѣ 1906 г., когда тѣ же сферы, встревоженныя отзвуками русскаго движенія въ нѣмецкой демократіи, стали требовать безпощаднаго подавленія «революціонной гидры». Наши «патріоты» и «націоналисты» многимъ обязаны нѣмцамъ. Оффиціальная Германія служитъ послѣднимъ оплотомъ реакціи въ Европѣ. Ея демократизація имѣла бы огромное значеніе для всего культурнаго міра. Скоро ли она наступитъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ надо, прежде всего, искать въ соціальныхъ условіяхъ страны. Обратимся, поэтому, къ нимъ.

Соціальная структура Германіи ясно отражена въ статистическихъ цифрахъ профессіональныхъ переписей. Такихъ переписей было три: первая — въ 1882-мъ, вторая — въ 1895-мъ, третья — въ

1907-мъ году. Эти переписи даютъ ясно картину не только современнаго положенія Германіи, но также и соціальной эволюціи страны, ея динамики.

Эта динамика поразительна по силѣ напряженія и развитія. Данныя переписи обнаруживаютъ наличность огромныхъ динамическихъ силъ въ современной Германіи. За 25 лѣтъ, протекшихъ между первой и послѣдней профессіональной переписью, промышленность и торговля Германіи развились до такой степени, что число лицъ, получающихъ средства къ жизни отъ промышленности, увеличилось на 64%, а число лицъ, получающихъ средства къ жизни отъ торговли и средствъ сообщенія—на 83%; притомъ, какъ увидимъ ниже, эти средства получаются въ значительно большемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Колоссальный ростъ народнаго благосостоянія за эту четверть вѣка ярко выражается въ томъ, что въ 1907 г. больше пяти милліоновъ взрослыхъ людей (5174703) могли существовать безъ профессіи (рантьеры, пенсіонеры, студенты, инвалиды и проч.), тогда какъ въ 1882 г. ихъ насчитывалось лишь 2246222 чел. Германія стала самой богатой страной европейскаго континента.

Этимъ она обязана главнымъ образомъ своей *промышленности*. Промышленность составляетъ теперь фундаментъ экономическаго благосостоянія Германіи. Изъ промышленности имперія Гогенцоллерновъ черпаетъ всѣ тѣ средства и силы, которыя даютъ ей возможность имѣть въ одно и то же время лучшую армію и лучшія школы, быть наиболѣе сильной въ военномъ отношеніи и самой передовой въ культурномъ. Сельское хозяйство отошло на второй планъ, его экономическое значеніе сократилось не только относительно, но и абсолютно. Не смотря на усиленное покровительство, населеніе отворачивается отъ него, предпочитая посвящать свои силы промышленности. Послѣдняя перепись насчитываетъ только 17.681.176 лицъ, получающихъ средства къ жизни отъ сельскаго хозяйства, противъ 19.225.445 въ 1882 г.; промышленное населеніе увеличилось за это время съ 16.058.080 до 26.386.537, а вмѣстѣ съ торговымъ населеніемъ —съ 20.589.160 до 34.664.776 лицъ, *вдвое превышая* сельско-хозяйственное населеніе. И этотъ процессъ не останавливается и не замедляется, а развивается crescendo. И тѣмъ не менѣе государственная власть остается въ рукахъ самыхъ отсталыхъ изъ сельскихъ хозяевъ—«аграріевъ», «юнкеровъ!» Соціальный центръ тяжести лежитъ въ *городѣ*, въ средоточіи промышленности и торговли, всей матеріальной и духовной культуры страны; а господствуетъ *деревня*, — юнкеръ, ландратъ, патеръ, «черноголубой блокъ» клерикаловъ и аграріевъ!

Такой аномаліи нѣтъ болѣе ни въ одной культурной странѣ.

Какъ возможна она въ Германіи, отличающейся во всѣхъ другихъ отношеніяхъ поразительной нормальностью, «пышущей здоровьемъ»?

Причинъ тому было много. Явленіе это сложное. Дать полный анализъ его въ предѣлахъ журнальной статьи невозможно. Ограничимся главнѣйшимъ.

На первое мѣсто надо, быть можетъ, поставить,—это звучитъ парадоксомъ,—именно необычайную интенсивность и безпримѣрный размахъ соціальной эволюціи молодой имперіи. Превращеніе Германіи изъ аграрнаго государства въ промышленное произошло съ такой быстротой, что и болѣе гибкій политическій строй, чѣмъ строй Пруссо-Германіи, неизбѣжно долженъ былъ отстать. Когда прусскій король сталъ во главѣ германской имперіи и прусскіе юнкеры, съ Бисмаркомъ во главѣ, приступили къ государственному строительству, промышленность Германіи была еще въ зачаточномъ состояніи и на преобладающее вліяніе не могла претендовать. Имперія была создана прусскимъ юнкерствомъ, прусскимъ милитаризмомъ, подъ руководствомъ прусскаго монарха. Эти три силы и подѣлили между собою власть, заняли всѣ значительныя позиціи и укрѣпились на нихъ.

Демократія была тогда еще оченъ слаба—настолько слаба, что прусскіе юнкера не только не боялись ея, но считали даже полезнымъ поощрять ее и содѣйствовать ея развитію, дабы имѣть *противовѣсъ* по отношенію къ либеральной буржуазіи. Съ этой цѣлью была установлена самая демократическая избирательная система: всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, — *полная «четыреххвостка»*! И это, дѣйствительно, не повредило юнкерамъ. Съ тѣхъ поръ прошло почти полъ-вѣка, а они все еще первенствуютъ въ государствѣ. Бисмаркъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ, хотя онъ самъ, какъ говорятъ, потомъ находилъ его ошибочнымъ и охотно отмѣнилъ бы созданное имъ избирательное право. Конечно, демократическая избирательная система создавала большія затрудненія правительству, но они были преодолимы и были преодолѣны, чего, можетъ быть, не случилось бы съ тѣми затрудненіями, которыя повлекла бы за собою иная, половинчатая избирательная система.

Понятны, поэтому, опасенія нѣмецкихъ демократовъ 60-хъ годовъ, съ большими сомнѣніями принявшихъ этотъ даръ данайцевъ. Аугустъ Бебель, со всегда отличавшей его прямотой, открыто высказался въ 1866 г. противъ всеобщаго избирательнаго права. Бебель, впрочемъ, тогда еще не былъ соціалъ-демократомъ, а тѣмъ, что нынѣ называется «мелко-буржуазнымъ демократомъ». Но и интегральный соціалъ-демократъ, Вильгельмъ Либкнехтъ былъ до конца 60-хъ годовъ ярымъ противникомъ участія соціалъ-демократовъ въ

германскомъ рейхстагѣ, т. е. тоже фактически отвергалъ всеобщее избирательное право.

Только мало по малу нѣмецкая демократія овладѣла демократической избирательной системой и выковала себѣ изъ нея мощное оружіе для борьбы съ реакціей. Въ концѣ концовъ (и этотъ конецъ уже не за горами) она этимъ оружіемъ выбьетъ юнкеровъ изъ сѣдла.

Но, оглядываясь назадъ, надо тѣмъ не менѣе признать, что маккіавелліевскій разсчетъ Бисмарка оправдался; ему, дѣйствительно, удалось создать изъ демократіи противовѣсъ либерализму и сдѣлать послѣдній безсильнымъ, подобно Самсону, лишенному его талисмана. Это—вторая изъ причинъ, задержавшихъ политическую эволюцію Германіи. Разбродъ прогрессивныхъ силъ, раздѣленныхъ на два лагеря—вѣрнѣе, на три, такъ какъ Бисмарку удалось вызвать расколъ и на правомъ флангѣ передового общественнаго слоя, создавъ соціалъ-либеральную партію,—такой разбродъ прогрессивныхъ силъ много содѣйствовалъ упроченію реакціи, въ сущности не имѣвшей равносильнаго соперника.

Столько прогрессивныхъ силъ въ Германіи не было, и нѣтъ до сего дня, чтобы онѣ могли одолѣть реакцію безъ взаимной поддержки, безъ тѣснаго союза. Между тѣмъ, съ развитіемъ партій и обостреніемъ междупартійнаго соперничества, центробѣжныя силы все болѣе и болѣе возрастали; многимъ стало казаться, что демократизмъ — злѣйшій врагъ либерализма, и наоборотъ. Соціальная эволюція поддерживала этотъ роковой процессъ и углубляла его. Разгорѣвшаяся борьба труда съ капиталомъ раздѣлила передовое общество на два соціальныхъ міра, на два класса, разрыла цѣлую пропасть между ними и, все болѣе и болѣе углубляя ее, внушила многимъ убѣжденіе, что не можетъ быть ничего общаго между трудовымъ народомъ и буржуазнымъ обществомъ, какъ въ соціальномъ, такъ и въ политическомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Нужда возведена была въ добродѣтель, источникъ безсилія—въ основу политической дѣятельности, въ непреклонный *принципъ*. И чѣмъ интенсивнѣе становился соціальный процессъ: — индустріализація страны, концентрація производства, пролетаризація трудового неселенія,—тѣмъ интенсивнѣе развивался и политическій процессъ отчужденія демократіи отъ либерализма. Въ самой интенсивности соціальной эволюціи обѣ стороны находятъ оправданіе и поощреніе своей тактики раскола, такъ называемой тактики «классовой борьбы». Рабочая демократія стала считать либерализмъ совершенно отжившимъ явленіемъ—ein überwundener Standpunkt,—ожидая чуть ли не со дня на день полнаго крушенія

всего существующаго строя вмѣстѣ съ феодализмомъ, либерализмомъ et caetera, et caetera, и считала невозможнымъ и ненужнымъ входить въ какія-либо соглашенія и компромиссы, дѣлать какія-либо уступки наканунѣ полной расплаты стараго строя за его вѣковые грѣхи. Вспомнимъ восторженныя пророчества славнаго вождя нѣмецкой соціалъ-демократіи Бебеля въ началѣ девятидесятыхъ годовъ; вспомнимъ холодныя вычисленія одного изъ творцовъ научнаго соціализма, Фридриха Энгельса. Великій моментъ долженъ былъ наступить въ началѣ нынѣшняго вѣка...

Теперь легко смѣяться надъ этимъ, но тогда въ это вѣрили не только друзья соціалъ-демократіи, но и ея враги. И буржуазные политики, и буржуазная печать твердили, что «Ганнибалъ у воротъ» и надо готовиться къ рѣшительной битвѣ. А смѣялся только юнкеръ, какъ tertius gaudens, и мастерски использовалъ эти «сумерки боговъ».

Прошли года. Миновали мартовскія иды. Соціалъ-демократическое движеніе безостановочно развивалось, однако, ничего ужаснаго изъ этого не произошло. Но все больнѣе чувствовалась власть юнкерства, глубокой занозой засѣвшая въ общественномъ организмѣ, нарушая его нормальное кровообращеніе, задерживая его ростъ, извращая и подавляя его самодѣятельность и самочувствіе.

Жизненнымъ нервомъ страны стала промышленность, а государственная власть сосредоточиваетъ свое вниманіе на сельскомъ хозяйствѣ. Интересы промышленности настоятельно требуютъ возможнаго удешевленія предметовъ народнаго питанія—хлѣба, мяса и проч., а государство искуственно поддерживаетъ высокія цѣны на нихъ, чтобы обезпечить юнкерамъ привычный standart of life. Промышленность нуждается для полнаго своего расцвѣта въ удаленіи всѣхъ препятствій, затрудняющихъ торговыя сношенія съ другими странами, а законодатели окружаютъ страну высокой таможенной стѣной, заставляя этимъ всѣ другія страны отвѣтить тѣмъ же. Наука и техника творятъ чудеса, а вниманіе правителей сосредоточено на милитаризмѣ.

Преобладаніе солдатчины въ «странѣ мыслителей и мечтателей» ярко отражаетъ несоотвѣтствіе между политической оболочкой и соціальнымъ содержаніемъ современной Германіи. Правда, современные нѣмцы сами предпочитаютъ называть себя «борцами» или «воинами» (Kämpfer, по выраженію историка Карла Лампрехта). Но это только показываетъ, что милитаризмъ подчинилъ себѣ до извѣстной степени душу нѣмецкаго общества, вытѣснивъ тради-

ціонные, національные идеалы, затемнивъ общественное самосознаніе. Каково должно быть состояніе послѣдняго, когда президентъ имперскаго парламента на торжественномъ актѣ закладки новаго зданія рейхстага считаетъ соотвѣтственнымъ своему достоинству облачиться въ мундиръ *маіора запаса!* Офицерскій мундиръ—завѣтная мечта современнаго нѣмецкаго бюргера, а мундиръ гвардейскаго офицера—чуть ли не высшій идеалъ, идеалъ недосягаемый, такъ какъ въ офицеры гвардіи обыкновенные смертные, не унаслѣдовавшіе частицы безсмертія—«фонъ», *не принимаются.* Но содержится гвардія, какъ и вся армія, какъ и все государство, на народныя средства.

«Steuer zahlen und Maul halten»!—«платить и молчать»—въ этомъ до сихъ поръ, по мнѣнію юнкеровъ, главное назначеніе бюргерства. Тяжесть государственныхъ налоговъ возложена главнымъ образомъ на городское населеніе. Аграріи сумѣли, подъ разными предлогами, облегчить для себя налоговое бремя, а сельское населеніе не въ состояніи принять на себя бремя современнаго милитаризма. Только неустанно развивающаяся городская промышленность можетъ выдержать такую тяжесть.

Экономическое положеніе сельскаго и городского населенія ярко выражается въ данныхъ подоходнаго обложенія. Передъ нами только что опубликованныя офиціальныя данныя за 1912 г. относительно прусскаго королевства. По этимъ даннымъ подлежащій обложенію доходъ составлялъ: въ сельскихъ общинахъ съ населеніемъ, не превышающимъ 2000 душъ—2352 милліона марокъ, въ городахъ—10757 милліоновъ, т. е. почти въ *пять разъ* больше. Въ сельскихъ общинахъ упомянутой категоріи, обнимающей приблизительно все сельско-хозяйственное населеніе королевства, только 8,55% жителей могли быть привлечены къ подоходному обложенію, тогда какъ въ городахъ этотъ процентъ поднялся до *23,11*. Во всемъ королевствѣ сумма доходовъ, подлежащихъ обложенію составляла въ отчетномъ году 15316 милліоновъ марокъ противъ 5961 милл. въ 1892 г.; за 20 лѣтъ эта сумма увеличилась, благодаря развитію промышленности, на 170,6% т. е. *почти утроилась*! Эти цифры такъ краснорѣчивы, что всякіе комментаріи къ нимъ кажутся неумѣстными. Экономическое значеніе промышленнаго населенія въ современной Германіи огромно; это населеніе сдѣлало Германію богатѣйшей страной, безъ него она едва-едва прозябала бы,—можетъ быть и существовать не могла бы при колоссальныхъ государственныхъ расходахъ нашего времени.

Съ такимъ несоотвѣтствіемъ между дебетомъ и кредитомъ буржуазія, конечно, не можетъ мириться. Но устранить его ей до

сихъ поръ не удалось. Безъ содѣйствія демократіи это, очевидно, невозможно. Попытка компромисса съ консерваторами—въ видѣ «либерально-консервативнаго блока»,—сдѣланная нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ руководствомъ имперскаго канцлера, графа Бюлова, окончилась крайне плачевно. И все болѣе и болѣе вожди либерализма обращаются налѣво и ищутъ почвы для соглашенія съ соціалъ-демократіей. Все учащаются случаи соглашеній между либералами и демократами на парламентскихъ выборахъ. Возникаютъ, наконецъ, и парламентскіе блоки всѣхъ либеральныхъ партій съ соціалъ-демократіей. Робко и нерѣшительно идутъ либералы по этому пути: каждый шагъ вызываетъ сильнѣйшее волненіе въ лагерѣ охранителей—и не отличающіеся особенной стойкостью нѣмецкіе либералы каждый разъ начинаютъ колебаться и отступать. Но слишкомъ очевидно, что другаго пути для либерализма *нѣтъ*. Полвѣка нѣмецкій либерализмъ искалъ другого пути, не гнушаясь ничѣмъ; онъ многимъ пожертвовалъ, но ничего не добился. Свое право первородства онъ при этомъ потерялъ безвозвратно, но теперь самое существованіе его въ опасности и онъ, дѣйствительно, можетъ кануть въ пропасть, разверзшуюся между правымъ и лѣвымъ берегомъ, если не укрѣпится на послѣднемъ. Это понимаютъ теперь даже національ-либералы, находившіеся все время (съ 1866 г.) на правомъ берегу. На послѣднихъ общихъ выборахъ въ рейхстагъ и національ-либералы во многихъ случаяхъ поддерживали демократовъ. Эти выборы знаменуютъ собою переломъ въ политической исторіи Германіи; изъ нихъ вышелъ первый «лѣвый» рейхстагъ германской имперіи.

Большинство «лѣвой» въ рейхстагѣ, правда, незначительное: изъ 397 членовъ рейхстага къ ней принадлежатъ, включая національ-радикаловъ, 203 члена. Но и правая сторона содержитъ нѣкоторые демократическіе элементы: католическая партія («центръ»), составляющая больше половины всей правой, имѣетъ въ своей средѣ значительное число членовъ (нѣкоторые утверждаютъ—около половины всей фракціи), тяготѣющихъ по своимъ соціальнымъ и политическимъ взглядамъ налѣво и въ нѣкоторыхъ случаяхъ перетягивающихъ на эту сторону всю партію. Связь католической партіи съ прусскимъ юнкерствомъ вообще, по существу, чисто искусственная; это не продуктъ естественнаго подбора, а политическая комбинація, созданная случайными, временными обстоятельствами. Ее нетрудно разрушить, и это не разъ уже случалось. Вожди центра внимательно прислушиваются къ народнымъ настроеніямъ, а послѣднія, очевидно, рѣшительно и безповоротно склонились на сторону лѣвой. На послѣднихъ общихъ выборахъ соціалъ-демократическая партія получила

34,8%, прогрессивная народная партія—12,3%, націоналъ-либеральная партія—13,6%, всѣ лѣвыя партіи вмѣстѣ—60,7% всѣхъ голосовъ, поданныхъ на выборахъ, тогда какъ обѣ консервативныя партіи («нѣмецкая консервативная» и «имперская») получили вмѣстѣ всего только 12,2%, католическая партія—16,4% всѣхъ избирательныхъ голосовъ. Вся «правая», слѣдовательно, имѣетъ на своей сторонѣ только 28,6% избирателей противъ 60,7% на сторонѣ «лѣвой». (остатокъ раздробился между разными мелкими партіями, примыкающими то къ одной, то къ другой сторонѣ). Преобладаніе лѣвой въ странѣ, такимъ образомъ, подавляющее. Побѣда лѣвой на послѣднихъ выборахъ, слѣдовательно, не случайна; случайны, искусственны были побѣды правой на прежнихъ выборахъ. Но теперь искусственная преграда преодолѣна.

Какъ используютъ лѣвыя партіи свое новое положеніе? Этого онѣ еще сами не знаютъ. Первый годъ новаго рейхстага прошелъ въ опытахъ и колебаніяхъ, обнаруживающихъ крайнюю растерянность. Націоналъ-либералы, какъ наши октябристы въ 4-ой Думѣ, колеблются между правой и лѣвой, не имѣя рѣшимости сжечь то, чему они поклонялись десятки лѣтъ, и поклониться тому, что сжигали. Эти колебанія, вѣроятно, еще будутъ продолжаться нѣкоторое время, но задержать надолго историческій ходъ событій они, конечно, не могутъ. Демократическая волна поднялась такъ высоко, что уже невозможно укрыться отъ нея въ тихой гавани. Германія Бисмарка отошла въ вѣчность; новая Германія стучится въ дверь и назадъ не повернетъ.

Какъ относится къ этимъ измѣненіямъ германское правительство? Чѣмъ отвѣчаетъ оно на стремленіе либеральныхъ и демократическихъ партій подчинить себѣ государственную власть? Пойдетъ ли оно на уступки, или вступитъ въ рѣшительную борьбу съ «революціонной гидрой»? Правительство Германіи не по имени только—«правительство его величества». Оно до сихъ поръ всецѣло подчинено монарху и назначается имъ по собственному усмотрѣнію, совершенно независимо отъ парламентскихъ партій. «Правительство выше партій»,—таковъ основной принципъ германской конституціи. Въ дѣйствительности это, конечно, только фикція. И министры, и самъ монархъ неразрывно связаны съ извѣстной общественной средой и—волей или неволей—проникаются взглядами и стремленіями послѣдней. Германскій императоръ, онъ же прусскій король, самъ называетъ себя «*юнкеромъ*»; его родная стихія — военная среда, вышедшая изъ высшихъ рядовъ прусскаго юнкерства. Министры выходятъ отчасти изъ той же самой среды, но главнымъ образомъ—изъ среды бюрократіи. Правящія сферы, слѣдовательно, составлены

изъ трехъ элементовъ: военнаго, юнкерскаго и бюрократическаго. Этимъ опредѣляется ихъ характеръ, стремленія и цѣли.

Первое мѣсто занимаютъ *военные интересы*. Они — превыше всего. Требованія военной среды удовлетворяются безпрекословно и неукоснительно. Всякое сопротивленіе имъ третируется не только какъ lése-majesté, но и какъ lése-patrie. Тутъ оппозиція чувствуетъ себя совершенно безсильной. Это ярко обнаружилось при обсужденіи послѣдняго законопроекта, чудовищнаго по размѣрамъ возлагаемаго имъ на народъ новаго бремени, совершенно неожиданнаго, очень слабо мотивированнаго — и все же прошедшаго черезъ парламентъ поразительно «гладко», почти безъ сопротивленія. Даже соціалъ-демократическая партія поддалась общему настроенію и сопротивлялась такъ слабо, что ее обвиняютъ чуть ли не въ сочувствіи новымъ требованіямъ милитаризма. Это обвиненіе, конечно, неосновательно. Но образъ дѣйствій соціалъ-демократической партіи во всякомъ случаѣ показываетъ, что и она считаетъ въ настоящее время борьбу съ милитаризмомъ безнадежной. Это—rocher de bronze современной Германіи.

Второй элементъ государственной власти—юнкерство—также имѣетъ большія претензіи, также считаетъ себя фундаментомъ государства, но его соціальное положеніе сильно пошатнулось въ послѣднее время, и вмѣстѣ съ тѣмъ—его политическое значеніе. Какъ ни близко монархъ и его правительство принимаютъ къ сердцу интересы юнкерства, всецѣло связать съ нимъ свою судьбу они не желаютъ. Уже Бисмарку приходилось выступать противъ юнкерства. Его преемникъ, генералъ Каприви, совсѣмъ былъ съ нимъ на военной ногѣ. Нынѣшній имперскій канцлеръ, Беттманъ фонъ Гольвегъ, очень хотѣлъ бы жить въ мирѣ съ этимъ вліятельнымъ элементомъ, вызвавшимъ отставку его предшественника, гр. Бюлова; но неприкрытое своекорыстіе этихъ «сыновъ земли» и ихъ непомѣрныя претензіи оттолкнули отъ юнкеровъ даже покладистаго и покорнаго нынѣшняго канцлера, и теперь юнкерство очутилось въ оппозиціи къ правительству. Правительство не будетъ пренебрегать интересами юнкерства, но не пожертвуетъ ради ихъ своими собственными политическими интересами.

Особое положеніе занимаетъ третій элементъ правящихъ сферъ — бюрократія. Это — сословіе служилое, «подневольное»; оно должно, конечно, руководствоваться прежде всего требованіями своихъ господъ, но оно имѣетъ и свои сословные интересы и стремленія и старается по возможности ихъ удовлетворить. Не вдаваясь въ анализъ всего характера прусско-германской бюрократіи, укажемъ только на тѣ черты ея характера, которыя имѣютъ ближайшее

отношеніе къ интересующему насъ сейчасъ вопросу о способѣ разрѣшенія предстоящаго конфликта между старой и молодой Германіей.

По своему соціальному составу или происхожденію, бюрократія близка къ буржуазіи и уже поэтому скорѣе расположена къ уступкамъ послѣдней, чѣмъ къ борьбѣ съ нею. Открытая борьба и острые конфликты вообще противны основному характеру бюрократіи. Порядокъ, миръ, спокойствіе—вотъ основныя тенденціи бюрократической психологіи. Бюрократія, поэтому, столь же враждебна революціи сверху, какъ и революціи снизу. Она, несомнѣнно, будетъ сопротивляться — пассивно, на свой манеръ, сдерживая, лавируя, тормозя—всѣмъ попыткамъ остановить естественную эволюцію физическимъ насиліемъ. Бюрократія образуетъ, такимъ образомъ, своего рода регуляторъ государственной жизни Пруссіи и Германіи. Этому регулятору имперія въ значительной степени обязана своимъ удивительнымъ внутреннимъ равновѣсіемъ. Можетъ быть, ему удастся также урегулировать мирнымъ образомъ переходъ имперіи къ демократическому строю. Это, конечно, сильно замедлитъ разрѣшеніе кризиса: вѣдь бюрократія вообще страшно медлительна, и въ данномъ случаѣ, она, вѣроятно, будетъ считать медлительность главной добродѣтелью, главнымъ залогомъ успѣха, и поэтому обязательною.

Какъ отнесется къ этому демократія? Согласится ли она довольствоваться частичными уступками и спокойно выжидать дальнѣйшаго? Хватитъ ли у нея на это терпѣнія и выдержки?

Вѣроятно, да. Германская соціалъ-демократія также имѣетъ свою бюрократію, тоже прусскаго происхожденія. Она также не любитъ опасныхъ конфликтовъ и рискованныхъ экспериментовъ. Она также будетъ тормозить, сдерживать, сглаживать. Мы видѣли, что даже по отношенію къ милитаризму она обнаруживаетъ поразительную уступчивость или, скажемъ, «мягкость». Германская соціалъ-демократія теперь настроена весьма оппортунистически. Даже непреклонный Карлъ Каутскій, авторитетнѣйшій представитель стараго, радикальнаго марксизма, говоритъ теперь такимъ тономъ, на какой еще недавно рѣшались только умѣренные «ревизіонисты», да и то «съ оглядкой». Приведемъ характерную цитату изъ послѣдней его статьи въ «Neue Zeit». Возражая сторонникамъ всеобщей забастовки, какъ средства политической борьбы, Карлъ Каутскій говоритъ, въ отвѣтъ на увѣренія, что это во всякомъ случаѣ былъ бы интересный и поучительный экспериментъ:

«Хорошъ былъ бы полководецъ, который заботится не о *побѣдѣ*, а только о *борьбѣ*. Но въ борьбу обыкновенно вступаютъ только

тогда, когда можно разсчитывать на побѣду; только побѣдами, отнюдь не пораженіями, полководецъ завоевываетъ довѣріе своего войска, а партія—довѣріе массъ. Полководецъ, давшій завлечь себя въ битву на неблагопріятной почвѣ, оцѣнивается въ военной исторіи какъ *глупецъ*, хотя бы онъ былъ храбрѣйшимъ изъ смертныхъ. Утвержденіе, будто борьба оживляетъ и укрѣпляетъ независимо отъ того, приводитъ ли она къ побѣдѣ или къ пораженію, заимствовано—не изъ принциповъ войны, и не изъ принциповъ классовой борьбы, а изъ области *спорта*».

Такъ рѣшительно радикальный соціалъ-демократъ отвергаетъ нынѣ самую мягкую форму массоваго выступленія—всеобщую забастовку! Остается, слѣдовательно, только парламентская дѣятельность. А относительно послѣдней Вильгельмъ Либкнехтъ вѣрно сказалъ (наканунѣ созыва перваго рейхстага, предостерегая противъ него): «Parlamenteln heisst parlamentiren»—участвовать въ парламентѣ, значитъ парламентировать, т. е. входить въ переговоры и компромиссы. Это вѣрно. И всетаки германская соціалъ-демократія пошла по этому пути, съ *Либкнехтомъ* во главѣ, потому что лучшаго пути она не нашла. И никто не помышляетъ о возвратѣ.

«Надо умѣть сохранять свою принципіальность и все же найти почву для сношеній съ противникомъ—пишетъ В. Шрёдеръ въ послѣдней книжкѣ журнала «Sozialistiche Monatshefte».—«По мѣрѣ того какъ увеличивается значеніе соціалъ-демократіи въ нынѣшнемъ строѣ, должно увеличиваться и ея чувство отвѣтственности и сознаніе, что каждый неблагоразумный шагъ можетъ повлечь за собою потерю позиціи, завоеванной тяжелою борьбою».

«Sozialistiche Monatshefte», правда, органъ умѣренныхъ соціалъ-демократовъ, «ревизіонистовъ». Но послѣдніе теперь, по видимому преобладаютъ въ парламентской фракціи.

При такомъ настроеніи соціалъ-демократіи весьма вѣроятно, что демократизація политическаго строя германской имперіи совершится безъ значительныхъ потрясеній. Мы говоримъ о *политической* демократизаціи, оставляя въ сторонѣ соціальную проблему, какъ это дѣлаетъ въ настоящее время сама германская соціалъ-демократія.

«Довлѣетъ дневи злоба его»! Очередная задача современной Германіи состоитъ въ демократизаціи политическаго строя, въ освобожденіи страны отъ гнета юнкерства, въ передачѣ законодательной власти демократическимъ общественнымъ силамъ и—last but nat least—въ подчиненіи исполнительной власти законодательной. Пока правительство мнитъ себя „выше партій“, оно остается

въ рукахъ высшихъ классовъ; пока оно независимо отъ парламента, оно будетъ подчинено юнкерству. Важнѣйшимъ шагомъ къ демократизаціи политическаго строя Германіи будетъ, поэтому, установленіе отвѣтственности министровъ передъ парламентомъ. Сильная своими успѣхами, прусская монархія сумѣла до сихъ поръ воспротивиться этому. Но теперь этотъ анахронизмъ долго продержаться не можетъ.

Германія наканунѣ великихъ событій. Тихой поступью придутъ они, но глубоко будетъ ихъ значеніе.

Р. Бланкъ.

КЪ ПЕРЕСМОТРУ ОСНОВНЫХЪ ПОНЯТІЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ [1]).

— Петръ Струве. Хозяйство и цѣна. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Часть первая. Хозяйство и общество.—Цѣна-цѣнность. СПБ.—Москва, 1913.

Появлявшіеся въ теченіе ряда лѣтъ, отдѣльными очерками и главами, а теперь, наконецъ, вышедшіе отдѣльною книгой «критическіе очерки» П. Б. Струве относятся — какъ подчеркнуто въ заглавіи книги — къ областямъ «теоріи» и «исторіи» хозяйственной жизни. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, въ теоретической части своей они соприкасаются съ теоріей статистики. Попутно они затрагиваютъ рядъ гносеологическихъ проблемъ, касаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыхъ интереснѣйшихъ вопросовъ изъ области исторіи права. Этимъ опредѣляются тѣ разнообразнѣйшія точки зрѣнія, изъ которыхъ можно исходить при критическомъ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ книги П. Б. Струве — несомнѣнно выдающагося явленія въ нашей экономической литературѣ.

Я—прежде всего спеціалистъ-статистикъ. Не будучи теоретикомъ-экономистомъ, я считаю себя, однако, не лишеннымъ права инте-

---

[1]) Въ виду важности вопросовъ, затронутыхъ въ книгѣ П. Б. Струве ей будетъ посвящена въ нашемъ журналѣ еще одна статья.

Ред.

ресоваться вопросами экономической теоріи и становиться, въ этой области, на ту или другую опредѣленную точку зрѣнія. Этимъ опредѣляется содержаніе настоящей замѣтки. Она посвящена только *одному*—правда, кардинальному—изъ числа многочисленныхъ, затронутыхъ въ книгѣ П. Б. Струве, вопросовъ. Лишь мимоходомъ я отмѣчу подавляющую историческую эрудицію, обнаруживаемую г. Струве какъ въ историко-теоретической части книги, такъ и въ особенности въ тѣхъ «этюдахъ и матеріалахъ по исторической феноменологіи цѣны», которые занимаютъ почти двѣ трети книги. Съ особымъ удовольствіемъ подчеркну, между прочимъ, ту формулу, къ которой П. Б. Струве сводитъ существо своихъ соображеній по соприкасающемуся съ его основною темой вопросу о соотношеніи между промышленною полиціей и промышленными корпораціями, въ частности — цехами. «Не изъ существованія органовъ вытекаетъ ихъ функція, а функція либо сама создаетъ себѣ органы, либо уже существовавшіе для другихъ задачъ и цѣлей органы ставитъ себѣ на службу» (373): въ первой своей части эта формула почти буквально совпадаетъ съ основнымъ выводомъ, сдѣланнымъ мною изъ «живой исторіи» общинно-земельныхъ формъ [1]), во второй—*существеннѣйшимъ образомъ* ее дополняетъ. Совпаденіе выводовъ, сдѣланныхъ въ двухъ совершенно различныхъ областяхъ — серьезный доводъ въ пользу правильности даннаго историко-соціологическаго принципа. Мимоходомъ—уже совсѣмъ какъ «человѣкъ изъ публики»—позволю себѣ высказать нѣкоторое сомнѣніе по поводу тѣхъ общихъ гносеологическихъ соображеній, съ которыми П. Б. Струве связываетъ свои разсужденія по вопросу о цѣнности и по другимъ вопросамъ экономической теоріи. «Нѣтъ общихъ вопросовъ теоріи познанія — говоритъ онъ — абсолютно безразличныхъ съ точки зрѣнія спеціальныхъ наукъ» (VIII). *Абсолютно*-безразличныхъ—можетъ быть, и нѣтъ. Но мнѣ кажется, что соображенія П. Б. Струве по интересующимъ его спеціальнымъ вопросамъ ничего не выигрываютъ въ убѣдительности отъ подведеннаго подъ нихъ гносеологическаго фундамента. Для «человѣка изъ публики» это только затрудняетъ чтеніе книги и, быть можетъ, ослабляетъ, въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, позицію автора въ, вѣроятно, предстоящей ему защитѣ формулированныхъ имъ положеній.

Центральнымъ вопросомъ въ книгѣ П. Б. Струве, по отношенію къ которому все прочее имѣетъ лишь служебное значеніе, является вопросъ о «цѣнѣ-цѣнности». Въ *исторической* своей по-

[1]) «Къ вопросу о происхожденіи русской общины», М. 1907, и «Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста», М. 1908.

становкѣ вопросъ этотъ сводится къ взаимоотношенію между «указною» и «вольною» цѣною, иначе сказать—между соціальнымъ регулированіемъ и свободнымъ образованіемъ цѣнъ (99—101). Въ противоположность весьма распространенному въ наукѣ взгляду, П. Б. Струве доказываетъ, въ посвященномъ этому историческому вопросу огромномъ экскурсѣ, что «принципъ и явленіе указной цѣны выpaбатываются весьма медленно и съ трудомъ, и въ самомъ развитіи своемъ неизбѣжно прислоняются къ стихійно-слагающемуся явленію вольной цѣны... Лишь тамъ, гдѣ вмѣшательство власти являлось повелительною необходимостью, государственная власть... вторгалась въ процессъ образованія цѣнъ. Но и тутъ развитыя формы регулированія и соотвѣтствующія имъ идеологическія образованія суть... явленія довольно поздняго экономическаго быта и развитой соціально-политической мысли» (311). Это—*общее* правило, *общая* схема. *Въ отдѣльныхъ случаяхъ*, въ конкретной обстановкѣ, «происхожденіе нормативной цѣнности изъ типической (синонимы «указной» и вольной» цѣны) можетъ быть настолько отдаленнымъ, что *для даннаго періода времени* [1]) нормальной цѣнности будетъ безусловно принадлежать приматъ надъ цѣнами» (95). Но это не устраняетъ того факта, что въ конечномъ счетѣ вольная цѣна всетаки предшествовала указной.

Такова *историческая* постановка вопроса. Еще принципіальнѣе *теоретическая* постановка взаимоотношенія между *цѣной* и *цѣнностью*, понятія цѣнности въ связи съ явленіемъ рыночной цѣны.

Мнѣ нечего распространяться о томъ, какую огромную, можно сказать, господствующую роль этотъ вопросъ играетъ въ экономической теоріи, нечего распространяться о томъ мѣстѣ, какое заняла въ исторіи экономическихъ воззрѣній борьба двухъ основныхъ направленій ученія о цѣнности: трудовой теоріи—и теорій, выводящихъ цѣнность изъ полезности. Нечего распространяться о колоссальныхъ усиліяхъ, какія дѣлались и дѣлаются, чтобы согласовать первую съ упрямо не укладывающеюся въ нее дѣйствительностью, чтобы примирить трудовую теорію съ теоріей предѣльной полезности.

Для г. Струве корень *всякаго* понятія цѣнности, какъ субстрата, лежащаго въ основѣ экономическихъ отношеній, какъ субстрата, въ частности, цѣны — въ гносеологическомъ «реализмѣ» (VI), въ «тенденціи приписывать реальность общимъ понятіямъ, не подвергая анализу ихъ происхожденія и значенія, не подвергая ихъ «эмпирической обработкѣ» (VII). «Реализмъ»—то философское пониманіе, которое характерно для средневѣковой схоластики; оно ле-

---

[1]) Курсивъ мой.

житъ въ основѣ философіи Гегеля и другихъ сходныхъ съ нею философскихъ системъ, занимало и продолжаетъ занимать видное мѣсто въ экономической теоріи. «Въ политической экономіи—говоритъ г. Струве—и былъ, и есть своегорода «реализмъ» и своего рода «номинализмъ». Противуположности въ области логики: реализмъ - номинализмъ,—въ области нашей спеціальной науки родственна и съ нею сплетается и перекрещивается противуположность: универсализмъ-сингуляризмъ... Какъ ни различенъ, напримѣръ, «ходъ мысли тѣхъ экономистовъ, которые, начиная съ Кантильона и Кенэ, трактуютъ о «распредѣленіи»,—они всѣ во власти соціологическаго реализма, безбоязненно оперирующаго съ понятіями общественнаго цѣлаго и общественныхъ классовъ, т. е. во власти универсалистическаго пониманія» (XI). И, конечно, сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо этотъ не-реальный «реализмъ» обнаруживается въ теоріи цѣнности. «Въ развитіи ученій объ объективной цѣнности, какъ основѣ цѣны, цѣнность представляетъ собой какъ-бы «universale» цѣны,—такое «universale», которому теорія приписываетъ высшую реальность по сравненію съ цѣной и которое обыкновенно опредѣляетъ послѣднюю» (XXII). *Исторически* зародышъ «объективныхъ» или «реалистическихъ» теорій цѣнности—въ господствовавшемъ въ средніе вѣка ученіи о справедливой цѣнѣ (justum pretium); «отъ нормативнаго, этическаго понятія цѣнности, которое господствуетъ у канонистовъ, вовсе уже не такъ далеко, какъ это можетъ казаться, до пониманія цѣнности, какъ внутренней «основы» или «закона» цѣны... «Pretium naturale» канонистовъ превращается въ «natural value» или «natural price», т. е. въ объективную цѣнность позднѣйшихъ экономистовъ» (XXIV—XXV). Такое «превращеніе этической идеи цѣнности, какъ нормы, въ натуралистическую идею цѣнности, какъ закона и субстанціи, означало превращеніе категоріи цѣнности въ метафизическую идею: согласно этому пониманію отдѣльные эмпирическіе факты—цѣны—не просто либо противорѣчатъ идеѣ или нормѣ-цѣнности, либо совпадаютъ съ нею, а *управляются*[1]) ею. *Въ основѣ* цѣны лежитъ цѣнность (90). Понимаемый такъ «законъ цѣнности» становится idée fixe политической экономіи; «реалистически» понятая трудовая цѣнность превращается у Маркса «не только въ законъ, но и въ «субстанцію» цѣны. Эта «механически-натуралистическая и въ то же время «реалистическая» концепція цѣны—не что иное, «какъ примѣненіе къ спеціальной наукѣ политической экономіи логически-онтологическаго реализма

---

[1]) Курсивъ мой.

Гегеля» и, идя дальше, схоластиковъ [1]).—Эта концепція «тщетно пытается вмѣстить въ себя міръ эмпирическихъ явленій хозяйственной жизни и завершается грандіознымъ и безысходнымъ противорѣчіемъ» (XXV—XXVI).

«Связанная съ логически-онтологическимъ реализмомъ склонность къ универсалистическимъ конструкціямъ — продолжаетъ авторъ,—должна быть познана и понята во всемъ ея значеніи для общественныхъ наукъ и спеціально для политической экономіи... Критическій пересмотръ во многихъ случаяхъ обнаружитъ научную безплодность универсалистическаго мотива для политической экономіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отыскать и раскрыть дѣйствіе этого мотива, какъ основного и послѣдняго мотива экономическаго мышленія, значитъ довести до конца, «заключить» критику нѣкоторыхъ экономическихъ ученій» (XXIX). Однимъ изъ нихъ является трудовая (да и всякая иная «объективная») теорія цѣнности. Въ понятіи «субстанціи» цѣнности перекрещиваются натуралистически-реалистическій мотивъ и мотивъ «реалистическій» въ логически-онтологическомъ смыслѣ. Для того, кто понялъ это—говоритъ г. Струве—критическая работа надъ теоріей трудовой цѣнности доведена до конца. Никакого опроверженія этой теоріи уже не нужно, ибо вышеуказанное пониманіе ея... обнаруживаетъ *научную недопустимость самой проблемы* (курс. автора). *Цѣнность одинаково и какъ субстанція, и какъ «universale» цѣны, есть понятіе безполезное для познанія эмпирическихъ фактовъ образованія цѣны; метафизическая гипотеза, которая не можетъ имѣть никакого примѣненія въ наукѣ* [2]) (XXX). Въ противуположность категорически-отвергаемому имъ, такимъ образомъ, «метафизическому тезису», гласящему: «блага обмѣниваются и могутъ обмѣниваться потому что въ нихъ есть нѣчто общее; эта общая субстанція и есть цѣнность; обмѣнъ возможенъ благодаря тому, что есть въ товарахъ такая общая субстанція, благодаря нѣкоторому равенству, которое предсуществуетъ обмѣну»,—въ противоположность этому тезису Струве провозглашаетъ «тезисъ эмпирическій», гласящій: «равенство между товарами или благами создается въ самомъ процессѣ обмѣна и только въ немъ, *Никакой общей субстанціи и никакого равенства, предсуществующаго обмѣну, нѣтъ* и быть не можетъ. *Цѣнность вовсе не управляетъ цѣнами*. Образованію цѣнъ предшествуютъ только психическія

---

[1]) Не очень, на мой взглядъ, удачно П. Б. Струве проводитъ аналогію между Марксовою теоріей цѣнности и схоластическимъ ученіемъ... о первородномъ грѣхѣ (XXVI—XXVIII).

[2]) Курсивъ мой.

процессы оцѣнки. *Цѣнность же образуется изъ цѣнъ* [1]) (91). «То, что принято трактовать подъ заголовкомъ «субъективная цѣнность»— говоритъ г. Струве въ другомъ мѣстѣ—есть психическій процессъ оцѣнки. Когда этотъ процессъ приводитъ къ мѣновому акту, мы имѣемъ предъ собой явленіе цѣны. Это явленіе по существу и интересуетъ экономиста. Рядомъ съ цѣною, надъ нею или подъ нею, не существуетъ никакого другого реальнаго экономическаго явленія. *Цѣнность есть либо прямой приказъ о цѣнѣ, т. е. назначенная, «уставная» или «указная» цѣна, либо отвержденіе множества свободныхъ цѣнъ въ оцѣночную среднюю* [2]), при чемъ этой отвержденной свободной цѣнѣ принадлежитъ приматъ предъ «указною» «Цѣнность, какъ нѣчто отличное отъ цѣны, ее опредѣляющее, есть фантомъ», созданіе котораго «вытекло изъ неискоренимой, на извѣстной ступени научнаго развитія, метафизической потребности субстанціализировать... текучія явленія и отношенія, которыя предстоятъ намъ въ видѣ многообразныхъ и колеблющихся оцѣнокъ и цѣнъ», — какъ на извѣстной ступени развитія физики и химіи изъ той же потребности вытекли теоріи флогистона или теплорода (96). Въ отличіе, такимъ образомъ, «отъ традиціоннаго пониманія, которое цѣну возводитъ къ объективной цѣнности», г. Струве «возводитъ послѣднюю къ первой»; онъ показываетъ, «какъ изъ цѣнъ логически и исторически слагается цѣнность, являющаяся порожденіемъ или отвержденіемъ цѣнъ: *цѣнность* вскрывается какъ *производная цѣны* или, точнѣе—*цѣнъ*» (XXXIII). Въ этомъ смыслѣ понятіе цѣнности —*понятіе эмпирическое*, «въ частности *статистическое*», понятіе «своеобразнаго, неосознаннаго, такъ сказать, статистическаго мышленія», неосознаннаго — въ случаяхъ обычнаго, никѣмъ неупорядоченнаго, «гетерогеническаго» образованія рыночной цѣны, вполнѣ сознательнаго «своеобразнаго статистическаго счисленія»—«когда въ силу особыхъ условій (биржевая цѣна и т. п...) оказывается возможной раціонализація ея построенія и тѣмъ самымъ становится доступнымъ процессъ ея сложенія» (XXXIII—XXXIV).

Съ точки зрѣнія теоріи статистики то, что́ г. Струве признаетъ за «типическую цѣнность», есть «прежде всего» «субъективная» средняя, т. е. полученная изъ ряда сдѣланныхъ наблюденій *надъ различными единицами* [3]) (91), тогда какъ отвергаемое имъ метафизическое, «субстанціональное» понятіе цѣнности основано на ошибочномъ представленіи о ней, какъ объ «объективной» средней, допускающее отыскиваніе и установленіе «истинной» величины

[1]) Курсивъ мой.
[2]) Курсивъ мой.
[3]) Курсивъ мой.

(92); «типическая» цѣнность аналогична средней изъ наблюденій надъ *рядомъ отдѣльныхъ* величинъ (единичныхъ цѣнъ!), «субстанціональная» цѣнность — среднему изъ многократныхъ измѣреній *одной*—въ данномъ случаѣ мнимой, не существующей—величины. «Типическая цѣнность», въ пониманіи г. Струве—*не* «типическая средняя» въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ понимался старою статистикой—*не* численная характеристика «типическаго явленія», управляемаго опредѣленнымъ закономъ природы—«закономъ цѣнности» (92); это только наиболѣе частая величина, которая въ силу этого «запечатлѣвается въ умѣ наблюдателя, какъ опытный фактъ» и лишь какъ таковой признается за нормальную (94). Современная статистическая теорія знаетъ, однако, много видовъ «среднихъ» величинъ. Къ какому же изъ нихъ ближе всего подходитъ «типическая» средняя? Это—отвѣчаетъ П. Б. Струве—средняя «изолированная». «Это значитъ—поясняетъ онъ,—что намъ не данъ тотъ рядъ единичныхъ величинъ, изъ котораго выведена наша «средняя»... Это, далѣе, «средняя», полученная путемъ оцѣнки въ смыслѣ «глазомѣрнаго опредѣленія» (Schätzung), а не путемъ разсмотрѣнія и обработки ряда. Это не ариѳметическая средняя, не геометрическая средняя, не центральная величина (медіана) и не величина наиболѣе частая (модусъ). Но по существу такая изолированная средняя родственна именно «модусу», который есть ничто иное какъ статистическое выраженіе наиболѣе обычнаго, а потому принимаемаго за нормальный случая: въ данной постановкѣ вопроса—наиболѣе обычной и потому «нормальной» «типической» цѣны; такое выраженіе, какимъ не могла бы служить, даже при наличности *полнаго* ряда единичныхъ цѣнъ, ариѳметическая средняя, которая, по существу своему, вовсе не непремѣнно соотвѣтствуетъ наиболѣе «нормальной» обычной величинѣ явленія. Въ конечномъ выводѣ «типическая» цѣнность, съ точки зрѣнія статистической методологіи—это «субъективная изолированная средняя, полученная оцѣночнымъ путемъ» (93-94).

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что столь парадоксально-звучащіе, упраздняющіе самое понятіе цѣнности, какъ основной экономической категоріи, выводы Струве не встрѣтятъ радушнаго пріема. Слишкомъ сжилась экономическая теорія съ такимъ понятіемъ цѣнности, слишкомъ привыкла она строить на этомъ понятіи и теорію цѣнности, и ученіе о распредѣленіи; слишкомъ великими именами освящена и со слишкомъ мощными соціальными симпатіями связана, въ частности, трудовая теорія цѣнности. Выбросить изъ научнаго обихода понятіе цѣнности, какъ субстанціи

цѣны, значитъ поставить крестъ на доброй долѣ литературы экономической теоріи. И тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь думать, что въ существѣ своихъ воззрѣній г. Струве совершенно правъ. Я не считаю себя компетентнымъ рѣшать вопросъ о гносеологическихъ предпосылкахъ обычнаго понятія цѣнности; какъ я сказалъ въ началѣ этой замѣтки, я не придаю этому вопросу и рѣшающаго значенія. Но я обѣими руками подписываюсь подъ подчеркнутыми выше словами П. Б. Струве: «цѣнность и какъ субстанція, и какъ «universale» цѣны есть понятіе безполезное для познанія эмпирическихъ фактовъ образованія цѣнъ»,— а тѣмъ болѣе такихъ сложныхъ явленій, какъ денежное обращеніе, распредѣленіе и т. д.; «она... метафизическая гипотеза, которая не можетъ имѣть никакого примѣненія въ наукѣ». Немало общаясь съ вопросами экономической теоріи, я всегда недоумѣвалъ: *зачѣмъ* нужна «цѣнность» для познанія и пониманія явленій хозяйственной жизни? Мнѣ всегда было ясно, что понятіе цѣнности не имѣетъ подъ собой никакой реальной основы, порождая, въ тоже время, безконечное множество трудностей, искусственныхъ построеній и безполезныхъ словопреній. И добро бы эта «метафизическая гипотеза» была необходимою «рабочею гипотезой»! Но нѣтъ: въ этой гипотезѣ нѣтъ никакой, хотя бы чисто методологической необходимости. И ученіе о цѣнахъ, какъ реальномъ экономическомъ явленіи, и теорія денежнаго обращенія, и ученіе о распредѣленіи—словомъ, вся экономическая теорія можетъ быть конструирована и фактически конструируется помимо и независимо отъ какого-либо понятія цѣнности.

Шесть лѣтъ тому назадъ мнѣ довелось присутствовать, въ качествѣ приватъ-доцента Московскаго университета, въ томъ факультетскомъ засѣданіи, гдѣ П. Б. Струве съ такимъ блескомъ сдалъ свой магистерскій экзаменъ, и привѣтствовать его по случаю перваго—вѣроятно—отчетливо формулированнаго заявленія тѣхъ его взглядовъ на цѣнность, которые легли теперь въ основу его книги. Я и теперь привѣтствую его упраздняющій понятіе «цѣнности» историко-критическій анализъ; я убѣжденъ, что рано или поздно экономическая наука *должна* освободиться отъ этой вредной «метафизической гипотезы». Если я что ставлю П. Б. Струве въ нѣкоторый упрекъ, то не *чрезмѣрную*, а скорѣе *недостаточную* смѣлость. Выливая новое вино, онъ зачѣмъ-то хочетъ сохранить старые мѣхи, упраздняя *понятіе* цѣнности, онъ цѣпляется за *слово* «цѣнность», придавая этому слову рѣшительно неподобающее ему значеніе. «Цѣнность», въ пониманіи г. Струве—это равнодѣйствующая, субъективная средняя» изъ единичныхъ цѣнъ; это—«либо прямой приказъ о цѣнѣ, указная цѣна, либо отвержденіе множества свободныхъ цѣнъ

въ оцѣночную среднюю». Но развѣ то или другое гдѣ-либо и когда-либо, въ наукѣ или въ практикѣ, называютъ «цѣнностью»? Одно—тарифъ, такса и т. п.; другое—вольная, рыночная, биржевая и т. п. цѣна. Называть «цѣнностью» то, что *никогда* такъ не называютъ, придавать *новой* сущности *старое* названіе, значитъ только создавать почву для новой путаницы и новыхъ недоразумѣній. И если у П. Б. Струве хватило смѣлости упразднить понятіе цѣнности, онъ долженъ вычеркнуть изъ своего научнаго словаря и отвѣчающій ему терминъ.

Какъ бы то ни было, коренной результатъ историко-критическихъ изслѣдованій П. Б. Струве я всецѣло принимаю. Результатъ этотъ—огромной важности, и по сравненію съ нимъ та или другая конструкція «цѣнности», какъ ее понимаетъ г. Струве, или, какъ я предпочитаю называть ее, «типической цѣны», съ точки зрѣнія статистической методологіи имѣетъ лишь второстепенное значеніе. И съ *этой*, сравнительно *не* существенной точки зрѣнія конструкція П. Б. Струве кажется мнѣ далеко менѣе удачною. Я, конечно, не возражаю противъ общей характеристики «типической цѣны», какъ «статистическаго понятія», какъ категоріи «своеобразнаго», въ области «вольныхъ» рыночныхъ цѣнъ «неосознаннаго статистическаго мышленія». И мнѣ, какъ и другимъ статистикамъ, приходилось отмѣчать ту роль, какую пріемы такого «неосознаннаго, статистическаго мышленія»—разныя «приближенныя среднія», «приближенныя относительныя величины»—играютъ въ повседневной жизни. И «типическая цѣна»—несомнѣнно, одна изъ такихъ «приближенныхъ среднихъ» [1]) величинъ, вѣроятно, самая важная по своему значенію. *Но ни въ какомъ случаѣ не «изолированная средняя»*, а нѣчто ей діаметрально противуположное. Изолированная средняя — поясняетъ П. Б. Струве—«это значитъ, что намъ не данъ тотъ рядъ единичныхъ величинъ, изъ которыхъ выведена наша средняя». Надо добавить: *но дана общая ихъ сумма*, которая и дѣлится на число случаевъ [2]). Мы не знаемъ индивидуальныхъ величинъ потребленія са-

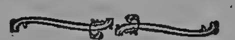
[1]) Думаю, что терминъ: «приближенная» средняя въ данномъ случаѣ болѣе умѣстенъ, чѣмъ терминъ «оцѣночная» средняя. «Оцѣнка», «оцѣночный»—нѣмецкое Schätzung, schätzen; но это слово въ данной комбинаціи означаетъ не оцѣнку, а простое, приблизительное, глазомѣрное опредѣленіе величины, которую нѣтъ надобности или возможности точно измѣрить.

[2]) Это совершенно опредѣленно подчеркиваетъ и Zizek въ своей довольно широко использованной у П. Б. Струве монографіи «Die statistischen Mittelwerte» (стр. 32), — почеркиваетъ, впрочемъ лишь по отношеніи къ «вычисленнымъ» изолированнымъ среднимъ. Правда, нѣсколько дальше, (стр. 43 и слѣд.) подъ названіемъ «приближенныхъ изолированныхъ среднихъ» онъ трактуетъ разнообразные пріемы приближеннаго опре-

хара или хлѣба, но знаемъ *общую массу* потребленія (=общей суммѣ производства+ввозъ—вывозъ),—дѣлимъ на число населенія и получаемъ среднюю — «душевое потребленіе»; не знаемъ и не можемъ знать индивидуальныхъ тратъ на оборону страны — но вычисляемъ «средній расходъ», дѣля сумму военнаго бюджета на число населенія. *Вотъ* изолированныя среднія — особый видъ *ариѳметической* средней, тогда какъ «типическая цѣна», по вѣрному замѣчанію г. Струве, все что угодно, но *не* ариѳметическая средняя.

Въ случаѣ «типической цѣнности» мы, очевидно, не знаемъ суммы цѣнъ. «Типическая цѣна»—равнодѣйствующая, какъ разъ, *изъ отдѣльныхъ случаевъ* индивидуальныхъ цѣнъ, равнодѣйствующая, выведенная, какъ правило, изъ болѣе или менѣе неполнаго ряда, и какъ правило-же—болѣе или менѣе приближеннымъ способомъ. По существу же—какъ, впрочемъ, не безъ нѣкотораго противурѣчія съ самимъ собой, отмѣчаетъ и г. Струве—«типическая средняя» «родственна именно «модусу»—наиболѣе частой величинѣ. «Типическая цѣна»—«наиболѣе частый, «нормальный» случай». Но это—именно то, что теорія статистики знаетъ подъ названіемъ «модуса», «то число, которое въ дѣйствительности встрѣчается чаще всего; онъ показываетъ наиболѣе обычный результатъ и потому на практикѣ имѣетъ широкое примѣненіе» (Bowley). Это—величина, непосредственно запечатлѣвающаяся въ представленіи наблюдателя и потому, въ противность ариѳметической, въ томъ числѣ и изолированной средней, конкретизирующаяся, въ приближенномъ видѣ, безъ всякихъ вычислительныхъ операцій. И полная характеристика «типической цѣны» (=цѣнности, въ пониманіи П. Б. Струве) съ точки зрѣнія статистической методологіи будетъ, слѣдовательно, гласить: субъективная средняя, типа «модуса» или «наиболѣе частой величины», полученая приближеннымъ способомъ изъ болѣе или менѣе неполнаго ряда единичныхъ цѣнъ.

А. Кауфманъ.

дѣленія среднихъ, рѣшительно не отвѣчающіе данному имъ же самимъ, для случаевъ вычисленія, опредѣленію изолированной средней. Но очевидно, что вычисленіе и приближенное опредѣленіе—это только болѣе или менѣе точные способы установленія средней, а большая или меньшая точность опредѣленія какой-либо величины не можетъ измѣнить ея *принципіальнаго существа*: если вычисленная средняя разсматриваемаго типа получается путемъ дѣленія точно извѣстнаго итога на точно извѣстное число случаевъ, то приближенная можетъ получаться дѣленіемъ приблизительно извѣстнаго итога на приблизительно извѣстное число случаевъ, но не можетъ получаться изъ принципіально отличныхъ по своему существу исходныхъ данныхъ.

ОЧЕРКИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.

Очеркъ I.

Малоземелье. Ростъ городовъ и селъ. Переселенческое движеніе.

I. Малоземелье.

Читатель, должно быть, уже лѣтъ пятьдесятъ встрѣчаетъ въ толстыхъ журналахъ фразу: «въ нашу переходную эпоху, когда... и т. д.». Онъ успѣлъ привыкнуть къ этой шаблонной фразеологіи и не обращаетъ на нее вниманія, но мы настойчиво просимъ тѣхъ, кто возьмется за настоящую статью, съ первыхъ же строкъ твердо усвоить, что относительно современнаго крестьянскаго хозяйства—это не фраза, что дѣйствительно въ немъ происходитъ коренной сдвигъ со старыхъ вѣковыхъ устоевъ: переходъ изъ *экстенсивнаго* въ *интенсивный* фазисъ аграрной эволюціи. Этотъ переходъ продлится вѣроятно десятки лѣтъ, но дальнѣйшее теченіе эволюціи сильно зависитъ отъ того исходнаго пункта, который мы переживаемъ въ настоящій моментъ.

Коренной вопросъ, возникающій теперь передъ нами, состоитъ въ томъ, измѣняетъ ли это новое явленіе сельско-хозяйственной жизни Россіи основы того направленія аграрной политики, главнѣйшей задачей котораго до 1900-хъ гг. прогрессивные элементы общества и даже нѣкоторые представители бюрократіи считали уничтоженіе или по крайней мѣрѣ смягченіе остраго крестьянскаго малоземелья. Покойный А. И. Чупровъ не разъ говорилъ, что удвоеніе урожаевъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ произвело бы такой же самый эффектъ, какъ и увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія на 70 милл. десятинъ; однако, онъ и не думалъ отрицать необходимость такъ или иначе покончить съ малоземельемъ. Онъ не превращалъ аграрнаго вопроса въ дилемму—*или* сельскохозяйственный прогрессъ, *или* расширеніе крестьянскаго землепользованія, къ чему склоняются теперь нѣкоторые ученые; онъ, какъ и большинство экономистовъ того времени, полагалъ, что это—двѣ части одной и той же формулы, относящіяся другъ къ другу какъ слѣд-

ствіе къ причинѣ: *безъ устраненія крестьянскаго малоземелья, въ Россіи немыслимъ устойчивый сельско-хозяйственный прогрессъ.*

Правительство своей «ставкой на сильныхъ» повернуло вниманіе общества въ другую сторону: только что приведенная формула была на время забыта, хотя малоземелье не устранено, хотя каждый годъ въ деревнѣ наростаютъ милліоны избыточнаго населенія и крестьяне не перестаютъ стремиться на востокъ, въ Сибирь, также жадно покупаютъ и арендуютъ помѣщичьи земли—вообще изыскиваютъ всѣ возможные способы, чтобы покрыть земельную нужду. Не проходитъ ни одной сессіи Государственной Думы, чтобы даже правые депутаты отъ крестьянъ не пытались поставить на очередь вопросъ о малоземельи, и этотъ фактъ яснѣе многихъ другихъ доказываетъ, что въ отношеніи самихъ крестьянъ къ данному вопросу пока ничего не измѣнилось. Но можетъ быть измѣнится въ ближайшемъ будущемъ? Можетъ быть, удвоеніе урожаевъ заставитъ и крестьянъ забыть о своемъ малоземельи, какъ забыла о немъ наша интеллигенція?..

Но въ томъ-то и суть, что если вышеприведенная формула правильна, то удвоенія урожаевъ невозможно добиться безъ разрѣшенія аграрнаго вопроса въ прежней его постановкѣ. Пока этого удвоенія нѣтъ, крестьяне, если бы и хотѣли, не могутъ забыть про земельную нужду, потому что малоземелье для нихъ—синонимъ недоѣданія, и голодный желудокъ будетъ о немъ постоянно напоминать; а интеллигенція и правительство не должны забывать потому, что *развитіе производительныхъ силъ* тормозится малоземельемъ теперь въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ при экстенсивномъ хозяйствѣ.

Устойчивое развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ достигается одновременнымъ гармоническимъ развитіемъ производительности *земли* и производительности человѣческаго *труда.* Производительность земли измѣряется количествомъ продуктовъ, получаемыхъ съ единицы площади, производительность труда—количествомъ продуктовъ, приходящихся на одного человѣка, занятаго въ производствѣ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Китаѣ, производительность земли очень высока, но, несмотря на это, земледѣльческое населеніе бѣдно, часто голодаетъ, хотя работаетъ по 15 часовъ въ сутки, трезво и крайне неприхотливо. Это происходитъ оттого, что китайцы не знакомы съ примѣненіемъ усовершенствованныхъ орудій и раціональныхъ пріемовъ агрикультуры, повышающихъ производительность труда, и эта послѣдняя стоитъ на низкой ступени. Въ другихъ странахъ, съ экстенсивнымъ хищническимъ земледѣліемъ, продуктивность труда, наоборотъ, бываетъ

очень высокой, но лишь до тѣхъ поръ, пока природное плодородіе почвы не истощено. Если земледѣлецъ не будетъ заботиться о возстановленіи и развитіи естественнаго плодородія почвы—неминуемъ земледѣльческій кризисъ, неминуемо послѣдующее паденіе производительности труда. Въ концѣ XIX-го вѣка Соединенные Штаты Сѣв. Америки, сельское хозяйство которыхъ представляло образецъ именно такой «хищнической» производительности труда, уже приближалось къ кризису, и только совмѣстными усиліями правительства, общества и народа кризисъ былъ предотвращенъ. По удостовѣренію бывшаго министра земледѣлія, Вильсона, союзъ уже перешелъ хищническую, первобытную стадію сельскаго хозяйства, и производительность земли всюду поднялась.

Въ сельскомъ хозяйствѣ государствъ Западной Европы наблюдается въ настоящее время болѣе или менѣе гармоническое сочетаніе обоихъ факторовъ развитія производительныхъ силъ. Въ результатѣ, при меньшей плотности сельскаго населенія (по отношенію къ обрабатываемой территоріи), чѣмъ у насъ (что свидѣтельствуетъ о меньшихъ затратахъ человѣческаго труда), производительность земли въ Западной Европѣ гораздо выше нашей.

	На 100 дес. обрабат. земли приходится сельскаго населенія.	Урожайность въ пудахъ съ 1 дес.
Европ. Россія	136	45,9
Великобританія	79	126
Германія	107	118
Франція	84	85
Австро-Венгрія	126	80

Въ Россіи, за отсутствіемъ данныхъ послѣднихъ лѣтъ, взята не площадь пашни, а площадь посѣва, но это мало мѣняетъ дѣло, потому что въ Зап. Европѣ площадь подъ парами очень не велика. Если мы даже включимъ приблизительную площадь пара ($=\frac{1}{2}$ посѣвной) въ Россіи въ составъ обрабатываемой земли, то все таки плотность сельскаго населенія по отношенію къ культивируемой территоріи у насъ составитъ 91 чел. на 100 дес., т. е. *больше* чѣмъ въ Великобританіи и Франціи, между тѣмъ какъ урожайность въ этихъ странахъ выше нашей въ 2—3 раза [1]). Извѣстно, что развитіе произ-

1) Для опредѣленія урожайности взяты среднія данныя 1901—10 гг. по всѣмъ государствамъ. Населенія и площадь обрабатываемой земли въ Россіи—1910 г., Германіи—1900—5 гг., Франціи 1906—8, Великобританіи—1911, Австро-Венгріи—1907—8. Въ Великобританіи въ обрабатываемую площадь включены луга. Подсчетъ произведенъ по сборнику статистики экон. свѣд. по с.-хоз. нѣкот. иностр. государствъ вып. V.

водительности земли въ Западной Европѣ стало замѣтно, главнымъ образомъ, со второй половины XIX вѣка и было вызвано, какъ непосредственными агрикультурными и экономическими мѣропріятіями правительства и содѣйствіемъ интеллигентныхъ силъ общества, такъ и общей хозяйственной, культурной и политической эволюціей западно-европейскихъ странъ. Имѣло, конечно, большое значеніе и развитіе рыночныхъ отношеній. Въ интенсивномъ фазисѣ сельскаго хозяйства земледѣлецъ связывается съ рынкомъ, какъ покупатель продуктовъ индустріи и какъ продавецъ своихъ продуктовъ. Крестьянину, ведущему экстенсивное зерновое хозяйство, рыночные продукты нужны въ ограниченномъ количествѣ; ни сѣмянъ, ни навоза онъ не покупаетъ, соху, борону ладитъ самъ. Если размѣры его хозяйства, какъ напр. на югѣ и юго-востокѣ, становятся относительно крупными, онъ пріобрѣтаетъ плуги и уборочныя машины— и только. Продаются же въ нормальной соціально-политической обстановкѣ только излишки продуктовъ, остающіеся за покрытіемъ собственныхъ нуждъ. Не то въ интенсивномъ хозяйствѣ. Тутъ усиливаются и покупка усовершенствованныхъ орудій, разныхъ сѣмянъ, удобренія, и продажа своихъ продуктовъ. Свеклу, картофель, ленъ, множество второстепенныхъ торговыхъ растеній самый мелкій трудовой земледѣлецъ производитъ не столько для себя, сколько на рынокъ. Туда же отвозитъ онъ и выкормленнаго теленка, свинью, птицу. И къ развитію торговыхъ отношеній его теперь вынуждаютъ уже не тяжелыя подати, не аренда и купля земель, какъ у насъ, а самый типъ хозяйства, характеръ сѣвооборота.

Но не одно слабое развитіе рынка, не только недостатокъ агрикультурнаго и экономическаго воздѣйствія сверху, невѣжество массъ и политическій гнетъ тормозятъ у насъ развитіе производительныхъ силъ. Огромное значеніе имѣло еще одно обстоятельство, на которое, до сихъ поръ, обращалось сравнительно мало вниманія. Въ Западной Европѣ со второй половины XIX вѣка весь приростъ сельскаго населенія сталъ уходить въ города или эмигрировать за океанъ, а такъ какъ эмигранты рекрутировались изъ малоземельныхъ элементовъ деревни, то главная задача соціальной аграрной политики, стоящая у насъ поперекъ дороги къ развитію производительныхъ силъ, въ Западной Европѣ разрѣшалась сама собой.

Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ для выясненія особенностей русской аграрной политики. Поэтому мы позволимъ себѣ его иллюстрировать двумя таблицами.

И въ государствахъ Западной Европы, и у насъ происходитъ территоріальное измельчаніе, *дробленіе* хозяйствъ. Это—закономѣрность, общая не только для Европы, но, повидимому, и для боль-

шей части странъ всего свѣта. Но самый *типъ* дробленія на Западѣ и у насъ совершенно различенъ.

% хозяйствъ:

А. Западная Европа [1]).

Франція:

	Хоз. съ 1—5 гект.	5—20 г.	20—40 г.	Свыше 40 г.
1866 г. . .	56,3	30,5	8,4	4,8
1892 » . .	52,8	35,1	8,1	4,0

Великобританія:

	Хоз. 0, 4—2 гект.	2—20 г.	20—120 г.	Свыше 120 г.
1885 г. . .	25,7	44,1	26,5	3,7
1908 » . .	21,2	45,6	29,7	3,5

Германія:

	Хоз. съ 1—5 гект.	5—20 г.	20—100 г.	Свыше 100 г.
1882 г. . .	57,4	30,9	9,5	2,2
1907 » . .	54,1	35,0	8,9	2,0

Типъ дробленія въ этихъ странахъ выясняется посредствомъ вычисленія % измѣненій каждаго слоя.

Каждый слой относительно сократился (—) или увеличился (+):

	I	II	III	IV
Во Франціи	— 6,2	+15,1	— 3,6	—16,7
Въ Великобританіи.	—17,5	+ 3,4	+12,1	— 5,4
Въ Германіи	— 5,8	+13,3	— 6,0	— 9,1

Этотъ типъ мы, слѣдуя Н. Н. Черненкову, называемъ *нивеллировкой*. Крайніе слои—самыя мелкія и самыя крупныя хозяйства—сокращаются въ числѣ, средніе увеличиваются: во Франціи и Германіи постепенно возрастаютъ среднія трудовыя хозяйства, въ Великобританіи—мелко-буржуазныя. Въ Россіи дробленіе носитъ совершенно иной характеръ. Вслѣдствіе особенностей русскихъ статистическихъ матеріаловъ, мы должны сопоставить отдѣльно крестьянскія и частно-владѣльческія группировки.

---

[1]) Въ европейскихъ государствахъ мы отбросили крайне мелкія парцельныя хозяйства, для которыхъ свой участокъ не столько источникъ заработка, сколько развлеченіе, отдыхъ отъ фабричной работы, или «приварокъ» для сельскихъ батраковъ въ крупныхъ имѣніяхъ.

Россія (Европейская).

Крестьяне.

60-е гг. % ревизскихъ душъ съ надѣломъ:

до 2 дес.	2—6 дес.	свыше 6 дес.
11,2	68,2	20,6

1905 г. % дворовъ съ надѣломъ:

до 5 дес.	5—15 дес.	свыше 15 дес.
22,6	61,4	16,0
Измѣненіе каждаго слоя въ %		
+101,8	—10,0	—19,7

Частные владѣльцы.

	до 50 дес.	50—200 дес.	200—500 дес.	свыше 500 дес.
1877 г.	77,5	11,6	5,0	5,9
1905 г.	79,2	12,3	4,6	3,9
Измѣненіе каждаго слоя въ %	+ 2,2	+ 6,0	—8,0	—33,9

Общую перегруппировку крестьянскихъ и владѣльческихъ хозяйствъ, взятыхъ вмѣстѣ, можно изучить по даннымъ военно-конскихъ переписей (по 38 губерніямъ).

% хозяйствъ.

	Безъ раб. лош.	Съ 1—2 лош.	3—5 лош.	6 и выше.
1888—91 гг.	28,2	58,7	11,3	1,8
1904—6 гг.	32,9	58,5	7,4	1,2
Измѣненіе каждаго слоя въ %	+16,7	— 0,3	—34,5	—50,0

Для того, чтобы очертить яснѣе типъ эволюціи, происходившей у насъ за послѣдніе полвѣка, мы захватили, насколько могли, самые длинные хронологическіе промежутки; при этомъ, намъ пришлось прибѣгнуть къ нѣсколько грубоватымъ пріемамъ, но сущность дѣла отъ этого не мѣняется, такъ какъ типъ нашего русскаго процесса эволюція общеизвѣстенъ и подтверждается безчисленнымъ множествомъ другихъ статистическихъ данныхъ. Это—тоже дробленіе, но дробленіе иного вида, чѣмъ въ Европѣ: оно называется подвижкой внизъ, наростаніемъ малоземелья, деревенскимъ оскудѣніемъ, пауперизаціей. Болѣе крупныя хозяйства дробятся, распро

даются, словомъ—сокращаются очень замѣтно; но на другомъ концѣ экономической лѣстницы еще быстрѣе наростаютъ малоземельныя, безлошадныя, малосильныя хозяйства, и вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе вліянія политическихъ факторовъ, какъ отошедшихъ въ исторію, такъ и дѣйствующихъ понынѣ, распредѣленіе земли у насъ менѣе равномѣрно, чѣмъ въ европейскихъ странахъ.

Фундаментъ теперешняго крестьянскаго малоземелья былъ заложенъ при освобожденіи отъ крѣпостного права, когда 2,3 милліона ревизскихъ душъ получили меньше, чѣмъ по десятинѣ каждая, а 1,2 милліона населенія вышли на нищенскій, дарственный надѣлъ. Далѣе малоземелье развивалось уже органически, вслѣдствіе естественнаго прироста, которому, за небольшой емкостью городовъ и промышленности, некуда было податься. Оберегая интересы крупнаго землевладѣнія и хозяйства, правительство долго либо препятствовало, либо вяло, неохотно, лишь по нуждѣ помогало малоземельнымъ, ищущимъ выхода въ переселеніи, въ арендѣ и куплѣ господскихъ земель. Малоземелье ширилось, росло оскудѣніе, накоплялось всеобщее недовольство, и когда правительство, спохватившись, стало расширять эти выходы—было уже поздно: для десятковъ милліоновъ скопившагося избыточнаго населенія они оказались слишкомъ тѣсными. Въ настоящій моментъ кадры малоземельныхъ у насъ, по самымъ скромнымъ разсчетамъ—напримѣръ, г. Прокоповича [1])—равняются 6,2 милліонамъ дворовъ, не считая дворовъ вовсе безземельныхъ.

Если бы правительство съ того момента, съ котораго и для него обнаружились тяжелыя экономическія послѣдствія освободительной реформы, т. е. съ начала 70-хъ годовъ, взялось энергично и умѣло за ихъ исправленіе; если бы переселеніе было поставлено широко, примѣрно по образцу программы гр. Киселева при Николаѣ I; если бы крестьянамъ съ первыхъ же лѣтъ былъ открытъ широкій кредитъ на покупку владѣльческихъ земель и другія хозяйственныя надобности; если бы, наконецъ, агрономическая помощь населенію измѣрялась не грошами, а рублями на десятину, то, при наличности благопріятныхъ соціальныхъ условій, даже при отсутствіи развитой индустріи, у насъ не было бы такой острой постановки аграрнаго вопроса. Теперь же, спустя 50 лѣтъ послѣ освобожденія, наша аграрная проблема, не измѣнившись въ своемъ содержаніи, только выросла и осложнилась.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на сложномъ вопросѣ о значеніи самаго термина «малоземелье». Скажемъ только, что, по

---

1) См. «Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства», стр. 15. Авторъ считаетъ малоземельными всѣхъ, имѣющихъ меньше 8 дес. надѣла.

чисто практическимъ соображеніямъ, подъ малоземельными мы будемъ подразумѣвать въ дальнѣйшемъ изложеніи крестьянъ, имѣющихъ надѣлы меньше потребительной нормы, собственное земледѣльческое хозяйство которыхъ не въ состояніи дать удовлетвореніе хотя бы насущнымъ личнымъ и хозяйственнымъ потребностямъ крестьянской семьи. Этотъ видъ малоземелья, который иногда называется «абсолютнымъ», особенно задерживаетъ ходъ развитія производительныхъ силъ (главнымъ образомъ — производительности труда) по слѣдующимъ главнымъ основаніямъ.

1. Хозяйства, площадь которыхъ не покрываетъ насущныхъ личныхъ, хозяйственныхъ и культурныхъ нуждъ членовъ семьи, принуждены покрывать недоборъ заработками на сторонѣ. Въ малоземельныхъ слояхъ % промышленниковъ всегда выше, чѣмъ въ средне-и много-земельныхъ. Отъ этого происходитъ безплодная растрата труда крестьянъ [1]), вынужденныхъ за лишнимъ десяткомъ рублей уходить порой за тысячи верстъ. Въ земледѣльческихъ раіонахъ довольно много малоземельныхъ крестьянъ батрачатъ у сосѣднихъ помѣщиковъ. Но гдѣ бы малоземельный ни находилъ заработокъ—вблизи ли своего дома, или на другомъ краю Россіи—во всякомъ случаѣ страдаетъ его собственное хозяйство, такъ какъ дома онъ можетъ работать лишь урывками, или заставляетъ работать не настоящихъ работниковъ, а подсобныя вспомогательныя силы семьи: женщинъ, подростковъ, стариковъ. Если онъ не уходитъ на сторону и не батрачитъ вблизи, онъ втридорога арендуетъ по сосѣдству господскую пашню. Когда еще преобладали натуральныя формы аренды, малоземельный отрабатывалъ арендную плату раньше на господской пашнѣ, а на своей пропускалъ горячую пору пахоты и жнитва: земля высыхала или хлѣбъ осыпался на корню. И теперь натуральныя—самыя дорогія—формы аренды остаются удѣломъ малоземельныхъ. Прибавимъ еще сюда непроизводительную растрату труда при длинныхъ переѣздахъ съ господской пашни на арендованную, съ арендованной на свою. При экстенсивномъ хозяйствѣ, при избыткѣ рабочихъ рукъ, никто не заботится объ этой безплодной растратѣ энергіи, ибо время у всѣхъ «некупленное». Переходъ къ интенсификаціи требуетъ бережнаго отношенія къ труду, требуетъ, чтобы трудъ и время использовались *раціонально*—а малоземельный, въ погонѣ за заработками на сторонѣ и арендой, не въ состояніи выполнить этого требованія.

Итакъ, первая причина задержки малоземельными хозяевами

---

1) Мы говоримъ объ отхожихъ заработкахъ: домашніе кустарные промыслы мало развиты въ черноземной полосѣ, болѣе всего страдающей отъ малоземелья.

развитія производительныхъ силъ—непродуктивная растрата избыточнаго труда. Въ погонѣ за лишнимъ кускомъ хлѣба, цѣня ни во что избытокъ своего труда, не находящаго продуктивнаго приложенія у себя дома, малоземельные готовы продать его за ломаный грошъ. Рабочія руки—этотъ главный народно-хозяйственный капиталъ, творящій народное счастье—у насъ никому не нужная рухлядь.

2. Избытку рабочихъ рукъ, не используемому раціонально, соотвѣтствуетъ избытокъ земледѣльческаго *капитала*. Въ брошюрѣ кн. Кудашева: «Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія хозяйственной техники» приводятся балансы доходовъ и расходовъ на десятину въ хозяйствахъ разной величины. Оказывается, что въ хозяйствахъ меньше 6 дес. при экстенсивныхъ системахъ чистый убытокъ на десятину равенъ 23 р. 45 к., при интенсивныхъ—11 р. 34 к.; эта убыточность происходитъ отъ слишкомъ большого скопленія земледѣльческихъ орудій, скота и построекъ на небольшой площади. П. А. Вихляевъ массовыми вычисленіями вполнѣ подтвердилъ теоретическіе разсчеты кн. Кудашева. Рабочая сила одной лошади используется на площади въ 4—5 дес. посѣва, а такая площадь существуетъ лишь въ хозяйствахъ съ 8—10 дес. При 5—6 дес. достаточно одной лошади на два хозяйства. Въ такихъ мелкихъ хозяйствахъ было бы раціональнѣе поступить по примѣру корейцевъ и китайцевъ, замѣняющихъ рабочій скотъ человѣческимъ трудомъ. Но такой способъ обработки раціоналенъ лишь при самыхъ интенсивныхъ системахъ, приближающихся къ огороднымъ; притомъ, онъ низводитъ человѣка на уровень рабочаго скота. Европейскія и особенно американскія системы, наоборотъ, стремятся, насколько возможно, освободить человѣка отъ физическаго труда, замѣняя его трудомъ машинъ и скота. Въ этомъ же направленіи должна идти и наша сельско-хозяйственная эволюція, если мы желаемъ, чтобы Россія не отставала отъ Европы.

3. Имѣя избыточный земледѣльческій капиталъ, малоземельные не могутъ, въ то же время, старательнѣе обрабатывать землю не только потому, что рабочія руки у нихъ часто расходуются на сторонѣ, а дома остаются второсортные работники, но и потому, что скотъ и орудія у нихъ плохіе, мало продуктивные въ работѣ. Даже въ Германіи малоземельные примѣняютъ гораздо меньше усовершенствованныхъ орудій, чѣмъ остальныя группы: въ группѣ 0,5—2 гект. % хозяевъ съ усовершенствованными орудіями равенъ 8,9%, въ группѣ отъ 2 до 5 гект.—32,4%, отъ 5 до 20—72,5%. Въ херсонскомъ земскомъ складѣ (1904 г.) посѣвщиками до 5 дес. куплено 0,8 всѣхъ усовершенствованныхъ орудій, отъ 5 до 7—4,2%, отъ 7 до 15—33,6%, свыше 15—61,4%.

4. Переходъ къ интенсификаціи для малоземельныхъ крайне затрудненъ какъ отсутствіемъ средствъ, не позволяющимъ пріобрѣтать сельско-хозяйственныя машины, улучшенный скотъ, сѣмена, минеральныя удобренія, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что многопольный сѣвооборотъ, являющійся основой интенсивнаго хозяйства, требуетъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ своего развитія, опредѣленнаго минимума земельной площади. По словамъ В. Г. Бажаева, «мы не можемъ не считаться съ доказаннымъ отрицательнымъ вліяніемъ даже и менѣе остраго малоземелья на всякій вообще агрикультурный прогрессъ». Авторъ приводитъ въ примѣръ Волоколамскій у., Московской губ., «гдѣ наиболѣе малоземельныя мѣстности до сихъ поръ выдѣляются пятнами полнымъ отсутствіемъ введенныхъ въ сѣвооборотъ клеверныхъ посѣвовъ». У малоземельныхъ наиболѣе нарушено правильное соотношеніе между пахотными и сѣнокосными угодьями, а чрезмѣрная распашка участковъ ведетъ къ сокращенію скотоводства. Узко- и мелко-полосица, составляющая также одно изъ весьма существенныхъ препятствій для интенсификаціи, особенно развивается въ малоземельныхъ общинахъ и хозяйствахъ, въ которыхъ общинно-передѣльный механизмъ функціонировалъ сравнительно слабо.

5. Къ препятствіямъ техническаго свойства присоединяется цѣлый ассортиментъ экономическихъ, которыя приводятъ къ полной невозможности накопленія какихъ-либо денежныхъ избытковъ, необходимыхъ для перехода къ интенсивному хозяйству. Малоземельные задолжены болѣе другихъ группъ; при этомъ, такъ какъ заимодавецъ, предоставляя кредитъ малообезпеченнымъ хозяевамъ, рискуетъ сильнѣе, онъ беретъ съ нихъ большій процентъ за рискъ. Имъ часто не хватаетъ хлѣба до новины, и они покупаютъ его зимой и весной по дорогимъ цѣнамъ, осенью же, для уплаты за аренду, по долгамъ, повинностей и т. п., они должны продавать его задешево.

Эти и цѣлый рядъ подобныхъ причинъ, въ связи съ малопроизводительными растратами труда и капитала, дѣлаютъ малоземельныя хозяйства крайне убыточными: малоземельные постоянно перебиваются съ хлѣба на квасъ, главныя ихъ заботы устремлены на погашеніе продовольственныхъ нуждъ и въ ихъ бюджетахъ преобладаютъ *личные*, а не хозяйственные расходы, причемъ личные расходы направлены не на удовлетвореніе болѣе культурныхъ потребностей въ одеждѣ, жилищѣ и т. под., а на самую примитивную потребность въ пищѣ.

Многія изъ экономическихъ причинъ убыточности малоземельныхъ хозяйствъ могли бы быть устранены кооперативными орга-

низаціями мелкаго кредита. Но, вслѣдствіе своей малой кредитоспособности, оскудѣвшіе элементы деревни неохотно принимаются въ члены кооперативовъ. Взявъ изъ офиціальнаго отчета по мелкому кредиту за 1907 г. группировки членовъ кредитныхъ обществъ по лошадямъ и сопоставивъ ихъ съ соотвѣтственными группировками всѣхъ крестьянъ по военно-конскимъ переписямъ 1905 г., получаемъ % членовъ кредитныхъ товариществъ:

Среди безлошадныхъ дворовъ	11,3
Съ 1 лошадью	17,8
Съ 2 »	24,2
Съ 3—4 »	19,7
Съ 5 и болѣе лош.	16,8

Максимумъ членовъ кредитныхъ т-въ оказывается не въ средѣ многолошадныхъ, а въ средней группѣ—двулошадныхъ. Безлошадные участвуютъ въ кооперaціяхъ въ $2^1/_2$ раза меньше двулошадныхъ, одно-и пяти-лошадные—въ $1^1/_2$ раза.

6. Скудно питаясь, живя въ невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ, малоземельные отличаются сравнительно малой рождаемостью, высокой смертностью, а потому слабымъ естественнымъ приростомъ. Приростъ у малоземельныхъ (получившихъ до 2-хъ дес. на ревизскую душу) вдвое меньше, чѣмъ у многоземельныхъ. Наоборотъ, калѣкъ и больныхъ у малоземельныхъ вдвое больше. Слабый приростъ, болѣзненность, увѣчность—все это признаки вырожденія и, какъ слѣдствія его, пониженія трудоспособности.

7. Послѣдній мазокъ этой неприглядной картины накладывается безграмотностью, некультурностью малоземельныхъ, которымъ, по ироніи судьбы, несмотря на огромные запасы избыточнаго труда, бываетъ часто некогда посылать дѣтей въ школы, не во что ихъ одѣть, не на что купить букварь, керосинъ для вечернихъ занятій. Семьи малоземельныхъ невелики, и на восьми-девятилѣтнихъ ребятъ приходится возлагать присмотръ за домомъ и за младенцами, когда старшіе уходятъ на работу.

Приведенныя доказательства пониженной производительности труда у малоземельныхъ хотя и могутъ быть подтверждены обильнымъ фактическимъ матеріаломъ, но, въ сущности, не нуждаются въ такомъ подтвержденіи. Каждый знаетъ, что малоземелье въ сельскомъ хозяйствѣ—синонимъ бѣдности; бѣдность же ведетъ къ большой задолженности, закабаленности, повышенной смертности, болѣзненности, калѣчности, некультурности, плохому качеству орудій труда, погонѣ за стороннимъ заработкомъ, вредящей собственному

хозяйству. Съ другой стороны, малоземельные хотя и бѣдны, но, въ силу необходимости имѣть каждому лошаденку, соху, избушку, телѣгу, переобременены земледѣльческимъ капиталомъ, еще болѣе—рабочими руками, и безплодно растрачиваютъ свои силы и средства. Если бы владѣлецъ помѣстья въ 10 тыс. десятинъ нагналъ въ свое имѣнье столько людей, скота, орудій, сколько ихъ имѣется у 2—3 тысячъ «абсолютно» малоземельныхъ хозяевъ, занимающихъ такую же площадь—онъ бы разорился въ одну недѣлю. Бѣдность и своеобразное богатство, неотвратимая «роскошь» и расточительность связаны неразрывными узами съ малоземельемъ. Только съ уничтоженіемъ «абсолютнаго» малоземелья будетъ сброшена съ ногъ русскаго народа эта стопудовая гиря, мѣшающая ему свободно двигаться по пути с.-хозяйственнаго прогресса. И не только ради подъема экономическаго уровня и культурности вѣчно голодныхъ, забитыхъ, невѣжественныхъ массъ—нѣтъ, ради свободнаго развитія производительныхъ силъ, одинаково необходимаго для народа и для государства, одинаково признаваемаго всѣми партіями, всѣми направленіями—необходимо такъ или иначе покончить съ малоземельемъ. Достаточно указать, что по Воронежскимъ массовымъ бюджетамъ безземельные и малоземельные не добирали на работника 30—50 р. доходовъ, сравнительно со средними слоями, чтобы оцѣнить убыточность малоземелья для страны не менѣе, чѣмъ въ милліардъ рублей въ годъ.

Какъ же можно покончить съ малоземельемъ? Всматриваясь пристальнѣе въ эту задачу, мы находимъ въ ней не одинъ, а два вопроса:

1. Какъ покончить съ малоземельемъ, накопившимся уже къ настоящему моменту?

2. Какъ предотвратить дальнѣйшее наростаніе малоземелья?

Примѣнивъ къ соціальной аграрной политикѣ термины земской статистики, можно назвать первый вопросъ *основной* задачей этой политики, второй—*текущей*. Время еще не приспѣло говорить объ основной задачѣ, съ разсчетомъ на какой-либо практическій результатъ при настоящихъ политическихъ условіяхъ.

Стремясь къ тому, чтобы наши «очерки» оставались въ предѣлахъ мѣропріятій, практически осуществимыхъ даже при данной политической коньюнктурѣ, мы оставляемъ въ сторонѣ основную задачу.

Проблема текущей аграрной политики въ сферѣ соціальныхъ отношеній до сихъ поръ еще не подвергалась спеціальному изученію, а между тѣмъ она несомнѣнно сохранитъ свое значеніе на много десятковъ лѣтъ впередъ, независимо отъ перемѣнъ полити-

ческаго режима, до тѣхъ поръ, пока по интенсивности развитія городской и промышленной жизни мы не сравнимся съ современной Западной Европой. Какъ мы сейчасъ сказали, она сводится къ уничтоженію дальнѣйшаго наростанія избыточнаго малоземельнаго населенія. Такъ какъ уже и теперь деревня переполнена избыточнымъ населеніемъ, то весь ея естественный приростъ, равняющійся по даннымъ 1903—10 г. 1665 тыс. душъ ежегодно (въ предѣлахъ 50-ти губ. Европ. Россіи), слѣдуетъ признать безусловно избыточнымъ. Къ этому количеству необходимо прибавить еще тѣхъ малоземельныхъ, которые принадлежали къ кореннымъ земледѣльцамъ и ликвидируютъ теперь свои надѣлы. Число дворовъ, продающихъ надѣлы, даже по явно уменьшеннымъ офиціальнымъ даннымъ, растетъ.

До 1 марта 1910 г.	продали	землю	. .	129	тыс. хоз.
» 1 января 1911 г.	»	»	. .	116	» »
За весь 1911 г.	»	»	. .	140	» »

Въ два послѣднихъ года въ среднемъ продавало землю по 140 тыс. хозяйствъ. Допустимъ, что половина ихъ, до ликвидаціи, жила въ городахъ и къ земледѣлію никакого отношенія не имѣла. Вторая половина составитъ приблизительно около 350 тыс. душъ (у малоземельныхъ семьи относительно невелики). По этому разсчету, общая минимальная сумма наростающаго ежегодно избытка деревенскаго населенія составитъ, кругло, *два милліона душъ обоего пола.*

Резюмируемъ теперь вкратцѣ основные выводы, вытекающіе изъ изложенныхъ выше соображеній.

1. Цѣлью современной аграрной политики является развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. Подъемъ производительныхъ силъ достигается одновременнымъ гармоническимъ развитіемъ производительности земли и производительности земледѣльческаго труда. Сельское хозяйство Россіи стоитъ на низкомъ уровнѣ того и другого. Главнымъ средствомъ для развитія производительности земли является у насъ назрѣвшій переходъ къ интенсивнымъ системамъ хозяйства, для развитія производительности труда—устраненіе крестьянскаго малоземелья.

2. Переходъ къ интенсивнымъ системамъ, обусловливаемый, въ значительной мѣрѣ, стихійными факторами — уплотненіемъ населенія и развитіемъ рыночныхъ отношеній, облегчается и ускоряется сознательнымъ содѣйствіемъ правительства, мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и всѣхъ культурныхъ элементовъ націи, могущихъ и желающихъ работать въ этомъ направленіи.

Это—общая задача текущей повседневной аграрной политики, сходная, въ главныхъ чертахъ, съ соотвѣтственными задачами правящихъ и культурныхъ слоевъ общества въ Зап. Европѣ. Реальное значеніе этой политики, возможность сознательнаго вмѣшательства въ стихійный процессъ эволюціи — растетъ по мѣрѣ интенсификаціи сельско-хозяйственнаго производства [1]).

3. Устраненіе «остраго», «абсолютнаго» крестьянскаго малоземелья въ Зап. Европѣ происходитъ естественнымъ путемъ, благодаря развитію городовъ, поглощающихъ весь приростъ деревни. У насъ послѣ освободительной реформы почти весь приростъ оставался на землѣ и, какъ кровавое пятно въ мозгу, все расплываясь, давитъ на русское крестьянство, причиняя ему все возрастающія страданія, накопляя народное недовольство. Уничтожить совсѣмъ это пятно можетъ только радикальная хирургическая операція; это—задача основной соціальной политики, о которой мы сейчасъ не будемъ говорить по приведеннымъ выше основаніямъ.

4. Задача текущей соціальной политики—прекращеніе дальнѣйшаго прироста избыточнаго деревенскаго населенія, дальнѣйшаго расплыванія кроваваго пятна. Для этого необходимо, чтобы около 2 милліоновъ душъ малоземельныхъ ежегодно, такъ или иначе, устраивались внѣ своихъ крестьянскихъ надѣловъ.

2. Ростъ городского и сельскаго населенія Россіи.

Въ странахъ европейской культуры города, какъ огромныя губки, впитываютъ въ себя избыточное деревенское населеніе. Классъ малоземельныхъ пауперовъ тамъ не только не увеличивается, а идетъ на убыль относительно и абсолютно. Пропадающія даромъ въ деревнѣ рабочія руки находятъ продуктивное приложеніе въ индустріи; взамѣнъ людей ненужныхъ, излишнихъ для сельскаго хозяйства на томъ уровнѣ, на которомъ оно стоитъ на западѣ, деревня получаетъ изъ городовъ и фабрикъ необходимыя для интенсификаціи производства денежныя средства, орудія и матеріалы. Возстанавливается необходимое равновѣсіе между плотностью земледѣльческаго населенія и системой хозяйства; создается нормальное развитіе производительныхъ силъ. Въ странахъ, гдѣ избыточное сельское населеніе поглощается городомъ и промышленностью, аграрный вопросъ, въ той постановкѣ, въ

[1]) Детальный анализъ мѣропріятій этого рода, въ связи съ общей картиной современнаго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, мы надѣемся представить въ дальнѣйшихъ очеркахъ.

которой онъ существуетъ у насъ, разрѣшается самъ собой. Въ теченіе послѣднихъ 35—40 лѣтъ (до 1905—10 г.) сельское населеніе Англіи, Германіи и Франціи сократилось съ 59,8 до 56,4 милліоновъ. Въ другихъ государствахъ оно продолжаетъ еще рости въ абсолютныхъ числахъ, но ростъ этотъ все больше замедляется, какъ ростъ человѣка, достигающаго полной физической зрѣлости. Такъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ за 40 лѣтъ число сельскихъ жителей увеличилось на цѣлыхъ 67%, въ послѣднее десятилѣтіе оно возрасло только на 9%, что находится въ соотвѣтствіи съ прекращеніемъ дальнѣйшаго прироста обрабатываемой фермерами территоріи. Экстенсивная эволюція сельскаго хозяйства, связанная *съ расширеніемъ* площади обрабатываемой земли (въ 1890—900 г.г. на 35%), смѣнилась интенсивной; развитіе производительности земли пошло не вширь, а *вглубь*, и за 1901—10 г.г. площадь подъ фермами увеличилась только на 5%. За то замѣтно поднялась урожайность. И эта смѣна системъ хозяйства, это сокращеніе дальнѣйшаго возрастанія сельскаго населенія происходятъ въ Соединенныхъ Штатахъ при плотности населенія значительно меньшей, чѣмъ у насъ въ Европейской Россіи: въ 1906 г. тамъ на душу сельскаго населенія приходилось 4,4 гектара удобной земли, у насъ—только 2,6 гектаровъ. Вотъ одна изъ причинъ, благодаря которымъ въ Соединенныхъ Штатахъ мы видимъ такой колоссальный размахъ производительныхъ силъ, незнакомый не только Россіи, но и Западной Европѣ. Насколько же у насъ стихійный процессъ роста городовъ и промышленности помогаетъ разрѣшенію аграрнаго вопроса въ указанномъ смыслѣ?

Со времени освобожденія крестьянъ и до конца XIX вѣка городское населеніе хотя и росло вдвое быстрѣе сельскаго (сельское населеніе увеличилось на 51,6%, городское—на 102,5%), но въ абсолютныхъ числахъ емкость городовъ была слишкомъ невелика; города являлись маленькими цвѣтными пятнышками на фонѣ сѣрой деревенской Россіи и за весь сорокалѣтній промежутокъ до переписи 1897-го года смогли впитать въ себя только 9,6% естественнаго прироста деревни. Если на западѣ Европы города можно сравнивать съ большими морями, поглощающими, незамѣтно для себя, широкія многоводныя рѣки, то у насъ они были маленькими мелкодонными озерами, съ трудомъ вмѣщавшими струи жиденькаго потока, приливавшаго изъ окружающихъ степей. Чуть такой потокъ расширялся, въ городахъ становилось «тѣсно отъ многолюдства»; наросталъ «лумпенъ-пролетаріатъ», резервная рабочая армія, которая не находила себѣ заработковъ. Поэтому только 44% населенія Европейской Россіи, бросившаго родину и очутившагося, во время

переписи, на чужбинѣ, оказались въ городахъ: большая часть его искала спасенія отъ малоземелья на южныхъ и восточныхъ окраинахъ. Крестьянская Русь, какъ и при московскихъ царяхъ, продолжала «сползать» къ югу и востоку, удаляясь отъ сѣвера, гдѣ лежатъ торгово-промышленные центры.

Въ XX-мъ вѣкѣ города и промышленность стали рости замѣтно даже для обывательскаго глаза, невооруженнаго статистическимъ микроскопомъ. Но гдѣ отыскать мѣрку этого роста? Офиціальныя цифры «статистическихъ ежегодниковъ», основанныя на одномъ естественномъ приростѣ, никуда не годятся, а точныя данныя нѣсколькихъ городскихъ переписей послѣднихъ лѣтъ не могутъ быть показательными: слишкомъ ихъ мало. Волей-неволей мы взялись за сырой матеріалъ—перечень городовъ и поселеній свыше 10.000 жителей, опубликованный въ двухъ изданіяхъ м—ва внутр. дѣлъ: «Города Россіи въ 1904 г.» и «Водоснабженіе городовъ въ 1910 г.». Свѣдѣнія о населеніи городовъ, для этихъ изданій доставлявшіяся, главнымъ образомъ, губернскими статистическими комитетами, въ меньшинствѣ—городскими управами, тоже, во многихъ случаяхъ, изъ рукъ вонъ плохи: иногда цифры городского населенія были меньше цифръ всеобщей переписи. И все таки, когда мы сбалансировали итоги, получились въ общемъ довольно правильные ряды, давшіе далеко не безынтересные для насъ выводы.

Общая сумма городского населенія Имперіи, вмѣстѣ съ крупными поселеніями, составляла, по нашему подсчету, къ 1911 г. около 28 милліоновъ душъ (27855 тыс.; съ Финляндіей—28,3 милліона) противъ 22,7 милліоновъ по даннымъ «ежегодниковъ» и 16,8 милліоновъ по переписи 1897 г. Но наша цифра несравнима съ цифрой переписи: при подсчетѣ населенія по переписи 1897 г. брались только «административные» города, крупныя торгово-промышленныя села и слободы, поселенія городского типа пропускались и зато регистрировались такіе «города», въ которыхъ только 5—6 чиновниковъ и были настоящими «горожанами». В. Семеновъ Тянь-Шаньскій попробовалъ сдѣлать подсчетъ истинныхъ «экономическихъ» городовъ по переписи [1]), которые онъ выдѣлялъ по суммѣ торгово-промышленнаго оборота, приходящагося на одного жителя. При этомъ подсчетѣ онъ выбросилъ 227 «административныхъ» городовъ и прибавилъ 476 «экономическихъ», получивъ въ результатѣ на 11,1% горожанъ больше и опредѣливъ городское населеніе всей Имперіи (съ Финляндіей) въ 19 милліоновъ.

---

1) В. Семеновъ-Тянь-Шаньскій: «Городъ и деревня въ Европейской Россіи», СПБ., 1910.

Нашъ подсчетъ ближе, по своему методу, къ подсчету В. Семенова, но и онъ, по всей вѣроятности, даетъ цифру, меньшую дѣйствительной. Основываясь на ней, для настоящаго момента—къ 1913 г.—можно считать населеніе «истинныхъ» городовъ Имперіи приближающимся къ 30 милліонамъ, что составляетъ около 18% всего 170-милліоннаго населенія, тогда какъ въ 1897 г. оно было меньше 15%.

Но для насъ важнѣе опредѣлить емкость городовъ въ Европейской Россіи: азіатскіе города заполняются, въ значительной долѣ, переселенцами, подлежащими особому, сравнительно точному учету, а въ Царство Польское крестьяне изъ внутреннихъ губерній почти не попадаютъ. Ростъ городовъ въ предѣлахъ Европейской Россіи мы установили насколько могли точнѣе, при помощи такой комбинаціи: мы взяли по даннымъ 1897, 1904 и 1910 г.г. только тѣ города, у которыхъ цифры населенія были выше цифръ переписи 1897 г. Въ этихъ городахъ оказалось $^4/_5$ всего городского населенія Европейской Россіи: средній ежегодный приростъ населенія въ нихъ составилъ:

Въ періодъ 1897—1904 г.—254 тыс.
« 1907—1910 г.—344 тыс.

Увеличеніе прироста въ послѣднее шестилѣтіе равно 35,4%. Города продолжаютъ рости, какъ катящійся снѣжный комъ, все быстрѣе и быстрѣе. Взявъ эти цифры въ основу подсчета емкости нашихъ европейскихъ городовъ и убавивъ ихъ на естественный приростъ городского населенія, мы получили, въ конечномъ итогѣ, что въ шестилѣтіе 1904—10 г.г. ежегодно всасывалось городами 350 тыс. человѣкъ избыточнаго деревенскаго населенія. Если предположить, что въ послѣдующее шестилѣтіе ростъ городовъ не измѣнится, эта цифра должна увеличиться до 470 тысячъ.

Этотъ выводъ мы провѣрили на болѣе обширномъ статистическомъ матеріалѣ, сопоставивъ населенность однихъ и тѣхъ же городовъ по всей Имперіи по даннымъ 1904 и 1910 г.г. Процентныя отношенія получились почти одинаковыя: 17,5% прироста по городамъ, отобраннымъ вышеуказаннымъ способомъ, и 17,1% по всѣмъ городамъ, захваченнымъ министерскими анкетами.

По отдѣльнымъ областямъ и по группамъ разной величины города вырастаютъ далеко не одинаковымъ темпомъ.

% прироста за 1904—1910 г.г.

Европейская Россія: Западныя области — 21,4
Центральныя » — 18,7

	Южныя и Восточныя »	— 9,3
	Царство Польское	— 19,0
Азіатская Россія:	Сибирь	— 60,9
	Средняя Азія . .	— 24,9
	Кавказъ. . . .	— 25,1
Всего Европейская Россія (съ Царствомъ Польскимъ)		— 17,4
Азіатская Россія		— 32,1
	Имперія	— 19,6

Въ городахъ до 10 тыс. жителей. .	17,0
10— 50 » » . .	18,7
50— 100 » » . .	20,5
свыше 100 » » . .	23,9

По отдѣльнымъ областямъ Европейской Россіи города сильнѣе всего растутъ на юго-западѣ и въ промышленномъ центрѣ, затѣмъ въ Царствѣ Польскомъ и въ другихъ раіонахъ нечерноземной полосы; далеко позади остаются земледѣльческій центръ, югъ и юго-востокъ. На слабомъ приростѣ южныхъ, въ частности—Новороссійскихъ городовъ, несомнѣнно отразилась погромная эпопея и политика г.г. Толмачевыхъ и ихъ присныхъ. Всѣ наши выкладки относительно юга давали одинъ и тотъ же результатъ. До 1904-го года Новороссійскіе города шли впереди многихъ другихъ по своему приросту; съ этого времени, они очутились въ хвостѣ и въ нѣкоторыхъ, особенно въ болѣе крупныхъ, преимущественно въ Бессарабской, частью въ Херсонской и Таврической губ., за эти шесть лѣтъ число жителей сократилось даже абсолютно. Ничѣмъ инымъ, какъ разореніемъ евреевъ, эмиграціей сотенъ тысячъ ихъ въ Америку, не можетъ быть объяснена остановка роста городовъ въ этомъ углу нашего благодатнаго юга, въ которомъ скрещиваются пути нашей міровой торговли, въ которомъ сотни тысячъ десятинъ перешли, за послѣднее время, къ крестьянамъ и бродящія по пустыннымъ владѣльческимъ степямъ отары овецъ замѣнены морями золотистой пшеницы.

Въ общемъ возрастаніе городовъ въ Европейской Россіи идетъ по направленію *съ востока на западъ:* въ томъ же направленіи идетъ и аграрная эволюція, интенсификація сельскаго хозяйства,

питающая городское населеніе и взаимно подкармливаемая имъ самимъ.

Въ Азіи, въ Сибири мы наблюдаемъ небывалое, чисто американское развитіе городовъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги и окончаніемъ русско-японской войны, туда хлынулъ потокъ въ $2^1/_2$ милліона переселенцевъ, часто не находившихъ себѣ сразу участковъ и пристраивавшихся въ городахъ, ростущихъ, какъ грибы, послѣ золотого дождя, посыпавшагося на нихъ сначала изъ казеннаго сундука, во время кампаніи, а потомъ благодаря предпринимательской горячкѣ, привлекающей туда иностранные и русскіе капиталы. Если такъ дѣло пойдетъ и дальше—населеніе сибирскихъ городовъ удвоится за десятилѣтіе.

Обычное явленіе — ускоренный ростъ болѣе крупныхъ городовъ—повторяется и у насъ, хотя не въ такой рѣзкой формѣ, какъ на западѣ Европы. Но у насъ территорія слишкомъ велика, а городовъ еще мало. Каждый уѣздный центрикъ обслуживаетъ площадь величиной съ доброе нѣмецкое государство. Понятно, что вмѣстѣ съ ростомъ экономическихъ, культурныхъ и иныхъ потребностей, удовлетворяемыхъ городами, растутъ и такіе центрики. Ихъ ростъ затушевываетъ развитіе крупныхъ городовъ, само по себѣ весьма интенсивное.

Итакъ въ ближайшіе годы, лѣтъ на 10 впередъ, города Европейской Россіи будутъ освобождать деревню отъ того единственнаго «продукта», который она сейчасъ создаетъ въ избыткѣ — отъ людей, въ предѣлахъ 400—500 тыс. душъ ежегодно. По европейскому масштабу это — цифра солидная, по русскому—она составляетъ не болѣе 20—25% естественнаго прироста, вмѣстѣ съ наростающими кадрами крестьянъ «само-ликвидаторовъ», продающихъ свои надѣлы.

Но, кромѣ городского, у насъ существуетъ еще и сельское внѣ-земледѣльческое населеніе, которое по переписи 1897 г. даже превышало, по своей численности, городское: первое равнялось 12,9 мил., второе—12,1 мил. Впрочемъ, мы знаемъ, что значительная доля этихъ 13 милліоновъ, состоящая изъ тѣхъ же малоземельныхъ крестьянъ, вынуждена заниматься сторонними промыслами, такъ какъ собственное земледѣльческое хозяйство ихъ не могло прокормить. Для фабричныхъ рабочихъ, служащихъ, ремесленниковъ, торговцевъ Западной Европы сельское хозяйство является отдыхомъ, праздничной забавой; это—мелкое огородничество, разведеніе садовъ, цвѣтниковъ, виноградниковъ. У насъ—для шахтеровъ, деревенскихъ фабричныхъ рабочихъ, мелкихъ служащихъ, прислуги, батраковъ—земледѣліе не забава, не праздничный отдыхъ: оно — такой же источникъ существованія, какъ и ихъ главный промыселъ. И во

время переписи милліоны народа не могли сказать въ точности, кто они—самостоятельные ли сельскіе хозяева, или «пролетаріи» чистой воды. Мы также затрудняемся отнести ихъ къ тому или иному классу, и это лишаетъ насъ возможности установить ростъ, за послѣдніе годы, сельскаго населенія, занятаго внѣ-земледѣльческими промыслами. Вдобавокъ, если по нѣкоторымъ отраслямъ внѣгородской промышленности и можно отыскать новѣйшія статистическія данныя, то по большей части другихъ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній и, до второй всеобщей переписи, приходится оставить этотъ вопросъ открытымъ. Строить какіе-либо выводы на аналогіи съ другими странами также нельзя: въ Германіи, напримѣръ, сельское внѣ-земледѣльческое населеніе въ 1882 г. составляло 35,5% всѣхъ жителей сельскихъ общинъ, имѣвшихъ менѣе 2.000 человѣкъ, въ 1907 г.—41,7%: приростъ—втрое меньшій, чѣмъ въ городахъ за это время. У насъ, вѣроятно, промышленность, торговля, транспортное дѣло внѣ городовъ растутъ относительно быстрѣе, чѣмъ въ Германіи; но такъ какъ города вообще обладаютъ большой притягательной силой для многихъ отраслей индустріи и торговли, то можно думать, что ростъ сельскаго внѣ-земледѣльческаго населенія долженъ былъ и у насъ отставать отъ роста городского населенія, но на какую величину,—мы сказать не можемъ.

Взятое въ своей совокупности, *сельское* населеніе имперіи продолжало возрастать безостановочно со времени освобожденія: средній годичный приростъ въ періодъ 1858-1897 г.г равнялся 983 тыс., въ 1897-1910 г.г. — 2.312 тыс. (по офиціальнымъ даннымъ). Если въ офиціальные матеріалы, основанные на учетѣ естественнаго прироста, внести соотвѣтственныя поправки (на ростъ городовъ и переселенческое движеніе), то всетаки за 14 послѣднихъ лѣтъ сельское населеніе имперіи оказывается увеличеннымъ на 29 милліоновъ душъ, въ томъ числѣ въ Европейской Россіи—на 19 милліоновъ, или на 24%. Пусть даже 2—3 милліона человѣкъ изъ этого числа нашли себѣ за это время новый заработокъ внѣ земледѣлія, всетаки 16—17 милліонный приростъ долженъ былъ, въ значительной степени, обострить крестьянское малоземелье въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ оно ощущалось и въ предыдущій періодъ.

Надо, однако, замѣтить, что этотъ приростъ не распространяется равномѣрно по всѣмъ областямъ: въ однѣхъ областяхъ онъ больше, въ другихъ меньше. Въ разные періоды времени деревенское населеніе различныхъ областей возрастало также не одинаково. За 1858—97 г.г. сельское населеніе Европейской Россіи увеличилось:

	Въ миллiонахъ душъ.	Въ проц.
Въ нечерноземной полосѣ:		
на западѣ	4,1	62,8
въ центрѣ	2,3	23,5
на сѣверѣ и востокѣ . . .	2,7	72,6
Въ черноземной полосѣ:		
на западѣ	5,9	62,2
въ центрѣ	5,5	53,1
на югѣ и востокѣ	6,1	98,3
По Европ. Россiи . .	26,6	48,5

Въ центральныхъ областяхъ приростъ былъ минималенъ, вдвое выше на западѣ, втрое—вчетверо на югѣ и востокѣ. На первый взглядъ кажется страннымъ, что на западѣ, гдѣ населенiе было значительно сгущено еще до освобожденiя, гдѣ городская жизнь развилась и тогда довольно интенсивно, обнаружился такой значительный приростъ, тогда какъ даже въ земледѣльческомъ центрѣ онъ вдвое слабѣе. Объясняется это явленiе двумя причинами. Во первыхъ — различными условiями надѣленiя крестьянъ при освобожденiи отъ крѣпостного права. Какъ извѣстно, правительство отнеслось довольно внимательно къ западнымъ крестьянамъ: желанiе привлечь ихъ на свою сторону въ борьбѣ съ поляками заставило правящую власть сдѣлать кое-какiя прирѣзки къ прежнимъ надѣламъ, сохранить сервитуты и назначить сравнительно невысокiй выкупъ. Разница въ приростѣ въ двухъ смежныхъ сѣверо-западныхъ раiонахъ—прибалтiйскомъ и литовско-бѣлорусскомъ—рельефно оттѣняетъ значенiе освободительной реформы въ этомъ отношенiи. Въ остзейскихъ провинцiяхъ, гдѣ реформа обезземелила крестьянъ еще въ началѣ XIX вѣка, приростъ за сорокалѣтнiй промежутокъ составилъ только 10, 5%, а въ Литвѣ и Бѣлоруссiи, гдѣ освобожденiе прошло для крестьянъ благопрiятнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сельское населенiе увеличалось на 79, 7%—всемеро больше. Тоже и на югѣ-западѣ: въ западной половинѣ Малороссiи, гдѣ въ 1840-хъ годахъ введены инвентари, приростъ—73, 6%; въ восточной, гдѣ помѣщики были не поляки, а малороссы—только на 49, 4%.

Въ центральной Россiи условiя освобожденiя были наихудшiя: здѣсь сосредоточилось ядро самыхъ многочисленныхъ, самыхъ влiятельныхъ помѣщиковъ, яростно боровшихся съ редакцiонными комиссiями и съумѣвшихъ добиться условiй реформы, наиболѣе благопрiятныхъ для нихъ, наиболѣе тяжелыхъ для крестьянъ, на которыхъ въ промышленномъ центрѣ наложили непомѣрно

высокій выкупъ, въ земледѣльческомъ—урѣзали чуть ли не третью часть надѣловъ. И вотъ, крестьяне промышленнаго центра, отыскивая средства для уплаты податей, бѣгутъ въ города, черноземнаго—толпами двигаются на югъ и востокъ, въ поискахъ за землей. Реформа дала сильный толчокъ «разсѣянію» сельскаго люда, передвиженію его изъ однѣхъ губерній и областей въ другія, изъ деревень въ города, и это является *второй* причиной различія прироста населенія, которое мы могли изучить точно и детально по даннымъ переписи 1897 г.

Перепись застала 9,4 милліоновъ уроженцевъ Европейской Россіи живущими внѣ своихъ губерній зимой, когда краткосрочный отходъ на заработки замираетъ: стало быть это въ основной массѣ, болѣе или менѣе постоянные «переселенцы». Изъ нихъ 6,6 милліоновъ проживало въ Европейской Россіи, 2,5 милліоновъ—въ Азіатской, 0,3—въ Царствѣ Польскомъ. Такимъ образомъ, 70 слишкомъ процентовъ передвиженій упало на Европейскую Россію. Предвиженія эти принадлежатъ къ двумъ типамъ: въ города и въ села. Нечерноземная полоса даетъ колонистовъ преимущественно *городского* типа: 60% всѣхъ «внутреннихъ» переселенцевъ ушло изъ нея въ города. Лишь сѣверо-востокъ и отчасти сѣверо-западъ сохранили въ значительной мѣрѣ сельскій, вѣроятно земледѣльческій типъ колонизаціи; изъ этихъ раіоновъ, какъ увидимъ дальше, только и уходятъ переселенцы «внѣшніе» въ Азіатскую Россію. Раіоны промышленнаго центра и сѣвера потеряны для земледѣльческой, въ особенности азіатской колонизаціи. Наоборотъ, черноземная полоса тяготѣетъ къ *земледѣльческой* колонизаціи: процентъ городскихъ колонистовъ здѣсь сокращается до 44,1%: выселеніе въ города наиболѣе интенсивно на юго-западѣ и въ 3-хъ сѣверныхъ губерніяхъ земледѣльческаго центра; въ остальныхъ раіонахъ болѣе $^{3}/_{5}$ уходцевъ осѣло на землѣ въ предѣлахъ Европейской Россіи. Изъ центральныхъ черноземныхъ раіоновъ, до конца XIX вѣка, больше всего крестьянъ переселилось въ Азіатскую Россію.

Мы не будемъ докучать читателямъ большими и сложными вычисленіями, которыя мы произвели для опредѣленія направленія передвиженія населенія по даннымъ переписи 1897-го года [1]). Въ общемъ итогѣ, до 1897 г. западныя области Европейской Россіи потеряли всего 1,2 милліоновъ человѣкъ, изъ которыхъ 44% размѣстилось въ Европейской Россіи, 56%—въ Азіатской. Сравнительно съ 10 милліоннымъ приростомъ сельскаго населенія за 40 лѣтъ—это

[1]) Мы надѣемся ихъ опубликовать въ III томѣ «Закономѣрности аграрной эволюціи».

составляетъ только $^{1}/_{8}$ часть. До конца XIX вѣка западные крестьяне (кромѣ прибалтійскихъ и малорусскихъ) были довольно неподвижными, довольствуясь тѣми «прирѣзками», которыми ихъ надѣлило правительство при освобожденіи. Даже въ города на западѣ ушло только 1 милліонъ человѣкъ. Но къ XX вѣку накопленное избыточное населеніе стало весьма ощутительно давить на крестьянское хозяйство, толкая его къ интенсификаціи земледѣлія, а нужда въ землѣ заставила литовцевъ, бѣлоруссовъ и западныхъ малороссовъ искать убѣжища въ киргизскихъ степяхъ, на Дальнемъ Востокѣ, за послѣднее время даже въ Америкѣ.

Гораздо сильнѣе убыло отъ передвиженій сельское населеніе центральныхъ областей: почти 2 милліона человѣкъ ушло въ города; въ другія области, преимущественно въ Новороссію и на юго-востокъ, выселилось, въ конечномъ счетѣ, 670 тыс.; въ Азію ушло 1,1 милл.— итого 3,8 милліоновъ, что по отношенію къ дѣйствительному приросту деревень этихъ областей (7,7 милліоновъ) составляетъ цѣлую половину. Этимъ и объясняется, почему приростъ центральныхъ областей до 1897-го года былъ наиболѣе низкимъ.

На югѣ и востокѣ происходили сложныя, взаимно перекрещивающіяся передвиженія: съ запада и сѣвера, пока тутъ былъ земельный просторъ, сюда притекали сотни тысячъ «оскудѣвшихъ» малоземельныхъ—въ общей сложности 1,2 мил. душъ. Съ сѣверо-востока населеніе, какъ и встарь, продолжало «сползать» на низовое Поволжье и Донщину; съ юга нѣкоторая часть передвигалась въ Оренбургскую губернію; наконецъ, 612 тыс. ушло въ Азію. Какъ во всѣхъ колонизуемыхъ областяхъ, пришлое населеніе еще не улеглось до конца XIX вѣка; одни приходили, другіе, которымъ «не почасилось», уходили искать удачи въ еще менѣе заселенные края. Въ общемъ итогѣ, какъ мы видѣли, въ нечерноземномъ востокѣ сельское населеніе увеличилось сравнительно мало — всего на 2,7 милліоновъ, или на 42,6%; въ черноземномъ же—на цѣлыхъ 6,1 мил., почти на 100%. Этого было достаточно, чтобы къ XX вѣку въ благодатной Новороссіи и низовомъ Поволжьѣ начался земледѣльческій кризисъ, зачастили неурожаи и голодовки, появилось малоземелье, оскудѣніе, отъ котораго крестьяне большими толпами стали спасаться въ Сибирь.

Послѣ 1897 г. ростъ сельскаго населенія распредѣлился по областямъ нѣсколько иначе, чѣмъ во второй половинѣ XIX-го вѣка. Мы употребили два различныхъ пріема, чтобы опредѣлить величину и направленіе этого роста, а именно: мы сопоставили официальныя данныя «ежегодниковъ» 1911 г., сокративъ ихъ на дѣйствительный ростъ городовъ и переселенческое движеніе, съ цифрами

переписи 1897 г. и провѣрили полученные выводы измѣненіями въ рождаемости сельскаго населенія, сравнивъ число рожденій по областямъ за трехлѣтіе 1897—99 г.г. и 1908—10 г.г. Вотъ итоги нашихъ подсчетовъ въ суммарномъ видѣ (по группамъ областей).

	Увеличеніе сельскаго населенія за 1897—1910 г.г. Съ поправкой на приростъ городовъ и переселеніе. Въ мил. душъ.	Въ %	Приростъ числа рожденій въ % за два трехлѣтія (1897-99 и 1908—10 г.г.).
Западная группа	5,2	19,9	0,5
Центральная	8,3	24,4	9,5
Восточная	6,0	27,8	17,7
Всего Европейская Россія .	19,5	23,9	9,0

Получились тождественные выводы: въ XX-мъ вѣкѣ приростъ сельскаго населенія систематически увеличивается по направленію съ запада на востокъ. Эти выводы повторяются по отдѣльнымъ областямъ и даже раіонамъ, причемъ области нечерноземной полосы даютъ всюду меньшій приростъ, чѣмъ соотвѣтственныя по долготѣ области черноземной. Если мы вспомнимъ, что города растутъ въ *обратномъ* направленіи, что въ этомъ же направленіи происходитъ интенсификація сельскаго хозяйства, то намъ станетъ ясно, что между этими тремя явленіями — сельско-хозяйственной эволюціей, ростомъ городовъ и сокращеніемъ прироста избыточнаго сельскаго населенія—существуетъ тѣсное взаимоотношеніе.

Теперь будемъ подводить итоги. Для того, чтобы получить изложенные сейчасъ вкратцѣ выводы, мы сдѣлали, въ общемъ, около 10 тыс. вычисленій. Стоило ли ихъ дѣлать, когда въ однихъ случаяхъ мы основывались на мало достовѣрныхъ матеріалахъ, въ другихъ должны были отказаться отъ попытокъ выяснить положеніе дѣла, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было матеріаловъ? И все-таки мы думаемъ, что надъ поставленными выше вопросами стоило поработать: до сихъ поръ вѣдь мы ровно ничего не знали о нихъ, а между тѣмъ для выясненія основъ раціональной аграрной политики въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется пишущему эти строки, необходимо было составить себѣ хотя приблизительное представленіе о томъ, насколько аграрный вопросъ разрѣшается у насъ стихійнымъ ростомъ городовъ и индустріализаціей и какая, слѣдовательно, доля этого вопроса упадаетъ на плечи сознательныхъ участниковъ въ развитіи производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Три фактора, разсмотрѣнныхъ выше, способствуютъ сокращенію избыточнаго сельскаго населенія въ Европейской Россіи: ростъ городовъ, развитіе внѣ-земледѣльческой промышленности въ селахъ и различная степень возрастанія сельскаго населенія въ густо и рѣдко населенныхъ областяхъ, происходящая, отчасти, отъ разницы въ рождаемости и естественномъ приростѣ, отчасти—отъ передвиженія населенія, инстинктивно стремящагося нивеллировать уровень густоты, подобно тому, какъ вода, вышедшая изъ береговъ, стремится заполнить всѣ впадины, всѣ пустоты, пока высота ея уровня на всемъ залитомъ пространствѣ не дойдетъ до уровня воды въ руслѣ рѣки.

Съ наибольшей степенью вѣроятности мы могли опредѣлить количество сельскаго населенія, поглощаемаго городами: въ ближайшемъ будущемъ оно составитъ отъ 400 до 500 тыс. человѣкъ ежегодно. Кое-какія указанія мы получили и для опредѣленія размѣровъ передвиженія сельскаго населенія внутри Европейской Россіи изъ густо населенныхъ въ рѣдко населенныя области. По переписи 1897 г. за предѣлами городовъ передвинулось, приблизительно въ теченіе одного поколѣнія, т. е. въ 25—30 лѣтъ, 3,2 милліона человѣкъ. Но сюда вошли и тѣ, кто уходитъ не на землю, а на фабрики и заводы, находящіеся внѣ городовъ. Послѣ 1897 г., если судить по разницѣ въ приростѣ сельскихъ жителей отдѣльныхъ областей сравнительно со среднимъ приростомъ въ Европейской Россіи, западныя области потеряли, за 14 лѣтъ, приблизительно, милліонъ душъ, изъ которыхъ болѣе 100 тыс. осѣло въ деревняхъ центра, около 900 тыс.—въ областяхъ востока. Отсюда можно предположить, что «разсѣяніе» земледѣльческаго населенія по территоріи Европейской Россіи сокращаетъ избытокъ населенія въ раіонахъ съ высокой, относительно, плотностью приблизительно на сотню тысячъ душъ ежегодно. Относительно третьяго фактора—роста индустріи, торговли и транспорта внѣ городовъ,—мы знаемъ только, что этотъ ростъ поглощаетъ, повидимому, меньшее количество сельскихъ жителей, чѣмъ городской.

Въ конечномъ счетѣ мы можемъ, все-таки, опредѣленно установить, что дѣйствительная цифра избыточныхъ земледѣльцевъ, поглощаемыхъ ежегодно тремя очерченными выше факторами, лежитъ между 500 тысячами и 1 милліономъ душъ [1]). Этого намъ достаточно, чтобы сдѣлать такой выводъ: для того, чтобы дальнѣйшее наростаніе избыточнаго населенія не парализовало развитія производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ

1) Мы можемъ только догадываться, что эта цифра равняется 700—800 тыс.

милліонъ, а скорѣе значительно болѣе милліона малоземельныхъ крестьянъ-коренныхъ земледѣльцевъ ежегодно находили себѣ выходъ на землю за границами своихъ собственныхъ надѣловъ. Выходы, имѣющіеся на лицо для этого милліона—переселеніе въ Азію, мобилизація земель, меліораціи впустѣ лежащаго земельнаго фонда внутри Европейской Россіи и т. д.—могутъ быть расширены, или сужены, или совсѣмъ закрыты посредствомъ тѣхъ или другихъ мѣропріятій соціальной аграрной политики, т. е. они въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ сознательной воли тѣхъ, кто стоитъ во главѣ центральныхъ и мѣстныхъ органовъ управленія. И громадное значеніе этихъ выходовъ не только для развитія производительныхъ силъ Россіи, не только для подъема уровня народнаго благосостоянія, но и для народнаго спокойствія, констатируется опытомъ нѣсколькихъ лѣтъ, прошедшихъ со времени революціи 1905 г. Многіе думаютъ, что внѣшнее народное спокойствіе этихъ лѣтъ было спокойствіемъ отчаянія; другіе видятъ въ немъ спокойствіе благоразумія, что, въ сущности, одно и то же. Мы лично думаемъ, что это спокойствіе отчасти вызывалось той минимальной степенью удовлетворенія насущной земельной нужды, которую давало избыточному земледѣльческому населенію ежегодное переселеніе 500—600 тысячъ крестьянъ и переходъ 1—$1^1/_2$ милліоновъ десятинъ мобилизуемыхъ владѣльческихъ земель, плюсъ, конечно, высокіе урожаи и хорошія цѣны на хлѣбъ. Это были капли масла, успокоивавшія хоть на мигъ разбушевавшіяся волны народнаго моря. Много ли осталось такого масла въ бочкахъ государственнаго корабля и куда правительство стало теперь его растрачивать—это мы постараемся показать въ дальнѣйшихъ очеркахъ.

3. Переселеніе, какъ факторъ сокращающій избыточное населеніе крестьянъ и малоземелье.

Послѣ 1905-го года переселенческое движеніе, на нѣкоторое время, пріобрѣтаетъ такой широкій размахъ, что не только у правительства, но и въ средѣ умѣренныхъ круговъ общества явилась мысль: вотъ ключъ къ разрѣшенію аграрнаго вопроса. И дѣйствительно, въ періодъ 1906-10 г.г. переселенческая волна охватила четвертую часть прироста сельскаго населенія Европейской Россіи, т. е., въ смыслѣ поглощенія избыточнаго населенія, переселеніе играло бо́льшую роль, чѣмъ развитіе городской и промышленной жизни. Но даже и при такихъ размѣрахъ, какъ въ 1906-10 г.г., переселенческое движеніе, въ цѣломъ, было лишь слабымъ палліативомъ по сравненію, напримѣръ, съ ирландскимъ, которое за 30 лѣтъ понизило вдвое наличность сельскихъ жителей въ странѣ. Такъ какъ

размѣры нашего переселенія въ Азію никогда не достигнутъ 4 милліоновъ душъ ежегодно, какъ выходило бы по соотвѣтственной пропорціи съ ирландскимъ, никогда не будутъ охватывать цѣликомъ даже естественный приростъ, то для всей Европейской Россіи оно всегда будетъ имѣть значеніе лишь гомеопатическаго лѣкарства, подносимаго больному,требующему радикальныхъ, «лошадиныхъ» дозъ.

Что переселеніе не можетъ разрѣшить аграрнаго вопроса—этого теперь не отрицаетъ никто; даже само правительство вполнѣ съ этимъ согласно. Но суть въ томъ, что тяга за Уральскій хребетъ никогда не охватывала *одинаково* всѣ области, всѣ губерніи Россіи. По наиболѣе полнымъ даннымъ Турчанинова, за весь періодъ, по которому имѣются цифровыя данныя, изъ Полтавской губерніи, напримѣръ, выселилось въ Азію 360 тыс. человѣкъ, а изъ Олонецкой—менѣе 2 тысячъ. Вообще 10 губерній, въ которыхъ живетъ только 28% сельскаго населенія Европейской Россіи, дали 55% всѣхъ переселенцевъ, тогда какъ изъ 14 губерній за 1896-1910 г.г. выселилось меньше 10 тыс. изъ каждой, при чемъ изъ 6 губерній—по нѣсколько сотъ, а изъ Ярославской—всего лишь 80 человѣкъ. Понятно, что для Полтавской губерніи, изъ которой за послѣдніе годы ушло 57½% естественнаго прироста, переселеніе стало довольно ощутительнымъ явленіемъ, тогда какъ для Ярославской и Олонецкой значеніе его равно нулю.

Мало этого: внутри отдѣльныхъ губерній и даже уѣздовъ выселеніе крестьянъ въ Азію идетъ не сплошь, а отдѣльными гнѣздами, захватывая единичныя волости и даже села внутри волостей. Напримѣръ, изъ Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи въ 1907 г. ушло 60 человѣкъ на тысячу жителей—втрое больше естественнаго прироста; изъ Купянскаго, Харьковской губерніи—въ 1904-8 г.г. 39 человѣкъ натысячу, изъ пригороднаго Харьковскаго уѣзда 6 человѣкъ и т. д. Какія бы мы губерніи ни брали—всюду одинъ, два, три уѣзда даютъ, зачастую, бо́льшую часть переселенцевъ, а изъ остальныхъ движеніе ничтожно. То же самое различіе наблюдается и по отдѣльнымъ волостямъ и селамъ: въ 4 уѣздахъ Харьковской губерніи бо́льшая половина переселенцевъ за 1904-8 г.г. вышла всего изъ 8 волостей. По всей губерніи изъ тысячи, приблизительно, селеній, 104 или 11% дали 46% всѣхъ переселенцевъ губерніи. Вообще, сконцентрированность переселенческаго движенія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ выхода—его, такъ сказать, «гнѣздовой» характеръ—установлена твердо послѣдними земскими изслѣдованіями. Поэтому нельзя отрицать, что *мѣстное* значеніе переселенія, какъ фактора, облегчающаго крестьянъ отъ земельной тѣсноты, можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма замѣтнымъ.

Однако, раіоны, охваченные переселенческимъ движеніемъ, не остаются неподвижными: тяга на востокъ захватываетъ далеко не всегда однѣ и тѣ же мѣстности—она передвигается съ мѣста на мѣсто и изученіе характера этихъ передвиженій приводитъ насъ къ весьма любопытнымъ результатамъ.

Изъ каждой тысячи переселенцевъ вышло:

	до 1897 г.	За 1896-1910 г.
Изъ западныхъ областей	228	483
центральныхъ	487	325
восточныхъ	285	192
Всего изъ нечерноземной полосы	279	240
Изъ черноземной полосы	721	760

Мало подвержено колебаніямъ только отношеніе между нечерноземной и черноземной полосами. Движеніе изъ нечерноземной полосы въ разные періоды, даже болѣе дробные, чѣмъ только что приведенные, составляло около четвертой части, что, какъ ясно изъ предыдущаго, зависитъ отъ роста городовъ въ нечерноземной полосѣ: зачѣмъ крестьянамъ подстоличныхъ губерній двигаться въ далекую Сибирь, когда подъ бокомъ, въ городахъ, можно найти хорошіе заработки, ѣздить дважды въ годъ на побывку домой, а подъ старость осѣсть на покой на родномъ пепелищѣ? Только черноземный крестьянинъ, коренной землеробъ, вынужденъ итти на край свѣта въ поискахъ лучшей доли, земельнаго простора, который уходитъ отъ него все дальше и дальше на востокъ.

Если отношеніе между обѣими полосами продолжаетъ оставаться неподвижнымъ, то *внутри* каждой полосы происходитъ въ XX вѣкѣ рѣзкій поворотъ переселенческаго движенія съ востока на западъ. Конечно этотъ сдвигъ переселенческой волны на западъ отчасти обусловливается внѣшними причинами: г. Турчаниновъ отмѣчаетъ, что перемѣна раіоновъ выхода обнаружилась съ проведеніемъ желѣзной дороги. Имѣло значеніе и облегченіе формальностей переселенческой волокиты, выдача ссудъ, льготный проѣздъ, вообще упорядоченіе переселенческаго дѣла. Благодаря этимъ причинамъ, переселеніе сдѣлалось гораздо доступнѣе для западныхъ крестьянъ; нуждающіеся въ землѣ, а на западѣ ихъ скопилось много милліоновъ, поспѣшили воспользоваться этой доступностью. Но если этимъ можетъ быть отчасти объясненъ подъемъ западнаго населенія, то вѣдь для восточныхъ крестьянъ эти льготы и субсидіи давали еще больше выгодъ и облегченій; почему же здѣсь движеніе упало не только относительно, но и абсолютно?

До 90-хъ годовъ среди нечерноземныхъ переселенцевъ преоб-

ладали выходцы сѣверо-восточныхъ губерній, которымъ легко было перевалить за Уралъ, потому что они сами жили возлѣ Урала, также, какъ Самарскимъ крестьянамъ—передвинуться въ сосѣднія киргизскія степи. Природныя условія Сибири и степныхъ областей были весьма сходны съ тѣми, съ которыми они сжились на родинѣ; но за Ураломъ они находили большій земельный просторъ, чѣмъ у себя дома. И дома, съ точки зрѣнія центральнаго земледѣльца, имъ не должно быть тѣсно; но съ теченіемъ времени естественный приростъ населенія, приливъ новыхъ пришельцевъ съ запада, создавалъ если не абсолютное, то *относительное* малоземелье—ощущеніе начинающейся земельной тѣсноты. Это ощущеніе заставляло уходить на востокъ, тѣмъ болѣе, что и на прежней родинѣ многіе изъ уходившихъ еще не крѣпко осѣли. Не сидѣлось имъ зачастую и въ Сибири: процентъ обратныхъ переселенцевъ-выходцевъ изъ восточныхъ окраинъ былъ очень высокій. Происходилъ *обмѣнъ* населенія между сосѣдними европейскими и азіатскими областями. Съ теченіемъ времени близлежащіе удобные раіоны Сибири и степей заполнились пришлымъ людомъ, разница въ плотности населенія тутъ и тамъ сгладилась; переселеніе для этихъ «бродячихъ» элементовъ окраинной Руси—полуземледѣльцевъ, полуохотниковъ, а на югѣ скотоводовъ—потеряло значительную долю своей привлекательности, и сократилось на сѣверо-востокѣ съ 248 до 96 тыс., на юго-востокѣ со 102 до 86 тыс.

Въ черноземной полосѣ до XX вѣка выдавались по числу переселенцевъ центральныя и средневолжскія губерніи: въ это время онѣ переживали глубокій кризисъ экстенсивной трехпольной системы полеводства, сопровождавшійся экономическимъ оскудѣніемъ. Этотъ кризисъ заставилъ особенно остро почувствовать малоземелье и погналъ крестьянъ на сѣверъ—въ города, на югъ—въ батраки, на востокъ—за землей. Если бы переселеніе въ ту пору было обставлено такими же условіями, какъ теперь, если бы для крестьянъ были открыты уже тогда киргизскія степи, остававшіяся еще мало извѣстными и трудно доступными—переселеніе изъ земледѣльческаго центра достигло бы, вѣроятно, нѣсколькихъ милліоновъ. Но и при существовавшихъ тогда густыхъ, колючихъ загражденіяхъ переселенческое движеніе изъ этихъ раіоновъ, направленное почти исключительно въ одну западную Сибирь, доросло къ 1897 г. до почтенной цифры въ 600 тыс. Въ слѣдующія 15 лѣтъ оно, правда, увеличилось абсолютно до 737 тыс.; но характерно то, что изъ болѣе экстенсивнаго средняго Поволжья оно сократилось на цѣлыя 60 тысячъ, замѣтно повысившись изъ внутреннихъ центральныхъ губерній (на 180 тыс.).

Итакъ, основной причиной переселенія до конца 90-хъ годовъ мы считаемъ кризисъ экстенсивно-трехпольной системы полеводства въ черноземномъ центрѣ и ощущеніе наростающей земельной тѣсноты въ наиболѣе экстенсивныхъ, еще не вполнѣ осѣдлыхъ хозяйствахъ востока. Въ послѣдующую эпоху на первое мѣсто по переселенію выдвигается *западъ* Россіи, съ наибольшей густотой населенія и наиболѣе интенсивными системами земледѣлія. Выселеніе изъ Малороссіи (западной и восточной) поднялось за оба разсматриваемые періода съ 263 тыс. до 820 тыс., обогнавъ центръ почти на 100 тыс., а съ сѣверо-запада, главнымъ образомъ изъ литовско-бѣлорусскаго раіона—съ 58 тыс. до 423 тыс. Западъ далъ почти половину всѣхъ переселенцевъ въ минувшія 15 лѣтъ. Изъ экстенсивныхъ раіоновъ движеніе усилилось только въ Новороссіи (съ 49 тыс. до 311 тыс.), вошедшей съ 1900-хъ г.г. въ такую же полосу кризиса земледѣлія и неурожаевъ, какую переживалъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ земледѣльческій центръ.

Переселенцы послѣднихъ лѣтъ на три четверти принадлежатъ къ разряду «абсолютно» малоземельныхъ, а главныя залежи накопились именно на западѣ. Какъ только переселенческое вѣдомство распахнуло двери въ Азію—сотни тысячъ малоземельныхъ запада ринулись туда. Это стихійное движеніе является гораздо болѣе *цѣлесообразнымъ* съ точки зрѣнія развитія производительныхъ силъ въ народномъ хозяйствѣ Россіи, чѣмъ «обмѣнъ» населенія между европейскимъ востокомъ и азіатскимъ западомъ. Развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ требуетъ устраненія «абсолютнаго» малоземелья и связанной съ нимъ непродуктивной растраты труда и капитала, нищеты, невѣжества, вырожденія. Поэтому, уходъ абсолютно малоземельныхъ изъ густо населенныхъ, болѣе интенсивныхъ раіоновъ запада долженъ способствовать сельско-хозяйственному прогрессу въ большей мѣрѣ, чѣмъ разрѣженіе и безъ того сравнительно рѣдкаго населенія на востокѣ и, отчасти, въ центрѣ, поскольку этотъ уходъ касается не «абсолютно», а «относительно» малоземельнаго населенія.

Мы разсмотрѣли сейчасъ колебанія переселенческаго движенія *въ пространствѣ*; но они выражены, и при томъ еще болѣе рѣзко *во времени*. Среднее ежегодное число переселенцевъ (съ 1896 г.) составляло:

въ 1896—900 г.г. [1]	146 тыс.
1901—3-хъ г.г.	88
1906—10 г.г.	433
1911—12 г.г.	196

[1]) 1904-5 г.г.—годы войны, въ которые переселеніе было закрыто, выключены изъ подсчета.

Максимумъ переселенческой волны (въ 1908 г.)—665 тыс.,—былъ за эти періоды вдесятеро больше минимума—69 тыс. въ 1897 г. Два раза эта волна поднималась очень высоко—въ 1898-1900 г.г., и въ 1907-9 г.г. Причиной прерваннаго подъема г. Кирьяковъ [1]) считаетъ голодовки 1898-99 г.г. Но г. Ямзинъ, довольно внимательно изучившій взаимоотношенія между колебаніями урожайности и переселенческаго движенія, не могъ установить тѣсной хронологической связи между ними. Онъ указываетъ на то, что «неурожай задерживаетъ недостаткомъ оборотныхъ средствъ, урожай успокаиваетъ». Однако, авторъ не сдѣлалъ детальныхъ сопоставленій этихъ признаковъ по раіонамъ; если бы онъ потрудился надъ ними, ему вѣроятно, удалось бы обнаружить извѣстную причинную связь. Нагляднымъ доказательствомъ этой связи служитъ истекшій 1912-ый годъ, когда опять замѣтно усилилось переселеніе съ востока и средняго Поволжья, постигнутыхъ неурожаемъ въ 1911 г.

Въ первые годы XX вѣка переселенческое движеніе затихло: это былъ моментъ, когда крестьяне чутко ждали «слушного часа» и каждаго заѣзжаго человѣка осыпали вопросами — «не слышно ли чего въ другихъ мѣстахъ». Никому не хотѣлось переселяться, когда взоры всѣхъ жадно приковывались къ сосѣднимъ господскимъ имѣніямъ, гдѣ жирная, еще мало истощенная земля сулила богатые урожаи. Но вотъ прошла война, завершилось карательными экспедиціями аграрное движеніе. «Отчаяніе, вызванное крушеніемъ народныхъ надеждъ—по словамъ г. Шкапскаго—погнало въ Сибирь наиболѣе инертную массу крестьянъ». Тутъ мы видимъ уже вліяніе чисто психическихъ факторовъ.

Третьей причиной колебаній во времени являются «шатанія» правительственной переселенческой политики, хотя въ данномъ случаѣ болѣе значительную роль играютъ льготы, чѣмъ разнаго рода запреты и рогатки на пути переселенцевъ, вызывавшіе, обычно, только превращеніе легальныхъ переселенцевъ въ самовольцевъ.

Съ 1909 г. начинается третій періодъ паденія числа переселенцевъ, вызваннаго не только двумя высокими урожаями, но и сокращеніемъ удобнаго земельнаго фонда въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ. Однако, въ самой Европейской Россіи уже назрѣваютъ факторы, стимулирующіе переселеніе, и притомъ не только временные, какъ частичный неурожай 1911 г., но и гораздо болѣе постоянные. Это, во 1-хъ, *сокращеніе мобилизаціи владѣльческихъ земель*, начавшееся съ 1911 г. и, подъ вліяніемъ благопріятной коньюнктуры рыночныхъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, грозящее стать

1) См. „Очерки по исторіи переселенческаго движенія въ Сибирь“.

болѣе или менѣе длительнымъ явленіемъ. Крестьянскій банкъ почти ликвидировалъ свои запасы. Удѣльный фондъ истощенъ. Казенныя земли распроданы и сданы въ долгосрочную аренду. Словомъ, какъ говорится въ объяснительной запискѣ переселенческаго управленія къ смѣтѣ на 1913 г., «главнѣйшіе источники для расширенія площади крестьянской земли въ предѣлахъ Европейской Россіи уже исчерпаны». Во 2-хъ—*усиленіе мобилизаціи надѣльныхъ земель*. Въ статьѣ «Первые итоги великой реформы» [1]) мы указывали, что между количествомъ переселенцевъ и крестьянъ, укрѣпляющихъ «навѣчно» свои надѣлы, существуетъ довольно тѣсная зависимость, если сопоставить эти количества по отдѣльнымъ раіонамъ. Изъ «укрѣпленцевъ» многіе укрѣплялись, чтобы продать землю, а теперь почти всѣ переселенцы ликвидируютъ, передъ уходомъ, свои надѣлы. За послѣдніе годы увеличиваются кадры этихъ «самоликвидаторовъ»—начинаетъ рости и переселеніе. Вотъ ростъ переселенія за первые мѣсяцы трехъ послѣднихъ лѣтъ.

Съ 1 янв. по 7 мая	1911 г.	было переселенцевъ	102,4	тыс.,	ходоковъ	12,1 т.
» » »	1912 г.	» »	101,2	»	»	32,7 »
» » »	1913 г.	» »	116,2	»	»	55,9 »

Особенно растетъ ходаческое движеніе, а ходоки—естественные предвѣстники надвигающейся переселенческой волны.

Въ общемъ итогѣ, переселенческое движеніе, какъ и всякое народное движеніе—процессъ *стихійный*, сильно колеблющійся въ зависимости отъ случайныхъ экономическихъ, политическихъ и даже психическихъ факторовъ. И, тѣмъ не менѣе, въ основѣ его лежитъ одинъ главный факторъ—экономическая нужда. «Отъ хорошей жизни не полетишь»—и не поѣдешь за тридевять земель въ далекіе, незнакомые края. А такъ какъ у крестьянъ нужда связана съ недостаткомъ земельнаго обезпеченія, то совершенно правильно, и сами крестьяне, и почти всѣ изслѣдователи переселенческаго вопроса, основной причиной переселенія считаютъ *малоземелье*. «Домъ хлѣбомъ не накормитъ, жить въ немъ весело, да ѣсть въ немъ нечего», говорятъ переселенцы. Ихъ отвѣты на вопросы о причинахъ переселенія утомительно однообразны: «отъ безземелья», «жить не причемъ», «мало земли стало», «подъ деревнями больше мѣста было, чѣмъ подъ пашнями». А. А. Кауфманъ, изъ книги котораго мы заимствуемъ эти цитаты, настойчиво указываетъ, что понятіе о малоземельи у крестьянъ субъективно, что на малоземелье жалуются, какъ дарственники центральныхъ раіоновъ, съ

[1]) См. «Русское Богатство» 1911 г. № 10—11.

такимъ надѣломъ, на которомъ, какъ говорится, доброй собакѣ негдѣ повернуться, такъ и самарскіе уроженцы съ 8-ми десятиннымъ надѣломъ на душу. По его мнѣнію, все дѣло—*въ кризисѣ* существующихъ въ данномъ раіонѣ системъ полеводства, порождающемъ *относительное*, субъективное, такъ сказать, малоземелье. Но кризисъ кризисомъ, а всетаки, если вглядѣться въ цифры земельнаго обезпеченія переселяющихся, то приходится признать, что въ общей массѣ они малоземельны не только относительно, но и *абсолютно*. Въ 12-й книжкѣ «Вопросовъ колонизаціи» Н. Турчаниновъ опубликовалъ итоговыя данныя за 1896—1911 г.г., изъ которыхъ видно, что 510 тыс. переселившихся за это время крестьянскихъ семей оставили на родинѣ 1.860 тыс. десятинъ надѣльной земли — по 3,6 дес. въ среднемъ. Если даже въ Германіи недостаточно обезпеченными считаются, въ общемъ, хозяйства, имѣющія менѣе 5-ти гектаровъ, то у насъ 3½ десятины — это сума нищаго. Правда, изъ этихъ 510 тыс. 114 тыс. было вовсе безземельныхъ; но если выбросить ихъ, всетаки средняя цифра земельнаго обезпеченія выростетъ только до 4, 8 десятинъ.

Процентъ безземельныхъ и малоземельныхъ въ общей массѣ переселенцевъ возрастаетъ до послѣднихъ лѣтъ, когда, наряду съ паденіемъ движенія, наблюдается хотя не особенно значительный подъемъ земельнаго обезпеченія на родинѣ (съ 3, 3 дес. въ среднемъ на дворъ въ 1907 г. до 4, 4 дес. въ 1911 г.). Этотъ подъемъ, отмѣченный, собственно, только для 1911-го года, можетъ быть объясненъ нѣкоторымъ увеличеніемъ количества восточныхъ, болѣе обезпеченныхъ землей переселенцевъ; вообще же земельные надѣлы уходцевъ въ Сибирь по многочисленнымъ земскимъ изслѣдованіямъ систематически падаютъ.

Такимъ образомъ переселенческое движеніе до сихъ поръ выполняло довольно успѣшно возложенную на него задачу: оно поглощало часть избыточнаго малоземельнаго населенія оскудѣвшихъ центральныхъ, а за послѣднее время—и западныхъ раіоновъ черноземной земледѣльческой полосы. Но мы знаемъ, что эта часть была сравнительно мала. По мнѣнію г. Шкапскаго, а также и многихъ другихъ, «на общее положеніе аграрнаго вопроса переселеніе не оказываетъ никакого вліянія». Изучая измѣненіе въ среднихъ размѣрахъ надѣла по отдѣльнымъ губерніямъ за 20 лѣтъ, авторъ приходитъ къ выводу, что даже въ губерніяхъ наибольшаго выхода переселеніе нисколько не удержало паденія среднихъ величинъ крестьянскаго надѣла, т. е. дальнѣйшаго наростанія малоземелья. Авторъ основывался на данныхъ XIX вѣка, когда переселеніе было сравнительно невелико. Если же взять теперешнюю эпоху, то,

несомнѣнно, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ переселеніе захватило около половины и болѣе естественнаго прироста, его вліяніе не могло не сказаться, какъ въ видѣ задержки дальнѣйшаго наростанія избыточнаго населенія деревни, такъ и нѣкотораго облегченія отъ земельной нужды. Что это такъ, можно видѣть на примѣрѣ Полтавской губерніи, по которой недавно опубликованы суммарные итоги 3-ей подворной переписи 1910-го года. Приростъ сельскаго населенія, равнявшійся въ промежуткѣ съ 1880-хъ годовъ до 1900 г.—16,6%, упалъ въ періодъ 1900—1910 г.г. до 4,6 %; сильно измѣнилось также распредѣленіе хозяйствъ по остальнымъ губерніямъ.

Измѣненіе каждой посѣвной группы (+ или—):

	безпосѣвные	до 3 дес.	3—6 д.	6—9 д.	свыше 9 дес.
Между первою и второю переписями (одни непривилегированные).	—22,3	+51,2	—0,7	—16,1	—3,6
Между второю и третьею (всѣ сословія).	—11,0	—1,7	—4,9	+13,3	+30,3

Средніе размѣры посѣвной площади на одно хозяйство увеличились въ первый промежутокъ на 2,4 %, во второй—на 4,2%. Процентъ безпосѣвныхъ въ первый періодъ сократился больше, но тогда безпосѣвные уходили въ слѣдующую группу—малосѣющихъ, немногимъ отличающуюся по экономическому облику отъ безпосѣвныхъ. Во второй періодъ уходъ безземельныхъ и малоземельныхъ въ Азію далъ замѣтный толчокъ развитію средне-зажиточной группы съ посѣвомъ въ 6—9 дес., группы гораздо болѣе приспособленной къ с. хозяйственной эволюціи, чѣмъ первыя двѣ. До конца же XIX вѣка эта группа терпѣла большой ущербъ. Что касается до верхнихъ группъ, давшихъ еще большее повышеніе, то онѣ росли преимущественно за счетъ покупки земель у частныхъ владѣльцевъ. Мобилизація владѣльческихъ земель перебросила въ 1903—1909 г.г. къ «непривилегированнымъ» сословіямъ губерніи 112 тыс. дес.

Оставляемые переселенцами земельные надѣлы въ Полтавской губерніи переходятъ, по земско-статистическимъ даннымъ, главнымъ образомъ къ низшимъ и среднимъ слоямъ: въ 1909-мъ году къ хозяйствамъ, имѣющимъ менѣе 9 дес., перешло 65,6 %. Тоже самое наблюдается и въ Черниговской губерніи. Но этотъ типъ ликвидаціи оставленнаго переселенцами земельнаго фонда нельзя считать всеобщимъ. Въ Полтавской и Черниговской губ. земля продавалась преимущественно *враздробь*, по кусочкамъ, въ нѣсколько рукъ, такъ что число покупателей зачастую было больше, чѣмъ число продав-

цовъ. Въ Харьковской губ. въ 34—39 % случаевъ земля переселенцевъ продавалась въ *однѣ руки*, при чемъ среднее количество десятинъ, купленныхъ такимъ образомъ, равнялось 35. Въ этихъ случаяхъ происходитъ *концентрація* надѣловъ; земля попадаетъ въ руки деревенскихъ богатѣевъ, «хозяйственныхъ мужичковъ» и кулаковъ-спекулянтовъ. Много шансовъ за то, что теперь также идетъ дѣло по другимъ мѣстамъ. Продажа враздробь мелкимъ хозяевамъ требуетъ достаточнаго количества времени, чтобы подыскать покупателей и чтобы эти покупатели собрали нужныя деньги. Но, вслѣдствіе плохой организаціи освѣдомительнаго аппарата, переселенцы узнаютъ о свободныхъ участкахъ почти наканунѣ открытія кампаніи и 2/3 ихъ ликвидируютъ землю за три мѣсяца до отъѣзда. У кулаковъ есть наличныя деньги или хорошо организованный кредитъ; они во всякое время могутъ заворотить полу и отсчитать на ладонь переселенцу наличными. Какъ устоять передъ такимъ соблазномъ, хотя бы покупатель-бѣднякъ и предлагалъ большую плату? Въ такихъ условіяхъ единственный способъ уничтожить возможность скупки переселенческихъ надѣловъ богатѣями—*правительственный кредитъ*. Нѣкоторые писатели указываютъ, что за это дѣло должны взяться и кое-гдѣ поневолѣ берутся кредитныя коопераціи; но, по нашему мнѣнію, главное назначеніе кредитныхъ коопераціи—развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и каждый рубль, полученный оттуда, долженъ реализоваться въ крестьянскомъ хозяйствѣ такъ, чтобы онъ способствовалъ этому развитію. Пусть идетъ онъ на покупку крестьянами скота, орудій, сѣмянъ, удобренія, на организацію сбыта. Всѣ-же расходы, сопряженные съ куплей-продажей земель, мы считаемъ непроизводительными для крестьянскаго хозяйства. При томъ, они слишкомъ велики для нашихъ молодыхъ народныхъ организацій кредита, которыя бы могли удѣлять сотни тысячъ, рѣдко милліоны, тамъ, гдѣ требуются десятки милліоновъ. Правительство является главнымъ виновникомъ созданія и развитія этихъ непроизводительныхъ тратъ изъ народнаго кармана; оно и должно само окупить свою вину.

Съ проведеніемъ въ жизнь закона 9-го ноября продажа переселенцами надѣльныхъ земель растетъ въ геометрической прогрессіи. До этого закона надѣлы обычно передавались въ общество, а общество отдавало ихъ крестьянамъ, недостаточно обезпеченнымъ землей. Создавалось болѣе или менѣе раціональное распредѣленіе между нуждающимися въ землѣ освобождаемаго переселеніями земельнаго фонда. Теперь этотъ фондъ идетъ мимо общества. Такъ, въ Харьковской губ., въ 1904 г. 72% переселенцевъ передали надѣлы въ общество, и только 4% продали землю; въ 1910 г., на-

оборотъ, продало землю 83%, а въ общество передали только 1,3% По всей Россіи за 1907—11 гг. продали «навѣчно» свои надѣлы 64% переселенцевъ; остальные, главнымъ образомъ, сдали ихъ въ аренду—вообще ликвидировали такъ или иначе, безъ передачи въ общество. Крестьяне, продавшіе надѣлы, выручили по 373 р. на семью, оставившіе право собственности за собой—только по 113 р. Этимъ и объясняется стремленіе малоземельныхъ переселенцевъ воспользоваться закономъ 9-го ноября. «Чтобы добраться въ Сибирь и завести тамъ новое хозяйство, — говорятъ черниговскіе изслѣдователи,—нужны значительныя денежныя средства. Богатый переселенецъ можетъ имѣть такія средства въ видѣ сбереженій, или можетъ ихъ получить отъ продажи построекъ, живого и мертваго инвентаря [1]). У бѣднаго переселенца никакихъ сбереженій, конечно, не водится: отъ продажи построекъ, живого и мертваго инвентаря выручить много онъ не можетъ. Поэтому ему и приходится для увеличенія средствъ на переселеніе, окончательно разставаться съ имѣющейся на родинѣ землей, продавать ее» [2]).

Итакъ, малоземельные крестьяне, отправляясь въ Азію, порываютъ теперь всякія связи со своей прежней родиной. Рискъ огромный, но неизбѣжный, потому что безъ продажи надѣловъ они не могли бы двинуться съ мѣста. А избѣжать этого риска, приводящаго, въ случаѣ неудачнаго переселенія, къ созданію разоренныхъ до тла, озлобленныхъ нищихъ, голодныхъ людей, которымъ часто нѣтъ другого исхода, кромѣ мірского подаянія или воровства и разбоя—можно было бы посредствомъ выдачи ссудъ подъ залогъ надѣловъ, но не *покупателямъ переселенческихъ земель*, какъ это дѣлается сейчасъ, и то въ микроскопической дозѣ, а *самимъ переселенцамъ*. Выдача ссудъ должна производиться при посредствѣ ем скихъ и общественныхъ кредитныхъ организацій, близко стоящихъ къ крестьянамъ, знакомыхъ съ мѣстными условіями.

Теперь, когда, какъ увидимъ дальше, переселеніе становится все болѣе труднымъ и рискованнымъ дѣломъ, когда, съ другой стороны, сокращеніе мобилизуемаго владѣльческаго фонда въ Европейской Россіи усиливаетъ тягу малоземельныхъ на Востокъ—необходимость въ такой ссудной операціи съ каждымъ годомъ будетъ назрѣвать все сильнѣе.

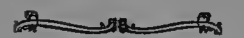
Естественный ходъ переселенческаго движенія способствовалъ, до сихъ поръ, сокращенію избыточнаго малоземельнаго населенія

1) Поэтому многоземельные переселенцы гораздо рѣже продаютъ надѣлы, чѣмъ малоземельные.

2) «Переселеніе въ Сибирь изъ Черниговской губ. въ 1906—8 гг.», стр. 26.

въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ это движеніе было особенно сильнымъ и въ которыхъ *«абсолютное»* малоземелье чувствовалось особенно остро. Съ этой стороны нельзя отрицать положительнаго значенія переселенія хотя бы для нѣкоторыхъ мѣстностей Европейской Россіи. Но вотъ вопросъ: нашли ли эти полмилліона безземельныхъ и малоземельныхъ хозяйствъ въ Азіатской Россіи то, чего они искали?

Н. Огановскій.

ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКІЙ КОНФЛИКТЪ.

Осью общественной жизни въ русской Польшѣ является, въ настоящую минуту, вопросъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ. Бойкотъ евреевъ въ Польшѣ составляетъ одно изъ проявленій антисемитизма, охватившаго въ теченіе послѣднихъ лѣтъ широкіе слои польскаго общества. Но почему антисемитизмъ принялъ столь крупные размѣры, получилъ столь острый характеръ въ странѣ, гдѣ евреи до сихъ поръ не подвергались насиліямъ, гдѣ мѣстное польское населеніе само страдаетъ подъ игомъ политическаго и національнаго гнета?

Причиной развитія антисемитизма многіе считаютъ постановку на очередь вопроса о введеніи въ Польшѣ городского самоуправленія и возникшій на этой почвѣ конфликтъ между поляками и евреями. Но de facto это обстоятельство не создало антисемитизма; оно лишь послужило толчкомъ, благодаря которому онъ развернулся во всей полнотѣ.

Антисемитизмъ развивался въ нѣдрахъ польскаго общества въ теченіе многихъ лѣтъ. Тамъ, какъ и на западѣ Европы, онъ является естественнымъ этапомъ общественнаго развитія страны; но въ настоящее время онъ принялъ иной характеръ, чѣмъ раньше. Еще лѣтъ двадцать тому назадъ его источникомъ былъ конфликтъ между элементами польскимъ и еврейскимъ въ области исключительно экономическихъ отношеній; такимъ антисемитизмъ былъ и остался до сихъ поръ и въ другихъ странахъ. Но современный польско-еврейскій конфликтъ—это конфликтъ двухъ націй, изъ которыхъ каждая обладаетъ собственной культурой.

Монгольское нашествіе и затѣмъ завоеваніе турками Константинополя преградили торговый путь, проходившій черезъ Польшу и соединявшій Западную Европу съ Востокомъ. Это нанесло сильный ударъ развитію въ Польшѣ торговли и промышленности, вслѣдствіе чего земледѣліе стало основой ея экономическаго быта. Впослѣдствіи захватъ польскимъ дворянствомъ обширныхъ плодородныхъ малорусскихъ земель еще болѣе усилилъ значеніе земледѣлія. Полякамъ въ теченіе столѣтій были чужды другія отрасли хозяйственной дѣятельности.

Въ XIV-мъ вѣкѣ польскіе короли пригласили евреевъ и нѣмцевъ для содѣйствія экономическому развитію страны. И они успѣшно выполнили эту задачу. Пока въ Польшѣ преобладало натуральное хозяйство, торговля и промышленность находились главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ. Въ развитіи капиталистическаго производства еврейскій капиталъ сыгралъ здѣсь колоссальную роль.

Матеріальная культура Польши, обусловившая пышное развитіе польской духовной культуры, было результатомъ совмѣстной дѣятельности польскаго, еврейскаго, нѣмецкаго населенія. Экономическое развитіе страны, въ частности—вызванный имъ притокъ деревенскаго населенія въ города,—дало толчекъ, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, быстрому усиленію буржуазіи польскаго происхожденія. Этотъ классъ сталъ постояннымъ и главнымъ источникомъ развитія антисемитизма—постояннымъ и главнымъ, но не единственнымъ, такъ какъ общественно-экономическія отношенія Польши очень сложны. Количество евреевъ въ Польшѣ постоянно увеличивалось. Черта еврейской осѣдлости, преслѣдованія евреевъ въ имперіи, массовое ихъ выселеніе въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, еврейскіе погромы, происходившіе въ западныхъ губерніяхъ—все это значительно увеличило число евреевъ на территоріи Царства Польскаго и создало почву для борьбы на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Евреи-пришельцы изъ имперіи, извѣстные подъ общимъ названіемъ «литваковъ» внесли сильное оживленіе въ страну; ея экономическое развитіе дѣлаетъ особенно крупные успѣхи именно начиная съ 90-хъ годовъ. «Литваки»-капиталисты обладали обширными и прочными связями съ русскими и восточными рынками, на которыхъ сбывается больше половины производимыхъ въ Польшѣ товаровъ; торговые ихъ агенты прекрасно знакомы съ условіями этихъ рынковъ. Молодая польская буржуазія столкнулась съ новыми, опасными конкурентами. Въ области экономическихъ отношеній началась ожесточенная борьба: 1) между польской буржуазіей, еще не окрѣпшей экономически, и крупными капиталистами, по преимуществу евреями; 2) между капита-

листами-старожилами—евреями, нѣмцами, поляками—съ одной стороны и «литваками» съ другой; 3) между польской мелкой буржуазіей и еврейской; 4) между землевладѣльцами поляками и финансистами евреями. Эта борьба осложнилась развитіемъ классового рабочаго движенія. Рабочіе евреи, въ особенности «литваки», сыграли въ немъ значительную роль, чѣмъ возстановили противъ себя зажиточную часть населенія.

Въ Царствѣ Польскомъ евреи до конца XIX столѣтія находились въ области духовной жизни подъ сильнымъ вліяніемъ богатой польской культуры. Еврейская буржуазія и интеллигенція поголовно полонизировались, рабочая и вообще народная масса, побуждаемая повседневными интересами, кое какъ механически воспринимала польскій языкъ, пользуясь въ домашнемъ обиходѣ такъ называемымъ «жаргономъ». Въ Литвѣ дѣло обстояло иначе. Тамъ не еврейское населеніе очень разнородно. Общій уровень культуры литовцевъ, поляковъ и особенно бѣлорусовъ до конца XIX ст. былъ гораздо ниже, чѣмъ въ Польшѣ. Поэтому еврейскія буржуазія и интеллигенція подверглись здѣсь лишь вліянію русской культуры, носительницей которой была главнымъ образомъ бюрократія. Процессъ этого вліянія былъ очень медленный, его успѣхи слабы: евреи въ гораздо большей степени, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, сохранили свою индивидуальность; этому способствовало и то обстоятельство, что въ городахъ Западнаго края они живутъ въ большемъ количествѣ и болѣе сплоченно, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ.

Когда въ Литвѣ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, стала развиваться торговля и промышленность, еврейскія народныя массы, вовлеченныя въ водоворотъ общественно-экономическихъ отношеній, проснулись къ духовной жизни, и эта жизнь приняла форму еврейской національной культуры. Психологическія ея предпосылки развивались вѣками. Но древне-еврейскій языкъ былъ постепенно вытѣсненъ нео-еврейскимъ—такъ наз. «жаргономъ»,—оставшись лишь достояніемъ незначительнаго круга лицъ. Нео-еврейскій языкъ развивался и обогащался по мѣрѣ развитія духовной жизни еврейскихъ народныхъ массъ. И вотъ нео-еврейская культура стала постепенно распространяться изъ Литвы на Царство Польское; «литваки», пользовавшіеся тамъ раньше русскимъ языкомъ и этимъ оскорблявшіе національныя чувства поляковъ, теперь явились наиболѣе дѣятельными ея піонерами. Мы отнюдь не предрѣшаемъ вопроса о долговѣчности этой культуры; но въ настоящее время ея наличность для всѣхъ очевидна и констатируется, между прочимъ, самими антисемитами. Нео-еврейская культура съ каждымъ годомъ становится богаче. Развиваются еврейская періодическая печать, научная и популярная,

изящная литература, театръ, музыка. Выходящая въ Варшавѣ газета «Haint» насчитываетъ около 90.000 подписчиковъ. Въ области изящной литературы на ряду съ общеизвѣстными писателями— Шоломомъ-Алейхемомъ, Шоломомъ Ашемъ, Перецомъ, Пинскимъ,— выдаются молодыя силы: Вейсенбергъ, Номбергъ, Онейхи, Шнеуръ и др. Появляются научные труды, какъ напр. Житловскаго «Исторія философіи». Существуетъ уже богатая переводная литература самаго разнороднаго содержанія; переведены многія произведенія Дарвина, Маркса, Лассаля, Каутскаго, Гауптмана, Диккенса, Л. Толстого, Горькаго, Оржешко.

Дѣятельность евреевъ въ Польшѣ уже не ограничивается сферой экономическихъ отношеній. На ряду съ польской націей на ея территоріи появляется еврейская, во всеоружіи собственной духовной культуры. Конкуренція съ польскимъ элементомъ происходитъ не только на почвѣ торговли и промышленности, но и въ области умственнаго труда. Для польскаго общества это было неожиданно. Оно въ теченіе многихъ лѣтъ было убѣждено, что евреи должны полонизироваться, стать «поляками моисеева закона». Въ послѣднее время оно замѣтило, что духовное развитіе евреевъ пошло по другому пути. Такъ создалась почва для развитія въ Польшѣ современнаго антисемитизма. Въ этомъ отношеніи сыграло немалую роль и развитіе политическаго сознанія въ широкихъ массахъ польскаго населенія.

Первыя проявленія антисемитизма въ Польшѣ относятся къ 80-мъ годамъ XIX столѣтія. Тогда стала развиваться буржуазія польскаго происхожденія; тогда же благодаря дѣятельности Ежа-Милковскаго, Я. Поплавскаго, Романа Дмовскаго возникла тайная организація «Польская лига», переименованная въ 1897 г. въ «Національ-демократическую партію» (т. н. Н.-Д.). Она представляетъ средніе слои польскаго общества (польскую буржуазію, классъ среднихъ землевладѣльцевъ, часть интеллигенціи) и поставила себѣ задачей отстаиваніе польской культуры, подавляемой бюрократіею, а также борьбу съ соціалистами за вліяніе на народныя массы. Въ изданіяхъ этой партіи ведется антисемитская пропаганда; ея членами организуются христіанскія лавки, въ противовѣсъ еврейскимъ. Въ программѣ Н.-Д., принятой на съѣздѣ 1903 г., мы находимъ формулировку ея отношенія къ еврейскому вопросу. Евреи дѣлятся на три категоріи. Съ тѣми изъ нихъ, которые «вносятъ въ Польшу русскую культуру», Н.-Д. считаетъ необходимой непримиримую борьбу во всѣхъ сферахъ общественной жизни; съ тѣми,

которые усвоили польскую культуру, но относятся индиферентно къ стремленіямъ польскаго общества—борьбу на почвѣ экономическихъ отношеній; тѣхъ же евреевъ, которые поддерживаютъ стремленія поляковъ «даже тогда, когда это можетъ повредить интересамъ еврейства какъ таковаго», она не прочь признать полноправными гражданами страны.

Кампанію противъ антисемитизма тогда же начали соціалисты, а также «прогрессисты», съ А. Свентоховскимъ во главѣ. Но въ теченіе послѣднихъ лѣтъ «прогрессисты» рѣзко измѣняютъ свои отношенія къ евреямъ. Начиная съ 1907 г., наступаетъ въ Польшѣ тяжелый періодъ реакціи. Выдвигается на очередь вопросъ о введеніи въ Польшѣ городского самоуправленія. Между тѣмъ евреи составляютъ относительное большинство населенія въ 74 изъ 116 городовъ Польши; въ нѣкоторыхъ городахъ ихъ число доходитъ до 80%. Особенно значительный процентъ падаетъ на евреевъ богатыхъ. Въ виду этого среди буржуазіи польскаго происхожденія появилось опасеніе, что въ большинствѣ городовъ органы самоуправленія могутъ оказаться въ рукахъ евреевъ. Начинается борьба съ ними по всей линіи, какъ съ враждебной націей. Въ ней находитъ себѣ исходъ національзмъ, накопившійся въ польскомъ обществѣ подъ давленіемъ русской реакціи.

Антисемитизмъ, раньше господствовавшій только среди польской буржуазіи и среднихъ слоевъ землевладѣльцевъ, охватилъ часть капиталистовъ и представителей умственнаго труда, какъ поляковъ, такъ и полонизированныхъ евреевъ. Подъ его знаменемъ очутились, на ряду съ Н.-Д., отдѣлившаяся отъ нея группа,—т. н. «Фронда», часть партіи Реальной Политики, «прогрессистовъ» и даже соціалистовъ. Одинъ изъ основателей антиклерикальнаго теченія поэтъ А. Нѣмоевскій, выставилъ логунгъ: «долой евреевъ изъ среды польскаго прогресса» и этимъ положилъ начало «прогрессивному антисемитизму». Несторъ польскаго либерализма, А. Свентоховскій, а за нимъ большинство «прогрессистовъ», группирующихся вокругъ еженедѣльника «Prawda», заявили: «польская земля—достояніе поляковъ; мы не допустимъ ея раздѣла между двумя націями». Раньше никому неизвѣстный студентъ еврей Седецкій выдвинулъ лозунгъ: «долой евреевъ изъ-подъ знамени польскаго соціализма!» Революціонная фракція польской соціалистической партіи предоставила въ его распоряженіе свой органъ «Piredsvit» и издала его статьи особой книжкой, озаглавленной «Socyal-litwactwo».

Исходной точкой антисемитизма этого періода служитъ раздѣленіе населенія Польши на «хозяевъ» страны — поляковъ — и «гостей»—евреевъ. Наплывъ евреевъ—это, по мнѣнію антисемитовъ,

четвертый раздѣлъ Польши. Они составляютъ элементъ чуждый польскому народу, и потому не могутъ считаться полноправными гражданами страны. Средствами къ разрѣшенію въ Польшѣ еврейскаго вопроса антисемиты считаютъ: уничтоженіе черты еврейской осѣдлости въ имперіи и прямое или косвенное ограниченіе правъ евреевъ.

Не всѣ, однако, одинаково проводятъ дѣленіе на «хозяевъ» и «гостей». Н.-Д. причисляютъ къ послѣднимъ всѣхъ евреевъ, и «литваковъ», и полонизированныхъ. Эта партія считаетъ необходимымъ обезопасить органы польскаго городского самоуправленія отъ майоризаціи ихъ евреями и требуетъ ограниченія ихъ избирательныхъ правъ. Партія Реальной Политики и «прогрессисты», насчитывающіе въ своихъ рядахъ много полонизированныхъ евреевъ, признаютъ эту часть еврейскаго населенія полноправной, «гостями» же считаютъ лишь «литваковъ». Представители этихъ партій находятъ нецѣлесообразнымъ прямое ограниченіе правъ евреевъ. Видный публицистъ партіи Реальной Политики, Л. Страшевичъ, высказываетъ въ газетѣ «Slowo» мысль, что представители угнетеннаго народа не должны требовать ограниченія чьихъ-либо правъ, ибо этимъ они создаютъ опасный прецедентъ, который враги народа могутъ использовать противъ него самого. И обѣ партіи требуютъ, чтобы въ основу избирательнаго права былъ положенъ принципъ дѣленія на національныя куріи.

Съ критикой антисемитизма выступили соціалъ-демократическая партія Царства Польскаго и Литвы и Лѣвица Польской Соціалъ-демократической партіи. Антисемитизмъ не проникъ въ ряды крестьянскихъ кружковъ имени С. Сташица и той части прогрессистовъ, которую представляетъ «Nowa Gazeta», но и не вызвалъ въ этой средѣ столь рѣшительнаго осужденія, какъ у соціалистовъ—приверженцевъ двухъ отмѣченныхъ выше партій.

Наступили выборы въ четвертую Госуд. Думу. Во время избирательной кампаніи только С.-Д. Ц. П. и Л. и Лѣвица П. П. С. опредѣленно высказались за равноправіе евреевъ. Это заставило еврейскій избирательный комитетъ поддержать въ Варшавѣ соціалистовъ, вслѣдствіе чего вмѣсто представителя Н.-Д. въ Думу прошелъ рабочій-соціалистъ Е. Ягелло.

Н.-Д. убѣдились, что даже положеніе 3 іюня 1907 г. не въ состояніи обезпечить имъ торжества въ борьбѣ съ демократіей и евреями—и прибѣгли къ рѣшительной мѣрѣ: провозгласили бойкотъ евреевъ. Къ его организаціи, кромѣ Н.-Д. и представляемыхъ этой партіей общественныхъ силъ, приступили теперь всѣ антисемитскіе элементы Польши: большинство «прогрессистовъ», часть

Партіи Реальной Политики, отдѣльныя группы и лица изъ такъ назыв. «Фронды», элементы отдѣлившіеся отъ Н.-Д. вслѣдствіе ихъ оппортунизма, а также часть приверженцевъ револ. фракціи П. П. С. За бойкотъ высказались Союзъ равноправія женщинъ и недавній краковскій съѣздъ польскихъ женщинъ изъ всѣхъ трехъ частей бывшей Польши.

Большинство рабочаго населенія и значительная часть крестьянъ не приняли участія въ бойкотѣ а тѣсно связанныя съ рабочей средой партіи С.-Д. Ц. П. и Л. и Лѣвица П. П. С. повели въ своихъ изданіяхъ энергичную кампанію противъ бойкота. Противъ него выступила также значительная часть полонизированныхъ евреевъ, представляемая «Nowa Gaseta» группа »прогрессистовъ» и крестьянскіе кружки имени Сташица. Въ февралѣ высказалась оффиціально противъ бойкота револ. фракція П. П. С., считая нецѣлесообразнымъ разжиганіе вражды между евреями и поляками, ослабляющей польское общество въ его борьбѣ за національное освобожденіе.

Организаторы бойкота, по ихъ заявленіямъ, имѣютъ цѣлью созданіе сильнаго класса буржуазіи польскаго происхожденія и обезпеченіе за нимъ гегемоніи въ городахъ, путемъ «разрушенія монополіи евреевъ въ области торговли и промышленности».

Бойкотъ ведется разными путями: онъ пропагандируется, проводится собственными усиліями бойкотистовъ въ разныхъ областяхъ общественной жизни, проявляется въ организаціи польскихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, въ обращеніи за содѣйствіемъ къ властямъ. Партія Н.-Д. для руководства бойкотомъ издаетъ спеціальную газету «Dwa grosze» (копѣйка); дѣлу бойкота служатъ также «Kuryer Warszawski», «Gazeta Warszawska», «прогрессивная» «Prawda», «Wieczory Rodzinne» (журналъ для дѣтей), большая часть провинціальной печати, вся католическая печать. Въ декабрѣ въ одной лишь Варшавѣ занялось организаціей бойкота 800 спеціально для этой цѣли возникшихъ кружковъ; къ дѣлу были привлечены даже дѣти. Тысячи агентовъ пропагандировали его на улицахъ, вокзалахъ, театрахъ, ресторанахъ, кофейняхъ; ксендзы проповѣдывали его въ костелахъ; многія лица слѣдили за еврейскими лавками, убѣждая публику не покупать тамъ; если убѣжденія не дѣйствовали, упорствовавшимъ привѣшивали сзади записки съ разными ругательствами.

Бойкотируются не только еврейскія лавки и мастерскія, но и адвокаты, врачи, квартиронаниматели, учителя, ученики, конторщики, рабочіе еврейскаго происхожденія. Банки отказываютъ евреямъ въ кредитѣ. Были случаи отказа врачей отъ пользованія больныхъ

евреевъ. Живописецъ Пеньковскій выступилъ съ предложеніемъ удаленія произведеній евреевъ-художниковъ изъ музеевъ и художественныхъ выставокъ. Открываются польскія лавки и оптовые склады товаровъ. Наиболѣе крупнымъ предпріятіемъ въ этой области является складъ товаровъ текстильнаго производства—«Wlðkno»—съ 600.000 р. основнаго капитала. Основывается Варшавско-Польскій Банкъ. Открывается «Общество для развитія промышленности, ремеслъ и торговли» и становится руководящимъ органомъ бойкота во всемъ краѣ. На ряду съ задачей содѣйствія развитію среди христіанскаго населенія промышленности, ремеслъ, торговли, общество это имѣетъ въ виду также широкую пропаганду христіанскихъ предпріятій. Его Главное Правленіе находится въ Варшавѣ, окружныя правленія—въ Домбровскомъ районѣ, въ Петроковѣ, Плоцкѣ, Цѣхановѣ, Сѣдлецѣ, Сувалкахъ, Ченстоховѣ, Кѣльцахъ, Лодзи, Люблинѣ, Радомѣ, Калишѣ, Ломжѣ, Замостьѣ, Влоцлавскѣ.

На путь обращенія къ правительству первымъ вступило Варшавское Общество Взаимнаго Кредита, просившее министерство финансовъ о сокращеніи числа евреевъ въ правленіи общества. На гминныхъ сходахъ сплошь и рядомъ принимаются резолюціи съ требованіемъ удаленія евреевъ изъ предѣловъ деревень на основаніи закона 1890 г.

Бойкотъ евреевъ поляками вызвалъ бойкотъ ими поляковъ, который, однако, не принялъ широкихъ размѣровъ, вѣроятно потому, что они, вслѣдствіе прочной и безъ того своей позиціи въ экономической жизни страны, не нуждаются такъ сильно, какъ поляки, въ мѣрахъ такого рода.

Результаты бойкота—крайне печальны. По даннымъ доклада варшавскаго генералъ-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, въ одной лишь Варшавѣ разорены 30 еврейскихъ среднихъ и мелкихъ предпріятій. Въ провинціи положеніе еще хуже. Но бойкотъ вредитъ не только еврейскимъ предпріятіямъ: сокращается дѣятельность и польскихъ фирмъ. Отъ бойкота страдаютъ и крупные капиталисты, такъ какъ многія русскія и иностранныя фирмы, вслѣдствіе замѣшательства, произведеннаго въ экономической жизни Польши, прекращаютъ свои сдѣлки съ нею.

Особенно гибельны нравственныя послѣдствія бойкота, какъ въ польской, такъ отчасти и въ еврейской средѣ. Въ массахъ польскаго населенія развивается фанатизмъ, въ еврейскомъ населеніи—уныніе, стремленіе къ обособленности. Во всей странѣ сильно тормозится развитіе политическаго сознанія. На улицахъ Варшавы и другихъ городовъ чуть не каждый день происходятъ нападенія на

евреевъ. На дняхъ сторожъ варшавской синагоги Чертковичъ скончался отъ побоевъ, нанесенныхъ ему напавшими на него на улицѣ тремя поляками. Печальная судьба постигла пріѣхавшаго въ Варшаву по дѣламъ Слодовицкаго раввина. Къ нему внезапно подбѣжала какая-то полька и оборвала ему пейсу; когда старикъ остолбенѣлъ отъ боли и ужаса, отрѣзала ему другую пейсу ножницами. По этому поводу между евреями и христіанами началась драка, во время которой были ранены двое евреевъ. Легенда о ритуальныхъ убійствахъ, раньше не вызывавшая никакого интереса среди поляковъ, теперь стала популярной и по временамъ является причиной столкновеній поляковъ съ евреями. Одно изъ этихъ столкновеній окончилось въ м. Парчевѣ погромомъ.

Иллюстраціей того, какъ вредно фанатизмъ отражается на политическомъ сознаніи польскаго общества, является позиція польскаго кола въ Думѣ во время дебатовъ о городскомъ самоуправленіи. Въ союзѣ съ націоналистами оно поддержало законъ о городскомъ самоуправленіи, т. е. ограниченіе правъ еврейскаго населенія. А между тѣмъ законъ этотъ не только не удовлетворяетъ запросовъ польской общественной жизни, но прямо игнорируетъ поляковъ, какъ націю. Высокій избирательный цензъ открываетъ доступъ въ органы самоуправленія лишь незначительной части народа. Передача этихъ органовъ въ распоряженіе русской администраціи противорѣчитъ самому принципу самоуправленія. Ограниченіе правъ польскаго языка не только идетъ въ разрѣзъ съ естественною, насущною потребностью населенія, но и оскорбляетъ его національныя чувства. И представители кола не скрываютъ того, что они всегда предпочли бы этотъ законъ такому, который, гарантировавъ права польскаго языка, расширилъ бы сферу участія евреевъ въ самоуправленіи. Солидарное выступленіе по этому вопросу всей думской оппозиціи — одно изъ отраднѣйшихъ явленій политической жизни Россіи—вызвало въ значительной части польскаго общества бурю негодованія.

Крайне опаснымъ является то обстоятельство, что бойкотъ способствуетъ усиленію антисемитизма за предѣлами Царства Польскаго. Въ послѣднее время въ Литвѣ католическое духовенство, пользующееся тамъ сильнымъ вліяніемъ на народныя массы, энергично выступило съ пропагандой бойкота евреевъ. Во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ администрація принялась за выселеніе евреевъ изъ деревень на основаніи закона 1890 г.

Пропаганда бойкота началась и въ Познани. Въ Галиціи замѣчается обостреніе отношеній между польскимъ и еврейскимъ населеніемъ.

Каковъ же выходъ изъ столь печальнаго положенія?

Польско-еврейскій конфликтъ составляетъ лишь одинъ изъ этаповъ въ развитіи общественныхъ отношеній въ Польшѣ. Если онъ и удовлетворяетъ, въ данный моментъ, односторонне понятымъ интересамъ буржуазіи польскаго происхожденія, то отнюдь не отвѣчаетъ истиннымъ интересамъ страны.

Бойкотъ евреевъ противорѣчитъ тенденціямъ существующаго нынѣ экономическаго строя. Онъ носитъ на себѣ отпечатокъ закончившейся эпохи; надъ нимъ витаетъ духъ средневѣковья. Это проявляется въ самой исходной точкѣ разсужденій его сторонниковъ—въ дѣленіи населенія на «хозяевъ» и «гостей». Польша—страна капиталистическаго производства. Роль евреевъ въ его развитіи, какъ и вообще въ развитіи страны съ самыхъ давнихъ временъ, доставила имъ почетное мѣсто среди «хозяевъ». Капитализмъ сплелъ польское и еврейское населеніе неразрывными узами экономическихъ интересовъ. Въ акціонерныхъ компаніяхъ преобладаетъ еврейскій капиталъ. Оптовые склады товаровъ, не смотря на всю дѣятельность бойкотистовъ, находятся почти исключительно въ рукахъ евреевъ. Евреи — самые опытные организаторы торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Польскія фирмы находятся въ зависимости отъ евреевъ потребителей, и обратно. Все это—крайне неблагопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія бойкота. Притомъ бойкотъ порождаетъ такой сильный спросъ на капиталъ, котораго не въ состояніи удовлетворить собственными силами сторонники бойкота. Наконецъ, онъ нарушаетъ спокойный ходъ общественной жизни, необходимый для успѣшнаго экономическаго развитія страны.

И въ настоящее время все учащаются факты отступленія отъ бойкота. Они особенно часты среди крупныхъ предпринимателей. Иногда тотъ или иной фабрикантъ или торговецъ долго колеблется, прежде чѣмъ сдѣлать рѣшительный шагъ. Нѣкоторые ведутъ двойную игру, съ одной стороны поддерживая бойкотистскія предпріятія, съ другой—высказываясь передъ еврейскими потребителями или финансистами противъ бойкота. Иногда раскаявшійся бойкотистъ даетъ пожертвованія на еврейскія благотворительныя учрежденія. Собственникъ извѣстнаго пивовареннаго завода Коршъ въ теченіе долгаго времени скрывалъ передъ потребителями свои сношенія съ организаторами бойкота. Очень характеренъ фактъ отношенія къ бойкоту собственниковъ дачныхъ квартиръ подъ Варшавой. Въ газетѣ «Dwa Grasze» появилось сообщеніе, что они не будутъ отдавать квартиръ въ наемъ евреямъ. Между тѣмъ домовладѣльцы дачныхъ мѣстностей заявили, что они въ настоящемъ году, какъ и всегда,

предоставляютъ квартиры всѣмъ дачникамъ, независимо отъ ихъ происхожденія.

Не только бойкотъ, но и вообще конфликтъ двухъ націй, живущихъ на одной территоріи въ однородныхъ условіяхъ развитія, въ его нынѣшней формѣ не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія трезвой политической мысли. Несомнѣнно, антисемитизмъ сохранится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать современный экономическій строй. Но, по мѣрѣ развитія политическаго сознанія въ польскихъ народныхъ массахъ, онъ потеряетъ свой острый характеръ, станетъ явленіемъ хроническимъ, постепенно ослабѣвающимъ. Польское общество неминуемо придетъ къ заключенію, что борьба съ евреями путемъ бойкота и тому подобныхъ средствъ нецѣлесообразна и что установленіе modus vivendi между двумя націями является неотложной задачей. Различіе между націями можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, пойти на убыль, но ассимиляція—процессъ крайне длительный: онъ всегда замедляется политикой ограниченій и стѣсненій, порождающихъ стремленіе къ обособленности. Только путемъ обезпеченія еврейскому народу полной свободы развитія его матеріальныхъ и духовныхъ силъ создадутся условія, при которыхъ еврейская культура или пышно расцвѣтетъ, или умретъ естественной смертью.

Примиреніе польскаго общества съ еврейскимъ диктуется не только нецѣлесообразностью борьбы, но и необходимостью совмѣстной дѣятельности, направленной на защиту правъ обѣихъ націй. Выступленія «истинно-русскихъ» политиковъ по холмскому и другимъ вопросамъ, мотивировавшихъ свои не отвѣчающія интересамъ польскаго народа предложенія отношеніемъ польскаго кола къ евреямъ, лишній разъ подтверждаютъ правильность приведеннаго нами выше взгляда г. Страшевича. Современное положеніе царства польскаго заставляетъ желать очень многаго. Общественная самодѣятельность въ немъ крайне стѣснена. И экономическое, и культурное его развитіе властно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ объ его автономіи. Несостоятельность законопроекта о городскомъ самоуправленіи очевидна. Вопросы о земскомъ самоуправленіи, о реформахъ школьной и податной нуждаются въ возможно скоромъ разрѣшеніи. Но проведеніе всѣхъ этихъ мѣропріятій немыслимо безъ радикальныхъ реформъ въ государственномъ строѣ Россіи. Бюрократія прекрасно понимаетъ, что польско-еврейскій конфликтъ затемняетъ политическое сознаніе и тормозитъ процессъ ликвидаціи стараго порядка. Но и она не можетъ не признать бойкотъ незаконнымъ и вреднымъ. Отсюда неопредѣленность ея позиціи въ данномъ случаѣ. Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ варшавскій

генералъ-губернаторъ запросилъ губернаторовъ объ ихъ отношеніи къ бойкоту, многіе изъ нихъ отмѣтили, какъ положительную его сторону, то обстоятельство, что онъ отвлекаетъ поляковъ и евреевъ отъ борьбы за политическія и національныя права. Власти, правда, запрещаютъ ксендзамъ вести въ костелахъ пропаганду бойкота, но мѣстная администрація ревниво выполняетъ постановленія гминныхъ сходовъ о выселеніи евреевъ на основаніи закона 1890 г., хотя этотъ законъ не распространяется на царство польское. Слѣдствія по дѣламъ, касающимся бойкота, не смотря на распоряженіе прокурора варшавской судебной палаты, ведутся крайне вяло. Утвержденъ уставъ «Общества развитія торговли, промышленности и ремеслъ», хотя и дѣятельность его организаторовъ, и содержаніе устава указываютъ на то, что одною изъ важнѣйшихъ его задачъ является руководство бойкотомъ. Конечно, открытіе всякаго общества—явленіе отрадное; но извѣстно, что тѣ же власти усиленно преслѣдуютъ мирныя, культурно-образовательныя польскія общества, профессіональные союзы и даже кооперативы. Борьба за гражданскія, политическія и національныя права можетъ быть ведена успѣшно только совмѣстными усиліями польскихъ и еврейскихъ народныхъ массъ, въ рядахъ всероссійскаго освободительнаго движенія. Евреи въ Польшѣ горячо поддерживали польское общество въ его политическихъ выступленіяхъ. Въ 1905 г. они отстаивали автономію Польши.

Сама жизнь требуетъ прекращенія междоусобной борьбы между поляками и евреями. Она указываетъ и ту платформу, на почвѣ которой должно состояться объединеніе. Въ основу этой платформы должно быть положено право на національное самоопредѣленіе. Она должно быть направлена къ демократизаціи государственнаго строя, къ автономіи Польши, полноправію евреевъ, упраздненію черты еврейской осѣдлости. И въ разныхъ сферахъ польскаго общества, какъ видно изъ всего выше сказаннаго, развиваются тенденціи благопріятствующія сближенію двухъ націй на почвѣ ихъ политическихъ интересовъ. Начинающееся оживленіе въ польской рабочей средѣ несомнѣнно будетъ способствовать ускоренію этого движенія. Въ данный моментъ положеніе дѣлъ въ Польшѣ весьма печально, и для его улучшенія нужны громадныя усилія сознательныхъ общественныхъ элементовъ.

Польско-еврейскій конфликтъ — явленіе вредное съ точки зрѣнія интересовъ не только населенія Польши, но и всѣхъ гражданъ Россіи. Польша тѣсно связана съ остальной Россіей узами торгово-промышленныхъ отношеній. Нарушеніе правильнаго теченія общественной жизни въ царствѣ польскомъ вредно отражается

на экономическихъ интересахъ всего государства. Бойкотъ является водой на мельницѣ «истинно-русскаго» антисемитизма. Между тѣмъ, антисемитизмъ уже отразился отрицательно на русской торговлѣ и промышленности. Онъ осужденъ такими учрежденіями, какъ биржевые комитеты, торгово-промышленныя товарищества, съѣзды горнопромышленниковъ, собраніе ярмарочнаго купечества, общество фабрикантовъ и заводчиковъ Московскаго района.

Польско-еврейскій конфликтъ, являясь порожденіемъ и однимъ изъ оплотовъ всероссійской реакціи, относится къ фактамъ, тормозящимъ дѣло преобразованія государственнаго строя Россіи. Борьба съ этимъ зломъ составляетъ, по нашему мнѣнію, задачу всего прогрессивнаго русскаго общества.

К. Залѣвскій.

СОЦІОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ БЕЗСМЕРТІЯ.

Какія условія сдѣлали возможнымъ, къ срединѣ XIX вѣка, основаніе особой отрасли отвлеченнаго знанія, соціологіи, а къ началу XX-го столѣтія позволили новорожденной наукѣ формулировать какую-то свою «теорію безсмертія»?

Условія эти сводятся къ иному пониманію процесса происхожденія идей, глубоко отличному отъ воззрѣній, господствовавшихъ на этотъ предметъ въ древнемъ мірѣ, въ средніе вѣка и даже въ XVII столѣтіи. Только у руководящихъ умовъ XVIII вѣка болѣе или менѣе смутно слагается новое объясненіе генезиса высшей духовной жизни человѣка.

Вопросъ ставится такъ: возникновеніе и образованіе въ нашемъ умѣ отвлеченныхъ понятій есть ли явленіе біо-индивидуальное, или уже общественное? Пока царилъ первый взглядъ, аналитическая или отвлеченная наука объ обществѣ была немыслима, и всякое общественное знаніе должно было оставаться конкретнымъ, описательнымъ и глубоко эмпирическимъ.

Въ чемъ же заключалось указанное коренное различіе? Древнее пониманіе ярко выразилось въ извѣстномъ греческомъ миѳѣ о происхожденіи Минервы, богини разума и мудрости. Таинственно, молніеносно, самопроизвольно зарождаются въ отдѣльномъ умѣ идеи, въ особенности геніальныя. Къ реальности подобнаго «наи-

тія» впервые скептически отнеслись лучшіе мыслители XVIII вѣка: Монтескье, Вико, физіократы, Тюрго, Кондорсэ, Дидро, Кантъ, Гердеръ [1]). Подъ вліяніемъ сочиненій этихъ писателей, а также пережитаго опыта, событій, подтверждавшихъ счастливыя догадки отдѣльныхъ мыслителей (французская революція и т. п.), въ XIX вѣкѣ быстро развилось и укрѣпилось объясненіе процесса образованія идей, діаметрально противоположное прежнему.

Наши идеи, и великія, и малыя—продуктъ не одного, и не многихъ даже, а всѣхъ безъ исключенія умовъ, результатъ длительной совмѣстной работы не только современниковъ, но безконечнаго ряда поколѣній, не только одного общества, но всѣхъ соприкасающихся во времени и пространствѣ человѣческихъ союзовъ. Мертвые продолжаютъ жить въ живыхъ не одною плотью, но и духомъ, во всемъ умственномъ складѣ нашемъ, въ нашихъ знаніяхъ, въ нашемъ міропониманіи, въ нашемъ искусствѣ. Но если общія понятія являются продуктомъ коллективнаго опыта всѣхъ членовъ общественнаго союза, все болѣе и болѣе расширяющагося, принимающаго международные размѣры, то и все, что зависитъ отъ идей—и на первомъ планѣ практическая наша дѣятельность и поведеніе,—точно также обусловливаются дѣятельностью и поведеніемъ всѣхъ другихъ людей, въ народномъ и даже международномъ смыслѣ. Это всегда такъ было, но это не сознавалось, отвергалось; предполагалось противное. И результатомъ были обычныя послѣдствія ошибки или незнанія: увеличеніе суммы ненужныхъ страданій.

Справедливость защищаемаго здѣсь тезиса подтверждается множествомъ фактовъ. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на государственную или правительственную дѣятельность, наиболѣе бросающуюся въ глаза. Въ условіяхъ этой дѣятельности нынѣ участвуютъ и ярко выступаютъ факторы, которые прежде игнорировались и вліянію которыхъ ставились всякія препятствія. До сихъ поръ, правда, эмпирики, неправильно выдающіе себя за теоретиковъ государственнаго права, еще громко исповѣдаютъ ученіе, въ силу котораго внутренняя политика каждой страны должна быть абсолютно независима отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ воздѣйствій. Но это уже, въ большинствѣ случаевъ, голосъ, вопіющій въ пустынѣ. Ни одно правительство не можетъ достойно сыграть своей роли и справиться съ своими внутренними задачами, если

---

[1]) Но не Вольтеръ, оставшійся вѣрнымъ старому ученію, и еще менѣе Руссо, поклонникъ безграничнаго индивидуализма, духовный предокъ всѣхъ нынѣшнихъ упростителей и упразднителей культуры.

оно не пользуется извѣстной степенью международнаго довѣрія и сочувствія, которыя, притомъ, раздаются не главами чужихъ государствъ и ихъ министрами, а новой силой, ярко воплощающей въ себѣ психическое взаимодѣйствіе, духовную зависимость людей другъ отъ друга: общественнымъ мнѣніемъ.

На новомъ пониманіи генезиса идей какъ процесса по существу своему коллективнаго или общественнаго,—пониманіи, которое придало невѣдомую дотолѣ силу такъ называемому общественному мнѣнію,—всецѣло основана и соціологическая «теорія безсмертія», о которой мы хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Вопросъ о «безсмертіи» обыкновенно причисляется нынѣ къ разряду задачъ «неразрѣшимыхъ». Но въ такомъ взглядѣ нельзя не видѣть пережитка теологическаго и метафизическаго фазисовъ развитія или, вѣрнѣе, ихъ безпочвенной гносеологіи, слывущей подъ названіемъ агностицизма и обнаруживающей коренную неспособность понять, что для точнаго знанія нѣтъ задачъ недоступныхъ, а есть только вопросы дурно поставленные, научно не спеціализированные (прямо, напримѣръ, ставшіе предметомъ религіознаго или философскаго размышленія) и потому кажущіеся намъ неразрѣшимыми положительно или отрицательно, черезъ да или нѣтъ.

Вопросъ о «безсмертіи духа» есть вопросъ чисто соціологическій въ своей отвлеченной формѣ, а въ конкретной—психологическій. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ его исторія. Онъ цѣлыя тысячелѣтія не давалъ покоя человѣчеству. Онъ возникъ на зарѣ культуры, обусловилъ возникновеніе и развитіе всѣхъ религій и главныхъ теченій философской мысли и такимъ образомъ опредѣлилъ собою всю исторію человѣчества въ ея общихъ чертахъ. Но онъ и до сихъ поръ, съ какимъ бы напускнымъ индифферентизмомъ мы къ нему ни относились, тревожитъ умъ, щемитъ сердце, уязвляетъ волю. Какъ бы мы ни старались загнать его въ темную область «подсознательнаго», онъ оттуда стережетъ насъ, застигая часто врасплохъ и такъ или иначе вліяетъ на весь нашъ умственный складъ и на всю нашу дѣятельность. И человѣчество не успокоится, пока не рѣшитъ его, отрицательно или положительно, но уже на почвѣ спеціальнаго знанія, къ которому онъ, очевидно, принадлежитъ—въ предѣлахъ соціологіи.

Еще Шатобріанъ на своемъ великолѣпномъ языкѣ писалъ, что религія зародилась на могилахъ, и могилы не могутъ обойтись безъ религіи. Повсюду, дѣйствительно, могилы предшествовали храмамъ, и храмы созидались на мѣстахъ гробницъ. Sepulchra, ara и templa были когда-то синонимами, считались одинаково священными и давали живымъ людямъ одинаковое право убѣжища. Было-бы не-

простительною ошибкою думать, что идея безсмертія принесена въ міръ христіанствомъ. Она пышно цвѣла уже въ древнѣйшихъ цивилизаціяхъ крайняго Востока (культъ предковъ въ Китаѣ и Японіи), Персіи, Индіи и Египта, а также въ унаслѣдованной нами грекоримской культурѣ, которая выставила слѣдующія три, во всякомъ случаѣ не лишенныя величія вѣрованія: 1) смерть возвышаетъ человѣка, даетъ ему обликъ и подобіе божества; 2) похоронныя почести, воздаваемыя умершимъ, суть только публичное подтвержденіе его новой, божественной природы; 3) чрезъ фактъ погребенія, почва, принявшая прахъ, становится священною и, наравнѣ съ храмомъ боговъ, пользуется правомъ убѣжища. Умершіе назывались *Мапа*, *Мапиапа*, *dii lari* (боги домашняго очага), и праздникъ ихъ, *Laralia*, справлялся въ майскія иды, когда воскресала вся природа. Именемъ ихъ клялись на судѣ, они считались вѣчными свидѣтелями истины; для умилостивленія ихъ нарушители правды приносили, чрезъ особыхъ жрецовъ, жертвы четырехъ родовъ; обыкновенныя, чрезвычайныя, публичныя и частныя.

Но ни эти взгляды, ни вытѣснившія ихъ и заставившія позабыть о нихъ христіанскія воззрѣнія не разрѣшали проблемы безсмертія, главнымъ образомъ, или даже исключительно вслѣдствіе того, что они оставались на степени вѣрованій и не поднимались на степень знаній. Проблема не спеціализировалась въ той или другой научной области (долгое время—за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ не эмпирическихъ, а отвлеченно обоснованныхъ знаній) и, неправильно или фантастически поставленная, прямо переносилась въ религію или въ метафизику, гдѣ ее неминуемо ожидало противорѣчивое, но одинаково непровѣряемое, висящее въ воздухѣ рѣшеніе, смотря по тому, исходило ли оно отъ убѣжденнаго матеріалиста или отъ убѣжденнаго идеалиста.

Впервые проблема эта была научно спеціализирована біологами и притомъ, конечно, въ сравнительно недавнее время, въ XVIII и особенно въ XIX-мъ столѣтіи, когда научно обосновалась сама біологія. Біологическое рѣшеніе занимающей насъ задачи извѣстно всякому образованному человѣку; и большинство людей этой категоріи до сихъ поръ покорно имъ довольствуется.

Но оно глубоко невѣрно и, по меньшей мѣрѣ, глубоко одностороннe. Біологъ вторгается тутъ въ чуждую, невѣдомую ему область и трактуетъ соціологическіе факты какъ простую разновидность біологическихъ явленій. Всѣ «психологическіе» процессы онъ сплеча зачисляетъ въ разрядъ «психофизическихъ», и исторію обращаетъ въ антропологію, въ простую главу общей зоологіи. Ошибка эта, совершаемая не одними біологами, но и множествомъ соціологовъ,

цѣлыми школами ихъ, носитъ у нео-позитивистовъ, которые одни до сихъ поръ даютъ ей рѣзкій отпоръ, названіе «біологизма въ соціологіи».

Совершенно правильно и научно смотритъ біологъ на тѣлесную смерть, какъ на фактъ чисто физіологическій, какъ на обратное превращеніе, безъ всякаго остатка, жизненнаго вида міровой энергіи въ ея видъ физико-химическій. Въ его глазахъ «біологическій индивидъ» и «личность» одно и то же, и для него идея «индивидуальнаго» или «личнаго» безсмертія—явная нелѣпость. Онъ допускаетъ условно-неопредѣленную продолжительность и въ этомъ смыслѣ «относительное» безсмертіе лишь зоологическаго вида.

Совсѣмъ иначе смотритъ на вопросъ соціологъ, не страдающій дефектомъ научнаго зрѣнія, который называется біологизмомъ (и который можно сравнить отчасти съ близорукостью, отчасти съ страбизмомъ или косоглазіемъ). Въ конкретной личности онъ видитъ и тщательно различаетъ два элемента, двѣ составныя доли: 1) біологическій индивидъ, организацію, разрушаемую физіологическимъ процессомъ смерти, и 2) общественную группу, которая еще въ большей степени, чѣмъ простая біологическая группа (зоологическій видъ), т. е. *a fortiori* одарена и пользуется относительнымъ безсмертіемъ (условно-неопредѣленной продолжительностью существованія, разрушаемаго, напримѣръ, лишь извѣстнаго рода космическими или историческими катастрофами).

Общественная группа, сливающаяся съ каждой конкретной личностью, и составляетъ то, что соціалоги нео-позитивной школы называютъ «духомъ» или «разумомъ» (въ отличіе отъ животныхъ «души» или «ума»). И вотъ этотъ-то «духъ» или «разумъ», по ученію нео-позитивистовъ, относительно безсмертенъ. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ сложнаго сочетанія, изъ комплекса идей, чувствъ и волеизъявленій безконечнаго множества поколѣній, воспринятаго не однимъ умирающимъ въ данный моментъ біологическимъ индивидомъ, а цѣлыми массами индивидовъ, продолжающими жить; изъ комплекса, дальнѣйшее существованіе котораго твердо обезпечено, сверхъ того, еще и своевременной передачей его слѣдующимъ, болѣе молодымъ поколѣніямъ (чрезъ традицію, воспитаніе, обученіе). Онъ состоитъ, далѣе, изъ опыта и духовныхъ пріобрѣтеній современниковъ, которыя при нихъ и остаются, сколько бы ихъ въ извѣстное время ни выбыло изъ строя, и которыя этими современниками также передаются въ полной мѣрѣ своему потомству. Онъ состоитъ, наконецъ, изъ «духовнаго вклада» въ общую сокровищницу культуры самой физіологически—и только физіологически—исчезающей личности, вклада, который, за рѣдкими исключеніями (геніальные люди), представляетъ

крайне ничтожную, почти микроскопическую долю и наиболѣе неустойчивый элементъ того, что въ каждой отдѣльной личности можетъ, въ строго научной, спеціально соціологической терминологіи, носить названіе относительно (какъ все, что познается наукою) безсмертнаго духа.

Вотъ, въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ, та теорія безсмертія, которую нео-позитивная школа защищаетъ и противъ богослововъ, и противъ метафизиковъ, и противъ біологовъ, одинаково несвѣдущихъ и плохо разбирающихся въ фактахъ, вопросахъ и задачахъ не эмпирической, а отвлеченной соціологіи.

Въ заключеніе, сдѣлаемъ два краткихъ замѣчанія.

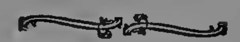
Что «духовная» личность есть нѣчто групповое, родовое, коллективное, а не индивидуальное въ біологическомъ смыслѣ,—на этой новой, неизвѣстной прежнимъ культурамъ истинѣ зиждется не только указанная выше теорія безсмертія: на ней основана, какъ мы сказали въ началѣ, и вся соціологія, которая въ противномъ случаѣ должна была бы обратиться въ простой придатокъ къ біологіи. Но на ней же построенъ и соціализмъ, который, безъ этой точки исхода, былъ бы непростительною нелѣпостью (глубокая черта, сближающая его съ соціологіей). Дѣйствительно, еслибъ духовная личность, источникъ и корень всякой культуры, была бы не группою, обнимающей чуть ли не все человѣчество, а біологической единицей въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. подчиненной исключительно великимъ біологическимъ законамъ борьбы за существованіе и безпощадной конкуренціи, то какою же капитальною глупостью являлся бы соціализмъ, стремящійся уничтожить эту борьбу и это соревнованіе, и притомъ возмутительной глупостью, ибо своими тщетными усиліями подорвать «естественный порядокъ» онъ только причинялъ бы людямъ огромныя и ненужныя страданія? На эту точку зрѣнія—біологическую, но отнюдь не соціологическую,—въ сущности, и становятся, явно или тайно, всѣ противники соціализма въ лагерѣ естествовѣдовъ и самихъ соціологовъ.

На той же истинѣ покоятся и всѣ завоеванія современной культуры въ области болѣе интенсивной (сравнительно съ прежними уровнями цивилизаціи) общественности. Нѣсколько частныхъ и конкретныхъ примѣровъ объяснятъ нашу мысль. Никто теперь не оспариваетъ того, что работа ученаго, философа, художника, наконецъ изобрѣтателя и техника является продуктомъ народнаго (вѣрнѣе — даже международнаго или всечеловѣческаго) генія. Всякій изъ нихъ—наслѣдникъ и представитель коллективнаго опыта, знанія и разума; а потому послѣ физіологической смерти каждаго изъ нихъ

(чрезъ 20, 30 или 50 лѣтъ,—это, въ сущности, не важно и безразлично), трудъ его, какъ бы онъ не былъ цѣненъ, становится безъ остатка, въ правовомъ сознанiи современныхъ обществъ, достоянiемъ всего народа (а на практикѣ—и всего человѣчества). И та же эволюцiя правовыхъ идей и нормъ на нашихъ глазахъ происходитъ и въ области матерiальныхъ цѣнностей. Послѣднiя все болѣе и болѣе признаются продуктами коллективнаго труда и въ извѣстной, постоянно растущей степени переходятъ *de facto* и *de jure*, по закону, въ общее пользованiе—напримѣръ, въ формѣ прогрессивнаго налога, огромныхъ пошлинъ съ наслѣдства, рабочихъ пенсiй и страхованiя, широкой общественной благотворительности, завѣщанiй американскаго типа на общеполезныя дѣла и т. п. Все это оставалось неизвѣстнымъ и античному мiру, и среднимъ вѣкамъ.

Съ другой стороны, прежнее пониманiе генезиса высшихъ духовныхъ явленiй останавливалось предъ конкретнымъ психологическимъ фактомъ, не разлагая его, и потому послѣднiй представлялся ему непонятнымъ, таинственнымъ. И вотъ это повсюду встрѣчавшееся и неодолимое «неизвѣстное» съ теченiемъ времени кристализовалось въ «непознаваемое». Новое пониманiе происхожденiя идей, напротивъ того, глубоко аналитично; оно разлагаетъ сложныя психологическiя явленiя на ихъ составныя части, доходя до конечныхъ ихъ элементовъ и не позволяя «неизвѣстному» осаждаться, такъ сказать, въ видѣ «непознаваемаго». А идея «непознаваемаго», которая есть не что иное, какъ переводъ на языкъ современной метафизики древней идеи «непостижимаго» божества, сыграла, несомнѣнно, и продолжаетъ играть огромную роль въ историческихъ судьбахъ человѣчества.

Евгенiй де-Роберти.

ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ.

— *Henry Barby*. La guerre des Balkans. Les victoires serbes. Préface de M. Emile Haumant. Парижъ, 1913.

Образовалась уже цѣлая литература по поводу балканскихъ событiй, и въ этой литературѣ все сильнѣе и рѣзче выступаетъ элементъ полемическiй, связанный съ печальною сербо-болгарскою распрею. Отчеты и разсказы газетныхъ корреспондентовъ, даже при

полной ихъ добросовѣстности, не могутъ претендовать на безпристрастіе; авторы сообщаютъ только тѣ свѣдѣнія, которыя имъ доступны съ разрѣшенія мѣстной военной власти, и неизбѣжно даютъ фактамъ то освѣщеніе, какое соотвѣтствуетъ желаніямъ и настроенію арміи, при которой они состоятъ. Сербія имѣетъ, вообще, гораздо лучшую, т. е. болѣе благопріятную для нея прессу въ Европѣ, чѣмъ Болгарія, потому что сербскій главный штабъ относился къ иностраннымъ журналистамъ болѣе внимательно и сочувственно, чѣмъ суровые болгарскіе начальники; послѣдніе вовсе не пускали корреспондентовъ въ районъ военныхъ дѣйствій и держали ихъ въ тылу, на почтительномъ разстояніи, подъ строгимъ наблюденіемъ и контролемъ.

Корреспондентъ парижской газеты «Le Journal», Анри Барби, былъ принятъ сербскими офицерами очень любезно, по товарищески, и легко получилъ возможность присоединиться къ движеніямъ сербскихъ войскъ; но когда онъ пожелалъ присутствовать при осадѣ Адріанополя, онъ долженъ былъ скрываться отъ болгаръ въ сербскомъ отрядѣ, гдѣ ему помогли зачислиться добровольцемъ на службу въ сербскую артиллерію для избавленія отъ болгарскихъ придирокъ. Въ началѣ февраля генералъ Ивановъ все-таки узналъ, что вопреки его категорическому запрещенію французскій корреспондентъ находится при арміи подъ Адріанополемъ, и тотчасъ сдѣлано было распоряженіе разыскать его и доставить его подъ конвоемъ въ городъ Мустафа-паша. Чтобы избѣгнуть отвѣтственности не только для себя, но и для своихъ сербскихъ друзей, предпріимчивый французъ воспользовался любезностью сербскаго доктора, который принялъ его въ свой санитарный поѣздъ подъ видомъ раненаго и провезъ его, такимъ образомъ, благополучно черезъ всѣ военныя станціи Болгаріи до Бѣлграда. Удивительно ли послѣ этого, что иностранные корреспонденты склонны отдавать свои симпатіи сербамъ, а не болгарамъ?

Въ частности, французы имѣли еще особый поводъ интересоваться военными успѣхами Сербіи: почти вся сербская артиллерія—французскаго происхожденія, тогда какъ турки были большею частью снабжены орудіями нѣмецкихъ фирмъ. Болгарія въ этомъ отношеніи значительно отстала отъ Сербіи и вовсе не имѣла хорошей артиллеріи современнаго, усовершенствованнаго типа; она должна была, поэтому, обратиться къ помощи сербовъ, когда понадобились тяжелыя осадныя орудія для успѣшной бомбардировки Адріанополя,—точно такъ-же какъ и взятіе Скутари не обошлось безъ рѣшающаго участія сербской артиллеріи. На глазахъ всего свѣта происходило какъ будто наглядное испытаніе сравнительныхъ достоинствъ издѣлій заводовъ Круппа и Крезо-Шнейдера. Превосходство оказалось повсюду на сторонѣ французскихъ издѣлій: тяжелые германскіе сна-

ряды часто совсѣмъ не разрывались, а глубоко уходили въ землю, тогда какъ «честныя» французскія бомбы добросовѣстно исполняли свое назначеніе. Сербскія побѣды были въ этомъ смыслѣ и французскими побѣдами, тѣмъ болѣе, что многіе изъ высшихъ сербскихъ офицеровъ получили свое военное образованіе во Франціи.

Письма и замѣтки Анри Барби о балканской войнѣ отличаются отъ другихъ газетныхъ корреспонденцій, во-первыхъ, обиліемъ фактическихъ подробностей и описаній, основанныхъ на непосредственныхъ личныхъ наблюденіяхъ, и во-вторыхъ, большею объективностью тона, отсутствіемъ полемики и всякихъ отвлеченныхъ разсужденій. Авторъ съ самаго момента своего прибытія въ сербскую армію находился въ ея рядахъ и присутствовалъ при ея военныхъ дѣйствіяхъ не только какъ свидѣтель, но и отчасти какъ участникъ; онъ краснорѣчиво изображаетъ ея подвиги, но не скрываетъ тѣхъ ужасовъ войны, которые ему пришлось видѣть вблизи. Онъ съ восторгомъ отзывается о сербскихъ войскахъ и приводитъ такіе же отзывы встрѣченныхъ имъ французскихъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ, въ Ускюбѣ, говорилъ ему съ энтузіазмомъ: «это уже не молодая, а великая армія!»

Никто не умѣетъ такъ писать о войнѣ, какъ французы. Въ двухдневной битвѣ при Кумановѣ, 23-24 (10-11-го) октября, сербы, по словамъ Барби, совершали чудеса храбрости, отражая отчаянныя атаки турецкихъ полчищъ: седьмой полкъ былъ на половину истребленъ, и во главѣ остатковъ его кинулся противъ непріятеля майоръ Войславъ Николаевичъ; «съ зіяющею раною въ боку онъ былъ впереди своихъ солдатъ; двѣ пули попали ему въ правое плечо, взрывъ бомбы раздробилъ ему плечевую кость. Яростный бой все усиливается; турецкая батарея взята, и ея растерявшіеся защитники убиты при своихъ орудіяхъ. Получивъ двѣ новыя раны, майоръ Николаевичъ падаетъ со сломанною ногою, но его жертва была не напрасна: непріятель обратился въ бѣгство по всему фронту». Пять мѣсяцевъ спустя, какъ удостовѣряетъ авторъ, майоръ Николаевичъ вышелъ совершенно здоровымъ изъ бѣлградскаго госпиталя. Зіяющая рана въ боку, поврежденіе плеча, двѣ новыя раны, разбитая нога,—все это было ни по чемъ для майора Николаевича. Не граничитъ ли это съ чудеснымъ? А въ результатѣ «турецкій натискъ окончательно былъ сломленъ, цѣлый армейскій корпусъ разбитъ двумя сербскими полками». При видѣ сербской кавалеріи турками овладѣла паника; имъ показалось, что это русскіе казаки, о которыхъ сохранились у нихъ воспоминанія со времени войны 1877 — 78 гг. Турки бѣжали безъ оглядки, не останавливаясь даже на самыхъ благопріятныхъ позиціяхъ; вслѣдъ за войсками

уходили жители-мусульмане, съ своими семействами и пожитками, спасаясь отъ ожидаемой расправы побѣдителей. Покинутыя ими села горѣли; толпы раненыхъ безпомощно двигались по дорогѣ; многіе отставали и падали въ грязи; голодныя собаки и вороны спорили между собою о добычѣ. Сербскіе солдаты помогали, чѣмъ могли, встрѣчавшимся по пути бѣглецамъ; при вступленіи третьей арміи въ Ускюбъ можно было въ ея средѣ насчитать до восьмисотъ дѣтей, маленькихъ турокъ или албанцевъ, жалостливо подобранныхъ сербами и примостившихся около нихъ на лошадяхъ, или на солдатскихъ спинахъ и мѣшкахъ. Барби видѣлъ эту трогательную картину, и нѣтъ основанія не вѣрить ему. Онъ осматривалъ поле битвы при Кумановѣ и находилъ массу окоченѣлыхъ труповъ въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ застала смерть; мертвыя лошади попадались почти на каждомъ шагу въ долинѣ и по холмамъ, на протяженіи двѣнадцати километровъ. Въ жалкихъ крестьянскихъ избахъ лежали распростертыя тѣла людей, зарѣзанныхъ при уходѣ албанцами. Фанатики-мусульмане, албанскіе арнауты не знаютъ пощады при расправѣ съ христіанами. «Вотъ старая мать съ распоротымъ животомъ; тамъ молодая женщина съ вырванною грудью, а немного далѣе—молодой человѣкъ, почти мальчикъ, съ разбитымъ черепомъ; возлѣ него лежитъ старикъ съ красной отъ крови бородой. Въ одномъ домѣ мы находимъ двѣнадцать человѣческихъ тѣлъ, изуродованныхъ ужасающими пытками; трупы лежатъ цѣлой кучею; стѣны и даже потолокъ густо обрызганы кровью. Въ другомъ мѣстѣ предъ трупомъ мальчика связаны вмѣстѣ его мертвые родители съ выраженіемъ ужаса на лицахъ»... Авторъ не пожелалъ продолжать свой осмотръ: и видѣннаго было для него слишкомъ достаточно. Эти страшныя сцены не имѣютъ, конечно, прямой связи съ обычными явленіями и послѣдствіями войны; но насильственная смерть есть неминуемая принадлежность военныхъ дѣйствій, и она кладетъ свой мрачный отпечатокъ на все, связанное такъ или иначе съ войною. Звѣрскіе инстинкты невольно прорываются наружу при обращеніи къ грубой физической силѣ, воплощаемой бомбами, ружьями и штыками.

Анри Барби забываетъ свои собственныя описанія реальныхъ ужасовъ войны, когда говоритъ о военныхъ подвигахъ и побѣдахъ. Турки сдали Ускюбъ безъ сопротивленія, подъ вліяніемъ паническаго страха, вызваннаго неожиданно быстрымъ напоромъ побѣдителей; губернаторъ Галибъ-бей искалъ спасенія въ русскомъ консульствѣ. Однако турецкая армія еще существовала, и она дала себя знать сербамъ подъ Прилѣпомъ и при Битолѣ-Монастырѣ. Въ кровопролитномъ сраженіи въ окрестностяхъ Прилѣпа, въ на-

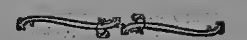
чалѣ ноября, сербы, по свидѣтельству Барби, дѣйствовали какъ истинные герои. «Маленькій сербскій солдатъ, со сломанными ногами, которыя придется ампутировать, разсказывалъ мнѣ,—говоритъ авторъ,—какъ его пѣхотный полкъ три раза бросался въ аттаку подъ убійственнымъ огнемъ, и только при четвертомъ штурмѣ оставшіеся въ живыхъ солдаты завладѣли наконецъ турецкою позиціею, при чемъ не было уже у нихъ ни одного офицера: всѣ были убиты или ранены». Его сосѣдъ по госпиталю былъ раненъ въ грудь въ то время, когда онъ съ нѣсколькими десятками героевъ, подъ градомъ турецкихъ пуль, успѣлъ втащить пушку Шнейдера-Крезо на вершину горы въ полторы тысячи метровъ; «мы шли впередъ какъ въ туманѣ—пояснилъ другой солдатъ,—турки забрасывали насъ картечью, мы падали и всетаки шли впередъ». Около Монастыря (Битоля) было наводненіе, вслѣдствіе разлива рѣки Черной. «Сербскіе солдаты, въ полномъ одѣяніи, при холодномъ вѣтрѣ, подъ пулями и картечью, вошли въ воду, держась за руки, чтобы устоять при сильномъ теченіи, и погружаясь всякій разъ, когда надъ ихъ головами разрывался снарядъ. Раненые погибали даже при незначительныхъ поврежденіяхъ; они тонули». Турецкій генералъ Джавидъ-паша, видя сербскій отрядъ въ водѣ, воскликнулъ будто бы: «Но это вѣдь не люди, а утки!» Съ неимовѣрными трудностями, цѣною гибели значительной части своего состава, сербскій полкъ перешелъ черезъ рѣку; «промокшіе и прозябшіе солдаты и офицеры тотчасъ же бросились въ штыки и взяли непріятельскую батарею, которая ихъ обстрѣливала». Въ битвѣ подъ Битолемъ сербы поражали турокъ своими смѣлыми и настойчивыми нападеніями; они взбирались на горы по узкимъ тропинкамъ, ставили тамъ митральезы, оттѣсняли непріятеля съ одной позиціи на другую и послѣ отчаянныхъ и долгихъ усилій доходили до самаго верху, гдѣ падали отъ усталости на землю и засыпали. Въ траншеяхъ, по колѣно въ холодной и грязной водѣ, сербы машинально стрѣляли, не чувствуя ни голода, ни утомленія. Пять дней и четыре ночи продолжались эти ужасные бои около Облаковскихъ высотъ. И въ концѣ концовъ сербы побѣдили. Въ Монастырѣ, какъ и въ Ускюбѣ, жизнь мало-по-малу вступила въ свои права. Къ удивленію мѣстныхъ мусульманъ, имъ предоставлено было свободно собираться и молиться въ своихъ мечетяхъ по случаю праздника байрама; они легко примирились съ мыслью, что турки потеряли власть, ибо «такъ написано въ книгѣ судебъ». Жители занялись своими обычными дѣлами; турецкіе врачи, взятые въ плѣнъ, могли оставаться въ санитарныхъ отрядахъ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и сербы, и они были поражены, когда въ первый разъ получили въ срокъ назначенное имъ жалованье,

чего не случалось съ ними въ теченіе многихъ мѣсяцевъ при турецкой администраціи. Послѣ этого среди турецкихъ врачей, даже изъ другихъ областей имперіи, явилось немало охотниковъ поступить на сербскую службу. Своими культурными пріемами управленія Сербія одержала надъ турками болѣе прочную побѣду, чѣмъ силою оружія.

Вѣра въ нравственное превосходство сербскаго режима отразилась и на ходѣ военныхъ операцій. Турецкіе города раскрывали свои ворота передъ сербами, посылали имъ на встрѣчу своихъ представителей съ привѣтствіями и устраивали войскамъ торжественный пріемъ, при участіи всѣхъ классовъ населенія. Сербскій подпоручикъ съ десятью солдатами занялъ городъ Тирана, гдѣ незадолго передъ тѣмъ была провозглашена независимость Албаніи; турецкій гарнизонъ, въ количествѣ тысячи регулярныхъ солдатъ, съ полковникомъ во главѣ, сдался подпоручику безпрекословно; на слѣдующій же день подпоручикъ засѣдалъ въ городской ратушѣ, гдѣ обсуждались условія сдачи и правила для охраненія порядка, при участіи мѣстныхъ нотаблей, турецкаго полковника и губернатора. Городъ Эльбассанъ, съ двадцатью тысячами жителей, такъ-же точно занятъ былъ дюжиною сербскихъ всадниковъ. Въ Кавaѣ, на полпути къ Дураццо, населеніе было обезпокоено тѣмъ, что сербы долго не показываются; ихъ призывали туда, несмотря на объявленную албанцами автономію. Разныя жестокости и насилія, по словамъ Барби, совершались не только турками и арнаутами, но и мѣстными вооруженными шайками, такъ называемыми «комитаджи»—членами и участниками революціонныхъ комитетовъ, большею частью изъ македонцевъ сербскаго или болгарскаго происхожденія; если мусульмане жгли и истребляли христіанскія села, то и христіане платили имъ тою-же монетою. Какой-то бѣдный попъ мирно пахалъ свою землю, равнодушно глядя на дымившіеся невдалекѣ остатки его дома. Въ отвѣтъ на недоумѣніе Барби онъ указалъ на отдаленные столбы такого же дыма надъ деревнями арнаутовъ: «мы имъ устроили то-же самое—замѣтилъ онъ,—и теперь все кончено; они болѣе не возвратятся, и мы сможемъ наконецъ жить и работать спокойно». Когда албанское село Куровище сдалось сербамъ, нѣкій попъ изъ Охриды сталъ громко просить сербскаго командира пустить въ турокъ нѣсколько ядеръ и устроить мусульманамъ хотя бы небольшой погромъ. Не будь сербскаго военнаго начальства, погромъ вѣроятно состоялся бы, такъ какъ жажда мести по отношенію къ противникамъ одинаково свойственна христіанамъ, какъ и туркамъ. Отсюда и тѣ обвиненія въ звѣрствѣ, которыя безъ малѣйшаго къ тому основанія выставляются противъ регулярныхъ войскъ отдѣльныхъ балканскихъ

государствъ. Анри Барби приводитъ много убѣдительныхъ примѣровъ замѣчательной сердечности сербскихъ солдатъ и офицеровъ въ ихъ обращеніи съ турецкими плѣнными, ранеными и больными. Отдѣльные случаи мародерства въ занятыхъ арміей мѣстностяхъ сурово преслѣдовались и карались, а что касается жестокостей, то въ нихъ совершенно неповинна сербская армія,—если подъ жестокостями разумѣть только тѣ способы разрушенія и истребленія, которые не предусмотрѣны разрушительною техникою кроваваго военнаго дѣла. Главы, посвященныя характеристикѣ сербскаго солдата и вопросу о балканскихъ звѣрствахъ, наиболѣе интересны въ книгѣ Анри Барби.

Л. Слонимскій.

АВГУСТЪ БЕБЕЛЬ.

(Некрологъ).

Въ лицѣ Бебеля Германія потеряла виднаго политическаго дѣятеля, рейхстагъ—своего лучшаго оратора, германская соціалъ-демократія—своего руководителя, своего организатора, самаго блестящаго изъ своихъ партійныхъ агитаторовъ. Замѣстителя Бебелю нѣтъ. Кто сумѣетъ сдерживать центробѣжныя силы, уже не разъ проявлявшіяся на партейтагахъ? Кто съумѣетъ находить ту линію, которую, охотно или скрѣпя сердце, но все же въ концѣ концовъ признаютъ всѣ? Для той роли, которую въ этомъ отношеніи Августъ Бебель игралъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, въ рядахъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ не видно исполнителя. Партія разрослась и стала самой значительной въ Германіи. Но ея творцы и самые славные вожди уже сошли со сцены, Августъ Бебель былъ послѣднимъ изъ нихъ, и кромѣ грусти, кромѣ благодарности за то, что среди нихъ жилъ такой человѣкъ, его соратники не могутъ не испытывать и нѣкоторой тревоги.

Августъ Бебель родился 22 февраля 1840 г., въ казармѣ въ Дейцъ-Кельнѣ. Его отецъ, Іоганнъ-Готлибъ Бебель, былъ унтеръ-офицеромъ пѣхотнаго полка. Дѣтство Бебеля прошло въ крайней нуждѣ. «Семья прусскаго унтеръ-офицера — писалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — жила тогда въ очень жалкихъ условіяхъ. Жалованье было болѣе чѣмъ ничтожно. Въ Пруссіи тогда вообще въ чинов-

номъ и военномъ мірѣ нужда была частымъ гостемъ, и во славу Бога, короля и отечества приходилось очень часто голодать». Еще чаще пришлось голодать, когда отецъ умеръ: уже въ 1844 г. Вильгельмина Іоганна Бебель осталась вдовой безъ всякихъ средствъ. Въ ней принялъ участіе ея шуринъ Августъ Бебель, за котораго она вышла замужъ осенью 1844 г. Онъ былъ въ это время надзирателемъ въ окружномъ исправительномъ домѣ въ Браувейлерѣ, близъ Кельна.

Не подлежитъ сомнѣнію, что впечатлѣнія, вынесенныя изъ браувейлерскаго исправительнаго дома, долго тяготѣли надъ Бебелемъ. Недаромъ, быть можетъ, самыя сильныя и страстныя мѣста его рѣчей въ рейхстагѣ посвящены были разоблаченію жестокостей, гдѣ только онъ ихъ ни встрѣчалъ. «Служба моего отчима, начинавшаяся въ 5 часовъ утра и продолжавшаяся до поздняго вечера—разсказываетъ Бебель—была утомительна и доставляла ему много хлопотъ и непріятностей. Съ заключенными обращались тогда очень жестоко. Не одинъ разъ былъ я свидѣтелемъ того, какъ молодые и старые люди, получившіе высшую мѣру наказанія, подвергались слѣдующей гнусной процедурѣ. Наказанный долженъ былъ лечь на полу камеры внизъ животомъ. На руки и ноги ему одѣвали кандалы. Затѣмъ лѣвую руку черезъ спину прикрѣпляли къ правой ногѣ, а правую руку къ лѣвой ногѣ. Но и этого было еще мало: его, кромѣ того, обворачивали скрученной въ видѣ веревки простыней кругомъ рукъ и груди и, туго затянувъ, завязывали узелъ на спинѣ. Въ такомъ видѣ связанный, точно живой клубокъ, наказанный арестантъ долженъ былъ пролежать два часа. Затѣмъ оковы съ него снимались и послѣ нѣкотораго отдыха повторялась та же процедура. Крики и стоны наказываемыхъ разносились по всему зданію и, понятно, на насъ, дѣтей, производили самое тяжелое впечатлѣніе».

Въ Браувейлерѣ Бебелю пришлось прожить не долго. Въ 1846 г. умеръ его отчимъ, и тогда мать съ дѣтьми перекочевала въ свой родной городъ—Вецларъ. Здѣсь нѣсколько помогали родственники, но все же жизнь была не менѣе трудна, чѣмъ раньше. Вильгельмина-Іоганна скончалась отъ чахотки, которою была больна болѣе семи лѣтъ, въ 1853-мъ году. «Врядъ ли могло выпасть на долю какой-либо матери еще больше горя и печали», пишетъ о ней сынъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Вскорѣ послѣ смерти матери Августъ Бебель кончаетъ школу и борьба за существованіе вступаетъ въ новый фазисъ. Онъ изучаетъ въ Вецларѣ токарное ремесло и служитъ сперва ученикомъ, потомъ подмастерьемъ. Затѣмъ онъ кочуетъ по всей Германіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Наконецъ онъ прочно

обосновывается въ Лейпцигѣ и въ 1864 г. открываетъ самостоятельно мастерскую. Двадцать лѣтъ онъ остается владѣльцемъ (съ 1876 г.—совладѣльцемъ) основаннаго имъ предпріятія. Въ 1884 г., не будучи въ состояніи посвящать своему дѣлу, разросшемуся до маленькой фабрики, достаточно времени, онъ выходитъ изъ него и становится коммивояжеромъ. Въ 1889 г. онъ отказывается и отъ этого занятія и живетъ съ тѣхъ поръ исключительно литературнымъ трудомъ. За это время онъ успѣлъ сдѣлаться не только участникомъ, но и вожакомъ соціалистическаго движенія.

Въ Лейпцигѣ въ 1862 г. Бебель началъ принимать участіе въ организаціи рабочихъ союзовъ. Соціализму онъ былъ чуждъ въ это время. Въ Лассалѣ, когда тотъ началъ свою агитацію, онъ видѣлъ не союзника, а противника. Онъ былъ идейно связанъ съ нѣмецкимъ либерализмомъ, политическая и соціальная программа котораго казалось ему тогда достаточной. Кто сдѣлалъ Бебеля соціалъ-демократомъ и кто привелъ его къ Марксу, однимъ изъ вѣрнѣйшихъ учениковъ котораго онъ былъ въ теченіе большей части своей жизни? Самъ Бебель отвергаетъ ту версію, по которой его главнымъ руководителемъ на этомъ пути былъ Либкнехтъ. «Скорѣе всего—говоритъ онъ—я, какъ и почти всѣ соціалисты того времени, пришелъ къ Марксу черезъ Лассаля. Мы всѣ читали Лассаля прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ насъ видѣлъ какую-нибудь книжку Маркса или Энгельса. Какъ сильно было на меня вліяніе Лассаля, можно видѣть по моей первой брошюрѣ: «Наши цѣли», которая появилась въ концѣ 1869-го года. Какъ разъ въ это время я получилъ возможность основательно проштудировать первый томъ «Капитала» Маркса, который вышелъ въ 1867 г.: это было въ тюрьмѣ. За пять лѣтъ передъ тѣмъ я приступилъ къ чтенію появившейся въ 1859-мъ году книги Маркса: «Къ критикѣ политической экономіи», но дѣло такъ и кончилось попыткой. Политическая дѣятельность да борьба за существованіе не могли предоставить мнѣ тотъ досугъ, который былъ необходимъ, чтобы умѣренно переварить эту книгу».

Досугъ, необходимый для самообразованія, Бебелю вообще давала только тюрьма. Въ первый разъ его посадили туда въ 1869 г.—объ этомъ заключеніи онъ и упоминаетъ въ только что цитированныхъ строкахъ. Затѣмъ его сажали въ тюрьму еще неоднократно и въ общей сложности онъ провелъ въ заключеніи около пяти лѣтъ. Но преслѣдованія германскихъ правительствъ сослужили ему хорошую службу. Тюрьма явилась для него высшей школой: безъ нея онъ, можетъ быть, не сдѣлался бы тѣмъ разносторонне образованнымъ ораторомъ и публицистомъ, какимъ онъ себя проявилъ. Эрудиція этого самоучки, вѣчно, къ тому же, занятаго неотложнымъ

политическимъ дѣломъ, а до 1889 г. отдававшаго еще значительную часть своего времени другимъ трудамъ, всегда поражала всѣхъ его слушателей. И конечно онъ пріобрѣлъ ее не въ браувейлерской и вецларской школахъ, а въ камерахъ германскихъ тюремъ.

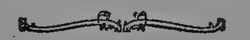
Съ тѣхъ поръ, какъ Бебель принялъ участіе въ рабочемъ движеніи, онъ отдался ему весь. Біографія Бебеля есть исторія германской соціалъ-демократіи въ парламентѣ и внѣ парламента. И въ значительной мѣрѣ онъ обязанъ своимъ успѣхомъ умѣнью вполнѣ раствориться въ общественномъ дѣлѣ. Примѣчательны въ этомъ отношеніи его собственныя признанія въ его мемуарахъ. Въ первомъ ихъ выпускѣ онъ говоритъ, что не намѣренъ писать исторію рабочаго движенія, а въ послѣднемъ, который ему удалось закончить, онъ сознается, что описанію политическихъ событій имъ отведено преобладающее мѣсто. Иначе и быть не могло. Не было почти партейтага, на которомъ Бебель не выступалъ бы по принципіальнымъ вопросамъ. Въ прежнее время, когда соціалъ-демократовъ въ рейхстагѣ было немного, онъ и здѣсь поднимался на трибуну всякій разъ, когда на очереди стоялъ вопросъ большой политической важности. Въ 1867 г. онъ былъ избранъ въ одномъ изъ саксонскихъ округовъ въ сѣверо-германскій учредительный рейхстагъ. Почти безъ перерыва онъ остается членомъ рейхстага до конца своихъ дней. Только въ 1881 г.—въ годъ тяжелаго разгрома соціалъ-демократіи—онъ не былъ избранъ. Но уже въ слѣдующемъ году онъ прошелъ на дополнительныхъ выборахъ въ Гамбургѣ, представителемъ котораго въ имперскомъ парламентѣ съ тѣхъ поръ и оставался.

Въ рядахъ германской соціалъ-демократіи Бебелю принадлежало совершенно исключительное мѣсто. Развѣ лишь Либкнехтъ сыгралъ въ жизни партіи столь же значительную роль. Онъ не былъ, однако, сколько-нибудь значительнымъ теоретикомъ. Марксъ и Энгельсъ дали ему тотъ запасъ основныхъ идей, критическое отношеніе въ которымъ было ему чуждо. Онъ не былъ также практическимъ дѣятелемъ въ смыслѣ умѣнья и желанья немедленно осуществлять въ государственной жизни то, что въ данный моментъ исполнимо изъ всѣхъ положеній партійной программы; напротивъ, онъ былъ однимъ изъ строгихъ блюстителей ортодоксальной чистоты и лишь въ самые послѣдніе годы склоненъ былъ итти въ этомъ отношеніи на небольшія уступки. Силу Бебеля составляло, повидимому, то, что онъ какъ никто другой зналъ психологію нѣмецкихъ рабочихъ массъ; болѣе того—она просто была его собственной психологіей. Онъ былъ очень долгое время рѣзко радикаленъ. Условія его собственной жизни и, пожалуй, еще больше гоненія во время дѣйствія закона противъ соціалистовъ, толкали его на этотъ путь. Когда-то онъ заявилъ:

«Буржуазное общество имѣетъ въ моемъ лицѣ смертельнаго врага». Но условія его жизни были условіями жизни молодого, только лишь нарождавшагося городского пролетаріата Германіи 50-хъ и 60-хъ годовъ, а законъ противъ соціалистовъ озлоблялъ Бебеля точно такъ же, какъ и тотъ классъ, представителемъ котораго онъ былъ въ рейхстагѣ. Онъ былъ радикаленъ и непримиримъ въ той же мѣрѣ, въ какой были радикальны германскіе, особенно прусско-саксонскіе рабочіе. Но тамъ, гдѣ здравый смыслъ подсказывалъ рабочимъ массамъ примирительную точку зрѣнія, ее отстаивалъ и Бебель, отстаивалъ, конечно, не потому, что плылъ по теченію, а потому, что составлялъ часть теченія и чувствовалъ такъ, какъ массы вокругъ него. Онъ былъ, поэтому, однимъ изъ первыхъ соціалъ-демократическихъ вожаковъ, признавшихъ значеніе государственнаго страхованія рабочихъ и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Первоначально онъ былъ ярымъ противникомъ ревизіонизма. Съ необычайной рѣзкостью онъ обрушился противъ Бернштейна и его соратниковъ на знаменитомъ дрезденскомъ партейтагѣ, и только поразительная дисциплинированность спасла тогда германскую соціалъ-демократію отъ раскола. И несомнѣнно, онъ былъ тогда выразителемъ мнѣнія соціалъ-демократическаго рабочаго большинства. Время для сближенія съ либеральной буржуазіей и практической работы въ рамкахъ существующаго строя въ первые годы XX-го вѣка для нѣмецкихъ рабочихъ психологически еще не пришло. Оно не пришло, поэтому, и для Бебеля.

Среди многочисленныхъ вожаковъ германскихъ соціалъ-демократовъ вѣроятно найдутся такіе, которые раздѣляютъ съ Бебелемъ только что указанное свойство. Но необходимы были еще и его авторитетъ, его чарующая личность, его опытъ, его блестящее, захватывающее краснорѣчіе, его безспорная готовность поставить превыше всего партійное дѣло, чтобы заставлять людей подчиняться данному имъ лозунгу даже тогда, когда въ душѣ оставались сомнѣнія и разногласія. Бебель въ этомъ смыслѣ былъ единственнымъ человѣкомъ въ многомилліонной партіи, которою онъ руководилъ.

Л. Ю.

ИТОГИ КООПЕРАТИВНАГО СЪѢЗДА.

Когда выяснилось, что второй всероссійскій кооперативный съѣздъ будетъ созванъ въ Кіевѣ, мѣсто созыва съѣзда вызвало въ средѣ кооперативовъ большія опасенія. Къ Кіеву такъ близка Вильна, съ ея «истинно-русскими» кооперативами; въ кооперативахъ Кіевской губерніи, по свидѣтельству кооперативной печати, иногда проскальзывали нотки антисемитизма. Можно было опасаться, что эти инородныя теченія выявятся на съѣздѣ и помѣшаютъ его работѣ. Опытъ показалъ, что эти опасенія были совершенно безосновательны. И волынская муть, и антисемитскія выходки отдѣльныхъ кооперативовъ оказались простою пѣною на поверхности кипучаго кооперативнаго потока; они не нашли выразителей и защитниковъ на всероссійскомъ съѣздѣ по коопераціи.

Другія опасенія касались тѣхъ общественно-правовыхъ условій, въ которыхъ будетъ работать съѣздъ. Кіевъ за послѣдніе годы пріобрѣлъ въ кооперативной средѣ печальную извѣстность одного изъ главныхъ центровъ административныхъ гоненій на кооперативное движеніе. Такъ въ Кіевской губерніи былъ установленъ особый полицейскій надзоръ за потребительскими лавками; полиція забирала у потребительныхъ обществъ счетныя книги и торговые документы на неопредѣленное время; въ счетныхъ книгахъ обществъ появились акты ревизіи со стороны органовъ полиціи. Одинъ изъ уѣздныхъ исправниковъ, исполняя предписаніе губернатора, въ свою очередь предписалъ становымъ приставамъ объявить всѣмъ правленіямъ потребительныхъ обществъ, чтобы они въ мѣсячный срокъ упорядочили счетоводство по лавкамъ, предупредивъ, что при неисполненіи сего общество будетъ закрыто. Земскимъ инструкторамъ по коопераціи не было разрѣшено устройство бесѣдъ съ крестьянами безъ предварительнаго каждый разъ увѣдомленія полиціи. Наконецъ, отъ правленій потребительныхъ обществъ была взята подписка, что ими не будутъ выписываться для обществъ какія-либо газеты и журналы, въ томъ числѣ и по коопераціи. Этотъ режимъ административнаго усмотрѣнія и произвола вызывалъ серьезныя опасенія за судьбу съѣзда. Къ счастью, и эти опасенія оказались неосновательными. Тѣ административныя стѣсненія, которымъ подверглась работа съѣзда, не выходили изъ рамокъ обычнаго

и болѣе или менѣе установившагося. Такъ въ первый же день секціонныхъ работъ съѣздъ получилъ два предостереженія: одно—въ потребительной секціи за предложеніе почтить память Бебеля вставаніемъ, другое—въ сельскохозяйственной секціи за какое-то совершенно безобидное замѣчаніе Д. И. Деларова. Затѣмъ главнымъ центромъ вниманія администраціи явилась потребительская секція. Присутствовавшій на ней приставъ нѣсколько разъ вмѣшивался въ ходъ преній и успокаивался лишь послѣ обстоятельныхъ разъясненій предсѣдателя, что ораторъ не выходитъ изъ рамокъ программы съѣзда; затѣмъ появился чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, который въ теченіе одного засѣданія три раза обращался къ предсѣдателю съ указаніемъ, что пренія принимаютъ нежелательное направленіе, и требовалъ, чтобы ораторы держались ближе къ темѣ. Острый конфликтъ получился и по вопросу объ образованіи комиссій: о положеніи и обезпеченіи служащихъ въ кооперативахъ и о культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперативовъ. Согласно § 12 Положенія о съѣздѣ, лишь публичныя засѣданія съѣзда, съ участіемъ представителей печати или особо приглашенныхъ лицъ, подчиняются дѣйствію временныхъ правилъ о собраніяхъ и происходятъ въ присутствіи чиновъ полиціи. Потребительская секція, учреждая обѣ комиссіи, постановила, что ихъ засѣданія будутъ закрытыми. Когда на слѣдующій день собрались члены первой изъ этихъ комиссій, о положеніи служащихъ, и предсѣдатель объявилъ засѣданіе комиссіи открытымъ, въ залу вошелъ помощникъ полицмейстера и заявилъ, что, согласно имѣющемуся у него распоряженію губернатора, онъ не можетъ допустить засѣданія комиссіи безъ присутствія представителя полиціи. Предсѣдатель, въ свою очередь, отказался допустить представителя полиціи на засѣданія комиссіи, видя въ такомъ допущеніи умаленіе правъ съѣзда и нарушеніе положенія о немъ. Тогда помощникъ полицмейстера удалился для личныхъ переговоровъ съ губернаторомъ и черезъ часъ привезъ слѣдующій ультиматумъ: засѣданія комиссій будутъ допущены закрытыя въ томъ лишь случаѣ, если они будутъ менѣе многолюдны и если какъ ихъ члены, такъ и ихъ президіумъ будутъ избраны на общихъ собраніяхъ секціи. Этому требованію пришлось подчиниться и реорганизовать комиссіи, на что ушло цѣлыхъ два дня, такъ что обѣ комиссіи могли работать только въ теченіе трехъ дней. Затѣмъ крайняя репрессивная мѣра была принята по отношенію къ евреямъ, не имѣющимъ права жительства въ Кіевѣ. Несмотря на то, что съѣздъ закрылся въ 11-мъ часу вечера, отъ нихъ потребовали отъѣзда изъ Кіева въ тотъ же день; ходатайство предсѣдателя съѣзда было отклонено,

и имъ было отказано въ правѣ провести лишнюю ночь въ Кіевѣ. Члены увеселительной поѣздки по Днѣпру на слѣдующій день послѣ закрытія съѣзда жаловались, что на пароходѣ было слишкомъ много полиціи, непрерывно шнырявшей между членами съѣзда и мѣшавшей пѣнію пѣсенъ; говорятъ, въ трюмѣ парохода было спрятано 30 городовыхъ.

Однако, съѣздъ благополучно закончилъ свои занятія. Невольно вспоминается судьба перваго всероссійскаго кооперативнаго съѣзда 1908 г., въ Москвѣ, когда намъ было запрещено обсуждать вопросы о союзномъ объединеніи кооперативовъ, вплоть до объединенія по закупкѣ товаровъ и взаимнаго страхованія потребительныхъ обществъ, объ ихъ отношеніи къ профессіональнымъ организаціямъ рабочихъ, о кооперативной пропагандѣ, и когда съѣздъ долженъ былъ преждевременно прекратить свои занятія, а президіумъ, лишенный возможности огласить постановленія, принятыя въ секціяхъ и комиссіяхъ, вынужденъ былъ предложить общему собранію одобрить ихъ, не читая. Со времени этого съѣзда прошло пять лѣтъ. За эти годы число кооперативныхъ товариществъ возрасло съ 8.000 до 25.000, число членовъ въ нихъ превысило $6^1/_2$ милліоновъ, и кооперативная пропаганда, и союзное строительство сдѣлали за эти годы значительные успѣхи. Намъ запретили говорить о нихъ на съѣздѣ, — мы вели пропаганду на мѣстахъ и создавали одинъ союзъ за другимъ, то въ формѣ районнаго объединенія потребительныхъ обществъ, то въ формѣ центральныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ, то, наконецъ, прямо въ формѣ союзовъ кредитныхъ кооперативовъ и артелей. Идеи и вопросы, придушенные на первомъ съѣздѣ властной рукой администраціи, не только не умерли, не только не потускнѣли, но, напротивъ, получили новыя силы отъ пятилѣтней кооперативной практики и еще болѣе настойчиво встали передъ вторымъ всероссійскимъ кооперативнымъ съѣздомъ. На этотъ разъ, наконецъ, и эти вопросы были разсмотрѣны и по нимъ постановлены резолюціи, которыя будутъ служить практическими правилами поведенія для многомилліонной массы участниковъ кооперативнаго движенія. Остракизму подверглись лишь три резолюціи, принятыя сельскохозяйственной секціей, комиссіей о служащихъ и культурно-просвѣтительной комиссіей, и недопущенныя назначеннымъ предсѣдателемъ съѣзда, гр. Д. Ѳ. Гейденомъ, къ оглашенію на послѣднемъ общемъ собраніи. Надобно ожидать, что и эти резолюціи будутъ напечатаны въ трудахъ съѣзда.

Успѣшному заключенію работъ съѣзда не помѣшалъ и нѣкоторый антагонизмъ между сѣверомъ и югомъ, Москвою и Кіевомъ. Въ настоящее время Москва играетъ роль собирательницы нашей

кооперативной земли: въ ней находятся двѣ крупнѣйшія всероссійскія организаціи—Московскій Союзъ потребительныхъ обществъ и Московскій народный банкъ. Централизаторныя стремленія Москвы встрѣчаютъ отпоръ со стороны Кіева, защищающаго право на областную автономію. При нормальныхъ условіяхъ развитія кооперативнаго движенія обѣ эти тенденціи прекрасно могли бы ужиться рядомъ, взаимно дополняя и исправляя другъ друга: для успѣшнаго развитія кооперативной работы одинаково необходимы и всероссійское, и областное объединеніе. Но когда условія ненормальны, когда правильное развитіе союзныхъ организацій встрѣчаетъ на своемъ пути самыя неожиданныя препоны, а кооперативные работники, за отсутствіемъ всероссійскихъ съѣздовъ, не могутъ между собою столковаться и разъяснить возникшія недоразумѣнія,—тогда каждая мелочь можетъ служить причиною споровъ и раздоровъ. И чѣмъ ненормальнѣе условія, тѣмъ ожесточеннѣе эти раздоры. Именно въ такомъ положеніи находится у насъ дѣло союзнаго строительства. Поэтому каждая мелочь—напр. то обстоятельство, что изъ семи товарищей предсѣдателя общаго президіума четыре принадлежали къ составу Московскаго народнаго банка, или случайное включеніе въ рѣчь одного изъ первыхъ ораторовъ краткаго отчета о дѣятельности этого банка,—нервирующе дѣйствовала на съѣздъ, особенно въ началѣ. Зато въ концѣ съѣзда, когда продолжительный обмѣнъ мнѣній выяснилъ единство исходныхъ точекъ у всѣхъ кооператоровъ и раздутость мелочныхъ между ними разногласій, атмосфера если не совершенно, то значительно очистилась, и споры шли уже не въ принципіальной, а въ чисто дѣловой плоскости: цѣлесообразно-ли немедленно приступать къ устройству областного кооперативнаго банка въ Кіевѣ или нѣтъ. Въ общемъ, съѣздъ удачно разрѣшилъ всѣ назрѣвшіе вопросы кооперативнаго строительства, признавъ одинаково необходимыми какъ мѣстныя и областныя объединенія кооперативовъ, такъ и всероссійскій ихъ союзъ. Большое практическое значеніе можетъ имѣть также постановленіе объ организаціи совѣта кооперативныхъ съѣздовъ, который долженъ стать организаціоннымъ центромъ всего нашего кооперативнаго движенія, поскольку эта организація выражается въ формѣ съѣздовъ. Можно только опасаться, что общія наши условія не будутъ благопріятствовать правильному функціонированію этого института.

Вопросъ о союзномъ строительствѣ занималъ на Кіевскомъ съѣздѣ центральное мѣсто. Изъ прочихъ постановленій съѣзда надобно отмѣтить принятіе проекта общекооперативнаго закона въ окончательной редакціи. Вопросъ этотъ, поднятый еще въ 1908 г. на

кооперативномъ съѣздѣ въ Москвѣ, разрабатывался особыми комиссіями въ Петербургѣ и Москвѣ и на кооперативномъ съѣздѣ 1912 г. въ Петербургѣ. Редакція, принятая на съѣздѣ 1912 г., вызвала рядъ серьезныхъ возраженій; основными ея недостатками были непризнаніе за отдѣльными кооперативами права преслѣдовать, на ряду съ хозяйственными, идеальныя цѣли, и запрещеніе организовывать кооперативы по нотаріальному договору. Всѣ эти недостатки устранены въ проектѣ, принятомъ кіевскимъ съѣздомъ. Затѣмъ, съѣздомъ принятъ рядъ постановленій по вопросу о культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперативовъ, прежде всего—постановленіе объ учрежденіи, за счетъ отчисленій кооперативовъ, особаго научнаго кооперативнаго института и кооперативнаго музея, задачею которыхъ являлось бы собираніе матеріаловъ по коопераціи, изученіе кооперативнаго движенія и подготовка кооперативныхъ работниковъ. Въ постановленіяхъ кіевскаго съѣзда мы находимъ только общій абрисъ организаціи этого научнаго института; идея его разработана далеко еще не вполнѣ, и постановленія кіевскаго съѣзда по этому вопросу нуждаются и въ дополненіяхъ, и въ исправленіяхъ. Такъ, мы считаемъ непрактичнымъ образованіе изъ отчисленій кооперативовъ особаго недѣлимаго капитала, лишь проценты съ котораго могли бы тратиться на кооперативный институтъ. Такая постановка вопроса откладываетъ открытіе дѣятельности института на продолжительный срокъ, что въ свою очередь не можетъ не отразиться неблагопріятнымъ образомъ на склонности кооперативовъ къ пожертвованіямъ. Намъ казалось бы, что на нужды института должны тратиться самыя отчисленія кооперативовъ, лишь остатки отъ которыхъ могли бы идти на образованіе недѣлимаго капитала.

Наконецъ, большое значеніе для кооперативнаго движенія будутъ имѣть постановленія комиссіи о служащихъ и рабочихъ, дружно принятыя съѣздомъ. Въ настоящее время вопросъ о служащихъ поставленъ въ кооперативахъ неправильно. Съ одной стороны, среди членовъ правленій существуетъ тенденція смотрѣть на служащихъ, какъ на простыхъ наймитовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ служащіе нанимаются съ торговъ,—кто соглашается на болѣе дешевую плату, тотъ и получаетъ мѣсто. При такой постановкѣ вопроса, вполнѣ естественно, служащіе совершенно равнодушны къ интересамъ кооператива, а отсюда—недостатки товара, растраты, конфликты и даже стачки. Съ другой стороны, среди части служащихъ существуетъ тенденція разсматривать свое положеніе въ кооперативѣ какъ привилегированное, устанавливать право коллегіи служащихъ на службу въ данномъ кооперативѣ и на подборъ

новыхъ служащихъ, требовать права представительства служащихъ въ правленіи кооператива, съ рѣшающимъ голосомъ, а также права на участіе въ прибыляхъ. Комиссія о положеніи служащихъ и рабочихъ, а за нею и весь съѣздъ выдвинули совершенно иные принципы организаціи наемнаго труда въ кооперативахъ. Съ одной стороны, и комиссія, и съѣздъ признали, что трудъ высокаго качества можно требовать только отъ служащихъ, поставленныхъ въ хорошія матеріальныя и правовыя условія; поэтому они дружно высказались за замѣну индивидуальныхъ договоровъ найма коллективными, съ вполнѣ опредѣленными улучшеніями въ условіяхъ труда (восьмичасовой рабочій день, минимумъ заработной платы и проч.). Съ другой стороны и комиссія, и съѣздъ рѣшительно высказались противъ участія представителей служащихъ въ правленіяхъ кооперативовъ и вообще противъ тенденціи къ введенію коммандита, ставящаго служащихъ кооператива въ особыя отношенія къ данному кооперативу. И комиссія, и съѣздъ признали, что подобныя отношенія, дробя всю массу кооперативныхъ служащихъ на отдѣльныя ячейки, имѣющія тѣ или иныя привилегіи, вредятъ общимъ интересамъ наемнаго труда въ кооперативахъ и высказались, поэтому, за объединеніе всѣхъ служащихъ и рабочихъ въ профессіональныя организаціи, способныя защищать эти общіе интересы. Затѣмъ, и комиссія, и съѣздъ рекомендовали кооперативамъ и ихъ союзамъ устройство пенсіонныхъ кассъ для своихъ служащихъ и рабочихъ. Когда эти постановленія войдутъ въ жизнь, положеніе служащихъ въ кооперативахъ перестанетъ быть ненормальнымъ и вопросъ о служащихъ утратитъ свою современную остроту.

Въ заключеніе мы не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ недостатковъ въ организаціи съѣзда. Прежде всего, на съѣздѣ чувствовался недостатокъ докладовъ. По нѣкоторымъ вопросамъ не было ни одного доклада. Причина этого явленія, по видимому—въ позднемъ разрѣшеніи съѣзда. Членами съѣзда сильно чувствовалось также отсутствіе ежедневныхъ бюллетеней о работахъ съѣзда. Другимъ недостаткомъ было отсутствіе какой бы то ни было организаціи членовъ съѣзда. На съѣздѣ 1908 г. въ Москвѣ каждая секція дѣлилась на группы—сельскую, городскую, рабочую; черезъ два-три дня члены каждой группы уже вполнѣ ознакомились и спѣлись другъ съ другомъ, благодаря чему вопросы рѣшались быстро, безъ излишнихъ преній и треній. На Кіевскомъ съѣздѣ подобная организація секцій отсутствовала. Организованныя группы съѣзда—украинская, еврейская, рабочая — обнимали лишь меньшинство членовъ съѣзда; большинство было совершенно лишено какой бы то ни было организаціи. Да и названныя организаціи функціонировали только спо-

радически, по отдѣльнымъ вопросамъ. Желательно было бы, чтобы на слѣдующемъ съѣздѣ эти организаціонные промахи не были допущены.

С. Прокоповичъ.

ВСЕРОССІЙСКАЯ ГИГІЕНИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Май—Сентябрь 1913-го года).

Всякій посѣтитель выставки, сколько-нибудь внимательно относившійся къ ней, выносилъ впечатлѣніе—таковъ общій отзывъ — большого культурнаго богатства, собраннаго на ея территоріи. Богатство выставки выражается не столько въ уже существующихъ цѣнностяхъ матеріальной культуры—хотя кое-что, и очень солидное, и здѣсь имѣется,—сколько въ обширности подготовительныхъ работъ для возможно лучшей жизни, въ томъ разнообразномъ матеріалѣ, безъ котораго не обойтись при предстоящемъ санитарномъ оздоровленіи страны.

Для успѣха выставки очень много потрудились здѣсь, въ центрѣ, и покойный генеральный комиссаръ В. В. Подвысоцкій, и его замѣститель П. Н. Булатовъ, и ближайшіе ихъ сотрудники, и представители науки и вѣдомствъ. Но львиная доля труда выпала на ту разсѣянную по всей Россіи армію представителей третьяго элемента, преимущественно врачей, которые принесли сюда труды своихъ многолѣтнихъ, сложныхъ и кропотливыхъ наблюденій и изслѣдованій разныхъ сторонъ физической жизни населенія Россіи, при разнообразныхъ условіяхъ проявленія его дѣятельности. И трудъ этотъ исполненъ съ любовью, безкорыстно. Съ этой точки зрѣнія культурный праздникъ, какимъ несомнѣнно является гигіеническая выставка, представляется особенно знаменательнымъ. То, что получилось, превзошло ожиданія; казалось, что въ моментъ общаго застоя, общественной апатіи и тоски будетъ трудно или даже невозможно объединиться для организованной коллективной творческой работы.

Выставка занимаетъ часть Петровскаго парка, зданіе главной гимнастическо-фехтовальной школы и часть сада павловскаго военнаго училища. На территоріи парка расположены павильоны нѣко-

торыхъ городовъ, не вошедшихъ въ составъ общегородскаго отдѣла (Петербургъ, Москва, Кіевъ, Рига, Ростовъ на Дону), отдѣлъ Финляндіи—изящный складной домикъ, ветеринарный отдѣлъ, спортивный, со спортивной передъ нимъ площадкой, на которой довольно часто демонстрировались разными гимнастическими обществами привлекающія много зрителей гимнастическія упражненія, отдѣлъ водныхъ путей министерства путей сообщенія, подвижной музей-вагонъ Васильева и павильоны нѣкоторыхъ промышленныхъ фирмъ. Въ обширномъ манежѣ фехтовальной школы размѣстились съ одной стороны вѣдомства—министерство путей сообщенія, морское, финансовъ (по отдѣлу казенной продажи питей), интендантство, тюремное вѣдомство, Красный Крестъ, вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи и т. д., а съ другой стороны—отдѣлы гигіены: водоснабженіе, одежда, вентиляція, дезинфекція, питаніе. Во второмъ этажѣ, въ такъ называемомъ паркетномъ залѣ фехтовальной школы, помѣщенъ отдѣлъ, почему-то названный научнымъ, какъ будто другіе отдѣлы, не помѣщающіеся въ этомъ залѣ не научны. Въ этомъ научномъ отдѣлѣ нашли мѣсто школьная гигіена, врачебно-санитарная часть министерства народнаго просвѣщенія, зубоврачебное и аптечное дѣло, женскій медицинскій институтъ, институтъ экспериментальной медицины, серотерапія и нѣкоторыя болѣзни (алкоголизмъ, сифилисъ, ракъ, проказа) дѣтская гигіена, борьба съ дѣтской смертностью, оспопрививаніе, статистика, характеризующая демографическія черты населенія Россіи, бальнеологія и т. д.

Совершенно особнякомъ, въ сторонѣ отъ большой выставочной дороги, въ саду павловскаго училища стоитъ павильонъ земской медицины съ примыкающимъ къ нему отдѣломъ по популяризаціи медицинскихъ знаній. Соединяющимъ звеномъ между земскимъ павильономъ и общей выставкой (манежемъ) являются двѣ галлереи, въ которыхъ помѣщаются имѣющіе крупное общественное значеніе отдѣлы—обще-городской, больничнаго дѣла, охраны труда, болѣзней жаркихъ странъ и маляріи, гигіены жилыхъ зданій.

Уже изъ этого неполнаго перечня отдѣловъ выставки—всѣхъ ихъ больше 40—видно, какъ богата и содержательна развернутая передъ зрителемъ книга санитарныхъ судебъ Россіи, мѣстами грозная, но всегда интересная и поучительная, книга, изъ которой много почерпнетъ и общественный, и государственный дѣятель, и врачъ, и сѣрый русскій обыватель.

Конечно, не всѣ отдѣлы представлены одинаково полно, не всѣ одинаково цѣнны; встрѣчаются экспонаты, безъ которыхъ можно было-бы обойтись; кое-что представлено, быть можетъ, въ прикрашенномъ, не совсѣмъ отвѣчающемъ дѣйствительности видѣ—какая

выставка можетъ избѣжать такихъ дефектовъ? Но все вмѣстѣ взятое выполнено съ такой серьезностью и любовью, что дефекты не заслуживаютъ вниманія.

Однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего санитарнаго положенія является водоснабженіе. Огромное большинство русскихъ городовъ не имѣетъ общественныхъ водопроводовъ. Оффиціальныя анкетныя данныя, касающіяся 1063 населенныхъ пунктовъ, показываютъ, что преобладающій типъ водоснабженія—смѣшанный, т. е. изъ различныхъ источниковъ, при чемъ преобладающимъ источникомъ водоснабженія являются обыкновенные неглубокіе колодцы (75%) и рѣки (60%). Существующіе общественные водопроводы питаются въ 67% случаевъ рѣчной и грунтовой водой въ 56%—водой грунтовой, т. е. ключевой и водой глубокихъ колодцевъ (въ Германіи водой открытыхъ водоемовъ пользуется всего 10% городскихъ поселеній). Большинство городскихъ водопроводовъ, берущихъ воду изъ рѣкъ, доставляютъ ее потребителямъ безъ фильтраціи и вообще безъ всякой очистки. Источники водоснабженія усиленно загрязняются какъ отбросами населенныхъ мѣстъ, такъ и фабриками и заводами. А такъ какъ у насъ пока еще очень несовершенно организовано удаленіе нечистотъ и отбросовъ изъ городовъ, то опасность загрязненія источниковъ водоснабженія всегда имѣется на лицо. Несомнѣнная связь между недоброкачественной водой и многими болѣзнями давно установлена; достаточно указать на распространеніе при помощи питьевой воды холеры и брюшного тифа. Въ настоящее время имѣется много способовъ для охраненія источниковъ водоснабженія отъ загрязненія, а также для очистки какъ питьевой воды, такъ и сточныхъ водъ.

Задачей группы, въ вѣдѣніи которой на выставкѣ былъ отдѣлъ водоснабженія, было наглядное демонстрированіе, съ одной стороны, вреда, причиняемаго недоброкачественной водой, и благотворнаго вліянія улучшенія водоснабженія на жизнь и здоровье населенія, съ другой стороны—способовъ обезвреживанія питьевыхъ и сточныхъ водъ. Въ отдѣлѣ водоснабженія посѣтитель выставки находилъ рядъ діаграммъ, характеризующихъ смертность отъ брюшного тифа въ нашихъ городахъ и въ благоустроенныхъ городахъ Западной Европы, паденіе смертности отъ брюшного тифа и общей смертности подъ вліяніемъ устройства канализаціи и водопровода. Далѣе посѣтитель знакомился съ возбудителями заразныхъ болѣзней, передаваемыхъ водой, съ оборудованіемъ лабораторій для изслѣдованія воды, съ нормами потребленія воды, съ современнымъ состояніемъ водоснабженія въ Россіи, съ устройствомъ артезіанскихъ колодцевъ, съ типами деревенскаго водоснабженія (эта часть прекрасно

представлена въ земскомъ отдѣлѣ), со способами очистки воды при помощи фильтровъ, коагулянта, озона, ультрафіолетовыхъ лучей, хлора и т. д.

Павильоны отдѣльныхъ городовъ и общегородской отдѣлъ, въ которомъ приняли участіе 24 города, въ томъ числѣ Варшава, Одесса, Баку, представляютъ картину современнаго санитарнаго состоянія городовъ, ихъ врачебной организаціи, тѣхъ санитарнаго характера сооруженій (канализаціи, водопровода, боенъ, больницъ), какія уже въ нихъ функціонируютъ и какія намѣчены къ выполненію.

По жгучему вопросу городской жизни—жилищному—на выставкѣ, къ сожалѣнію, собрано было мало матеріала: имѣется кое-что по этому предмету въ отдѣлѣ г. Вильны и Саратова. Москва можетъ гордиться моделями своего водопровода, канализаціи, боенъ. Петербургъ представилъ интересную коллекцію фальсифицированныхъ продуктовъ и много образцовъ того, чего уже давно не должно было бы быть въ столичномъ городѣ.

Діаграммы петербургской смертности, распространенія острозаразныхъ болѣзней съ характеромъ непрекращающихся эпидемій наводятъ на самыя грустныя размышленія. Хорошее впечатлѣніе производятъ экспонаты Варшавы. Изящно исполненные, они говорятъ о томъ, что санитарное дѣло въ этомъ городѣ болѣе или менѣе правильно развивается.

Изъ обобщающихъ графиковъ городского отдѣла посѣтитель выставки узнавалъ объ обезпеченіи городского населенія врачебной и санитарной помощью (изъ 119 уѣздныхъ городовъ ни одного врача по лѣчебной части нѣтъ въ 54), о постановкѣ больничнаго дѣла, о расходахъ городовъ на врачебно-санитарную часть и т. д. Общее впечатлѣніе отъ городского отдѣла — весьма неблагопріятное; въ смыслѣ организаціи врачебной помощи города, по сравненію съ земствами, сильно отстали, и нужно спѣшить съ оздоровленіемъ ихъ, такъ какъ они притягиваютъ все большія и большія массы населенія.

Вопросы охраны труда освѣщены на выставкѣ трудами нѣкоторыхъ учрежденій—Горнаго Департамента, Горнаго и Политехническаго институтовъ,—нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ и, главнымъ образомъ, профессіональныхъ союзовъ. Уже въ подготовительныхъ къ выставкѣ работахъ профессіональныя организаціи принимали самое дѣятельное участіе и, благодаря ихъ содѣйствію, этотъ отдѣлъ выставки располагаетъ довольно большимъ количествомъ матеріаловъ, освѣщающихъ тѣ или иныя стороны жизни и труда рабочихъ. Среди экспонатовъ, кромѣ неизбѣжныхъ діаграммъ, таблицъ, фотографій, имѣются предметы одежды, обуви и т. п.

Вниманіе публики привлекали и аппетитъ отбивали экспо-

наты булочнаго производства — кисти-мазилки, тряпки, банки изъ-подъ «помадки» и т. д. Все это поражаетъ своею грязью и, къ сожалѣнію, даетъ точное воспроизведеніе дѣйствительности. Въ отдѣлѣ собрано, преимущественно путемъ анкетныхъ изслѣдованій, значительное число данныхъ объ условіяхъ жизни и труда булочниковъ, портныхъ, поваровъ, аптекарскихъ служащихъ и т. д. Подробно представлена въ отдѣлѣ горнозаводская промышленность. Музеемъ Горнаго института выставлена коллекція разнаго рода предохранительныхъ приборовъ.

Для отдѣла охраны труда характерно то, что промышленники, какъ указываетъ въ каталогѣ выставки завѣдующій отдѣломъ д-ръ Д. П. Никольскій, не приняли въ немъ никакого участія, не смотря на обращенныя къ нимъ воззванія и приглашенія; они уклонились отъ демонстрированія своихъ усилій по улучшенію условій жизни и труда рабочихъ. Тѣмъ болѣе знаменательнымъ является культурное участіе въ выставкѣ самихъ рабочихъ, а также вниманіе къ ней рабочей прессы. Рабочіе являлись усердными и внимательными посѣтителями выставки.

Распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ посвященъ особый отдѣлъ, устройство котораго взяла на себя имѣющая большой опытъ въ этой области Пироговская комиссія. Въ сущности вся выставка является могучимъ орудіемъ распространенія здоровыхъ гигіеническихъ понятій; во многихъ отдѣлахъ необходимость популяризаціи свѣдѣній особенно принята во вниманіе. Этой же цѣли спеціально служитъ упомянутый выше подвижной вагонъ-музей, гдѣ всегда много посѣтителей.

Въ послѣдніе годы, какъ показалъ опытъ многихъ земствъ, большимъ успѣхомъ въ населеніи пользуются именно передвижныя выставки; поэтому, отдѣлъ поставилъ себѣ задачей организацію показательной выставки, обнимающей собою нѣкоторые отдѣлы охраненія народнаго здравія. Тутъ собраны модели, муляжи, препараты, фотографіи, діаграммы, приборы по ознакомленію со строеніемъ и жизнью человѣка и животныхъ, по борьбѣ съ заразными болѣзнями, по гигіенѣ одежды и пищи, по гигіенѣ дѣтей груднаго возраста, по страхованію рабочихъ и т. д. Конечно, все это представлено въ миніатюрномъ видѣ, все это еще ждетъ своего развитія. На Дрезденской гигіенической выставкѣ былъ популярный отдѣлъ «der Mensch», который широтой своего плана, изяществомъ и наглядностью выполненія экспонатовъ вызывалъ общее удивленіе. Отдѣлъ этотъ устроителями его былъ подаренъ городу и въ настоящее время въ Дрезденѣ функціонируетъ фабрика, приготовляющая копіи съ экспонатовъ, снабжающая музеи муляжами, мо-

делями, графиками. Скоро ли появится что-нибудь подобное у насъ? Генеральный комиссаръ выставки предложилъ петербургскому городскому управленію получить въ даръ для музея экспонаты, приготовленные на средства комитета выставки. Воспользуется ли городское управленіе этимъ благопріятнымъ случаемъ положить начало всероссійскому музею гигіены?

Центральнымъ отдѣломъ выставки—ея, какъ принято теперь говорить, гвоздемъ—безспорно является отдѣлъ земской медицины. И это не только потому, что земская врачебно-санитарная организація призвана обслуживать самую значительную часть населенія Россіи. Въ земствѣ, въ лучшей его организаціи—медицинской—сказалась оригинальность того пути, по которому пошла у насъ общественная самодѣятельность, такъ безразсудно подавляемая. Земскія учрежденія находятся наканунѣ своего пятидесятилѣтняго юбилея—и именно теперь генеральный смотръ дѣятельности земства въ одной изъ серьезнѣйшихъ его областей представляется вполнѣ умѣстнымъ.

Вдохновителемъ и устроителемъ земскаго отдѣла на выставкѣ является д-ръ З. Г. Френкель, объ интересныхъ очеркахъ котораго по земскому врачебно-санитарному дѣлу было уже сказано нѣсколько словъ въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы».

Въ земскомъ отдѣлѣ приняли участіе 27 губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, въ томъ числѣ московское, являющееся въ медицинскомъ дѣлѣ образцомъ для всѣхъ остальныхъ. Въ краткой замѣткѣ невозможно дать характеристику экспонатовъ отдѣльныхъ земствъ; приходится ограничиться общимъ указаніемъ на этотъ отдѣлъ и обратить вниманіе на центральную, обобщающую часть этого отдѣла, задача которой, какъ опредѣляетъ ее З. Г. Френкель, въ графикахъ, моделяхъ, картинахъ и образцахъ представить наглядное изображеніе объема и характера организаціи земскаго врачебно-санитарнаго дѣла, развитія и современнаго состоянія всѣхъ отраслей земской медицины какъ въ 34 коренныхъ земскихъ губерніяхъ, такъ и въ шести губерніяхъ Западнаго Края. Задача эта выполнена превосходно.

На многочисленныхъ, неутомляющихъ графикахъ центральной части отдѣла разсказана вся исторія земской медицины, приведено число врачей уѣздныхъ земствъ, показанъ ростъ больничныхъ учрежденій, измѣненіе размѣровъ медицинскихъ участковъ въ смыслѣ ихъ уменьшенія и приближенія къ населенію, ростъ земскихъ расходовъ на просвѣщеніе и медицину и т. д. Въ 1871 г. общая смѣта земствъ составляла 21,5 мил., въ томъ числѣ расходовалось на медицину — 2,3 мил., на народное образованіе — 1,6 мил. Въ 1912 г. общая смѣта—220,2 мил., медицинская—57,7 мил., на народное обра-

зованіе—66,4 мил. Въ первый разъ расходъ на просвѣщеніе превысилъ расходы на медицину.

Особая часть земскаго отдѣла посвящена дѣятельности земства въ области сельскаго водоснабженія, на которое земствами обращено особое вниманіе въ послѣдніе годы. На внутреннемъ дворѣ земскаго отдѣла демонстрируются въ дѣйствіи нѣкоторыя водопроводныя устройства.

Гигіеническая выставка поучительна для всѣхъ. Наша санитарная отсталость, выражающаяся въ высокой смертности населенія, непрекращающихся эпидеміяхъ холеры, тифовъ, оспы, которыхъ уже не знаетъ Западная Европа—все это властно требуетъ коренного оздоровленія страны, и для этой цѣли выставка даетъ богатый, неисчерпаемый матеріалъ.

Нельзя не пожалѣть, что о выставкѣ мало говорятъ и пишутъ, что, по условіямъ мѣста, она должна скоро закрыться. Для жителей Петербурга, на лѣто уѣзжающихъ изъ города, для учащихся она почти пропала. Среди посѣтителей выставки, особенно въ праздничные дни, преобладаетъ сѣрая публика, съ большимъ интересомъ относившаяся къ объясненіямъ, даваемымъ въ разныхъ отдѣлахъ. Посѣщалась выставка и многими группами экскурсантовъ.

В. Б—ъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Обходные пути русской общественной жизни.—Съѣздъ торговыхъ служащихъ въ Москвѣ.—Политическое настроеніе съѣзда.—Кооперативный съѣздъ въ Кіевѣ.—Громадный ростъ кооперацiи.—Уклонъ силъ кооперацiи къ прогрессивнымъ теченіямъ русскаго общества.—Кооперація въ Сибири.—Два съѣзда священниковъ.—Неизбѣжный путь государственной жизни.

Жизнь движется куда-то широкимъ, плавнымъ ходомъ, а мы находимся среди нея, плывемъ вмѣстѣ съ ней, но не замѣчаемъ этого и думаемъ, что вокругъ все неподвижно.

Конечно, унынье и пессимизмъ имѣютъ основаніе, если считать, что вся общественно-политическая жизнь Россіи выражается въ Государственной Думѣ и въ нынѣшнихъ земскихъ и городскихъ самоуправленіяхъ. Но зажать жизнь въ узкія, тѣсныя рамки такъ же невозможно, какъ вогнать широкую рѣку въ горло узкой трубы

Общественная жизнь потекла обходными путями, мимо тѣсныхъ легальныхъ рамокъ Государственной Думы и земско-городскихъ самоуправленій, мимо административныхъ рогатокъ и казенныхъ преграждeній.

Свидѣтельствуютъ объ этомъ многія мелкія и крупныя явленія, а нынѣшнимъ лѣтомъ особенно ярко засвидѣтельствовали различные съѣзды.

Въ Москвѣ прошелъ довольно многолюдный и оживленный съѣздъ торговыхъ служащихъ. Съѣхались изъ разныхъ мѣстъ Россіи представители скромныхъ обществъ «приказчиковъ» поговорить о своихъ профессіональныхъ нуждахъ. Дѣло простое, бытовое. Однако, политическое настроеніе делегатовъ выявилось съ первыхъ же шаговъ, при выборахъ предсѣдателя съѣзда. Вся масса делегатовъ раздѣлилась на двѣ значительныхъ группы: одна выдвигала кандидатомъ въ предсѣдатели соціалъ-демократа, другая—трудовика, члена Думы А. Ф. Керенскаго. Другихъ, болѣе правыхъ теченій на съѣздѣ не было. Недвусмысленно высказывалось настроеніе съѣзда и въ теченіе всѣхъ занятій, какъ ни вгонялись они блюстителемъ отъ администраціи въ узкія рамки мелкихъ нуждъ профессіи. Даже больше: именно эта придирчивая строгость администраціи и вызывала вспышки отпора.

Интересна также и знаменательна постановка вопросовъ на съѣздѣ. Обсуждались и рѣшались, въ сущности, вопросы широкаго, общегосударственнаго значенія: объ охранѣ и нормировкѣ труда, о страхованіи торговыхъ служащихъ и т. д.

Необходимо имѣть въ виду, что всѣ делегаты являются выразителями и представителями организацій, разсыпанныхъ по уѣзднымъ и губернскимъ городамъ. Высказывали и отстаивали делегаты не случайные взгляды, а прочныя убѣжденія, которыя незамѣтно созрѣли по разнымъ угламъ Россіи за послѣдніе годы.

Стоитъ только оглянуться на недавнее прошлое и подумать: «Возможно ли было нѣчто подобное десять—пятнадцать лѣтъ тому назадъ?» Тогда, дѣйствительно, въ уѣздной глуши (да и въ столицахъ) было уныло, мрачно, безпросвѣтно. А главное, не видѣлось выхода. Въ самомъ обществѣ не чувствовалось силъ, удручала разрозненность, неподготовленность, незнаніе элементарныхъ вещей, робость инициативы.

И вотъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ явной, торжествующей якобы реакціи оказывается, что по уѣзднымъ угламъ уже цѣлыя группы населенія созрѣли до обсужденія общегосударственныхъ вопросовъ и окрѣпли духомъ настолько, что открыто причисляютъ себя къ

опаснымъ лѣвымъ теченіямъ (вещь, неслыханная въ недавнемъ прошломъ).

Еще внушительнѣе оказался всероссійскій кооперативный съѣздъ, состоявшійся въ августѣ въ Кіевѣ. Наша кооперація двинулась широкими шагами впередъ какъ разъ тогда, когда, казалось, вся русская жизнь въ ошеломленіи и отчаяніи замерла. Расцвѣтъ кооперацiи начался послѣ разгрома освободительнаго движенія и непрерывно продолжается до послѣднихъ дней. Общественныя силы, пробудившись, были отброшены, но, видимо, не были парализованы: онѣ пошли обходными путями.

Корреспондентъ «Русскаго Слова» въ слѣдующихъ словахъ очерчиваетъ широкій масштабъ кооперативнаго движенія. «Открывшійся въ Кіевѣ 1-го августа всероссійскій кооперативный съѣздъ является крупнымъ событіемъ въ жизни Россіи. За пять лѣтъ, протекшихъ со времени перваго съѣзда, происходившаго въ 1908-мъ году въ Москвѣ, кооперативная организованность народныхъ массъ шла гигантскими шагами. Наглядное представленіе объ этомъ ростѣ даютъ діаграммы и картограммы, развѣшанныя въ «кооперативномъ отдѣлѣ» кіевской выставки. Оказывается, что въ однихъ только кредитныхъ кооперативахъ было организовано на 1-е января 1913 г. свыше $6^1/_2$ милліоновъ членовъ. За шесть послѣднихъ лѣтъ открылось 8,990 кредитныхъ кооперативовъ, а новыхъ членовъ прибавилось 5,6 милліоновъ. Такимъ образомъ въ настоящее время уже *каждый пятый* домохозяинъ-крестьянинъ состоитъ членомъ кредитнаго кооператива. Прибавьте къ этому около 7,000 потребительскихъ обществъ, нѣсколько тысячъ маслодѣльныхъ артелей, сельскохозяйственныя общества малаго района, различныя товарищества по сбыту и т. д., и вы получите цифру приблизительно въ 25,000. Такъ велико теперь число кооперативныхъ организацій въ Россіи, и въ чисто-количественномъ смыслѣ мы уже догнали, пожалуй, Германію, которая по числу кооперативныхъ учрежденій до самаго послѣдняго времени занимала первое мѣсто. На кіевскій съѣздъ явились, понятно, представители лишь небольшой части наличныхъ кооперативныхъ организацій. И все же онъ вышелъ очень внушительнымъ по своимъ размѣрамъ: свыше 1,500 представителей отъ слишкомъ 900 организацій! Врядъ ли какой-нибудь другой съѣздъ собираетъ такое количество *организацій*, а не только *лицъ*».

Кооперація инстинктивно и сознательно держалась всѣ послѣдніе годы поодаль отъ политики. Эта осторожность спасала жизнь кооперацiи. Правительство съ большой подозрительностью смотрѣло, какъ общественныя силы напирали въ русло кооперативнаго движенія, и пресѣкающій мечъ все время висѣлъ въ воздухѣ на го-

товѣ. Кооперація одушевленно дѣлала хозяйственное, бытовое дѣло, искренно чураясь политики.

И тѣмъ цѣннѣе и значительнѣе политическое настроеніе, невольно проявившееся на громадномъ кіевскомъ съѣздѣ, среди представителей всероссійскаго кооперативнаго слоя населенія. Сказалось это прежде всего при выборахъ президіума. Предсѣдатель былъ по назначенію отъ правительства (графъ Гейденъ). Выборы остальныхъ лицъ президіума прошли такимъ образомъ. «Состоялись,—сообщаетъ телеграмма «Русскаго Слова»,—выборы товарищей предсѣдателя. Избранъ предсѣдатель совѣта кооперативныхъ курсовъ университета Шанявскаго Садыринъ, предсѣдатель московскаго Народнаго банка Гибнеръ, членъ московскаго союза потребительныхъ обществъ Зельгеймъ, представитель еврейскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ Ратнеръ, кн. Шаховской, Тотоміанцъ и депутатъ с.-д. Петровскій. По окончаніи общаго собранія, начались засѣданія секцій. Предсѣдателемъ кредитной секціи избранъ проф. Анцыферовъ, потребительной—Прокоповичъ, сельско-хозяйственной—московскій проф. Каблуковъ и ремесленно-производительной—завѣдующій екатеринославской земской кассой Мовричевъ». Имена избранныхъ лицъ краснорѣчиво говорятъ о явномъ тяготѣніи съѣзда влѣво.

На второй день занятій (2-го августа) въ потребительной секціи произошелъ слѣдующій показательный инцидентъ. «Послѣ открытія засѣданія депутатъ с.-д. Г. И. Петровскій попросилъ слова для внѣочередного заявленія и, получивъ его, сказалъ: «Сегодня у насъ, пролетаріевъ всего міра, день большого траура. Умеръ нашъ маститый вождь Августъ Бебель. Онъ всю свою жизнь работалъ не только для освобожденія пролетаріевъ, но и для освобожденія всего человѣчества»... На этой фразѣ представитель полиціи прервалъ оратора и предложилъ предсѣдателю лишить его слова. Предсѣдатель секціи, обращаясь къ депутату, объявилъ: «По требованію полиціи, я долженъ лишить васъ слова». Эти слова предсѣдателя были встрѣчены шумомъ. Вслѣдъ затѣмъ раздались возгласы: «Встать!». Всѣ молча встали. Приставъ заявилъ предсѣдателю, что дѣлаетъ секціи «первое предупрежденіе».

Назначенный предсѣдатель съѣзда гр. Гейденъ тщательно отмечалъ всякіе намеки на политику. Все-же проскакивали характерные штрихи. Въ телеграммѣ «Русскаго Слова» о послѣднемъ днѣ съѣзда говорится: «выясняется, что предсѣдатель съѣзда своей властью снялъ съ обсужденія резолюцію сельскохозяйственной секціи, въ которой упоминается о политическихъ свободахъ, и заявилъ, что онъ далъ администраціи слово не допускать на съѣздѣ политики». Поли-

тическая свобода была удалена, но все-же о ней не забыли упомянуть на дѣловомъ съѣздѣ.

Корреспондентъ «Русской Молвы» отмѣчаетъ другой интересный штрихъ. «Даже тогда, когда до закрытія съѣзда оставалось не болѣе часа и оставалось прочесть только привѣтствія, гр. Гейденъ не разрѣшилъ докладчику культурно-просвѣтительной комиссіи огласить ту часть резолюціи, въ которой комиссія высказывала пожеланія общественнаго характера. Собраніе, апплодируя г. Оберучеву, настойчиво требовало прочесть эту резолюцію. Тогда гр. Гейденъ повышеннымъ тономъ заявилъ: «Какъ предсѣдатель, назначенный правительствомъ, я не допущу чтенія этой резолюціи». Въ свою очередь, г. Оберучевъ заявилъ съ каѳедры: «Такъ какъ условія русской дѣйствительности и ея отношеніе къ культурно-просвѣтительной дѣятельности извѣстны, то понятны тѣ мысли и чувства, которыя комиссія могла и должна была вложить въ свою резолюцію. Мысли и чувства эти вызываютъ общій и солидарный откликъ въ сердцахъ всѣхъ кооператоровъ». Заявленіе это вызвало громъ апплодисментовъ у тысячной аудиторіи. Это былъ въ общественномъ смыслѣ самый яркій моментъ во всей работѣ съѣзда».

Такимъ образомъ кіевскій всероссійскій кооперативный съѣздъ показалъ, что въ странѣ свершилось за послѣдніе тусклые годы громадное дѣло организаціи народныхъ силъ въ учрежденіяхъ коопераціи и что эти организованныя силы, пріобрѣтая новые бытовые навыки въ дѣлѣ кредита, торговли и хозяйственныхъ отношеніяхъ, въ то-же время опредѣленно отдаютъ свои симпатіи прогрессивнымъ теченіямъ русскаго общества и на нихъ возлагаютъ главныя свои надежды.

Естественно, что правая печать подняла тревогу по поводу съѣзда, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ епископы воспретили священникамъ-кооператорамъ поѣздку на кіевскій съѣздъ (такое запрещеніе, между прочимъ, послѣдовало въ Ярославлѣ). Священниковъ, поэтому, на съѣздѣ было немного. Но и съ ихъ стороны газеты отмѣчаютъ цѣнный штрихъ. Въ газетѣ «Колоколъ» была напечатана статья, авторъ которой выражалъ возмущеніе по поводу участія въ кооперативномъ съѣздѣ делегатовъ-священниковъ. По поводу этой статьи группа священниковъ подала президіуму заявленіе слѣдующаго содержанія: «Духовенство, присутствующее на всероссійскомъ кооперативномъ съѣздѣ, проситъ президіумъ съѣзда тѣмъ или инымъ путемъ засвидѣтельствовать передъ всей читающей и мыслящей Россіей, что наше присутствіе на кооперативномъ съѣздѣ, какъ и наша работа на мѣстахъ въ области коопераціи, носитъ характеръ исполненія человѣческаго, христіанскаго и пастырскаго долга. Эта

работа никого не удивляетъ, кромѣ тѣхъ, кто или не понимаетъ истинныхъ задачъ коопераціи и ея конечныхъ цѣлей, или же тѣхъ, кто хорошо все это понимаетъ, но враждебно относится ко всякому поступательному движенію трудовыхъ классовъ».

Это выступленіе священниковъ (по нынѣшнему времени, довольно опасное для нихъ) подчеркиваетъ свойство коопераціи сплачивать интересы разныхъ лицъ, входящихъ въ нее, и повышать въ нихъ смѣлость къ публичнымъ выявленіямъ своихъ убѣжденій.

Таково значеніе коопераціи въ центральной Россіи. Но, кажется, еще значительнѣе ея вліяніе въ Сибири. До сихъ поръ Сибирь лишена земскихъ учрежденій. А пока она ждетъ ихъ и безуспѣшно ходатайствуетъ о нихъ, жизнь выдвинула кооперацію. «Сибирская Жизнь», описывая первый западно-сибирскій съѣздъ дѣятелей по мелкому кредиту, состоявшійся въ концѣ іюня въ Томскѣ, обрисовываетъ такую картину. «Общественное собраніе еще никогда не видѣло въ стѣнахъ своей зрительной залы такой публики. Партеръ заняли «мужики»—представители почти единственныхъ въ сельской Сибири общественныхъ организацій, представители кредитной коопераціи. Когда оглядываешь море головъ зрительной залы, то невольно приходитъ въ голову мысль: Великая сельская Сибирь... Люди отъ сохи и ихъ «спутники»—деревенская интеллигенція. Есть здѣсь и представители духовенства, представители крестьянъ-мусульманъ, нѣмцевъ-колонистовъ. Передъ вами лицо сибирской деревни, которой дали возможность приложить свои силы къ миніатюрному клочку великаго земскаго дѣла, и изъ «ничего» стало колоссальное дѣло, съ еще болѣе колоссальнымъ по значенію будущимъ. Хотя съѣздъ и именуется «западно-сибирскимъ», но въ немъ представлена и Восточная Сибирь».

И этотъ мужицкій сибирскій парламентъ, собравшись въ первый разъ, несмотря на присутствіе и замѣчанія начальства, все-же проявилъ ясно общественные инстинкты и тяготѣніе къ прогрессивнымъ просвѣтамъ. «Съ несомнѣнностью проявилась,—говоритъ газета,—могучая тяга къ дѣлу, жажда общественной работы, горячая вѣра въ дѣло и будущее коопераціи; но дѣйствительность не прикрашивается. Общее положеніе кредитныхъ товариществъ нельзя еще назвать прочнымъ,—сказалъ представитель барнаульскаго кредитнаго товарищества.—Населеніе еще не довѣряетъ имъ. Вклады дѣлаютъ состоятельные люди только потому, что товарищества даютъ по вкладамъ крупные проценты. Кооперація встрѣчаетъ еще на своемъ пути шипы: препятствія со стороны администраціи. Нѣкоторые крестьянскіе начальники запрещаютъ дѣлать

вклады мірскихъ капиталовъ. Былъ случай, когда урядникъ разгонялъ собраніе членовъ товарищества. Если волна кредитныхъ товариществъ и широко разлилась, то это отнюдь не означаетъ, что положеніе ихъ прочно (Апплодисменты). Что нужно для успѣшнаго развитія кооперацiи? На это цѣлый рядъ представителей кооперативовъ отвѣчаютъ: «Всеобщее обязательное образованіе» (Бурные апплодисменты). Представитель вознесенскаго товарищества указалъ на то, что крайне отрицательное вліяніе на развитіе вкладныхъ операцій оказываетъ запретъ крестьянскихъ начальниковъ, преграждающихъ доступъ въ кассы товариществъ суммъ общественныхъ и сиротскихъ, а также отказъ духовенства дѣлать вклады церковныхъ суммъ. Это подрываетъ довѣріе къ кассамъ у крестьянъ. Указывается и на стѣсненія въ кредитѣ со стороны Государственнаго банка. Приводятся примѣры разныхъ запретовъ и стѣсненій со стороны мѣстной администраціи. Предсѣдатель останавливаетъ говорящихъ: «Не ваше дѣло судить отдѣльныхъ начальниковъ».

При всѣхъ одергиваніяхъ предсѣдателя (чиновника отъ правительства) все-же настроеніе съѣзда было съ явнымъ уклономъ влѣво. И опять оказывается, что, кромѣ большого хозяйственно-бытового значенія, кооперація невольно служитъ сплачиванію общественныхъ силъ и невольно выдвигаетъ, требуя осуществленія, общегосударственные вопросы (въ родѣ всеобщаго обязательнаго обученія, устраненія административной опеки и т. д.).

Конечно, администрація видитъ и чувствуетъ опасность для себя отъ коопераціи, но пути кооперативнаго движенія такъ естественны и глубоки и такъ, по главной своей сущности, далеки отъ политики, что совершенно воспретить существованіе коопераціи не хватаетъ рѣшимости даже у нашего правительства. Принимаются частичныя мѣры такого, напримѣръ, рода. «Администрація,—телеграфируютъ «Русскому Слову» изъ Кіева,—запретила демонстрировать въ кинематографахъ засѣданія кооперативнаго съѣзда. Мотивы этого запрещенія неизвѣстны». Или въ такомъ родѣ: «На дняхъ,—сообщаютъ изъ Рязани,—въ уѣздномъ городкѣ Рязанской губерніи Раненбургѣ вышелъ первый номеръ журнала «Мужицкая Правда», издаваемаго кооператоромъ Никитинымъ. Администрація заботливо извѣстила о выходѣ этого номера всѣ волостныя правленія, циркуляромъ строго предписавъ имъ новый журналъ не выписывать, а также не доставлять его подписчикамъ, выписывающимъ черезъ волостныя правленія».

Но, конечно, такого сорта мѣропріятія вызываютъ лишь на-

смѣшки въ населеніи, на ходъ-же развитія кооперативнаго дѣла они оказать замѣтнаго вліянія не въ состояніи.

Такіе знаменательные признаки, какъ съѣздъ приказчиковъ въ Москвѣ и съѣздъ кооператоровъ въ Кіевѣ, указываютъ на громадный и движущійся уклонъ русской жизни,—уклонъ, котораго уже не остановить никакими силами. Наростаетъ общественная воля, которая все властнѣе требуетъ переустройства жизни (отчасти сама уже ее переустраивая), и рано или поздно придется преклониться передъ этой волей.

Въ видѣ контраста отмѣченнымъ прогрессивно-общественнымъ съѣздамъ громаднаго значенія невольно хочется отмѣтить съѣзды законоучителей въ Одессѣ и въ Екатеринославѣ. «Боевой политическій курсъ, усвоенный за послѣднее время мѣстнымъ духовенствомъ по настоянію и съ благословенія начальства,—пишетъ екатеринославскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—обнаруживается все въ новыхъ проявленіяхъ. Крайне характерными въ этомъ отношеніи были закончившіеся на-дняхъ два съѣзда—миссіонеровъ и законоучителей. Первый обсуждалъ вопросъ о борьбѣ съ соціалъ-демократіей. Миссіонеры рѣшили взяться за рабочихъ и донять ихъ политическими проповѣдями противъ соціалъ-демократіи. Второй съѣздъ коснулся преподаванія закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Законоучители объявили, что всѣ дефекты въ преподаваніи объясняются тѣмъ, что преподаватели естественной исторіи аннуллируютъ вліяніе законоучителей. Они не прочь бы совершенно упразднить въ школахъ преподаваніе естественной исторіи».

Другой корреспондентъ той же газеты сообщаетъ изъ Одессы: «На съѣздѣ законоучителей всеобщее одобреніе вызвалъ докладъ свящ. Кирицы положеніями, что грамотность увеличиваетъ преступность и рецидивизмъ, изощряетъ преступниковъ, понижаетъ возрастъ послѣднихъ. Архіепископъ Назарій положилъ резолюцію отпечатать и распространить докладъ. Постановлено учредить братство для поддержки религіи въ школѣ и борьбы съ антирелигіозными теченіями свѣтскихъ учебныхъ заведеній».

Итакъ, крестьяне постановляютъ резолюціи о всеобщемъ образованіи, и вся русская жизнь рвется къ просвѣтлѣнію, къ преобразованію, а священники тянутся къ мраку, къ безграмотности. И корреспондентъ не ошибся, говоря, что это дѣлается «съ благословенія начальства». Крики о вредѣ образованія, о вредѣ книги и школы раздаются все настойчивѣе и вверху, изъ устъ правыхъ депутатовъ въ Государственной Думѣ и на столбцахъ столичной правой печати.

И, конечно, они правы: чтобы стало возможнымъ возстановленіе стараго режима, нужно сжечь всѣ книги, закрыть всѣ школы, уничтожить всѣ журналы и газеты, запретить всѣ съѣзды, рѣшительно выкорчевать всѣ общества и союзы.

А такъ какъ посягнуть на такое безумное взнузданіе жизни не рѣшится никакое правительство, то остается только одно: открыть пути общественной силѣ, которая неудержимо нарастаетъ и зрѣетъ по всѣмъ мѣстамъ Россіи.

И. Жилкинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Бухарестскій мирный договоръ.—Побѣдители и побѣжденные.—Взаимныя обвиненія болгаръ и ихъ противниковъ.—Вопросъ о жестокостяхъ во время войны и международная комиссія для ихъ провѣрки. — Сербскій отводъ противъ г. Милюкова.—Успѣхи пацифизма.—Три смерти: Эмиль Олливье, Рошфоръ и Бебель.

Дипломатія великихъ державъ играла далеко не почетную роль въ послѣднихъ балканскихъ событіяхъ, завершившихся бухарестскимъ миромъ. Кабинеты не могли столковаться между собою относительно самыхъ существенныхъ вопросовъ; они дѣйствовали въ разбродъ и выставляли напоказъ передъ всѣмъ міромъ свои коренныя разногласія, въ то время какъ серьезно обсуждались еще предполагаемыя коллективныя мѣры для поддержанія авторитета Европы на Балканскомъ полуостровѣ. Австро-Венгрія разошлась съ Германіей и оказалась солидарной съ Россіею, заступаясь за Болгарію противъ сербовъ, грековъ и турокъ; Россія отдѣлилась отъ Франціи и Англіи; Германія открыто выражала свое сочувствіе Турціи и ея новымъ союзникамъ, торжествовавшимъ побѣду надъ несчастными болгарами. Роль устроителей мира на ближнемъ Востокѣ была предоставлена Румыніи, которая съ поразительнымъ цинизмомъ воспользовалась временнымъ безсиліемъ Болгаріи для захвата части ея территоріи. Лондонскій договоръ, надъ выработкой котораго трудились уполномоченные представители европейскихъ кабинетовъ, разорванъ въ клочки, насколько онъ касается Болгаріи, и въ Бухарестѣ произведенъ уже раздѣлъ балканскихъ земель, завоеванныхъ не только у турокъ, но и у болгаръ. Разбитая своими бывшими союзниками

Болгарія должна была отказаться отъ надежды на активную поддержку великихъ державъ; она вынуждена была согласиться на предписанныя ей условія мира и довольствоваться только формальною оговоркою относительно предстоящаго пересмотра ихъ европейскою дипломатіею. Но мысль о пересмотрѣ, высказанная въ послѣднемъ засѣданіи конференціи отъ имени Австро-Венгріи и Россіи, была безъ всякихъ церемоній устранена заявленіемъ императора Вильгельма II объ окончательномъ характерѣ бухарестскаго договора, что выяснилось изъ благодарственной депеши румынскаго короля.

Небольшіи балканскія государства, побѣдившія Болгарію, остались полными хозяевами положенія. Сербія и Греція подѣлили между собою Македонію, какъ безправную добычу; Румынія взяла себѣ безъ войны чужую область, не справляясь съ желаніями ея населенія. Никто въ Европѣ не поднялъ вопроса о томъ, что необходимо, по крайней мѣрѣ, соблюсти нѣкоторыя внѣшнія приличія, прежде чѣмъ рѣшить судьбу заинтересованныхъ балканскихъ народностей; можно было вспомнить по этому поводу, что уже болѣе полувѣка тому назадъ примѣнялся въ подобныхъ случаяхъ принципъ народнаго голосованія (напр. при присоединеніи Савойи и Ниццы къ Франціи). Сама Болгарія не возражала противъ внезапнаго насильственнаго превращенія многихъ ея обывателей въ румынскихъ подданныхъ, такъ какъ Румынія дѣлала это безъ злобы, съ хорошими словами о дружбѣ и равновѣсіи, охраняя, какъ будто, Болгарію отъ дальнѣйшихъ домогательствъ со стороны непосредственныхъ враговъ болгарскаго народа—сербовъ, грековъ и турокъ. Иностранные дипломаты и публицисты восхваляли румынскихъ правителей, превозносили ихъ мудрую умѣренность, и самъ король Карлъ призналъ за собою великую заслугу миротворца.

Текстъ мирнаго договора, подписаннаго въ Бухарестѣ 10-го августа (28-го іюля), не содержитъ никакихъ указаній на тѣ исключительныя обстоятельства, при которыхъ состоялось его заключеніе. Приводимъ этотъ текстъ со словъ румынскаго телеграфнаго агентства. «Мирный договоръ между королемъ Болгаріи съ одной стороны и королями Греціи, Черногоріи, Румыніи и Сербіи—съ другой. Одушевленные желаніемъ положить конецъ существующему нынѣ состоянію войны между названными странами и возстановить миръ между народами, пережившими такъ много испытаній, монархи этихъ странъ рѣшили заключить окончательный мирный договоръ и назначили для этого своихъ уполномоченныхъ. Послѣ того какъ счастливо достигнуто было соглашеніе, постановлено слѣдующее: Статья 1. Между королемъ болгаръ и остальными монархами, равно какъ и ихъ наслѣдниками и преемниками, будетъ господствовать миръ и

дружба. Ст. 2. Согласно пятому приложенію къ протоколу, исправленная граница между Румыніею и Болгаріею начинается отъ Дуная, выше Туртукая, и доходитъ до Чернаго моря, къ югу отъ Экрене. Въ теченіе не болѣе двухъ лѣтъ Болгарія обязывается срыть существующія укрѣпленія Рущука, Шумлы и въ районѣ двадцати километровъ около Балчика. Смѣшанная комиссія установитъ на мѣстѣ новую пограничную линію въ продолженіе четырнадцати дней и проведетъ эту раздѣльную черту черезъ затронутыя ею частныя владѣнія. Въ случаѣ разногласія дѣло рѣшается окончательно третейскимъ судомъ. Ст. 3. Согласно девятому приложенію къ протоколу установленная граница между Сербіей и Болгаріей идетъ отъ Патарійской горы на старой границѣ, вдоль прежней турецкой и болгарской границы, по водораздѣлу между Вардаромъ и Струмой, за исключеніемъ верхней части долины Струмицы, которая останется за Сербіей, и кончается у Бельчской горы, гдѣ примыкаетъ къ болгарско-греческой границѣ. Смѣшанная комиссія установитъ въ четырнадцать дней новую пограничную линію и проведетъ ее черезъ пограничныя владѣнія подъ условіемъ разрѣшенія возможныхъ споровъ третейскимъ судомъ. Ст. 4. Вопросы, относящіеся къ старой сербско-болгарской границѣ, рѣшаются соотвѣтственно состоявшимся между сторонами соглашеніямъ, изложеннымъ въ приложеніи къ протоколу. Ст. 5. Установленная согласно пятому приложенію къ протоколу граница между Греціей и Болгаріей начинается отъ новой сербско-болгарской границы, слѣдуетъ по гребню Бельчскихъ горъ и кончается у впаденія рѣки Месты въ Эгейское море. Смѣшанная комиссія и третейскій судъ назначается какъ и въ предыдущей статьѣ. Болгарія теперь же положительно отказывается отъ всякихъ притязаній на островъ Ѳазосъ [1]). Ст. 6. Главныя квартиры отдѣльныхъ армій должны быть тотчасъ освѣдомлены о подписаніи договора. Болгарское правительство обязывается приступить къ разоруженію въ ближайшіе дни. Войска, стоящія гарнизонами въ районѣ одной изъ дѣйствующихъ армій, будутъ передвинуты въ другія мѣстности старыхъ болгарскихъ владѣній и могутъ возвратиться въ обычные гарнизонные пункты только по очищеніи оккупаціоннаго района. Ст. 7. Очищеніе болгарской территоріи начнется тотчасъ послѣ перехода болгарской арміи на мирное положеніе и окончится не позднѣе какъ въ четырнадцать дней. Ст. 8. Во время оккупаціи болгарскихъ областей сохраняется за войсками право реквизиціи съ уплатою наличными. Они могутъ также свободно

[1]) Въ газетныхъ телеграммахъ былъ ошибочно названъ островъ Критъ, вмѣсто Ѳазоса (противъ устья Месты).

пользоваться желѣзными дорогами для перевозки войскъ и съѣстныхъ припасовъ безъ всякой за это платы. Больные и раненые остаются подъ покровительствомъ оккупаціонныхъ армій. Ст. 9. Всѣ военноплѣнные должны быть взаимно возвращены по принадлежности въ возможно скорѣйшій срокъ. Правительства доставятъ другъ другу счетъ непосредственныхъ расходовъ на содержаніе военноплѣнныхъ. Ст. 10. Настоящій договоръ будетъ ратификованъ въ теченіе четырнадцати дней, или, если возможно, раньше, и обмѣнъ ратификацій состоится въ Бухарестѣ».

Бухарестская конференція успѣшно окончила свою задачу въ короткій сравнительно срокъ—въ одиннадцать дней, съ 17 (30)-го іюля. Договоръ былъ ратификованъ, какъ и предполагалось, 12 (25) августа. Побѣдителямъ болгаръ—сербамъ и грекамъ—удалось закрѣпить за собою почти всѣ ихъ завоеванія; болгары, недавно еще счастливые побѣдители Турціи, должны были по неволѣ примириться съ судьбою побѣжденныхъ и ограбленныхъ жертвъ междоусобной войны.

Болгарскіе правители и политическіе дѣятели обвиняютъ противниковъ въ измѣнѣ и предательствѣ; царь Фердинандъ въ публичномъ воззваніи говорилъ о «низости» бывшихъ союзниковъ и возлагалъ на нихъ отвѣтственность за всѣ бѣдствія Болгаріи. Сербы и греки въ свою очередь приписываютъ болгарамъ всевозможные грѣхи. Пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ успокоятся возбужденныя страсти, и чувство справедливости возьметъ верхъ надъ внушеніями злобы и ненависти. При болѣе хладнокровной оцѣнкѣ событій нельзя не видѣть, что предупрежденіе пагубныхъ междоусобій безусловно зависѣло отъ Болгаріи, которая съ самаго начала могла бы отнестись съ подобающимъ вниманіемъ къ требованіямъ Сербіи и Греціи. Настойчивыя заявленія сербовъ о пересмотрѣ союзнаго договора не заключали въ себѣ ничего произвольнаго или незаконнаго, а напротивъ, мотивировались весьма вѣскими указаніями на фактическую перемѣну первоначальныхъ условій войны. Точно также были вполнѣ естественны и притязанія грековъ на занятый ими городъ Салоники съ окружающею мѣстностью. Сербы и греки не скрывали своихъ ожиданій и разсчетовъ, а такъ какъ мысль о новой войнѣ изъ-за раздѣла добычи была совершенно недопустима, то со стороны Болгаріи неизбѣжны были соотвѣтственныя добровольныя уступки. Именно на этой почвѣ возникли и поддерживались принципіальныя недоразумѣнія между представителями Болгаріи и русскаго общественнаго мнѣнія. Болгары утверждали, что они должны были стоять и бороться за правое дѣло, не заботясь о послѣдствіяхъ; но и сербы, и греки одинаково считали свое дѣло правымъ, и потому необходимъ былъ какой-нибудь компромиссъ. Съ

русской точки зрѣнія немыслимо было рѣшиться на войну съ вчерашними союзниками изъ-за спора о распредѣленіи занятыхъ земель; никакое правое дѣло не оправдывало этой рѣшимости, которая была тѣмъ болѣе преступна, что для разрѣшенія подобныхъ споровъ заранѣе предполагался третейскій судъ. Болгарскіе патріоты думаютъ, что ихъ армія имѣла шансы сразу нанести сокрушительный ударъ и сербамъ, и грекамъ, но этому помѣшалъ министръ-президентъ Даневъ, остановившій, будто бы, подготовленное наступленіе войскъ въ предѣлы старой сербской территоріи; но, во-первыхъ, непосредственное вмѣшательство министра-президента въ военныя дѣйствія представляется мало вѣроятнымъ, и оно едва ли было бы допущено главнокомандующимъ и его штабомъ; во-вторыхъ, попытка остановить наступленіе сдѣлана была во всякомъ случаѣ уже послѣ того, какъ первый натискъ болгарской арміи потерпѣлъ неудачу. Болгары неправильно оцѣнили силы своихъ противниковъ и слишкомъ понадѣялись на скромную пассивность Румыніи и Турціи—и въ этомъ они могутъ винить только самихъ себя. Если бы разсчеты болгаръ оказалось вѣрными, и побѣда досталась бы имъ, то война не стала бы отъ этого болѣе справедливою, и русское общество высказалось бы противъ побѣдоносной Болгаріи съ гораздо большею рѣшительностью, чѣмъ противъ Болгаріи побѣжденной и несчастной, нуждающейся въ нашемъ сочувствіи. Взаимная рѣзня между союзниками послѣ успѣшной освободительной войны была сама по себѣ преступленіемъ, кѣмъ бы она ни была начата и каковъ бы ни былъ ея исходъ. Этого основного взгляда русской печати и русскаго общественнаго мнѣнія не хотѣли, повидимому, понять ни болгары, ни сербы, ни греки. Болгары были раздражены противъ Россіи, отъ которой почему-то ожидали поощренія и содѣйствія въ своихъ планахъ; сербы и греки были также недовольны нашей дипломатіей, но думали, что могутъ обойтись безъ нея, и дѣйствительно обошлись.

Современные устроители балканскихъ дѣлъ, съ Румыніею во главѣ, не обнаруживаютъ ни малѣйшихъ признаковъ угрызеній совѣсти по поводу своей жестокой расправы съ болгарами; они ведутъ себя съ самоувѣренностью настоящихъ побѣдителей и не стѣсняются признаваться въ такихъ поступкахъ, которые на могутъ быть названы иначе какъ возмутительными. Авторъ книги о сербахъ и болгарахъ, вышедшей одновременно на французскомъ и русскомъ языкахъ, г. Balkanicus, упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ о «случаѣ съ Лютвіевымъ»: случай состоялъ въ томъ, что болгаринъ Лютвіевъ былъ убитъ сербскими патріотами въ городѣ Прилѣпѣ. «Лично я также жалѣю о смерти Лютвіева—говоритъ авторъ (по

французскому тексту),—но нужно признать, что предшествующія обстоятельства дѣлаютъ этотъ фактъ понятнымъ. Лютвіева, по всѣмъ признакамъ, линчевали сербскіе четники за вызывающую рѣчь, сказанную имъ при торжествѣ празднованія дня рожденія его высочества престолонаслѣдника Александра, 4 (17) декабря 1912 года, въ присутствіи сербскихъ офицеровъ и солдатъ, а также многихъ почетныхъ обывателей Прилѣпа. Онъ сказалъ, между прочимъ: «Прилѣпъ не былъ бы освобожденъ, еслибы не храбрая болгарская армія, задержавшая своею грудью турецкіе штыки при Чаталджѣ, а потому вы всѣ должны быть благодарны главѣ балканскаго союза, его величеству царю Фердинанду».—Автору кажется вполнѣ понятнымъ, что за эти слова можно было казнить Лютвіева; а между тѣмъ въ нихъ заключалось только напоминаніе о безспорныхъ заслугахъ союзной болгарской арміи и объ оффиціальной роли царя Фердинанда, какъ союзника Сербіи. Въ числѣ почетныхъ обывателей города, къ которымъ обращался Лютвіевъ, находились, вѣроятно, и болгары, чѣмъ объясняется, конечно, и самое содержаніе рѣчи. Странно только то, что въ присутствіи сербскихъ офицеровъ и солдатъ, при несомнѣнномъ существованіи сербской регулярной арміи и сербской военной власти въ Прилѣпѣ, въ день оффиціальнаго сербскаго празднества, могли появиться откуда-то «сербскіе четники» и расправиться судомъ Линча съ болгарскимъ ораторомъ. По мнѣнію г. Balkanicus'а, Лютвіевъ самъ виноватъ въ своей печальной судьбѣ: не слѣдовало ему восхвалять болгарскую армію и царя Фердинанда, когда полагалось чествовать только сербовъ и ихъ королевича Александра. Авторъ приводитъ разные факты и документы въ доказательство преступной агитаціи болгаръ въ македонскихъ областяхъ, занятыхъ сербскими войсками. Такъ, нѣкій «болгарскій четникъ публично въ кафанѣ, въ присутствіи гражданъ, оскорблялъ сербовъ и ругалъ короля Петра»; за это онъ былъ задержанъ, и о немъ производится дѣло. Очень можетъ быть, что, подобно Лютвіеву, онъ оскорблялъ сербовъ и ихъ короля хвалебными словами о болгарахъ и царѣ Фердинандѣ. Въ городѣ Велесѣ сербскій комендантъ «приказалъ општинскому суду, чтобы населеніе города приняло участіе въ богослуженіи», устроенномъ пріѣзжимъ сербскимъ архіереемъ; горожане, вѣрные своимъ болгарскимъ священникамъ, постановили не подчиняться распоряженію коменданта; по этому поводу велось слѣдствіе, и дѣло передано суду. Почему военный комендантъ считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ духовныя дѣла и «приказывать» населенію участвовать въ томъ или иномъ богослуженіи—неизвѣстно. Мѣстному болгарскому архіерею ставилось въ вину, что «въ ектеніи о здравіи и благоденствіи государя онъ не упоминалъ его величества короля

Петра, а только царя Фердинанда и его домъ»; въ отвѣтъ на это обвиненіе онъ ссылался на принятый повсюду порядокъ перечисленія членовъ балканскаго союза, а именно: «болгарскій царь, русскій царь, греческій король, сербскій король и черногорскій король». Сербскія власти рѣшили произвести обыскъ въ болгарской митрополіи, какъ «гнѣздѣ болгарскаго шовинизма»; обыскъ былъ произведенъ въ присутствіи самого епископа, который «велъ себя вызывающе по отношенію къ чиновнику, заявляя, что онъ неприкосновененъ, что болгарская митрополія имѣетъ свою спеціальную миссію, которую ни одна власть не въ правѣ контролировать, и потому онъ обыска не допуститъ; такъ-же точно вели себя и чиновники митрополіи», которые вслѣдствіе этого были всѣ арестованы. При обыскѣ «найдены разныя извѣщенія, посланныя болгарскому правительству, въ которыхъ о сербской арміи и властяхъ употреблены самыя оскорбительныя выраженія; найдено много жалобъ обывателей на мѣстныя сербскія власти, и жаловались именно тѣ, которые привлекались за то или иное преступленіе къ отвѣтственности». Выходитъ, что жаловаться на сербовъ и отзываться о нихъ непочтительно считалось уже преступленіемъ; притомъ всѣ эти крутыя мѣры противъ болгарской митрополіи предпринимались сербами въ краѣ, который, согласно договору, долженъ былъ впослѣдствіи отойти къ Болгаріи. Священники систематически преслѣдовались за то, что при богослуженіи не упоминали имени сербскаго короля, какъ будто временная военная оккупація страны была равносильна присоединенію ея къ Сербіи. Всѣхъ этихъ странностей не замѣчаетъ сербскій патріотъ, скрывающій свое имя подъ псевдонимомъ Balkanicus'a.

Въ иностранной печати много говорилось о звѣрствахъ послѣдней балканской войны, и отвѣтственность за нихъ возлагалась поочередно на болгаръ, сербовъ и грековъ. Въ дѣйствительности, насколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, дѣло сводится къ устройству погромовъ или къ отдѣльнымъ случаямъ «линчеванія» въ моменты безвластія, при удаленіи прежнихъ властей и доводвореніи новыхъ; возможны также факты снисходительнаго или сочувственнаго бездѣйствія мѣстныхъ военныхъ начальствъ при взрывахъ племенныхъ или религіозныхъ страстей среди населенія. Матеріалы для такого рода вспышекъ существовали на Балканахъ въ достаточномъ изобиліи. Нѣкоторыя оффиціальныя сообщенія, собранныя въ указанной выше книгѣ Balkanicus'a, довольно ярко характеризуютъ это положеніе вещей. Напр., старый сербскій патріотъ «далъ пощечину одному болгарину, который оскорбилъ его величество короля сербскаго Петра и сербскую мать»; за это онъ былъ въ свою очередь избитъ болгарскими жандармами и задержанъ подъ

арестомъ на два дня. Въ одномъ селѣ, при вѣнчаніи серба съ болгаркою, едва не произошла драка между представителями обѣихъ народностей изъ-за того, какому священнику слѣдуетъ предоставить совершеніе обряда. Многіе разсказы о насиліяхъ и всякихъ ужасахъ оккупаціи основаны, очевидно, на ложныхъ доносахъ и фантастическихъ слухахъ. Писарь Кавадарскаго управленія, Григ. Дракаловичъ, сообщаетъ, что въ городѣ Пештовѣ образовался болгарскій комитетъ, по распоряженію котораго «болѣе четырехсотъ крестьянъ, вооруженныхъ ружьями и кольями, напали на турокъ въ селахъ, силою пригнали ихъ въ церковь и всѣхъ крестили»; относительно городскихъ жителей это не дѣлается, а съ каждаго турецкаго дома взимается дань въ размѣрѣ двухъ турецкихъ лиръ. Разсказчикъ «слышалъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что четыре турка не вынесли и повѣсились въ своихъ домахъ». Неудивительно, поэтому, что даже мѣстные болгары «ругаютъ болгарскаго короля» и мечтаютъ, будто бы, остаться подъ сербскимъ владычествомъ. Въ Кумановскомъ округѣ, по описаніямъ другого писаря, болгары рѣзали турокъ, какъ барановъ; одинъ воевода въ присутствіи «пристава» ограбилъ и поджегъ сто сорокъ восемь домовъ въ селахъ и тринадцать турецкихъ домовъ въ Иштибѣ, и убилъ двадцать турокъ въ мѣстечкѣ св. Николы; въ трехъ селахъ четыре четника убили 34 турокъ; въ селѣ Каратановѣ два четника убили 24 турокъ и т. п. Остается непонятнымъ, почему десятки и сотни мусульманъ такъ легко и охотно отдавались въ распоряженіе отдѣльныхъ четниковъ, и не оказывали имъ никакого сопротивленія при своемъ численномъ превосходствѣ. По всей вѣроятности, значительная часть этихъ избіеній составляетъ плодъ запуганнаго воображенія или умышленнаго сочинительства; столь-же сомнительными представляются описанія жестокостей, которымъ подвергались будто-бы плѣнные, а также безоружные жители, женщины и дѣти, со стороны военныхъ или административныхъ органовъ отдѣльныхъ балканскихъ государствъ. Между тѣмъ эти сомнительные разсказы печатаются въ газетныхъ отчетахъ и распространяютъ во всемъ культурномъ мірѣ невѣрныя или одностороннія свѣдѣнія, подрывая нравственную и политическую репутацію заинтересованныхъ народностей. Въ отвѣтъ на тенденціозныя обвиненія, исходившія отъ грековъ и сербовъ, болгарское правительство предложило произвести изслѣдованіе и провѣрку фактовъ на мѣстѣ, черезъ посредство особой международной комиссіи. Мысль эта вскорѣ облеклась въ реальную форму, благодаря могущественному содѣйствію новаго международнаго учрежденія, связаннаго съ именемъ Карнеджи. Одинъ изъ отдѣловъ администраціи этого «фонда международнаго мира» взялся органи-

зовать предположенную слѣдственную комиссію, при участіи авторитетныхъ общественныхъ и парламентскихъ дѣятелей различныхъ странъ. Представителемъ Россіи въ составѣ этой комиссіи назначенъ былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ балканскихъ дѣлъ, П. Н. Милюковъ. Какъ выдающійся публицистъ, онъ неоднократно высказывался въ печати по поводу печальныхъ особенностей послѣдней войны и подвергалъ иногда серьезной критикѣ образъ дѣйствій сербскихъ властей въ занятыхъ ими мѣстностяхъ Македоніи; въ то же время онъ не скрывалъ своихъ симпатій къ болгарскому народу и этимъ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе въ Сербіи. Рѣзкая полемика противъ г. Милюкова занимаетъ много мѣста и въ упомянутой книгѣ г. Balkanicus'а, но въ концѣ своего предисловія авторъ выражаетъ сожалѣніе, что г. Милюковъ не присутствовалъ при осадѣ Адріанополя и не наблюдалъ тамъ сербовъ и болгаръ на дѣлѣ; тогда онъ видѣлъ бы, «кто культурнѣе, человѣчнѣе, либеральнѣе, кто менѣе эгоистиченъ и жаденъ». Значитъ, и этотъ раздраженный противникъ г. Милюкова приписывалъ его антисербскіе взгляды добросовѣстному заблужденію, а не предвзятой тенденціозности. Казалось бы, что вѣрнѣйшій способъ доказать ошибочность извѣстныхъ взглядовъ и обобщеній—это открыть доступъ къ опровергающимъ ихъ фактамъ, дать противникамъ убѣдительный и вѣскій матеріалъ для болѣе правильныхъ выводовъ. Съ этой точки зрѣнія сербы должны были привѣтствовать выборъ П. Н. Милюкова въ члены международной слѣдственной комиссіи, ибо разсѣять предубѣжденія такихъ противниковъ и выяснить предъ ними свою правоту было бы въ высшей степени желательно для истинныхъ сербскихъ патріотовъ. Тѣмъ неожиданнѣе былъ шагъ, предпринятый сербскимъ правительствомъ—формальный отводъ г. Милюкова, подъ предлогомъ его болгарофильства. Самый отводъ предъявленъ въ грубоватой и неуклюжей формѣ, отчасти оскорбительной для международной комиссіи. Сербія выразила готовность допустить дѣятельность этой комиссіи подъ условіемъ устраненія г. Милюкова изъ числа ея членовъ. Сербское правительство взяло на себя въ этомъ случаѣ не подобающую ему роль самовластнаго контролера по отношенію къ составу и компетентности такого международнаго учрежденія, которое можетъ правильно функціонировать только при полной своей независимости. Сербскіе министры не могли ожидать, что комиссія признаетъ за ними это право контроля и подчинится ихъ произвольному и плохо мотивированному требованію. Комиссіи оставалось только заявить о невозможности для нея дѣйствовать при такихъ условіяхъ; члены ея, въ томъ числѣ и г. Милюковъ, покинули Бѣлградъ подъ впе-

чатлѣніемъ крайне недружелюбныхъ уличныхъ манифестацій, придавшихъ особый оттѣнокъ безтактному рѣшенію правительства. Это не было умно со стороны сербскихъ патріотовъ. Комиссія отправилась въ Салоники, къ союзникамъ Сербіи, и встрѣтила тамъ такой же отрицательный и невѣжливый пріемъ: греки поддержали своихъ сербскихъ друзей и заодно съ ними отреклись отъ предположеннаго международнаго разслѣдованія.

Первая серьезная попытка фонда Карнеджи приступить къ практической дѣятельности въ духѣ пацифизма потерпѣла неудачу. И обиднѣе всего, что пренебреженіе къ принципамъ международной организаціи на основахъ общаго мира, взаимнаго довѣрія и солидарности выражено однимъ изъ тѣхъ новыхъ государствъ, которыя возникли, развились и окрѣпли именно подъ покровомъ международнаго права, при неоднократномъ заступничествѣ посторонних великихъ державъ. Сербія выросла теперь и сразу увеличилась почти вдвое—и своимъ вновь пріобрѣтеннымъ положеніемъ она прежде всего воспользовалась для того, чтобы оттолкнуть отъ себя безкорыстныхъ представителей идеи международнаго арбитража. Такъ поступила и возвеличенная войною Греція. Однако, приверженцы пацифизма не слагаютъ оружія и не предаются унынію. Въ то самое время, когда ихъ постигло непріятное разочарованіе на ближнемъ Востокѣ, они имѣли возможность вновь подтвердить и засвидѣтельствовать торжество своихъ идей въ одномъ изъ культурныхъ центровъ запада. Въ Гаагѣ, 28 (15)-го августа, въ присутствіи оффиціальныхъ представителей сорока двухъ государствъ, состоялось открытіе великолѣпнаго «дворца мира», сооруженнаго на средства Карнеджи и предназначеннаго служить помѣщеніемъ для постояннаго третейскаго международнаго трибунала. Сверхъ ассигнованной американскимъ милліардеромъ суммы въ полтора милліона долларовъ было пожертвовано нидерландскимъ правительствомъ мѣсто для зданія, цѣнностью въ семьсотъ тысячъ гульденовъ, и доставлены роскошные подарки отъ разныхъ странъ, для соотвѣтственнаго украшенія зданія и его главныхъ залъ. Дворецъ имѣетъ свою собственную богатую спеціальную библіотеку и снабженъ всѣми удобствами для пребыванія и занятій членовъ суда. Со времени первой Гаагской конференціи мира, созванной въ 1899-мъ году по почину Россіи, идея международнаго арбитража сдѣлала огромные успѣхи не только въ общественномъ мнѣніи Европы, но и въ области практической политики. Германія на первыхъ порахъ возражала противъ предположеній и цѣлей, казавшихся ей мечтательными и неосуществимыми; но мало по малу она присоединилась къ общему движенію и по примѣру другихъ государствъ вно-

сила въ заключаемые вновь международные договоры условіе о третейскомъ судѣ для рѣшенія возможныхъ споровъ и разногласій. Съ 1902-го года разсмотрѣно и рѣшено Гаагскимъ третейскимъ судомъ двѣнадцать спорныхъ дѣлъ, по которымъ постановлены резолюціи, принятыя сторонами къ безпрекословному исполненію. Нѣкоторые изъ этихъ конфликтовъ, какъ напримѣръ Казабланкскій инцидентъ 1908-го года въ Марокко, имѣли такой острый характеръ, что легко могли привести къ враждебному столкновенію, и ихъ удалось уладить благополучно только при помощи арбитража. Принципъ третейскаго разбирательства постепенно входитъ въ обычай въ международной практикѣ, вопреки всѣмъ препятствіямъ и неудачамъ. Существованіе Гаагскаго «дворца мира», какъ постояннаго помѣщенія международнаго третейскаго суда, должно само по себѣ способствовать укрѣпленію идеи обязательнаго арбиртража, напоминая народамъ и правительствамъ о нормальномъ способѣ разрѣшенія возникающихъ споровъ между культурными націями.

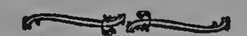
Во Франціи умеръ 20 (7) августа, на 88-мъ году жизни, бывшій глава перваго и послѣдняго «либеральнаго кабинета» второй имперіи, неутомимый историкъ и защитникъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Наполеона III, дѣятельный сотрудникъ «Revue des deux Mondes», академикъ Эмиль Олливье. Онъ до конца дней своихъ продолжалъ работать надъ возстановленіемъ и оправданіемъ своей репутаціи, какъ ближайшаго участника событій, приведшихъ къ роковой войнѣ 1870-го года. Его обстоятельные историческіе этюды, посвященные этой войнѣ и печатавшіеся въ «Revue des deux Mondes», сообщаютъ много интересныхъ подробностей и даютъ любопытный матеріалъ для характеристики видныхъ дѣятелей бонапартовскаго режима. Въ послѣдней, августовской книжкѣ названнаго журнала онъ разсказываетъ о мучительныхъ колебаніяхъ Макъ-Магона, который заручился согласіемъ императора на движеніе Шалонской арміи къ Парижу и въ то же время получалъ отъ правительства императрицы-регентши категорическія приказанія двигаться къ Метцу, на выручку Базэна; онъ сознавалъ пагубность этого движенія на сѣверо-востокъ среди трехъ непріятельскихъ армій, но въ концѣ концовъ подчинился формальному авторитету неудачныхъ военно-политическихъ совѣтниковъ императрицы Евгеніи и повелъ армію на гибель, вопреки своему убѣжденію. Этотъ непримиримый разладъ между внушеніями придворной политики и жизненными интересами государства лежалъ въ основѣ всего бонапартовскаго режима. Эмиль Олливье ядовито критикуетъ предполагаемыхъ

виновниковъ этого разлада, но не касается его сущности и его коренного источника; онъ остается какимъ-то идейнымъ, отвлеченнымъ бонапартистомъ, готовымъ одинаково осуждать и поведеніе императора, и интриги его двора, и самоувѣренное легкомысліе императрицы. Какой реальный смыслъ имѣетъ этотъ «бонапартизмъ безъ бонапартистовъ»—понять трудно, но Эмиль Олливье чувствовалъ себя, повидимому, удовлетвореннымъ въ этомъ своеобразномъ мірѣ внутреннихъ противорѣчій. Онъ давно отрекся отъ своего республиканскаго прошлаго, отъ радикализма оппозиціонныхъ рѣчей знаменитыхъ «пяти» въ законодательномъ корпусѣ шестидесятыхъ годовъ и даже отъ тѣхъ либеральныхъ идей и надеждъ, съ которыми онъ принялъ на себя миссію образовать министерство 2-го января; но, оставаясь защитникомъ мертваго дѣла, онъ сохранялъ удивительную живость и бодрость духа, умственную энергію и трудолюбіе.

Незадолго до смерти Олливье, въ концѣ іюня, скончался другой, болѣе оригинальный и талантливый, но столь-же безпринципный и неутомимый дѣятель, прославившійся въ эпоху второй имперіи—Анри Рошфоръ, маркизъ по рожденію, газетный полемистъ и памфлетистъ по профессіи. Рошфоръ особенно выдвинулся въ 1868-мъ году, своею смѣлою обличительною еженедѣльною газетою «Lanterne», сдѣлавшею правительство и дворъ Наполеона III предметомъ систематическаго издѣвательства. Избранный въ 1869-мъ году въ законодательный корпусъ, онъ не игралъ въ немъ замѣтной роли и послѣ паденія имперіи только очень недолго былъ членомъ правительства національной обороны; во время коммуны онъ увлекался ея идеями, былъ осужденъ въ ссылку, бѣжалъ изъ Новой Каледоніи, жилъ въ Лондонѣ и Женевѣ, возвратился съ торжествомъ въ Парижъ послѣ общей амнистіи 1880-мъ года, безпощадно нападалъ на всѣ партіи и на всѣ министерства въ своей газетѣ «Intransigeant», проповѣдывалъ идею «реванша», сдѣлался ярымъ поклонникомъ генерала Буланже, принялъ горячее участіе въ полемикѣ по дѣлу Дрейфуса, выступалъ рѣшительнымъ антисемитомъ, сблизился съ клерикалами и націоналистами, и до конца своей жизни, будучи уже восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, продолжалъ ежедневно печатать свои газетныя статьи, удивляя публику неистощимымъ богатствомъ своего ругательнаго лексикона. Въ сущности, какъ писатель и журналистъ, онъ всегда былъ человѣкомъ «sans foi ni loi»; серьезные умственные и политическіе интересы были ему совершенно чужды, и содержаніе его статей не представляетъ никакой внутренней цѣнности. Это былъ типъ увлекающагося авантюриста, искателя успѣха и рекламы, ставившаго себѣ лишь эфемерныя, мимолетныя цѣли. Онъ

давно пережилъ свою славу, и смерть его встрѣчена была въ Парижѣ довольно равнодушно.

Совершенно иное впечатлѣніе произвела смерть Августа Бебеля, вся жизнь котораго была неустаннымъ служеніемъ трудящимся народнымъ массамъ. Съ именемъ Бебеля неразрывно связаны великіе успѣхи, достигнутые социалъ-демократическою партіею въ Германіи. Исторія его жизни и дѣятельности производитъ возвышающее и утѣшающее впечатлѣніе, особенно послѣ обзора трудовъ и цѣлей такихъ личностей, какъ Олливье и Рошфоръ. Бебелю посвящена особая статья въ настоящей книжкѣ нашего журнала.

НОВЫЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ НЕВРОПАТОЛОГІИ.

— S. Freud. О психоанализѣ. Изданіе второе. Москва. 1912.
— W. Stekel. Причины нервности. Москва. 1912.
— P. Dubois. О психотерапіи. Москва. 1911.
— I. Marcinowski. Нервность и міросозерцаніе. Москва. 1913.

Въ послѣдніе годы въ области невропатологіи обращаютъ на себя вниманіе такія теченія, дальнѣйшее развитіе коихъ открываетъ блестящія перспективы не только въ сферѣ пониманія и лѣченія нервныхъ болѣзней; но и въ дѣлѣ изслѣдованія различныхъ психологическихъ явленій здоровой дѣятельности человѣка.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду ученіе о психическомъ происхожденіи нервныхъ болѣзней и соотвѣтствующіе ему методы психическаго лѣченія послѣднихъ, значеніе коихъ, поэтому, выходитъ далеко за предѣлы собственно медицины. Широкое и разнообразное вліяніе названное направленіе медицинской науки имѣетъ потому, что въ интересахъ даже только лѣченія больныхъ ему приходится, по выраженію Фрейда, и обогащать, и углублять наше знаніе душевной жизни здороваго и больного человѣка. Оно выработало новые методы изслѣдованія психологіи нервно-больного человѣка, которые могутъ примѣняться (и уже примѣняются) и къ считающимся нормальными феноменамъ психической дѣятельности, какъ напр. художественное творчество. Наибольшее, кажется (помимо терапевтическаго), практическое вліяніе это направленіе медицинской науки можетъ оказать на воспитаніе подрастающихъ поколѣній, какъ потому, что оно представляетъ новое и убѣдительное

доказательство того, какое огромное значеніе для здоровья человѣка имѣетъ правильное воспитаніе ума и чувствъ ребенка, такъ и по той причинѣ, что оно открываетъ такіе новые факты и зависимости въ области психической жизни, которые не могутъ не быть включены въ число посылокъ при построеніи системъ воспитанія.

Благодаря книгоиздательству «Наука», поставившему себѣ задачей «познакомить читателей съ наиболѣе выдающимися теченіями современной психотерапіи» и выпустившему въ переводѣ, подъ редакціей д-ровъ Н. Е. Осипова и О. Б. Фельцмана тѣ четыре книжки, которыя выставлены въ заголовкѣ настоящей замѣтки—всякій русскій читатель имѣетъ возможность лично ознакомиться съ новыми воззрѣніями на происхожденіе и лѣченіе нервныхъ болѣзней.

Психическія воздѣйствія съ лѣчебными цѣлями не представляютъ чего-либо новаго или исключительнаго. Врачи прибѣгали къ нимъ всегда, прибѣгаютъ и теперь, а успѣхъ шарлатановъ, маговъ и кудесниковъ основанъ почти всецѣло на этомъ вліяніи. Но психическое воздѣйствіе врачей на больныхъ почти не дифференцируется соотвѣтственно различнымъ болѣзнямъ, потому что оно не имѣетъ спеціально-терапевтическаго характера, а преслѣдуетъ (исключая гипнотизмъ) общую при всякомъ лѣченіи задачу: ободрить больного и вселить въ него вѣру въ врача. То же психическое воздѣйствіе, о которомъ идетъ теперь рѣчь, провозглашается, напротивъ того, какъ спеціальное, раціональное и радикальное средство противъ нервныхъ и нѣкоторыхъ психическихъ разстройствъ, а соматическое лѣченіе играетъ при немъ только роль подсобнаго.

Въ этомъ смыслѣ слова психотерапія есть явленіе новое. Предѣлы вліянія и различные методы ея не вполнѣ еще установлены, и послѣдніе не пользуются одинаковымъ признаніемъ со стороны всѣхъ психотерапевтовъ. Въ этомъ отношеніи скорѣе можно констатировать разнообразіе взглядовъ и пріемовъ, чѣмъ ихъ единеніе. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что психотерапія, какъ наука, находится, можно сказать, еще въ зачаточномъ состояніи; факторы и пути психическихъ патологическихъ вліяній изучены очень мало; методы психическаго лѣченія развиваются практически и индивидуально, у постели больного, на основаніи, главнымъ образомъ, личнаго опыта врача, личнаго освѣщенія имъ картины болѣзни, естественнаго расположенія къ тѣмъ пріемамъ воздѣйствія на больного, которые лучше соотвѣтствуютъ индивидуальнымъ способностямъ лѣчащаго и т. п. Оттого-то въ одной и

той же рубрикѣ психическаго лѣченія нервныхъ больныхъ мы увидимъ далеко не одинаковые взгляды и на существо болѣзней, и на пріемы ея излѣченія, и задача синтетическаго объединенія разрабатываемыхъ въ этой области вопросовъ есть дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

Наибольшій интересъ въ обществѣ возбудили психотерапевтическія попытки и опыты Фрейда и его послѣдователей [1]).

Еще тридцать лѣтъ назадъ, будучи медицинскимъ студентомъ, Фрейдъ имѣлъ случай наблюдать исчезновеніе у больныхъ своего профессора Бейера различныхъ тяжелыхъ истерическихъ припадковъ послѣ того, какъ, путемъ тѣхъ или другихъ пріемовъ удалось вызвать у больного воспоминаніе о событіяхъ или обстоятельствахъ, при которыхъ имѣло мѣсто возникновеніе даннаго припадка. Окончивъ курсъ и занявшись спеціально нервными болѣзнями, Фрейдъ сталъ примѣнять Брейеровскій методъ изслѣдованія и лѣченія у постели больныхъ, выработалъ нѣкоторые пріемы побужденія больныхъ къ воспоминанію того, что играло какъ бы роль психической травмы или занозы, поддерживавшей болѣзненные симптомы, и назвалъ этотъ процессъ извлеченія откуда-то изъ глубины души на ея поверхность старыхъ переживаній психическимъ анализомъ. Въ рукахъ врача психическій анализъ являлся, такимъ образомъ, прежде всего средствомъ лучшаго познанія болѣзни. И такъ какъ процессъ обнаруженія психическихъ занозъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ извлеченія ихъ, за которымъ слѣдовало исчезновеніе болѣзненныхъ симптомовъ, то, вмѣстѣ съ методомъ діагностики, психическій анализъ оказался и средствомъ лѣченія, и сочетаніемъ этихъ двухъ словъ стали означать опредѣленный способъ лѣченія нервныхъ больныхъ.

Методъ психическаго анализа есть дѣло очень трудное, требующее затраты очень большого количества времени и легко можетъ вводить врача въ заблужденіе. Это сдѣлается яснымъ, если только представить себѣ, что, согласно формулировкѣ самаго Фрейда, задача этого метода заключается въ томъ, чтобы «узнать отъ больного нѣчто, о чемъ не знаетъ ни врачъ, ни самъ больной». Неудивительно, поэтому, если система Фрейда не получила пока въ медицинской практикѣ широкаго распространенія, а его воззрѣнія на сексуальную область вызываютъ даже энергичный протестъ, что ярко выразилось, между прочимъ, на послѣднемъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Лондонѣ. Но Фрейдъ имѣетъ и горя-

1) О нихъ, года полтора тому назадъ уже шла рѣчь въ «Вѣстникѣ Европы» (1912 г., № 4), въ статьѣ г. Костылева: «Фрейдъ и фрейдисты».

чихъ приверженцевъ, сосредоточившихся и работающихъ преимущественно въ Цюрихѣ.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на пріемахъ психическаго анализа и упомянемъ только, что, кромѣ прямыхъ разспросовъ больнаго, къ выясненію психическихъ травмъ и занозъ привлекаются еще сновидѣнія больныхъ и различные мелкія неловкости и промахи ихъ поведенія,—по мнѣнію Фрейда, также находящіеся въ интимной связи съ сознательными и безсознательными идеями, желаніями и стремленіями человѣка и могущіе, поэтому, дать матеріалъ для выясненія скрытыхъ мыслей, импульсовъ и тенденцій, связанныхъ съ болѣзненными симптомами. Мы посвятимъ слѣдующія страницы лищь изложенію того, какое объясненіе даетъ Фрейдъ изучаемымъ имъ интереснымъ явленіямъ психической жизни человѣка.

Болѣзненные припадки истеричной исчезали послѣ того, какъ въ памяти ея возстановлялись нѣкоторые образы прошлаго. Процессъ этого возстановленія, какъ было уже указано, труденъ и продолжителенъ, и не только потому что приходится возстановлять нѣчто, «о чемъ ничего не знаетъ ни врачъ, ни больной», но и по причинѣ исходящаго отъ самого больного сопротивленія выясненію искомаго. Изслѣдователь чувствуетъ, что какая-то сила препятствуетъ тому, чтобы образъ, покоящійся за порогомъ сознанія, перешагнулъ эту границу. Не трудно было догадаться и о причинѣ такого сопротивленія. Возстановленіе въ памяти забытаго образа вызывало сильныя волненія больного, послѣ чего только и приходилось наблюдать исчезновеніе болѣзни. Забытые образы казались, слѣдовательно, соединенными съ непріятными для больного фактами. А если такъ, то не этому ли послѣднему обстоятельству нужно приписать и сопротивленіе больного при вспоминаніи забытаго, и изгнаніе (въ прошломъ) изъ памяти непріятнаго впечатлѣнія? Фрейдъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ себѣ процессъ заболѣванія и излѣченія истеричнаго.

У больного нынѣ субъекта возникло когда-то, при располагающихъ къ тому обстоятельствахъ, нѣкоторое желаніе, несовмѣстимое съ другими желаніями, а также съ этическими, эстетическими и другими его взглядами и вкусами, и способное, поэтому, доставить ему большія неудовольствія. Этотъ конфликтъ между двумя тенденціями не былъ своевременно пережитъ, такъ или иначе разрѣшенъ и сданъ въ архивъ. Вмѣсто того образъ, связанный съ непріятнымъ афектомъ, былъ просто вытѣсненъ изъ сознанія, то что называется «забытъ». Забвеніе это, какъ оказалось, было, однако, не полнымъ. Непріятный образъ вытѣсненъ изъ сознанія, но не изъ головы че-

ловѣка. Гонимый образъ съ сопровождающимъ его афектомъ продолжаетъ пребывать въ безсознательной области, «отягощая душевную жизнь, какъ источникъ постояннаго ея возбужденія» и даетъ, кромѣ того, время отъ времени о себѣ знать, направляя въ сознанія искаженные о себѣ знаки, «необычныя тѣлесныя иннерваціи и задержки», составившія содержаніе болѣзненнаго симптома. Весь этотъ изгнанный изъ сознанія образъ сдѣлался какъ бы скрытой занозой, ущемленнымъ тѣломъ, бередящимъ душу больного. А чтобы избавить послѣдняго отъ болѣзненныхъ явленій нужно какъ бы извлечь занозу, освободить ущемленное представленіе: направить непріятный образъ въ сознаніе, пережить здѣсь или какъ-нибудь иначе разрѣшить тотъ конфликтъ идей и чувствъ, который былъ побудительной причиной къ его вытѣсненію, раздѣлаться и покончить такимъ образомъ съ вопросомъ. Существуетъ, говоритъ Фрейдъ, много способовъ приведенія конфликта и невроза къ благопріятному концу. «Или личность больного убѣждается, что она несправедливо отказалась отъ патогеннаго (вызвавшаго болѣзнь) желанія, и принимаетъ его всецѣло или частью; или это желаніе направляется само на высшую, не возбуждающую никакихъ сомнѣній цѣль; или же отстраненіе этого желанія признается справедливымъ, но автоматическій и потому недостаточный механизмъ вытѣсненія замѣняется осужденіемъ съ помощью высшихъ психическихъ силъ. Такимъ образомъ достигается сознательное овладѣніе несовмѣстимымъ желаніемъ». Помочь больному тѣмъ или инымъ путемъ порѣшить съ вопросомъ и составляетъ задачу психотерапевтовъ школы Фрейда.

Фрейдъ составлялъ и развивалъ передъ читателемъ свои взгляды на причины нервныхъ болѣзней и на средства ихъ излѣченія на матеріалѣ, относящемся къ истеріи; и мы видѣли во-первыхъ, что сущность происхожденія отдѣльныхъ симптомовъ этой болѣзни онъ приписываетъ забытымъ психическимъ переживаніямъ и считаетъ ихъ выраженіемъ конфликта и противуположно направленныхъ душевныхъ силъ»; во-вторыхъ, что излѣчиваетъ онъ болѣзнь, заставляя больного вспомнить и сознательно вновь пережить и такъ или иначе покончить съ представленіями, вытѣсненными изъ сознанія и памяти, что возстановленіе въ памяти патогеннаго переживанія достигается медленнымъ, извилистымъ путемъ анализа и разбора отдѣльныхъ мыслей, намековъ и образовъ, выплывающихъ на поверхность сознанія больного.

Авторъ второй изъ вышеприведенныхъ книжекъ («Причины нервности»), ученикъ Фрейда, Стекель, трактуетъ въ ней о нервныхъ болѣзняхъ вообще и, близко примыкая ко взглядамъ Фрейда, допускаетъ въ то же время значительное отъ нихъ отступленіе.

Причиной нервныхъ болѣзней Стекель, какъ и Фрейдъ, считаетъ «психическій конфликтъ», т. е. столкновеніе въ душѣ человѣка двухъ исключающихъ другъ друга влеченій, при чемъ, вопреки нѣкоторымъ изъ приведенныхъ имъ примѣровъ, одно изъ этихъ влеченій онъ помѣщаетъ въ безсознательную область души. «Только когда внутри насъ борятся два теченія—говоритъ онъ—когда сознательное и безсознательное чувствованіе враждуютъ другъ съ другомъ, и большая часть нашей энергіи уходитъ на подавленіе душевныхъ конфликтовъ» (которые тѣмъ не менѣе—прибавимъ отъ себя—остаются неразрѣшенными), можетъ развиться неврозъ. Всѣ другіе моменты приготовляютъ почву для невроза, но рѣшающимъ толчкомъ является психическій конфликтъ.

Конфликтами психическими, сознательными и безсознательными, можно сказать, переполнена жизнь современнаго человѣка, раздираемаго взаимно противоположными влеченіями, и изъ этого уже можно заключить, какъ широко раскинулось то поле, на которомъ произрастаютъ нервныя болѣзни. Но мы оставимъ въ сторонѣ интересныя замѣчанія Стекеля о конфликтахъ въ обыденной жизни современнаго человѣка и перейдемъ къ его пріемамъ терапевтическаго взаимодѣйствія на нервныхъ больныхъ. Для излѣченія даннаго невроза, нужно точно констатировать содержаніе конфликта (и это, какъ можно видѣть изъ приводимыхъ авторомъ случаевъ болѣзни, обыкновенно не требуетъ примѣненія психическаго анализа въ смыслѣ Фрейда, а достигается простымъ разспросомъ больного), разрѣшить, если возможно, послѣдній, и измѣнить внѣшнюю обстановку больного, питающую этотъ конфликтъ, въ случаѣ невозможности устраненія послѣдняго психологическимъ путемъ. Въ примѣръ такого рода болѣзней и пріемовъ ихъ излѣченія приведемъ двухъ паціентовъ Stekel'я: молодую даму, страдающую припадками дрожи съ потерей сознанія, и служащаго кассиромъ въ большомъ государственномъ учрежденіи, боявшагося открытыхъ пространствъ. Анализъ обоихъ случаевъ привелъ Stekel'я къ предположенію, что болѣзнь дамы — прибавимъ: очень религіозной особы — произошла вслѣдствіе конфликта между религіозно-этическими ея взглядами и ея поведеніемъ (она вступила въ связь съ мужемъ лучшей своей подруги), а болѣзнь кассира покоится на почвѣ борьбы его съ идеей овладѣнія казенными деньгами. Больной дамѣ Стекель посовѣтовалъ исповѣдываться у хорошаго духовника, а кассиру—перемѣнить мѣсто. Оба послѣдовали его совѣту и избавились отъ своихъ припадковъ. «Что даетъ вѣрующему церковная исповѣдь, то должна дать душевно больнымъ исповѣдь передъ врачемъ», заключаетъ авторъ.

Слѣдующіе два автора, считающіе также нервныя разстрой-

ства болѣзнями не тѣла, а души, и настаивающіе поэтому на необходимости психическаго, а не соматическаго (которое можетъ примѣняться иногда только въ качествѣ подсобнаго) ихъ лѣченія, находятся, говоря вообще, въ сторонѣ отъ школы Фрейда, хотя и признаютъ его научныя заслуги. Бернскій профессоръ Дюбуа («О психотерапіи») исходитъ въ своихъ воззрѣніяхъ изъ того положенія, что всякій болѣе сложный психическій актъ начинается представленіемъ, которое окрашивается положительнымъ или отрицательнымъ чувствомъ и ведетъ къ тому или другому, соотвѣтствующему ему поступку. Если нервная болѣзнь имѣетъ психологическій характеръ, то ея основы надлежитъ искать въ порокахъ или погрѣшностяхъ этого элементарнаго психическаго акта. «Истинная причина болѣзни неврастеника—говоритъ, онъ напр.,—лежитъ въ первичной основѣ его чувствъ и мышленія, а всевозможныя обстоятельства жизни играютъ только роль случайныхъ причинъ». Нервные больные отличаются, вообще говоря, отсутствіемъ критики, слабостью сужденія и зависящей отъ того легкой внушаемостью, и при ихъ склонности сосредоточивать вниманіе на самихъ себѣ это приводитъ къ неправильнымъ психическимъ реакціямъ. Задача лѣченія нервныхъ больныхъ сводится, поэтому, къ исправленію основы ихъ мыслей и чувствъ, къ обученію ихъ мышленію, къ измѣненію ихъ образа мыслей и этическихъ воззрѣній и къ воспитанію ихъ характера. И такъ какъ исходной точкой всякаго психическаго акта является представленіе, то на этотъ начальный его моментъ, на образованіе представленій и должно быть, по мнѣнію Дюбуа, обращено главное вниманіе врача. Это значитъ, что главнымъ лѣчебнымъ пріемомъ относительно нервно больного должна сдѣлаться бесѣда (разумѣется не отвлеченная и не морализующая) о его болѣзни, ея причинахъ и средствахъ избавленія. Разъясненіе больному причинъ и основы его страданія, разсужденія съ нимъ по поводу его болѣзненныхъ припадковъ, о всѣхъ связанныхъ съ ними чувствахъ и мысляхъ, о его отношеніяхъ и къ своимъ страданьямъ, и къ ихъ видимымъ внѣшнимъ причинамъ, и къ окружающимъ его людямъ, приводятъ въ концѣ концовъ къ убѣжденію его въ томъ, что болѣзненные его припадки происходятъ отъ неправильнаго воспріятія имъ внѣшнихъ впечатлѣній, неправильной ихъ оцѣнки, отъ сосредоточенія мысли на самомъ себѣ и равнодушія къ окружающимъ, отъ несдержанности въ проявленіи своихъ чувствъ и т. п.

«Лѣченіе убѣжденіемъ и воспитаніемъ», «убѣдительная діалектика», «борьба съ неправильными представленіями», «развитіе разсудка», «измѣненіе образа мыслей», «воспитаніе стоицизма», «преподаніе правилъ этики»—вотъ какъ формулируетъ Дюбуа пріемы

и частныя задачи, преслѣдуемыя имъ при лѣченіи нервныхъ больныхъ. Пріемы этого лѣченія практикуются имъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, и притомъ съ успѣхомъ, о которомъ можно судить потому, что они привели къ исцѣленію 98% его больныхъ, напр., истеріей. Это дало ему даже основаніе высказать, что истерія—не болѣзнь, а характеръ, и ея лѣченіе заключается въ воспитаніи.

Дюбуа рѣзко противопоставляетъ свой методъ лѣченія нервныхъ больныхъ такъ называемому внушенію, которое, какъ не основанное на исправленіи неправильнаго мышленія, составляющаго основной моментъ заболѣванія, не даетъ прочныхъ результатовъ, а является средствомъ палліативнымъ. О своихъ пріемахъ онъ говоритъ, что для убѣжденія больного въ томъ, что желательно ему преподать, и для полученія искомыхъ лѣчебныхъ результатовъ часто приходится многократно повторять одну и ту же мысль, варьируя ее на разные лады. Самъ собой возникаетъ, поэтому, вопросъ—одной-ли діалектикѣ обязанъ Дюбуа своими успѣхами въ психическомъ лѣченіи нервныхъ больныхъ, и не играетъ-ли здѣсь извѣстную роль то самое внушеніе, противъ котораго онъ возстаетъ не только потому, что оно служитъ простымъ палліативомъ, но и по соображеніямъ этическаго свойства?

Въ числѣ частныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ Дюбуа при лѣченіи его больныхъ, фигурируютъ задачи «воспитанія стоицизма», «преподаніе правилъ этики». Эта сторона психическаго воздѣйствія врача на больного составляетъ предметъ рѣчи берлинскаго психотерапевта Марциновскаго въ четвертой изъ числа вышеназванныхъ книжекъ: «Нервность и міросозерцаніе». Спеціальнымъ предметомъ рѣчи указанныя выше задачи лѣченія должны сдѣлаться уже потому, что эти задачи, говоря вообще, выходятъ изъ сферы частной терапіи, и наибольшее впечатлѣніе на больного въ данномъ направленіи можно произвести въ томъ случаѣ, если преподать ему цѣлое морально философское міропониманіе. При лѣченіи хроническихъ соматическихъ болѣзней—говоритъ Марциновскій,—различаютъ средства, направленныя противъ отдѣльныхъ ихъ симптомовъ, отъ общаго лѣченія. Тоже самое примѣнимо и къ области психотерапіи: на ряду «съ спеціальными стремленіями къ устраненію отдѣльныхъ типическихъ явленій» слѣдуетъ прибѣгать къ мѣрамъ гораздо болѣе общаго характера, имѣющимъ задачей «противодѣйствовать нарушеніямъ душевнаго равновѣсія посредствомъ измѣненія всего жизне и міропониманія больного». Книга «Нервность и міросозерцаніе» и заключаетъ то міропониманіе, которое составилъ себѣ Марциновскій и которое въ живыхъ бесѣдахъ онъ передаетъ принесенному къ его берегу волнами жизни «бѣдняку, потерпѣвшему корабле-

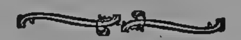
крушеніе, чтобы онъ нашелъ успокоеніе и черезъ нѣсколько времени, заново снаряженный и лучше вооруженный, снова началъ-бы борьбу съ жизнью». Онъ учитъ больного смотрѣть на свою судьбу иными глазами, а это составляетъ дѣйствительную потребность многихъ. Можетъ показаться странной претензія, чтобы одна система міросозерцанія удовлетворила всѣхъ. Но къ Марциновскому это замѣчаніе не относится, потому что цѣлью его философско-этическихъ бесѣдъ является не преподаніе какой-либо догмы, а возбужденіе работы мысли и чувства въ опредѣленномъ направленіи, въ пробужденіи въ человѣкѣ высшихъ, религіозныхъ (не въ смыслѣ, конечно, теологическомъ) стремленій. «Я очень мало интересуюсь,—говоритъ онъ,—различными формами и способами выраженія, но придаю безконечно-большое значеніе силѣ религіознаго чувства... Нервный больной нуждается въ цѣльномъ міровоззрѣніи для укрѣпленія его нравственныхъ стремленій и для воспитательнаго воздѣйствія на его слабости». Слабость же нервнаго больного заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ слишкомъ подчиняется внѣшнимъ обстоятельствамъ и ищетъ въ нихъ причину своей болѣзни, «не хочетъ ничего переносить», вмѣсто того, чтобы опираться въ своемъ самочувствіи на свое собственное «я», стоящее выше «вещей» и отъ нихъ, поэтому, независимое. «Нервному больному, да и не только ему одному, никогда нельзя достаточно серьезно внушить, что не вещи что-либо намъ дѣлаютъ, а мы сами создаемъ себѣ страданіе черезъ вещи», обращая свое отношеніе къ нимъ «въ отношеніе воображаемой зависимости, которая для мыслящаго человѣка была-бы столь-же недостойна, сколь его мышленіе въ данномъ случаѣ было-бы ложно».

Нервность, съ другой стороны, «есть почти всегда слѣдствіе тяжкихъ внутреннихъ конфликтовъ», о которыхъ подробно говоритъ Стекель. Конфликты эти — естественный спутникъ культуры, насколько послѣдняя заключается въ борьбѣ высшихъ и низшихъ инстинктовъ человѣка. Но они до крайности учащаются и усиливаются вслѣдствіе господствующихъ въ обществѣ обычаевъ и предразсудковъ, стоящихъ на пути проявленія естественныхъ чувствъ человѣка. Избавленіе послѣдняго отъ этихъ, по существу не нужныхъ конфликтовъ будетъ важной мѣрой предупрежденія нервныхъ болѣзней. Для этого необходимо «вмѣсто несвободной, кажущейся морали поставить широко начертанное и высшее пониманіе жизни, при которомъ грѣхомъ должно признаваться только то, что грѣшитъ противъ святого духа правды и внутренняго убѣжденія». Освобожденіе больного отъ вышеупомянутой зависимости его психики отъ «вещей»—поддерживаемое, слѣдуетъ прибавить, общимъ характеромъ современной культуры — и выведеніе его на путь ура-

зумѣнія высшаго смысла жизни и составляетъ, собственно говоря, задачу, преслѣдуемую Марциновскимъ въ бесѣдахъ съ его паціентами о міропониманіи и міросозерцаніи.

По поводу высказанныхъ Марциновскимъ, Дюбуа и другими психо-терапевтами взглядовъ на важное значеніе для нервнаго, такъ сказать, оздоровленія людей усвоенія ими такого міросозерцанія, выдающуюся черту котораго составляютъ высокіе эстическіе и соціальные принципы, мы напомнимъ читателю о реферированной въ нами въ свое время въ «Вѣстн. Евр.» книгѣ русскаго врача, профессора дерптскаго университета, А. И. Яроцкаго: «Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ». Эта книга развиваетъ идею о важномъ значеніи идеалистическаго настроенія человѣка для предупрежденія и лѣченія даже соматическихъ болѣзней. Будемъ надѣяться, что эти настоянія врачей не останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и что интересы физическаго здоровья дѣтей послужатъ лишнимъ импульсомъ къ побужденію родителей обратить особенное вниманіе на развитіе въ нихъ простоты привычекъ и духа стоицизма съ одной стороны, идеалистическихъ стремленій и разумно-критическаго отношенія къ существующимъ формамъ быта—съ другой. Слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, пожелать, чтобы просвѣщенные русскіе люди не оставили безъ вниманія литературу по такимъ важнымъ вопросамъ, какіе были затронуты въ этой замѣткѣ.

В. В.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— А. Н. Пыпинъ. Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ (1878). Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Водовозова. Книгоиздательство «Колосъ» Спб. 1913. Стр. 189. Цѣна 1 р.

— Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Съ вооруженнымъ народомъ. I. На боевыхъ поляхъ. Ц. 1 р. 50 к. II. Въ боевомъ огнѣ. Ц. 1 р. 50 к. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб. 1913.

Разгромъ Турціи балканскимъ союзомъ и разгромъ побѣдительницы Болгаріи ея недавними союзниками пронеслись бурною волною, оставивъ по себѣ въ сознаніи русскаго общества мутный и тягостный осадокъ тяжелаго недоумѣнія. Будущій историкъ, вѣроятно, разберетъ, насколько запутывались отношенія на балканскомъ полуостровѣ

благодаря довольно шумному, но и достаточно неосмысленному гомону большинства русской печати въ этотъ тяжелый годъ. Появленіе теперь отдѣльной книгой старыхъ статей Пыпина, извѣстнаго знатока славянскихъ литературъ и славянскаго вопроса, вполнѣ умѣстно, чтобы, хоть и поздно, напомнить интересующимся давнія основныя черты вопроса, уясняющія въ значительной мѣрѣ и теперешнія событія. Чуждый ходячаго славянофильскаго шовинизма и другъ культурнаго славянскаго развитія и единства, Пыпинъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ концѣ 1878 года, далъ замѣчательный и до сихъ поръ не утратившій цѣнности обстоятельный разборъ возникновенія и развитія панславистской идеи въ ея разнообразныхъ формахъ и развѣтвленіяхъ. Онъ отчетливо указываетъ своеобразіе и частью противорѣчивость развитія отдѣльныхъ славянскихъ народностей, ихъ исторіи и интересовъ. Для читателя, который хотѣлъ бы серьезно разобраться въ сложныхъ и запутавшихся на долгіе годы отношеніяхъ славянскаго міра, книга Пыпина является надежнымъ исходнымъ опорнымъ матеріаломъ для изученія вопроса. Какъ совершенно справедливо указываетъ г. Водовозовъ, «она безъ всякаго сомнѣнія еще надолго сохранитъ свое значеніе для русскаго читателя». Надо желать, какъ писалъ самъ Пыпинъ 35 лѣтъ назадъ, чтобы реальные для Россіи вопросы жизни славянскаго міра «не заставали насъ врасплохъ, съ невыясненными понятіями» (стр. 188), а это и случилось, увы! въ наши дни... Причины тяжелой путаницы въ общественномъ настроеніи, какая была и 35 лѣтъ назадъ, остаются все тѣ же. «Чтобы могла у насъ итти серьезная и добросовѣстная рѣчь о панславянской взаимности и союзѣ, о славянской роли Россіи, нужны основательныя преобразованія въ нашей общественности, которыя бы дали возможность открытыхъ обсужденій предмета въ свободной печатной рѣчи и возможность общественной инициативы. Если теперь газеты наши и могли свободно говорить—хотя и то лишь до извѣстной степени—о нашихъ внѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ, то общественная инициатива, кромѣ развѣ бутафорской, никакой роли не играла, хотя бутафорія и вводила, вѣроятно, въ заблужденіе, напримѣръ, болгаръ...

Мишурный блескъ этой бутафорской симпатіи къ славянству, къ сожалѣнію, лежитъ на дневникѣ В. И. Немировича-Данченка, который онъ велъ, какъ военный корреспондентъ «Русскаго Слова», въ болгаро-турецкую войну. Весь разсказъ ведется въ приподнятомъ стилѣ и превозноситъ до небесъ «вооруженный народъ». Это нѣсколько ослабляетъ довѣріе читателя къ видѣнному и слышанному авторомъ и непрерывная трескотня фразъ, даже тамъ гдѣ авторъ говоритъ о дѣйствительно потрясающемъ, трогающемъ или увлекающемъ, оста-

вляетъ читателя холоднымъ. Кричащія краски авторъ кладетъ густо и на изнанку войны: болгарскіе распорядки въ тылу арміи, неорганизованность помощи больнымъ и раненымъ изображены столь же черными красками, сколь яркими рисуется доблесть «вооруженнаго народа»... Предисловіе, написанное уже тогда, когда побѣдоносный балканскій союзъ сталъ распадаться, валитъ всю вину на нашу дипломатію. Но, вѣдь, у всякаго государства и общества обычно бываетъ достойная ихъ дипломатія... Книга г. Немировича-Данченка оставляетъ по себѣ рядъ недоумѣній о дѣйствительно происходившемъ въ Болгаріи.

— A. Lirondelle. Shakespeare en Russie. 1748—1840 (Etude de littérature comparée). Paris. 1912.

Небольшой этюдъ лилльскаго профессора Андре Лиронделя посвященъ изученію судебъ въ Россіи пьесъ Шекспира, отъ перваго ихъ появленія въ Россіи въ XVII вѣкѣ, когда ихъ давали бродячія англійскія труппы, и до 1840 года, когда благодаря переводамъ, статьямъ и первымъ постановкамъ русскіе читатели и зрители настоящимъ образомъ стали знакомиться съ Шекспиромъ. Авторъ слѣдитъ за пробужденіемъ интереса къ англійскому драматургу и въ обществѣ, и въ театрѣ, разсматриваетъ и переводы, и критическіе отзывы о немъ русскихъ писателей. При общемъ сознательномъ или безсознательномъ сотрудничествѣ всѣхъ постепенно подымается уровень литературнаго вкуса, и къ переводчикамъ, исполнителямъ и т. д. предъявляются все болѣе строгія требованія. Авторъ сознается, что его этюдъ представляетъ лишь «скромную» часть болѣе общей, необходимой работы, изслѣдованія объ англійскомъ вліяніи въ Россіи вообще, которое должно бы быть связано съ изученіемъ вліяній также французскихъ и нѣмецкихъ. Шекспиризмъ, по его замѣчанію, былъ въ Россіи нерѣдко орудіемъ борьбы не только противъ классицизма, но и противъ «французскаго духа», при чемъ, однако, и сами французы служили дѣлу популяризаціи славы англичанина. Какъ бы ни было, тяготѣніе къ Шекспиру въ Россіи не было мимолетною модой, какою былъ напримѣръ байронизмъ, но какъ бы органическимъ явленіемъ: въ смѣнѣ поколѣній и настроеній Шекспиръ выдержалъ всѣ испытанія и удовлетворялъ разнообразнымъ и требовательнымъ вкусамъ.—Такова общая постановка этюда. Авторъ произвелъ для него обширное и добросовѣстное изслѣдованіе матеріаловъ журнальной и книжной литературы XVIII и первой половины XIX вѣка и собралъ много весьма любопытныхъ данныхъ, къ которымъ придется обращаться всякому изслѣдователю иноземныхъ

литературныхъ вліяній въ Россіи. Особенно подробно авторъ излагаетъ обработки шекспировскихъ сюжетовъ, отражающія съ наглядностью особенности господствующаго литературнаго вкуса, обработки Сумарокова, Екатерины II, и послѣдующаго времени. Въ отношеніи къ Екатеринѣ II, г. Лирондель разсматриваетъ довольно подробно и тѣ ея пьесы, которыя лишь отдаленно связаны съ Шекспиромъ, какъ вольное ему подражаніе («Рюрикъ» и «Олегъ»), но были выраженіемъ наступавшаго отрѣшенія отъ строгой французской классической трагедіи. Двѣ главы посвящены отношенію къ Шекспиру въ эпоху Карамзина и сентиментализма. Между прочимъ, здѣсь автору удалось извлечь изъ полнаго забвенія передѣлку «Бури», принадлежащую кн. Шаховскому и въ свое время имѣвшую большой успѣхъ, но нигдѣ не напечатанную и не изложенную. Шаховской, великій мостеръ передѣлокъ и поддѣлокъ подъ вкусъ публики, превратилъ «Бурю» въ большую трехъактную феерію, съ балетами и множествомъ превращеній и т. п.; онъ грубо подчеркнулъ комическіе и мелодраматическіе эффекты, но сохранилъ въ неприкосновенности много лучшихъ мѣстъ «Бури», въ томъ числѣ въ особенности сцены обаятельной Миранды. Въ то время, какъ большинство публики знаетъ Шекспира все еще только по подобнымъ передѣлкамъ избранная часть литературы (Пушкинъ и др.) къ тридцатымъ годамъ ставитъ его все выше и выше. Одною изъ ступеней, которая подготовила дальнѣйшее увлеченіе широкихъ слоевъ публики Шекспиромъ, авторъ считаетъ огромный успѣхъ Вальтеръ-Скотта. Наконецъ въ тридцатые годы, сначала въ извѣстныхъ кружкахъ Бѣлинскаго и др., а потомъ у болѣе широкой публики, Шекспиръ дѣлается предметомъ безграничнаго обожанія. Теперь его пьесы, наконецъ, ставятся на сценѣ въ обработкахъ и переводахъ достаточно близкихъ къ подлиннику, печатается серія критическихъ работъ (Боткинъ и др.) и проч. Въ заключеніе авторъ подчеркиваетъ, ссылаясь на свидѣтельство П. В. Анненкова, то вліяніе, какое имѣла полоса увлеченій Шекспиромъ въ тридцатые и сороковые годы на дѣятелей пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, на Тургенева, Фета, Боткина, Аполлона Григорьева, Дружинина, даже на публицистовъ, какъ Катковъ и Герценъ.—Къ книгѣ приложена обстоятельная литература предмета, перечень русскихъ переводовъ и передѣлокъ Шекспира и указатель собственныхъ именъ. Въ общемъ этюдъ богатъ добросовѣстно и внимательно собраннымъ и изложеннымъ матеріаломъ, и если не даетъ новыхъ точекъ зрѣнія и оригинальнаго освѣженія предмета, то все же весьма полезенъ своею обстоятельностью. Анологичныхъ работъ о другихъ корифеяхъ міровой литературы въ ихъ отношеніяхъ къ рус-

ской у насъ мало, и изученіе западныхъ вліяній оставляетъ желать очень многаго.

— Александръ Закржевскій. Религія. Психологическія параллели. Изданіе журнала «Искусство». Кіевъ, 1913. Стр. 473. Цѣна 2 р.

«Религія» завершаетъ собою двѣ книги г. Закржевскаго, о которыхъ мы имѣли уже случай говорить: «Подполье» и «Карамазовщина». Въ нихъ авторъ говорилъ о крайнихъ уклонахъ души Достоевскаго и съ нимъ души представителей современной литературы. Это—уклоны къ настроеніямъ «подполья», къ безнадежному и отчаянному бунту противъ міра и общественности, и къ не менѣе безнадежному упоенію стихійною силою карамазовскаго сладострастія, со всѣми его извращеніями. «Несомнѣнно, что дисгармоническія начала его (Достоевскаго) творчества—духъ бунта и сатаны и духъ карамазовщины—искали постоянно для себя выхода и разрѣшенія, требовали своею демоническою напряженностью того освободительнаго выхода, той спасительной гармоніи, той божественной силы, благодаря которой являлась бы возможность не только сохраненія, но и утвержденія индивидуальной свободы. Этотъ выходъ, эта сила гармоніи открылись Достоевскому въ религіи. Религія Достоевскаго, точнѣе—его исканія Бога и параллели къ этимъ исканіямъ изъ современной литературы, составляютъ содержаніе третьей книги г. Закржевскаго. По темѣ—какъ и двѣ предыдущія—книга жива и интересна. Но она написана все такъ же напряженно, приподнято и утомительно. Въ этомъ нагроможденіи мало удачныхъ и претенціозныхъ стихотвореній въ прозѣ, составленныхъ по Достоевскому, Мережковскому, Розанову, Блоку и проч., мало уясняется общая цѣль и мысль книги, и «религія» Достоевскаго не является въ видѣ синтеза, а стоитъ такъ же оторванно отъ цѣльнаго образа геніальнаго духовнаго борца, какъ и «подполье» и «карамазовщина». Авторъ заявляетъ: «что проводится мною, какъ тріада творческаго развитія Достоевскаго—является *сверхъ того* (курсивъ г. Закржевскаго) также и тезисомъ, антитезисомъ и синтезомъ моего личнаго міровоззрѣнія». Но это звучитъ въ книгѣ не убѣдительно, не заразительно. Заключительныя строки книги, исповѣданія вѣры автора въ Христа, вѣроятно, покоробятъ многихъ искренно вѣрующихъ сердцемъ: вѣра—дѣло интимное...

Ч. В—скій.

— I. Patouilleu. Ostrovski et son théâtre de moeurs russes. Парижъ, 1912.

Недавно намъ пришлось писать о книгѣ француза Лиронделя, посвященной поэту гр. А. Толстому. Книга другого французскаго писателя Патуйэ: «Островскій и его театръ русскихъ нравовъ» открываетъ иностранцамъ знаменитаго русскаго драматурга не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ то сдѣлала книга Лиронделя для А. Толстого.

На французскомъ языкѣ имѣется переводъ нѣкоторыхъ пьесъ Островскаго, но на сценѣ, за исключеніемъ «Грозы», потерпѣвшей вслѣдствіе дурной постановки неудачу, онѣ не появлялись: Онѣ слишкомъ далеки для пониманія иностранцевъ. Очень характерный анекдотъ о переводѣ «Грозы» сообщенъ г-номъ Патуйэ со словъ переводчика Дюранъ-Гревилля. Переводъ былъ сдѣланъ подъ наблюденіемъ Тургенева и одобренъ Островскимъ, появиться долженъ былъ въ Revue. Редакторъ журнала Бюлоцъ нашелъ пьесу интересной и рѣшился ее напечатать... «послѣ необходимыхъ сокращеній». У Тургенева въ это время возникли препирательства съ Бюлоцомъ изъ-за перевода «Степного короля Лира», печатавшагося въ томъ же Revue: редакторъ требовалъ замѣны выраженія «fille de chienne» словомъ «misérable», какъ болѣе благороднымъ. Эти препирательства устранили и проектъ очистки перевода «Грозы», и рукопись была возвращена переводчику... Во Франціи Островскаго не знаютъ и не цѣнятъ. Объ этомъ скорбитъ г. Патуйэ: онъ сравниваетъ его съ Мольеромъ и замѣчаетъ, между прочимъ, что «въ то время какъ нашъ «свободный театръ» (конецъ восьмидесятыхъ годовъ) шумно заявлялъ свои реалистическія формулы, «Гроза» иля любая пьеса въ родѣ «Свои люди сочтемся», «Не такъ живи какъ хочется», «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» могли бы показать, что уже съ 1847 года или между 1850—60 годами, иностранецъ, также молодой, единственно силою непосредственнаго наблюденія и правды въ искусствѣ, уже открылъ настоящій драматическій натурализмъ». Г. Патуйэ горячо защищаетъ Островскаго, даже и отъ русскихъ критиковъ, находившихъ его устарѣлымъ, и справедливо указываетъ, что Островскій все еще ждетъ настоящей и достойной оцѣнки. Не претендуя ни на новизну освѣщенія, ни на окончательность оцѣнки, г. Патуйэ задается цѣлью показать соотечественникамъ «благородный талантъ» и дать возможно вѣрный и безпристрастный очеркъ о немъ, на основаніи его сочиненій и обильнаго накопившагося о немъ матеріала.

Первая часть книги отведена біографіи Островскаго, разсказанной на основаніи весьма полнаго и внимательнаго изученія литературы объ Островскомъ. Не представляя чего-либо новаго, біографія

кое-гдѣ даетъ самостоятельныя черточки: такъ, г. Патуйэ довольно основательно возражаетъ противъ обычнаго преувеличенія въ разсказахъ о жизни Островскаго того вліянія, какой имѣла на него «молодая редакція» погодинскаго «Москвитянина»: «превосходство таланта и даръ личной обаятельности плохо мирятся съ мыслью, будто онъ подвергался вліянію, а не самъ его на другихъ оказывалъ». Въ заключительной характеристикѣ Островскаго, какъ человѣка, авторъ изображаетъ его какъ необыкновенно симпатичнаго труженика, страстно преданнаго своему искусству, полнаго честной прямоты и доброты, сердечной ясности, образъ «большого честнаго человѣка». Идя на встрѣчу малой освѣдомленности земляковъ съ русской жизнью и въ частности съ полосою ея, воспроизведенною Островскимъ, г. Патуйэ, въ цѣляхъ популяризаціи Островскаго, большую часть книги отвелъ тому, что можно назвать по школьному— изображеніемъ русской жизни по созданіямъ Островскаго. Эта центральная, очень пространная по объему (масса цитатъ), часть книги имѣетъ слѣдующіе подзаголовки: книга II—профессіональные и соціальные нравы купеческаго міра, книга III—домашніе нравы купеческаго міра и кн. IV—другіе классы и соціальные типы. Здѣсь имѣются небольшіе пояснительные историческіе обзоры развитія купечества, чиновничества, семейной жизни въ Россіи и пр. Все это изложено очень подробно и добросовѣстно, но для русскихъ читателей, конечно, не можетъ представить особаго интереса. Въ третьей заключительной части (въ пятой книгѣ), давая общую оцѣнку творчества Островскаго, авторъ сопоставляетъ нравы театра Островскаго съ разнообразными свидѣтельствами о русскихъ нравахъ современниковъ, историковъ и другихъ писателей, подтверждая тѣмъ точность и полноту изображеній Островскаго за періодъ 40-хъ—70-хъ годовъ. Одна глава посвящена оцѣнкѣ моральныхъ идей Островскаго; авторъ подчеркиваетъ чисто практическій жизненный характеръ его морали, благородное гуманное настроеніе; чуждую проповѣдничества сердечность; отсутствіе въ равной мѣрѣ сатирическаго пессимизма, какъ и предвзятаго оптимизма, при ясной увѣренности въ возможности для человѣка служить моральнымъ и національнымъ цѣлямъ. Островскій былъ по своему «освободителемъ рабски настроенныхъ душъ». Островскаго, какъ художника, г. Патуйэ ставитъ чрезвычайно высоко. Онъ подчеркиваетъ глубокую оригинальность образовъ драматурга и отводитъ весьма скромное мѣсто тѣмъ заимствованіямъ, которыя недавно были подчеркнуты г. Кашинымъ въ работахъ о пьесахъ Островскаго. Здѣсь же авторъ говоритъ о техническомъ совершенствѣ нѣкоторыхъ пьесъ Островскаго, какъ театральныхъ произведеній, и въ особенности отстаиваетъ провалившуюся нѣкогда въ Парижѣ

«Грозу»; въ заключеніе касается разнообразнаго и неподражаемаго юмора Островскаго, типичность его образцовъ для русскаго быта, въ противоположность комедіи характеровъ, а также и языка. Авторъ всюду проявляетъ достаточное знакомство съ русской жизнью и литературой, хотя попадаются и промахи, напр., ноосновательный упрекъ Гоголю въ технической слабости «Ревизора», какъ театральнаго представленія. Въ общемъ, намъ, русскимъ, нельзя не быть признательными за эту съ любовью исполненную попытку объяснить и показать иностранцамъ писателя, изображавшаго жизнь, столь чуждую имъ въ своей особенности и связяхъ съ давнимъ прошлымъ русской культуры.

— Полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго. Съ портретомъ и біографіей автора, составленною Н. А. Благовѣщенскимъ. Третье изданіе. Спб. 1913. Цѣна 1 рубль.

5 октября нынѣшняго года исполняется пятидесятилѣтіе смерти Помяловскаго, и, слѣдовательно, его сочиненія становятся общею собственностью. Учитывая это обстоятельство, «Нива» поспѣшила дать въ приложеніяхъ собраніе его сочиненій, а товарищество «Просвѣщеніе» только что напечатало ихъ по дешевой цѣнѣ, за рубль. Дешевое изданіе представляетъ просто перепечатку перваго изданія, выпущеннаго подъ редакціей Благовѣщенскаго, хотя давно слѣдовало бы изданіе провѣрить съ текстами, если не рукописей Помяловскаго, то хотя съ текстомъ, появившимся въ журналахъ. Особенно устарѣлъ біографическій очеркъ Помяловскаго, очень важный, какъ первоисточникъ для біографіи Помяловскаго, но написанный очень давно, съ неизбѣжными въ цензурное время смягченіями и умолчаніями. Статья Благовѣщенскаго, напр., даетъ только неясные намеки на участіе Помяловскаго въ общественной жизни 60-хъ г.г. въ такомъ родѣ: Помяловскій съ самаго училища жилъ общественными интересами; на немъ слишкомъ глубоко и сильно отзывались всѣ общественныя боли. Подъ вліяніемъ лучшихъ дней своей жизни онъ успѣлъ выработать прочныя убѣжденія, и когда увидѣлъ, что по этимъ убѣжденіямъ напрямикъ дѣйствовать нельзя, когда замѣтилъ, что «въ жизни та же бурса» онъ впалъ въ апатію, а уступки никакой сдѣлать не хотѣлъ и не могъ». Благовѣщенскій передаетъ тяжелыя сцены проклятій, въ которыхъ разливался авторъ «Очерковъ бурсы» противъ «непріятныхъ ему личностей» въ припадкахъ запоя, но въ чемъ было дѣло, остается неяснымъ, и, напримѣръ, обойденъ молчаніемъ такой поводъ къ проявленію отчаянія, какъ закрытіе воскресныхъ школъ, въ одной изъ которыхъ (на Шлиссельбургскомъ

трактѣ). Помяловскій былъ изъ усерднѣйшихъ и дѣльныхъ преподавателей. Для пополненія и расширенія біографическаго очерка Помяловскаго имѣется, со времени написанія статьи Благовѣщенскаго, кое-какой разбросанный въ разныхъ изданіяхъ и книгахъ болѣе или менѣе любопытный матеріалъ, да и точка зрѣнія на Помяловскаго автора его первой біографіи, правовѣрнаго радикала-шестидесятника, достаточно устарѣла; критической оцѣнки литературнаго наслѣдства Помяловскаго въ этой статьѣ и вовсе не имѣется.

— «Юридическій Вѣстникъ». Журналъ Московскаго Юридическаго Общества. Книга I и II-ая. 1913. Цѣна по 2 руб.

Новый «Юридическій Вѣстникъ» поднялъ знамя былого журнала того же имени и «Вѣстника Права», призывавшаго юриспруденцію къ «освобожденію отъ оппортунистическихъ ученій конца XIX-го вѣка и возрожденію ея на принципіальной и идеальной почвѣ». Увы, эту высокую миссію молодому журналу не удалось довести до конца. Однако, сѣмена уже были брошены, и дѣло возрожденія юриспруденціи начато. «Возвращеніе къ завѣтамъ лучшихъ и славныхъ временъ науки права», когда «мощное слово ея разрушало вѣковые предразсудки и суевѣрія въ правѣ, насаждало просвѣщенное и гуманное—истинное право и справедливость»,—таковъ былъ лозунгъ новой сознательной работы. Не невѣжественнымъ искаженіемъ и отрицаніемъ права, какъ таковаго, и всего идеальнаго въ немъ, а утвержденіемъ и культомъ истиннаго права—идеальной, духовной силы особаго рода, смиряющей и устраняющей мелкіе эгоистическіе интересы, возвышающей и облагораживающей человѣчество—должна заниматься наука права XX-го вѣка, насаждая знаніе подлиннаго права и всеобщее уваженіе къ нему, развивая и укрѣпляя идеальное правосознаніе, утверждая въ правящихъ и управляемыхъ вѣру въ силу и святость правовыхъ нормъ. Такова высокая задача новой юриспруденціи.

Новый журналъ примыкаетъ къ этому движенію самымъ рѣшительнымъ образомъ. «Задача Юридическаго Вѣстника»—способствовать разработкѣ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ юриспруденціи. Ставя себѣ эту задачу, редакція «Юридическаго Вѣстника» исходитъ изъ убѣжденія, что въ жизни культурныхъ народовъ право имѣетъ первостепенное значеніе. И матеріальное благосостояніе, и упорядоченность внутренней жизни, и внѣшнее могущество народа зависятъ въ значительной мѣрѣ отъ правопорядка, господствующаго среди даннаго народа, и правосознанія, воодушевляющаго его. Со-

дѣйствовать по мѣрѣ силъ тому, чтобы право пріобрѣло руководящее положеніе и въ жизни нашей родной страны, будетъ цѣлью Юридическаго Вѣстника, которую онъ будетъ осуществлять доступными для него средствами—путемъ научной разработки вопросовъ правовѣдѣнія». Особенно подробно развиваетъ задачи и цѣли новаго органа передовая статья «Наши Задачи», принадлежащая перу Б. А. Кистяковскаго. По словамъ автора, «Юридическій Вѣстникъ» ставитъ своей «основной задачей» — «способствовать признанію за правомъ самостоятельнаго и автономнаго значенія въ нашей жизни», а «основной цѣлью» его является—«отвоевать праву подобающее ему положеніе въ нашей жизни». «Намъ нужна... не юридическая форма, не господство юридическихъ понятій, а дѣйственное право». И наука права «болѣе всего призвана установить и показать это независимое и самостоятельное значеніе права», которое должно разсматриваться «не какъ средство для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей, а какъ самостоятельная цѣль». Поэтому долгъ каждаго гражданина, а особенно сословія юристовъ—способствовать всѣми силами повышенію авторитета права, а это повышеніе, разумѣется, возможно только при неуклонномъ всеобщемъ осуществленіи правовыхъ нормъ.

Книги «Юридическаго Вѣстника» состоятъ изъ трехъ отдѣловъ. I. Отдѣлъ теоретическихъ статей по юриспруденціи и соціально-экономическимъ наукамъ. II. Юридическое Обозрѣніе, посвященное текущимъ вопросамъ правовой жизни, въ особенности судебной практикѣ. III. Литературное Обозрѣніе, посвященное оцѣнкѣ вновь выходящихъ русскихъ книгъ по юриспруденціи и общественнымъ наукамъ. Въ обѣихъ книгахъ очень содержательно «Юридическое Обозрѣніе», гдѣ даны, между прочимъ, обзоры по вопросу о смертной казни, о положеніи русскихъ тюремъ, о юридической оцѣнкѣ хулиганства, о реформѣ конкурснаго законодательства, по сенатской и судебной практикѣ въ сферѣ гражданскаго судопроизводства. Изъ заграничной текущей правовой жизни разсмотрѣны новый законъ о розыскѣ внѣбрачнаго отцовства во Франціи, проектъ союза чиновниковъ во Франціи. Въ «Литературномъ обозрѣніи» имѣются въ большомъ количествѣ рецензіи, принадлежащія перу извѣстныхъ русскихъ профессоровъ. Направленіе журнала выясняютъ въ особенности болѣе общія статьи, Л. І. Петражицкаго. П. И. Новгородцева, А. С. Алексѣева, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, С. А. Котляревскаго и др. Разбираемые вопросы трактуются съ новыхъ точекъ зрѣнія, далекихъ отъ традиціонной юриспруденціи, что создаетъ особый подъемъ научнаго мышленія, заражающій своимъ воодушевленіемъ. Вообще первыя двѣ книги полны научнаго и

практическаго интереса и ставятъ новый органъ на высоту подлинной научности, освѣщающей все высокое, автономное и самостоятельное значеніе права.

П. Е. Михайловъ.

— Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Московскій университетъ и С.-Петербургскій учебный округъ въ 1812 г. Документы архива министерства народнаго просвѣщенія, собр. и изд. подъ редакцею К. Военскаго. Спб., 1912.

Объемистый томъ документовъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія, изданныхъ подъ редакціею начальника названнаго архива, извѣстнаго знатока и изслѣдователя эпохи отечественной войны К. А. Военскаго, представляетъ собою цѣнный вкладъ въ литературу о 1812 г. Несмотря на внѣшнюю сухость и оффиціальный характеръ большей части этихъ матеріаловъ, послѣдніе живо рисуютъ предъ нами потрясенія, испытанныя школами и вообще учебнымъ вѣдомствомъ въ связи съ вторженіемъ Наполеоновской арміи. Больше всѣхъ, конечно, пострадалъ московскій университетъ. Выводу его изъ Москвы по случаю нашествія непріятеля, пребыванію университета въ разныхъ городахъ имперіи и возвращенію его въ Москву посвященъ въ книгѣ особый отдѣлъ. Вслѣдствіе самонадѣянности распоряженій московскаго главнокомандующаго гр. Ростопчина, отправленіе университетскаго имущества изъ Москвы откладывалось до послѣдней минуты. Неоднократныя просьбы ректора И. А. Гейма объ отпускѣ лошадей оставались тщетными. Наконецъ, чуть ли не за день до вступленія французовъ въ Москву—пишетъ Геймъ въ своемъ донесеніи попечителю учебнаго округа—«поѣхавши опять на удачу къ г. губернатору, убѣдительно просилъ его о лошадяхъ. «Сколько тебѣ надобно, Иванъ Андреевичъ?»—спросилъ. «Тридцать», отвѣчалъ. «Никакъ невозможно; если хочешь, 15 бери; болѣе по чести дать не могу, да и то, возьми ихъ въ сію же минуту». Пришлось согласиться; на подводы нагружено было лишь самое цѣнное изъ имущества университета, все же остальное—библіотека, коллекціи, типографія, книжный складъ—оставлено было на произволъ судьбы. Сверхъ передрягъ съ мѣстною администраціею, ректору тогда же пришлось пережить острый конфликтъ съ попечителемъ московскаго учебнаго округа, П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ. Послѣдній, не имѣя въ своемъ распоряженіи средствъ на предстоявшіе экстренные расходы, велѣлъ ректору выдать, подъ его отчетъ, 2000 руб. изъ типографскихъ суммъ. Требованіе попечителя противорѣчило закону

и инструкціямъ—и лойяльный, аккуратный Геймъ обнаружилъ большую независимость: онъ отказался исполнить полученное имъ предписаніе. Попечитель округа былъ взбѣшенъ такимъ неповиновеніемъ Гейма и немедленно обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ о примѣрномъ наказаніи ослушника. «Прошу ваше сіятельство—писалъ онъ министру,—снабдить меня строжайшимъ и рѣшительнѣйшимъ предписаніемъ, какимъ образомъ долженъ я въ такомъ случаѣ поступить съ г. ректоромъ, коего уже я въ неблагонамѣренности подозрѣвать по его поступкамъ имѣю причины. Ежели таковый примѣръ дерзости и неповиновенія, содѣлавшійся въ университетѣ гласнымъ и могущій и другихъ возбудить къ подобнымъ сему поступкамъ, останется ненаказаннымъ, то я при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не могу отвѣтствовать ни за благоустройство, ни за цѣлость всѣхъ ввѣренныхъ мнѣ учебныхъ заведеній. Присовокупляю къ сему и то, что послѣ таковой обиды, столь торжественно мнѣ г. ректоромъ сдѣланной, буде онъ останется въ званіи ректора, то я приму смѣлость непосредственно Государя Императора просить о увольненіи меня отъ званія попечителя, коимъ я остаться не могу, когда дерзкій подчиненный, ополчася противу ввѣренной мнѣ власти, останется за то ненаказаннымъ». Къ чести тогдашняго (перваго по времени) министра народнаго просвѣщенія, гр. А. К. Разумовскаго, слѣдуетъ отмѣтить, что онъ призналъ образъ дѣйствій Гейма вполнѣ правильнымъ. «Я нахожу—писалъ онъ разобиженному Голенищеву-Кутузову,—что ректоръ не могъ приступить къ выдачѣ Вамъ сихъ денегъ, какъ потому, что сіе противно было бы § 140 университетскаго устава, на который онъ ссылается, тамъ и потому, что въ подобныхъ требованіяхъ экстренныхъ суммъ должно всегда прописываться или предписаніе высшаго начальства, или отношеніе гражданскаго либо военнаго начальства, поводомъ къ таковому требованію служащія. Къ сему долженъ прибавить и то, что въ настоящее время должно, сколько можно, сберегать суммы и тратить оныя только на необходимыя издержки... Впрочемъ, какъ Вы изъясняетесь, что, буде ректоръ останется въ семъ званіи, Вы будете непосредственно просить Его Императорское Величество объ увольненіи Васъ отъ званія попечителя, то на сіе я не могу ничего иного сказать, какъ только, что сіе остается въ Вашей волѣ».

Въ цѣломъ рядѣ документовъ выступаетъ безграничная преданность Гейма интересамъ университета, временно перемѣщеннаго въ Нижній-Новгородъ, его заботливость о профессорахъ и студентахъ. Его весьма угнеталъ наступившій перерывъ учебныхъ занятій. «Я нахожусь теперь въ крайнемъ замѣшательствѣ—пишетъ онъ уже 27 сентября 1812 г. изъ Нижняго-Новгорода въ министер-

ство:—должно содержать 31 человѣка, не имѣющихъ теперь никакихъ занятій, потому что нѣтъ никакихъ книгъ, да и классовъ, по причинѣ чрезвычайной тѣсноты, никакимъ образомъ учредить нельзя. Я боюсь, чтобы они, оставаясь надолго въ такомъ праздномъ состояніи, не позабыли и того, чему прежде учились, и не сдѣлались совершенными тунеядцами». Онъ неустанно докладываетъ о необходимости скорѣйшаго возвращенія университета въ Москву, энергично высказываясь противъ возникшихъ предположеній о временномъ перемѣщеніи таковаго въ Симбирскъ или Ярославль. Любопытно, что въ качествѣ главнаго довода въ пользу скорѣйшаго возвращенія университета въ Москву ректоръ, въ представленіи попечителю округа отъ 15 ноября 1812 г., выдвигаетъ невозможность правильной дѣятельности цензурнаго комитета (состоявшаго при университетѣ), въ случаѣ нахожденія его внѣ Москвы. «Большая часть переводчиковъ и сочинителей живетъ въ Москвѣ, но ежели цензура будетъ находиться въ Ярославлѣ или во Владимірѣ, то они должны пересылать свои сочиненія или рукописи туда, и это, конечно, какъ для нихъ, такъ и для комитета будетъ затруднительно; но все это было бы самое меньшее затрудненіе—есть другія, гораздо важнѣйшія. У насъ въ Россіи только два города, въ которыхъ процвѣтаетъ книжная торговля, а именно Москва и С.-Петербургъ. Вдругъ получаетъ Московскій цензурный комитетъ изъ Главнаго Цензурнаго Правленія предписаніе запретить какую-либо книгу или остановить печатаніе оной, или, коли она уже отпечатана, не выпускать ее въ продажу. Цензурный комитетъ, пребывающій въ Москвѣ, извѣщаетъ въ такихъ случаяхъ тотчасъ о томъ полицію... Но какъ поступать тогда, когда цензурный комитетъ будетъ въ другомъ городѣ? Замедленіе будетъ страшное, какъ ваше превосходительство сами изволите усмотрѣть изъ примѣра, для котораго возьму предписанія, присланныя Вами ко мнѣ для исполненія, а именно предписаніе г. Министра Просвѣщенія подъ № 3446, чтобы въ календаряхъ на будущій 1813-ый годъ вовсе не было печатано родословныхъ владѣтельныхъ домовъ, кромѣ одного Россійскаго Императорскаго дома» (стр. 66—67).

Любопытныя данныя заключаютъ въ себѣ обнародованныя дѣла о возстановленіи, послѣ изгнанія непріятеля, Московской университетской типографіи и объ открытіи вновь низшихъ учебныхъ заведеній въ Московской и Смоленской губерніяхъ. Служащіе и рабочіе типографіи, оставшіеся въ занятой французами Москвѣ, содѣйствовали сохраненію значительной части типографскаго имущества, благодаря чему оказалось возможнымъ уже 23 ноября

1812 г. возобновить изданіе университетскихъ «Московскихъ Вѣдомостей». Вслѣдъ затѣмъ стали выходить и прочія московскія періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», «Другъ Юношества» и «Историческій и Политическій Журналъ». На скорѣйшемъ возобновленіи органовъ печати настаивало министерство, какъ на знаменующемъ собою возстановленіе порядка и безопасности въ разоренной Москвѣ. Въ дѣлахъ объ открытіи вновь школъ въ Московской и Смоленской губерніяхъ, какъ и о мѣрахъ принятыхъ директорами училищъ въ губ. Владимірской, Калужской, Рязанской, Тверской и Ярославской, находимъ немало любопытныхъ данныхъ, рисующихъ внутреннюю жизнь и состояніе тогдашнихъ школъ.

Какъ извѣстно, неудачи въ начальный періодъ отечественной войны вызвали серьезныя опасенія за судьбу Петербурга. Состоялось распоряженіе, чтобы «въ разсужденіи малаго времени, для судоходства остающагося, по всѣмъ министерствамъ отправлены были безъ отлагательства всѣ тѣ вещи и дѣла, въ употребленіи коихъ здѣсь нѣтъ необходимой надобности». Опубликованныя въ разбираемомъ сборникѣ дѣла знакомятъ насъ съ мѣрами, принятыми въ этомъ отношеніи по министерству народнаго просвѣщенія. Дѣла центральнаго управленія министерства и наиболѣе цѣнная часть инвентарей Академіи Наукъ, Академіи Художествъ и Императорской Публичной библіотеки отправлены были на судахъ въ Олонецкую губернію подъ присмотромъ чиновниковъ и хранителей музеевъ; имущество Публичной библіотеки—вазы, печатныя книги и рукописи въ 185 ящикахъ, свыше 300 пуд. вѣс.—сопровождалъ извѣстный библіографъ В. Сопиковъ, состоявшій помощникомъ библіотекаря. Въ Олонецкую губернію отправлены были также студенты Педагогическаго Института (въ числѣ 76 чел.) и воспитанники Петербургской губернской гимназіи (49 чел.). Существовало предположеніе и о перемѣщеніи Царскосельскаго Лицея въ другую губернію, въ виду нашествія непріятеля, а также объ отправленіи изъ Петербурга воспитанниковъ Іезуитскаго Института. Представленный ректоромъ послѣдняго списокъ воспитанниковъ особенно интересенъ тѣмъ, что въ немъ фигурируютъ имена знатныхъ русскихъ семействъ (Баратынскій, Похвисневъ, Чевкинъ и др.).

Выпускомъ настоящаго сборника министерство народнаго просвѣщенія, повидимому, возобновляетъ публикованіе своихъ архивныхъ матеріаловъ, начатое въ свое время подъ редакціею покойнаго Корнилова. Это должно быть привѣтствуемо, такъ какъ архивъ названнаго министерства заключаетъ въ себѣ обильные

и весьма цѣнные матеріалы по исторіи просвѣщенія, русской литературы, цензуры и др.

С. Г.

— Г. Кершенштейнеръ. Трудовая школа. Переводъ съ нѣмецкаго М. И. Дрей. Съ предисловіемъ и подъ редакціей Н. В. Сперанскаго. Москва, 1913 г. Цѣна 35 к.

Книга Г. Кершенштейнера имѣетъ большой интересъ, такъ какъ она написана самымъ выдающимся сторонникомъ новой, такъ называемой трудовой, народной школы. Онъ же ввелъ эту новую школу въ жизнь, реформировавъ Мюнхенскія «дополнительныя» школы, въ которыхъ изъ труда мастерового человѣка онъ стремится сдѣлать орудіе его духовнаго образованія.

Въ своей книгѣ онъ возстаетъ противъ современной, книжной школы, которая даетъ только знанія, усваиваемыя памятью. Такая школа не воспитываетъ воли и не ведетъ къ такому образованію народа и человѣка, въ какомъ изо дня въ день все больше нуждается государство.

Главное значеніе всѣхъ школъ должно состоять не только въ накопленіи знаній, но еще больше въ развитіи умственныхъ, моральныхъ и физическихъ способностей. Смыслъ трудовой школы заключается въ томъ, чтобы при минимумѣ учебнаго матеріала добыть максимумъ навыковъ, способностей и наслажденія трудомъ. Надо развить въ учащихся сознательное отношеніе къ труду, развить самодѣятельность и научить учениковъ работать сообща, чтобы школьная коллективная работа была подготовкой къ работѣ, которую гражданинъ несетъ на пользу общества.

Новая школа пріучаетъ не къ одному ручному труду. Она должна научить логически мыслить, и главный ея признакъ—самостоятельная, умственная работа учениковъ. Въ нынѣшней народной школѣ она имѣетъ скромные размѣры. Чтобы сдѣлать умственную работу въ школѣ самостоятельной, надо сократить учебный матеріалъ и устроить удобныя условія для умственнаго труда, библіотеки по исторіи, географіи, естествознанію и геометріи, нужно подготовить пригодныхъ учителей, умѣющихъ вызвать въ ученикѣ самодѣятельность.

Кершенштейнеръ не считаетъ себя революціоннымъ новаторомъ; онъ говоритъ, что сторонники трудовой школы содѣйствуютъ побѣдѣ старыхъ педагогическихъ принциповъ и дѣйствуютъ въ духѣ Песталоцци. Къ книгѣ приложенъ образецъ организаціи народной школы въ городахъ, поражающей жизненностью всего преподавае-

маго матеріала и такой постановкой преподаванія, которая должна вызвать въ дѣтяхъ большой интересъ.

— Практическая школьная энциклопедія. Подъ общей редакціей Тулупова и Шестакова. Москва, 1912. Цѣна 3 р. 50 к.

Энциклопедія, изданная подъ редакціей Тулупова и Шестакова, знакомитъ народнаго учителя съ новыми путями, по которымъ идетъ современная педагогика и указываетъ, какъ ихъ ввести въ преподаваніе.

Въ первой статьѣ говорится о новыхъ педагогическихъ теченіяхъ, о стремленіи школы стать ближе къ жизни и дѣйствовать на своихъ учениковъ параллельно съ ихъ трудовыми задачами, указывается на необходимость вызвать самодѣятельность и самоуправленіе учениковъ и ввести наглядное преподаваніе, т. е. намѣчаются тѣ же принципы, которые провозгласили Кершенштейнеръ и другіе новаторы. Далѣе приводятся программы занятій, выработанныя на различныхъ съѣздахъ. Каждому предмету, преподаваемому въ народныхъ школахъ и каждому вопросу, связанному съ преподаваніемъ, соотвѣтствуетъ отдѣльная статья. Большіе отдѣлы посвящены самообразованію учителя и тѣмъ общественнымъ начинаніямъ и учрежденіямъ, которыя ему содѣйствуютъ (педагогическіе курсы, заграничныя экскурсіи и т. д.). Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены статьи, касающіяся культурно-просвѣтительной дѣятельности внѣ школы (народные университеты, земскіе подвижные музеи, народные дома и т. д.). Въ концѣ находимъ справочникъ, въ которомъ указаны законы по школьному и внѣшкольному образованію и масса другихъ, полезныхъ для учителей справокъ и свѣдѣній.

Книга эта доступна только наиболѣе интеллигентнымъ изъ народныхъ учителей. По каждому вопросу дана библіографія, которая по однимъ вопросамъ указываетъ слишкомъ элементарныя книги, а по другимъ — слишкомъ трудныя, въ которой читателямъ трудно разобраться.

А. Т.

— А. А. Раевскій. Общественныя работы, ихъ понятіе, современное положеніе и возможная роль въ будущемъ. Харьковъ. 1913.

Предметомъ этого небольшого труда профессора харьковскаго университета А. А. Раевскаго служатъ тѣ общественныя работы, которыя устраиваются въ моменты народныхъ бѣдствій и имѣютъ цѣлью доставленіе заработка нуждающемуся населенію. Авторъ

взялъ на себя изобразить «въ краткихъ чертахъ сложную и прихотливую картину общественныхъ работъ въ главнѣйшихъ государствахъ», ограничиваясь фактической стороной вопроса. Но изучаемое имъ явленіе «оказалось настолько близко стоящимъ къ текущей жизни», что онъ не удержался на позиціи бытописателя и высказалъ свои предположенія о томъ гораздо болѣе широкомъ значеніи, какое ожидаетъ общественныя работы въ будущемъ. Предоставленіе труда безработнымъ начинаетъ, по его мнѣнію, «постепенно переходить въ обезпеченіе занятій всему избытку рабочихъ силъ въ странѣ». Основанія для такого заключенія авторъ видитъ въ фактической эволюціи дѣла помощи, при посредствѣ общественныхъ работъ, временно нуждающемуся населенію. Первоначально общественныя работы учреждались въ случаяхъ чрезвычайныхъ бѣдствій, лишающихъ массы трудящагося населенія привычныхъ источниковъ дохода. Затѣмъ, въ концѣ истекшаго столѣтія, западные муниципалитеты выступили на путь смягченія обычной, сезонной безработицы, перенося выполненіе ихъ собственныхъ работъ и заказовъ на тѣ мѣсяцы, когда наблюдается затишье въ частной промышленности и освобождается много рабочихъ рукъ. Наконецъ стали предприниматься такія крупныя меліоративныя работы, которыя не только даютъ временный заработокъ, но и создаютъ прочный спросъ на рабочую силу для поддержанія въ исправномъ состояніи исполненныхъ меліорацій. Въ примѣръ такого рода начинаній можно привести вырабатываемый въ Англіи планъ работъ по облѣсенію безплодныхъ земель и пустошей. Работы эти будутъ давать въ теченіе сорока лѣтъ занятіе 18 тысячамъ лицъ и потребуютъ, по ихъ окончаніи, ста тысячъ рабочихъ для содержанія въ надлежащемъ порядкѣ облѣсенныхъ пространствъ. Этого рода предпріятія имѣютъ, слѣдовательно, въ виду не частные виды безработицы, а безработицу, какъ постоянное и длительное явленіе. Исходя изъ этого факта, усматривая въ немъ какъ бы признаніе «права на трудъ», г. Раевскій полагаетъ, что, продолжая слѣдовать въ этомъ направленіи, и комбинируя общественныя работы съ другими видами трудовой помощи, государство въ концѣ концовъ вступитъ на путь систематическихъ заботъ объ изысканіи новыхъ и новыхъ источниковъ заработка, «о такомъ развитіи національной производительности, при которомъ къ услугамъ безработныхъ всегда будетъ находиться соотвѣтствующій запасъ полезной для страны работы».

По вполнѣ справедливому утвержденію г. Раевскаго, безработица имѣетъ особенно значительное распространеніе въ Россіи, такъ какъ къ той ея формѣ, какая господствуетъ на Западѣ и

обусловливается характеромъ господствующаго хозяйственнаго строя, здѣсь присоединяется и играетъ гораздо болѣе замѣтную роль специфическая сезонная безработица земледѣльческаго населенія, отдающаго этому своему промыслу не болѣе шести мѣсяцевъ въ году. Итакъ какъ земледѣльцы составляютъ 3/4 населенія страны, то вынужденная чуть не полугодовая праздность такой массы лицъ не только до крайности обостряетъ бѣдствія безработицы, но, ограничивая въ огромныхъ размѣрахъ производительное примѣненіе народнаго труда, является источникомъ бѣдности страны и составляетъ настоящее національное бѣдствіе. Заботы о предупрежденіи безработицы въ Россіи имѣютъ, поэтому, особенно важное значеніе, представляясь не только мѣрою помощи бѣдствующему населенію, какъ на Западѣ, но и средствомъ превращенія бѣдной страны въ богатую. Въ виду указаннаго различія формъ и значенія безработицы въ Россіи и въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ, мѣры, пригодныя для предупрежденія безработицы въ Западной Европѣ, нельзя считать достаточными для нашего отечества. Здѣсь требуется гораздо болѣе широкое распространеніе начала организаціи труда при посредствѣ государства, коммунальныхъ и другихъ учрежденій, при чемъ главная, можетъ быть, роль будетъ принадлежать не меліоративнымъ работамъ общеполезнаго характера, а производству предметовъ массоваго производительнаго потребленія—а въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ о рынкахъ для помѣщенія новаго продукта, который врядъ ли можетъ быть разрѣшенъ внѣ примѣненія начала организаціи производства въ связи съ потребленіемъ населенія, нуждающагося одновременно и въ заработкѣ, и въ предметахъ потребленія. Г. Раевскій, къ сожалѣнію, не разсмотрѣлъ вопроса о борьбѣ съ безработицей въ Россіи во всей его широтѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя не привѣтствовать попытокъ автора все-таки очень широко поставить вопросъ о помощи безработнымъ, какъ въ книжкѣ, составляющей предметъ настоящей замѣтки, такъ и въ другой, къ сожалѣнію мало доступной его работѣ: «Трудовая помощь, какъ задача государственнаго управленія».

— А. Лосицкій и Н. Чернышевъ. Алкоголизмъ петербургскихъ рабочихъ. Спб. 1913.

Несмотря на то, что алкоголизмъ составляетъ старое и разростающееся зло русской жизни, подробное статистическое изслѣдованіе этого явленія находится еще въ зародышѣ. Къ матеріаламъ

этого рода относится, между прочимъ, книжка, указанная въ заголовкѣ нашей замѣтки, заключающая въ себѣ разработку данныхъ, собранныхъ русскимъ техническимъ обществомъ. Это уже вторая анкета техническаго общества по данному вопросу, отличающаяся, отъ первой (разработанной г. Прокоповичемъ) тѣмъ, что она составляетъ самостоятельное изслѣдованіе, а не составную часть анкеты о бюджетѣ петербургскихъ рабочихъ. Данныя этой анкеты разработаны гг. Лосицкимъ и Чернышевымъ въ направленіи выясненія связи потребленія рабочими вина съ высотой заработка и съ такими условіями быта рабочихъ, какъ длина рабочаго дня, жилищныя условія, способы питанія, принадлежность къ организаціямъ, школа. Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ показало, что хотя ухудшеніе вышеперечисленныхъ условій существованія рабочихъ сопровождается увеличеніемъ пьянства, но говоря, вообще, различіе въ этомъ отношеніи между разными группами рабочихъ не велико. Это не значитъ, конечно, что указанныя выше условія играютъ слабую роль въ происхожденіи алкоголизма: это показываетъ только, что и наилучшія, т. е. наименѣе, сравнительно, тяжелыя условія быта петербургскихъ рабочихъ настолько неудовлетворительны, что представляютъ благопріятную почву для сильнаго развитія алкоголизма (не употребляютъ вовсе вина менѣе 10% числа всѣхъ рабочихъ, отвѣтившихъ на анкету); дальнѣйшее ухудшеніе условій уже не имѣетъ, поэтому, въ данномъ отношеніи большого значенія.

Анкета техническаго общества заключаетъ мало цифровыхъ данныхъ для разъясненія вопроса объ условіяхъ развитія алкоголизма въ рабочей средѣ. Она могла бы дать больше матеріала для характеристики формы потребленія алкоголя, если бы на этотъ вопросъ было обращено надлежащее вниманіе. Но изъ разсматриваемаго изданія мы не получаемъ, напр., отвѣта на вопросъ, въ чемъ заключается регулярность потребленія алкоголя; пьютъ ли регулярно потребляющіе водку вмѣстѣ съ пріемомъ пищи, идя на работу, возвращаясь съ нея и т. п. и когда и какъ часто прибѣгаютъ къ водкѣ рабочіе, потребляющіе ее не регулярно. Значеніе и степень вреднаго вліянія алкоголя зависитъ, между тѣмъ, не только отъ количества, но и отъ формы, мѣста и времени его потребленія; и намъ кажется, что этотъ вопросъ заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія. Кромѣ данныхъ цифроваго характера, въ книжкѣ гг. Лосицкаго и Чернышева сгруппированы еще отзывы рабочихъ о причинахъ алкоголизма въ ихъ средѣ, объ отношеніи ихъ къ этому явленію, о борьбѣ ихъ съ алкоголизмомъ. Отзывы эти рисуютъ непригляднуюю картину быта петербургскихъ рабо-

чихъ, съ ихъ утомительнымъ трудомъ, нерѣдко недостаточнымъ и неудобнымъ питаніемъ, тѣснотой помѣщенія, въ которомъ затруднительно даже принять знакомаго, отсутствіемъ другихъ, болѣе благородныхъ развлеченій, чѣмъ трактирная сутолока, бѣдность духовнаго содержанія рабочихъ, не находящихъ интереснаго сюжета для компанейскаго времяпрепровожденія и т. п. Средства, указываемыя рабочими для борьбы съ алкоголизмомъ, заключаются въ просвѣщеніи и устройствѣ полезныхъ развлеченій, въ спеціальной агитаціи противъ пьянства, въ ограничительныхъ мѣрахъ относительно производства и торговли алкоголемъ, въ поднятіи матеріальнаго благосостоянія рабочихъ. Мнѣнія на этотъ счетъ рабочихъ совпадаютъ такимъ образомъ съ тѣмъ, что высказывается и въ литературѣ.

— Баллевскій-Левинъ. Фабричное хозяйство. Перевелъ съ послѣдняго (3-го) нѣмецкаго изданія А. Ф. Каганъ-Шибай. Москва, 1913.

Несмотря на то, что фабрично-заводское производство составляетъ важнѣйшій фактъ современной общественной жизни, что вопросамъ чугунной промышленности посвящаютъ свои силы масса дѣятелей теоріи и практики и что въ этой области идетъ жестокая борьба за существованіе—дѣло организаціи индивидуальнаго фабричнаго предпріятія далеко отъ раціональной постановки. Авторъ труда, указаннаго къ заголовкѣ настоящей замѣтки, имѣлъ основаніе всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ считать за успѣхъ уже то обстоятельство, что въ промышленныхъ сферахъ Германіи только еще «прививается (больше и больше) мысль, что успѣшное веденіе дѣла невозможно безъ тщательнаго подсчета стоимости производства и цѣлесообразной организаціи управленія». Причины такого положенія дѣлъ нужно искать, между прочимъ, въ томъ обстоятельствѣ, что организація фабрично-заводскаго предпріятія есть дѣло личное; хозяева склонны скорѣе скрывать, чѣмъ открывать гос подствующіе у нихъ распорядки, и свѣдѣнія объ улучшеніи гдѣ-либо въ той или другой отрасли фабричнаго управленія распространяются медленно и, такъ сказать, не публично. Книга, составляющая предметъ настоящей замѣтки, и первое изданіе которой относится къ 1905 г., имѣетъ цѣлью содѣйствовать правильной постановкѣ этого дѣла. Она составлена на основаніи многолѣтняго личнаго опыта и наблюденія и въ ней разсматриваются всѣ моменты организаціи и веденія крупнаго предпріятія, начиная съ учрежденія новой фабрики или пріобрѣтенія старой и кончая рекла-

мированіемъ готоваго издѣлія. Въ заботѣ о благополучіи фабричнаго хозяйства или о полнотѣ своихъ наставленій авторъ идетъ такъ далеко, что, въ качествѣ стараго и опытнаго промышленнаго дѣльца, поучаетъ своихъ менѣе свѣдущихъ коллегъ, между прочимъ, тому, какъ использовать для цѣлей рекламы страницы газеты, не возбуждая подозрѣнія не только въ читателяхъ, но и въ издателѣ. Этого можно достигнуть, напр., предлагая газетѣ интересно составленный отчетъ о выставкѣ, испытаніи машинъ и т. п. Той же цѣли могутъ служить и доклады въ собраніи спеціалистовъ. Дѣлать такіе доклады, однако—прибавляетъ авторъ,—не легко, «такъ какъ докладчикъ долженъ обладать умѣньемъ не только привлекать вниманіе слушателей, но искусно скрывать свое намѣреніе—рекламировать извѣстный предметъ». Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что такія сомнительныя съ точки зрѣнія морали наставленія встрѣчаются въ книгѣ Баллевскаго въ видѣ исключеній. Въ общемъ эту книгу нельзя не признать полезнымъ руководствомъ для всѣхъ практическихъ дѣятелей въ области крупнаго производства. Не безъ интереса она и для экономиста, занимающагося научно вопросами современной организаціи промышленности. Оттого-то «Фабричное хозяйство» выдержало въ Германіи три изданія въ теченіе семи лѣтъ; и хотя русскій ея переводчикъ находитъ, что система устройства и веденія фабричнаго хозяйства, рекомендуемая Баллевскимъ, невполнѣ примѣнима къ нашимъ условіямъ, но данная книга не теряетъ значенія и для русскаго читателя, рисуя то положеніе дѣла, которое достигнуто въ передовыхъ промышленныхъ странахъ.

В. В.

— Переселенческое Управленіе Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. — Сборникъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи переселенцевъ въ Сибири. Матеріалы по обслѣдованію типичныхъ переселенческихъ поселковъ, собранные и разработанные подъ руководствомъ и редакціею В. К. Кузнецова. Выпускъ I. Текстъ составилъ В. К. Кузнецовъ. С.-Петербургъ, 1912.

«Настоящій I выпускъ и служащіе приложеніями къ нему II—IV выпуски заключаютъ въ себѣ первые результаты предпринятаго Главнымъ Управленіемъ Землеустройства и Земледѣлія, согласно пожеланію бюджетной комиссіи Гос. Думы 3-го созыва, статистическаго обслѣдованія хозяйственнаго положенія переселенцевъ Сибири». Цѣлью обслѣдованія поставлено выясненіе вопроса о современномъ экономическомъ положеніи переселенцевъ и о степени

ихъ благосостоянія въ различныхъ полосахъ Сибири, по сравненію съ бывшимъ положеніемъ ихъ на родинѣ».

Такъ опредѣляется сущность этой работы руководителемъ ея и авторомъ текста, г. Кузнецовымъ. Сравненіе прошлаго состоянія нынѣшнихъ новоселовъ Сибири на ихъ родинѣ съ теперешнимъ ихъ состояніемъ въ Сибири имѣетъ громадный и теоретическій, и практическій интересъ. Если дѣйствительно, переселившись изъ-за Урала, крестьяне Европ. Россіи устраиваются на новыхъ мѣстахъ въ Сибири основательнѣе и крѣпче въ экономическомъ отношеніи, то значитъ, что переселеніе достигаетъ своей цѣли — и наоборотъ.

Это положеніе, съ тѣми или иными оговорками, принимаютъ почти всѣ направленія. Посмотримъ, что даютъ по этому вопросу обслѣдованія вѣдомства. Въ предисловіи мы читаемъ: признано было необходимымъ произвести въ каждомъ назначенномъ уѣздѣ описаніе опредѣленнаго числа типичныхъ переселенческихъ поселковъ. Поселки эти были предварительно намѣчены Переселенческимъ Управленіемъ; окончательный списокъ ихъ по каждому уѣзду составленъ на мѣстахъ завѣдывающими переселенческимъ дѣломъ въ названныхъ губерніяхъ и области по соглашенію со статистиками».

Уже одно то обстоятельство, что поселки предварительно были намѣчены въ Петербургѣ центральнымъ Управленіемъ, мало говоритъ хорошаго. Тамъ, конечно, могли знать нѣкоторые поселки, волею судебъ выдвинутые на глаза начальству, но этого, конечно, очень недостаточно. Типичность участковъ опредѣляется мѣстонахожденіемъ, величиной, временемъ существованія, размѣрами и сложившимся хозяйственнымъ бытомъ.

«Программа обслѣдованія раздѣляется на двѣ части—подворную карточку и поселенный бланкъ. Въ первую вошли отдѣлы: 1) населеніе; 2) промыслы; 3) наемная сила въ хозяйствахъ; 4) постройки; 5) орудія земледѣльческія и транспортныя; 6) скотоводство; 7) землевладѣніе и землепользованіе; 8) посѣвная площадь; 9) ссуды на домообзаведеніе; 10) хозяйственное положеніе двора: а) на родинѣ и б) въ моментъ водворенія или приступа къ хозяйству на новомъ мѣстѣ. Въ поселенный бланкъ внесены отдѣлы: I. Образованіе и современное состояніе поселенія. II. Формы землепользованія. III. Хозяйство. IV. Значительные промыслы. V. Сбытъ и пріобрѣтеніе имуществъ. VI. Сборы, повинности и ссуды». По этой программѣ и было произведено обслѣдованіе 31.984 хозяйствъ въ 447 поселкахъ въ акмолинскомъ и омскомъ у.у. акмолинской области, въ тюкалинскомъ и тарскомъ Тобольской губерніи, въ ачинскомъ, красноярскомъ и канскомъ Енисейской губерніи,

въ нижнеудинскомъ, балаганскомъ и верхоленскомъ Иркутской губерніи, въ теченіе 1912-го года. Добытый матеріалъ использованъ въ четырехъ выпускахъ. Въ настоящемъ выпускѣ дана сводка его, а въ остальныхъ трехъ—матеріалъ съ пояснительными текстами. Настоящій выпускъ является наиболѣе боевымъ и значительнымъ. Недаромъ текстъ его написалъ самъ руководитель работъ.

На основной вопросъ объ улучшеніи экономическаго благосостоянія крестьянина-переселенца въ Сибири сравнительно съ его прошлымъ въ Европ. Россіи дается положительный и утвердительный отвѣтъ: *улучшается въ Сибири.*

«*На родинѣ* $22^0/_0$ *всѣхъ хозяйствъ были совершенно безземельными, въ Сибири же безземелье исчезло*» — это торжественно поясняется длиннымъ рядомъ цифръ. На каждое хозяйство, въ среднемъ, приходится 38,3 дес., изъ нихъ обработывается 14,4 дес. (35,1%). Цифра фактическаго землепользованія колеблется въ зависимости отъ возраста хозяйствъ такъ: въ самыхъ молодыхъ, живущихъ менѣе 3 лѣтъ—9,2 дес., въ трехлѣтнихъ—13 дес., въ существующихъ отъ 4 до 7 лѣтъ — 13,9 дес., въ болѣе старыхъ — до 20,6. Сопоставляя цифры землепользованія въ Сибири съ землепользованіемъ на мѣстахъ выхода переселенцевъ, г. Кузнецовъ приходитъ къ заключенію, что «*на новыхъ мѣстахъ переселенцы имѣютъ пашни въ* $2^1/_2$ *раза, а сѣнокоса въ 10 разъ больше*».

Въ таблицахъ и текстѣ имѣются еще данныя о скотоводствѣ, имущественномъ положеніи переселенцевъ, о доходности переселенческихъ хозяйствъ. Всего этого передать въ краткой рецензіи нельзя. Капиталъ переселенцевъ въ Сибири и вообще матеріальное благосостояніе ихъ увеличивается — заключаетъ г. Кузнецовъ изъ цифрового матеріала. Выводы эти вытекаютъ изъ цифръ обслѣдованія, но правильно ли было поставлено самое обслѣдованіе? Очевидно, были выбраны наиболѣе благонадежные по своей экономической прочности поселки. Въ нихъ мы, напр., не встрѣчаемъ размѣра землепользованія ниже 5,2 дес. на хозяйство. Между тѣмъ, кто живетъ въ Сибири или слѣдитъ за ея жизнью, тотъ знаетъ много случаевъ, когда размѣры эти равняются $1^1/_2$ десятинамъ.

Въ главѣ о формахъ землепользованія г. Кузнецовъ констатируетъ слабость *дѣйствительныхъ* общинныхъ началъ и недостаточно выясняетъ причины ея, говоря о необходимости размежеванія. Между тѣмъ большое значеніе имѣетъ какъ экономическая разница, создавшаяся благодаря разному времени прихода на участки, такъ и разница мѣстъ выхода засельщиковъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные корреспонденты сибирскихъ газетъ и вмѣстѣ съ ними, можетъ быть, невольно, такой «патентован-

ный» общиноборецъ, какъ представитель земскаго отдѣла министерства внутр. дѣлъ Литвиновъ, въ своей запискѣ о поѣздкѣ въ Сибирь, извлеченія изъ которой были напечатаны въ №№ Извѣстій Отдѣла за 1912 годъ.

Вообще въ обработкѣ обслѣдованія г. Кузнецовъ недостаточно обратилъ вниманіе на ту роль, которую играетъ мѣсто выхода переселенца и въ его сибирской жизни. Роль эта многообразна: она сказывается въ выработкѣ формъ землепользованія и въ сельско-хозяйст. культурѣ. При учетѣ ея могла бы получиться иная картина.

Сколько извѣстно, предполагаются еще обслѣдованія въ другихъ мѣстахъ Сибири. Нельзя не пожелать, чтобы для новыхъ обслѣдованій избирались дѣйствительно типическіе поселки, съ тѣневыми сторонами переселенческой жизни, съ учетомъ предыдущихъ путешествій засельщиковъ по неудачнымъ участкамъ.

Конечно, и при соблюденіи этихъ условій полнаго безпристрастія со стороны оффиціальныхъ изслѣдователей ожидать нельзя. Для этого нужны свободные изслѣдователи многострадальной крестьянской жизни. Ихъ вниманія достоинъ и настоящій сборникъ. Изъ него можно извлечь новыя данныя, которыя при критической обработкѣ окажутся цѣнными и интересными.

— А. И. Комаровъ. Правда о переселенческомъ дѣлѣ. С.-Петербургъ. 1913. Цѣна 60 коп.

А. И. Комаровъ—бывшій лѣсной ревизоръ Енисейской губерніи. Онъ близко соприкасался съ переселенческимъ дѣломъ, и потому его брошюра вызвала сенсацію среди чиновъ переселенческаго вѣдомства. Въ свое время свои впечатлѣнія онъ печаталъ въ газетѣ «Новая Русь» (за 1908, 1909 и 1910 г.г.) и настоящая брошюра преимущественно состоитъ изъ тѣхъ корреспонденцій. Корреспонденціи въ свое время опровергнуты не были. Авторъ надѣется, что не можетъ быть опровергнута и брошюра. Онъ говоритъ въ ней только про Енисейскую губернію, но его разсказы, какъ отмѣчаетъ онъ и самъ вполнѣ справедливо, характерны и для другихъ районовъ переселенія. Такіе факты, какіе сообщаются имъ, мы не рѣдко встрѣчали въ сибирскихъ газетахъ и другихъ губерній и областей Сибири. Для читателя, живущаго въ Сибири и читающаго сибирскія газеты, брошюра г. Комарова значенія новизны имѣть не можетъ, но все же не лишена нѣкотораго интереса, благодаря выведеннымъ въ ней лицамъ и личности самого писав-

шаго. Въ такомъ случаѣ важно, чтобы авторъ былъ внѣ упрековъ. Г. Комаровъ предусматриваетъ это и говоритъ, что онъ въ бытность свою лѣснымъ ревизоромъ совмѣстно съ другими «и мѣры принималъ и выяснялъ», но ничего не вышло. Слѣды этой борьбы остались въ канцеляріяхъ различныхъ правительственныхъ мѣстъ; въ брошюрѣ они видны косвенно и не очень ярко. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ такимъ выводамъ (привожу ихъ въ его формулировкѣ): 1. Полная неподготовленность главнаго переселенческаго управленія къ работамъ въ широкихъ размѣрахъ, вслѣдствіе отсутствія опытныхъ техническихъ силъ—съ одной стороны, и неимѣнія предварительныхъ цифровыхъ данныхъ о томъ, куда и сколько намѣревается пройти переселенцевъ—съ другой. 2. Полное отсутствіе планомѣрности въ работахъ и плохое ихъ качество, обусловленное невозможностью обстоятельнаго предварительнаго изслѣдованія на мѣстѣ. 3. Отводъ участковъ съ непригодною для сельскаго хозяйства почвою, экспропріація у старожиловъ удобныхъ земель, разореніе наиболѣе культурныхъ заимочныхъ хозяйствъ въ Сибири; проведеніе дорогихъ, часто совершенно ненужныхъ дорогъ по глухой тайгѣ, вызвавшихъ, при отсутствіи надзора за рабочими, громадные за послѣднее время таежные пожары, истребившіе милліоны десятинъ лѣса. Послѣдствіями этого служатъ: не одна сотня тысячъ неустроенныхъ переселенцевъ, бѣгство переселенцевъ съ участковъ, увеличеніе обратнаго движенія въ Евр. Россію, «благодаря чему тамъ начинаетъ группироваться элементъ безспорно вредный для всякаго государственнаго строя», антагонизмъ между переселенцами и старожилами, эксплоатація первыхъ послѣдними, обнищаніе старожильческаго населенія, хищническое истребленіе лѣса, обмеленіе рѣкъ.

Все это вѣрно и имѣетъ точки опоры въ сообщенномъ авторомъ фактическомъ матеріалѣ, но страстность тона вредитъ дѣлу.

Брошюра написана для читателей, незнакомыхъ съ переселеніемъ. Для него нужно логически-стройное расположеніе фактическаго матеріала и вытекающая отсюда связность выводовъ, которой у г. Комарова слишкомъ мало.

Авторъ полагаетъ, что дѣло нарѣзки участковъ утратило бы свои вредныя стороны, если бы *приглашались* на совѣщанія знатоки края. Это—не разрѣшеніе вопроса. Сибирская публицистика уже давно выставила болѣе основательное положеніе: *обязательное участіе* выборныхъ отъ мѣстнаго населенія, съ правомъ не совѣщательнаго, а рѣшающаго голоса.

Заготовку шпалъ г. Комаровъ думаетъ улучшить возвратомъ отъ нынѣшней подрядной системы къ казеннымъ заготовкамъ.

Иначе смотрятъ на этотъ вопросъ переселенцы и старожилы, т. е. само населеніе; они говорятъ о созданіи вольныхъ артелей и о поручительствѣ за нихъ и кредитѣ имъ со стороны вѣдомствъ.

Вообще удовлетворительныхъ работъ о переселенческомъ дѣлѣ еще не появилось на книжномъ рынкѣ. Между тѣмъ, нужда въ нихъ огромная и неотложная. Переселеніе должно быть реформировано въ самомъ непродолжительномъ времени. Но какъ? По нашему мнѣнію, надо разсмотрѣть его непремѣнно въ общей связи съ огромнымъ и больнымъ общероссійскимъ аграрнымъ вопросомъ.

Сергѣй Крайскій.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Новые смертные приговоры. — Смертные приговоры за убійство «шарманщика» и крестьяниномъ казака.—Законопроектъ о хулиганствѣ.—Признаки хулиганскихъ побужденій.—Истинная суть проекта.—Предположенія о возрожденіи розги.—Къ началу новаго учебнаго года.—Переводъ «для пользы службы» члена Государственнаго Совѣта, профессора Д. Д. Гримма.—Ф. С. Груздевъ и В. Г. Авсѣенко †.

17-го августа въ Москвѣ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ шестью ссыльно-каторжными Бутырской тюрьмы, осужденными за убійство надзирателя. Они цѣлыхъ два мѣсяца были въ положеніи «смертниковъ». Одинъ изъ защитниковъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго С. П. Ройзманъ, убѣжденный, что въ отношеніи его подзащитнаго имѣло мѣсто судебная ошибка, подалъ прошеніе прокурору московскаго окружнаго суда и, обвиняя главнаго свидѣтеля по дѣлу, надзирателя Демкина, въ ложномъ показаніи подъ присягой, требовалъ возбужденія противъ него уголовнаго преслѣдованія. Для подтвержденія обвиненія онъ указывалъ длинный рядъ свидѣтелей и среди нихъ всѣхъ осужденныхъ. И, при этомъ, просилъ: въ виду того, что допросъ осужденныхъ яв-

ляется для него единственной гарантіей противъ послѣдствій, предусмотрѣнныхъ 940 ст. ул. о нак., за ложный доносъ, пріостановить приведеніе въ исполненіе приговора надъ осужденными къ смертной казни впредь до окончанія возбужденнаго имъ обвиненія противъ надзирателя Демкина. Но хотя жалоба С. П. Ройзмана и получила законный ходъ, приговоръ всетаки былъ исполненъ.

10 августа былъ приговоренъ къ смерти въ Шлиссельбургѣ ссыльно-каторжный Вальковъ, признанный виновнымъ въ покушеніи на убійство надзирателя. Вальковъ былъ въ свое время осужденъ каменецъ-подольскимъ судомъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 12 лѣтъ. Во время отбыванія наказанія онъ, съ цѣлью побѣга, задушилъ тюремнаго надзирателя, но побѣга совершить ему не удалось. Онъ былъ преданъ суду и приговоренъ къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ. Наказаніе отбывалъ въ Шлиссельбургской каторжной тюрьмѣ. Въ іюнѣ нынѣшняго года, когда къ нему въ камеру вошелъ тюремный надзиратель Свидо, Вальковъ вырвалъ желѣзный прутъ изъ двери и ударилъ имъ Свидо. На крики послѣдняго сбѣжались тюремные надзиратели... Такъ съ протокольной сухостью изложены были въ газетахъ болѣе чѣмъ простыя обстоятельства дѣла (см. «Русская Молва», № 237). Дѣло разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ и съ участіемъ «казеннаго» защитника. Подробности, слѣдовательно, навѣки сокрылись въ глубинахъ судебной тайны. И никто не опровергнетъ невольно напрашивающейся мысли о томъ, что смертный приговоръ, — по счастью не казнь, ибо помощникъ главнокомандующаго войсками петербургскаго округа даровалъ Валькову жизнь, — разрѣшилъ столь же простую, какъ и обстоятельства дѣла, тюремную драму: драму душевнобольного, лишившагося разсудка въ безсрочной каторгѣ.

26 іюля, въ Красноярскѣ, военный судъ, какъ телеграфировалъ корреспондентъ «Русскаго Слова», «за убійство шарманщика приговорилъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе Лейбу Ливчикъ, его жену Пейсу, мать Сандалъ, 95-ти лѣтъ, и Магомета Сахиткамова». Кромѣ этой краткой телеграммы, ничего о красноярскомъ приговорѣ намъ неизвѣстно,—приведенъ ли приговоръ въ исполненіе или нѣтъ, почему дѣло объ убійствѣ «шарманщика» было изъято изъ общей подсудности, въ силу какого закона оно было изъято, какъ могла быть приговорена къ смерти 95-лѣтняя старуха? Не читали мы, однако, и опроверженія. Нѣтъ основанія, слѣдовательно, не вѣрить корреспонденту.

7 августа, въ Петербургѣ, военно-окружный судъ разсматривалъ дѣло двухъ братьевъ, крестьянъ Пуртолайненъ, Ивана и Осипа, обвинявшихся: первый въ убійствѣ казака Балабухова, вто-

рой—въ попустительствѣ къ совершенію братомъ этого преступленія. Обстоятельства дѣла, по свѣдѣніямъ газеты «День», представляются въ слѣдующемъ видѣ: казакъ Балабуховъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья въ деревнѣ Каськово, Петергофскаго уѣзда, гдѣ онъ находился въ составѣ отряда летучей почты и въ моментъ убійства былъ дневальнымъ по мосту; мотивомъ преступленія служила месть со стороны Ивана Пуртолайнена, оскорбленнаго поведеніемъ казаковъ по отношенію къ любимой имъ дѣвушкѣ и избитаго казаками нагайками; стрѣлялъ Пуртолайненъ ночью, съ разстоянія около ста шаговъ. Дѣяніе было квалифицировано въ обвинительномъ актѣ по признакамъ убійства въ состояніи запальчивости и раздраженія. Преданіе военному суду состоялось на основаніи ст. 17 положенія объ охранѣ. Военный судъ приговорилъ Ивана Пуртолайнена къ смерти, Осипа Пуртолайнена — къ пятнадцати годамъ каторги. При конфирмаціи, смертная казнь Ивану Пуртолайнену замѣнена каторгой на 15 лѣтъ. Въ отношеніи Осипа Пуртолайнена приговоръ не конфирмованъ, такъ какъ помощникъ главнокомандующаго далъ ходъ поданной его защитникомъ кассаціонной жалобѣ.

Дѣло братьевъ Пуртолайненъ, какъ и смертный приговоръ за убійство шарманщика, съ особенной силой останавливаетъ на себѣ вниманіе. Объ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялся приговоръ въ Красноярскѣ, ничего неизвѣстно. А потому этотъ приговоръ можно только отмѣтить, какъ фактъ, поражающій своей необъяснимостью. Но по дѣлу, разсмотрѣнному 7 августа въ Петербургѣ, и то немногое, что проникло изъ-за закрытыхъ дверей суда въ печать даетъ совершенно достаточный матеріалъ для вывода о незакономѣрности преданія осужденныхъ военному суду и присужденія одного изъ нихъ къ повѣшенію. Казаки «оскорбили» Ивана Пуртолайнена своимъ поведеніемъ «по отношенію къ любимой имъ дѣвушкѣ». Полагаемъ, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что скрываетъ въ себѣ эта очевидно съ намѣреніемъ затуманенная фраза. Для того, чтобы въ душевномъ состояніи виновнаго возникло раздраженіе, имѣлись, такимъ образомъ, совершенно безспорныя, реальныя основанія. Кромѣ того, казаки его избили нагайками. Оскорбленный и избитый произвелъ выстрѣлъ и убилъ Балабухова. При чемъ же тутъ революція, политика, при чемъ «государственный порядокъ и общественное спокойствіе», во имя «охраненія» которыхъ исключительный законъ далъ власти право предавать гражданъ военному суду «для сужденія по законамъ военнаго времени»?

И въ буквѣ закона нѣтъ оправданія присужденію Пуртолайнена къ смертной казни. Ст. 17-ая положенія объ охранѣ предпи-

сываетъ назначать наказаніе, положенное въ ст. 279 воинск. уст. о наказ., между прочимъ, въ случаяхъ, когда убійство было совершено «при нападеніи на чиновъ войска». Допустимъ недопустимое: что эта формула имѣетъ въ виду не тѣхъ только чиновъ войска, мотивомъ нападенія на которыхъ было исполненіе ими служебнаго долга, а что она покрываетъ и того чина войска, который своимъ поведеніемъ по отношенію къ любимой виновнымъ дѣвушкѣ вызвалъ послѣдняго на преступленіе. Но и при этомъ законъ обусловливаетъ чрезвычайную уголовную репрессію «нападеніемъ». Выстрѣлъ же ночью, съ разстоянія около ста шаговъ, не есть нападеніе въ техническомъ смыслѣ понятія. Противъ всѣхъ приведенныхъ соображеній, пожалуй, скажутъ: висѣлица миновала Пуртолайнена, и разсужденія по поводу смертнаго приговора имѣютъ академическій характеръ. Но Пуртолайненъ былъ приговореннымъ, былъ «смертникомъ». Онъ перенесъ ужаснѣйшія душевныя муки человѣка, который ощущаетъ на шеѣ веревку. Это не ничто. Это нѣчто громадное, самое мучительное, что только можно себѣ представить. А, во-вторыхъ, онъ и въ конечномъ результатѣ понесъ наказаніе свыше мѣры содѣяннаго. Пятнадцать лѣтъ каторги — не нормальное наказаніе, положенное за убійство въ запальчивости и раздраженіи. Пуртолайнена долженъ былъ судить общій судъ, въ общемъ порядкѣ судопроизводства. Присяжные могли его признать заслуживающимъ снисхожденія. Коронный составъ суда могъ ему назначить краткосрочное заключеніе въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ.

Что касается кассаціонной жалобы защитника Осипа Пуртолайнена, то самыя элементарныя соображенія говорятъ за то, что она должна быть уважена. Попустительство есть видъ такъ называемой прикосновенности. По закону попустителями считаются лица, которыя не принимали никакого участія въ учиненіи преступнаго дѣянія, а лишь не приняли мѣръ къ тому, чтобы воспрепятствовать совершенію преступленія. Ни ст. 17 положенія объ охранѣ, ни ст. 279 воинск. уст. о нак., согласно точному ихъ смыслу, ко всѣмъ видамъ прикосновенности и, въ частности, къ попустительству примѣненія имѣть не могутъ.

Въ отличіе отъ обязательныхъ постановленій о борьбѣ съ хулиганствомъ, явившихся плодомъ совѣщанія губернаторовъ, законопроектъ министра юстиціи отказался и отъ попытокъ конструировать хулиганство, какъ преступное дѣяніе sui generis, и отъ стремленія дать понятію хулиганства охватывающее и законченное юриди-

ческое опредѣленіе: объ этомъ категорично сказано въ циркулярѣ, при которомъ министерство внутреннихъ дѣлъ разослало законопроектъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства для внесенія на разсмотрѣніе въ губернскихъ присутствіяхъ и въ уѣздныхъ съѣздахъ. Въ основу проекта—гласитъ циркуляръ—«положена та мысль, что точно указать въ законѣ, какія преступныя дѣянія должны почитаться хулиганствомъ, не представляется возможнымъ, такъ какъ хулиганство есть, въ сущности, оттѣнокъ преступности и по хулиганскимъ побужденіямъ можетъ быть учинено всякое преступное дѣяніе». А потому составители проекта откинули введенное губернаторами понятіе наказуемаго озорства и совершенію дѣянія по хулиганскимъ побужденіямъ придали характеръ общаго увеличивающаго вину обстоятельства,—т. е. такого, наличность котораго обязываетъ судъ назначать виновному повышенное наказаніе, безотносительно къ тому, что имъ по хулиганскимъ побужденіямъ совершено. Размѣръ увеличенія проектируется различный для дѣяній, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ и мировымъ уставомъ. По уложенію о наказаніяхъ: денежное взысканіе замѣняется арестомъ или тюрьмой, арестъ—тюрьмой; всѣ прочія наказанія повышаются на двѣ или, по усмотрѣнію суда, на три степени. По мировому уставу: когда за дѣяніе положена тюрьма—таковая назначается на срокъ не менѣе шести мѣсяцевъ; когда положенъ арестъ,—назначается тюрьма; вмѣсто денежнаго взысканія—арестъ.

Но вовсе не дать признаковъ хулиганства составители проекта, конечно, не могли. Назначать повышенныя наказанія судъ, по проекту, обязывается «если обстоятельства, сопровождающія совершеніе преступленія, свидѣтельствуютъ объ особой злобности или распущенности виновнаго, либо о явномъ несоотвѣтствіи побужденій виновнаго съ предпринятыми преступными дѣйствіями, либо о намѣреніи виновнаго грубо надругаться надъ личностью потерпѣвшаго». Такимъ образомъ, проектъ выдвинулъ четыре признака, каждый изъ которыхъ характеризуетъ дѣяніе, какъ совершенное хулиганомъ или «по хулиганству»: особая злобность виновнаго, особая распущенность его, явное несоотвѣтствіе между побужденіемъ и содѣяннымъ, грубое надругательство надъ потерпѣвшимъ. Эти признаки, повидимому, само министерство юстиціи не считаетъ удачно формулированными. По крайней мѣрѣ въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ настойчиво рекомендуется губернскимъ присутствіямъ и уѣзднымъ съѣздамъ не почитать ихъ «исчерпывающими» и предлагается усердно заняться отысканіемъ иныхъ формулъ, извлекая ихъ «изъ разсмотрѣнныхъ судебными установленіями дѣлъ».

Дѣйствительно, одинъ лишь признакъ проекта является типич-

нымъ для хулиганства: явное несоотвѣтствіе между тѣмъ, что было мотивомъ преступленія, и тѣмъ, что было виновнымъ совершено. Остальные же представляются болѣе чѣмъ неудачно очерченными, особенно если имѣть въ виду, что наличность каждаго изъ нихъ должна служить по проекту основаніемъ обязательнаго увеличенія наказанія за всѣ безъ изъятія преступныя дѣянія. Убійство или причиненіе тѣлеснаго поврежденія изъ мести или изъ ревности почти всегда совершается лицомъ, охваченнымъ чувствомъ злобы. И злоба въ мстителяхъ и въ преступникахъ, мучимыхъ ревностью, обычно доходитъ до той степени напряженія, которая несомнѣнно свидѣтельствуетъ о ихъ «особой злобности». Но что общаго между ними и хулиганами? Дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ не безразлично относится къ проявленію преступникомъ «особой злобности» вообще. Проявленная имъ жестокость или злобность къ жертвѣ даютъ суду право назначить наказаніе въ высшей мѣрѣ,—т. е. если за дѣяніе, положимъ, опредѣлена каторга отъ 4 до 6 лѣтъ, то судъ можетъ отличить преступнаго ревнивца, проявившаго «особую злобность», отъ менѣе злобнаго, назначеніемъ второму четырехъ лѣтъ каторги, а первому пяти или шести. По точному же смыслу проекта, судъ въ приведенномъ примѣрѣ будетъ обязанъ назначить первому каторгу не менѣе чѣмъ на восемь лѣтъ.

«Особая распущенность» виновнаго для дѣяній, совершаемыхъ «по хулиганству», въ житейскомъ смыслѣ представляетъ собою, пожалуй, фактъ типичный. Но юридическимъ признакомъ «распущенность», по полной неопредѣленности понятія, служить не можетъ. Гражданинъ и даже живущій волей начальства обыватель, съ точки зрѣнія уголовнаго права, обязанъ однимъ повиновеніемъ— закону. И предѣлы этого повиновенія для него ясно обозначены: онъ обязанъ воздерживаться отъ дѣйствій, воспрещенныхъ закономъ подъ страхомъ наказанія. Распущенность, слѣдовательно, для него— въ отличіе отъ лицъ, обязанныхъ служебной, тюремной, учебной и т. п. дисциплиной,—можетъ выражаться только въ склонности къ совершенію преступныхъ дѣяній, или въ повторности ихъ совершенія. Проектъ же имѣетъ въ виду не рецидивизмъ, а хулиганство... Что касается послѣдняго признака—грубаго надругательства надъ потерпѣвшимъ,—то онъ также представляется неудовлетворительнымъ, какъ основаніе для обязательнаго перехода отъ нормальной къ усиленной отвѣтственности. Всѣ случаи оскорбленія чести заключаютъ въ себѣ грубое надругательство надъ оскорбленнымъ. Но всѣ ли они совершаются по хулиганскимъ побужденіямъ? Мыслимо ли изнасилованіе безъ грубаго надругательства виновнаго надъ мертвой? Мыслимо ли безъ грубаго надругательства причиненіе истязаній и

мученій? «Надругательство» составляетъ, въ отношеніи цѣлаго ряда преступныхъ дѣяній, признакъ законнаго ихъ состава, т. е. признакъ, создающій преступное дѣяніе. А потому оно не можетъ быть въ то же время признакомъ раскрывающимъ хулиганство, какъ оттѣнокъ преступности.

Изъ проекта видно, что трактовать ли хулиганство какъ самостоятельное преступное дѣяніе, трактовать ли его какъ оттѣнокъ преступности,—все равно невозможно обойтись безъ юридической формулировки понятія и признаковъ хулиганства. Обрисовать же ихъ до сихъ поръ никому не удается. Губернаторы не задумывались надъ этимъ вопросомъ: для особенно «энергичныхъ» изъ нихъ ни въ чемъ нѣтъ трудностей, — все по-щедрински ясно и просто. Объявили они, что отнынѣ сами будутъ чинитъ расправу по дѣламъ «о безчинствѣ и озорствѣ» и стали сейчасъ же сыпать пятисотрублевыми штрафами и трехмѣсячными арестами. Но въ министерствѣ юстиціи трудности разрѣшенія вопроса выросли непроницаемой стѣной. Центральная власть составила проектъ и, сама сознавая неудовлетворительность своей работы, обратилась за помощью на мѣста — къ «мѣстнымъ дѣятелямъ», какъ именуются въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ чиновники, засѣдающіе въ губернскихъ присутствіяхъ и въ уѣздныхъ съѣздахъ. Можно, однако, съ увѣренностью сказать, что и этимъ «мѣстнымъ дѣятелямъ» не удастся уловить хулиганство въ формулу уголовнаго закона. И причина едва ли можетъ возбуждать дальнѣйшія сомнѣнія. Проектъ министерства юстиціи характерно засвидѣтельствовалъ, что по тому пути, по которому стремятся подойти къ вопросу, подойти къ нему нельзя.

Усилить мѣры репрессій! Еще никогда это средство не почиталось такимъ универсальнымъ и всеисцѣляющимъ, какъ теперь. Справа только и кричатъ о строгихъ карахъ. Конокрадовъ—въ каторгу. Посягающихъ на государственный строй—вѣшать. Къ обливающимъ сѣрной кислотой—никакой пощады. Какъ было бы просто направлять государственную жизнь, если бы повышеніемъ репрессій можно было съ корнемъ вырывать преступность! Подростковъ,—пьяныхъ, разгульныхъ, безъ всякаго повода всаживающихъ ножъ встрѣченному прохожему,—нельзя за нанесеніе легкой раны сажать въ тюрьму на одинъ годъ: города будутъ изнывать отъ хулиганщины. Надо ихъ сажать на два года, на четыре—увеличивать наказаніе на двѣ или на три степени: хулиганство исчезнетъ. И законопроектъ о двухъ степеняхъ, о тюрьмѣ вмѣсто ареста, объ арестѣ вмѣсто денежнаго взысканія—въ противовѣсъ такому явленію, какъ хулиганство,—никому не кажется смѣшнымъ! Смѣются и иронизируютъ

надъ другимъ—надъ утвержденіемъ, что не усиленіемъ репрессій, а поднятіемъ правосознанія должно бороться съ хулиганствомъ.

Нельзя къ каждому человѣку приставить по городовому. Въ житейскомъ обиходѣ люди неизмѣримо чаще поступаютъ такъ, а не иначе, по моральнымъ побужденіямъ, нежели изъ-за страха наказанія. Хулиганство есть кричащій показатель упадка правосознанія. Правда, поднятіе правосознанія требуетъ и сложнаго комплекса мѣръ, и долгаго времени. Правда, государство, на-ряду съ радикальными мѣрами къ искорененію хулиганства, не можетъ не противопоставлять ему, какъ факту минуты, и карательнаго воздѣйствія. Но давно признано, что сила уголовной репрессіи заключается не въ суровости каръ, а въ ихъ неизбѣжности. И къ хулиганству эта истина приложима вдвойнѣ. Подростокъ, расправляющійся ножемъ съ прохожимъ, конечно, и въ мысляхъ не имѣетъ, подлежитъ ли онъ за это тюрьмѣ или каторгѣ, году заключенія или тремъ. А о томъ, чтобы, всадивши ножъ, убѣжать и чтобы вообще остаться безнаказаннымъ, онъ думаетъ и заботится. Онъ каждый разъ, когда даетъ волю своимъ инстинктамъ, неизмѣнно учитываетъ шансъ избавиться отъ карательнаго послѣдствія совершеннаго. Въ Вильнѣ товарищъ прокурора, въ театрѣ, съ написаннымъ на лицѣ величіемъ, ударилъ по лицу еврея безъ всякаго повода со стороны послѣдняго. Поступокъ—несомнѣнно хулиганскій. Что способствовало легкости, съ которой виновный отдался «хулиганскому побужденію»? Размѣръ ли кары, положенный въ соотвѣтственной статьѣ, или надежда—можетъ быть, даже увѣренность,—что за оскорбленіе «зазнавшагося жида» его, товарища прокурора, никакая кара не постигнетъ?

Проектъ министерства юстиціи далеко не исчерпывается возвратомъ, въ цѣляхъ борьбы съ хулиганствомъ, къ рѣшительно и давно осужденной наукою системѣ общихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ. Независимо отъ усиленія каръ за всѣ вообще дѣянія, при условіи совершенія ихъ по хулиганскимъ побужденіямъ, министерство, чуткое къ крикамъ справа, проектируетъ значительно повысить и нормальныя кары за цѣлый рядъ преступныхъ дѣяній: за причиненіе увѣчья или неизгладимаго обезображенія лица, за нанесеніе ранъ, за появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ состояніи опьяненія, за самовольное собираніе грибовъ или ягодъ, за порчу канавъ и изгородей, за поврежденіе деревьевъ въ садахъ и т. д. Затѣмъ проектируется включить въ число наказуемыхъ дѣяній «праздношатаніе», опредѣляемое какъ уклоненіе отъ пріисканія себѣ работы, и вторженіе въ чужое жилище или въ чужія огражденныя мѣста. Для совершив-

шихъ дѣяніе по хулиганскимъ побужденіямъ проектъ устанавливаетъ обязательное занятіе работами въ мѣстахъ заключенія, съ отчисленіемъ трехъ четвертей заработанныхъ денегъ въ пользу потерпѣвшихъ. Наконецъ, въ процессуальныя правила предлагается ввести разбирательство дѣлъ въ порядкѣ «неотложности»,—«если полиціей будетъ застигнуто лицо при самомъ совершеніи подвѣдомственнаго мировому судьѣ преступнаго дѣянія или вслѣдъ за совершеніемъ онаго»,

Всѣ эти сложныя предположенія проекта отнюдь, однако, не раскрываютъ истинной его сути. Она находится, какъ это ни странно, внѣ ихъ и внѣ органической связи съ ними. По правиламъ банковскаго счетоводства есть цифры, которыя ставятся «за чертой» и которыя не входятъ въ итогъ баланса. Такъ точно и министерство юстиціи снабдило свой проектъ дополненіемъ, отдѣленнымъ «чертой» отъ текста. Въ этомъ дополненіи сказано: «Независимо отъ изложенныхъ въ проектѣ измѣненій и дополненій дѣйствующихъ законовъ, въ министерствѣ юстиціи имѣются предположенія, во 1-хъ, о томъ, чтобы для лицъ, совершившихъ по хулиганскимъ побужденіямъ преступныя дѣянія меньшей важности (не превышающія, по своей наказуемости, карательныхъ мѣръ, предусмотрѣнныхъ въ уставѣ о наказаніяхъ), установить тѣлесныя наказанія въ видѣ розогъ отъ 10 до 50 ударовъ, съ тѣмъ, чтобы наказанія эти налагались бы по усмотрѣнію суда въ видѣ дополнительнаго наказанія, и во-вторыхъ, о томъ, чтобы для учинившихъ по хулиганскимъ побужденіямъ преступныя дѣянія тяжкія, какъ напримѣръ убійство, тѣлесныя поврежденія, изнасилованіе, поджогъ и т. п., установить такъ называемые неопредѣленные приговоры. Сущность этого послѣдняго мѣропріятія могла бы заключаться въ томъ, что при осужденіи хулигана за одно изъ тяжкихъ преступныхъ дѣяній, судъ можетъ постановить о задержаніи виновнаго въ мѣстѣ его заключенія и по окончаніи срока наказанія, но на время, не превышающее тройного срока назначеннаго ему наказанія и во всякомъ случаѣ не болѣе двойного срока высшаго размѣра того наказанія, къ коему виновный присужденъ. По истеченіи трехъ лѣтъ послѣ окончанія срока основного заключенія, задержанный можетъ быть, при наличности условій, дающихъ возможность предполагать, что онъ станетъ на путь честной жизни, по опредѣленію суда, освобожденъ отъ дальнѣйшаго содержанія въ мѣстѣ заключенія». Министерство внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, тоже упомянуло о розгахъ не въ текстѣ циркуляра, а за его «чертой»—какъ бы вскользь, въ подстрочномъ примѣчаніи.

Итакъ, всѣ мысли составителей проекта, всѣ ихъ сомнѣнія и всѣ облеченныя яко бы въ научную форму разсужденія свелись, въ

концѣ концовъ, къ розгѣ. Розга не проектируется: о ней въ министерствѣ юстиціи, пока-что, только «имѣются предположенія». Но именно въ ней и исключительно въ ней суть проекта борьбы съ хулиганствомъ и весь его смыслъ. Такъ поняла проектъ печать. Такъ поняли его и «мѣстные дѣятели», въ лицѣ губернскихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и земскихъ начальниковъ. Въ обращенномъ къ нимъ циркулярѣ они прочли, какъ основное и главное, двѣ строчки въ примѣчаніи. Губернскія присутствія и уѣздные съѣзды совершенно вѣрно сочли себя обязанными, прежде всего, отвѣтить: нужно возрожденіе розги или нѣтъ? Объ одной розгѣ ведутся дебаты и постановляются рѣшенія. О розгѣ, да еще о смертной казни. Что такое «неопредѣленные приговоры»—для юристовъ уѣздныхъ съѣздовъ неясно. И тверской, напримѣръ, уѣздный съѣздъ, по своему разрѣшилъ вопросъ послѣдовательно: хулигановъ, совершающихъ менѣе важныя преступныя дѣянія, нужно сѣчь, а хулигановъ, совершающихъ болѣе тяжкія правонарушенія—вѣшать (см. «Русское Слово», № 173). Какіе тамъ неопредѣленные приговоры! Если «имѣется предположеніе» для случаевъ наименѣе преступнаго хулиганства возродить розгу, то что̀ выдумать, кромѣ смертной казни, для случаевъ хулиганства наиболѣе преступнаго? Розга и лишеніе свободы суть кары несоизмѣримыя. Кто мыслитъ о розгѣ, тотъ, оставаясь послѣдовательнымъ, не можетъ не прійти мыслью къ висѣлицѣ.

Въ Англіи преступниковъ бьютъ треххвостной кошкой. Въ Германіи прошлой зимой тѣлесное наказаніе было предметомъ сужденій правительства и парламента. Объ этомъ безъ устали, захлебываясь отъ восторга, твердитъ наша реакція. Да, въ Англіи бьютъ. Но что бы ни представляла собою англійская кошка,—тѣлесное наказаніе у насъ, наша русская розга, есть не карательная мѣра, а отвратительное наслѣдіе отвратительнѣйшаго соціальнаго явленія—рабства. Розга упразднена у насъ только въ 1904-мъ году. Она на 43 года пережила отмѣну крѣпостного права. Цѣлыхъ сорокъ три года подданные государства, отвергнувшаго рабство, дѣлились на людей подлаго и благороднаго происхожденія—на неизъятыхъ и изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. Цѣлыхъ сорокъ три года русская общественная мысль то требовала, то молила объ отмѣнѣ розги. Въ условіяхъ стараго строя розга, наконецъ, ушла въ прошлое. Въ условіяхъ новаго строя, въ обновленной Россіи, «имѣется предположеніе» ее возродить.

Долгіе вѣка, по волѣ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ, свистала розга надъ мужицкой спиной на конюшняхъ. Государство—тоже бывшее владѣльцемъ «душъ»—сѣкло своихъ крестьянъ. Сѣкло оно и другихъ «подлыхъ» людей. Такой же рабовладѣлецъ—войско —

водило солдатъ «по зеленой улицѣ» мимо тысячи, трехъ и шести тысячъ палачей. Упало рабство—исчезла конюшня, исчезли шпицрутены. Но розга, какъ замѣняющее наказаніе въ общихъ судахъ и какъ наказаніе по приговорамъ военныхъ судовъ и волостныхъ, осталась. Въ жизни она постепенно свистала все рѣже и рѣже. Не получивъ, однако, юридической смерти, она фактически возродилась въ деревнѣ, когда пришла туда съ земскими начальниками «властная рука». Но и земскіе начальники сами никого не приговаривали къ наказанію розгами. Позорящихъ караемаго и карающаго приговоровъ они не подписывали. Сѣкли волостные суды. Сначала—упорно. Затѣмъ, по мѣрѣ паденія тона реакціи, менѣе часто. Въ 1894-мъ году страстной волной пронесся общественный протестъ противъ розги. Протестъ нашелъ формальный отзвукъ только черезъ десять лѣтъ. Но отзвукъ фактическій онъ нашелъ гораздо ранѣе: къ моменту изданія закона 1904-го года деревня почти забыла о розгѣ.

Теперь, спустя девять лѣтъ, институтъ земскихъ начальниковъ въ десяти губерніяхъ уже лишенъ судебной власти, а волостные суды лишены компетенціи по уголовнымъ дѣламъ. Реформа мѣстнаго суда осуществляется, и черезъ годъ-два будетъ введена повсемѣстно. Теперь розга, какъ орудіе карательной расправы, дается въ руки выборныхъ мировыхъ судей. Въ этомъ какъ будто есть нѣкоторая гарантія. Но въ этомъ есть и другое: русскіе выборные судебные органы—представители въ судѣ начала общественности—еще никогда не держали розги въ своей рукѣ. По имѣющимся въ министерствѣ юстиціи предположеніямъ, розга будетъ дана мировымъ судьямъ, какъ право назначать ее дополнительно къ лишенію свободы по ихъ усмотрѣнію. Значитъ, мировой судья никогда не будетъ обязанъ приговаривать къ сѣченію. Министръ юстиціи, однако, уже провозгласилъ, на смѣну законности старому началу отправленія правосудія, новыя «непреложныя» начала и какъ первое: «государственность суда»,—т. е., говоря по-просту, подчиненіе суда политическимъ тенденціямъ момента. А при этомъ началѣ право судьи назначать розги можетъ неуловимо обратиться въ его обязанность. Общественныя учрежденія будутъ судей лишь выбирать. За выборами будетъ слѣдовать утвержденіе и тѣмъ самымъ—возможность каждые три года выбрасывать судей, недостаточно вѣрныхъ началу «государственности суда».

Говорить о возрожденіи тѣлесныхъ наказаній по существу вопроса, хотя бы въ примѣненіи къ хулиганамъ,—не приходится. Въ сознаніи людей здравомыслящихъ вопросъ рѣшенъ давно и безповоротно. Людей же, копошащихся въ пережиткахъ крѣпостниче-

ства, все равно нельзя убѣдить никакими аргументами. Одинъ развѣ аргументъ можетъ ихъ поколебать: пусть возродятся розги, но пусть не будетъ спинъ, отъ нихъ изъятыхъ,—ни по происхожденію, ни по титулу или чину, ни по общественному должностному положенію. Пусть первымъ будетъ высѣченъ тотъ, чье имя въ теченіе думскихъ сессій не сходитъ со столбцовъ газетъ, кто пріобрѣлъ славу скандалиста и кого по праву всѣ и каждый называютъ хулиганомъ...

«Предположенія» о неопредѣленныхъ приговорахъ могли явиться въ министерствѣ юстиціи или по какому-то трудно объяснимому недоразумѣнію, или въ цѣляхъ, ничего не имѣющихъ общаго съ борьбою съ хулиганствомъ. Новый и весьма мало еще извѣданный въ западной практикѣ институтъ неопредѣленныхъ приговоровъ основывается на томъ, что приговариваемый къ лишенію свободы попадаетъ въ пенитенціарій, гдѣ исправляется путемъ привитія привычки къ трудовой жизни. Быстрота пріобрѣтенія навыковъ къ труду и вообще перевоспитанія, конечно, находится въ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ заключеннаго, а не отъ сравнительной тяжести совершеннаго имъ дѣянія, чѣмъ, главнымъ образомъ, опредѣляется въ современныхъ кодексахъ продолжительность заключенія. Въ силу этого, соціологическая школа уголовнаго права и возстала противъ мертвой неподвижности судебныхъ приговоровъ и, съ цѣлью устраненія ея, выработала систему досрочнаго освобожденія для заключенныхъ, легко и быстро поддавшихся исправленію, а для заключенныхъ, болѣе трудно поддающихся пенитенціарному воздѣйствію — систему неопредѣленныхъ приговоровъ, дающую возможность, въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, удлинить продолжительность краткосрочнаго заключенія.

Такимъ образомъ, первое условіе пріемлемости кодексомъ системы неопредѣленныхъ приговоровъ—вполнѣ приспособленная къ требованіямъ пенитенціарія тюрьма, съ безупречной организаціей работъ. Второе условіе—стоящая на уровнѣ научныхъ требованій тюремная администрація. Третье—краткость основного срока заключенія. Ни перваго, ни второго условій у насъ въ наличности нѣтъ. А въ отношеніи третьяго «имѣется предположеніе» поступить какъ разъ наоборотъ. Вмѣсто пенитенціарныхъ учрежденій мы все еще довольствуемся острогами, гдѣ смѣшаны всѣ категоріи арестантовъ, гдѣ нѣтъ и намека на правильную организацію работъ, гдѣ заключенные лишены воздуха, свѣта и голодаютъ, гдѣ стѣны камеръ вмѣщаютъ втрое болѣе заключенныхъ, нежели полагается по штату, гдѣ заключенные проводятъ цѣлые годы въ абсолютной праздности и откуда случайные преступники выходятъ закончившими тюремное

воспитаніе хулиганами. Вмѣсто директоровъ тюрьмовѣдовъ, мы имѣемъ во главѣ тюремъ неудачниковъ изъ офицеровъ или изъ утратившихъ бойкость и показную распорядительность становыхъ приставовъ, а для непосредственнаго наблюденія за заключенными—неразвитыхъ и малограмотныхъ надзирателей изъ запасныхъ солдатъ, знающихъ одно средство воспитательнаго воздѣйствія: кулакъ. Можно ли при такихъ условіяхъ мало-мальски серьезно относящимся къ дѣлу чинамъ министерства юстиціи «имѣть предположенія» о неопредѣленныхъ приговорахъ? Есть ли малѣйшій смыслъ, чтобы въ такой тюрьмѣ, въ цѣляхъ исправленія (!), задерживать осужденнаго, скажемъ, на 10 лѣтъ къ каторгѣ за убійство, еще сверхъ срока въ теченіе тридцати лѣтъ?

Ничего хорошаго не предвѣщаетъ начавшійся въ средней школѣ и начинающійся въ высшей новый учебный годъ. Въ политикѣ вѣдомства просвѣщенія нельзя ждать никакихъ перемѣнъ. Напротивъ, все говоритъ за то, что политика угнетенія, искорененія и сближенія дѣла просвѣщенія съ дѣломъ, вѣдаемымъ департаментомъ полиціи будетъ проводиться съ безпрерывно усиливающейся энергіей. Старые принципы: преподаваніе должно вестись объективно-научно и школа должна стоять внѣ политическихъ теченій и тенденцій—окончательно признаны «жидо-масонскими» выдумками. Внѣдреніе въ школу политики—самой яростной и страстной націоналистически-реакціонной политики—откровенно поставлено во главу задачъ вѣдомства. Кого, по мысли министерства, должна выпускать изъ своихъ стѣнъ средняя школа—объявилъ циркуляръ о преподаваніи исторіи. Каковъ долженъ быть типъ студента—циркуляръ о распредѣленіи стипендій и пособій. Кто достоинъ занимать профессорскія каѳедры—рядъ новыхъ назначеній и перемѣщеній...

«Въ отношеніи къ русской исторіи,—гласитъ послѣдній циркуляръ,—учителя должны помнить, что школа учитъ и воспитываетъ будущихъ русскихъ гражданъ, которые въ изученіи прошлыхъ судебъ Россіи, созданныхъ вѣковой совмѣстной работой ея Верховныхъ Вождей, церкви и народа, въ путяхъ, далеко не совпадающихъ съ путями развитія западныхъ государствъ, должны почерпнуть необходимыя знанія и моральныя силы для добросовѣстнаго и вѣрнаго служенія въ свое время своему великому отечеству». Исторію, такимъ образомъ, снова начнутъ учить «по Иловайскому». Особенно характерна фраза о «несовпадающихъ» путяхъ, сказанная послѣ того какъ уже въ теченіе восьми лѣтъ русскій народъ, въ лицѣ выборныхъ—правда, по правиламъ 3-го Іюня!—представителей, пользуется

правомъ законодательной власти и правомъ надзора за дѣйствіями исполнительныхъ органовъ.

При назначеніи студентамъ стипендій и пособій, правленія высшихъ учебныхъ заведеній до сихъ поръ принимали въ соображеніе только два условія: матеріальную нужду обращающихся съ просьбами и успѣшность въ прохожденіи курса. Иной порядокъ, насколько извѣстно, существовалъ въ одномъ новороссійскомъ университетѣ, гдѣ г. Левашевъ и его секретарь, г. Геричъ, раздавали деньги, ассигнуемыя на стипендіи и пособія, въ видѣ наградъ и мѣръ поощренія, исключительно студентамъ-академистамъ, совершенно независимо отъ ихъ матеріальнаго положенія и безъ всякихъ справокъ въ экзаменаціонныхъ спискахъ. Отнынѣ правленія высшихъ учебныхъ заведеній обязаны будутъ требовать отъ студентовъ, обращающихся за стипендіями, представленія полицейскихъ отзывовъ о политической благонадежности. Ясно, въ чьи руки уйдутъ стипендіи. Ясно, что говоритъ студентамъ-бѣднякамъ циркуляръ о повсемѣстномъ насажденіи левашевски-геричевскихъ порядковъ распредѣленія стипендій: ходишь на лекціи, сдаешь экзамены—это неважно; будь академистомъ, готовымъ хлопать каждому «назначенному» профессору и, чуть-что, бѣжать за полиціей,—въ этомъ все.

Судьбу М. Я. Пергамента и I. А. Покровскаго раздѣлилъ третій профессоръ-юристъ петербургскаго университета—Д. Д. Гриммъ. «Для пользы службы» онъ переведенъ въ Харьковъ. Русскую науку, исключительно бѣдную профессорами-романистами, г. Кассо лишилъ выдающагося ученаго. Университетскую молодежь—талантливаго лектора и требовательнаго экзаменатора, умѣло учившаго справляться съ трудностями догмы римскаго права. Профессорскую коллегію — авторитетнаго, всѣми уважаемаго, знающаго университетскую жизнь, всегда сдержаннаго, рыцарски-прямого и популярнаго товарища. По выбору факультета, Д. Д. Гриммъ былъ еще недавно деканомъ. Затѣмъ, по выбору совѣта—ректоромъ. По выбору представителей академіи наукъ и университетовъ, онъ состоитъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ Совѣтѣ выступаетъ часто, работаетъ въ комиссіяхъ. Даже правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта заставляетъ себя слушать и если не измѣнять принятыхъ въ тиши фракціонныхъ собраній рѣшеній, то хотя бы задумываться.

Какая такая «польза» профессорской службы могла оправдать переводъ Д. Д. Гримма,—этой тайны г. Кассо, конечно, никогда не откроетъ. Но нужно ли ее раскрывать? Д. Д. Гриммъ не принадлежитъ и никогда не принадлежалъ къ такъ называемымъ правымъ профессорамъ. Въ этомъ его первая вина. И на каѳедрѣ передъ студентами, и въ роли декана и ректора, онъ неизмѣнно былъ са-

мостоятеленъ и держался съ полнымъ достоинствомъ. Въ этомъ—вина вторая. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ стоялъ въ первыхъ рядахъ профессорской группы и всѣ свои богатыя силы отдавалъ на защиту школы отъ творимыхъ надъ нею жестокихъ экспериментовъ. Въ этомъ — вина третья и, пожалуй, главнѣйшая. Газеты въ одинъ голосъ утверждаютъ, что основная причина перевода Д. Д. Гримма имѣетъ тѣснѣйшую связь именно съ его дѣятельностью, какъ члена Государственнаго Совѣта. «Д. Д. Гриммъ—говорилъ «дѣятель» министерства народнаго просвѣщенія въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Дня»—считается однимъ изъ главныхъ руководителей оппозиціи въ Государственномъ Совѣтѣ и, благодаря прекрасному знанію имъ академическихъ вопросовъ, мнѣніе его имѣло всегда высокое значеніе. Въ будущей сессіи Государственнаго Совѣта ожидается обсужденіе многихъ важныхъ законопроектовъ министерства народнаго просвѣщенія, и хотя съ переводомъ проф. Д. Д. Гриммъ и не теряетъ своего положенія члена Государственнаго Совѣта, но занятія въ харьковскомъ университетѣ значительно ослабятъ его дѣятельность здѣсь, въ Петербургѣ».

Но если такъ, то самъ собою возникаетъ вопросъ: имѣлъ ли, даже съ формальной точки зрѣнія, г. Кассо право перевести Д. Д. Гримма въ Харьковъ? Законъ даровалъ членамъ законодательныхъ учрежденій полную «свободу мнѣній и сужденій», а академіи наукъ и университетамъ—право имѣть своихъ избранниковъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Выборщики отъ ученыхъ коллегій знали, кого они, въ лицѣ Д. Д. Гримма, выбирали. Знали они также, что онъ профессоръ петербургскаго университета и что потому занятія въ университетѣ не помѣшаютъ ему отдаваться въ должной мѣрѣ работѣ въ Государственномъ Совѣтѣ. Съ другой стороны, занятіе профессорской кафедры составляетъ по закону цензъ для членовъ Государственнаго Совѣта. И вслѣдствіе этого выходъ профессора въ отставку тѣмъ самымъ влечетъ сложеніе полномочій, полученныхъ по избранію въ Государственный Совѣтъ. Если Д. Д. Гриммъ не приметъ перевода въ Харьковъ, онъ не останется членомъ Государственнаго Совѣта. Если приметъ—онъ будетъ носить высокое званіе и не будетъ въ силахъ исполнять связанныя съ нимъ обязанности. Мыслима ли такая организація законодательныхъ учрежденій, чтобы отъ воли министра зависѣло устраненіе неугодныхъ ему и неудобныхъ для него членовъ палатъ? До сихъ поръ только синодъ не считался, въ данномъ отношеніи, съ закономъ, опредѣляющимъ составъ законодательныхъ учрежденій. Епископъ, внезапно получившій назначеніе въ Красноярскъ, такъ и не могъ въ теченіе первой сессіи

четвертой Думы исполнять долгъ представительства. Теперь одинаково поступилъ министръ народнаго просвѣщенія.

Въ лицѣ Фавста Сергѣевича Груздева сошелъ въ могилу скромный, но чрезвычайно симпатичный дѣятель печати. Какъ писавшій почти исключительно по спеціальнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства, покойный былъ мало извѣстенъ въ широкой публикѣ. Нѣсколько болѣе его знали, какъ редактора многочисленныхъ изданій фирмы Сойкина. Но въ писательской средѣ его знали близко и хорошо. Въ Ф. С. Груздевѣ билась жилка общественности. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ безсмѣннымъ секретаремъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ и несъ на себѣ всю невидную, но тяжелую черную работу по кассѣ.

Скончавшійся въ прошломъ мѣсяцѣ В. Г. Авсѣенко въ прежніе годы нерѣдко печаталъ свои произведенія на страницахъ «Вѣстника Европы». Имъ были помѣщены въ нашемъ журналѣ: «Борьба Венеціи съ Австріею съ 1848 — 49 гг.» (историч. статья, мартъ 1866) и, въ послѣднемъ періодѣ его дѣятельности, разсказы: «Столкновеніе» (янв., 1897); «Въ огнѣ» (іюнь, 1897); «Карьера Вязигина» (іюнь, 1898); «Молодо-Зелено» (сент. и окт. 1898); «Пріятели» (іюль, 1899); «Побѣдительница» (ноябрь, 1899); «Чародѣй» (іюль, 1900).

В. Кузьминъ-Караваевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Евг. Качаровъ. Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи. Спб. 1913 г.

Наука въ наше время разсѣяла «розовыя» представленія о религіи грековъ, объ этомъ мірѣ безмятежной красоты и «танцующихъ» боговъ. Религія эллиновъ, какъ всякая богато развитая и сложная система формъ религіознаго сознанія, выросла изъ темнаго корня первобытныхъ представленій о таинственныхъ и могущественныхъ силахъ, на каждомъ шагу окружающихъ человѣка и грозящихъ ему. Религіозная мысль эллиновъ на первыхъ ступеняхъ своихъ прошла печальную стадію поклоненія мелкимъ неодушевленнымъ предметамъ, камнямъ, скаламъ, а также растеніямъ и животнымъ. Впослѣдствіи разработанная въ стройную поэтическую схему миѳологія для объясненія многихъ подобныхъ явленій, первопричина которыхъ стерлась въ народномъ сознаніи, пыталась дать различныя аллегорическія и символическія толкованія, но современная наука, изучая ихъ сравнительно съ данными исторіи религіи и религіознаго быта дикарей, установила въ нихъ черты первобытнаго культа фетишей, растеній и животныхъ. Эти пережитки, уцѣлѣвшіе рядомъ съ «классической» религіей, давно интересовали изслѣдователей религіи и эллинизма, но г. Качаровъ впервые объединилъ ихъ, извлекши изъ множества источниковъ. Авторъ, стоящій на точкѣ зрѣнія «анимизма», кое въ чемъ увлекается, видя проявленія религіознаго культа и тамъ, гдѣ могли дѣйствовать историческія воспоминанія или эстетическія побужденія.

Н. А. Янчукъ. Н. Н. Миклухо-Маклай и его ученые труды. Спб., 1813 г.

О Миклухѣ-Маклаѣ нельзя сказать, что онъ забытъ; имя его часто поминается. Но забыто его дѣло, забыты его труды, о которыхъ напоминаетъ интересная брошюра г. Янчука, гдѣ старательно собраны біографическія и библіографическія данныя объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Нравственную физіономію Миклухо-Маклая прекрасно опредѣлилъ Толстой, который писалъ ему: «меня умиляетъ и приводитъ въ восхищенье въ вашей дѣятельности то, что, сколько мнѣ извѣстно, вы первый несомнѣнно доказали, что человѣкъ—вездѣ человѣкъ, т. е. доброе, общительное существо, въ общеніе съ которымъ можно и должно входить только добромъ и истиной, а не пушками и войной... Не знаю, какой вкладъ въ науку, ту, которой вы служите, составятъ ваши коллекціи и открытія, но вашъ опытъ общенія съ дикими составитъ эпоху въ той наукѣ, которой я служу,—въ наукѣ о томъ, какъ жить людямъ другъ съ другомъ»... Европейскіе ученые центры, какъ водится, сдѣлали несравненно больше для популяризаціи имени и трудовъ Миклухо-Маклая, чѣмъ Россія. Авторъ съ горечью указываетъ, что, несмотря на двадцать пять лѣтъ, прошедшихъ со дня его смерти, до сихъ поръ нѣтъ ни научнаго описанія привезенныхъ ихъ коллекцій, ни изданія его сочиненій, ни даже полнаго списка его работъ. Брошюру г. Янчука можно назвать первымъ шагомъ къ выясненію научныхъ заслугъ и трудовъ Миклухо-Маклая и первымъ опытомъ настоящей его біографіи. Академія Наукъ, гдѣ хранятся его коллекціи, и географическое общество, которое лѣтъ двадцать назадъ затѣвало издать его сочиненія на средства, обѣщанныя императоромъ Александромъ III, ничего не сдѣлали.

Вл. Семеновъ. С. О. Макаровъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1913 г.

Здѣсь собраны напечатанныя въ 1909—1910 гг. въ «Вѣстн. Европы» и «Военномъ Сборникѣ» статьи покойнаго лѣтописца русско-японской морской войны. Книжка вышла очень кстати, ко дню открытія памятника Макарову въ Кронштадтѣ; но интересъ ея не злободневный, а гораздо прочнѣе. Записанныя Семеновымъ слова Макарова и сейчасъ такъ же умѣстны и свѣжи, какъ до войны, когда этотъ покойный дѣятель училъ, предостерегалъ и напоминалъ. «Знаете, какъ по нынѣшнимъ временамъ толкуютъ слова присяги? Какъ

требованіе «за совѣсть», т. е. по убѣжденію, насквозь проникнуться однимъ только страхомъ!..» «Пассивное повиновеніе — это почти тоже, что пассивное сопротивленіе», — говаривалъ Макаровъ. «За время службы къ рукамъ адмирала не прилипло ни единой казенной копейки». «Конечно, это вовсе не заслуга,—прибавляетъ Семеновъ,—съ точки зрѣнія древнихъ римлянъ». Семеновъ напоминаетъ, что Макаровъ былъ піонеромъ русскаго минного флота, въ 1877 г., въ лейтенантскомъ чинѣ, и смѣлыми крейсерскими дѣйствіями быстро обратилъ на себя вниманіе; но его «акціи упали», когда онъ заявилъ, что «цѣль крейсерства — навести панику, прекратить движеніе, а не истреблять частную собственность».

Г. М. Барацъ. Происхожденіе лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси. Кіевъ, 1913 г.

Текстъ того знаменитаго мѣста лѣтописи, гдѣ говорится о началѣ Руси и о призваніи варяговъ, положившій начало до сихъ поръ нерѣшеннымъ спорамъ между представителями норманской, балтійско-славянской и другихъ теорій происхожденія Руси, давно вызывалъ сомнѣнія (Н. И. Ламбинъ, Д. И. Иловайскій, въ послѣднее время А. А. Шахматовъ); въ немъ усматриваются признаки вольной или невольной ошибки какого-нибудь писца или редактора. Г. Барацъ выдвинулъ новую гипотезу. По его мнѣнію, первоначальная редакція сказанія говорила лишь, что новгородцы и ихъ союзники, свергшіе варяжское иго, отправили посольство къ полякамъ съ просьбою о присылкѣ имъ князя, и что послѣ вокняженія въ Новгородѣ южно-русса Рюрика съ братьями, новгородцы стали называться общимъ съ полянами политическимъ именемъ «руси»; легенда же о призваніи заморскихъ варяговъ-скандинавовъ возникла вслѣдствіе вставки въ заканчивающій космографическое введеніе къ лѣтописи перечень европейскихъ народовъ слова «варязи», заимствованнаго изъ одного еврейскаго источника, книги «Яшаръ», небезъизвѣстной въ древней русской письменности и вообще повліявшей на лѣтописное сказаніе. При этомъ авторъ даетъ свою весьма остроумную реконструкцію лѣтописнаго текста, въ которомъ, какъ извѣстно, многое необъяснимо безъ перестановокъ и выясненія интерполяцій. Безконечный споръ о происхожденіи Руси и о призваніи князей имѣетъ исключительно философскій смыслъ, для исторіи же русской государственности и культуры онъ въ сущности безразличенъ въ виду полнаго отсутствія связи между національнымъ самосознаніемъ и какой бы то ни было легендарной традиціей. Торжество той или иной традиціи можетъ повести только къ оправданію научнаго метода, съ помощью котораго данная побѣда достигнута.

Н. Л.

Т. Лубенецъ. Педагогическія бесѣды, изд. Луковникова. Цѣна 1 р. 75 коп. 1913 г.

Педагогическія бесѣды написаны учителемъ-практикомъ, много лѣтъ работавшимъ въ сельской и средней школѣ.

Отличительной чертой книги является любовь автора къ дѣтямъ. Авторъ высказывается противъ физическаго и нравственнаго воздѣйствія на дѣтей, противъ всякаго наказанія. Онъ говоритъ: «Руководящій принципъ нашихъ школьныхъ правилъ состоитъ въ слѣдующемъ: на все, что бы ни сдѣлалъ ребенокъ, надо отвѣтить ему противоположнымъ. Такъ лѣность наказывается принудительной работой, излишняя болтливость и неуживчивость—удаленіемъ отъ товарищей, высокомѣріе—униженіемъ, ложь—недовѣріемъ и т. д.; во всемъ проводится идея возмездія, а это закладываетъ озлобленіе въ дѣтскую душу не только по отношенію къ учителю, но и ко всѣмъ, съ кѣмъ приходится сталкиваться въ жизни. Другіе предлагаютъ другой способъ наказаній; дѣтямъ постоянно читаютъ наставленія, забывая, что знать правила нравственности — это одно, а быть нравственнымъ человѣкомъ—другое».

Авторъ стоитъ за отсутствіе наказаній и приводитъ примѣръ такихъ русскихъ сельскихъ школъ, въ которыхъ не было принужденія.

Въ книгѣ помѣщены статьи по методикѣ преподаванія въ начальной школѣ, въ которыхъ авторъ даетъ общія указанія, провѣренныя долголѣтнимъ опытомъ и проводитъ въ нихъ новѣйшія педагогическія идеи. Книга написана очень популярно и будетъ понятна и мало-интеллигентному учителю. Можно замѣтить только, что въ книгѣ много высокихъ словъ.

А. Т.

Н. П. Огановскій. Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ. Москва, 1913 г.

Это изданіе московскаго комитета грамотности заключаетъ въ себѣ краткое популярное изложеніе развитія поземельныхъ отношеній и крѣпостного права въ Россіи,

исторіи надѣленія помѣщичьихъ крестьянъ землей и выкупной операціи, непосредственныхъ результатовъ въ земельномъ и платежномъ отношеніяхъ введенія положеній о крестьянахъ, хозяйственной эволюціи крестьянства послѣ реформы и новѣйшихъ аграрныхъ мѣропріятій правительства. Все это изложено простымъ, яснымъ языкомъ, и хотя книжка (удостоенная преміи московскаго общества грамотности) назначена для малообразованныхъ классовъ, но она можетъ служить для первоначальнаго ознакомленія съ крестьянскимъ вопросомъ и болѣе культурнаго читателя.

В. В.

П. Я.—П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). Стихотворенія. Т. I, изд. 7-ое и т. II, изд. 5-ое. Спб. 1913 г.

Рѣдко кому удается получить извѣстность подъ иниціалами. Для этого нуженъ либо огромный талантъ и оригинальная самобытность, либо неизсякаемая, заражающая искренность чувства и непрекращающееся единство настроенія. Послѣдними качествами въ высокой степени обладалъ Якубовичъ, какъ общественный дѣятель, писатель и поэтъ. Его извѣстности не мѣшали иниціалы и смѣна псевдонимовъ; его всегда узнавали, онъ былъ всегда тотъ же: неукротимый, страстный боецъ, нѣжный, любящій человѣчество поэтъ; борьба не мѣшала ему быть поэтомъ, пѣсни—быть борцомъ. Въ послѣднемъ, по времени, стихотвореніи Якубовичъ говоритъ о томъ, что однажды на мигъ явился передъ нимъ плѣнительный призракъ свободы «и въ сумракѣ скрылся, какъ сказка».

Но въ сердцѣ сверкающій слѣдъ,
Сочащійся кровью, хранится:
Слѣпцу ли, узрѣвшему свѣтъ,
Съ царящею тьмой примириться?

Этотъ «сверкающій слѣдъ» въ сердцѣ поэта выдѣлилъ его изъ ряда другихъ, придалъ ему незабываемую оригинальность, сдѣлалъ его любимымъ въ широкихъ кругахъ русскаго общества. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, у него сходство съ старшимъ его современникомъ, давно умершимъ, но и понынѣ любимымъ молодежью—Надсономъ. Какъ и Надсонъ, онъ обращается къ молодежи, взываетъ къ гражданскимъ ея чувствамъ, отрекается отъ такъ называемаго «чистаго» искусства.

Я пою для тѣхъ, чьи души юны,
Кто болѣлъ, какъ за себя, за брата.
Музой былъ мнѣ сумракъ каземата,
Цѣпь съ веревкой—лиры были струны.
Вамъ—заботы объ искусствѣ дорогомъ,
Вамъ, пѣвцы любви и ликованья!
Я пою великія страданья
Поколѣнья, проклятаго Богомъ.

Якубовичъ жилъ и дѣйствовалъ въ тяжелые дни русской общественности, въ дни «слезъ и гнѣва, скорби лютой и страха», когда были «погашены огни»; онъ звалъ на борьбу сильныхъ, но не очерствѣло въ борьбѣ его сердце и трогательнымъ аккордомъ звучала въ немъ и молитва за слабыхъ.

Въ эти дни, когда такъ много
Соблазнившихся о ней,—
Правдѣ вѣчной, правдѣ Бога,—
Я одинъ въ тиши ночей
Съ кроткимъ сердцемъ, съ тихимъ плачемъ
Повергаюсь передъ Нимъ.

И поэтъ молится о томъ,

Чтобы ради слабыхъ духомъ
Сократились эти дни.

Какъ современна эта молитва, написанная въ серединѣ 80-хъ годовъ!

Небокопы. Петербургскій глашатай. Ив. В. Игнатьевъ. Спб., 1913 г.

Эго-футуристскій «Петербургскій Глашатай», выпустилъ въ свѣтъ уже нѣсколько «Эдицій», среди которыхъ замѣчена была въ свое время — по заглавію — «Засахаре Кры». Теперь вышли «Небокопы». Сборникъ открывается произведеніями Василиска Гнѣдова, который «владѣетъ 80000000001 квадратныхъ словъ» и пишетъ ихъ въ «1915 г., 2549 г., 1999 г. и т. д. по Р. Хр.». Во «2-мъ году послѣ Смерти» имъ написанъ «Птиькомпь» въ семи строкахъ:

Молоко слащькомъ
удалекойпращикомъ
уйъмано
футурошноьсвайрено
помазалисердызоь
сладоснослащо
молокосо.

Это на первой страницѣ сборника. На послѣдней помѣщенъ портретъ Василиска Гнѣдова—голый торсъ—и приведено украинское его стихотвореніе:

Гриба будик цири чіпіг—
Здвіна на хам дяки,
Коли за гичь будин цікавче...

Что стихи эти украинскіе, можно догадаться только потому, что это утверждаетъ самъ авторъ.

Всѣ другія произведенія, помѣщенныя въ сборникѣ, такъ же мало доступны читателю, какъ и приведенныя нами. Лишь иногда въ нихъ можно уловить нѣкій смыслъ. Авторъ даетъ совѣтъ товарищамъ новой «поэзной школы»:

чешитеколомголову
верстуноситеблюдами
Стапетеверблюдами...

И въ другомъ еще мѣстѣ улавливается смысль одного стиха:

Нассчитаютъдураками.

Кромѣ поэтическихъ произведеній, написанныхъ на эго-футуристскомъ языкѣ, въ сборникѣ — на обложкѣ и въ серединѣ его—имѣются полемическія и другія статьи въ защиту новой «поэзной школы». Статьи эти написаны по-русски, но, пожалуй, лучше было бы, если бы онѣ скрыли свое содержаніе въ футуристскомъ шифрѣ.

Это все, что можно сказать о новомъ сборникѣ русскихъ футуристовъ. Зародившись подъ вліяніемъ итальянскаго футуризма, какъ протестъ противъ рутины и академизма,—протестъ самъ по себѣ не имѣющій достаточныхъ основаній въ русской литературной дѣйствительности, но психологически вполнѣ понятный и возможный, — русскій футуризмъ сразу же расплылся въ морѣ дѣтскихъ излишествъ и вздорнаго звукосочинительства. Говорить серьезно объ авторахъ, предлагающихъ «чесать голову коломъ», какъ о поэтахъ, новаторахъ и протестантахъ, совершенно невозможно. Въ «Небокопахъ» даже для юмориста мало матеріала.

Les Annales des Nationalités. Bulletin de l'Union des Nationalités. № 5—6. Paris, 1913

Соединенные въ одной книжкѣ пятый и шестой выпуски организованнаго въ Парижѣ Союза Національностей почти всецѣло посвящены литовцамъ и латышамъ. Въ небольшихъ, компактныхъ статьяхъ, написанныхъ литовскими и латышскими авторами, дана исторія, современность и надежды на будущее литовскаго и латышскаго народовъ. Это—превосходный матеріалъ для первоначальнаго, общаго ознакомленія съ положеніемъ литовско-латышскаго національнаго возрожденія. И общая картина складывается не изъ суммированныхъ сужденій, а изъ фактическихъ данныхъ, умѣло собранныхъ, искусно сгруппированныхъ и хорошо обработанныхъ. И рядъ такихъ книгъ, посвященныхъ русскимъ, такъ называемымъ недержавнымъ народностямъ, былъ бы чрезвычайно полезенъ не только во французскомъ изданіи, которое обращено къ Европѣ, но и въ русскомъ. У насъ такъ мало знаютъ о національномъ вопросѣ и такъ мало съ нимъ считаются. Незнаніе влечетъ игнорированіе, иногда даже отрицаніе, а между тѣмъ національный вопросъ въ Россіи грозитъ послѣдствіями, значеніе которыхъ преувеличить трудно. Русскимъ политическимъ дѣятелямъ можно, поэтому, настойчиво рекомендовать бюллетени парижскаго Союза Національностей: литовско-латышскій ихъ выпускъ—не первый, посвященный національному вопросу въ Россіи, и, надо думать — не послѣдній.

Extraits fac-similés de certaines lettres trouvées dans le courrier du 19-me régiment de la VII-me division grecque, saisi par les troupes bulgares dans la region de Razlog. Sofia, 1913.

Въ свое время по всей Европѣ сильное общественное негодованіе вызвали такъ называемыя «Гуннскія» письма нѣмецкихъ солдатъ, дѣйствовавшихъ въ Китаѣ. А между тѣмъ гуннскія письма по своему содержанію были куда «слабѣе» современныхъ намъ греческихъ писемъ, опубликованныхъ въ Софіи. Тамъ для малоразвитого ума было хоть призрачное оправданіе, состоящее въ томъ, что вопросъ шелъ объ иной расѣ, о «пизшихъ», какихъ то желтыхъ людяхъ. Здѣсь и этого призрачнаго покрова нѣтъ. Вчерашніе союзники и друзья сегодня насильники, поджигатели, убійцы. «Во всѣхъ окрестностяхъ, занятыхъ нами, не осталось ни одного болгарина. Они бѣжали въ Болгарію; тѣхъ же, которые остались, мы убили. Деревни мы сожгли», — пишетъ греческій солдатъ Зисисъ Кутумасъ своему отцу Николаю Кутумасу. И эти слова, какъ неизбѣжный рефренъ въ пѣснѣ, повторяются во всѣхъ письмахъ: «Убили, сожгли, не осталось ни одного, ни мужчины, ни женщины, ни ребенка». Страшные человѣческіе документы, говорящіе о томъ, какъ много еще звѣря спитъ въ человѣкѣ, какъ легко его разбудить! И да послужатъ эти документы дѣлу мира, ставъ грозными призраками передъ очами людей, рѣшающихся проповѣдывать войну и насиліе.

М. Сл.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

А. Б. Записки помощника присяжнаго повѣреннаго. (Мысли и факты). Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Адлеръ, Августъ. Новая теорія земледѣлія, основанная на удобреніи воздуха. Москва, 1913 г. Цѣна 10 к.

Ан—скій, С. А. Сочиненія. Т. V. Со стороны. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ауэрбахъ, Ф. Основныя понятія современнаго естествознанія. Перев. А. Н. Дьяковъ подъ ред. Н. А. Розанова. Москва, 1913 г. Цѣна 80 коп.

Бергсонъ, Анри. Собраніе сочиненій. Т. I. Творческая эволюція, Спб., Цѣна 2 руб.

Буассье, Гастонъ. Картины римской жизни временъ цезарей. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вальдесъ, Армандо Паласіо. Сестра Санъ-Сульписіо. Романъ. Пер. съ исп. М. М. Карминъ-Читау. Подъ ред. М. В. Ватсонъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Венгеровъ, С. А. Собраніе сочиненій. Т. II. Писатель-гражданинъ — Гоголь. Спб.. 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 к.

Винклеръ, Гуго. Вавилонская культура. Пер. А. И. Певвнера подъ ред. Н. М. Никольскаго. Москва, 1913 г. Цѣна 80 коп.

Гаринъ, Сергѣй. Т. II. Разсказы. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Гильоменъ. Исповѣдь простого человѣка. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Гошперцъ, Теодоръ. Греческіе мыслители. Пер. съ нѣм. Д. Жуковскаго. Т. II. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Гнѣдичъ, П. П. Сочиненія. Т. V. Волченокъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Ефимовъ, И. И. «Русь — Новый Израиль». Теократическая идеологія своеземнаго православія въ до-петровской письменности. Казань, 1912 г.

Игнатовъ, С. С. Э. Т. А. Гофманъ. Личность и творчество. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Игнатьевъ, Ив. В. Небокопы. Спб., 1913 г.

Козловскій, Н. Нѣчто о древнихъ языкахъ. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 20 коп.

Кокоринъ, Павелъ. Музыка риѳмъ. Поэзопьесы. Четвертый сборникъ. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Красевъ, А. Литературная дѣятельность русскихъ патріарховъ. Москва, 1910 г.

Кронфельдъ, А. Психологическая механика. Москва, 1913 г. Цѣна 85 коп.

Ломакинъ, А. А. Статистическое обслѣдованіе товарообмѣна между Россіей и Германіею. Спб., 1913 г.

Лондонъ, Джекъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ XIV. Москва. 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Лондонъ, Джэкъ. Собраніе сочиненій. Т. XV. Мои скитанія. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Мартыновъ, В. Памяти 300-лѣтія. Ялта, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Милаевичъ, М. Г. Равновѣсіе на Балканахъ. Пер. съ сербскаго. Спб., 1913 г. Цѣна 10 коп.

Петровичъ, П. Состояніе хлопковыхъ плантацій въ Закавказьѣ ко второй половинѣ іюня 1913 г. Тифлисъ, 1913 г.

Понятовскій, С. Опытъ изученія хлопководства въ Туркестанѣ и Закаспійской области. Спб., 1913 г.

Русовъ, Н. Н. Повѣсти. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Саловъ, И. А. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Разбитая жизнь. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Свѣтловъ, В. Я. Сочиненія. Т. III.

Звенья цѣпи. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Семеновъ, Вл. Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Соломинъ, Сергѣй. Разрушеные терема. Спб. 1913 г. Цѣна 1 р.

Теплицкій, Л. Д. Ненужныя. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Москва, 1913 г.

Терновскій, В. С. Въ снѣгахъ. Часть II. Спб. Цѣна 40 к.

— Лѣсныя пѣсни. Бузулукъ, 1912 г. Цѣна 50 коп.

— У стѣнъ Акатуя. Бузулукъ, 1912 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Флоберъ, Г. Полное собраніе сочиненій. Томъ II. Саламбо. Романъ. Пер. Н. М. Минскаго. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Авторы всѣхъ странъ. № 1 и 2. Ред. Зин. Львовской. Спб., 1913 г. Цѣна №-ра 50 коп.

Матеріалы по пересмотру торговаго договора съ Германіей. Вып. X. Голландія. Вып. XII. Италія. Спб., 1913 г.

Московскій городской Домъ Трудолюбія и Работный Домъ въ его прошломъ и настоящемъ. Москва. 1913 г.

Несчастные случаи въ Бакинской нефтяной промышленности (1907—1910 гг.). Баку, 1913 г. Цѣна 3 руб.

Областный комитетъ по пересмотру русско-германскаго торговаго договора (при Харьковскомъ об-вѣ сельск. хоз.). Вып. II. Первый съѣздъ областного комитета. Журналы и доклады. Подъ ред. проф. М. Н. Соболева. Харьковъ, 1913 г.

Отчетъ образованнаго подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Өеодоровны комитета для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Семирѣченской области 22 декабря 1910 г. Спб., 1913 г.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XLIII. Тифлисъ, 1913 г.

Финансовый отчетъ по казенной винной операціи за 1912 годъ. Спб., 1913 г.

Экономическо-статистическій сборникъ Московской уѣздной земской управы. Вып. VII. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Kobatsch, Rudolf. La politique économique international. Paris, 1913. Prix 12 fr.

Extraits fas-similés de certaines lettres trouvées dans le courrier du 19-me régiment de la VII-me division greeque, saisi par les troupes bulgares dans la region de Razlog. Sofia, 1913.

ПОПРАВКА.

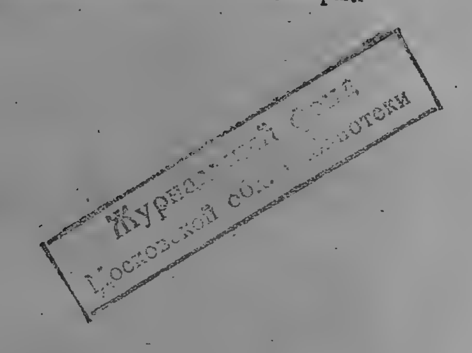
Въ августовской книжкѣ, въ рецензіи В. В. (стр. 370 и 371) книги «Русскіе крестьяне и осѣдлые инородцы Якутской области» имя автора ошибочно напечатано *Майковъ*; надо читать—*Майновъ*

Отъ комитета юбилейнаго чествованія «Русскихъ Вѣдомостей».

Группа представителей московскихъ литературныхъ, просвѣтительныхъ, ученыхъ и другихъ общественныхъ организацій, объединенная въ комитетъ юбилейнаго чествованія «Русскихъ Вѣдомостей», рѣшила ознаменовать это общественное торжество учрежденіемъ вспомогательнаго фонда для литераторовъ и журналистовъ присвоивъ ему наименованіе «Капитала имени Русскихъ Вѣдомостей». Доходъ съ этого капитала будетъ обращенъ на выдачу ссудъ и пособій литераторамъ и журналистамъ, нуждающимся въ лѣченіи, отдыхѣ и въ расширеніи своихъ общихъ и спеціальныхъ знаній. Одинъ изъ лучшихъ способовъ удовлетворенія этихъ потребностей—поѣздки и путешествія—недоступенъ для громаднаго большинства русскихъ работниковъ печати. При существованіи ряда спеціальныхъ капиталовъ и организацій общественной и взаимной помощи нуждающимся литераторамъ и журналистамъ, этотъ видъ матеріальнаго содѣйствія въ Россіи еще не примѣнялся. Полагая поэтому, что созданіе такого рода помощи литераторамъ и журналистамъ явилось бы достойной формой ознаменованія юбилея «Русскихъ Вѣдомостей», Комитетъ приступилъ къ сбору средствъ. Управленіе этимъ капиталомъ предполагается предоставить одному изъ литературныхъ Обществъ. Считая необходимымъ одновременно отмѣтить въ благодарной памяти русскаго общества полустолѣтній трудъ типографскихъ рабочихъ «Русскихъ Вѣдомостей», Комитетъ рѣшилъ часть собранныхъ средствъ употребить на учрежденіе одной или нѣсколькихъ стипендій, въ зависимости отъ суммы сбора, для дѣтей типографскихъ рабочихъ газетнаго дѣла, учащихся въ средней или высшей школѣ, присвоивъ этому капиталу наименованіе стипендіи имени «Русскихъ Вѣдомостей».

Лица, желающія принять участіе въ этомъ дѣлѣ, благоволятъ вносить свои пожертвованія: въ Москвѣ: 1) въ кассу Литературно-Художественнаго кружка (Б. Дмитровка, д. Востряковыхъ), 2) въ контору журнала «Вѣстникъ Воспитанія» (Староконюшенный пер., д. 32), 3) въ московское отдѣленіе конторы журнала «Русская Мысль» (Староконюшенный пер.); въ Петербургѣ: 1) въ контору журнала «Русская Мысль», 2) въ контору журнала «Вѣстникъ Европы», 3) въ контору газетъ «Рѣчь» и «Современное Слово». Иногороднихъ просятъ направлять пожертвованія простыми почтовыми переводами на имя присяжнаго повѣреннаго Бориса Семеновича Шполянскаго (Москва, Кудринская площадь, д. 1, кв. 22).

Празднованіе юбилея «Русск. Вѣд.» назначено на 6-е октября.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

